

ОРЛОВСКИЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ
МУЗЕЙ И.С. ТУРГЕНЕВА

ТУРГЕНЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО В ОРЛЕ

ТУРГЕНЕВСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

2021

ОРЛОВСКИЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ
И.С. ТУРГЕНЕВА

ТУРГЕНЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО В ОРЛЕ

ТУРГЕНЕВСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК
2021

Орел – 2022

ББК 53.3 Р
Т 87

Т 87 **Тургеневский ежегодник 2021 года.** Сост. и ред.
Л.В. Дмитриухина, Л.А. Балыкова. – Орёл: Картуш,
2022. – 624 с., илл.
ISBN 978-5-9708-1016-3

Составители и редакторы
Л.В. Дмитриухина, Л.А. Балыкова.
Компьютерный набор
Е.М. Шинкова

Фото на обложке:

Передняя страница: Художник А.М. Ратников. И.С. Тургенев
и Н.А. Некрасов в Спасском-Лутовинове.
Задняя страница: Фольклорные коллективы «Калиновый садок»
и «Взойди, солнце» в Тургеневском Полесье.

ISBN 978-5-9708-1016-3

© БУКОО «Орловский объединённый
государственный литературный
музей И.С. Тургенева», 2022
© Издательство «Картуш», 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Л.В. Дмитриухина.</i> Музейный калейдоскоп	5
---	---

I

Великая реформа и реформаторы в контексте идейных и художественных исканий И.С. Тургенева

<i>В. М. Головки.</i> От реформизма к философии «постепеновства снизу»: эволюция идей социального эволюционизма И. С. Тургенева, художника и мыслителя	11
<i>О. В. Горчанина, Е. Г. Петраш.</i> Крепостное право и крестьянская реформа 1861 года глазами французов	37
<i>Е. Н. Ашихмина.</i> Владельцы дворянских гнезд в преддверии крестьянской реформы (по материалам «Запискок охотника» И. С. Тургенева)	49
<i>Е. Г. Мельник.</i> Почему И. С. Тургенев и В. В. Апраксин не встретились жарким летом 1861 года	64
<i>И. Б. Томан.</i> Переводчик И. С. Тургенева Фридрих Боденштедт: сонет об Александре Освободителе	74
<i>Т. Е. Коробкина.</i> Люди великой реформы: И. С. Тургенев и Н. И. Пирогов	87
<i>А. М. Польшинкин.</i> Автор воспоминаний о Тургеневе Ардалион Замятин: судьба земского учителя, членов его семьи и Тургеневского музея в селе Топки	101

II

Научные исследования и сообщения

<i>В. А. Лукина.</i> Два неизвестных письма С. Н. Тургенева к А. И. Тургеневу (1831) в архиве братьев Тургеневых в Пушкинском Доме	119
<i>Н. Г. Жекулин.</i> «Сейчас видно, что в свое время сильный был латинист!»: Тургенев и мир античной классики. <i>Перевод с английского</i>	129
<i>Т. М. Кривиной.</i>	129
<i>С. Д. Симеонова.</i> К вопросу о прототипах Инсарова в романе «Накануне»	177
<i>И. О. Волков.</i> «Я вижу трагическую судьбу племени, великую общественную драму»: И. С. Тургенев и социально-этическая проблематика романа Н. Готорна «Дом о семи фронтонах»	184
<i>С. А. Ипатова.</i> Первый юбилей Тургенева в идеологических парадигмах: Речь Н. В. Чайковского о писателе (1918)	196
<i>Е. В. Алехина.</i> Память об И. С. Тургеневе в Орловской губернии (по страницам «Орловских епархиальных ведомостей»)	211
<i>Б. Н. Голубицкий.</i> На краю чужого гнезда... (Неюбилейные мысли о театре Тургенева)	220
<i>Н. А. Макурина.</i> Образ В. Г. Белинского в лирике Н. А. Некрасова и романах Ф. М. Достоевского	231

Е. Г. Аркатова. К истории работы И. А. Бунина над рассказом «Песня о гоце»	249
Е. Н. Коханова. Леонид Андреев в Московском университете	259
Н. К. Деулина. Леонид Андреев. «Скитания по Европам»	267
Г. Н. Павлова. Борис Зайцев и Елена Репман	277
В. Г. Ветрова. Проза М. М. Пришвина: взгляд из Парижа (о рецензиях Н. Н. Кнорринга 1920–1930-х годов)	286

III

Наши публикации

Письма В.Н. Муромцевой-Буниной к брату Д.Н. Муромцеву. 1907–1936 гг. (Из коллекции Орловского объединённого государственного литературного музея И.С. Тургенева). Публикация, вступительная статья и комментарии Е.М. Шинковой ..	301
Валентин Андреев в письмах к родным. Публикация, вступительная статья и комментарии Л.Н. Кен	454
Письма Леонида Андреева к В. В. Вересаеву (1901–1916 гг.). Публикация, вступительная статья и комментарии А.П. Руднева	485
Мария Самойловна Давыдова: Вспоминая Леонида Андреева. Публикация, вступительная заметка Т.В. Полушиной	520

IV

Из собрания ОГЛИМТ

Л. М. Маричева. Экспонаты рассказывают. Вокруг бюста Пушкина	531
С. И. Труфанова. Протопресвитер военного и морского духовенства А. А. Желобовский из ближнего круга Н. С. Лескова	539
И. В. Самарина. Мятеежники за партами. Забастовка в Орловской мужской гимназии 1905 года	545

V

Из истории музея: годы, люди, судьбы

В. Г. Ветрова. Профессор Н. Н. Фатов об Орле и орловцах (по фондовым материалам ОГЛИМТ)	573
Л. В. Миндыбаева. Тургеневская комната в оккупированном Орле	589

VI

Творчество друзей музея

И.С. Тургенев. «Ода Полине Виардо». Перевод Н. Смоголь	609
А. Бушунов. На приход весны (По мотивам ронда Шарля Орлеанского)	610
С. Тишина. Моя тургеневская Русь	611
Миша Анохин. Любовь хвостатых	614

Л.В. Дмитриухина

МУЗЕЙНЫЙ КАЛЕЙДОСКОП

Год 2021 оказался не менее сложным, чем его предшественник — 2020-й. Новые волны ковида, новые ограничения влекли за собою переносы, а то и отмену плановых мероприятий. А планы были очень насыщенные, тем более, что на 2021 год выпадали три юбилейные даты: 145 лет Б. К. Зайцеву, 150 лет Л. Н. Андрееву и 190 лет Н. С. Лескову. Да и народ соскучился по музею, устав наблюдать за нашей работой в Интернете, оценивая короткие информации-посты, снятые и размещенные в соцсетях музейные мероприятия.

Традиционно год открыли тургеневские именины. Иван Сергеевич принимал дары от своих поклонников и друзей музея. В числе подарков была фигурка очаровательной собаки, изготовленной резчиком по дереву из Мценска А. В. Голубевым. Сейчас она встречает посетителей в вестибюле музея.

Среди юбилейных дат 2021 года значится 200-летие со дня рождения Полины Виардо-Гарсия, мимо которого музей И. С. Тургенева пройти не мог. С января по июль ежемесячно гости собирались «В салоне г-жи Виардо» (когда виртуально, а если позволяла эпидобстановка, то в зале музея) и погружались в атмосферу музыки, театра, живописи XIX века. Эти «салоны» стали возможны благодаря поддержке наших друзей-вокалистов — Н. В. Булгаковой, И. Баланова, А. Поздеева, студентов Орловского музыкального колледжа, концертмейстеров Л. Хромых и Ю. Перелыгиной.

«Детство в семье музыкантов», «Канцона Ференцу Листу», «Триумфы Виардо в России», «Мильфлер в гостях у Виардо», встреча (онлайн) с канадским тургеневедом Н. Жекулиным на тему «Оперетта Тургенева — Виардо «Последний

колдун»: Поиски и гипотезы» — вот темы некоторых встреч в Салоне.

В день рождения певицы 18 августа состоялась премьера спектакля «Я шёл среди высоких гор» (автор и режиссер Р. Рахманов, исполнители А. Бабенкова и А. Бушунов), в садике возле музея была открыта скульптура П. Виардо (автор А. Поздеев).

Завершилась программа торжеств по поводу 200-летия Виардо 29 июля большим гала концертом «Юбилейная гастроль г-жи Виардо».

В июне по традиции (частично онлайн) прошли XXVIII Тургеневские чтения «Великая реформа и реформаторы в контексте идейных и художественных исканий И. С. Тургенева», на которых выступили исследователи из С.-Петербурга, Перми, Москвы, Ставрополя, Томска, Бельгии (г. Монс) и конечно из Орла и Орловской области.

210-летие со дня рождения В. Г. Белинского в рамках чтений было отмечено выставкой книг Белинского в составе мемориальной библиотеки И. С. Тургенева. Выставку блестяще представила научный сотрудник музея, кандидат филологических наук Л. А. Балыкова.

Полюбилась посетителям музея пешеходная экскурсия «Дворянские гнёзда вокруг Тургенева».

В лектории можно было полюбоваться красотой старинных гобеленов на выставке «Живое наследие Франции. Французские гобелены в России», которая приезжала в Орел благодаря усилиям Е. Г. Мельник и искусствоведа из Москвы И. А. Алексиной. Она же (в онлайн формате) познакомила нас с историей европейского фарфора.

И хотя пандемия в очередной раз не позволила состояться традиционному Тургеневскому празднику, 3 сентября мы почтили память великого писателя, а 9 ноября возложили цветы к мемориальной доске на месте его рождения.

На юбилей Н. А. Некрасова музей откликнулся двумя выставками. В январе мы приняли передвижную выставку «Некрасов. Три реки» из Музея-заповедника Н. А. Некрасова «Карабиха». А в октябре в лектории была открыта выставка

«Я лиру посвятил народу своему» с участием Музея «Орловское Полесье» и детской студии при Художественной галерее «АртДонбасс» (Донецк).

В рамках празднования 145-летия со дня рождения Б. К. Зайцева в Музее писателей-орловцев была открыта юбилейная выставка «Последний представитель русского Ренессанса» (куратор И. В. Самарина) и проведен Международный телемост, в котором приняли участие внуки писателя Михаил и Пётр Соллогубы и правнучка Мария.

В музее И. А. Бунина состоялась литературно-музыкальная композиция «Дружба длиною в жизнь. И. А. Бунин и Б. К. Зайцев» для зрителей Орла, Парижа, Москвы, Санкт-Петербурга (в ZOOM-формате).

В 190-летие Н. С. Лескова прошёл литературно-музыкальный вечер «Превосходный знаток русской жизни», подготовленный сотрудниками Дома-музея Н. С. Лескова.

В Центре культуры и досуга Кромского района открыта и экспонировалась передвижная выставка «Волшебник слова Н. С. Лесков».

Проведены мероприятия, посвященные Лескову для библиотеки № 3 им. В. Гордейчева (Воронеж) и Библиотеки-читальни им. И. С. Тургенева г. Москвы (в системе ZOOM).

Празднование 150-летия со дня рождения Леонида Андреева было отмечено открытием выставок, проведением праздников и вечеров, конкурсов, флешмобами и другими мероприятиями.

На выставке «Дни нашей жизни» можно было увидеть уникальные предметы андреевского фонда, не вошедшие в стационарную экспозицию. Как всегда украшением выставки стали автохромы писателя (распечатки из собрания Русского архива в Лидсе).

Непосредственно в день рождения Андреева, 21 августа возле музея на Пушкарной улице состоялся большой праздник «Я жил в городе, в котором была природа», подготовленный сотрудниками музея совместно с Областным Центром народного творчества. Праздник получился ярким, красочным, весёлым; звучали андреевские строки, городские романсы и народные песни.

Для студентов Орловского института культуры проведена литературная композиция «Какая талантливая натура...» о многообразии талантов писателя Леонида Андреева.

И конечно, прошли Международные научные конференции, подготовленные музеем совместно с кафедрами литературы Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева: и Андреевская, и Лесковская. Конечно, в онлайн формате. На конференциях выступили исследователи из разных регионов России, из Японии, Китая, Ирака, Молдовы.

Не пустовал в этом году и наш выставочный зал. Сотрудники экспозиционно-выставочного отдела (А. Т. Молозев, Г. Н. Павлова, Е. А. Кузнецова, Л. А. Грекова) старались разнообразить тематику и экспозиционное наполнение выставок.

«Поэты-дипломаты» — выставка из Государственного мемориального историко-литературного музея-заповедника Ф. И. Тютчева «Овстуг», «Русская Гофманиана» — из Воронежского литературного музея им. И. С. Никитина, живописные работы И. М. Митрофанова из собрания нашего музея дополнились экспонатами ФГБУК «Всероссийский историко-этнографический музей» г. Торжка.

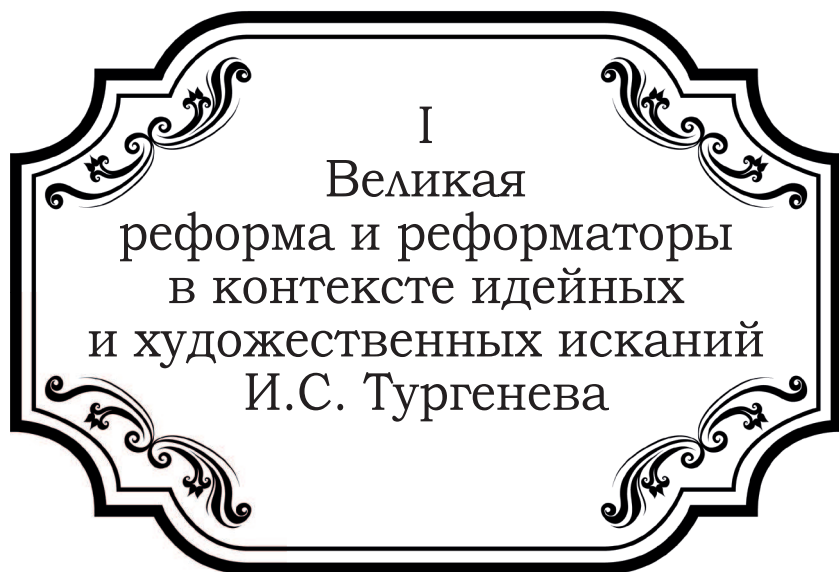
Большой успех имела персональная выставка орловского художника В. В. Лукьянчикова, его акварели впервые увидели орловские зрители.

Музейный калейдоскоп был расцвечен интересной работой сотрудников Музея И. А. Бунина, Дома Т. Н. Грановского, Музея писателей-орловцев.

И как всегда, на страже сохранности музейных коллекций были сотрудники отдела фондов. Они не только хранили, описывали, выдавали на выставки, но отвечали на многочисленные запросы исследователей, пополняли Госкаталог, в Интернете размещали виртуальные выставки и коллекционные описи.

Работой в Интернете руководили молодые сотрудники отдела по связям с общественностью и организации массовых мероприятий.

Что год грядущий нам готовит?

I
Великая
реформа и реформаторы
в контексте идейных
и художественных исканий
И.С. Тургенева

В. М. Головки
Ставрополь

**ОТ РЕФОРМИЗМА К ФИЛОСОФИИ
«ПОСТЕПЕНОВСТВА СНИЗУ»:
ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕЙ СОЦИАЛЬНОГО
ЭВОЛЮЦИОНИЗМА И. С. ТУРГЕНЕВА,
ХУДОЖНИКА И МЫСЛИТЕЛЯ**

Философско-социологические и художественные концепции И. С. Тургенева, касающиеся проблем эволюционного развития общества, их преемственное восприятие в публицистике и литературе последующего времени представляют собою объект исследования, актуальный и особо привлекательный для современной гуманитарной науки. Динамика теории эволюционизма XIX — начала XXI века фиксируется на уровне как философских, так и эстетических идей. Социальная прогностика мыслителей этого направления XIX столетия в историко-функциональном аспекте может восприниматься сегодня как продуктивная идея переустройства России, дискредитированная в своё время хранителями «наследства» шестидесятников, некоторыми представителями революционного народничества, марксистскими теоретиками, а в условиях настоящего — отрицаемая представителями метаидеологии либерализма.

Известно, что И. С. Тургенев неоднократно называл себя «постепеновцем», а если и «либералом», то «либералом старого покроя», имея в виду причастность к «либеральному направлению» «сороковых годов»¹ (С., т. XV, с. 185, 58). В 1880-м

¹ Здесь и далее И. С. Тургенев цитируется по изданию: *Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 28 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР («Наука»), 1960–1968 с указанием в тексте: С. (Соч.), П. (Письма), тома (римск.) и страниц (арабск.).*

году в открытом письме редактору «Вестника Европы» писатель особо подчеркнул, что его «убеждения... не изменились ни на йоту в последние сорок лет», что он был и остаётся «принципиальным противником революций», «человеком, ожидающим реформ *только свыше*» (С., т. XV, с. 184–185. Выделено И. С. Тургеневым. — В. Г.). Однако напряжённая социальная жизнь и обострение идейных противоречий в России периода так называемой «второй революционной ситуации» 1879–1881 годов, во многом определяемой деятельностью народнической молодёжи, со всей неизбежностью корректировали общественные и исторические взгляды писателя. Уже в январе 1882 года, по словам идеолога революционного народничества П. Л. Лаврова, Тургенев признавался: «Прежде я верил в реформы сверху, но теперь в этом решительно разочаровался; я сам с радостью присоединился бы к движению молодёжи, если бы не был так стар и верил в возможность движения снизу»². Такое признание Тургенева было настолько важным и значимым, что П. Л. Лавров счёл необходимым в своих воспоминаниях указать на ещё одного участника его беседы с писателем и сказать о том, что он «выразил готовность засвидетельствовать в случае нужды... действительность» этих слов автора «Нови»³.

Когда Тургенева безоговорочно относят к лагерю либералов (что, кстати, противоречит мнению современников писателя, не отождествлявших его даже с лучшими представителями «русского либерализма», — например, того же П. Л. Лаврова или Г. А. Лопатина⁴) и не вникают в смысл того, какое содержание Тургенев вкладывал в понятие «либерал старого покроя», то в этом случае не дифференцируется довольно пёстрое «либеральное направление». Сам же писатель в «Речи на обеде в «Эрмитаже» 6/18 марта 1879 года», говоря о себе как о «человеке, принадлежащем эпохе 40-х годов», в собственном либерализме актуализировал идеи де-

² И. С. Тургенев в воспоминаниях современников: в 2 т. — Т. 1 — М.: Художественная литература, 1983. — С. 379.

³ Там же.

⁴ Там же. — С. 362–363, 388.

мократического просветительства: «...В наше, в моё молодое время... слово «либерал» означало протест против всего тёмного и притеснительного, означало уважение к науке и образованию, любовь к поэзии и художеству и наконец — пуще всего — означало любовь к народу, который, находясь ещё под гнётом крепостного бесправия, нуждался в деятельной помощи своих счастливых сынов» (С., т. XV, с. 58). На такую «деятельную помощь» со стороны либералов пореформенного времени Тургенев не рассчитывал, «доказывая для каждого» из числа «либеральной интеллигенции», что он «не способен ни к смелому делу, ни к риску, ни к жертве», что именно «поэтому невозможна организация» либералов «в политическую партию с определённую программу»⁵. Критика «русских либералов» осуществлялась Тургеневым с позиций демократического просветительства. На таких же позициях писатель находился и в начале 1860-х годов, когда полемизировал с Герценом о сущности «революции» и объяснял, что «революция в истинном и живом значении этого слова... существует *только* в меньшинстве образованного класса» (см.: П., т. V, с. 51–52, 49. Выделено И. С. Тургеневым. — В. Г.), и в пору создания «Нови», когда в самом эпиграфе к роману актуализировал идею «просвещения» (П., т. XI, с. 299). Историческое мировоззрение Тургенева как «мирного сторонника прогресса и свободы»⁶ можно идентифицировать в том случае, если иметь в виду не только историософию «западников» 1840-х годов, к числу которых причислял себя И. С. Тургенев, но и тех идеологов последующих эпох, которые воспринимали идею «*постепеновства снизу*» как социально-философскую традицию, развивая при этом основополагающие положения теории эволюционизма. Тургеневские представления о целях и содержании «скромной деятельности» «полезных людей», «народных слуг», «усердных тружеников» пореформенной поры, времени всеобщего «разложения и сложения» (П., т. X, с. 296) вполне разделяли,

⁵ Там же. — С. 362.

⁶ Там же. — Т. 2. — С. 163.

например, публицист журнала «Вестник Европы» Л. А. Полонский, один из крупных общественно-литературных деятелей «культурнического течения» в реформаторском народничестве Я. В. Абрамова и др.

Социально-философские интенции писателя непосредственно отражались в его творчестве. Так, концепция «постепеновства снизу» нашла своё художественное воплощение в романе «Новь» (1876), в определённой мере в повести «Пунин и Бабурин» (1874), в рассказе «Часы» (1876). Современники Тургенева, характеризуя позиции писателя 1870-х — начала 1880-х годов, «основную черту его взглядов на русские дела» усматривали в «скептицизме» «относительно чего бы то ни было действительно полезного для России, способного выйти от кого бы то ни было: от правительства, от либералов или революционеров»⁷. В условиях очевидного кризиса «хождения в народ» революционеров-семидесятников тургеньевская концепция «постепеновства снизу» наполнялась конкретным содержанием — утверждением исторической роли «скромной деятельности» «полезных людей», «народных слуг» (П., т. X, с. 295–296). Такая концепция основывалась на идее преемственных связей демократического просветительства 1840-х годов и социальных программ прогрессивной молодёжи нового исторического периода. «Времена переменились,— писал Тургенев А. П. Философовой в сентябре 1874 года; — теперь Базаровы не нужны. Для предстоящей общественной деятельности не нужно ни особенных талантов, ни даже особенного ума — ничего крупного, выдающегося, слишком индивидуального; нужно трудолюбие, терпение... нужно уметь смириться и не гнушаться мелкой и тёмной и даже низменной («в смысле простоты, бесхитростности». — В. Г.) работы» (П., т. X, с. 295).

Состояние общественной жизни России двух пореформенных десятилетий убеждало Тургенева в том, что «молодое поколение», воспринимая идеалы и развивая традиции «людей сороковых годов», «поступает согласно с высказы-

⁷ Там же.— Т. I.— С. 361.

ным» этим поколением «воззрением» и «продолжает начатое дело». И «надо докончить начатое,— убеждал он,— и докончить прямо, честно, по открытому пути» (С., т. XV, с. 59). В «Речи на обеде профессоров и литераторов 13/25 марта 1879 г.» писатель особо отмечал факт преемственности поколений «людей сороковых годов» и «современной молодёжи», к поколению которой принадлежали В. П. Воронцов, Л. Е. Оболенский, Я. В. Абрамов, С. Н. Южаков, братья А. С. и В. С. Пругавины и др. деятели легального, реформаторского народничества. «...Есть... область, в которой эти поколения, по крайней мере в большинстве, сходятся дружески... — подчёркивал Тургенев. — <...> есть стремления, есть надежды, которые им общи; есть, наконец, идеал не отдалённый и не туманный, а определённый, осуществимый и, может быть, близкий, в который они одинаково верят» (С., т. XV, с. 60). Существует, по мнению писателя, и «почва», на которой эти поколения «могли сойтись», оказывая «деятельную помощь» народу в условиях развития капитализма в России (С., т. XV, с. 61). На этой «почве» в романе «Новь» действует «постепенец снизу» Соломин.

Поскольку в тургеневском решении проблем «*постепенного развития... общественной жизни*» (С., т. XV, с. 60) актуализировался цивилизационный подход, то в художественном творчестве писатель стремился воплотить мысль о необходимости просветительской деятельности и «работе в народе», о «медленной и терпеливой» подготовке не только «постепенной реформы», но и чего-то «сильного и внезапного» (П., т. X, с. 331). Речь шла о возможности мирного, но кардинального изменения самого «строя жизни».

По воспоминаниям С. Н. Кривенко, автор «Нови» признавался, что деятели соломинского типа «ближе» к его «понятиям и представлениям» о движущих силах социокультурного прогресса России эпохи «всеобщего переворота». «...Я убеждён,— говорил Тургенев,— что такие люди сменяют теперешних деятелей (имелись в виду «вспышечники», народники-революционеры второй половины 1860-х —

1870-х годов (П., т. XIII, кн.1, с. 73)): у них есть известная положительная программа, хотя бы и маленькая в каждом отдельном случае, у них есть практическое дело с народом, благодаря чему они имеют отношения и связи в жизни, то есть имеют почву под ногами, на которой можно твёрдо стоять и гораздо увереннее действовать...»⁸. Это формулировалось в тех условиях, когда уже стали очевидными плачевные «результаты долголетних реформ» (как писал Тургенев П. В. Анненкову в декабре 1876 года (П., т. XII, кн.1, с. 260)), когда писатель особенно настойчиво пропагандировал идеи «постепеновства снизу», отказывая либералам в «темпераменте», в «гражданском мужестве», в самой возможности способствовать проведению «реформ», причём реформ даже «в либеральном направлении»⁹.

Не отрицая важности «дарования конституции» (П., т. XII, кн. 1, с. 446), Тургенев в тех исторических условиях, когда «народная жизнь переживала воспитательный период внутреннего, хорового развития» (П., т. X, с. 296), выступал как один из самых последовательных сторонников идеи социального эволюционизма, реализуемой не в форме «реформ сверху», а в практике «скромной деятельности» «полезных» народу людей (П., т. X, с. 296). «Добро делать помаленьку» (П., т. X, с. 296) — именно такие формы осуществления программы «постепеновства снизу» на данном этапе социально-исторической эволюции были продиктованы, по глубокому убеждению писателя, характером жизни и общественной ситуацией в России 1870-х — начала 1880-х годов. Такая деятельность «народных слуг», «серых», «простых», «одноцветных», «полезных людей» (С., т. XII, с. 298–299; П., т. X, с. 296) не только в публицистике и эпистолярии Тургенева, но и в романе «Новь» трактуется *не как универсальное, а как исторически обусловленное средство «постепенного развития»*. Как говорит Паклин, приближающийся по своим идейным убеждениям к «новым людям», *«теперь только та-*

⁸ Там же. — С. 419.

⁹ Там же. — С. 363.

ких и нужно», потому что они — «суть настоящие» (С., т. XII, с. 298). Авторский «голос», безусловно, звучит в его монологах, и не случайно Тургенев в письме к А. В. Головнину 8 (20) февраля 1877 года писал о том, что этот образ обладает своей логикой, что он «вывел» этого персонажа таковым, чтобы в романе не было «ничего противоречащего его характеру» (П., т. XII, кн. 1, с. 92–93).

«Эпоха только полезных людей», «усердных тружеников» неизбежно пройдёт, подчёркивал Тургенев, «и лишь тогда, когда этот период кончится, снова появятся крупные, оригинальные личности», а в литературе — «красивые, пленительные» Базаровы (П., т. X, с. 296), которые неизбежно сменят на общественно-исторической арене «скромных тружеников». Данная конкретно-историческая форма реализации идеи социального эволюционизма не абсолютизировалась не только Тургеневым, но и теми его единомышленниками, которые разделяли подобные представления о целесообразности постепенного, мирного общественного и культурного прогресса.

Поскольку в 1870-е — начале 1880-х годов писатель не видел никакой реальной силы, которая могла бы выдвинуть альтернативную программу продуктивной, созидательной деятельности по отношению к «творцам» «долголетних реформ», к либералам, революционным народникам, почвенникам и т.д., то «скромная деятельность» «полезных людей» представлялась ему единственно правильной и возможной. Если, например, рассматривать автономно, то есть за пределами философии социального эволюционизма, внутренних связей всех элементов системы «постепеновства снизу», одно из программных высказываний Тургенева об обусловленности временем «малого», «тесного круга» деятельности «народных слуг» в условиях, когда «всё перевернулось и только укладывалось» (Л. Н. Толстой), то может сложиться впечатление, что великий писатель-философ является апологетом... «теории малых дел». В недавнем коллективном труде Института философии РАН, посвящённом Тургеневу, одна из исследовательниц пыталась представить его как

писателя, который выражал «приверженность... программе постепенства и малых дел», при этом не мог не задумываться над вопросом «можно ли «привить» любовь к труду, к «малым делам» русскому человеку», «предчувствовал... слабость и изъяны» этой теории¹⁰. «Теория малых дел» рассматривается при этом не в конкретно-историческом контексте, то есть не в том виде, как она проявлялась в виде «муравьиного труда» и освещалась, например, в «Анне Карениной» Толстого или «Золотых сердцах» Златовратского, и не в социально-философской её интерпретации народническими теоретиками (например, П. П. Червинским, И. И. Каблицем-Юзовым и др.), а, скорее, в нравственно-психологических аспектах «одухотворённости труда»¹¹. В результате этого оказались лишёнными социально-исторического содержания представления как о сущности, скажем словами цитируемой исследовательницы, «приверженности» Тургенева к концепции «постепеновства снизу», так и его «предчувствий» «изъянов» «теории малых дел»¹², воплощённых в художественном творчестве. При этом игнорируется, остаётся в стороне самое главное: положение о том, что суждения писателя о «скромной деятельности» тружеников соломинского типа не имеют типологической общности с «теорией малых дел» в том её виде, в котором она сформировалась и воплощалась в жизнь, в каком смысле трактовалась деятелями народнического движения и рассматривается современной исторической наукой¹³. Даже у Я. В. Абрамова, общественного и литературного деятеля последних десятилетий XIX — начала XX века,

¹⁰ Фахрутдинова А. З. Теория малых дел в творчестве И. С. Тургенева // Часы Ивана Тургенева. Международная конференция «Иван Сергеевич Тургенев: философствующий писатель и политический философ. К 200-летию со дня рождения». Всемирный день философии 15 ноября 2018 года. — М.: Голос, 2018. — С. 293, 294, 295.

¹¹ Там же. — С. 294.

¹² Там же. — С. 295.

¹³ См.: Мокшин Г. Н. Проблема реконструкции теории «малых дел» в отечественном народниковедении // Народники в истории России: межвузск. сборник науч. трудов. — Вып. 2. Отв. ред. Г. Н. Мокшин. — Воронеж: Издательский дом ВГУ, 20016. — С. 20–37; Зверев В. В. «Теория малых дел», В. П. Воронцов и эволюция народнической доктрины в 1870-е — начале 1890-х гг. // Я. В. Абрамов и его эпоха: коллективная монография / под общ. ред. В. М. Головки. — М.: Флинта, 2021. — Текст: электронный. — С. 126–147.

создателя теории «*малых и великих дел*»¹⁴, всё не сводилось к «малым делам»: это была программа-минимум, которая неизбежно предшествовала воплощению в историческую и социальную практику программы-максимум, программы «великих дел», направленных на кардинальные изменения самого «строя жизни». В этом он был типологически близок идеям «постепеновства снизу» И. С. Тургенева. Одностороннее, а часто и неверные представления о Тургеневе как «западнике, либерале-постепеновце, не признающем русской самобытности»¹⁵, неизбежно приводили к ошибочным выводам о писателе как «приверженце «малых» позитивных дел, «скромно-будничной культурной работы на пользу и улучшение убогой и скверной российской действительности»»¹⁶.

Суждения Тургенева о «скромной деятельности» «полезных рабочих и народных слуг» ничего общего не имели с «теорией малых дел» прежде всего потому, что писатель прогнозировал перспективы социального переустройства на основе уяснения тенденций развития народной жизни. (К тому же, по сути, в 1880-е — 1890-е годы стремился и вдохновитель социальной концепции «постепеновства снизу» в народническом варианте «малых и великих дел» Я. В. Абрамов¹⁷). Тургенев вообще, как отмечали современники, был «челове-

¹⁴ Абрамов Я. Малые и великие дела // Книжки «Недели»: Ежемесячный литературный журнал. — 1896. — № 7 [Июль]. — СПб.: Типография М. Меркушева. — С. 214–227.

¹⁵ См.: Кознова Е. И. Русская литература на «rendez-vous» с советской культурой: случай И. С. Тургенева // Часы Ивана Тургенева. Международная конференция «Иван Сергеевич Тургенев: философствующий писатель и политический философ. К 200-летию со дня рождения». Всемирный день философии 15 ноября 2018 года. — М.: Голос, 2018. — С. 212.

¹⁶ Сакулин П. Н. На грани двух культур. И. С. Тургенев. — М.: Мир, 1918. — С. 48; Португалов М. В. Тургениана. Статьи, очерки и библиография. Орел: ГИЗ, 1922. — С. 79–80; Кознова Е. И. Русская литература на «rendez-vous» с советской культурой: случай И. С. Тургенева. — С. 212.

¹⁷ См.: Новак С. Я. Я. В. Абрамов — исследователь народной жизни // За лучшую будущность России: к 150-летию со дня рождения Якова Васильевича Абрамова, общественного деятеля, публициста, критика: биобиблиогр. материалы. — Ставрополь: СКУНБ им. М. Ю. Лермонтова, 2011. — С. 22–30; Сажин Б. Б. Проблема сектантства и старообрядчества в творчестве Я. В. Абрамова: поиск социалистических форм самоорганизации народа // Я. В. Абрамов и его эпоха: коллективная монография / под общ. ред. В. М. Головки. — М.: Флинта, 2021. — Текст: электронный. — С. 188–206.

ком, неспособным уложиться в тесные рамки какой-нибудь исключительной политической доктрины»¹⁸. Эти суждения в устах «мирного сторонника прогресса и свободы»¹⁹ были откликом на дискуссии о том типе общественного деятеля, который востребован «периодом... разложения и сложения, переживаемым народной жизнью» (П., т. X, с. 296).

«Постепеновство снизу» предполагало не практику «малых дел», а широкий спектр социальных, экономических и культурных инициатив в самых разнообразных формах — от «круга деятельности» отдельного «скромного труженика» до реализации широких, общенародных программ. Не случайно Соломин, носитель и выразитель такой идеи в романе «Новь», характеризуется не как эмпирик, а как «человек с идеалом», синтезирующий «народность» и «образованность», «простоту» и «ум», «чувство» и «сознание», душевное и физическое здоровье (С., т. XII, С. 299, 298). «Постепеновство» Тургенева было противопоставлено бескрылому эмпиризму и разрозненным действиям на уровне «малых дел», при которых игнорируются законы развития общества. Писатель имел в виду такую системную, «кропотливую работу» в исторически неизбежных условиях укрепления буржуазных отношений, которая бы обеспечивала прогрессивное развитие всех сторон общественной, народной жизни — экономики, культуры, образования, науки, социальной сферы, медицины, государственного устройства, законодательства и т.д. Очень хорошо знавший Тургенева народник-революционер Г. А. Лопатин в своих воспоминаниях о писателе особо подчеркнул: стратегия его «постепеновства снизу» предусматривала все «предпосылки» кардинального обновления «старого строя» — «технические, экономические, моральные», социально-психологические и т.д. — в целях достижения пока весьма отдалённого идеала — «социализма», который представлялся Тургеневу «венцом социального развития человечества»²⁰.

¹⁸ И. С. Тургенев в воспоминаниях современников: в 2 т. — Т. 2. — С. 161.

¹⁹ Там же. — С. 163.

²⁰ Там же. — Т. 1. — С. 388–389.

Художественный историзм Тургенева-писателя ярко проявлялся, например, в том, что в повести «Пунин и Бабурин», создававшейся в преддверии «Нови», был показан герой-республиканец эпохи 1830-х — начала 1860-х годов, который разделял надежды на «реформы сверху». В «Нови» «постепеновец снизу» Соломин — герой эпохи конца 1860-х — начала 1870-х годов — таких надежд не разделяет. Подчеркнём ещё раз: в этом произведении репрезентированы принципы широкой общественно-культурной программы социального эволюционизма в специфической форме демократического просветительства — «постепеновства снизу». Социальная стратегия и тактика Соломина — «постепеновцы до сих пор шли сверху... а мы попробуем снизу» (С., т. XII, с. 145) — это суть программы не либерального, ориентированного на «постепеновство сверху», а демократического просветительства, ориентированного на «постепеновство снизу»²¹. О том, насколько это было актуально для автора «Нови», свидетельствует его письмо к Е. И. Рагозину от 14 (26) февраля 1877 г., в котором писатель подчеркнул, что «основная мысль романа верна» и что его «произведение принесёт посильную пользу» (П., т. XII, кн. 1, с. 97). И когда Тургенев в письме к М. М. Стасюлевичу 26 июля (7 августа) 1876 г. говорил о смысле эпиграфа к его новому роману («...плуг в моём эпиграфе не значит революция — а просвещение...» (П., т. XI, с. 299)), то слово «революция» употреблял не «в самом» его «широком значении», а как насильственный переворот, означающий не что иное, как «набег на народную жизнь»²². Такой автокоммента-

²¹ См.: Головки В. М.: 1) Традиции демократического просветительства в теории социокультурного эволюционизма Я. В. Абрамова // Народники в истории России: межвузовск. сборник науч. трудов. — Вып. 2. Отв. ред. Г. Н. Мокшин. — Воронеж: Издательский дом ВГУ, 20016. — С. 194–213; 2) «Постепеновство снизу» как выражение позиций демократического просветительства И. С. Тургенева // Вестник Московского городского педагогического университета: Научный журнал. — Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». — 2017. — № 2 (26). — С. 8–17; 3) Либеральное или демократическое просветительство? (к идентификации концепции социального эволюционизма И. С. Тургенева) // Тургенев и либеральная идея в России: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 200-летию Ивана Сергеевича Тургенева. — Пермь: ПГПУ, 2018. — 51–64.

²² И. С. Тургенев в воспоминаниях современников: в 2 т. — Т. 2. — С. 163.

рий вызван был, скорее всего, тем, что после появления в печати «Нови» предпринимались попытки истолкования эпиграфа в духе идеологии революционного народничества²³.

Образ «постепеновца снизу» — «самого трудного, характера» (как отмечал сам писатель), хотя он «и не кажется таким с первого взгляда» (П., т. XII, кн. 1, с. 21, 39), — выполняет в романе основную идейно-содержательную и специфически структурную функцию. Сложность заключалась в том, что герой, наделённый автором, по его собственным словам, «базаровской широтой», является общественным деятелем той эпохи, которой «Базаровы не нужны» (П., т. X, с. 96, 295), то есть не нужны деятели базаровского типа (но не масштаба!). Суть такой общественно-исторической ситуации Тургенев разъяснял в письмах А. П. Filosoфовой августа 1874 — февраля 1875 года — времени непосредственной работы над романом «Новь». Базаров, как подчёркивал писатель, — это «герой или художник труда», «тип, провозвестник, крупная фигура, одарённая известным обаянием, не лишённая некоторого ореола», а Соломин — «герой времени», которым востребован не «пленительный и красивый Базаров», а «настоящий русский практик» (П., т. X, с. 295, 296, 96; С., т. XII, с. 323). Он относится к числу не «героев труда» (как говорит в романе Паклин), а «народных слуг», занимающихся «скромной деятельностью» и «примирающихся... с серенькой средою» (С., т. XII, с. 298; П., т. X, с. 296). Такой характер и по замыслу автора, и по художественному изображению не мог представлять те «блестящие натуры в литературе», которые были органичны для базаровской эпохи (П., т. X, с. 295).

И всё-таки Соломина многое сближает с Базаровым, что зафиксировано уже в «формулярных списках» и авантексте «Нови». Именно Соломин называется здесь подлинным «русским революционером», революционером в том смысле, который вкладывал Тургенев в это понятие, характеризуя Базарова

²³ Громов В. А. «Новь». О заглавии, эпиграфе и некоторых реальных источниках романа // Тургеневский сборник: Материалы к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. — Л.: Наука, 1969. — С. 316–317.

в письме к К. К. Случевскому 14 (26) апреля 1862 г.: «...Если он называется нигилистом, то надо читать: революционером» (П., т. IV, с. 380). Что имел в виду писатель? Такие «деятели», «истинные отрицатели», более, чем кто-либо, «чутки к требованиям народной жизни» (П., т. IV, с. 380). Соломин «русский революционер» (как сказано в «конспекте» «Нови» (С., т. XII, с. 315)) в тургеневском истолковании, тоже своего рода «отрицатель». Он выполняет миссию Базаровых, но в других социально-исторических условиях и с другими целями: отрицая отжившее и «делая своё дело» (С., т. XII, с. 314), Соломин в отличие от героев такого типа базаровской эпохи, стремится уже не просто «место расчистить», а «подвигать дело вперёд», «строить», имея в виду, в конечном счёте, радикальное обновление жизни всего общества (С., т. VIII с. 243; т. XII, с. 145; т. VIII с. 243). У этого «человека из народа» и относящегося к числу «народных людей» есть «своя религия — торжество *нижнего* класса, в котором он хочет участвовать» (С., т. XII, с. 299, 298, 315). Как деятель, «чуткий к требованиям народной жизни», он видит слабость Нежданова, Маркелова и других «идущих в народ» «новых людей» в том, что они не знают этот народ, а народ не поддерживает их. Именно Соломин «понимает невольное отсутствие народа» в деятельности известных ему «революционеров», прекрасно сознаёт то, что «без этого самого народа...» «ничего ты не поделаешь» (С., т. XII, с. 112, 323). Внедряясь в точку зрения героя, используя открытую форму персональной повествовательной ситуации, автор буквально цитирует его, включает его слово (как «чужое слово») в свой повествовательный дискурс. Воплощая, по утверждению Паклина, чувства, стремления, «недовольство», надежды всех людей, каждого человека, Соломин делает «своё дело» в том направлении, которое, как и у Базарова, «вызвано... народным духом» (см.: С., т. XII, с. 299, 223; т. VIII, с. 244). Он наделён той же «плебейской» гордостью, что и Базаров: «сознание долга перед другими... выдержано у него во всём плебейском заcale» (С., т. XII, с. 315). Если Базаров «с надменной гордостью» говорил, что его «дед землю пахал», то Соломин, воспринимая

народную этику, ощущение нравственной силы труда, «так же спокойно делает своё дело, как мужик пашет и сеет» (С., т. VIII, с. 244; т. XII, 314). Герой «Нови» очень напоминает Базарова и тем, что в нём проявляется «натура грубая, тяжёлая на слово, без всякого эстетического начала — но сильная и мужественная...»: в нём «энергия сказывалась во всём» (С., т. XII, с. 315). Совпадают у героев даже некоторые биографические детали: как и Базаров, Соломин в юности, «бросив семинарию», «пошёл по естественным наукам» (С., т. XII, с. 323).

Но, подчеркнём ещё раз, Базаров соответствует своей эпохе, а Соломин — герой базаровского склада — оказывается во времени, которым востребован не деятель «базаровской широты», а «серый», «простой», «крепкий» труженик (С., т. XII, с. 299, 298). Время реформаторского народничества 1880-х — 1890-х годов, деятелем которой стал, по выражению крупнейшего идеолога этого движения Я. В. Абрамова, «средний тип человека, способного на простое, честное дело», подтвердило социальную прогностику Тургенева: «нужда в таком человеке», действительно, оказалась «великая, и будущее принадлежало ему»²⁴. Именно такой тип общественного деятеля был в последние два десятилетия XIX века основным, доминантным, что отражено и в литературе этого времени.

Деятель соломинского типа способен решать проблемы России, «исцелять общественный раны» (С., т. XII, с. 295). Соломин как «человек с идеалом», смотрит далеко вперёд, он не «внезапный исцелитель» этих «ран», не занимается поиском какого-то универсального средства социальных преобразований; он «излечивает... недуги», «заживляет раны» не «разом» (С., т. XII, с. 298–299, 295), а реализуя широкую просветительскую программу, включающую оздоровление всех сфер общественного организма. Эта работа рассчитана на длительное время. В уста Паклина вкладывается важнейшая идея «Нови», касающаяся будущего всей страны, всего народа: «...Настоящая, исконная наша дорога — там, где Соломи-

²⁴ [Абрамов Я. В.] Стоит ли работать в деревне? // Неделя. — 1885. — № 41. — Стб. 1412.

ны, серые, простые, хитрые Соломины!». Как бы фиксируя хронологию этого развития, Паклин добавляет: «Вспомните, когда я это говорю вам,— зимой 1870 года...» (С., т. XII, с. 299). Текстом романа объективируется идея философской диалектики: человек как полноценная личность в такой же мере формируется социально-историческими условиями, в какой сам участвует в создании этих условий.

Идейная кульминация романа «Новь» как высшая точка смыслообразующего напряжения является итогом развития сюжетной линии Соломин — Марианна: именно эти герои ощущают «русскую жизнь» с точки зрения того, к чему устремлена «безымянная Русь» (С., т. XII, с. 121, 300). В системе сюжетных мотивировок образ «безымянной Руси» появляется как закономерный итог диалога Паклина и уцелевшей после распада организации таинственного Василия Николаевича Машуриной о «постепеновце снизу» Соломине: общественный тип «серого, бесцветного, народного человека» по внутренней, идейной логике, рождаемой последовательностью текста, оказывается непосредственно сопряжённым с объективными, не персонифицированными, а потому «безымянными» побуждениями «к действию» (С., т. XII, с. 298, 300). С. Н. Кривенко в «Литературных воспоминаниях» зафиксировал очень важное признание писателя о том, что он «с удовольствием изобразил» бы ««безымянного человека», это полное отречение от себя и всего, чем люди дорожат и во все века дорожили»²⁵. Примечательно, что и в «Нови» Тургенева, и в воспоминаниях Кривенко концепт-метафора «безымянная Русь», «безымянный человек» функционирует как «чужое слово» (оно берётся в кавычки), то есть как понятие, в котором закреплён общественно-нравственный смысл, объективный по своей природе²⁶.

²⁵ И. С. Тургенев в воспоминаниях современников: в 2 т. — Т. 1. — С. 418–419.

²⁶ О трактовках концепта «безымянная Русь» в романе «Новь» см.: Буданова Н. Ф. «Безымянная Русь» в романе Тургенева «Новь» // Тургеневский сб. — Л.: Наука, 1967. — Вып. 3. — С. 159–163; Тиме Г. А. Пути примирения философских противоречий: безымянная Русь и феномен серого человека // Тиме Г. А. Россия и Германия: философский дискурс в русской литературе XIX–XX веков. — СПб.: Нестор-История, 2011. — С. 147–166; Беляева И. А. «Помни мои последние три слова»: к вопросу о структуре финалов в романах Тургенева // Филологический класс. — 2018. — Т. 53. — № 3. — С. 25–32.

Связь романной кульминации (приобщение Соломина и Марианны к решению задач общенациональной жизни) с образом «безымянной Руси» как народной Руси в финале романа наполняется смыслом в результате того, что именно формы «работы в народе» в системе «постепеновства снизу» сюжетно опредмечены как результативные, в противовес действиям героев-народников, революционеров донкихотского склада — Машуриной, Остроумова, Маркелова, которые имели в виду именно «социальный переворот», которые призывали «немедленно «приступить»...» (С., т. XII, с. 84)²⁷. Соломин, казалось бы, максимально приближается к идеалу «исцеления ран» России не «разом», не «внезапно», то есть к тому идеалу, который воплощался народническим идеологом П. Л. Лавровым на страницах первого номера журнала «Вперёд!»²⁸, но средства достижения этого идеала, а главное — цели у героя Тургенева и народнического идеолога принципиально не совпадали: у Лаврова это «социальный переворот», «народное восстание», а у тургеневского героя это воплощение идеалов демократического просветительства и «терпеливой работы в народе». И уж тем более образ «безымянной Руси» не сопрягается с возможными «безымянными» «Василиями Николаевичами» или реальными Нечаевыми, «распоряжающимися» теми, кто «верит в революцию» (С., т. XII, с. 333, 336)²⁹. «Постепеновцу снизу» не надо отрекаться «от имени», от своей индивидуальности,

²⁷ Кроме того, имея в виду финал «Нови», следует учитывать, что понятия «безымянная Русь» и субстантивированного «безымянный» (в данном случае конспиративный, тайный, скрытый, дающий «распоряжения» и не относящийся к числу тех, кого имел в виду Лавров, когда писал о «всех русских» — не зависимо от того, какие у них «имена») по своей художественной семантике совершенно различные.

²⁸ Напомним, что из всех народнических идеологов П. Л. Лавров был наиболее близок позициям Тургенева, что писатель одобрил третий вариант программы его журнала «Вперёд!» и финансово поддерживал его издание. Не случайно тексты «Нови» и таких статей Лаврова, как «Предисловие к I тому журнала «Вперёд!», «Вперёд! Наша программа», содержат общие концепты-метафоры: «раны общества», «общее дело», «разом»/«внезапно» и т.д. Ср.: С., т. XII, с. 295, 18, 280 и Лавров П. Л. Избранные сочинения на социально-политические темы: в 8 т. — Т. 1–4. — М.: Всесоюз. общ. политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1934. — Т. 2. — С. 22, 25.

²⁹ В подготовительных материалах к «Нови» Тургенев отметил, что такие «русские революционеры», как Маркелов, Машурина, представляют собою «совершенно удобную и готовую почву для Нечаевых и К°» (С., т. XII, с. 319, 320, 324).

и его максимальное сближение с народом как целым является, по справедливому утверждению Г. А. Тиме, воплощением идеи «социальной соборности», выражением возвращения к «хоровым началам» народной жизни³⁰. Соломин как иной тип общественного человека по сравнению с Дон-Кихотами «Нови», персонифицирующий идею целостного бытия человека, чувствует исторические потребности «безымянной Руси» в силу своей соприродности с народом как целым. В этом смысле он относится к числу «народных людей» (С., т. XII, с. 298).

У Соломина «личное» и «общее» — это вполне соединимые начала, это не полярные сферы, как у Маркелова, Машуриной и др., он не стремится к отказу от личной жизни ради «дела», как Нежданов. «Мысль» и «воля», то есть гамлетовское и донкихотское начала, у него не разъединились: отказываясь от надежд на «постепеновство сверху» и продумывая стратегию «постепеновства снизу», он вырабатывает тактику реализации программы «работы в народе» в соответствии с идеалом «свободы и просвещения», которым, по справедливому утверждению С. Н. Кривенко, руководствовался в течение всей своей жизни сам автор «Нови»³¹. Соломину не надо приносить себя в жертву своим идеалам, так как он имеет «практическое дело с народом». «...Вся суть не в убеждениях — а в характере» (С., т. XII, с. 229): он являет собою более высокий «тип личности», который лишён односторонности самоотверженных «тупцов» и не знает такого разлада с самим собою, как «вывихнутый» Нежданов, в котором «сидят два человека» (С., т. XII, с. 282, 279).

«Постепеновство снизу» Соломина ничего общего не имело с социальным дарвинизмом, на что прямо указывает автор, вкладывая эту идею в уста Паклина (С., т. XII, с. 295): теории «естественного» развития, не зависимого от «мысли» и «воли» человека, противопоставляется концепция целе-

³⁰ Тиме Г. А. Пути примирения философских противоречий: безымянная Русь и феномен серого человека // Тиме Г. А. Россия и Германия: философский дискурс в русской литературе XIX–XX веков. — СПб.: Нестор-История, 2011. — С. 147–166.

³¹ И. С. Тургенев в воспоминаниях современников: в 2 т. — Т. 1. — С. 402.

полагания и сознательного воздействия на общественную жизнь. Соломинский тип будущего общественного деятеля, способного «подвигаться спокойно вперёд» (С., т. XII, с. 280), по воспоминаниям современников, был «ближе и понятнее» автору, чем «теперешние деятели», ближе к его «понятиям и представлениям»³².

Как известно, «нечаевское дело» легло в основу сюжета двух эпохальных произведений русской литературы — романов Достоевского и Тургенева. Если «Бесы» (1871–1872) — это «роман–предупреждение»³³, то «Новь» (1876) — это «роман–предвидение», «роман–foresight»³⁴.

В связи с задачами репрезентации «постепеновства снизу» как исторически обусловленной формы реализации философии социального эволюционизма в романе «Новь» реализуется новая художественная методология, связанная со «*смотрением вперёд*», с определением возможного будущего, с прогнозированием образа будущего общественного деятеля, с определением стратегий «значительного перестроя... жизни»³⁵ и создания общества нового типа. Народная, «безымянная Русь» — это «новь», то есть «нѣпашь», «залог», «це-

³² Там же. — С. 419.

³³ Сараскина Л. И. «Бесы»: роман–предупреждение. — М.: Советский писатель, 1990. — 480 с.

³⁴ Foresight (англ.) — «предвидение». Данный термин, введенный в культурный контекст писателем Г. Уэллсом в 1930 г., активно используется в современной науке, трактуется весьма широко при рассмотрении перспектив развития общества, экономики, культуры, политических систем и т.д. «Цель Форсайта — определение возможного будущего, создание желаемого образа будущего и определение стратегий его достижения». (Крюков С. В. Форсайт: от прогноза к формированию будущего // Terra Economicus. — 2010. — Т. 8. — № 3. — Ч. 2. — С. 9.). Метод кластерного анализа позволяет выделить основные, повторяющиеся в разных источниках содержательные дефиниции «форсайта»: определение факторов, «способствующих разумному и дальновидному принятию решений»; «способ построения согласованного, взвешенного и ответственного образа будущего», «согласованной, обоснованной и взаимоприемлемой картины будущего»; «определение возможного будущего»; «создание желаемого образа будущего и определение стратегий его достижения»; «действия, ориентированные на мышление, обсуждение и очерчивание будущего»; «предвидение... возможностей и угроз, которые могут возникнуть в среднесрочной и долгосрочной версиях будущего» и т.д. См.: <http://foresight.sfu-kras.ru/node/9>; https://www.undp.org/content/dam/undp/library/capacitydevelopment/English/Singapore%20Centre/GPCSE_Foresight_RUS.pdf и др. (Дата обращения: 07.05.2020).

³⁵ И. С. Тургенев в воспоминаниях современников: в 2 т. — Т. 1. — С. 368.

лина», и «подымать», «пахать целину»³⁶, обновлять страну должны «полезные», «трезвые» «постепеновцы снизу», образованные люди, основным инструментом, «плутом» которых будет «просвещение» в широком смысле — от «движения мысли» («где нет движения мысли, там нет и прогресса») до принципиального обновления во всех сферах социума.

Предвидение, предсказание возможного будущего осуществлялось писателем как «мирным сторонником прогресса и свободы»³⁷ с позиций социального эволюционизма, которые на онтологическом уровне романа подкреплялись пониманием того, что созерцание и действие, гармонично «примиряющиеся» в экзистенции тургеневского героя, являются способами существования человека в мире. Философскую составляющую романистики Тургенева хорошо ощущали его современники. Так, П. А. Кропоткин писал в своих «Записках революционера»: «Все типы (в романах Тургенева.— В. Г.) очерчены с такой философской глубиной и знанием человеческой природы и с такою художественною тонкостью, которые не имеют ничего равного ни в какой другой литературе»³⁸.

Тургенев не случайно говорил, что «Новь» «не кончена», что сюжетные нити «прямо оборваны»³⁹: ведь та характеристика Соломина, которая даётся Паклиным в эпилоге романа⁴⁰, казалось бы, открывала перспективу изображения практической деятельности «постепеновца снизу», но это была ещё проектная идея, а не «жизнь», как подчёркивал сам писатель, как и «фактотум Соломина» рабочий Павел — только абрис главного героя будущей русской литературы. Ещё приступая к роману, только составив «формуляр» его «пер-

³⁶ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. — Т. 2. — М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1956. — С. 549.

³⁷ И. С. Тургенев в воспоминаниях современников: в 2 т. — Т. 2. — С. 163.

³⁸ Там же. — Т. 1. — С. 398.

³⁹ Там же. — С. 420.

⁴⁰ Уместно напомнить, что образу Паклина писатель изначально придавал большое значение. В «Формулярном списке лиц новой повести» из 11 будущих персонажей романа Паклин обозначен номером 1, что говорит о значимости данного образа в идейно-художественной структуре «Нови». См.: С., т. XII, с. 317.

сонала» «из двенадцати лиц», Тургенев признавался в письме к С. К. Кавелиной от 23 декабря 1872 (2 января 1973), что «два лица не довольно изучены». «Сочинять в известном смысле я не хочу, — писал он, — да и пользы от этого никакой...» (П., т. X, с. 49). Соломин был из числа этих «двух лиц». Вторым — скорее всего, «будущий *народный* революционер» рабочий Павел (П., т. XII, кн. 1, с. 39. Выделено И. С. Тургеневым. — В. Г.). В письме к К. Д. Кавелину от 17 (29) декабря 1876 года Тургенев отметил, что этот «слишком крупный тип» под его пером пока не мог появиться: «он станет — со временем... центральной фигурой нового романа. Пока, — уточнил Тургенев, — я едва назначил его контуры» (П., т. XII, кн. 1, с. 39).

Но «набраться материалу» (П., т. X, с. 49) для изображения деятельности «постепеновца снизу» он тоже не мог, потому что такого материала не давала ещё сама жизнь. А уже после выхода «Нови» Тургенев признавался С. Н. Кривенко: «...Как бы мне хотелось, если только буду в состоянии, написать продолжение или что-нибудь подобное на ту же тему. Не хочется только, чтобы об этом раньше времени говорили»⁴¹. Но в период творческой работы над «Новью» «написать продолжение» романа, показывая общественную деятельность её «главного лица», означало не что иное, как поднимать эту тему «раньше времени». Если бы Тургенев не «оборвал нити» и попытался продолжить роман, он вынужден был бы неизбежно «сочинять», что было в принципе невозможно, если учесть, что он относился к тому типу писателей, которые могли изображать только то, что видели и что хорошо знали. Он и на упрёк критиков, считавших, что в «Нови» «молодежь не настоящую взял», отвечал определённо: «Какую видел, такую и взял»⁴². Если бы в «Нови» не были «оборваны нити», то появился бы не роман-foresight, в котором была реализована органичная для Тургенева «способность угадывать некоторые действительные явления русской жизни»⁴³, а, условно говоря,

⁴¹ И. С. Тургенев в воспоминаниях современников: в 2 т. — Т. 1. — С. 420.

⁴² Там же. — С. 418.

⁴³ Там же. — С. 359.

роман-утопия, то есть такая жанровая разновидность, которая не сопряжена творческой индивидуальности этого писателя, а потому была бы уже, без сомнения, его неизбежной творческой неудачей. Именно поэтому взыскательный художник не предпринимал никаких попыток продолжения «Нови». Как выше говорилось, эпоха культурнического народничества подтвердила художественный прогноз писателя. Общественный тип «среднего человека», «трезвого практика», «честного работника» был, действительно, востребован этой эпохой⁴⁴.

И. С. Тургенев и в реальной жизни стремился пропагандировать идеи «постепеновства снизу». Идее радикализма в эпоху, когда «всё перевернулось и только укладывалось», была противопоставлена *альтернатива* — концепция постепенного, мирного прогресса. Это было выражением идеи консолидации общества, репрезентации открытого для всех идейного течения, которое не боялось сравнения с другими позициями, точками зрения, программами и т.д. и не избегало духовной, идеологической, партийной конкуренции. Тургенев 26 февраля (10 марта) 1881 г. писал по этому поводу К. Д. Кавелину: «... Пора нашей партии (если можно так выразиться) выступить с совершенно ясной, подробной и обстоятельной программой, чем мы отличимся и от славянофилов, и от революционеров, и даже от самого правительства. В «Стране» Полонский... («завзятый постепеновец»! — (П., т. XIII, кн. 1, с. 49)) уже наметил некоторые важнейшие пункты» (П., т. XIII, кн. 1, с. 68).

Идеи «постепеновства снизу» дискутировались не только в публицистике, но и в литературных сочинениях. Интересно, что А. П. Чехов в повести «Моя жизнь» (1896) откликнулся на полемику о социальной философии «постепеновства снизу». В этой повести Чехов через диалог Мисаила Полоз-

⁴⁴ Зверев В. В.: 1) Эволюция народничества: «теория малых дел» // Отечественная история. — 1997. — № 4. — С. 87; 2) Реформаторское народничество и проблема модернизации России, от сороковых к девяностым годам XIX в. — М.: Уникум-центр, 1997. — 365 с.; Мошкин Г. Н. Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX — начале XX вв.: монография. — Воронеж: Научная книга, 2010. — С. 201; Головкин В. М. Я. В. Абрамов: Мировоззрение. Метод. Поэтика. — М.: Флинта; Наука, 2015. — С. 112–138.

нева и доктора Благово включается в дискуссии о практике «постепенности»: «Заговорили о постепенности. Я сказал (Мисаил Полознев. — В. Г.), что... постепенность — палка о двух концах. Рядом с процессом постепенного развития идей гуманных наблюдается и постепенный рост идей иного рода. Крепостного права нет, зато растёт капитализм. И в самый разгар освободительных идей, так же, как во времена Батыя, большинство кормит, одевает и защищает меньшинство, оставаясь само голодным, раздетым и беззащитным. Такой порядок прекрасно уживается с какими угодно веяниями и течениями, потому что искусство порабощения тоже культивируется постепенно»⁴⁵. В стилевой системе повести Чехова объективируется множественность точек зрения на предмет изображения. Используя средства аукториальной ситуации, автор-повествователь представляет одну из них, становится как бы рупором точки зрения героя, но не монополизирует её. Поэтому трактовка одной из «идей конца XIX века»⁴⁶ — идеи «постепенности» — не является окончательной, бесспорной. И прежде всего потому, что герой Чехова, выходя за рамки чисто этического вопроса о «добре и зле» и обращаясь к проблемам «строения жизни» («крепостное право» — «капитализм») в аспекте осознания параллельного развития «идей гуманных» и «иного (то есть противоположного) рода», не ставит вопрос о средствах преодоления противоречий между «меньшинством» и «большинством», остаётся в плену позитивистской методологии. Дискурсу же И. С. Тургенева, Л. А. Полонского, рассматривавшим программу «постепенности снизу» как явление системного характера, а в качестве системообразующего фактора — не общину, не «идею личности», не абстрагированный «моральный фактор», не деятельность «героев», а содействие естественному ходу «народного развития», свойственна нацеленность на проблемы именно «существующего строя

⁴⁵ Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. — Сочинения. — Т. 9. — М.: Наука, 1977. — С. 222.

⁴⁶ Там же.

жизни» и рычаги мирного, постепенного прогресса во всех социальных сферах российского общества⁴⁷. Л. А. Полонский решал вопрос о предотвращении реакции средствами «доведения русскому обществу», и хотя его статья была написана как отклик на убийство народовольцами Александра II, в ней рассматривались возможности реализации широкой программы мирного прогресса за счёт использования «прав русского общества», то есть привлечения к процессу постепенного развития страны всех социальных слоёв, крестьянства, в первую очередь, то есть с опорой на выработанные русским народом социально-нравственные принципы, общественно-экономические отношения. Об «уважении» к «выработанному народом вековому опыту» писал и Я. В. Абрамов в одном из публицистических отступлений повести «В степи», одновременно показывая в этом произведении общественные и экономические результаты труда «свободного мужика», находящегося вне «благотельного (в кавычках. — В. Г.) покровительства и помощи капиталиста»⁴⁸. Поскольку позитивизм был не свойственен художественной социологии Я. В. Абрамова, то его решение вопроса о «существующем строе жизни» имело парадигматический характер. По этой же причине он, в отличие от Л. А. Полонского, гораздо критичнее относился к идеям реформизма и не возлагал особых надежд на инициативы «сверху». В этом он сближался с Тургеневым и отличался от тех легальных народников, которые «надеялись склонить власть к защите интересов народа (как они их понимали), то есть попытаться убедить её в пагубности развития для крестьянства капитализма. Поддержка власти была необходима народникам не только для усиления своих позиций, — пишет исследователь истории легального народничества Г. Н. Мокшин. — В пореформенной России власть являлась единственной силой, которая могла осуществить назревшие в стране демократические преобразова-

⁴⁷ См., например, редакционную статью Л. А. Полонского: Страна. — 1881. — 3 марта. — С. 1–2.

⁴⁸ Федосеевец [Абрамов Я. В.]. В степи // Устои. — 1882. — № 1. — С. 155.

ния мирным путем»⁴⁹. Тургенев в конце жизни, как и позже Я. В. Абрамов, особых надежд на власть не возлагал.

Не бесполезно добавить, что, анализируя в статье «Малые и великие дела» рассказ Чехова «Дом с мезонином», в котором, как известно, писатель поставил проблему социальной эффективности «малых дел», Абрамов отмечал, что здесь Чехов, погружённый в проблемы современности, дал «надлежащую характеристику и оценку» тем самоотверженным деятелям, людям «высоких качеств», которые обеспечивают «движение нашего народа вперёд»⁵⁰, и одновременно показал неспособность таких «проповедников», как герой-художник, к «разрешению великой общественной проблемы» — «необходимости облегчения труда путём технического улучшения его приёмов и посвящения возникающего отсюда досуга на всеобщее занятие науками и искусствами и в особенности на отыскание «правды и смысла жизни»». А это «возможно только путём распространения образования»⁵¹. Абрамов показывал, что автор «Дома с мезонином» дистанцировался от своего героя, как, впрочем, и от ортодоксального практицизма Лиды Волчаниновой. По сути, рассказ «Дом с мезонином» был для народнического идеолога, органично связанного с идеями «постепеновства снизу», хорошим поводом указать не только на «ничегонеделание» и отсутствие «смысла» в громких словах «гонителей малых дел», идейных антагонистов интеллигенции, «работавшей над просвещением народа»⁵², но и на цели программы-максимум, которые могли не

⁴⁹ Мокшин Г. Н. Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX — начале XX вв.: монография. — Воронеж: Научная книга, 2010. — С. 45.

⁵⁰ Имелось в виду мирное «движение вперёд». Показательно, что В. В. Розанов в статье о народническом теоретике И. И. Каблице (Юзове) — одном из главных адептов «теории малых дел», генетически связанном с идеями эволюциониста Спенсера, — особо подчёркивал, что социально-философские концепции мыслителя-народника принципиально отрицали «насилие», «притеснение, в какой бы форме оно ни совершалось, от кого бы ни исходило, ради каких бы целей ни начиналось». (Розанов В. В. О. Памяти Осипа Ивановича Каблиц(а) // Русское обозрение. — 1893. — № 11. — С. 513.)

⁵¹ Абрамов Я. Малые и великие дела // Книжки «Недели»: Ежемесячный литературный журнал. — 1896. — № 7 [Июль]. — СПб.: Типография М. Меркушева. — С. 226.

⁵² Там же. — С. 218, 220.

видеть, не осознавать «скромные деятели», подобные Лиде Волчаниновой. Однако их программа-минимум, связанная со «служением народу», является, с его точки зрения, частью «великой культурной работы», одной из форм «решения проблем народной жизни»⁵³. Такая работа *способствует* осуществлению важнейших задач социально-нравственного совершенствования общества и конкретной личности⁵⁴.

Итак, идеям радикализма и либерального просветительства в эпоху, когда «всё перевернулось и только укладывалось», была противопоставлена альтернатива — концепция постепенного прогресса, мирной эволюции России. Идеология и социальная философия демократического просветительства, одной из форм и средств реализации которых была программа «постепеновства снизу», имеет все основания для идентификации в качестве особого течения русской общественной мысли второй половины XIX века. Это был реальный вклад в философию социального эволюционизма.

Адептами эволюционного мировоззрения XIX века (Г. Спенсер, Э. Б. Тайлор, И. С. Тургенев, Л. А. Полонский, Н. С. Лесков, М. М. Ковалевский и др.) были созданы традиции, получившие развитие в структурно-функциональном направлении социальной философии последующих десятилетий (Т. Парсонс, Р. Белла и др.), заложены основы (в сфере как гуманитарных, так и естественных наук) для манифестации универсального эволюционизма в качестве феномена парадигматического сдвига в постнеклассической науке рубежа XX–XXI столетий⁵⁵. Однако, в отличие от социального дарвинизма Г. Спенсера, от теорий культурной эволюции Э. Б. Тайлора или Л. Г. Моргана концепция «постепеновства снизу» И. С. Тургенева была ориентирована на проблемы

⁵³ Там же. — С. 223, 225.

⁵⁴ См. подробнее: Головкин В. М. Практика «малых дел» в художественном изображении А. П. Чехова и социально-философской интерпретации Я. В. Абрамова // Я. В. Абрамов и его эпоха: коллективная монография. — М.: Флинта, 2021. — Текст: электронный. — С. 289–310.

⁵⁵ Казютинский В. В. Эпистемологические проблемы универсального эволюционизма // Универсальный эволюционизм и глобальные проблемы. — М.: Институт философии РАН, 2007. — С. 6.

социальных движений, являлась альтернативой идее революционных изменений и терроризму, любым формам социального насилия. В этой эволюционистской концепции в свете критерия когерентности, актуализированного в теории познания Канта («Критика чистого разума»), а в «учении о слоях» Николая Гартмана распространённого на область онтологии, социокультурные эволюционные процессы рассматривались в непосредственной связи с идеей прогресса, с идеалами демократического просветительства.

Русская история не предоставила «партии» «постепеновцев снизу» шанса для реализации её программы. Ни «роман-foresight» «Новь» Тургенева, ни «роман-предупреждение» «Бесы» Достоевского не были восприняты как «учебники жизни», представляющие альтернативные революционным концепциям идеи обновления России, которую в начале XX века ожидало три революции. Но философско-социологическое и художественное наследие Тургенева, так же, как и культурно-историческое наследие развивавших просветительские идеи «постепеновства снизу» Л. А. Полонского, Я. В. Абрамова и др., является феноменом отечественной интеллектуальной истории, который сегодня необычайно актуализируется в условиях исканий ответов на социальные и нравственно-философские вызовы нашего времени.

О. В. Горчанина
Монс. Бельгия
Е. Г. Петраш
Москва

КРЕПОСТНОЕ ПРАВО И КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА 1861 ГОДА ГЛАЗАМИ ФРАНЦУЗОВ

Переустройство общества во все времена было делом сложным. В исторических трудах российских ученых подробно излагается реформаторская деятельность кабинета Александра II, изучен процесс подготовки крестьянской реформы¹.

Известно, что еще в 1797 году император Павел I издал указ о трехдневной барщине, что в принципе позволяло помещикам не использовать на барщине крестьянский труд. Правда формулировки закона оставались неясными, и тем не менее за 59 лет действия закона помещиками было отпущено на свободу 111.829 крестьян, из них 50 тысяч крепостных графа Разумовского². По сравнению с общим количеством крепостных в Российской империи это ничтожно мало, но мысли о необходимости переустройства общества витали, как видно, уже давно, и в 30-е годы XIX века оформились в ясную принципиальную позицию в интеллектуальных кру-

¹ 3 января 1857 года был образован секретный комитет «для обсуждения мер по устройству быта помещичьих крестьян», в феврале 1858 года он был переименован в Главный комитет «о помещичьих крестьянах, выходящих из крепостной зависимости». К концу августа 1859 года проект «Положений о крестьянах» был практически подготовлен. В конце января 1861 года проект поступил на рассмотрение последней инстанции — Государственного совета. 19 февраля «Положения», а они включали в себя 17 законодательных актов, были подписаны царем и получили силу. В тот же день царь подписал и «Манифест об освобождении крестьян».

² Великая реформа. Т. 5: Деятели реформы. М., 1912.

Ильин В. В. Реформы и контрреформы в России. М., 1996.

Троицкий Н. А. Россия в XIX веке. М., 1997.

гах, не приемлющих сам факт владения одного человека другим, как вещью, и осознающих среди прочего ущерб, наносимый крепостничеством, развитию Российского государства. В 1840-е годы эта позиция явно доминировала в общественных дебатах, касающихся крестьянского вопроса.

В 1842 году Николай I издал Указ «Об обязанных крестьянах», согласно которому крестьян разрешалось освобождать без земли, предоставляя ее в личную эксплуатацию за выполнение определенных повинностей (в разряд обязанных крестьян перешло 27 тысяч человек). О необходимости отмены крепостного права Николаю I писал шеф жандармов А. Х. Бенкендорф: «Крепостное состояние есть пороховой погреб под государством»³. Во время правления Николая I обдумывались подходы и накапливались материалы для возможной отмены крепостного права. Но реформу осуществил только его преемник — Александр II, причем вопрос был поднят царем-освободителем сразу по окончании Крымской войны: уже в июле и в сентябре 1856 года дипломатические депеши из России во Францию упоминают начало подготовки реформы⁴. И уже начиная с января 1857 года, когда по указанию царя был создан секретный комитет по работе над реформой, французские дипломаты с особенной регулярностью докладывали в Ке д'Орсэ о продвижении работы над реформой. Принятие и провозглашение указа об освобождении крестьян далось Александру II нелегко. В трудах историков встречается описание этого исторического момента: «Я хочу остаться со своей совестью», — сказал император и попросил всех выйти из своего кабинета⁵. Император проявил политическую волю и крутым образом изменил историю России: 19 февраля (3 марта) 1861 года Манифест о крестьянской реформе был провозглашен.

Принятие указа ждали не только в России. Триумфальная победа над войсками Наполеона Бонапарта в начале 19 века гарантировала России место среди крупнейших евро-

³ См.: stuki-druki.com/Aforizmi-... Афоризмы от А. Х. Бенкендорфа.

⁴ Eldin Grégoire. L'émancipation des serfs en Russie dans la *Revue des deux mondes* et la correspondance diplomatique française // *Cahiers de l'ATVM*, N°35, 2011, p. 146.

⁵ См. сайт: dosaaf-khab.ru/sluhi-nosyatsya-...

пейских игроков⁶: внушительная территория, военная мощь, постоянно растущий промышленный потенциал возвели страну в ранг сверхдержавы того времени. Естественно, что внутренние дела России живо интересовали европейцев и, в частности, французское общественное мнение.

Еще восхищавшийся Екатериной II и побывавший в России в 1773–1774 годах Дидро поднимал вопрос о крепостничестве в России и сетовал на невозможность принятия каких-либо конкретных мер, направленных на улучшение положения крестьян, несмотря на экономический ущерб, наносимый крепостной системой России⁷.

Дидро, конечно же, был не единственным французским мыслителем, оставившим после себя заметки о России и, в частности, о положении российских крестьян. На рубеже XVIII–XIX веков, после Французской буржуазной революции, особенно после 1791 года, многие французы (по некоторым данным — до 3-х тысяч человек) эмигрировали в Россию. Вспомним хотя бы герцога Ришельё, который приехал добровольно служить в армии России и стал генерал-губернатором Одессы (1804–1815). В 30-х годах Россию активно посещали французские путешественники, писатели, дипломаты. Многие из них оставили после себя впечатления о своем пребывании в Российской империи.

В своем обширном труде «Россия в интеллектуальной жизни Франции: 1839–1856 годы» известный французский компаративист Мишель Кадо достаточно подробно описал существовавшие к концу 1850-х годов источники, затрагивающие проблему крепостничества в России⁸. Не задаваясь целью исчерпывающе представить вопрос в рамках настоящей статьи, назовем самые значимые из них.

В написанных в первой половине 19 века текстах, упоминающих о положении крестьян в России, Мишель Кадо вы-

⁶ Berelowitch Wladimir. Le Grand Siècle russe d'Alexandre Ier à Nicolas II. Gallimard, 2005, p. 13.

⁷ Tourneux M. Diderot et Catherine II, Paris, 1899, p. 540.

⁸ Cadot Michel. La Russie dans la vie intellectuelle française (1839–1857). Fayard, 1967.

деляет две основные тенденции: часть авторов осуждает сам факт крепостничества, исходя из моральных соображений современного общества и понятий общечеловеческих ценностей, а другая часть занимает фактически оправдательскую позицию относительно крепостного права, объясняя существующую в России систему наличием традиционных патриархальных связей⁹. К первой категории Кадо относит «Секретные мемуары о России» («*Mémoires secrets sur la Russie*») Шарля Массона, вышедшие в 1800 году, «Историческую, географическую, военную и моральную ситуацию в Российской Империи» («*Tableau historique, géographique, militaire et moral de l'Empire de Russie*») Дамаза де Реймона (1812), «Шесть месяцев в России» («*Six mois en Russie*») Анселота (1827)¹⁰. В этих книгах мы не найдем подробной информации о положении крестьян в России — авторы ограничиваются описанием негодования, испытываемого европейскими путешественниками перед лицом угнетения крестьянства со стороны правящего класса. Позже появляются «Загадки России: политическая и моральная ситуация в Российской Империи» Фредерика Лакруа (1844), и «Демократические легенды Севера» (1854) Жюль Мишле, в которых великий французский историк впервые формулирует, среди прочего, мысль о существовании некой «загадочной русской души» — термин, которому предстоит стать своего рода лейтмотивом западного суждения о русских на долгие годы. Тексты Лакруа и Мишле роднит некоторая бездоказательность, когда речь заходит о крепостном праве в России: суждения о крепостничестве, сформулированные в них, опираются не на достоверное знание русских реалий, а на мифы, доминирующие в литературе того времени¹¹.

В первой половине 19 века нашлись среди французских литераторов и мыслителей и те, кто одобрительно высказывался о крепостной системе в России, как, например, Оноре де Бальзак в «Письме о Киеве», где писатель высказывает

⁹ *Cadot Michel*. La Russie dans la vie intellectuelle française, 1839–1857, Fayard. 1967, p. 330.

¹⁰ *Ibid.* P. 331.

¹¹ *Ibid.* P. 331.

мнение о том, что русский крестьянин в сто раз счастливее миллионов французов, составляющих французский народ¹². Поль де Жюльвекур, первый переводчик «Пиковой дамы» на французский язык¹³, проживший в России семь лет (1833–1840) — ярый сторонник режима Николая I, автор многочисленных работ, иные из которых касаются России (предисловие к «Балалайке», 1837), также оправдывал крепостничество, полагая, что русские крестьяне не были готовы к свободе.

Нельзя не отметить основополагающий труд австрийца Августа фон Гакстаузена, который по специальному высокому разрешению путешествовал по России в 1843 году, общался с К. Аксаковым, Герценом, Чаадаевым и выпустил по возвращении домой обширное подробное исследование, первое в своем роде, где впервые по-настоящему анализируется положение крестьян. Гакстаузен приходит к выводу, что патриархальный уклад жизни в России во всех слоях общества оправдывает существование крепостничества. Гакстаузен — не француз, но его книгу читали и комментировали Герцен, Мишле, Проспер Мериме¹⁴. Учитывая влияние, которое его работа оказала на восприятие вопроса во Франции, представляется целесообразным упомянуть этот труд в рамках поднятой темы.

Картина была бы неполной без упоминания о «Заметках о России» Проспера де Баранта, написанных в 1835–1840 годы и опубликованных в 1875 году после смерти дипломата, а также «Россия в 1839 году» А. де Кюстина (1843). В обеих книгах в той или иной мере авторы высказываются о крепостническом строе страны, называя его «варварским», формулируют суждения о национальных чертах русских, принадлежавших к разным сословиям, и, конечно, о власти монарха. Заметки де Баранта, не предназначенные изначально для печати, во многом перекликаются с широко растиражированной и ставшей хрестоматийной книгой де Кюстина. Астольф де Кюстин, бу-

¹² Ibid. P. 332.

¹³ Henry Hélène. Paul de Julvécourt (1807–1845) entre la France et la Russie, *Revue Russe*, n°5, 1993, p. 15.

¹⁴ Cadot Michel. La Russie dans la vie intellectuelle française, 1839–1857. Fayard, 1967, p. 333.

дучи роялистом, отправился в Россию искать доводы против парламентского правления: «Я желал повидать страну, где царит покой уверенной в своих силах власти <...>. Что бы ни окружало вас в России, что бы ни поражало взор ваш все имеет вид устрашающей правильности. <...> На языке официальном эта жестокая тирания именуется любовью к порядку, и для умов педантических сей горький плод деспотизма столь драгоценен, что за него, считают они, не жаль заплатить любую цену. Живя во Франции, я и сам полагал, что согласен с этими людьми строгого рассудка»¹⁵. Кюстин вернулся противником абсолютной монархии и убежденным либералом. В своей книге он пишет о России: «...там царит одно лишь безмолвие страха», «грозная власть, подчиняющая население целой империи воинскому уставу», признавая, что ему «милее умеренный беспорядок, выказывающий силу общества, нежели безупречный порядок, стоящий ему жизни»¹⁶. Нельзя сказать, чтобы Кюстин особо интересовался положением крестьян в России, но все же его высказывания об этом вопросе, ставшие афоризмами, так или иначе говорят за себя. Добавим еще несколько цитат из книги известного путешественника:

«Империя эта при всей своей необъятности — не что иное, как тюрьма, ключ от которой в руках императора»¹⁷.

«Попробуйте посоветовать отменить постепенно в России крепостное право, и вы увидите, что с вами сделают и что скажут о вас в этой стране»¹⁸.

Кюстин настойчив в своем мнении о том, что Россия — страна рабов, и рабом там является каждый, независимо от своего социального положения в обществе. Книга де Кюстина вызвала, как известно, определенный резонанс во всей Европе — от Англии до России — и оказала огромное влияние на формиро-

¹⁵ Кюстин А. де. Россия в 1839 году. 3-е изд. СПб. С. 209.

¹⁶ Там же. С. 624.

¹⁷ Кюстин А. де. Россия в 1839 году. В 2 т. Т. 1. Москва: Изд-во им. Сабашниковых, 1996, с. 251.

¹⁸ Там же. С. 249. В кругах русской эмиграции в Париже подробно обсуждалась книга А. де Кюстина, о чем был осведомлен И. С. Тургенев. «Записки охотника», возможно, явились репликой на это сочинение француза (См.: *Генералова Н. П.* И. С. Тургенев: Россия и Европа. СПб., 2003. С. 65–160). — (Ред.).

вание европейского общественного мнения касательно российского социально-политического уклада на многие годы.

Можно сказать, что дореформенных текстов, так или иначе освещающих крестьянский вопрос, достаточно. И это несмотря на то, что средний француз мало был осведомлен о жизни русского крестьянина, о его быте и ментальности. Даже побывавшим в России французам трудно было объективно судить о реальном положении крепостных за неимением возможности вступать с русскими крестьянами в прямой контакт — в своих поездках по России они, по понятным причинам, мало сталкивались с ними в своей повседневной жизни, а если и случалось им пересекаться с тем или иным представителем крестьянства, языковой барьер препятствовал их непосредственному общению. Даже изрядно объехавший Россию де Кюстин не в состоянии был подробно рассказать о русском крестьянине: в «России в 1839 году» он восхищается ловкостью русских кучеров и живописной бородой стариков-крестьян, с которыми ему доводилось сталкиваться волей случая... Другие французские литераторы (Стендаль, А. Дюма, В. Гюго, О. Бальзак и др.), писавшие о России или упоминавшие о ней в своих произведениях, ни в коей мере не могут претендовать на достоверность: они мало знали о российских реалиях, поэтому в их произведениях картины русской жизни (места, персонажи и пр.) построены на стереотипах.

Долгое время среди европейской общественности бытовало мнение, что положение русских крестьян далеко не плачевно. Гакстаузен в частности высказывает в своей работе мнение, согласно которому положение простого народа во Франции или еще в Англии гораздо менее завидно, чем в России, где помещик несет ответственность за своих крестьян и в случае неурожая берет на себя обязательство кормить своих крепостных, спасая тем самым последних от голодной смерти.

Такое видение вопроса меняется благодаря публикации в 1854 году «Записок охотника» Тургенева на французском языке. Перевод Эрнеста Шарьера может быть и был далеко не совершенным, но всё же можно сказать, что это литера-

турное событие стало поворотным моментом в осмыслении положения русского крестьянства в России среди французов. Любопытен комментарий французского драматурга и переводчика Леона де Вайи после выхода в свет книги Тургенева:

«В прошлом году издатели божились только лишь одной Америкой; в этом году они только и говорят, что о России. Даже если император Николай не одержит других побед, он всегда сможет гордиться тем, что одолел Дядю Тома. Крепостной крестьянин полностью затмил раба в глазах сочувствующей общественности»¹⁹.

Широко обсуждавшаяся книга Тургенева положила начало общественным дебатам на тему будущего русского крестьянства: во Франции ожидали неминуемого всеобщего восстания крестьян против существующего строя. Не зря хорошо знавший Россию и русских Проспер Мериме делает особый акцент на великом терпении русского мужика в своей статье «Литература и крепостное право в России», вышедшей в июле 1854 года по случаю публикации «Записок охотника»; в отличие от большинства своих соотечественников, французский писатель нисколько не верит в способность российского народа к восстанию...²⁰

Учитывая живой интерес к положению и судьбе русского крестьянства в России всего за несколько лет до принятия Великой реформы, логичным было бы предположить, что реакция на Манифест Александра II, отменяющий крепостное право, была весьма заинтересованной среди французов. Однако приходится констатировать обратное. Весьма показательным в этом отношении представляется освещение вопроса во французской прессе того времени. Как высказывается на этот счет французский историк, специалист по России в контек-

¹⁹ Цитируется по: *Cadot Michel. La Russie dans la vie intellectuelle française. 1839–1857. Fayard. 1967, p. 334.*

²⁰ И. С. Тургенев подробно обсуждает вопросы крепостного права в статье «Etude sur la situation des serfs on Russie», напечатанной анонимно в «Revue de Paris» (1857, 1 janvier). См.: *Тургенев И. С. Соч. Т. 12. С. 516–531.* — (Ред.).

сте международных отношений Мари-Пьер Рей: «Объявление о публикации в России царского манифеста от 19 февраля (3 марта) 1861 года об отмене крепостного права, вызывало весьма слабый (...) отклик во французской прессе»²¹.

Этот вопрос частично освещался специалистом по архивам Грегуаром Элдиным: информация о принятии манифеста пришла во французскую печать через телеграмму посла Франции в Санкт-Петербурге: «Царский манифест об освобождении крестьян был зачитан сегодня во всех церквях Санкт-Петербурга». Эти строки, не снабженные какими-либо дополнительными комментариями, были напечатаны в «*Moniteur universel*»²². Немногим позже газеты «*Le Siècle*», «*Le Constitutionnel*», «*La Patrie*», «*La Presse*» (самые крупные на тот момент издания Франции по размерам тиража) публикуют короткую депешу на этот счет на первой странице, но полностью «затерянную» среди другой информации: в типовой депеше содержится резюме реформы с акцентом на том, что право собственности на землю остается за помещиками. В последующие недели о событии упоминается в других изданиях, но опять же весьма лаконично и без лишних комментариев²³. Вот несколько более подробных примеров.

В выпуске «*La Presse*» от 13 марта 1861 года отмечается, что данный указ и положения к нему разработаны «в самых существенных ее элементах» и «что покажется невероятным то, что эта конституция применяется к почти двадцати четырем миллионам душ, то есть более чем к трети всего населения Империи»²⁴.

²¹ *Rey Marie-Pierre. Le Dilemme russe, La Russie et l'Europe occidentale d'Ivan le Terrible à Boris Eltsine. Flammarion, 2002, p. 155.*

²² *Eldin Grégoire. L'émancipation des serfs en Russie dans la Revue des deux mondes et la correspondance diplomatique française, dans Cahiers de l'ATVM, N°35, 2011, p. 143.*

²³ *Ibid. P. 144.*

²⁴ «*La Presse*» (13.03.1861):, Telle est, dans ses éléments les plus essentiels, la constitution du servage russe. Et, ce qui paraîtra incroyable, c'est que cette constitution s'applique à près de vingt-quatre millions d'âmes, c'est à dire à plus du tiers de la population totale de l'empire. Ajoutons que, de par la loi, l'accès du servage est formellement interdit aux étrangers: les Russes seuls, les Russes, pur sang y sont admis». См. [thepresentation.ru/istoriya/...](http://thepresentation.ru/istoriya/)

Далее ссылаемся на данный сайт.

30 апреля 1861 года в газете «Le Temps»²⁵ появилась статья, где приветствовался акт освобождения «...славянских крестьян (т.е. русских.— О.Г., Е.П.), до сих пор томящихся в узах крепостного права...». «Сейчас все взоры прикованы к России,— продолжает автор статьи,— которая четыре года занимается разработкой этой социальной реформы, и мы с некоторым нетерпением ожидаем решения проблемы, которая интересует более двадцати миллионов членов европейской семьи». Как видно из этой цитаты корреспондент относит Россию к европейским странам, сообщая о том, что общество, вероятнее всего, французское, которое уже в 15–16 веках покончило с феодальной зависимостью человека от человека, не может равнодушно смотреть на «страдания самых далеких народов», в том числе славянских.

5 июля того же года в очередной статье газеты «Le Temps» высказываются надежды на то, что в России в результате дальнейших политических изменений, что было бы процессом естественным, семена либеральных тенденций «пустят корни, прорастут и расцветут» и «будут востребованы более совершенными и просвещенными людьми». Что касается положения знати и народа (народный дух), то их союз «будет закреплён различными государственными законами»²⁶.

²⁵ «Le Temps» (30.04.1861): «Il ne se commet pas sur le globe une injustice envers la race humaine sans provoquer une protestation en Europe; il ne s'élève pas un cri de douleur sans rencontrer un écho parmi nous. Ce caractère de la civilisation suffirait seul à distinguer notre époque des siècles précédents. Si l'opinion publique s'intéresse aux souffrances des peuples les plus éloignés, comment resterions-nous indifférents au sort des paysans slaves qui languissent encore dans les liens du servage? Comment n'applaudirions-nous pas à l'acte d'émancipation qui promet de faire disparaître cette tache sombre de notre continent? Tous les regards sont en ce moment tournés vers la Russie, qui s'agit depuis quatre années pour réaliser cette réforme sociale, et l'on attend avec une sorte d'impatience la solution d'un problème qui intéresse plus de vingt millions de membres de la famille européenne». См.: Там же.

²⁶ «Le Temps» (05.07.1861): «Il est évident que d'autres changements devront suivre ce grand changement organique. Il est évident que si, comme tout porte à le croire, des gouvernements constitutionnels et représentatifs régissent la France, l'Italie et l'Allemagne, les germes du gouvernement représentatif finiront par prendre racine, croître et fleurir en Russie, où une tendance plus libérale sera exigée par la condition améliorée et éclairée de ses nobles, et, par un esprit populaire qui sera basé sur l'union des différents ordres de l'Etat». См. там же

В «Journal des débats politiques et littéraires» от 1 августа 1861 года говорится со знанием дела о том, что Манифест Императора России — это только начало пути к освобождению крестьян, отмечая, что «переходный период» не будет продолжительным, а ограничится двумя годами. Автор статьи не сомневается, что «по истечению двух лет они (крестьяне. — *О.Г.и Е.П.*) получат полное освобождение...»²⁷. Конечно, нельзя требовать от газетных статей какого бы то ни было анализа в отношении внутренних дел России.

Эти небольшие выдержки из прессы весьма коротки и давали французскому читателю самые общие представления о том, что происходит в России. Подчас минимум текста выявляет особое мнение автора. Скажем, в «Le Temps» от 22 февраля 1862 года сообщается: «Настало время воздать должное щедрости Александра II, который затеял Великие реформы и дал свободу во всех частях государства. Мы должны выказать также уважение правительству России, но не нужно забывать, что поляки всегда сражались на нашей стороне». И здесь читатель понимает, что основное в статье не похвала императору, а указание на более близкую французам проблему, на польский вопрос. Видимо корреспондент высказывает точку зрения французского общества на положение польских крестьян. Исполдволь в статье делается намек на то, что Александр II, будучи Императором Всероссийским, является одновременно Царем Польским и Великим князем Финляндии... Польскому вопросу в прессе 1861 года, да и последующих лет, уделяется гораздо больше внимания, чем самим реформам в России. Противостояние России, делающей все возможное, чтобы удерживать контроль над польски-

²⁷ «Journal des débats politiques et littéraires» (01.08.1861): «...Des premiers, l'ukase impérial dit simplement qu'il sera fixé pour eux un état transitoire adapté à leurs occupations et aux exigences de leur position. Au bout de deux ans, ils recevront leur entier affranchissement avec quelques immunités temporaires d'indemnité pour les propriétaires, il n'est aucunement question. Par ce simple acte, plus d'un demi-million d'individus, vrais esclaves plutôt que serfs, car ils sont la propriété d'un maître qui peut les vendre à son gré, recouvrent leur liberté et rentrent dans le droit commun. Il ne leur reste qu'à souhaiter la prompte promulgation du statut qui réglera l'état de transition, dont la durée, limitée à deux ans, ne saurait leur paraître bien longue». См.: Там же.

ми территориями, и Франции, принявшей с начала 1830-х годов огромное количество польских эмигрантов, находилось в стадии апогея. Для России сохранение status quo на всей территории империи без исключения было синонимом сохранения всей ее территориальной целостности и европейской будущности России.

Уже к началу века во Франции сложилась устойчивая сеть стереотипов в отношении России. В среде французских обывателей сложилось стереотипное представление о русских как о народе восточном, диком, невежественном.

Тенденциозные представления о России послужили благодатной почвой для усиления негативных стереотипов о ней. События XIX века только подкрепили их. С начала XIX века отношения между Россией и Францией переживали кризисные времена. Это было связано с геополитическим контекстом: Наполеоновские войны и Отечественная война 1812 года в России, в ходе которой армия Наполеона потерпела громкое поражение. Русские войска под руководством Александра I с триумфом вошли в Париж. Россия — страна-триумфатор — оккупировавшая часть французских регионов в течение нескольких лет, не могла вызывать симпатий в глазах французов. В этом складывающемся годами образе крепостное право играло несомненно определенную роль: наличие крепостного права в России было нонсенсом для французского общества, строившего свою систему ценностей на идеях, родившихся в результате Французской революции (права человека, гражданское общество и пр.). Страна, где часть граждан поработила другую часть граждан, не могла оцениваться иначе, чем краем варваров, несмотря на статус крупного европейского игрока с начала XIX века.

Когда крестьянская реформа была объявлена, одна из многочисленных составляющих образа «варварской державы» была ликвидирована, пусть и не полностью.

Е. Н. Ашихмина

**ВЛАДЕЛЬЦЫ ДВОРЯНСКИХ ГНЕЗД
В ПРЕДДВЕРИИ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ
(по материалам «Запискок охотника»
И. С. Тургенева)**

В истории русской цивилизации существовало несколько переломных моментов, результатом которых становилось радикальное изменение экономики, политической традиции и социума. Как правило, сложные преобразования русского Дома неизбежно влекли за собой серьезные перемены в быту. Они неизбежно затрагивали все слои населения. Одна из наиболее радикальных перемен русского уклада пришлась на середину XIX — начало XX века, причем по факту явилась предпосылкой еще более масштабных и, вероятно, самых болезненных в истории страны катаклизмов, в которые были ввергнуты народы Российской империи после революции 1917 года.

Свидетелями исключительных перемен XIX– начала XX века стали великие русские литераторы, преднамеренно или невольно фиксировавшие характерные детали традиционного социума и его обихода, как и изменение отношений между различными слоями населения. Их мышления часто напрямую касались проблемных ситуаций Орловской губернии, поскольку этот край являлся малой родиной И. С. Тургенева, А. А. Фета, Н. С. Лескова, И. А. Бунина, Л. Н. Андреева. Некоторые из них — Тургенев, Лесков, Фет — застали сословный быт еще во времена крепостного права. На их глазах происходил перелом в политике, экономике, в межсоциальных отношениях и в быту, обозначенный реформами Александра II. Поскольку заявленная проблема

весьма сложна, и обращение к ней требует комплексного подхода, в данной статье мы лишь выделим аспект преломления сходных общероссийских данностей в конкретно-историческом регионе — в Орловском крае глазами Ивана Сергеевича Тургенева.

Писатель был напрямую причастен к развенчанию крепостного зла. Известно, что император Александр II «просил передать Тургеневу, что «Записки охотника» сыграли большую роль в его решении освободить крестьян». Цикл рассказов Тургенева печатался в 1847–1851 годах в журнале «Современник» и был выпущен отдельным изданием в 1852 году. Безусловно важно, что «Записки» читались императором, но не менее важно и то, что и значительная часть дворян, читавших Тургенева, также осознала пагубность крестьянской несвободы.

Впервые о том, что «крепостное состояние есть пороховой погреб под государством», было сказано в нравственно-политическом отчете III отделения Собственной его Императорского Величества Канцелярии за 1839 год¹. Крепостное состояние, говорилось в отчете императору, «тем опаснее, что войско составлено из крестьян же»². «Дело опасное, и скрывать эту опасность было бы преступлением. Простой народ ныне не тот, что был за 25 лет перед сим»³.

И действительно: то тут, то там в крестьянской среде происходили волнения. Только в 1848 году в России, охваченной холерой, неурожаем и голодом, произошло свыше 160 крупных крестьянских волнений. Николай I внимательно читал отчеты III отделения. Он был согласен, что крепостное право — это «пороховой погреб» и фразу эту однажды повторил.

Делалось ли царем что-нибудь, чтобы изменить ситуацию? Такие попытки имели место. В течение нескольких лет Николаем было издано 100 указов по крестьянскому вопро-

¹ Конец крепостничества в России. Документы, письма, мемуары, статьи. М., 1994. С. 63.

² Там же.

³ Там же.

су. Но указы носили лишь рекомендательный характер. 9 секретных комитетов готовили крестьянскую реформу. Но ни один из проектов не устроил царя до конца. Проекты не шли дальше принятия мер «к постепенному смягчению крепостного права». Все они сводились лишь к частным переменам и дополнениям.

К середине 1840-х годов крепостное право превратилось в государственную проблему. И дело было не только в страданиях крестьян. В стране было всего 19 крупных промышленных предприятий и 2 железных дороги, одна из которых вела на дачу царя. Император знал, что крепостное право представляет собой род «лежачего полицейского», ибо рабочие руки были не свободны, большая их часть находилась в деревне, и потому страна не могла провести необходимых технических преобразований, причем не только в промышленном производстве, но и в военном, что сказалось, в частности, на результатах Крымской войны. С сельским хозяйством тоже было далеко не всё в порядке. Отсутствие нормального менеджмента со стороны помещиков, отсутствие у них заинтересованности в использовании техники провоцировали стагнацию сельскохозяйственного производства. Отсюда, кстати, насильственное введение картофеля в сельскохозяйственный оборот и крестьянские бунты по этому поводу, прошедшие в 30-е годы XIX века.

Понимая опасность «порохового погреба», император, тем не менее, не был готов освобождать крестьян. Николай I не понимал, на каких условиях и как у помещиков изъять гигантского размера земельную собственность, документально зафиксированную, по большей части данную его предками. На такое колоссальное, запредельное отчуждение, нарушавшее законы землевладения, царь пойти не мог. Варианты изымания земли у дворян секретные комитеты так и не нашли.

Николай всегда исходил из незыблемости помещичьего землевладения. Это проявлялось даже в мелочах. 2 апреля 1842 года царем был издан указ о так называемых «обязанных крестьянах», который исправлял указ Александра I от

1803 года, разрешавший отчуждать часть земельной собственности помещиков в пользу крестьянского надела. Изменения такого рода, то есть в пользу крестьян, с 1803 года произошли всего в 7 имениях⁴. И, тем не менее, даже такая уступка было отменена. Помещики были категоричны в своем нежелании уступать крестьянам хоть какую-то часть земли.

Кроме того, Николай I понимал, что одновременно с отменой права крепости и изменением положения крестьян будет необходимо разработать и принять целый пакет реформ — суда, военную, финансовую, образования и проч.

Он также предвидел, какую негативную реакцию вызовут подобные нововведения у дворян, в массе своем далеких от принятия новых условий жизни. Столетиями русское дворянство усваивало традиционный способ получения дохода от крестьянского хозяйства. Дворяне начинали свое историческое выдвижение как служилое сословие. Выйдя в отставку, дворянин жил, как ему казалось, на заслуженном отдыхе, охотился, играл в карты, веселился в кругу соседей, подобных ему самому. Кстати, именно поэтому были обречены на провал попытки приобщить дворянство к торгово-денежным отношениям, сделанные еще правительством Шуваловых при Елизавете Петровне. Для хозяйственных нужд дворян тогда были открыты банки, проведена первая приватизация государственных предприятий; дворянам была отдана монополия на винокурение.

И всё это окончилось ничем.

Панорамную картину дореформенного времени и помещичьей среды во всей полноте мы видим в «Записках охотника». Тургенев оставил нам одно из самых интересных исторических свидетельств о предреформенном российском социуме. Герцен назвал книгу Тургенева «обвинительным актом крепостничеству» и добавлял: «Никогда ещё внутренняя жизнь помещичьего дома не выставлялась в таком виде на всеобщее посмеяние, ненависть и отвращение»⁵.

⁴ Павленко Н. И. История СССР с древнейших времен до 1861 года. М., 1989. С. 499.

⁵ Герцен А. И. О романе из народной жизни в России: <Отрывок> // Н. В. Гоголь в русской критике. Сб. ст. М., 1953. С. 331–332.

Тургенев как великий художник буквально вытащил и показал нам типические черты помещика предреформенного времени. И одновременно в «Записках» мы увидели пророческие картины будущего угасания дворянских гнезд и даже в какой-то степени их штопорообразного схождения с исторической сцены как участников производственной сферы, ибо Тургенев столь выпукло представил нам их носителей, что перспектива их в пореформенной жизни оказывалась очевидной. Ни один из выведенных Тургеневым типов не сумел бы стать, говоря современным языком, эффективным менеджером в вольнонаемном хозяйстве. Читавший Тургенева Александр II, если раньше и не знал провинциальных помещиков до тонкостей, до нюансов, получал представление о контингенте, с которым ему придется иметь дело после освобождения крестьян. И потому он не был удивлен, когда одна из помещиц однажды просто обвиняла его в том, что теперь она не знает, как ей жить. Надо отдать должное мужеству Александра II, сумевшего осуществить великую реформу.

Во-первых, Тургенев показывает нам дворян, которые оставались на традиционной позиции крепостников. И мы понимаем, насколько тяжело они будут приспосабливаться к новым условиям. И — да, размежевавшись со своими крестьянами, взглядов своих они не поменяли, активными проводниками реформы не стали. В рассказе «Два помещика» в этом варианте Тургенев представляет нам Мардария Аполлоновича Стегунова.

«— А что я коноплиники у них отнял и сажалки, что ли, там у них не выкопал,— уж про это, батюшка, я сам знаю. Я человек простой — по-старому поступаю. По-моему: коли барин — так барин, а коли мужик — так мужик»⁶.

«Живет Мардарий Аполлоныч совершенно на старый лад»⁷, — пишет Тургенев, описывая его дом и множество дворовых. Мужиков Мардарий бьет, — так было по старине, еще и удовольствие от порки крестьян получает.

⁶ Тургенев И. С. Два помещика // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем в 30 т. Соч. в 12 т. Т. 3. М., 1979. С. 170.

⁷ Там же. С. 167.

Интересы его, как и многих соседей, практически все сосредоточены в господском дворе, на охоте, на нехитрых развлечениях и тяжбах с соседями. «Разве в хороший летний день велят заложить беговые дрожки и съездит в поле на хлеба посмотреть да васильков нарвать»⁸. Стегунов не развит нравственно и почти не образован. Он ничего не читает, ничего нового не знает и знать не хочет: «Сам же никогда ничем не занимается и даже «Сонник» перестал читать»⁹. Тургенев делает вывод: «таких помещиков у нас на Руси еще довольно много»¹⁰. Слово «довольно» здесь должно как бы снижать эмоциональную окраску. Однако современники Тургенева правильно понимали писателя: таких помещиков много. В пореформенное переустройство они не впишутся.

Недалеко ушел от Стегунова и г-н Полутыкин («Хорь и Калиныч»). В отличие от Мардария Аполлоныча крестьян он не бьет, но человек недалекий, рассказывает по многу раз один и тот же несмешной анекдот, читал какие-то безвкусные книги (хвалил сочинения Акима Нахимова¹¹ и повесть «Пинну»¹²). Живет Полутыкин от урожая до урожая — от барщины и оброка, который неуклонно повышает. О крестьянах Полутыкин не думает — для многих дворян это естественно. Калинычу, в частности, не дает вести хозяйство и не платит за услуги — ограничивается гривенником на лапти, выданном «в прошлом году». В дела хозяйства не входит совсем — контора Полутыкина упразднена (две комнаты и стол, который прибежал с заднего двора). Никакого деятель-

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 167–168.

¹⁰ Там же. С. 168.

¹¹ А. Н. Нахимов (1783–1815) — второстепенный поэт-сатирик, автор «Сочинения в стихах и прозе».

¹² М.А. Марков (1810–1876). «Пинна» // «Сто русских литераторов». Т. III (СПб., 1845). По определению В. Г. Белинского, повести Маркова «забывались в ту же минуту как прочитывались» (*Белинский В. Г. Статьи и рецензии. 1845–1846 / Полн. собр. соч. в 13-ти т. Т. 9, М., 1955. С. 267*). Со смертью героя, пишет далее Белинский, останется «на свете стало одним глупцом меньше» — единственная отрадная мысль, которую читатель может вынести из этой галиматии» (Там же. С. 269–270).

ного хозяина в пореформенной России он и ему подобные дворяне представлять собой не могут.

Тургенев показывает, как важнейшую свою хозяйственную часть дворяне передоверяют своим управляющим, старостам, бурмистрам, конторщикам, которыми традиционно становятся люди совершенно определенного толка: расчетливые, беспринципные, отличные психологи — они находят подход к дворянам. Сплошь и рядом такие управленцы оказываются основными, хоть и негласными распорядителями денежных средств, на основании которых они строят собственный капитал. Дворяне делались при этом заложниками собственной экономической неграмотности и тотального нежелания вникать в хозяйственные проблемы.

В результате они или не хотели или уже ничего не могли предпринять в случае обращения крестьян к ним лично, как бы редко такие обращения не поступали («Бурмистр»). Как мы помним, брат Ивана Сергеевича Николай оказался в подобной ситуации, обращаясь за деньгами к собственному управляющему и зачастую получая от него отказ.

Изумителен Тургенев, вложивший в уста однодворца Овсяникова свое впечатление от дворян: «Насмотрелся я на них, ... обходительны, вежливы. ... всем наукам они научились, говорят так складно, что душа умиляется, а дела-то настоящего не смыслят, даже собственной пользы не чувствуют: их же крепостной человек, приказчик, гнет их куда хочет, словно дугу»¹³.

Вот молодой помещик Аркадий Павлович Пеночкин, в характеристике Белинского, «мерзавец с тонкими манерами» («Бурмистр»). Его «государственный человек» — бурмистр Софрон — держит крестьян в кулаке и делает с ними, что хочет. Составить Уставную грамоту Пеночкин явно препоручит бурмистру, а тот еще раз ограбит крестьян. Пеночкин давно не владеет деревней, хотя и не знает об этом. Именно такие бурмистры и покупали с потрохами имения бывших владельцев после реформы. Дворянское гнездо Пеночкина

¹³ Тургенев И. С. Однодворец Овсяников // Тургенев И. С. Указ. соч. Т. 3. М., 1979. С. 64.

исчезнет, переменяв хозяина. Но тот уже будет представителем другого сословия и другой формации.

Вот Вячеслав Илларионович Хвалынский («Два помещика»). «Хлопотун он и жила страшный, а хозяин плохой: взял к себе в управители отставного вахмистра, малоросса, необыкновенно глупого человека»¹⁴. Хвалынский постепенно разоряется и разорится вконец. Хозяйство генерала пост-реформенных времен не выдержит. Та же участь ждет и помещицу Елену Николаевну Лоснякову из рассказа «Контора».

А вот и новый тип помещика: Василий Николаевич Любозвонов, вероятный славянофил. («Однودворец Овсяников»). Это — новый в провинции тип образованного дворянина, который не хочет, чтобы крестьяне видели в нем эксплуататора и тирана. При этом он все равно не достигает ни личного, ни экономического результата. Любозвонов появляется в имении в простонародной одежде, которую, однако, носят представители разнородных социальных низов, выглядит при этом странно, подделывается под народный язык, но только озадачивает крестьян. «В собственной вотчине живет, словно чужой», — рассказывает о нем Овсяников.

Овсяников с иронией отзывается о Любозвонове: «все книги читает али пишет, а не то вслух канты произносит, — ни с кем не разговаривает, дичится, знай себе по саду гуляет, словно скучает или грустит. Прежний-то приказчик на первых порах вовсе перетрусился: перед приездом Василья Николаича дворы крестьянские обегал, всем кланялся, ... И мужики надеялись, а что такое вышло! Позвал его к себе Василий Николаич и говорит, а сам краснеет: «Будь справедлив у меня, не притесняй никого, слышишь?» Ну, приказчик и отдохнул; а мужики к Василью Николаичу подступиться не смеют: боятся»¹⁵. Любозвонов, вероятно, включится в реформу с энтузиазмом — раз народ, о котором он «страдает», получит волю, но в итоге всё равно будет советоваться с при-

¹⁴ Тургенев И. С. Два помещика // Там же. С. 164.

¹⁵ Тургенев И. С. Однودворец Овсяников / Там же. С. 67.

казчиком, которому верит, и перепоручит основную работу по размежеванию всё тому же приказчику.

Зверков — еще один типичный образ дворянина, хотя и другого варианта и другого уровня («Ермолай и мельничиха»). Этот петербургский чиновник, слышущий человеком «дельным», убежден, что «знает своё собственное отечество» и народ. Зверков и ему подобные загубили, скорее всего, жизнь не одной Арины; взгляды крепостника такие не переменят и после реформы. Скрупулезно они отмерят крестьянский клин в свою пользу, отрежут путь крестьянской скотине к водопою, при этом то и дело упрекая крестьян в неблагодарности. Эффективным менеджером Зверков и такие же, как он, вряд ли могут быть.

Нельзя сказать, что новые веяния совершенно не затрагивали провинциального дворянина, но они сводились в основном к имитации столичных бытовых вариантов, таких, например, как заведение не только состоятельными помещиками, но и владельцами средней руки тепличного хозяйства и введение европейского стола. Но при отсутствии должных специалистов и средств, результаты оказывались ниже ожидаемых. Так, помещик Полутыкин посылает соседям «в подарок кислые персики и другие сырые произведения своего сада» («Хорь и Калиныч»). Он же «завел у себя в доме французскую кухню», и повар его, также, должно быть, был выучен за незначительную цену каким-нибудь местным специалистом: «тайна» его блюд «состояла в полном изменении естественного вкуса каждого кушанья..., зато ни одна морковка не попадала в суп, не приняв вида ромба или трапеции»¹⁶.

Инновациями такого рода дело не заканчивалось. Дворяне не прочь были продемонстрировать друг другу свою готовность к техническим переменам. Иногда они даже шли на покупку современного сельскохозяйственного инвентаря, но, потратив деньги, ставили машину куда-нибудь в сарай «на потом». Типическое это явление также отразилось в «Записках охотника»: Мардарий Аполлоныч, например, «купил,

¹⁶ Тургенев И. С. Хорь и Калиныч // Там же. С. 8.

чтобы не отстать от века, лет десять тому назад, у Бутенопа в Москве молотильную машину, запер ее в сарай да и успокоился». Есть веялка и у Пеночкина. Одна штука. В работе ее никто не видел.

Экономические расчеты вообще отступали там, где дворянин демонстрировал свою власть над людьми. Он мог разорить отпущенного на оброк крестьянина даже в том случае, если сумма оброка была солидной, то есть помещику выгодной. Дворянин предпочитал потерять деньги, но непременно явить себя хозяином раба («Федосья-то из Микулина. В Москве на оброке жила в швеях и оброк платила... сто восемьдесят два рубля с полтиной в год..., в Москве заказы получала хорошие. А теперь Гарпенченко ее выписал, да вот и держит так, должности ей не определяет...»)¹⁷ («Однодворец Овсяников»). Подобное явление, описанное Тургеневым, было типичным для России, но в пореформенное время Гарпенченке всё-таки придется изменяться, чтобы вконец не разориться.

Нечего ждать великих пореформенных подвигов в хозяйстве и от таких людей, как помещица Богданова и подавно — ее племянник («Татьяна Борисовна и ее племянник»). В хозяйственных делах Богданова тоже мало что понимает, но есть небольшой шанс, что хоть Уставная грамота может оказаться справедливой у ее крестьян, однако надолго ли? Ее наследник — неудавшийся художник Беловзоров спит и видит, чтобы продать имение старой тетки. Кому он, именно он продаст имение, чтобы вернуться в Петербург? Обыкновенно, покупатели находились в купечестве, а может это будет свой же староста. Но может случиться и так, что тетка, которая «души не чает» в племяннике, и сама согласится продать поместье кому угодно.

От Богдановой и Беловзорова никаких экономических инноваций ждать невозможно, как и от Петра Петровича Каратаева. Он сам признается, что его «Хозяйство порасстроилось, мужиков поразорил, признаться ... Да, впрочем,—

¹⁷ Тургенев И. С. Однодворец Овсяников / Там же. С. 71.

прибавил он, уныло глянув в сторону,— какой я хозяин!»¹⁸ Каратаев выпивает, деревню его продали с аукциона, на службу он так и не устроился и мечтает об одном: «умереть в Москве!»

Пусть по другой причине, но и у благородного, обедневшего Пантелея Еремеича Чертопханова «Последние денежки перевелись, последние людишки поразбежались» («Конец Чертопханова»)¹⁹. Говорить о нем, а подавно и о его приятеле Недопюскине («Чертопханов и Недопюскин»), как о будущих эффективных хозяевах не приходится. Радилов, уважаемый Овсяниковым (Овсяников вряд ли поехал бы в гости к неуважаемому), вряд ли с его характером стал бы активным проводником крестьянской реформы («Мой сосед Радилов»).

Бесспорно, существовали дворяне, которые, как и А. С. Пушкин, считали, что барин должен отвечать за экономическое положение своих подданных: «Петербург приходя, Москва девичья, деревня же наш кабинет. Порядочный человек по необходимости проходит в переднюю, заглядывает в девичью, а сидит у себя в кабинете. Звание помещика есть та же служба. Заниматься управлением 3-х тысяч душ, коих все благосостояние зависит совершенно от нас, важнее, чем командовать взводом или переписывать дипломатические депеши»²⁰. Однако такие дворяне в России той поры составляли меньшинство.

Тургенев показывает нам дворянина, который, может быть, и будет представлять молодое пореформенное предпринимательство. Это — Александр Владимирович Королев («Однодворец Овсяников»). Заметим, что лишь несколькими персонажам «Записок охотника» — Овсяникову, Богдановой, Радилову и Королеву Тургенев дает «нормальную», не окрашенную иронией фамилию.

Королев понимает, что «помещику грешно не заботиться о благосостоянии крестьян, что крестьяне от бога поруче-

¹⁸ Тургенев И. С. Петр Петрович Каратаев / Там же. С. 227–228.

¹⁹ Тургенев И. С. Конец Чертопханова / Там же. С. 299.

²⁰ Пушкин А. С. Роман в письмах // Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10-ти томах. Т. 5. М., 1960. С. 484.

ны»²¹, что-то он и меняет в своем поместье: «Всё новые порядки вводит. Мужики не хвалят,— да их слушать нечего,— говорит о нем Овсяников.— Хорошо поступает Александр Владимирыч»²². Но Тургенев не уверен, что и Королев будет способен к решительным переменам. «Сам четырех десятин мохового болота не уступил и продать не захотел. Говорит: «Я это болото своими людьми высушу и суконную фабрику на нем заведу, с усовершенствованиями. Я, говорит, уж это место выбрал: у меня на этот счет свои соображения...» И хоть бы это было справедливо, а то просто сосед Александра Владимирыча, Карасиков Антон, поскупился королевскому приказчику сто рублей ассигнациями взнести. Так мы и разъехались, не сделавши дела. А Александр Владимирыч... все о суконной фабрике толкует, только к осушке болота не приступает»²³.

В лице Королева Тургенев с пророческой наглядностью вывел на страницы будущего земского деятеля, притом из тех, кто красиво и ярко говорит, но не делает реальных шагов или делает их по минимуму.

Время же требовало от дворян решительно изменить свои привычки, учиться хозяйствовать по-новому, в условиях вольнонаемного труда. Но, как пишет А. А. Фет в своих записках «Из деревни. 1863 год»: «... У нас не диво землевладелец первой величины, который в течение одного часа, на одном конце кабинетного стола, приходит в негодование над деревенскими счетами, отражающими в себе неизбежные последствия общих экономических реформ, и углубляется затем, на другом конце того же стола, в выбор и сортировку журнальных статей с социалистическим оттенком»²⁴.

Имелись ли дворяне, которые стремились «вписаться» в исторический поворот? Имелись, и одним из самых выдающихся, говоря современным языком, эффективных менеджеров в своем поместье оказался А. А. Фет, которому Алек-

²¹ Тургенев И. С. Одиногорец Овсяников / Указ. соч. С. 65.

²² Там же. С. 66.

²³ Там же.

²⁴ Фет А. А. Жизнь в Степановке или Лирическое хозяйство. М., 2001. С. 125.

сандр II вернул его родовое имя Шеншин. Если под именем Фета Афанасий Афанасьевич блистательно остался в русской поэзии, то под именем Шеншина он вошел в историю постреформенных экономических преобразований в сельскохозяйственном хозяйстве России.

Оказавшись владельцем мценской Степановки, Фет приступил к решительным преобразованиям традиционной деятельности в духе, которого требовало время. Новые проблемы — вопросы вольнонаемного труда, договорные отношения с крестьянами, землепользование как таковое, его техническое оснащение, — оказались теми темами, над которыми думало прогрессивное дворянство. Именно для него Фет и написал свои заметки о вольнонаемном труде, которые должны были бы помочь в работе тем, кто шел вместе с ним путем преобразований: «Не одна тысяча людей пойдут теперь моею дорогой. Если мой читатель еще менее меня опытен в земледелии, то я порадуюсь возможности быть ему хотя сколько-нибудь полезным, крикнув впопыхах: тут яма, держи правей, я уж в ней побывал; а если он сам дока, то ему и книги в руки, а я с особенною радостью и жадностью стану слушать его советы. Заподозривать меня в пристрастии к старому порядку или в антипатии к вольному труду нельзя. Я сам добровольно употребил на это дело свой капитал и бьюсь второй год лично над этим делом. Последняя щепка на дворе у меня точно так же куплена и привезена за деньги, как и то перо, которым я пишу эти заметки»²⁵. Тургеневу очень нравились фетовские «Письма из деревни». Сохранилось множество свидетельств по этому поводу: «...его лирическое хозяйство, — писал Тургенев И. П. Борисову, — принесет ему больше пользы, чем множество других, прозаических и практических»²⁶.

Другие помещики, такие как М. Е. Салтыков-Щедрин, еще в 50-х годах XIX века предались утопическим прожектам, экспериментируя с фаланстер-коммунами, приводя от

²⁵ Там же. С. 59.

²⁶ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма в 13 томах. Т. 4. Письма (1860–1862). Л., 1962. С. 344.

этого в ужас того же И. С. Тургенева. Эффект от просветительской деятельности Фета, от его размышлений о вольнонаемном труде мог бы быть гораздо более сильным, если бы не контрпродуктивная критика, которая раздалась из демократического лагеря. Фета начали считать «крепостником», отчаянным реакционером; клеймление его зашло так далеко, что одно его имя стало как бы нарицательным. Наиболее чувствительные удары по заметкам Фета наносил Салтыков-Щедрин, блестящий литератор и неудачливый помещик. Именно Салтыков-Щедрин был наиболее критичен к хозяйственной деятельности Фета и своим острым пером зачеркнул ее в пореформенные годы.

Иные помещики и хотели хозяйничать грамотно, но для этого у них не было ни необходимого образования, ни должного терпения в овладении экономическими расчетами.

Многое в пореформенной России оказалось неприспособленным к новому периоду. Тяжело решались правовые вопросы. Фет пишет о необходимости воспитания всего населения в уважении к «незыблемой силе закона», о неизбежности взаимного пересмотра как помещиками, так и крестьянами целого ряда патриархальных взглядов на почти обязательные потравы, на нерациональное содержание скота, в частности, на «ночное», которое должно быть заменено кормлением животных «кошеным кормом»; на обычную нерасчетливость большинства крестьян, нанимающихся на тяжелые и длительные работы для того только, чтобы отпраздновать свадьбу, на несклонность крестьян к каким-либо договорным обязательствам и их страх перед любой письменной «грамоткой». Фет настаивает на просвещении крестьянского сословия, он видит лучшего учителя в сельском священнике, одновременно с грамотой закладывающего и нравственные основы подрастающей личности. Свое хозяйство он считает «фермерским», но потом определяет его как «земледельческое». Он сам находится в центре непрерывного трудового процесса. За ним идут его последователи — прогрессивные русские помещики. Его заметки внимательно

читают представители царской администрации, и, в частности, один из «архитекторов» александровских реформ, будущий министр финансов России А. А. Абаза.

В своей новой деятельности Фет считал неким примером для себя литературного героя Толстого Левина из «Анны Карениной». Однако с Толстым-землевладельцем он расходился во взглядах на организацию сельскохозяйственного производства, которые не раз менялись у Толстого: Фет был уверен, что не личное участие в пахоте, а правильная организация труда нужна для дела. Интересно, что первые «Записки из деревни» появились в печати в марте 1862 года в журнале «Русский вестник», издаваемом М. Н. Катковым, а в предыдущем, февральском номере этого же «Русского вестника» был напечатан знаменитый роман Тургенева «Отцы и дети». Оба журнала читались повсеместно.

Несмотря на длительный период, в течение которого общественная деятельность Фета была скомпрометирована и даже его работа мирового судьи не получила достойного признания, его заметки по поводу сельского хозяйства в постреформенное время оказали важное влияние на формирование тонкого слоя дворян, которые посвятили себя фермерской деятельности.

Но в целом дворянское сословие не сумело решить поставленную перед ним историческую задачу. По аналогии с европейской традицией русские дворяне в большинстве своем не перестроили свое хозяйство на капиталистический лад, кардинально переоснастив технически сельскохозяйственное производство и изменив организацию труда крестьян. Феодальное сословие не сумело перебороть себя и сэволюционировать в капиталистическое. И потому родовые дворянские гнезда в конце XIX — начале XX века начали стремительно беднеть.

После реформы многие дворяне существовали, проживая, проедаая свои имения, продавая леса и уголья. В итоге, до революции 1917 года всё еще оставаясь у руля власти, дворянство уступило экономические подмостки буржуазии.

ПОЧЕМУ И. С. ТУРГЕНЕВ И В. В. АПРАКСИН НЕ ВСТРЕТИЛИСЬ ЖАРКИМ ЛЕТОМ 1861 ГОДА

Нам уже приходилось не раз представлять одну из ключевых фигур в Орловской губернии периода подготовки и проведения крестьянской реформы — В. В. Апраксина, личность весьма примечательную, ярко проявившую себя в то непростое время. Напоминаем, что Апраксин получил блестящее образование, много учился, путешествуя по Европе. Успешно служил при Министерстве иностранных дел, отличался ясным умом, предприимчивостью, общественным темпераментом.

Говорят, богатство иным идет не впрок, но В. В. Апраксин был успешным хозяином своего огромного состояния. Ю. В. Манн предположил, что Гоголь писал с Апраксина своего идеального помещика в «Выбранных местах из переписки с друзьями».¹

Во второй половине 50-х годов Апраксину предстояло проявить себя на поприще общественного деятеля в пору крестьянской реформы, когда «весь поколебленный быт ходил ходуном, как трясина болотная».

Зимой 1857 года приходит весть об учреждении в Петербурге Секретного комитета по крестьянскому вопросу, а затем и о создании в провинции губернских Комитетов по улучшению быта помещичьих крестьян. На долю Апраксина выпала нелегкая, хоть и почетная миссия возглавить такой Комитет в Орле, ибо в ноябре 1857 года он был избран на должность губернского предводителя дворянства. На выборы этого-то Комитета и торопился приехавший из-за границы в мае 1858 года Тургенев. Торопился, но не успел. Ему еще

¹ См.: Манн Ю. В. Что делать нам в деревне?// «Литература». 2000. № 25.

удастся поучаствовать в работе тульского Комитета (под обращением его к правительству, среди прочих, и подпись Тургенева). Он еще успеет, заканчивая работу над «Дворянским гнездом», снова побывать в Орле и повидаться со знакомыми, заинтересованными в успешной работе губернского Комитета. Напомним опять-таки, что той осенью Апраксин вместе с В. К. Ржевским приходил в гостиничный номер к Тургеневу «держат совет». Тогда совместно был разработан регламент заседаний Комитета, который вскоре был принят с небольшими поправками.

Впоследствии, как мы уже имели случай сообщить, работа орловского Комитета была признана одной из лучших. Прежде всего, столичные чиновники с удовлетворением отметили открытый и гласный характер работы Комитета.² Однако за этим внешним успехом скрывались непростые, порой драматические коллизии во взаимоотношениях участников начавшейся реформы.

Вопросы, рассматривавшиеся на заседаниях, были настолько насущны и болезненны для каждого землевладельца, что возникали яростные споры, даже ссоры, и бывшие друзья становились врагами. Так, А. С. Цуриков — известный в Орле помещик и литератор, бывший в весьма дружеских отношениях с Апраксиным, в ходе работы Комитета разочаровался в нем. Если еще недавно в своих письмах к Апраксину, он обращался со словами «драгоценный друг» и «искренне любящий тебя», то осенью 1859 года он едва достаивает его ледяным «милостивый государь».³

Дело в том, что Цуриков, желая обозначить свое оппозиционное настроение, стал являться на заседания Комитета при бороде (что было противно обычаю), а также в военном мундире — не в партикулярном платье, не в дворянском, а в специально пошитом военном мундире, который он не имел права носить, что Апраксин не преминул поставить

² См.: Мельник Е. Г. Тургенев и В. В. Апраксин накануне крестьянской реформы в Орле // И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы / Под ред. Н. П. Генераловой, В. А. Лукиной. М.; СПб., 2012. Вып. III. С. 281–283.

³ ОР РГБ. Ф.11/II. П. 167. е/х 54.

ему на вид. 13 сентября 1859 года во время приезда государя в Орел, когда все дворяне выстроились для представления царю, Цуриков пожелал вручить Апраксину письмо с просьбой «исходатайствовать ему дарования носить бороду по случаю ревматических болей в подбородке». При этом он демонстративно явился в военном мундире, при бороде и пожелал держать речь. Внутренне взбешенный Апраксин, выругав его про себя «сумасшедшим дураком», тем не менее не потерял самообладания и сумел не допустить сцены в присутствии императора.⁴

Всем известные дипломатические способности Апраксина помогли ему и на этот раз. Скандала удалось не допустить. Государь уехал из Орла довольный, и на очередных дворянских выборах в декабре 1859 года Апраксин вновь был избран губернским предводителем.⁵

Между тем, работа Апраксина в качестве Председателя губернского Комитета была замечена в Петербурге, куда он был приглашен продолжить свою деятельность в качестве эксперта Редакционной комиссии, которую возглавил Я. И. Ростовцев. В архиве Российской государственной библиотеки сохранились письма Я. И. Ростовцева, в которых он лично просит Апраксина принять участие в работе Редакционной комиссии по составлению проектов общих законов об освобождении крестьян:

«Милостивый государь,
Виктор Владимирович, <...>

Почтенная и полезная деятельность Вашего превосходительства по званию Предводителя дворянства Орловской губернии и Председателя Орловского губернского комитета, а так же полное знакомство Ваше с сельским хозяйством и бытом крестьян побуждают меня, с Высочайшего одобрения, пригласить Вас, от имени Его Императорского Величества, если только обстоятельства Ваши позволяют, принять на

⁴ ОР РГБ. Ф.11/II. П. 152. Оп. 1.

⁵ «Санкт-Петербургские ведомости». 1810. 17 февраля. № 36.

себя деятельность Члена Эксперта в комиссиях для составления Положений о крестьянах».⁶

Получив согласие Апраксина, Ростовцев не замедлил откликнуться письмом, в котором выразил надежду, что Апраксин «внесет в заседания Комиссий свои познания и намерение к отечественной пользе».⁷

Завершая работу в качестве председателя орловского Комитета, Апраксин пожелал представить государю свои мысли по поводу предстоящей реформы, опираясь на свой практический опыт землевладельца.

«Записка» Апраксина, обращенная к Александру II сохранилась на 50 страницах и ныне находится в архиве Российской государственной библиотеки в фонде дворян Апраксиных.

Автор не рискнул в то время передать ее по официальным каналам: она неминуемо застряла бы в кабинетах столичных чиновников. Он передал ее в руки царского камердинера, во время пребывания государя в Петергофе, воспользовавшись более надежным способом.

В «Записке», носившей сугубо конфиденциальный характер, Апраксин приветствует объявленное государем намерение отменить крепостное право, позорящее достоинство человеческой личности. Одновременно он пытается очертить место крепостнической системы в самом государственном устройстве. Именно на ней, по мысли Апраксина, держится благосостояние как населения, так и правительства, госучреждений, армии, судов, полиции и т.д. Посему «мгновенная» отмена этой системы отношений повлекла бы за собой уничтожение доходов государства, бытующую систему государственных отношений, что в конечном итоге привело бы к «демократическому перевороту».⁸

Апраксин считает, что разрушать старое следует не иначе, как постепенно, заменяя его на своевременно подготовленные для всех слоев населения формы. В противном

⁶ ОР РГБ. Ф.11/II. П. 158. Оп. 12.

⁷ Там же.

⁸ ОР РГБ. Ф.11/II. П. 157. Оп. 16.

случае, как крестьяне, так и дворяне не в силах понять и «переварить» предлагаемые новации. Для этого потребуется время и последовательные усилия.

Однако опыт, приобретенный автором «Записки» во время работы в качестве председателя орловского Комитета по улучшению быта помещичьих крестьян, убеждает, что начало реформ носит характер непродуманный и противоречивый. Апраксин полагает, что правительство действует без четкого плана, вопреки намерениям, обозначенным государем в Высочайшем рескрипте. Кроме того, Правительство выпускает циркуляры, противоречащие друг другу, что вызывает волнение и растерянность на местах. «Не удивительно,— пишет Апраксин,— что члены губернских Комитетов, при всем старании угадать настоящую цель Правительства, не могли этого достигнуть, встречая в циркулярах МВД непрерывные противоречия. Вследствие этого разноречия во мнениях Членов Комитетов и причина появления из одной губернии двух и более актов».⁹

Апраксин касается и болезненных для российского аграрного вопроса взаимоотношений помещиков и крестьян. Правительство было намерено обрубить между ними всякие связи и учредить Земскую администрацию, которая избирается без какого-либо участия дворян.

«Таким образом,— указывает автор «Записки»,— преобладающими элементами в делах местного управления являются уже сословие крестьянское и бюрократия, т.е. народ и чиновники». Последние, как считает Апраксин, не имея никакой связи с народом, не зная его нужд, будут озабочены лишь разрушением сложившегося уклада и получением, так сказать, «косвенных доходов».

Помимо всего, тем самым наносится кровное оскорбление дворянству, которое на протяжении столетий играло лидирующую роль в российском обществе.

Здесь уместно напомнить о незавершенном замысле Тургенева, его статье «Несколько мыслей о современном значе-

⁹ ОР РГБ. Ф. 11/П. П. 157. Оп. 16. В текстах В. В. Апраксина сохранены особенности оригинала.

нии русского дворянства», где писатель указывает на главную роль дворян — служить Отечеству первыми среди равных. То есть Тургенев, как и Апраксин, говорит о необходимости учитывать «фактор дворянства» на новом историческом этапе, в который вступала Россия.

В заключительной части своей «Записки» Апраксин предлагает свой план проведения реформы. Основные ее пункты следующие:

1. Замена произвола законом, учреждение независимого суда.
2. Учреждение в губерниях Земельных банков с целью обеспечения выкупа крестьянами представленных им в потомственное владение земель.
3. Уничтожение круговой поруки с целью личной ответственности крестьянина. Крестьянин обязан стать собственником и нести ответственность за свой надел.
4. Предоставить дворянскому сословию широкое и самостоятельное участие в местных административных и судебных делах, а также лучшие представители дворянства, избранные от каждой губернии и утвержденные Императором, должны войти в состав Главного управления.
5. Гласность, которая позволит «избежать «язвы лихования», от которой страдает вся Россия.

Эти преобразования, по мысли автора, возможно осуществить лишь при условии постепенных, последовательных изменений, исключающих резкие, необдуманные мысли.¹⁰

В целом проект Апраксина носит явно либеральный характер. Сам автор призывает к консолидации российского общества под знаком социальной справедливости. Иные пункты этой Программы смыкаются с предложениями Тургенева в его Адресе, который он намеревался передать Александру II. Как то: учреждение независимого суда, гласность, участие помещиков в административных делах, участие луч-

¹⁰ ОР РГБ. Ф.11/II. П. 157. Оп. 16.

ших представителей дворянства в органах верховной власти, а у Тургенева позже созыв Земского собора.¹¹

Увы, судьба обоих этих обращений была весьма непростой. «Записку» Апраксина, как видно, государь, не читая передал в Министерство внутренних дел. С. С. Ланской и Н. А. Милютин взяли на себя труд познакомиться с «Запиской» и, вероятно, пришли в ярость от сокрушительной критики действий правительства: Апраксин был объявлен «слабоумным» и с легкой руки столичных чиновников прослыл консерватором.¹²

Адрес Тургенева был передан им журналисту Артуру Бенни, который отправился путешествовать по России для сбора подписей. Однако Бенни испугался преследования полиции и вынужден был сжечь бумаги, в том числе и Адрес Тургенева.¹³

Можно думать, что во время встреч в Орле, Тургенев и Апраксин имели случай обсудить грядущую реформу. Не напрасно Тургенев был намерен пригласить Апраксина к себе в Спасское, что свидетельствует о сложившихся приятельских отношениях между ними. Тургенев в письме к Фету от 22 июня 1861 года приглашал его приехать в Спасское для встречи с Апраксиным и привезти с собою повара и фрак.¹⁴ Позволим себе предположить, что речь могла зайти не только об охоте в апраксинских угодьях, но и, прежде всего, о начавшейся в Орловской губернии крестьянской реформе.

Тургенев в это время поглощен работой над романом «Отцы и дети», где не случайно появляются «орловские страницы» (писатель побывал в родном городе в 20-х числах июня).

Однако в то же самое время Апраксин попадает в нелегкое положение, связанное с его хозяйственной деятельностью. В его главном имении — Брасово в мае случились крестьянские волнения, когда крестьяне отказались выйти на работу, самовольно сместили старост и выбрали новых.

¹¹ См.: *Тургенев И. С.* ПССиП в 28 Т. Изд. 1-е. Письма: В 13 Т. М.-Л., 1962. Т. 4, С. 393–395, 50.

¹² См.: *Долбилов М. Д.* Сословная программа дворянских «олигархов» в России 1850–1860-х годов // «Вопросы истории». 2000. № 6. С. 39.

¹³ ПССиП. (Письма). Т. 4. С. 649–651.

¹⁴ ПССиП. (Письма). Т. 4. С. 265.

Дело закончилось прибытием роты солдат под командованием полковника Арцышевского, который собрал непокорных и строго внушил им повиноваться властям.¹⁵

Месяц спустя Апраксин в неопубликованном письме от 22 июня 1861 года успокаивал матушку Софью Петровну насчет положения дел в имении: «Крестьяне по-прежнему работают плохо, но, по крайней мере, они спокойны».¹⁶

Сам он озабочен ходом выборов волостных старост и назначением должностных лиц в волости. Между тем лето выдалось необыкновенно жаркое. В письме от 28 июня 1861 года Апраксин сообщает: «Сушь стоит страшная и вызывает у меня серьезное беспокойство, овес погиб почти полностью, конопля также никуда не годится».¹⁷ Положение дел его тревожит. Он вновь обращается к этой теме в письме от 2 июля 1861 года: «К несчастью, овес погиб почти повсеместно, что обещает тяжелую зиму для содержания скота. Рожь также не удалась».¹⁸ В эти же дни в письме к графине Ламберт Тургенев жалуется на яровые, пропавшие от несносной жары.¹⁹ Апраксин же сообщает, что продолжает разъезжать по деревням Севского уезда с тем, чтобы продолжить урегулирование поземельных отношений с крестьянами и закрепить участки за мировыми посредниками.

Кроме того, Апраксин занят тем, что пытается преобразовать свое хозяйство в соответствии с изменившимися условиями. Он пишет: «Новый порядок вещей заставляет меня взяться за серьезные преобразования в Брасово. Мне нужны чрезвычайные суммы, которыми я не располагаю! Прибегнуть к займам у частных лиц в настоящий момент на разумных условиях невозможно, посему, по здравом размышлении, я решился написать прошение Его Император-

¹⁵ Хрестоматия по истории Орловского края. Вып. 1.: С древнейших времен до февраля 1917 года/ Сост.: З. А. Витков, Т. Г. Свистунова, И. Н. Чернов и др. Тула: Приок. кн. изд-во, 1966. С. 81–82.

¹⁶ ОР РГБ. Ф.11/II. П. 41. Оп. 2. Оригиналы писем Апраксина на французском языке (пер. Л. А. Балыковой).

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ ПССиП. (Письма). Т. 4. С. 267.

скому Величеству, дабы просить его об отсрочке банковских платежей сроком на 5 лет».²⁰ С этим деликатным поручением отправляется в Петербург его жена Александра Михайловна (Лина), которой предстояло передать просьбу мужа лично в руки Александру II. Следует пояснить, что обращение Апраксина непосредственно к государю было вынужденным. Ввиду тяжелого финансового положения в стране, о котором упоминает Апраксин в одном из писем, обращаться открыто в министерство было опасно. Этот шаг мог спровоцировать скандал. Итак, письмо было передано царю. Оставалось только ждать, ждать и ждать.

Между тем серьезные семейные неурядицы вносили смуту в душу нашего героя. Любимая сестра Машенька — М. В. Мещерская, мать двоих детей, вдова — внезапно влюбилась страстно в человека чуждого им круга. Некто Розанов увлек молодую женщину до такой степени, что она готова была бежать с ним, оставив и мать, и малолетних детей. Атмосфера в доме накалилась до того, что, как писал Апраксин, «дамы готовы были поубивать друг друга».²¹ Увещевания не действовали на сестру. Апраксин, скрепя сердце, вынужден был согласиться на ее брак с чуждым семье человеком, иначе они потеряли бы любимую дочь и сестру.

Возможно, ветры эмансипации коснулись Машеньки, и она пожелала свободы, любви и счастья. Мы знаем немало таких историй в то время. Но наша история имела другой конец. Мария Владимировна в конце концов одумалась: погоревала, поплакала и помирилась с семьей, предпочтя долг матери тревожному счастью с человеком, которого ее семья принять не могла.

Осень 1861 года стала для Апраксиных совсем тяжелой. Неожиданно горит суконная фабрика в с. Алтухово Трубчевского уезда Орловской губернии, приносявшая ему постоянный и значительный доход. Фабрика эта, основанная еще его дедом, вырабатывала тонкое сукно, которое даже шло на экспорт в Китай. Был ли тот пожар следствием поджога или ха-

²⁰ ОР РГБ. Ф.11/II. П. 41. Оп. 2.

²¹ Там же. Письмо от 16 ноября 1861 г.

латности, установить так и не удалось. Апраксин приезжает в Алтухово и свои тягостные впечатления передает в письме матери: «Сегодня суббота и вот я здесь с вечера понедельника. Несчастное Алтухово произвело на меня весьма тягостное впечатление, и урон нанесен гораздо более значительный, чем я расчел, когда только узнал об этом несчастном происшествии.— На людей жалко смотреть; я постараюсь им помочь насколько позволят средства, но опять-таки это будет лишь ничтожная частица сравнительно с тем благосостоянием, каким это население пользовалось до сего дня».²²

Вот почему, думаем мы, посреди всех этих горестных событий Апраксин и Тургенев так и не встретились. Апраксин тогда был в отчаянии — он собирался застраховать фабрику — и не успел. Он подает прошение министру финансов с просьбой о хотя бы частичном возмещении понесенного ущерба. Он лихорадочно пытается найти отрасль, которая принесла бы ему быстрый и легкий доход, и в конце концов останавливается на лесоразработках. Так заканчивается этот непростой первый пореформенный год.

Атмосферу того жаркого лета, как нам кажется, передают раздумья героя романа «Отцы и дети», вернувшегося на родину:

«Сердце Аркадия понемногу сжималось. Как нарочно, мужички встречались все обтерханные, на плохих клячках; как нищие в лохмотьях, стояли придорожные ракиты с ободранной корой и обломанными ветвями; исхудалые, шершавые, словно обглоданные, коровы жадно щипали траву по канавам. Казалось, они только что вырвались из чьих-то грозных смертоносных когтей — и, вызванный жалким видом обессиленных животных, среди весеннего красного дня вставал белый призрак безотрадной, бесконечной зимы с ее метелями, морозами и снегами... "Нет,— подумал Аркадий,— небогатый край этот, не поражает он ни довольством, ни трудолюбием; нельзя, нельзя ему так остаться, преобразования необходимы... но как их исполнить, как приступить?.."»²³

²² ОР РГБ. Ф.11/II. П. 41. Оп. 2. Письмо без начала.

²³ См.: Тургенев И. С. ПССиП в 30 Т. Изд. 2-е. Соч. В 12 Т. М., 1983. Т. 7. С. 16.

И. Б. Тoman
Москва

**ПЕРЕВОДЧИК И. С. ТУРГЕНЕВА
ФРИДРИХ БОДЕНШТЕДТ:
СОНЕТ ОБ АЛЕКСАНДРЕ ОСВОБОДИТЕЛЕ**

В 1867 году в Берлине в девятом томе собрания сочинений Фридриха Боденштедта было опубликован сонет, посвященный Александру II. Вначале автор писал о том, что за тысячелетнюю историю Россия была известна лишь войнами и, подражая «чужим глупостям», изолировала себя от «чужой мудрости». Однако затем мрачный облик России озаряется: новый император, даровав свободу своему народу, гораздо больше достоин вечной славы, чем его предшественники со всеми своими войнами¹.

Почему же профессор Мюнхенского университета Фридрих Боденштедт с таким энтузиазмом откликнулся на освобождение крестьян в далекой России? Обозначим вначале основные вехи его биографии.

Фридрих Боденштедт (1819–1892) родился в Пайне близ Ганновера. По окончании Геттингенского университета уехал в Россию, чтобы стать домашним учителем сыновей князя Михаила Николаевича Голицына (1796–1863). В 1843 году преподавал в тифлисской гимназии, в 1844–1846 гг. путешествовал по Кавказу, откуда вернулся в Германию. В 1854–1867 гг. был профессором славистики Мюнхенского университета. В 1867–1873 гг. заведовал придворным театром в Майнингене. Затем жил в Альтоне, Берлине, а с 1878 года — Висбадене. В 1879–1880 гг., будучи уже в преклонном возрасте, предпринял путешествие по США.

¹ *Bodenstedt F. Gesammelte Schriften in 12 Baenden. Bd.9. Berlin: Verlag der Koeniglichen Geheimen Oberhofdruckerei (R. von Decker), 1867. S. 71*

Ф. Боденштедт является автором многочисленных литературных произведений различных жанров. Наибольшую известность получили «Песни Мирзы Шафи», написанные по мотивам стихов азербайджанского поэта, с которым Боденштедт познакомился в Тифлисе. После возвращения в Германию Ф. Боденштедт выпустил в свет фундаментальный труд «Народы Кавказа и их освободительная борьба против русских»², где содержится обширный материал по истории и этнографии. Особый интерес представляют изданные в конце жизни воспоминания³, значительная часть которых посвящена пребыванию в России.

В XIX веке Ф. Боденштедт был одним из лучших в Германии знатоков и переводчиков русской литературы. Среди его важнейших работ — собрания сочинений М. Ю. Лермонтова (1852), А. С. Пушкина (1854–1855) и И. С. Тургенева (1863–1864).

Подробная информация о взаимоотношениях И. С. Тургенева и Ф. Боденштедта содержится в статье Хорста Раппиха. Она была опубликована в 1965 году в Берлине в сборнике научных трудов, посвященных роли Германии в жизни и творчестве И. С. Тургенева⁴.

Итак, обратимся к истории издания собрания сочинений И. С. Тургенева на немецком языке в переводах Ф. Боденштедта.

Первым произведением И. С. Тургенева, которое прочитал Ф. Боденштедт, стало «Дворянское гнездо». Это было в апреле 1861 года, а через месяц, 4 мая 1861 года, в Мюнхен приехал сам И. С. Тургенев. Ф. Боденштедт сразу пригласил писателя в гости, и на следующий день они встретились. «Тургенев — один из самых импозантных и приятных людей, каких я когда-либо встречал», — записал Ф. Боденштедт в дневнике свое первое впечатление. Назавтра И. С. Тургенев вновь был у Ф. Боденштедта. У него он познакомился с минерологом и поэтом Францем Кобеллем, писателем Мельхиором Мей-

² *Bodenstedt F. Die Voelker der Kaukasus und ihre Freiheitskaempfe gegen die Russen. Frankfurt am Main: Verlag von Johann Hermann Kessler, 1848. 572 S.*

³ *Bodenstedt F. Erinnerung aus meinem Leben. Berlin: Allgemeiner Verein fuer deutsche Literatur, 1888.*

⁴ *Rappich H. Bodenstedt und Turgenev // Turgenev und Deutschland. Berlin, 1965. S. 204–246.*

ром и философом Моритцем Карриером. Судя по дневниковым записям М. Мейра, И. С. Тургенев в тот вечер рассказывал о России, преимущественно о крепостном праве и земельных отношениях. Отмечая роль Крымской войны в развитии общественного самосознания, он сказал: «Крымская война была нам очень полезна: она освободила нас от царя Николая (личина великого человека) и открыла нам самих себя».

На следующий день Тургенев и Боденштедт были в театре, после чего нанесли визит своим общим знакомым Хилковым, а в среду 8 мая Тургенев уехал в Берлин.

В начале лета Ф. Боденштедту по поручению И. С. Тургенева было послано собрание его сочинений на французском и русском языках.

«Мое основное чтение в последние дни — это Тургенев, чьи произведения чрезвычайно захватили меня», — записал Ф. Боденштедт в дневнике. Не меньшее впечатление произвели они на жену Ф. Боденштедта Матильду, которая уже летом 1861 года перевела «Муму» и «Якова Пасынкова» с французского издания. В ноябре 1861-январе 1862 года они были опубликованы. Долгое время оба перевода приписывались Боденштедту, поскольку в публикации была указана лишь фамилия переводчика. В мае 1862 года вышел из печати перевод повести «Фауст», сделанный уже самим Ф. Боденштедтом. Этот перевод чрезвычайно понравился И. С. Тургеневу. «Только что прочел его и был буквально в восторге — это просто-напросто совершенство. (...) Недостаточно знать до основания русский язык — надобно еще самому быть большим стилистом для того, чтобы создать нечто столь совершенно удавшееся», — писал он Ф. Боденштедту 19(31) октября 1861 года.

По предложению И. С. Тургенева Ф. Боденштедт взялся за перевод других произведений для будущего собрания сочинений. «Для меня истинная удача найти переводчика, подобного Вам, и я заранее горжусь этим», — писал И. С. Тургенев Ф. Боденштедту 25 октября (9 ноября) 1862 года.

В 1863–1864 годах в Мюнхене было издано собрание сочинений И. С. Тургенева в двух томах. В него вошли «Муму»,

«Яков Пасынков», «Фауст», «Постоялый двор», «Поездка в Полесье», «Призраки» и «Первая любовь». Боденшtedт планировал продолжить работу, но вследствие недостаточно большого сбыта издатель отказался возобновить договор. Тем не менее произведения Тургенева в переводе Боденшtedта вскоре стали известны широкому кругу немецких читателей. В германской прессе появилось свыше двадцати восторженных рецензий, отмечавших также и переводческий талант Ф. Боденшtedта.

Вторая и последняя личная встреча И. С. Тургенева и Ф. Боденшtedта состоялась в Баден-Бадене, с 6 по 13 августа 1863 года. «В остроумной беседе с любезным Тургеневым время проходит столь быстро и приятно, что я не испытываю потребности ни в каком другом обществе и, по возможности, избегаю новых знакомств», — писал Ф. Боденшtedт жене 9 августа 1863 года.

Незадолго до баденской встречи, 24 июня (6 июля) 1863 года И. С. Тургенев обратился к Ф. Боденшtedту с просьбой перевести на немецкий язык стихотворения русских поэтов для сборника романсов Полины Виардо. «Я, естественно, подумал о Вас, самом совершенном и самом тонком из переводчиков», — писал он. Переводы Ф. Боденшtedта не обманули ожиданий И. С. Тургенева. В письме от 25 января (6 февраля) 1864 года он отметил: «Переводы прекрасны (...), ибо они Ваши»⁵.

Чем же можно объяснить интерес Ф. Боденшtedта к творчеству И. С. Тургенева и о чем они могли беседовать во время личных встреч?

В мае 1861 года, во время первой встречи с И. С. Тургеневым, Ф. Боденшtedт работал над изданием славянофильских текстов «Русские фрагменты». Идея данного издания принадлежала И. С. Аксакову, который хотел познакомить немецких читателей с идеями славянофилов. Вышел он на

Ф. Боденшtedта после многих перипетий, связанных с безуспешными поисками издателя и переводчика. Ф. Бо-

⁵ *Rappich H. S.* 233–239.

денштедт обещал написать введение и осуществлять общее руководство, а в качестве переводчика порекомендовал своего знакомого, офицера баварской армии Христиана Шмидта, который в свободное от службы время изучил русский язык. Работа началась, но в июле редактор «Русской беседы» А. И. Кошелев отказался от финансирования славянофильской антологии на немецком языке, а в декабре 1860 года И. С. Аксакова постиг тяжелый удар — смерть брата Константина. Убитый горем, он отказался от участия в антологии, но попросил Ф. Боденштедта самостоятельно продолжить работу, воспринимая ее как дань памяти почившим авторам⁶.

Несмотря на занятость и необходимость постоянно думать о заработке для содержания семьи, Ф. Боденштедт довел до конца и издал в 1862 году брошенный на произвол судьбы труд, причем сделал это исключительно добросовестно. «Русские фрагменты. К познанию государственной и народной жизни в ее историческом развитии»⁷ — это солидная двухтомная антология славянофильских текстов, снабженная комментариями, а также обширным предисловием (Vorwort) и введением (Einleitung), написанными Ф. Боденштедтом.

Однако зачем все-таки Ф. Боденштедт за все это взялся? Ответ можно отчасти найти в его воспоминаниях, отражающих образ России, который сложился у него в начале 1840-х годов во время пребывания в Москве в доме князя М. Н. Голицына.

Петербург, куда Боденштедт прибыл из Гамбурга в ноябре 1840 года, сразу вызвал у него неприязнь, но Москву он полюбил с первого взгляда. Особенно ему понравилось то, что не только на окраинах, но и в центре Москва походила на большую деревню, сохранив тесную связь с природой. Он заметил, что обхождение здесь свободнее, взаимоотношения между людьми теплее, доверительнее и проще, а представи-

⁶ «Русская беседа» в Германии. История славянофильской антологии «Русские фрагменты»: к познанию государственной и народной жизни в ее историческом развитии» (Лейпциг, 1862), изданная Фридрихом фон Боденштедтом. Предисловие, публикация и комментарии А. П. Дмитриева // «Русская беседа»: история славянофильского журнала. СПб.: Пушкинский Дом, 2011. С. 278–296.

⁷ *Bodenstedt F. Russische Fragmente: Beitrage zur Kenntnis des Staats- und Volkslebens in seiner historischen Entwicklung. Bd.1, 2. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1862.*

тели разных сословий не отделены друг от друга в повседневной жизни: дворцы соседствовали с хижинами, а одетые по последней парижской моде дамы пробирались через толпу мужиков. Ф. Боденштедт обратил также внимание на множество памятников старины, которые были связаны с реальной историей и овеяны живыми воспоминаниями. Все в Москве, считал Ф. Боденштедт, произрастает из родной почвы, все органично и естественно; Петербург же искусственен⁸.

Время, проведенное в Москве, было, по словам Ф. Боденштедта, самым плодотворным и спокойным в его жизни. Он попал в культурную европеизированную семью, где, в отличие от многих своих коллег, не чувствовал себя на положении слуги. Несмотря на занятость (он должен был преподавать двум сыновьям князя Голицына немецкий язык, историю и географию и неотлучно находиться при них с утра до вечера, кроме тех часов, когда к ним приходили другие учителя), он имел возможность общаться со многими представителями московских аристократических семейств. Особенно запомнились Ф. Боденштедту беседы с тестем М. Н. Голицына, Н. Г. Вяземским (1769–1846): несмотря на сословные различия, оба были выпускниками Геттингенского университета и имели немало общих культурных интересов.

В России Ф. Боденштедт усердно изучал русский язык, но разговорной речью так и не овладел: Голицыны и их окружение говорили почти исключительно по-французски, и одним из немногих людей, с кем Ф. Боденштедт мог общаться по-русски, был поэт Василий Иванович Красов (1810–1854), который познакомил его с русскими и украинскими песнями.

Таким образом, отчасти вследствие благоприятного стечения обстоятельств, отчасти — особенностям своего мировосприятия⁹, Ф. Боденштедт в начале своей творческой

⁸ *Bodenstedt F. Erinnerung aus meinem Leben. S. 83–85.*

⁹ Ф. Боденштедт ничего не осуждает безоговорочно, но пытается объяснить. Например, по поводу грязи на улицах и в домах и отсутствия привычки к личной гигиене, он пишет, что у русских есть общественные бани, где они моются раз в неделю, но зато как следует. У немцев мало общественных бань, и потому им приходится ежедневно следить за чистотой (*Bodenstedt F. Erinnerung. S. 186–187*).

жизни узнал Россию с лучшей стороны, хотя отдельные проявления крепостного права, которые он наблюдал, его шокировали¹⁰. Со временем, благодаря чтению и общению с выходцами из России, Ф. Боденштедт еще больше проникся симпатией и сочувствием к русскому народу, интересом к русской литературе и неприятием внутренней и внешней политики царизма. Близкие ему взгляды он нашел у славянофилов и И. С. Тургенева, с которым, как мы помним, он познакомился вскоре после того, как взялся за издание «Русских фрагментов».

Подробное изложение предисловия и введения Ф. Боденштедта к «Русским фрагментам» — отдельная тема. В рамках же данной статьи мы познакомимся лишь с некоторыми представлениями Ф. Боденштедта о русском народе, объясняющими восторженное отношение к Александру II и веру в успех крестьянской реформы.

По мнению Ф. Боденштедта, русские — свободолюбивый, независимый и самодостаточный народ, лишенный пиетета перед государственной властью и до начала XVIII века не знавший деспотизма. Он отсутствовал не только в Новгородской вечевой республике, но даже в Московской Руси, где царская власть была ограничена Земскими соборами. Настоящий деспотизм начался в России только с Петра I, заполонившего немцами государственный и военный аппарат.

Каковы же особенности национального характера русских и чем они отличаются от немцев?

«Русский склоняется перед властью, как и немец, однако совершенно иным образом, — пишет Ф. Боденштедт. — Он боится власти как слепой природной стихии и, дабы избежать ее разрушительной силы, использует любые средства. Немец же, напротив, почитает власть, и это почитание доходит у него до благоговения. Он стремится возвести в систему

¹⁰ Однажды Ф. Боденштедт стал свидетелем того, как дамы наблюдали за купающимися крестьянами. Если бы они встретили в таком виде мужчин своего круга, они бы отвернулись, пишет Ф. Боденштедт, однако дворяне не считают крепостных за людей, и потому дамы, наблюдая за крестьянами, не чувствовали стеснения, воспринимая их как животных (*Bodenstedt F. Erinnerung. S. 205*).

самый грубый произвол и использует свой разум для того, чтобы понять и обосновать его. Он во все вникает, всему придает смысл и превращает жесточайший деспотизм в благословенную Богом систему, что для русского в принципе невозможно. Немецкая основательность одинаково верно, самоотверженно и добросовестно служит и добру, и злу. Она представляет собой упорядоченную, мощную упорную силу, движущуюся к цели, но какой — не имеет значения. (...) Петр Великий завел в России по иностранному образцу шпионов, тайную полицию, всеобщую слежку, которая создала атмосферу неуверенности и подозрительности во всех сословиях, однако только немцы возвели это в систему. Без немецких министров, генералов, полицейских шпионов, чиновников всех мастей Россия не стала бы тем, чем она стала». Вполне объяснима поэтому, говорит Ф. Боденштедт, и ненависть русских к немцам: русские ненавидят власть, а власть — это немцы¹¹. Отвращение русских к бюрократическому аппарату объясняется не только ненавистью к немцам и коррупцией. Русский народ, по мнению Ф. Боденштедта, может прекрасно обходиться без него. Его восхищает способность русских к самоорганизации. «Ни у одного другого народа не встречал я такой способности улаживать свои дела, без шума, писанины и формальностей, как у русских»¹², — пишет он.

Российских правителей Боденштедт оценивает по их отношению к народу. Ивана IV он, следуя традиции российской историографии, считает злодеем, прикрывающим свои преступления показной набожностью. В стихотворении «Генрих VIII и Иван IV» он сравнивает английского и русского монархов XVI столетия, находя у них немало общего. Правление обоих породило смуту, но в исторической памяти англичан и русских беспощадный тиран воспринимается как добрый и мудрый правитель: «Однако внуки убиенных убийц, как прежде, слепо чтут»¹³. Реформы Петра I Боден-

¹¹ *Bodenstedt F. Russische Fragmente. S. 26–33*

¹² *Bodenstedt F. Russische Fragmente. S. XV–XX*

¹³ *Bodenstedt F. Alte und neue Gedichte. Bd. I. Berlin: Verlag der Koeniglichen Geheimen Oberhofdruckerei (R. von Decker), 1867. S. 98*

штедт оценивает отрицательно. По его мнению, Петр I, пригласив в Россию немцев, превратил свою страну в полицейское деспотическое государство. Что касается его просветительской деятельности, то она никак не коснулась простых людей: народ продолжал пребывать в темноте и невежестве¹⁴. Негативно оценивает Ф. Боденштедт и деятельность Екатерины II: закрепостив и обездолив русских крестьян, бывшая немецкая принцесса пригласила колонистов из германских земель, создав им максимально благоприятные условия¹⁵. Заметное место в «Русских фрагментах» занимают рассуждения о Николае I. Нельзя, по мнению Ф. Боденштедта, отождествлять Россию с ее правителями и их политикой. Поражение в Крымской войне, доказавшее нежизнеспособность созданного Николаем I режима, — не повод считать Россию «колоссом на глиняных ногах». «Ее основа, — пишет Ф. Боденштедт, — глубоко верующий народ, живущий в соответствии с древними, освященными традицией общинными установлениями, и еще ни один завоеватель не покорил ее»¹⁶. Предисловие к «Русским фрагментам» Ф. Боденштедт заканчивает следующими словами: «Гете сказал, что способность к самопожертвованию есть высшая добродетель, ибо заключает в себе все остальные. (...) Эта способность к самопожертвованию, эта самоотверженность, о которых постоянно свидетельствует российская история (...) вкуче с единством, святостью семейных уз и общинными порядками, — залог великого будущего»¹⁷.

Итак, существует непосредственная связь между предисловием и введением к «Русским фрагментам» и сонетом, посвященным Александру II: во-первых, в «Русских фрагментах» Ф. Боденштедт доказывает, что свобода и умение ею пользоваться — исторически и органически присущи русскому народу. Отсюда следует отраженная в сонете вера в успех реформ нового императора. Во-вторых, и в «Русских фраг-

¹⁴ *Bodenstedt F. Erinnerung. S. 70–74*

¹⁵ *Bodenstedt F. Russische Fragmente. S. 50–51*

¹⁶ *Bodenstedt F. Erinnerung. S. 72–73*

¹⁷ *Bodenstedt F. Russische Fragmente. S. 36–37*

ментах», и в сонете правители оцениваются не по их войнам, а по тому, что они сделали для своего народа.

В-третьих, в обоих текстах Ф. Боденштедт выражает веру в будущее России. Правда, в сонете оно основано на дарованной императором свободе, а в «Русских фрагментах» — на способности к самопожертвованию, однако противоречия здесь нет, поскольку самопожертвование, о котором рассуждает Ф. Боденштедт, является следствием глубокой религиозности, а не пиетета перед государством, в котором, как мы помним, немецкий поэт упрекает своих соотечественников.

Нетрудно заметить, что положительный образ русского народа сложился у Ф. Боденштедта благодаря не столько личным наблюдениям, сколько чтению русской литературы, в особенности И. С. Тургенева. Кроме того, отдельные места в предисловии к «Русским фрагментам» можно объяснить разговорами с И. С. Тургеневым. В частности, Ф. Боденштедт писал, что Николая I называют фасадом великого человека. Почти точно так же, как мы помним, охарактеризовал императора И. С. Тургенев, назвав его в беседе, в которой участвовал Ф. Боденштедт, «личиною великого человека».

Большое внимание Ф. Боденштедт уделяет спорам славянофилов и западников. Славянофилов он называет московитской, или старорусской, партией; западников — петербургской, или немецкой, партией. Его симпатии целиком на стороне первых. Московиты, пишет он, видят будущее России, основанное на национальных традициях. Они признают необходимость учиться у Европы, но не рабски подражать ей и настаивают на реальных, а не фиктивных преобразованиях. Петербургская, или немецкая, партия — правящая партия. Ее представители возлагают все надежды на заимствования с Запада, с презрением относятся к национальным традициям и по сути абсолютно равнодушны к судьбам России, ибо заботятся не столько о реформах, сколько об их видимости, не об усвоении полезных уроков Запада, а о создании для страны европейского фасада.

Скорее всего, объяснение сути этих споров основано на чтении славянофильской литературы и общении с И. С. Аксаковым, однако, возможно, характеристики представителей обеих партий отчасти подсказаны образами Лаврецкого и Паншина из «Дворянского гнезда», которое, как мы помним, Ф. Боденштедт прочитал в апреле 1861 года, во время работы над «Русскими фрагментами».

В собрании сочинений Ф. Боденштедта сонету, посвященному Александру II, предшествует сонет «Voelkerhass». В дословном переводе это «ненависть народов друг к другу»; однако, исходя из содержания стихотворения, название можно перевести как «ксенофобия». В нем говорится о том, что правители разделили свои народы, подобно стадам, однако это противоречит Божественной воле. Между народами пролегла пропасть предрассудков, и глупость, избегающая чужого, словно сорные травы, заполонила ее склоны. Однако кроны высоких деревьев, растущих по обе стороны бездны, стремятся сомкнуться вопреки всему. Соседство этих двух произведений не случайно. Не исключено, что в сонете «Voelkerhass» содержится намек на Россию, хотя скорее всего Ф. Боденштедта, когда он его писал, более волновало усиление национализма во многих европейских странах. Судя по содержанию, он не рассчитывал на преодоление предрассудков и ксенофобии в ближайшем будущем, однако верил, что культура может и должна соединять разделенные политиками народы. И еще: сонет «Voelkerhass» некоторым образом подводит читателя к следующему сонету, намекая на то, что посвящен он не только Александру II. Отмена крепостного права в России была для Ф. Боденштедта поводом напомнить своим соотечественникам о необходимости следования в политике ценностям гуманизма, проповедником которых был и Тургенев.

Приложение

An Aleksandr II

Schon ein Jahrtausend ist verflossen
Seit Dein gewaltiges Reich gegründet,
Und noch ward nichts davon verkündet,
Als daß es Blut auf Blut vergossen;

Stets kampfgerüstet, unverdrossen
Erobernd Krieg auf Krieg entzündet,
Der fremden Thorheit eng verbündet,
Der fremden Weisheit streng verschlossen.

Dein war die erste große That,
Als du den dunklen Bann gebrochen
Und das erhabne Wort gesprochen:

Mein Volk sei frei! — Dies wird den Pfad
Zu ewigem Ruhm Dir sicher bahnen,
Als alle Kriege Deiner Ahnen.

Уже тысячелетье миновало,
Как государство это основали,
И лишь одно о нем соседи знали:
Как кровь в сраженьях вечных проливалось.

Оно войне все силы отдавало,
А те, кто им доселе управляли,
Его от мыслей чуждых защищали,
Но глупости дорогу открывали.

Ты первый, кто порочный круг порвал:
С народа сняв тяжелые оковы,
Ты путь пред ним открыл разумный, новый

И грозных предков сразу выше стал.
России даровав освобожденье,
Стяжал ты славы больше, чем в сраженьях.

Völkerhass

Durch Zäune trennt man Herden auf der Weide,
Nach Grenzen, die durch Herrschermacht sich ändern,
Nach Ursprung, Sitten, Sprachen und Gewändern
Zieht man der Menschheit bunte Völkerscheide.

Doch Gott will nicht, daß Volk und Volk sich meide:
Das Meer bis zu des Erdballs fernsten Rändern
Wogt als Vermittler zwischen allen Ländern,
Es trennt zwei Welten und vereinigt beide.

Allein der Vorurtheile tiefe Kluft
Trennt Volk von Volk. Wie Gras auf beiden Seiten
Wuchert die Thorheit, die das Fremde meidet.

Doch hohe Bäume ragen durch die Luft,
Die Zweig und Krone sich entgegenbreiten
Der Kluft nicht achtend, die die Wurzeln scheidet.

Правители границы утвердили,
И каждый хочет свой народ, как стадо,
От мира прочной отделить оградой,
Чтоб люди лишь хозяину служили.

Но разве волю Бога мы забыли?
По судьбам, верам, языкам и взглядам
Нам разделяться, злобствуя, не надо:
Недаром нас моря соединили.

Лишь предрассудков пропасть пролегла
Меж нами, и, как сорные растенья,
Вражда к чужим, тупое самомненье

По обе стороны. Но не смогла
Она деревья разлучить. Сплетенье
Ветвей над бездной — высших единенье.
(Переводы Инги Томан)

Т. Е. Коробкина
Москва

ЛЮДИ ВЕЛИКОЙ РЕФОРМЫ: И. С. ТУРГЕНЕВ И Н. И. ПИРОГОВ

Участие двух выдающихся русских людей XIX столетия писателя И. С. Тургенева и хирурга Н. И. Пирогова в Великой Реформе 1861 года общепризнано и стало объектом изучения историков литературы и медицины.

Тургенев — участник Великой Реформы 1861 года

Как известно, для Ивана Сергеевича Тургенева крепостное право было ненавистным врагом. Обещание бороться с ним до конца стало его «аннибаловской клятвой», которую он воплотил в целом ряде конкретных дел. Антикрепостническая направленность «Записок охотника», ставших, по словам Александра II, одним из побудительных мотивов отмены крепостного права, в 1852 году стоили писателю ссылки в Спасское-Лутовиново. В том же году, сидя под арестом, он напишет рассказ «Муму», в котором прототипом барыни-крепостницы стала его собственная мать. В 1857–1858 годах он активно занимается подготовкой освобождения крестьян в своих имениях, которое, однако, связывает с общей земельной реформой в стране. Летом 1858 года едет в Орёл, чтобы принять участие в комитетских выборах, активно сотрудничает с партией реформаторов. В 1859 году пишет письмо Александру II в поддержку дела освобождения крестьян. В 1860 г. составляет проект Общества для распространения грамотности и первоначального образования в России. Во 2-й половине 1860-х годов предпринимает строительство школы для крестьянских детей в Спасском-Лутовинове, открывает богадельню для стариков. Тургенев

справедливо полагал, что свою «аннибаловскую клятву» он исполнил¹.

Участие Пирогова в отмене крепостного права.

Его взгляды на реформы в России

Николай Иванович Пирогов был назначен мировым посредником по введению положений Манифеста 19 февраля 1861 года в Винницком уезде, где находилась его усадьба «Вишня». Реформа обманула ожидания крестьян и вызвала народные волнения. Не всегда понимая их причины, Пирогов, тем не менее, в конфликтах между помещиками и крестьянами всегда выступал на стороне крестьян, отдавая много сил миротворческой работе. Находясь на посту мирового посредника, Пирогов по обыкновению стремился осмыслить и усовершенствовать дело, которым занимался. В газете «День» он опубликовал два письма, которые вызвали отклик у мировых посредников других губерний. Его публицистические работы, письма, дневниковые записи, записки, исторический аналитический обзор 1881 года объемом более 100 страниц образуют ценный архив истории земельной реформы. 12 мая 1862 года Пирогов добровольно ушел с должности мирового посредника².

Свои размышления о реформах Александра II и роли в них самодержавия Пирогов изложил в «Дневнике старого врача», написанном в 1879–1881 гг. и опубликованном после его смерти в 1881 году Пирогов был потрясен царевубийством 1 марта 1881 года. В те дни он написал в своем «Дневнике»: «Самодержавие для обширного государства с разнородным населением, и еще к тому не везде оседлым, имеет очевидный *raison d'être*, а историческое развитие дает этому образу правления у нас еще более прочное основание. Не-

¹ Балыкова Л. А. «Аннибаловская клятва». Тургенев и крестьянская реформа. (Выставка к 150-летию отмены крепостного права в России). / Тургеневский ежегодник 2011–2012 гг. / Сост. и ред. — Л. В. Дмитрихина, Л. А. Балыкова. Орел: Издательский Дом «Орлик», 2013.

² Захаров И. Н. И. Пирогов о крестьянской реформе 1861 года. // Николай Иванович Пирогов. Очерки жизни и творчества. СПб.: Изд-во Военно-медицинской академии, 2010.

выгоды самодержавия в наше ультра-прогрессивное время главные в том, что этот образ правления, по своей природе, не может не быть ультраконсервативным»³. Пирогов верил, что «гуманный и просвещенный взгляд Александра II привел бы его к убеждению в необходимости этого окончательного преобразования на избранном им пути, если бы рука убийцы не прекратила для всех нас дорогую жизнь царя-освободителя»⁴.

Пирогов осуждал терроризм и «социальную русскую пропаганду», основание которой было положено в николаевские времена «с легкой руки Герцена, Огарева, Бакунина». Однако он отрицал связь террористов с «нигилистами прежнего времени»: «Русский наш нигилизм в своем начале был, собственно, одно бесплодное отрицание. Какая-то вялая обломовщина в чисто русском вкусе. Сидит, лежит и отрицает. <...> Таких, по крайней мере, господ я встречал под названием нигилистов. Умнейшие, более образованные и талантливые из них, конечно, не были бессмысленны в этом роде. Они серьезно занимались наукою; но их я бы скорее назвал материалистами, чем нигилистами; от прежних материалистов они ничем не отличались, на мой взгляд»⁵.

Пирогов принадлежал, как и Тургенев, к либеральным консерваторам, или постепеновцам, он верил в административные реформы сверху: «Кровь с царского венца смывается или кровью, или слезами благодарности и восторга. Смыть кровью — это значит террор... <...> Смыть слезами радости — это значит поселить в подданных веру, что их царь-освободитель сделался царем-искупителем, принес себя в жертву за грехи всех, — и народа, и властей. И чем более вдумываюсь я в смысл всего прошедшего, тем более убеждаюсь, что при настоящем положении нельзя возвращаться назад. Будут ли пролиты кровь или радостные слезы, все — и власти, и народ — должны быть убеждены, что стра-

³ Пирогов Н. И. Вопросы жизни. Дневник старого врача. / [Сост. А. Д. Тюриков]. Иваново: 2008. С. 210.

⁴ Там же. С. 211.

⁵ Там же. С. 219.

ну нельзя уже свести с пути прогресса, на который она была выведена Александром II»⁶.

Заслуги перед Россией Пирогова — хирурга, ученого, педагога и государственного деятеля

Пирогов был, без сомнения, одним из самых выдающихся людей России XIX столетия. Великий русский хирург, ученый-новатор, создатель основ военно-полевой хирургии, организатор современной российской хирургии, которой до него в России фактически не существовало, точнее, она носила исключительно немецкие имена. Имя Пирогова чрезвычайно уважаемо в современном медицинском сообществе. Однако о том, что Пирогов был выдающимся государственным деятелем, реформатором школьного и университетского образования, одним из создателей научной педагогики в России и собственной философской доктрины, известно гораздо меньше.

Каковы же основные заслуги Пирогова перед Россией? Пирогов происходил из семьи разночинцев, глубоко верующих православных людей. Он родился в Москве в 1810 году в семье военного интенданта. Мать была из старинного купеческого рода. Николай был тринадцатым ребенком в семье. Родовой дом сгорел в пожаре 1812 года, но отец сумел поправить дела, пока решением суда не был обязан возмещать огромную недостачу, вызванную воровством его подчиненного. Семья была разорена и после смерти ее главы оказалась на улице. Семью из 6 человек приютил дальний родственник. Николаю пришлось оставить частный пансион, в котором он проучился всего два года (1822–1824).

В 14 лет по совету друга семьи профессора хирургии Ефрема Осиповича Мухина (1776–1850) Николай поступил в Московский университет (годы учебы 1824–1828), выбрав профессию хирурга и прибавив себе 2 года. У него не было форменной студенческой тужурки и поэтому он сидел в аудитории в шинели. «Как я или, лучше, мы пронищенствовали в Москве, во время моего студенчества, это для меня

⁶ Там же.

осталось загадкой», — писал впоследствии Пирогов. Он признавал, что пережитое горе сказалось на его характере: человек он был болезненно самолюбивый, прямой, честный, справедливый, принципиальный, суховатый, даже желчный, временами несдержанный, что вызывало к нему неприязнь начальства и коллег.

Все дальнейшее в судьбе Пирогова — типичная история *self-made-man*. Основные вехи этой судьбы таковы. По окончании Московского университета он был включен в так называемый «Профессорский институт» (проект подготовки молодой профессуры для российских университетов) и направлен на продолжение обучения сначала в Дерпский (Тартуский) университет (1828–1831), где в 1832 году защитил докторскую диссертацию, затем в Берлинский университет (1833–1835). По окончании учебы он хотел занять вакантное место профессора в Московском университете, но из-за болезни опоздал на конкурс. Пришлось вернуться в Дерпт и заняться хирургической практикой. В 1836 году Пирогов стал первым русским профессором, избранным на профессорскую должность в Дерпском университете, где преподавательский состав состоял исключительно из остзейских немцев.

В Дерпте основным предметом его научных занятий стала хирургическая анатомия, и в 1838, 1839 и 1840 годах вышли в свет его первые научные труды, посвященные топографическому строению человеческого тела, о котором тогдашние хирурги имели довольно смутное представление. В это время определилась не только сфера профессиональных интересов Пирогова, но также стиль его работы и даже жизни. Сталкиваясь с какой-то проблемой, Пирогов немедленно принимался за ее осмысление и радикальное практическое решение.

В 1841 году Пирогов переезжает в Петербург, где занимает должность профессора Медико-хирургической академии. В 1846 году создает Анатомический театр, в котором изучает замороженные трупы, положив начало «ледяной анатомии». Он составляет первый в истории медицины подробный анатомический атлас для хирургов под названием «Топо-

графическая анатомия, иллюстрированная разрезами, проведенными через замороженное тело человека в трех направлениях». Этот опыт стоил ему полутора месяцев постельного режима — сутками не вылезая из мертвецкой, он надышался вредными испарениями. Выпуски его «Иллюстрированной топографической анатомии распилов, проведенных в трех направлениях через замороженное человеческое тело» будут выходить с 1852 по 1859 годы.

Живя в Петербурге, Пирогов не менее радикально решил еще одну проблему. Хирургические инструменты того времени оставляли желать много лучшего; работая в Медико-хирургической академии, он стал директором инструментального завода, где внедрял хирургические инструменты собственного изобретения.

Еще одной важной медицинской проблемой того времени было применение наркоза (эфира) при проведении операций. Ради эфирных экспериментов Пирогов, только что получивший звание члена-корреспондента Императорской Санкт-Петербургской академии наук, отправляется в 1847 году на семь месяцев на Кавказскую войну, где спасает от смерти тысячи раненых. Вернувшись в Петербург, в следующем году работает на холерной эпидемии, о которой пишет подробный отчет.

Второй и главной войной для Пирогова стала Крымская война (1853–1856). На ней он продолжает опыты с эфиром, одновременно совершенствуя крахмальные фиксирующие повязки, которые начал применять еще на Кавказе: вместо крахмала он использует гипс. Но особенно прославил Пирогова (с ноября 1854 года по декабрь 1855 года), главного хирурга осажденного англо-французскими войсками Севастополя, новый подход к эвакуации раненых с поля боя. Он ввел сортировку раненых на первом перевязочном пункте по пяти критериям в зависимости от тяжести ранений; это новшество стало началом специального направления в хирургии, известного под названием «военно-полевая хирургия». Подобную методику он внедрил в Севастополе и в организацию работы Крестовоздвиженской общины сестер милосердия, поделив

их по четырем критериям. Сестринское движение возникло в России по инициативе Пирогова, которую поддержала великая княгиня Елена Павловна. Эта инициатива принесла ему известность и важные связи в императорском дворце.

После возвращения из Севастополя во дворце состоялась встреча Пирогова с Александром II, сменившим на троне Николая I, проигравшего Крымскую войну, к которой Россия оказалась не готова. Царя интересовали впечатления Пирогова о войне. На вопрос о коррупции в армии Пирогов со свойственной ему прямоотой ответил, что «воруют все, Ваше Высочество, снизу доверху». Взбешенный таким ответом, царь покинул кабинет: он полагал, что воруют один-два человека из числа его подданных. Честность и прямота Пирогова приносили ему уважение в обществе и неприязнь властей. Спасал высокий профессионализм и покровительство великой княгини.

В апреле 1856 года Пирогов ушел из Медико-хирургической академии. В ряде статей такое раннее завершение Пироговым медицинской карьеры (ему было всего 46 лет) объясняют неприязнью царя и начальства. Однако мотивация увольнения, по-видимому, была иной. Пирогов был государственным служащим, его чины, звания, число государственных и научных наград, должностей регулярно возрастали; нельзя сказать, что он не был обласкан властью: с 1843 года он был статским советником, с 1855-го — почетным профессором, в 1858 году станет тайным советником. В Севастополе его стаж хирурга достиг 25 лет (1 месяц на войне засчитывался как один год). Ему была предложена должность в Главном управлении училищ при Министерстве народного просвещения. В сентябре 1856 года Пирогов был назначен попечителем Одесского учебного округа (1856–1858), затем попечителем Киевского учебного округа (июль 1858 — март 1861).

Назначению Пирогова в Одесский учебный округ предшествовала публикации в «Морском сборнике» в июле 1856 года статьи «Вопросы жизни», в которой он изложил свою идею общечеловеческого воспитания, получившую

широкое распространение. Это первая педагогическая работа Пирогова. В ней он пропагандирует необходимость гуманного отношения преподавателя к ученикам. В каждом ученике следует видеть, в первую очередь, свободную личность, которую нужно уважать беспрекословно. Пирогов сетует на то, что существующая образовательная система направлена на подготовку узкопрофильных специалистов. Он выступает в защиту воспитания высоконравственного человека с широким умственным кругозором. Идеи статьи поддержали Добролюбов и Чернышевский.

О масштабе педагогической деятельности Пирогова свидетельствует тот факт, что переиздание его избранных педагогических работ в советское время содержит свыше 600 страниц. В основном это служебные записки о предлагаемых практических преобразованиях в образовательной системе. Основоположник научной педагогики в России К. Д. Ушинский высоко ценил вклад Пирогова в российскую научную педагогику. В статье «Педагогические сочинения Пирогова» (1862) он написал, что Пирогов «взглянул на дело воспитания с философской точки зрения и увидел в нем не вопрос школьной дисциплины, дидактики или правил физического воспитания, но глубочайший вопрос человеческого духа»⁷.

Пирогов — попечитель учебных заведений в Одессе и Киеве стремился с позиций государственного человека усовершенствовать школьную систему. В Одессе он предложил создать Новороссийский университет на базе Ришельевского лицея. В Киеве открыл воскресные школы для детей из рабочих семей, которые вынуждены рано начинать трудиться, чтобы помочь семье. Он проявил себя на этом поприще как истинно государственный деятель.

Почему Пирогов стал интересоваться педагогикой и почему перешел на работу в Министерство народного просвещения? Пирогов, как и Тургенев, принадлежал к либеральным консерваторам, для которых вопросы начального

⁷ Ушинский К. Д. Педагогические сочинения Пирогова. // Ушинский К. Д. Собрание сочинений. В 11 т. М.: Л.: 1948–1952. Т. 3. С. 26–27.

образования были частью политической программы преобразования России, которое, по их мнению, было невозможно без создания в обществе сил, способных к «дельному и прочному представительству общественных нужд и интересов» «для новой государственной жизни»⁸. Начинать подготовку таких общественных сил нужно со школьной скамьи. Поэтому во второй половине 1850-х годов, в период подготовки реформ Александра II, в журналах публикуется огромное количество статей на темы начального образования. Проекты реформы готовятся и в Министерстве народного просвещения. С 1859 года начальное образование связывается с предстоящим освобождением крестьян, с октября 1860 года особое внимание уделяется сельским школам.

Тургеневский проект создания «Общества для распространения грамотности и первоначального образования». Была ли встреча Тургенева и Пирогова на Уайте?

Как известно, свой вклад в разработку программы народного просвещения пытался внести И. С. Тургенев. В августе 1860 года, живя на острове Уайт, Тургенев разрабатывал и обсуждал с русскими отдыхающими проект создания «Общества для распространения грамотности и первоначального образования». Вторую часть программы написал П. В. Анненков, которому Тургенев поручил разослать проект 10 адресатам, сопроводив его своим циркулярным письмом. Как писал позднее Анненков, «основная мысль программы, как и всех проектов того времени, поражает своей громадностью, но подобно им и грешит отсутствием практического смысла»⁹. Кто участвовал в обсуждении проекта на Уайте и кто входил в список адресатов для рассылки циркулярного письма, до конца не известно. Проект не стал объектом внимания тургеноведов, возможно, потому, что не оставил заметного следа ни в биографии Тургенева, ни в жизни России.

⁸ Пирогов Н. И. Вопросы жизни. Дневник старого врача. / [Сост. А. Д. Тюриков]. Иваново: 2008. С. 211.

⁹ Анненков П. В. Письма к И. С. Тургеневу. Кн. 1. 1852–1874 / Изд. подгот. Н. Н. Мостовская, Н. Г. Жекулин; Отв. ред. Б. Ф. Егоров. СПб.: Наука, 2005. С. 360.

Однако, в 2001 году сотрудница Пушкинского Дома Нина Серафимовна Никитина, изучавшая черновик рукописи «Отцов и детей», приобретенный в 1999 году для ИРЛИ при активном содействии Д. С. Лихачева, опубликовала в 4-м номере журнала «Русская литература» статью, в которой выдвинула предположение о том, что Тургенев и Пирогов познакомились на острове Уайт в августе 1860 года¹⁰. В статье утверждалось, что поскольку имени Пирогова нет в списке адресатов для рассылки проекта, значит, он был среди обсуждавших Программу на Уайте (список участников обсуждения и список для рассылки в статье не приводятся, факт пребывания на острове хирурга также ничем не подтвержден). На этих обсуждениях Пирогов со всей присущей ему прямоотой и знанием дела, якобы, раскритиковал проект. При этом, личность Пирогова произвела неизгладимое впечатление на Тургенева и послужила толчком к созданию романа «Отцы и дети» и, в первую очередь, образа главного героя Базарова. Писатель получил жизненный характер, который всегда лежал у него в основе образов его героев, как отмечал еще Белинский. В течение августа 1860 года замысел романа сформировался целиком и полностью.

В опубликованном в 2008 году томе «Литературных памятников», посвященном итогам изучения черновой рукописи «Отцов и детей» (составители С. А. Батюто и Н. С. Никитина), ход дальнейшего изучения этой темы дается в сноске: «Пока аргументы, приводимые Н. С. Никитиной, об отражении черт именно этого знаменитого врача в образе Базарова не могут рассматриваться как до конца убедительные, но сама постановка вопроса об исторической и психологической значимости воссозданной Тургеневым трагической личности представителя молодого поколения... интересна»¹¹.

¹⁰ Никитина Н. С. Статья Тургенева «По поводу «Отцов и детей» и черновая рукопись романа. // Русская литература. 2001. № 4. С. 3–15.

¹¹ Тургенев И. С. Отцы и дети / подгот. изд. С. А. Батюто, Н. С. Никитина. СПб.: Наука-СПб., 2008. С. 455. (Литературные памятники / РАН).

Тургенев и Пирогов в Гейдельберге

В 1861 году Пирогову, который живет после отставки в своем имении под Винницей, но продолжает числиться при Главном управлении училищ Министерства народного просвещения, поступает предложение занять должность руководителя группы выпускников российских университетов, которые направляются для завершения обучения в Гейдельбергский университет. Профессорский институт, некогда существовавший при Дерпском университете (в нем обучался Пирогов), теперь воссоздан при Гейдельбергском университете.

Летом 1862 года Пирогов приезжает с семьей (два его сына от первого брака будут учиться в университете) в Гейдельберг, где проживет четыре года. В его обязанности входит организация обучения российских стипендиатов и контроль за ними (составление отчетов, оценка личных качеств). Объезжая со служебной целью немецкие университеты, Пирогов в «Письмах из Гейдельберга» проанализировал и сравнил системы университетского образования в России и Германии.

В Гейдельберге в то время обучалось около 100 студентов из России. Они создали свой общественный центр под названием Русской общественной читальни, в которой собирались для обсуждения политических новостей из России и Лондона. Создатели читальни были горячими сторонниками Герцена, Огарева и Бакунина. Читальня являлась своего рода представительством лондонских изгнанников на континенте. Через нее в оба конца шли новости и литература.

В мае 1881 года в канун празднования 50-летнего юбилея научной, врачебной и общественной деятельности Н. И. Пирогова Русской общественной читальне было присвоено его имя, хотя прямого отношения к созданию и деятельности Читальни Пирогов, видимо, не имел (скорее всего, она была создана до его приезда). Более того, политических взглядов активистов Читальни он не разделял. Однако его авторитет в студенческой среде был незыблем. Он особенно возрос после того, как Пирогов вылечил от ранения в ногу Джузеппе Гарибальди, предотвратив ее ампутацию.

Встречались ли в Гейдельберге Пирогов и Тургенев независимо от того, состоялось ли их знакомство на Уайте в августе 1860 года? Ведь с 1863 года Тургенев постоянно жил в Баден-Бадене в 89 км от Гейдельберга, куда приезжал для консультаций с врачом. Но, во-первых, его врач — немец Николаус Фридрих, а не Пирогов, во-вторых, мне удалось найти подтверждение всего пяти визитов Тургенева в Гейдельберг (в 1838, два в 1862, по одному — в 1866 и 1868 годах). Никаких сведений о встречах там Тургенева с Пироговым не имеется. К сожалению, в многотомной «Летописи жизни и творчества И. С. Тургенева», подготовленной Пушкинским Домом и опубликованной в 1995–2018 годах, столь важный для нашего исследования период 1863–1870-е годы пока не нашел отражения¹².

Самый яркий эпизод, связанный с пребыванием Тургенева в Гейдельберге, это две встречи писателя с активом Русской общественной читальни осенью 1862 года в ответ на письмо поэта Константина Случевского, с которым Тургенев и ранее состоял в творческой переписке. В письме Случевский, кстати, стипендиат в группе Пирогова, от имени своих коллег критиковал роман «Отцы и дети», в первую очередь, за образ Базарова. Письмо К. К. Случевского не сохранилось, однако сохранился обстоятельный ответ ему Тургенева от 14 (26 апреля) 1862 года, по которому можно составить представление о содержании письма Случевского. Общий тон тургеневского ответа — примирительный. Тургенев пишет: «Мнением молодежи нельзя не дорожить; во всяком случае я бы очень желал, чтобы не было недоразумений насчет моих намерений. Отвечаю по пунктам»¹³.

Примирения не состоялось. После первой встречи с молодежью в Гейдельберге в письме М. А. Маркович от 16 (28) сентября 1862 г. Тургенев сообщает: «Я ездил на днях в Ваш Гейдельберг. Ничего, город интересный. Уезжая отсюда, я дня

¹² Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева: [в 5 вып.]. СПб.: Наука-СПб., 1995–2018. В надзаг.: РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом).

¹³ Тургенев И. С.. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т.; письма: в 18 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: «Наука», 1988. Т. 5. С. 57–60.

два там пробуду, посмотрю на диких русских юношей»¹⁴. В романе «Дым» в 1867 году он изобразит «диких русских юношей» в карикатурном виде как членов кружка Губарева, прообразом которого послужил Огарев¹⁵. В воспоминаниях бывших гейдельбергских студентов не содержится указание на то, что на встречах с Тургеневым в Русской общественной читальне присутствовал Пирогов.

На негативную оценку Тургеневым молодой поросли повлияли, по-видимому, не только политические расхождения писателя и «герценистов», но и отношение Тургенева к материалистической естественной науке, которая формировалась в то время в Гейдельберге. В последней, XXVIII главе «Отцов и детей» читаем такую нелестную характеристику русского Гейдельберга, которая не могла не задеть адресатов Тургенева: «Она [Кукшина] по-прежнему якшается с студентами, особенно с молодыми русскими физиками и химиками, которыми наполнен Гейдельберг и которые, удивляя на первых порах наивных немецких профессоров своим трезвым взглядом на вещи, впоследствии удивляют тех же самых профессоров своим совершенным бездействием и абсолютной ленью». И далее про Ситникова, который «толчется в Петербурге» «с такими-то двумя-тремя химиками, не умеющими отличить кислорода от азота, но исполненными отрицания и самоуважения»¹⁶. Примечательно, что если Тургенев в письме к Случевскому ставил знак равенства между «нигилистами» и «революционерами», то Пирогов, как сказано выше, «скорее назвал материалистами, чем нигилистами» тех из них, кто серьезно занимался наукой.

Так состоялось ли знакомство Тургенева и Пирогова на Уайте в августе 1860 года? Если состоялось, то почему оно не продолжилось в Гейдельберге? Если знакомства не было, всё

¹⁴ Там же. С. 108.

¹⁵ Муратов А. Б. «Гейдельбергские арабески» в «Дыме» // И. С. Тургенев. Новые материалы и исследования: [Сб. ст.]. Серия: Литературное наследие/АН СССР. М.: Наука, 1967.

¹⁶ Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т.; сочинения: в 12 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1981. Т. 7. С. 187.

равно возникает вопрос, почему Тургенев, посещая Гейдельберг, не проявил интереса к известному всей России «чудесному доктору»¹⁷? Почти детективный сюжет о загадочном прообразе Базарова был порожден самим романистом, который в 1869 году в статье «По поводу «Отцов и детей»», вспоминая о своем пребывании на Уайте, отказался назвать имя человека, послужившего прообразом героя его романа. Ссылка на встречу зимою в поезде с неким провинциальным врачом Д., умершим к 1860 году, выглядит неубедительной, придуманной от начала до конца. Кого и почему прикрывал таким объяснением Тургенев?

«Мне мечталась фигура сумрачная, дикая, большая, до половины выросшая из почвы, сильная, злобная, честная — и всё-таки обреченная на погибель — потому, что она всё-таки стоит еще в преддверии будущего, — мне мечтался какой-то странный *pendante* Пугачевым и т.д.»¹⁸. Читая эти тургеневские строки, видишь портрет Пирогова кисти И. Е. Репина, написанном с натуры в 1881 году. В эмоционально заостренной гипотезе Н. С. Никитиной есть зерно истины, но эта гипотеза нуждается в подтверждении либо опровержении. Тем не менее, во всех случаях сопоставление Базарова с Пироговым открывает новые возможности для анализа образа главного героя главного романа И. С. Тургенева и понимания творческого метода писателя¹⁹.

Не менее интересным может оказаться изучение темы «Тургенев и русская естественная наука» в контексте темы «Русский Гейдельберг». Вторая половина XIX века — время расцвета русской литературы. Но это также время подъема русской естественной науки: ее Меккой с 1840-х годов стал Гейдельберг, по словам великого биолога К. А. Тимирязева, который состоял в переписке с великим писателем И. С. Тургеневым.

¹⁷ Прототипом Пирогова, главного героя рассказа А. И. Куприна «Чудесный доктор» (1897), стал великий хирург.

¹⁸ Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т.; письма: в 18 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1988. Т. 5. С. 59.

¹⁹ В подготовительных материалах к роману, в так называемых «Формулярных списках» Тургенев прямо называет имена современников, послуживших прообразом Базарова: «Смесь Добролюбова, Павлова и Преображенского». — Ред.

А. М. Полынкин
п. Покровское Орловской обл.

АВТОР ВОСПОМИНАНИЙ О ТУРГЕНЕВЕ АРДАЛИОН ЗАМЯТИН: СУДЬБА ЗЕМСКОГО УЧИТЕЛЯ, ЧЛЕНОВ ЕГО СЕМЬИ И ТУРГЕНЕВСКОГО МУЗЕЯ В СЕЛЕ ТОПКИ

В томе XI Полного собрания сочинений и писем Ивана Сергеевича Тургенева (письма), в разделе «Официальные письма и деловые бумаги», на странице 356 имеется любопытный документ. Это доверенность, выданная писателем своему управляющему Н. А. Кишинскому 23 апреля (5 мая) 1875 года в Париже. Я процитирую небольшой отрывок из нее.

«Милостивый государь, Никита Алексеевич, прошу Вас распорядиться о выдаче на законном основании купчих крепостей на уступленные и проданные участки земли из имений моих, в количестве, Вам известном...». Далее Тургенев называет несколько фамилий тех крестьян и дворовых, кому должны быть выданы купчие крепости. И среди них «... Орловской губернии, Малоархангельского уезда при селе Тапках, Покровское тож — бывшему дворовому человеку Ивану Ивановичу Замятину...».

Итак, из этой доверенности мы узнаем, что бывший дворовый человек И. С. Тургенева, Иван Иванович Замятин, проживавший в селе Топки, в 1875 году получил купчую крепость на право владения землёй, находившейся в окрестностях этого населённого пункта.

Иван Иванович Замятин и его жена родились и жили в Спасском-Лутовинове Мценского уезда. Незадолго перед реформой 1861 года их переселили в Топки, где имелся старый барский дом, построенный ещё Петром Ивановичем Лу-

товинным, дедом писателя. В январе 1861 года, перед самой отменой крепостного права, у Замятиных родился сын, названный Ардалионом. Ардалион Иванович 37 лет проработал учителем Топковской земской школы (1876–1913).

30 марта 1924 года он написал воспоминания о двух его встречах с Тургеневым. Эта рукопись хранится в фондах музея И. С. Тургенева (ед.хр.4396), и я процитирую её в полном объёме, поскольку до настоящего времени из документа публиковались лишь отдельные отрывки (А.П.)¹.

*Итак, «Мои личные воспоминания
об Иване Сергеевиче Тургеневе»*

«Исполняя просьбу Малоархангельского Упроста написать мои воспоминания при двукратной встрече с Ив. С. Тургеневым, я думаю, что мои записи будут так незначительны, что никому не принесут пользы, как материал о Тургеневе. О нём много написано и такими людьми, которые, во-первых, обладают литературным талантом, и, во-вторых, имели с Тургеневым личные и продолжительные сношения, мои же встречи носят мимолётный характер, где я был только простым зрителем. Первую встречу можно даже и не считать, т.к. мне самому было в то время 9 лет. Тем не менее, попытаюсь описать свои личные впечатления обоих встреч.

Это было в 1870 году, летом, в мае или июне месяце (судя по «Спасско-Лутовиновской хронике» Н. М. Чернова, это произошло в июне.— А.П.). Деревня Лутовинова, где жили мои родители, принадлежала Тургеневу, отец мой, бывший дворовый, служил после освобождения крестьян в этом имении вроде посыльного при бурмистре. Жили мы в огромной барской избе, где помещалось две семьи. Изба эта была холодная, и отец всегда мечтал построить себе собственную избу, но денег не было, так как отец получал жалованья два рубля в месяц и месячину, т.е. отве(?) муку (что за мука, разобрать не удалось.— А.П.).

¹ Громов В. А. Из воспоминаний крестьян о Тургеневе // Тургеневский сборник. Вып. II. М.: Наука, 1966. С. 289–299.

Главное имение Тургенева, село Спасское Мценского уезда, отстояло от моего жительства немногим более 100 верст. Когда стало известно, что Иван Сергеевич приехал из-за границы в Спасское, то отец решил ехать к нему и просить себе усадьбу (всем дворовым в Спасском усадьбы вырезали бесплатно) и, кроме того, узнать, не продаст ли ему барин небольшой флигелек, стоящий на барском дворе пустым. Бурмистр дал отцу лошадь с телегой, и мы поехали. Я так живо помню эту поездку, что мог бы рассказать мои все дорожные впечатления, но к делу это не относится.

Приехали мы в Спасское вечером на другой день и остановились у дяди (родина моих родителей — Спасское, оттуда они переведены были в Лутовиново незадолго до 1861 года). Помню, как мы были радушно приняты родственниками, и как отец долго толковал с дядей, продаст ли барин ему флигелёк? На другой день отец помолился перед образом и говорит: «Ну, сынок, пойдём к барину с тобой, может, ты будешь счастлив!». Мне сделалось жутко: живя в глуши, где никаких господ не было, я слышал, как бабушка и мать, когда упоминали про барина, то даже тон голоса изменялся у них на почтительный, да ещё говорили, что наш барин не плохой, как другие господа, что он «сочинитель», и что книжки его читают по всему белому свету — поэтому я представлял его чуть ли не сверхъестественным существом. Дядя меня успокаивал, говорил, что барин добрый, даст мне гостинцев.

Перед тем, как войти в дом, отец пошёл во флигель, где жил управляющий, Н. А. Кишинский, а я остался на крыльце. Через несколько времени управляющий вышел с моим отцом на крыльцо, отец взял меня за руку, и мы вошли в дом. Кишинский велел нам ждать в передней и пошёл дальше в комнаты. Я раньше никогда не был в барских домах, и потому меня поразила обстановка передней и следующей комнаты, куда я заглянул с любопытством. Мне показалось, что я в церкви, и портреты на стенах похожи были на иконы. Ждали мы не долго, послышался, как отец справился и взял меня за руку.

Вдруг я увидел очень большого человека, в серой короткой одежде. Прежде всего, мне бросилось в глаза его лицо, большое-большое, с белыми волосами на голове и такую же белую круглую бородою. Волоса были подстрижены в «скобку», и одна прядь волос спускалась ему на лоб и отчасти закрывала глаз. Я ещё подумал тогда, что она ему мешает, и её следует отрезать. Что ему отец говорил — я не помню, помню только, что Тургенев тихим голосом сказал ему, что усадьбу он даст и тут же оборотился к стоящему сзади управляющему с просьбою распорядиться и написать купчую. Тогда отец поклонился и начал говорить о флигеле, а я, помня наставление своей бабушки, поклонился ему в ноги, но руку побоялся поцеловать, как приказывала бабушка. И на эту просьбу отца И.С. ласково сказал, что он переговорит с управляющим и, если этот флигель подходящий, то уступит его отцу, а мне сказал, чтобы я так никогда никому не кланялся, кроме бога, погладил меня по голове и сказал отцу, чтобы он пока не уезжал из Спасского. Мы вышли, а И.С. вышел вслед за нами и пошёл в сад.

В Спасском мы пробыли дня три. Отец ездил в Миценск писать купчую на землю, а флигель был продан отцу за деньги в половинной стоимости. В эти дни я ещё раз видел Ивана Сергеевича. Я с товарищами пошел с удочками ловить рыбу в пруде, находящимся на конце парка. Проходя по аллее, мы увидели идущего нам навстречу Тургенева с каким — то другим барином. Он был без шляпы, и волосы его развевались от ветерка. Мы почему-то так испугались, что бросились в сторону и спрятались за куст.

Вторая встреча моя с Тургеневым произошла в августе 1881 года, в последний его приезд в Россию. В это время мне уже было 20 лет, я состоял учителем в Топковской земской школе, и в моих глазах И.С. был не просто «барин» и «сочинитель», как говорила моя бабушка, а мировая известность. Я читал, что Тургенев своими «Записками охотника» способствовал делу освобождения крестьян. Произведения Тургене-

ва разбирались в школе, где я учился, наравне с Пушкиным, Гоголем и другими классиками.

Это было 11 августа. Я сидел на крылечке того флигелька, о котором писал выше, и что-то, кажется, читал. Было около четырех часов пополудни. Наша деревня находится в стороне от больших дорог, и поэтому, кроме как на мужицких телегах, никто никогда не проезжал. Вдруг я вижу: едет карета, запряженная тройкой лошадей, а из кареты, когда она поравнялась, смотрит белая, как лунь, голова в шляпе и с белой же бородою. Не знаю, почему я сразу узнал его? По портретам ли? Или потому, что видел его 11 лет назад? Только я сразу вскочил, бросился в дом и закричал матери, что приехал Тургенев, а сам выбежал на крыльцо. Карета завернула направо и въехала в так называемый нами «барский двор». Я быстро надел пиджак и побежал туда. Имение в то время было сдано в аренду мценскому купцу А. И. Кошеверову, который, по случаю рабочей поры, жил здесь. Когда я вошел на крыльцо, то услышал через отворенные окна разговор внутри дома, и среди знакомых голосов был один незнакомый, его, Тургенева.

Хотя я и был в хороших отношениях с Кошеверовым, часто у него бывал и даже был с ним дружен, однако я, как ни хотелось мне, не решился войти в дом: мне показалось, что я настолько мал и ничтожен в сравнении с таким великаном ума, что не смею беспокоить его своим присутствием.

Я решился сидеть на крыльце и ждать случая подойти к нему поближе. В окно я услышал, как Кошеверов уговаривал И.С. остаться ночевать, а потому нужно отпрячь лошадей, но Тургенев говорил, что не может здесь долго пробыть, что он приехал на чужих лошадях помещика Мухортова из Федоровки, где он гостит, и приехал потому: во-первых, взглянуть на свое имение, которое он почти не знает, а во-вторых, знал, что здесь можно встретить Кошеверова А. И., своего арендатора, с которым ему нужно переговорить об окончательной продаже имения, если тот желает купить и что, если Кошеверов согласен, то пусть он приезжает в Спасское не далее

как через 3–4 дня, потому что спешит уехать (в этой части своих воспоминаний Ардалион Иванович допустил неточность: топковское имение было продано Тургеневым купцу Кошеверову в 1880 году за 81 тысячу рублей, и потому в свой последний приезд в Россию, летом 1881 года, писатель не мог вести речь еще раз о продаже этого же имения. — А.П.).

В это время к крыльцу стали подходить лутовиновские мужики-погорельцы, незадолго перед этим сгоревшие в числе 10 дворов, и Тургенев выглянул в окно. Я вблизи увидел знакомые черты и только теперь понял, что узнал его в карете не по портретам, а потому что видел его 11 лет тому назад ребёнком — так врезались черты его лица в мою память: то же белое, большое, мужицкого облика лицо, та же круглая, белая борода, та же прядь волос, падающая ему на лоб и те же широкие плечи и огромный рост. Мужики сняли шапки, а я встал. Слышу объяснение Кошеверова, что это погорельцы, и вероятно, пришли к нему, Кошеверову, по какому-нибудь делу. Послышались шаги, и Тургенев, а за ним и Кошеверов вышли на крыльцо. Я почтительно поклонился ему и остался с непокрытой головой, как и все. В голове моей мелькнула мысль отрекомендоваться, сказать ему, что я — сельский учитель, — чем я немало гордился, что я бывший его крепостной и попросить на память о нем одну-единственную книжечку его сочинения с его надписью, но ... меня поразила мысль, что поступлю нетактично, и я остался со своей мыслью и не высказанным желанием.

Тургенев заговорил с мужиками, я смотрел на него сбоку и хотел запечатлеть его лицо в своей памяти навсегда, в чем и действительно успел: до сих пор я его представляю так, как бы видел его вчера. Вероятно, мой упорный взгляд его обеспокоил, потому что он несколько раз взглядывал на меня. Я не помню его разговора с мужиками, знаю только, что он обратился к Кошеверову дать ему 100 рублей, которые тут же и отдал мужикам «на погорелое». Затем И. С. попросил Кошеверова распорядиться подать лошадей, вернулся в дом и через несколько минут вышел, одетый в пальто, в шляпе.

На прощанье он подал руку Кошеверову, а на мой поклон ответил наклоном головы, сел в карету и уехал. Таким образом, он пробыл в своем имении не более двух часов.

Через несколько времени я читал в газетах, что Тургенев был в Москве, говорил речь, и студенты сделали ему овацию, а ещё через несколько времени я прочитал о его смерти.

В 1882 году я был в Спасском и прожил там около месяца; слышал там много рассказов о последнем его пребывании; говорили также о поэте Полонском, гостившем с женою у Тургенева летом 1881 года; слышал о Полонской, которая вылепила бюст Тургенева и писала картины масляными красками, которые раздавала окружающим; видел в парке ёлку-двойчатку под названием «Два брата», на которой вырезаны были инициалы Тургенева, Полонского и многих других, как говорили, собственноручно.

Заведующий домом в то время был его бывший крепостной крестьянин Захар Фёдоров (Балашов — А.П.), через его посредство мне был отворён дом, который я осмотрел во всех подробностях. Помню, диван-«самосон», портрет отца Тургенева, красивого молодого человека в военном мундире, два или три шкафа с книгами... Дом в то время стал приходить в упадок: паркетные полы кое-где были выломаны и т.д. Вот всё, что могу сказать о своих личных впечатлениях в связи с Тургеневым. Ещё одна черта: от многих спасковских я слышал, что И.С. был человек необыкновенной доброты: он никогда и ни в чём не мог отказать кому бы то ни было. Его доброю часто злоупотребляли, так, например, одного мужика научили попросить у барина на избу ёлку «Два брата», которую он очень дорожил. Тургенев не подарил её мужику только потому, что тот согласился взять вместо неё другое дерево.

В заключение не могу не сказать несколько слов про «Записки охотника». Бабушка и мать говорили мне, что почти все лица, упоминаемые в «Записках», — не выдуманные, а списанные с живых людей, даже имена их настоящие: был Ермолай и даже его Валетка, была, действительно, собака Тургенева Дианка, был Бирюк, которого в лесу убили свои же крестьяне,

был Яшка-турчонок — сын пленной турчанки. Даже я лично знал одного тургеневского героя, именно Сучка, Антона, переименованного барынею Варварою Петровною из Козьмы. Бежин луг, Парахинская пустошь, Варнавицы, Кобылий Верх и т.д. — все эти места имели те же названия и в 1882 году.

Бывший сельский учитель Ардалион Иванович Замятин. Село Топки Верхососенской волости Малоархангельского уезда. 30 марта 1924 года».

Малоархангельский уездный союз работников просвещения передал эти воспоминания в Тургеневский музей (г. Орёл) 13 мая 1924 года.

Воспоминания А. И. Замятина немного дополнила его дочь, Анна Ардалионовна, которая закончила Московские Высшие Женские курсы и всю жизнь проработала в Топках сельской учительницей, сменив отца.

Она писала, что её дед, Иван Иванович, был сначала пастиухом, потом выучился и стал хорошим ткачом. Он ткал льняные полотна, скатерти и салфетки, так хорошо вытканые, что И. С. Тургенев возил их даже в Париж. Бабушка, Анна Ивановна, пряла. После реформы дед был сторожем в барском лесу.

У отца, Ардалиона Ивановича, ещё в детстве обнаружились большие способности (это выяснила дочь конторщика, научившая его грамоте). Иван Иванович, не имея средств, отдал сына малоархангельскому прасолу в батраки. Ардалион закончил вначале городское высшее начальное училище в Малоархангельске, а затем выдержал экстерном экзамен на звание учителя в городе Орле, после чего стал учителем земской школы в селе Топки. Всю свою долгую жизнь Ардалион Иванович хранил теплые воспоминания о Тургеневе, часто рассказывал о нем своим дочерям. Может быть, именно поэтому и Анна Ардалионовна стала учительницей и проработала ею 33 года, прививая своим ученикам любовь к знаниям, великому русскому языку и к нашему земляку Ивану Сергеевичу Тургеневу.

Долгие годы при Советской власти как-то и не вспоминали даже о том, что Топки — это бывшее имение великого русского писателя, которого эта власть, вроде бы, ценила и уважала.

Когда в Топках в период коллективизации появился первый колхоз, название у него было стандартное — «Новая жизнь». А возникший в 1957 году в результате объединения новый колхоз и вовсе назвали именем партийного деятеля Жданова. Какое он имел отношение к Топкам — неизвестно, но даже памятник ему в селе поставили (кстати, стоит до сих пор).

И лишь после того, как усилиями работников Орловского объединённого государственного литературного музея И. С. Тургенева на базе Топковской средней школы возник в 80-е гг. XX века в селе литературно-краеведческий музей, материалы которого рассказывали о связях Тургенева с Топками. Торжественное открытие музея состоялось 14 февраля 1987 года. В этом важном для села Топки событии приняли участие орловские тележурналисты, работники областного управления культуры, музея И. С. Тургенева, руководители Покровского района и колхоза имени Жданова. Первым руководителем музея стала директор Топковской школы Надежда Павловна Кондаурова, благодаря которой была проведена большая подготовительная работа, налажены связи с музеем И. С. Тургенева, опрошены местные жители, собраны экспонаты. Её благородное дело продолжила Елена Николаевна Павлова, директриса Топковской школы с 1993 по 2011 год. В 1994 году музей получил звание «Школьного музея». Состоял он сначала из двух разделов: боевой славы и истории села, потом их стало три.

В 1988 году общеколхозное собрание заменило имя Жданова на Тургенева. Колхозов сейчас в Покровском районе нет, вместо них возникли крупные агрофирмы, одна из которых около трёх лет называлась ООО «Тургеневское».

К сожалению, в настоящее время огромные в XIX веке Топки (две с лишним тысячи жителей) вымирают, медленно и верно. Топковская школа, которую основал когда-то Ардалион Замятин ещё как земскую, ликвидирована в связи с ма-

лым числом учеников, и с 1 сентября 2020 года она уже не функционирует, а экспонаты и документы из её музея перевезены в Дросковскую школу и хранятся в запасниках здешнего школьного музея.

На базе Покровской Станции детского и юношеского туризма и экскурсий ещё в 2003 году была разработана экскурсия — «По тургеневским местам района», и впервые прошёл районный конкурс — «Тургеневские чтения», ставший с 2004 года традиционным, ежегодным. В нём принимали участие не только учащиеся школ, но и взрослые, знающие и любящие творчество Тургенева. С 2010 года учреждение дополнительного образования детей — Станция детского и юношеского туризма и экскурсий — прекратила своё существование, но Тургеневские чтения некоторое продолжали жить в районе уже на базе другого учреждения — Покровского Дома детского творчества, пока и оно не было ликвидировано. В 2021 году, в связи с избранием нового главы Покровского района, появилась надежда на создание районного краеведческого музея, в котором обязательно найдётся место экспонатам и документам из ликвидированного Топковского школьного музея.

О семье Ардалиона Замятина и судьбе его детей

А теперь возвращаюсь к главному герою моего исследования — Ардалиону Замятину. Первые сведения о его родителях я обнаружил при изучении «Метрической книги Покровской церкви села Топки за 1859 год». В части первой, «О родившихся», есть сведения о младенце Ольге, появившейся на свет 6 сентября и в тот же день крещённой, родителями которой названы дворовые люди Иван Иванов и Анна Иванова (фамилия не упоминается, но это Замятины. — А.П.). Девочка прожила недолго: скончалась «от слабости» 6 декабря того же 1859 года и была похоронена 8 декабря на приходском кладбище. По всей видимости, она была первым ребёнком в молодой семье Замятиных.

Через год, в январе 1861-го, родился у них и сын — Ардалион Иванович (метрическая книга Покровской церкви села

Топки за этот год не сохранилась, и точный день рождения остаётся не известен — А.П.), которому выпала более счастливая и долгая жизнь.

Грамоте его обучила дочь конторщика, жившего при барском доме. Иван Иванович Замятин очень хотел датьмышлёному сыну какое-то образование, но средств у него не было, и потому он отправил Ардалиона в батраки к одному богатому малоархангельскому прасолу (оптовому скупщику скота). Работая на него, Ардалион успевал учиться в Малоархангельском городском высшем начальном училище.

Учился на «отлично», сумел по окончании учебного заведения экстерном сдать экзамены на звание учителя земской школы. Из «Сведений о личном и служебном положении» А. И. Замятина мы знаем, что 17 марта 1876 года он был назначен учителем Топковского училища Малоархангельского земства с окладом 300 рублей плюс 25 рублей квартирные. И было в то время новоиспечённому преподавателю всего 15 лет! (и два месяца).

Сначала Топковская школа располагалась в одной из крестьянских хат, нанятой земством, а позже для неё было построено отдельное здание. Ардалион Иванович проработал в Топковском земском училище до 1913 года, пока серьёзно не заболел. По стажу он в тот момент ещё не имел возможности получать пенсию, но земство, учтя его заслуги в деле обучения крестьянских детей, несколько лет выделяло ему персонально материальную помощь, пока он не дождался пенсии, назначенной Министерством народного просвещения.

Именно в период работы в Топках довелось Ардалиону Ивановичу во второй раз в своей жизни увидеть великого писателя земли Русской, о чём он не раз впоследствии рассказывал, а в 1924 году написал «Мои личные воспоминания об Иване Сергеевиче Тургеневе», которые я процитировал выше.

Здесь же, в Топках, в октябре 1890 года, почти в 30-летнем возрасте, земский учитель Замятин женился на дочери псаломщика Покровской церкви села Топков Александре Ку-

теповой. От этого счастливого брака родились дети: дочери Анна (25.11.1891), Нина (1893), Екатерина (1896), Вера (1899–21.12.1900), сыновья Дмитрий и Фёдор (01.03.1908). Скончался Ардалион Иванович Замятин 16 мая 1945 года.

Дочери Анна и Екатерина продолжили учительскую династию Замятиных. Анна Ардалионовна, закончив Высшие Женские курсы в Москве, вернулась в родные Топки, сменив отца в земской школе, а уже при Советской власти долгие годы работала в Топковской средней школе. За свой труд она была награждена орденом Трудового Красного Знамени. Екатерина Ардалионовна сначала преподавала в соседнем селе Смирные, а позже — тоже в Топках.

Земский учитель Ардалион Иванович Замятин и обе его дочери — учительницы похоронены на местном сельском кладбище. Обо всех Замятиных, их благородном труде (с общим стажем более 100 лет) подробно рассказывали до недавнего времени ученики-экскурсоводы всем посетителям историко-краеведческого музея села Топки, который с 1987 по 2020 год существовал в Топковской средней школе.

При изучении биографий членов семьи Замятиных мне удалось выяснить, что в деревне Лутовиново, вплоть до первых послевоенных лет, эта фамилия была довольно распространена, по всей видимости, во времена Тургенева (в канун отмены крепостного права. — А.П.) из Спасского-Лутовиново был переселён не только молодожён Иван Иванович Замятин с супругой, но и ещё несколько семей их родственников или однофамильцев.

В годы Великой Отечественной войны погибли двое уроженцев деревни Лутовиново: ефрейтор из 41 стрелковой дивизии Василий Васильевич Замятин (пал в бою за село Хотетово Свердловского района Орловской области 30 июля 1943 года. — А.П.) и младший сержант из 26 гвардейской стрелковой дивизии Яков Иванович Замятин (погиб в бою за деревню Базаборок в Литве 18 октября 1944 года. — А.П.). В послевоенные годы в деревне Лутовиново проживал фронтовик Иван Замятин, дата смерти которого и отчество не

установлены. На Топковском кладбище имеется заброшенная могила с инициалами трёх представителей этого семейства: М.Е., В.И., П. П. Замятиных.

К настоящему времени Замятиных в Топковском сельском поселении не осталось уже никого. Нет такой фамилии и во всём Покровском районе.

А теперь вернусь к учительскому семейству. Сам Ардалион Иванович Замятин в середине 30-х годов XX века переселился в Малоархангельск, где и умер уже после войны, 16 мая 1945 года (ему шёл 85-й год. — А.П.). Но похоронили его родные дети в селе Топки, на местном сельском кладбище.

О сыне, Дмитрие Ардалионовиче Замятине, никакой информации выяснить не удалось. Известно только, что из Топков он уехал, а навещал ли родные места — никто из жителей Топков не знает. Все три дочери, Анна, Нина и Екатерина, — замуж не выходили и вплоть до середины 70-х годов XX века жили в одном доме на Первых Топках. Анна Ардалионовна и Екатерина Ардалионовна всю жизнь посвятили народному образованию и в последние годы вместе трудились в Топковской средней школе.

В школьном историко-литературном музее хранились до недавнего времени (были выставлены в экспозиции) документы Анны Ардалионовны Замятиной, переданные бывшим директором школы Александром Стефановичем Лаврищевым.

Из копии метрического свидетельства я выяснил, что Анна Замятина родилась 13 ноября (ст.ст. — А.П.) 1891 года, крещена была в Покровской церкви села Топки, а восприемниками (крестными) стали окончивший курс Орловской духовной семинарии сын местного священника Иван Михайлович Остров и дочь умершего местного псаломщика, девица Елисавета Фёдоровна Кутепова (она была родной тёткой крестницы. — А.П.).

Среднее образование Анна Ардалионовна получила в Ливенской женской гимназии, в которой обучалась с августа 1903 по июнь 1910 года, включая 8-й, дополнительный

класс. Все годы обучения она показывала выдающиеся способности: 11 предметов в её аттестате — с оценкой «Отлично», и только один, «чистописание», оценен был на «хорошо». Решением педагогического Совета гимназии Анна Замятина была удостоена «золотой медали».

1 июня 1910 года начальница Ливенской женской гимназии В. Соколова подписала «Свидетельство», на основании которого Анна Замятина приобрела звание «...домашней наставницы по русскому языку и истории».

Интересно, что вторым человеком, подписавшим этот документ, стал законоучитель, протоиерей Николай Булгаков, отец знаменитого философа, писателя и духовного деятеля Сергея Николаевича Булгакова. По «Закону Божию» у Анны Замятиной все годы стояла твёрдая «пятёрка».

Получив «Свидетельство», Анна Ардалионовна сменила отца в должности учителя Топковской земской школы, где проработала до революции 4 года. Но собственное образование показалось ей недостаточным, и Замятина в 1914 году поступила на Московские Высшие Женские Курсы — так называлось высшее учебное заведение для женщин в России, существовавшее с 1872 по 1918 год (с перерывом в 1888–1900 годы), после чего были преобразованы во 2-й МГУ.

20 апреля 1917 года она получила «Диплом» об окончании славяно-русского отделения историко-философского факультета этих курсов, написав выпускное сочинение по истории русской литературы на «Отлично».

Все послереволюционные и первые послевоенные годы работала Анна Ардалионовна Замятина в Топковской школе, удостоившись в 1947 году за свои педагогические достижения ордена Трудового Красного Знамени.

Умерла заслуженная учительница 25 апреля 1976 года, проводили её в последний путь учителя Топковской школы во главе с директором А. С. Лаврищевым. Несколькими годами раньше, 12 июня 1972 года, упокоилась Екатерина Ардалионовна. Могилы сестёр были рядом, но вот где они — местные жители уже подсказать не могут.

Нину Ардалионовну, оставшуюся в одиночестве, вскоре забрал к себе кто-то из родственников, продавший дом сестёр Замятиных, а потом, по слухам, она оказалась в каком-то доме ветеранов, где и скончалась.

И в заключение — о судьбе Фёдора Замятина, самого младшего из детей Ардалиона Ивановича. Он родился в селе Топки 1 марта 1908 года, по всей видимости, сумел получить среднее или даже средне-специальное образование. Жил в Ростовской области, войну встретил в звании лейтенанта в составе 53 стрелковой дивизии, которая после начала немецкой операции «Тайфун» 2 октября 1941 года попала в окружение. Полки пробивались к своим, некоторым подразделениям это удалось, но Фёдор Замятин 18 октября под Малоярославцем попал в плен и оказался в шталаге VI K (326). Этот лагерь для военнопленных находился на территории Германии, в местности Форелькруг-Зенне, и был одним из самых страшных немецких лагерей. В нём Фёдор Ардалионович выжил, поскольку находился там недолго, и был переведён в шталаг VI D (Stalag VI D Dortmund). Там, в германском Дортмунде, и закончился жизненный путь уроженца села Топки с лагерным номером 147998.

Вот такой разной оказалась судьба детей Ардалиона Ивановича Замятина — автора «Воспоминаний о писателе Тургеневе».

II
Научные
исследования
и сообщения

В. А. Лукина
Санкт-Петербург

ДВА НЕИЗВЕСТНЫХ ПИСЬМА С. Н. ТУРГЕНЕВА К А. И. ТУРГЕНЕВУ (1831) В АРХИВЕ БРАТЬЕВ ТУРГЕНЕВЫХ В ПУШКИНСКОМ ДОМЕ

Несмотря на ряд научных работ, в том числе специальных,¹ образ С. Н. Тургенева, отца писателя, все еще остается во многом загадочным, и потому особую ценность обретает любой, казалось бы даже самый незначительный документ, проливающий новый свет на его личность и обстоятельства его жизни. Из весьма скудно сохранившегося эпистолярного наследия Сергея Николаевича в научный оборот введены лишь письма к сыновьям (частично), преимущественно адресованные старшему сыну Николаю,² фрагмент письма, предположительно адресованного В. П. Тургеневой (без даты, указания автора и адресата),³

¹ См., например: *Клеман М. К.* Отец Тургенева в письмах к сыновьям // Тургеневский сборник / Под ред. А. Ф. Кони. Пб., 1921. С. 131–143; *Ден Т. П.* С. Н. Тургенев и его сыновья // Русская литература. 1967. № 2. С. 129–135; *Bogdanov B.* Le père d'Ivan Tourguéniev: Pour le bicentenaire de sa naissance // Cahiers Ivan Tourguéniev, Pauline Viardot, Matia Malibran. 1993–1994. № 17–18. P. 217–226; *Балыкова Л. А.* Перевод католической молитвы в письме С. Н. Тургенева жене (1830 или 1831 гг.) // Тургениана. Орел, 1999. Вып. 2–3. С. 131–142; *Трофимова Т. Б.* С. Н. Тургенев в дневниках А. И. Тургенева // Спасский вестник. 1995. Вып. 3. С. 44–47; *Чернов Н. М.* Сергей Тургенев, отец, и его судьба // Чернов Н. М. Провинциальный Тургенев. М., 2003. С. 45–51; и др.

² См.: *Клеман М. К.* 1) Из юношеских лет Тургенева (Новые материалы): 2. Из писем С. Н. Тургенева // Посев: Литературно-критический и научно-художественный альманах. Одесса, 1921. С. 87–88; 2) Отец Тургенева в письмах к сыновьям. С. 131–143; Отец Тургенева в письмах к сыновьям Неизвестное письмо С. Н. Тургенева к сыну Николаю / Публ. Е. М. Грибковой // И. С. Тургенев: Новые исследования и материалы. М.; СПб., 2016. Вып. 4. С. 810–817. Полная публикация писем С. Н. Тургенева к сыновьям в настоящее время готовится к печати в очередном сборнике «И. С. Тургенев: Новые исследования и материалы».

³ См.: *Балыкова Л. А.* Перевод католической молитвы в письме С. Н. Тургенева жене (1830 или 1831 гг.). С. 137–141.

а также два письма к Александру Ивановичу Тургеневу.⁴ Еще два неизвестных ранее письма к А. И. Тургеневу, о которых заявлено в заглавии статьи, были обнаружены недавно в ходе научного описания архива братьев Тургеневых (Ф. 309), хранящегося в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.⁵

Обширнейший архив братьев Тургеневых, насчитывающий свыше пяти тысяч единиц хранения или свыше 50 000 листов рукописей, включает материалы трех поколений Тургеневых. Он был передан в Россию младшим сыном Николая Ивановича Тургенева — Петром Николаевичем, к тому времени единственным его наследником, и поступление его в Российскую императорскую Академию наук растянулось на несколько лет, с 1904 по 1912 год.

Большая заслуга приобретения этого богатейшего архива принадлежит известному историку литературы, педагогу, впоследствии основателю и первому директору Академической библиотеки Малого театра (ныне Российская государственная библиотека искусств в Москве) Александру Александровичу Фомину (1868–1929).⁶ На протяжении восьми лет, во время командировок во Францию, ему удалось не без изрядных затруднений собрать в Париже, в доме Петра Николаевича и на вилле «Vert-Bois», хранящиеся в этом архиве документы, имеющие отношение к И. С. Тургеневу, он же дал их общее описание и впервые опубликовал письма писателя к Н. И. Тургеневу и членам его семьи в вышедшем

⁴ См.: Громов В. А. Секретное наблюдение за С. Н. Тургеневым и его письма к А. И. Тургеневу // Тургеневский сборник: Материалы к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. Л., 1967. Вып. 3. С. 211–216. Еще одно письмо С. Н. Тургенева, предположительно датированное 1815 годом и адресованное А. И. Михайловскому-Данилевскому, хранится в Российской национальной библиотеке (см.: Рукописи И. С. Тургенева: Описание / [Сост. Р. Б. Заборова]. Л., 1953. С. 134).

⁵ Приношу искреннюю благодарность старшему научному сотруднику Рукописного отдела ИРЛИ РАН Наталье Александровне Хохловой, которая любезно обратила на них мое внимание.

⁶ См. об этом: Фомин А. Петр Николаевич Тургенев и его дар русской науке. СПб., 1913. Отд. оттиск из «Отчета о деятельности императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности за 1912 год».

в 1923 году сборнике «Тургенев и его время».⁷ Вот как вспоминал А. А. Фомин о своих поисках тургеневских писем: «Приходилось находить их и в различных бюро, письменных столах и шифоньерах Николая Ивановича и его жены, находились они и в ящиках и картонах, в которых хранились визитные карточки и различные мелкие записки, приходилось наталкиваться на письма Ивана Сергеевича и на чердаке, в чуланах под крышей в парижском доме Петра Николаевича и в ванной комнате и в скульптурной мастерской его в Vert-Bois».⁸

Помимо собственно эпистолярной части, заключающей в общей сложности около ста писем И. С. Тургенева, А. А. Фомин упомянул также о других документах, имеющих то или иное отношение к писателю, однако ни полный состав их, ни общее количество по понятным причинам не были приведены — они были обозначены лишь в самом общем виде как «заметки и отзывы <...> в дневниках Николая Ивановича, Фанни-Александры, в письмах различных лиц и в других материалах».⁹ Между тем в значении и ценности данных «заметок и отзывов», лишь частично введенных в научный оборот в последующие годы, не приходится сомневаться. Достаточно сказать, что только благодаря хранящейся в архиве переписке Н. И. Тургенева с братом Александром была существенно уточнена дата знакомства будущего автора «Записок охотника» со своим однофамильцем-декабристом — которое состоялось по меньшей мере на тринадцать лет ранее 1858 года, как долгое время было принято считать.¹⁰ Ценнейшие сведения для канвы жизни Тургенева, воссоздания его «живого облика», содержат и записи в многочисленных дневниках

⁷ Фомин А. А. Письма И. С. Тургенева к декабристу Н. И. Тургеневу и его семье // Тургенев и его время. М.; Пг., 1923. Сб. 1 / Под ред. Н. Л. Бродского. С. 203–288.

⁸ Там же. С. 204 (И. История находки писем Ивана Сергеевича Тургенева).

⁹ Там же. С. 203.

¹⁰ См.: Тарасова В. М. О времени знакомства Тургенева с Н. И. Тургеневым // Тургеневский сборник: Материалы к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. Л., 1967. Вып. 3. С. 276–278; Генералова Н. П. И. С. Тургенев: Россия и Европа. Из истории русско-европейских литературных и общественных отношений. СПб., 203. С. 203–204.

Фанни Николаевны Тургеневой, впервые частично опубликованные М. П. Султан-Шах.¹¹ Имеются тут и материалы, связанные с участием Тургенева в похоронах Н. В. Ханыкова, отдельные упоминания о Тургеневе рассыпаны в переписке Клары Тургеневой и т.д.

В архиве братьев Тургеневых содержатся материалы, относящиеся не только непосредственно к И. С. Тургеневу, но и к его родителям, в первую очередь к Сергею Николаевичу. Это неудивительно. О довольно тесном знакомстве отца писателя с братьями Тургеневыми — Александром и Николаем — было известно давно, хотя и здесь остается множество белых пятен. Так, например, до сих пор не установлено, при каких обстоятельствах и когда именно произошло это знакомство. Если в статье «С. Н. Тургенев и его сыновья» Т. П. Ден упомянула о том, что с Николаем Ивановичем отец писателя, тогда молодой кавалергардский поручик, неоднократно встречался в 1814–1819 годах — сначала за границей, во время пребывания в Германии со своим резервным эскадроном, а потом и в Петербурге,¹² то о времени знакомства с Александром Ивановичем — нет никаких данных.

Вместе с тем известно, что с А. И. Тургеневым отец писателя не только был хорошо знаком, но и состоял в переписке, о чем свидетельствуют два письма Сергея Николаевича, хранящиеся в Российском государственном архиве литературы и искусства (Ф. 509. Оп. 1. № 214), которые были обнародованы В. А. Грозовым еще в 1967 году в упоминавшейся выше содержательной статье «Секретное наблюдение за С. Н. Тургеневым и его письма к А. И. Тургеневу», не утратившей своего научного значения до сих пор. Оба опубликованных В. А. Грозовым письма, ранее считавшиеся единственными уцелевшими, относятся к марту и апрелю 1831 года — а именно ко времени пребывания С. Н. Тургенева в Париже, где он восстанавливался после тяжелой «операции боково-

¹¹ Тургенев и семья декабриста Н. И. Тургенева: Из дневников Ф. Н. Тургеневой, 1857–1883 / Публ. М. П. Султан-Шах // Литературное наследство. М., 1967. Т. 76. С. 359–414.

¹² Ден Т. П. С. Н. Тургенев и его сыновья. С. 130, 131.

го сечения».¹³ Уже по их содержанию можно сделать вывод о том, что на самом деле писем было больше. Подтверждают это и записи в дневнике А. И. Тургенева за 1830 и 1831 годы, часть которых была опубликована Т. Б. Трофимовой.¹⁴ В этом отношении обнаружение в архиве братьев Тургеневых двух новых писем предстает вполне закономерным и ожидаемым. Оба новонайденных письма также относятся к весне 1831 года и позволяют существенно дополнить и уточнить известные ранее факты.

Напомним, что самое раннее из сохранившихся писем, опубликованное В. А. Громовым, датируется 26 марта н. ст. 1831 года (далее все даты приводятся по новому стилю без оговорок). В нем отец Тургенева поведал некоторые подробности о перенесенной им операции. Так, мы узнаем, что она произошла 3 марта 1831 года, по настоянию самого С. Н. Тургенева, который, вопреки советам врачей, «предпочел,— по его собственным словам,— умереть от воспаления раны, чем замучиться от камня».¹⁵ При этом он упомянул, что «Сивиян <?> (так предположительно была прочитана фамилия оперирующего хирурга в публикации В. А. Громова.— В. Л.), видя мои мучения, долго колебался приступить к окончательному действию, не имея никакой надежды в желаемых последствиях, что подтвердили на консилиуме все здешние лучшие хирурги, из коих Dubois и Boge <?> (так предположительно была прочитала вторая французская фамилия.— В. Л.) решительно положили предложить мне остаться с камнем».¹⁶

Прежде всего, уточним, что в консилиуме действительно были задействованы именитые парижские хирурги — речь идет о двух врачах, чья слава достигла расцвета уже к началу XIX века, во времена Наполеона,— Антуане Дюбуа (Dubois; 1756–1837) и Алексисе Буайе (Boyer; 1757–1833). Оба были вы-

¹³ Громов В. А. Секретное наблюдение за С. Н. Тургеневым и его письма к А. И. Тургеневу. С. 211.

¹⁴ См.: Трофимова Т. Б. С. Н. Тургенев в дневниках А. И. Тургенева. С. 45.

¹⁵ Громов В. А. Секретное наблюдение за С. Н. Тургеневым и его письма к А. И. Тургеневу. С. 213.

¹⁶ Там же.

ходцами из бедных семей: Дюбуа родился в семье мелких землевладельцев, Буайе был сыном портного, и оба за свои заслуги получили титул барона империи. Так, Дюбуа служил главным хирургом во время французской кампании в Египте, затем был назначен хирургом-консультантом императора, принимал роды его второй супруги, Марии Луизы Австрийской, и впоследствии возглавлял родильные дома в Париже. Получил известность прежде всего как превосходный практикующий хирург, оперировавший с редкой сноровкой и присутствием духа. Как писал один из его биографов, он привнес в хирургию «ту добросовестность и дух независимости, которые составляли суть его характера».¹⁷ Член Французской академии, профессор, Буайе, как хирург и анатом также достигший славы при правлении Наполеона, много работал в больницах Charité и Hôtel-Dieu; специализировался на урологических заболеваниях, особенно нарушениях мочеиспускания, много занимался хирургией кровеносных сосудов; славился хирургической ловкостью, считался очень осторожным и умелым хирургом, хотя и лишенным смелости и оригинальности.¹⁸ Оба они, однако, относились скорее к выдающимся представителям хирургической школы конца XVIII века.

Удалось прояснить и имя врача, непосредственно проводившего операцию,— им был более молодой коллега Дюбуа и Буайе, французский хирург-новатор Жан Сивиаль (Civiale; 1792–1867), специализировавшийся на лечении мочекаменной болезни, один из изобретателей операции литотрипсии, или бескровного камнедробления, для которой им был разработан специальный медицинский инструмент, позволявший разрушать камни в мочевом пузыре без разрезов, через уретру.¹⁹ Экспериментальным путем Сивиаль установил, что в мочеиспускательный канал, почти безболезненно (в слу-

¹⁷ Rochard J. Histoire de la chirurgie française au XIXe siècle: Etude historique et critique sur les progrès faits en chirurgie et dans les sciences qui s'y rapportent depuis la suppression de l'Académie royale de chirurgie jusqu'à l'époque actuelle. Paris, 1875. P. 19–21.

¹⁸ Ibid. P. 17–19.

¹⁹ Об истории литотрипсии и роли Сивиаля см., например: Ibid. P. 195–203; Shelley Harry S. Intravesical Destruction of Bladder Stones // Journal of the History of Medicine and Allied Sciences. 1964. Vol. 10 № 1. P. 46–60.

чае должных опыта и сноровки), можно ввести навощенную трубочку диаметром до 9 мм. Поначалу эксперименты, проводимые Сивиаем на себе, были мучительными, но в конечном итоге они помогли ему выработать малоинвазивную, щадящую методику, и в 1824 году была запрототипирована первая официальная операция литотрипсии на пациенте. За пять последующих лет Сивияль провел 115 операций без единого смертельного случая. Он был удостоен ордена Почетного легиона, а вскоре в больнице Неккер под его руководством открылось первое в мире специализированное отделение литотрипсии.

Итак, 3 марта 1831 года операция, по словам С. Н. Тургенева, «счастливым образом была Сивиаем сделана». «Благодаря бога, — писал он 26 марта А. И. Тургеневу, находившему в то время в Лондоне, — последствия оной, несмотря на все противные условия, были благополучны. А как ныне прошло 23 дня и я смело могу сказать, что уже вне опасности; с должным терпением продолжаю почти недвижимо лежать в постели, что еще протянется дней 10-ть <...>».²⁰

Следующее — новонайденное — письмо было написано неделю спустя, 3 апреля 1831 года, в ответ на полученное С. Н. Тургеневым 1 апреля неизвестное послание А. И. Тургенева из Лондона.²¹ Из него выясняется, что долгие дни после операции отец Тургенева провел в отеле Дувр, находившемся на углу Рю-де-ла-Пэ (Rue de la Paix, № 21) и бульвара Капуцинок. Отель считался довольно удобным и пользовался популярностью среди иностранцев; поблизости как будто сосредоточился английский уголок — на Rue de la Paix располагался ряд других отелей, в том числе Hôtel des Iles Britanniques (№ 24), Hôtel Canterbury (№ 5); тут же находились магазины английских обувщиков MacHenry и Jacobs,

²⁰ Громов В. А. Секретное наблюдение за С. Н. Тургеневым и его письма к А. И. Тургеневу. С. 213.

²¹ По всей видимости, именно об этом письме идет речь в дневниковой записи А. И. Тургенева от 29 марта 1831 года: «...получил письмо от Тургенева из Парижа от 14 (26) марта. Отвечал ему сначала, чтобы он отдал вещи в случае отъезда Гонтару и уведомил бы меня за две недели, когда поедет, дабы я успел собраться в Париж» (цит. по: Трофимова Т. Б. С. Н. Тургенев в дневниках А. И. Тургенева. С. 45).

английская аптека Budgett and Cooper, модный магазин Lucy Hocquet, славившейся своими шляпами, а также Librairie française et étrangère (книжная лавка, торговавшая французскими и иностранными изданиями) и т.п.

«Хотя я еще не выхожу из комнаты,— так начинается первое из новонайденных писем,— но не менее того могу сказать, что уже столько здоров, а главное покоен духом, что всякое ваше препоручение, почтеннейший Александр Иванович, с большим удовольствием готов исполнить».²² Речь шла о комиссии А. И. Тургенева в отношении вещей, оставленных им на попечении своего однофамильца в декабре 1830 года, перед отъездом в Лондон.²³ Как следует из дальнейшего содержания письма, в случае если отъезд Сергея Николаевича в Россию состоится раньше возвращения Александра Ивановича из Лондона, он должен был запечатать их и передать на хранение в банкирскую контору. «Третьего дня получил ваше приятное письмо,— писал на этот счет отец Тургенева,— в коем вы пишете, что прилагаете другое к *Гонтару*, которое я должен бы был запечатать, приложив к оному акт о фондах, и в верном к нему доставлении взять с него расписку.— Но как мне чрез контору *Гонтара* было токмо доставлено одно ваше письмо, почему я и расчел, что остальное вы прямо от себя к нему переслали, что в сущности и оправдалось, итак *Гонтар* будет на оный счет писать к вам сам».²⁴

Пользуясь случаем, уточним что речь шла о парижском отделении известного франкфуртского банкирского и торгового дома Гонтаров (Gontard),²⁵ французского происхож-

²² ИРЛИ. Ф. 309. Оп. 1. № 1947. Л. 1.

²³ Об этом свидетельствует дневниковая запись А. И. Тургенева от 22 декабря 1830 года: «...к Турген<еву>, отправил ему ящик с книгами, бумагами и с пустым белым чемоданом; англиц<кий> чемодан с бумагами и вещами и книжками Николаю и Сереже принадлежащими; поручил их пересылать ко мне» (*Трофимова Т. Б. С. Н. Тургенев в дневниках А. И. Тургенева. С. 45*).

²⁴ ИРЛИ. Ф. 309. Оп. 1. № 1947. Л. 1.

²⁵ Согласно адресной книге, предприятие Гонтаров «Jacob Friedrich Gontard u. Söhne» было зарегистрировано во Франкфурте-на-Майне и оказывало среди прочего экспедиционные услуги (см.: *Handlungs-Adress-Kalender von Frankfurt am Main auf das Jahr 1831. Frankfurt am Main, [1831]. S. 21*. За указание на это издание приношу сердечную благодарность В. И. Симанкову).

дения, вынужденных в XVII веке по религиозным причинам переселиться в Германию, с которым вел постоянные дела А. И. Тургенев (поскольку в публикации 1967 года эта фамилия была ошибочно прочитана как Тумтора²⁶). По-видимому, в дальнейшем С. Н. Тургеневу довелось лично встретиться с Якобом Фридрихом Гонтаром (1764–1843),²⁷ совладельцем франкфуртской фирмы «Jacob Friedrich Gontard und Söhne», представлявшим с 1823 года ее интересы в Париже.²⁸ Встреча эта доставила Сергею Николаевичу несколько неприятных минут, о чем он не преминул сообщить во втором из обнаруженных писем: «По назначению вашему третьего дня все ваши вещи за моею печатью доставлены к *Гонтару*, от коего я надеялся получить расписку в получении. <...> но он мне отвечал, говоря: «J'ai n'ai²⁹ pas l'habitude de donner des reçus, en pareil cas (У меня нет обычая давать расписки в подобных случаях. — *франц. В. Л.*)», что мне несколько было неприятно, и готов даже был оставить вещи у нашего священника, но не смел решиться, ибо вы именно желали, чтоб сохранялись ваши вещи у банкира, — о чем вас сим и извещаю».³⁰

В письмах содержатся также новые данные о том, каким путем Сергей Николаевич планировал вернуться домой. Приведем этот фрагмент целиком: «Я возвращаюсь в Россию в собственном экипаже, — писал он 3 апреля 1831 года, — а потому избавлен от всех неудобств дилижансов, могу останавливаться везде, где нужда заставит, и пробыть, сколько потребно будет, смотря каково будет мое еще слабое здоровье. — Сверх того, я никак не располагаю выехать отсюда, как 14 апреля старого стиля, надеюсь, что к тому времени окрепчаю, да и погода установится хорошая. — Если же я решился вам предложить

²⁶ Громов В. А. Секретное наблюдение за С. Н. Тургеневым и его письма к А. И. Тургеневу. С. 213.

²⁷ В архиве братьев Тургеневых сохранилась, например, копия письма к нему А. И. Тургенева от 26 июня 1830 года (*ИРЛИ*. Ф. 309. № 4118; по старому шифру).

²⁸ Сведения о том, что в отсутствие Я. Ф. Гонтара, дела во Франкфурте велись третьим лицом, содержатся также в адресной книге: *Handlungs-Adreß-Kalender von Frankfurt am Mayn auf das Jahr 1831*. S. 71.

²⁹ В подлиннике ошибочно: «n'est pas» вместо «n'ai pas».

³⁰ *ИРЛИ*. Ф. 309. Оп. 1. № 1947. Л. 3.

приехавший сюда московский дилижанс — то единственно потому, что вы сбирались по вскрытии весны возвратиться в Россию, а так как вы по сие время не желали иметь в вояже собственного экипажа, то сей дилижанс заслуживает преимущество пред всеми, как по удобствам-спокойности, и то, что отправляется отсюда прямо в Москву чрез Франкфурт, Майанс, Берлин, Кенигсберг, Тилзит, Юрбург, откуда чрез Вильно в Москву или чрез Динабург в Смоленск. <...> Самый оный маршрут и я избрал. — К сожалению же, того, что я вам писал о удовольствии ехать с вами вместе, то я оное разумел, что отправимся отсюда в одно время и по одной дороге».³¹

Однако на деле Сергей Николаевич покинул Париж лишь 2 мая 1831 года, о чем он поспешил известить А. И. Тургенева в самый день отъезда: «Наконец наступил тот счастливый день, в который я выезжаю отсюда, почтенный Александр Иванович. Уверен, что вы примете участие в моей сердечной радости. — Еще 20 дней и я буду с моим семейством!! после столь долгой разлуки и здоровый!!».³² О получении этого письма 5 мая 1831 года Александр Иванович оставил соответствующую аккуратную запись в дневнике: «Получил письмо от Серг<ея> Тург<енева> от 2 мая, в тот же день он уезжал в Москву, оставив мои вещи у Гонтара».³³

8 (20) мая Сергей Николаевич, в сопровождении А. Е. Берса и двух людей (камердинера М. Ф. Лобанова и повара И. Е. Ведилова),³⁴ был уже в Риге,³⁵ откуда проследовал в Москву, где и состоялось долгожданное воссоединение с семейством, о чем находим красноречивую запись в «Мемориале» И. С. Тургенева: «Возвращение отца здоровым (летом)».³⁶

³¹ Там же. Л. 1–1 об.

³² Там же. Л. 3. Данное письмо позволяет уточнить дату отъезда С. Н. Тургенева из Парижа, которая в «Летописи жизни и творчества И. С. Тургенева (1818–1858)» указана как «Около, не ранее 17 (29) апреля» (Сост. Н. С. Никитина. СПб., 1995. С. 22).

³³ Трофимова Т. Б. С. Н. Тургенев в дневниках А. И. Тургенева. С. 45.

³⁴ Московские ведомости. 1830. 19 апреля. № 32. С. 1505 (цит. по: Чернов Н. М. Провинциальный Тургенев. М., 2003. С. 195).

³⁵ См.: Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1818–1858). С. 22.

³⁶ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12. т. М., 1983. Т. 11. С. 197.

Н. Г. Жекулин
(Университет Калгари. Канада)
Перевод с английского Т. М. Кривиной

«СЕЙЧАС ВИДНО, ЧТО В СВОЕ ВРЕМЯ СИЛЬНЫЙ БЫЛ ЛАТИНИСТ!»:¹ ТУРГЕНЕВ И МИР АНТИЧНОЙ КЛАССИКИ

Возможно, ничто в такой степени не символизирует важность того места, которое занимал мир античности в мировоззрении Тургенева, как тот факт, что он назвал своих охотничьих собак Дианой и Пегасом².

Один из наиболее читаемых и, очевидно, самый образованный из русских писателей девятнадцатого века, Тургенев уснастил свою переписку и свои произведения классическими аллюзиями, которые можно было бы ожидать от образованного европейца его времени, но также и многочисленными расхожими латинскими цитатами, афоризмами и апофегмами. Проведение аналогий между современниками, современ-

¹ Фраза, обращенная к Василию Ивановичу Базарову в романе «Отцы и дети» (Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Сочинения. 2-е изд. Москва. Т. 7. С. 123). Ссылки на произведения и письма Тургенева даются по этому изданию и в дальнейшем в тексте будут обозначены следующим образом: «С» — для произведений, «П» — для писем, номер тома и номер страницы. Так как это издание остается незавершенным, некоторые ссылки будут сделаны по первому изданию (Тургенев И. С. 1960–1968. Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах. Ленинград); это издание будет помечено добавочным номером. Данная статья опирается на исследование, частично осуществленное в период пребывания автора в качестве приглашенного научного сотрудника в университете Монаша, Мельбурн, Австралия.

² Хотя тема «Тургенев и классический мир» не была абсолютно обойдена вниманием, та безусловно важная роль, которую она играла в жизни и творчестве Тургенева, не получила должного освещения. Среди тех, кто писал по этой теме в широком аспекте: *Finch Ch. E. Turgenev as a Student of the Classics. The Classical Journal* 49 (3)? 117–122; *Bazzarelli E. 1980. Turgenev e le litterature classiche (greca e latina). In: Turgenev e la sua opera/ Colloquio italo-sovietico (=Atti dei Convegni Lincci 44). Roma, 25–37; Neverov O. 1995. I. S. Tourguéniev et l'art antique. Cahiers Tourguéniev — Viardot — Malibran* 19, 3–15; *Кнабе Г. 2005. Тургенев, античное наследие и истина либерализма. Вопросы литературы*, № 1, 84–110.

ными событиями, а так же мифологическими и историческими фигурами и событиями из древности, особенно из древней Греции и древнего Рима, было обычным проявлением тургеневского *modus cogitandi* (образа мышления). Среди самых известных и поразительных его сравнений — сопоставление России со Сфинксом, которого лицеизреет Эдип³.

Классические ссылки в большом количестве встречаются в письмах Тургенева. Начинающий писатель уподобляет крупную фигуру недавно скончавшегося Гоголя Ахиллесе: «Achilles n'est plus — c'est le tour des mirmidons» (П₂, 2, 128) [«Ахилла нет — настал черед пигмеев» (фр.)]. В 1874 он использует то же сравнение для Л. Н. Толстого, когда выражает сожаление, что некоторые видные писатели предпочитают не принимать участие в сборе средств для жертв голода в Самарской губернии: «Отчего Ахиллеса остались в своих палатах — особенно первый, действительно Ахиллес, Л. Н. Толстой?» (П₂, 12, 261). Печально известный редакции «Отечественных записок», безжалостный цензор А. И. Фрейганг — сторожевой пес Аида Цербер (П₂, 3, 43). Особо изысканная пища воскрешает в памяти образ легендарного гурмана: «На днях Боткин, который сладок, как аттический мед — дал нам лукулловский обед с трюфелями etc.» (П₂, 3, 356). Вынужденный по императорскому указу находиться в ссылке в своем поместье, он умоляет друзей навестить его: «...Я, как Андромеда — не могу тронуться со своей скалы; остается Вам прилететь, как Беллерофону. Говоря без классических сравнений (притом, кажется, эту шутку выкинул не Беллерофон, а Персей) — Вы знаете, что в Спасском Вас во всякое время встретят с искренним радушием и радостью» (П₂, 2, 235)⁴. Кроме того, Тургенев уверен, что древние авторы нашли бы много интересного в недостатках современного мира. События, сопровождавшие неудавшееся первое представление оперы Ри-

³ «La Russie attendra — cette immense et sombre figure immobile et voilée de nuages comme le sphinx d'Édipe» (П₂, 2, 20) [«Россия — это мрачная громада, неподвижная и окутанная облаками, словно Эдипов сфинкс» (фр.)]. См. также стихотворение в прозе «Сфинкс» (С₂, 10, 157–158).

⁴ Тургенев был прав в том, что исправил самого себя.

харда Вагнера «Das Rheingold» [«Золото Рейна» (нем.)], были достойны величайших древних комедиографов: «вследствие различных, самых забавных и спутанных интриг, из которых Аристофан смог бы извлечь любопытнейшую нравственно-сатирическо-политическую комедию, опера не была дана...» (П₂, 10, 43). Он великодушно сравнивает карикатуру на себя в романе Достоевского «Бесы» с аристофановским изображением собратьев по перу в «Лягушках» (Βατράχοι) (П₂, 12, 83).

Если аналогии извлечены Тургеневым из обоих источников — греческого и римского, то крылатые фразы — иногда цитаты (порой адаптированные к ситуации), иногда его собственный вымысел, — в подавляющем своем большинстве из латыни и на латинском языке⁵. Из латинских авторов его фаворитом в цитировании был Вергилий и особенно «Энеида», но и других писателей он не обходил вниманием. Отвечая на приглашение В. К. Ржевского сыграть партию в шахматы, Тургенев цитирует слова Дидоны, обращенные к сестре, из четвертой книги «Энеиды»: «Хотя я очень давно уже не играл в шахматы — однако все-таки чувствую *«veteris vestigia flammae»* (П₂, 11, 26) [«следы древнего пламени» (лат.)]. Проследивая трудности, которые возникли с публикацией второй части романа «Новь», он цитирует Овидия издателю Станкевичу: «*I, parve liber*» (П₁, 12, 89) [«Иди, скромная книга» (лат.)]. Узнав о смерти лексикографа Владимира Даля, он умно взывает и к Горацию и к Пушкину: «Он оставил за собой след: «Толковый словарь» — и мог сказать *«Exegi monumentum»* (П₂, 12, 27). [«Я воздвиг памятник» (лат.)]⁶. Среди наиболее любимых выражений — Цицероновское привычное прощальное пожелание *«vale et me ama»*, восклицание Цезаря при переходе Рубикона

⁵ Редкое исключение — цитата из пиндаровой Первой Олимпийской Оды, которую мы находим в письме к Пичу: «Aber — *ἀριότερον ὕδωρ*» dieser Nässe kann sich noch die schönste Blüthe früherher daseins entwieken» (П₂, 11, 103) [«Но вода — лучше всего (греч.) — из этой влаги может ещё вырасти прекраснейший цветок былого существования» (нем.)].

⁶ Хотя Тургенев широко использует латынь, он не прибегает к ней без разбора, и наиболее вероятно обнаружить латинский в письмах таким адресатам как: Пич, Анненков, Герцен, Боденштедт, Фет. Для других он цитирует латинских авторов в переводе, как, например, в письме к Якову Полонскому: «Ты знаешь поговорку "Жена цезаря не должна даже быть подозреваема"» (П₁, 12, 30).

«alea jacta est»⁷ и, возможно, наиболее часто употребляемое, утешительное «Dixi et animam meam salvavi» [«Сказал и душу свою спас» (лат.)]⁸. Один из частых споров с Афанасием Фетом заставляет вспомнить латинский афоризм, первоначально относящийся к Платону: «Amicus Fethus — sed magis amica veritas» [«Фет — друг, но больший друг — истина» (лат.)] (П₂, 3, 355). Интересно, что большинство нечастых тургеневских цитат из Библии даются на латинском, а не на церковнославянском, как, например, «vanitas vanitatum» [«Суета сует» (лат.)]⁹ или отражающее его изумление перед талантом скульптора Марка Антокольского: «Spiritus flat ubi vult» [«Дух веет, где хочет» (лат.)]¹⁰. В то время как использование латыни Тургеневым часто представляет собой отдельные слова и короткие фразы — «reccavi» [«Грешен» (лат.)] пишет он Людвигу Пичу (П₂, 6, 18), «nomina sunt odiosa» [«имена ненавистны» (лат.)] — Максиму Дюкану (П₂, 7, 91), — иногда он находит наслаждение в чем-то более основательном, как в напыщенном приветствии Пичу в письме 1869 года: «Pitschius amabilis, grandiflorus, semper virens...»¹¹ Наконец, показательно и, возможно, уместно, что Тургенев выбирает латынь для загадочных букв «S.i.P», которые обнаруживаются на многих его рукописях, и, как первым предположил Андре Мазон, они, возможно, обозначают «sub invocatione Paulinae» [«с благословения Полины»]¹².

Хотя и не так часто, как в письмах, мы обнаруживаем сходные ссылки на античный мир в произведениях Тургенева. Чулкатурин («Дневник лишнего человека») уподобляет себя Сципиону Африканскому (С₂, 4, 207); в «Фаусте» впечатляю-

⁷ Фразу Цицерона см. П₂, 3, 259; П₂, 4, 266; Цезаря — П₂, 7, 196 (где Тургенев замечает, что Ламартин использовал эту фразу) и П₂, 13, 40.

⁸ См. П₂, 5, 114; П₂, 7, 223; П₂, 9, 223, П₂, 12, 83. Происхождение этой поговорки неясно; большинство источников приписывают ее Иезекиилю (3, 19), но она, в лучшем случае, будучи извлечена оттуда, является ответом на божественное предписание.

⁹ См. П₂, 6, 61 и П₂, 9, 156.

¹⁰ П₂, 11, 25. Цитата из евангелия от Иоанна обычно дается так: «Spiritus ubi vult flat». См. также П₂, 12, 36.

¹¹ П₂, 9, 170; латинский вариант имени Пича порождает легко узнаваемый латинский звательный падеж: «О, Pietsche, Pietsche...» (П₂, 11, 89).

¹² Mazon A. 1930. Manuscripts parisiens d'Ivan Tourguénev. Paris, 68. См. также П₂, 7, 93.

щий своей физической мощью слуга сравнивается с известной статуей Геркулеса Фарнезского, и, в отличие от Аргуса из «Одиссеи», ни одна из собак рассказчика не дождалась возвращения хозяина (С₂,5, 91–92). Михалевица в «Дворянском гнезде» называют «Демосфеном полтавским» (С₂,6, 77), именно так же, как и более раннего красноречивая Рудина называли «молодым Демосфеном перед шумящим морем»¹³. В «Дыме» выразитель авторских идей Потугин похож на Тургенева в эрудиции, с его ссылками на Катулла, Алкивиада и Гомера (С₂,7, 276, 329 и 330). Последний роман Тургенева еще более насыщен античными ссылками, но и более сложен: на одной стороне находится Сипягин, который знает латынь, цитирует Вергилия и, самоутверждаясь в своем салоне, видит себя совершенным Нептуном; противостоит ему его племянница Марианна, которая уподоблена фанатичному республиканцу Марку Порцию Катону Младшему¹⁴. Вдохновившись воспоминаниями об «Илиаде», один из молодых людей в рассказе «Отчаянный» предложил «привязать Мишу за ноги к задку саней, как Гектора к колеснице Ахиллеса!». (С₂,10, 36). Как заметил Алексей Егунов, неудивительно, что наибольшее количество ссылок в произведениях Тургенева — особенно в «Вешних водах» — приходится на «Энеиду»¹⁵. И, как показала Н. В. Вулих, античными ссылками и аллюзиями изобилуют стихотворения в прозе, что ожидаемо от столь личных творений¹⁶.

Список античных авторов, греческих и римских, чьи книги имелись в тургеневской библиотеке и кого, как известно, он прочитал, впечатляюще всеобъемлющ. Как отмечает Л. А. Балыкова:

¹³ С₂,5, 258. В том же абзаце Щитов, один из членов кружка Покорского, назван «Аристофаном наших сходов».

¹⁴ Об этих и других важных античных ссылках в данном романе см.: Woodward J. 1989. — «The Roman Theme» in *Turgenev's Nov. The Modern Language Review* 84 (3), 672–680.

¹⁵ Егунов А. И. 1968. «Вешние воды. Латинские ссылки в повести Тургенева. — Тургеневский сборник. Материалы к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. Вып. 4. Ленинград, 182–188.

¹⁶ См.: Вулих Н. В. 1986. Античные мотивы и образы в лирических стихотворениях и в «Стихотворениях в прозе» Тургенева. — Тургенев. Проблемы мировоззрения и творчества. Элиста, 84–96.

«Древняя и новая европейская история, история государств Азии занимают едва ли не первое место в библиотеке Тургенева. Геродот, Фукидид, Плутарх, Светоний, Тацит, Иосиф Флавий, Тит Ливий представлены в оригинале, а также в русском и французском переводах. <...> Уже к началу XIX века отличается широтой и разнообразием раздел беллетристики лутовиновского собрания: <...> Гомер, Эзоп, Цицерон, Вергилий, Овидий, Ювенал...»¹⁷.

Многих он прочитал не единожды: читал и перечитывал. В 1873 году он пишет Фету из Буживаля: «Je ne lis plus — je relis [«Я больше не читаю — я перечитываю» (фр.)] — и, между прочим, снова с немалым удовольствием перечитываю Виргилия» (П₂, 12, 209). Он также усердно читал истории древнего мира. Самой ранней сохранившейся книгой, которая была подарена десятилетнему Ивану, является «*Antiquités romaines ou tableau de mœurs, usages et institutions des romains*» [«Римские древности, или изображение римских нравов, обычаев и институтов» (фр.)] (Alexander Adam. Paris, 1818), и она включает посвящение с цитатой на латыни из Цицерона¹⁸. Читая труд Джорджа Грота «История Греции» (1845–1855) незадолго до его завершения, он невольно комментирует: «любуюсь моими милыми и счастливыми афинянами»¹⁹. В 1869-м он благодарит Людвига Фридлендера за присланный ему экземпляр его книги о римской жизни и нравов, которую он читал «mit dem grössten Interesse und Vergnügen. Es ist wahrhaft classisch in seiner Art — und ich danke Ihnen vielmals für diese Gabe» [«с величайшим интересом и удовольствием. Она поистине классическая в своем роде — и я благодарю Вас много раз за этот дар» (нем.)]²⁰. Неточное цитирование и граммати-

¹⁷ Балыкова Л. А. 1994. Библиотека Ивана Сергеевича Тургенева. Ч. I. Орел, 12–13.

¹⁸ Балыкова Л. 2005. Тургенев — читатель. По страницам мемориальной библиотеки. Орел, 43–44, 194. Книга Адама была переводом с английского.

¹⁹ П₂, 3, 98. Вскоре после этого он обратил внимание на труд Теодора Моммзена «*Römische Geschichte*» (П₂, 3, 268).

²⁰ П₂, 9, 190. Интерес Тургенева к древним культурам вышел за пределы Греции и Рима и распространился на Египет и даже Индию (см.: П₂, 10, 256 и П₂, 2, 278), включив работы Шампольона об интерпретации египетских иероглифов (см. П₂, 4, 229).

ческие ошибки в латинском тексте беспокоили его не менее чем опечатки в его собственных произведениях, — и он старается привлечь к ним внимание своих корреспондентов²¹.

Интерес Тургенева к античной литературе в полной мере проявлялся в его активной поддержке русских переводов классики. Он с энтузиазмом участвовал в том, чтобы довести переводы од Горация Афанасия Фета до публикации. Он не только воодушевлял Фета с самого начала, но и периодически построчно выверял его переводы, вовлекаясь в живые дебаты с Фетом о том, как передать ритм оригинала, и успешно противостоял его пристрастию к архаичным славянизмам²². В очень длинном письме Константину Леонтьеву, который прислал ему часть поэмы для комментирования, Тургенев пишет настоящий трактат о гекзаметре, начиная с нормативов, появившихся в древней Греции, и последующей их адаптации в современных европейских языках, включая русский, с отступлениями по поводу переводов «Илиады» Н. И. Гнедича и «Одиссеи» В. А. Жуковского (П₂, 2, 97–103). В то же время интеллектуальный «либерализм» Тургенева обусловил категорическое неприятие школьной реформы Д. А. Толстого, которая позволяла учиться в университете только тем, кто окончил гимназию, где изучали классические языки, — позиция, которая вызвала горячие разногласия с Фетом. В своем письме от 6 (18) сентября 1871 Тургенев наиболее четко провозгласил свое кредо:

«Я вырос на классиках и жил и умру в их лагере; но не верю ни в какую Allein-seligmacherei [«единственную дорогу к спасению» (нем.)] — даже классицизма — и по-

²¹ См.: П₂, 6, 135 и П₂, 12, 67. В 1879 г., прикованный к постели, а потому имевший возможность читать самые свежие выпуски «Вестника Европы» от корки до корки, он с возмущением писал редактору о переводе «из Гёте» Николая Гербеля, в котором Гербель не признал гётевского перевода «из Овидия». Тургенев цитирует 8 строк из латинского оригинала («благо мне нечего делать») (П₁, 12, 8).

²² См.: П₂, 2, 269–271, 281 и Фет А. 1992. Мои воспоминания (Репринт 1890 года). Москва, 36. Вдохновленный реакцией на переводы Горация (так же как и последующими увещаниями Тургенева, см.: П₂, 4, 250 и 278), Фет продолжил переводить многих других латинских поэтов, включая Катюлла (опубликовано в 1886 г.), Тибулла (1886) и Проперция (1888) (см.: Успенская А. В. А. А. Фет — переводчик античных поэтов. В: Античность в русской поэзии XIX века. Санкт-Петербург, 2005, 215–292).

тому нахожу, что новые законы у нас несправедливы, подавляя одно направление в пользу другого. «Fair play» [«честная игра» (англ.)] говорят англичане — «равенство и свобода», говорю я. Классическое, равно как и реальное образование должно быть одинаково доступно, свободно — и пользоваться *одинаковыми* правами»²³.

Систематическое классическое образование Тургенева началось, когда ему было 12 лет. Среди учителей, обучавших его и его братьев в Москве в 1831 году, был Григорий Ефимович Щуровский (позднее профессор геологии и минералогии в Московском университете), работавший учителем латинского. Даже много лет спустя Тургенев вспоминал любимые латинские афоризмы Щуровского, равно как и его педагогические методы²⁴. Тургенев поступил в Московский университет в 1833, но в следующем году, в связи с переездом отца и старшего брата в северную столицу, он перешел в Санкт-Петербургский университет, несмотря на плохую репутацию его филологического факультета²⁵. Он изучал латынь и греческий в обоих университетах. В Москве его преподавателем греческого был Карл Гофман; в Санкт-Петербургском университете его наставниками были Кристиан Фридрих Грефе, профессор греческой словесности, и Федор Карлович Фрейтаг, профессор латинской словесности и древностей²⁶. Тургенев, тем не менее, четко осознавал, что его познания в классических языках недостаточны, поэтому у него был также частный учитель, Кристофер Фридрих Вальтер, который много лет спустя вспоминал: «Я читал Ивану Серге-

²³ П₂,11, 133. См. также: Генералова Н. П. Об адресате «Двух писем о значении древних языков в нашем воспитании» А. Фета. Русская литература. 2006, № 1, 274–276.

²⁴ См.: П₂,1, 122 и 597. «...post nubilia Phœbus, me disait jadis mon maitre de latin après m'avoir tiré les oreilles...» (П₂,2, 184).

²⁵ См.: Оксман Ю. Г. 1921. Тургенев в С.-Петербургском университете. В: И. С. Тургенев. Исследования и материалы. Вып.1. Одесса, 101–108.

²⁶ Почти 30 лет спустя, когда два его корреспондента встретили Хоффмана в Гейдельберге, Тургенев несколько раз просит напомнить ему о себе (П₂,4, 210, 250, 274); Грефе (наряду с Цумптом и Бёком, которые были его преподавателями в Берлине) фигурирует в письме 1868 М. Д. Хмырову, из которого ясно, что эти учителя оказали на него наибольшее влияние (П₂,9, 72).

евичу в течение двух лет, на дому, приватные уроки чтения Горация, Тацита, Гомера, Софокла и других классиков»²⁷. Тургенев не отличился как студент в Санкт-Петербургском университете, который окончил в 1836 году, и получил степень «кандидата» после дополнительного года обучения²⁸.

Новоиспеченный «кандидат» имел достаточные основания для того, чтобы получить дальнейшее образование в Берлинском университете, где он изучал философию под руководством ученика Гердера Карла Вердера. Однако в дополнение к философии он продолжал осваивать классические языки. Латынь ему преподавал профессор Карл Готлоб Цумпт, а греческий — пользовавшийся большим уважением Август Бёк, основоположник греческой эпиграфики. Оба применяли гораздо более широкий подход к изучению классических языков, чем преподаватели в России. Помимо публикаций по грамматике и изданий античных авторов Цумпт писал и о римском праве и греческой философии, а Бёк — о различных аспектах греческой жизни, включая математику, космологию и астрономию, государственную экономику...²⁹ Тургенев сам высказывался по поводу различных учебных стандартов в Петербурге и в Берлине; он не раз был вынужден восстанавливать пробелы в латинской и греческой грамматике дома³⁰. Многие из тех книг, что были куплены в это время (с пометками на полях), так же как и тетради

²⁷ Так цитируется у Оксмана 1921. 105. В 1878 г., выражая благодарность Вальтеру за подарок — один из томов латинской поэзии, Тургенев писал: «Разумеется, я не забыл о том времени, когда был Вашим учеником — и если я на всю жизнь сохранил любовь к античной и классической литературе и поклонение им, то этим я отчасти обязан Вам» (оригинал на фр. — П., 12, 368).

²⁸ Оксман. 1921, 104–108.

²⁹ Каково бы ни было мнение Тургенева о берлинских профессорах как ученых, он язвительно писал об их манере чтения лекций Н. В. Ханыкову в 1871 г.: «после <...> шепелявого А. Бёка и допотопного мычания Цумпта» (П., 11, 184).

³⁰ «...на дому принужден был зубрить латинскую грамматику и греческую, которые знал плохо. А я был не из худших кандидатов» (Литературные и житейские воспоминания. С., 11, 8). Согласно Я. П. Полонскому, вспоминавшему о последнем приезде Тургенева в Россию в 1881, «Тургенев забыл по-гречески, но латинские книги читал еще легко и свободно» (Полонский Я. П. Тургенев у себя в его последний приезд на родину [Из воспоминаний]. — И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. Т. 2. Москва, 1983. С. 392).

с записями лекций, сохранились и являются свидетельством рвения, с которым он продолжал учебу в Берлине³¹.

Однако не только желание продолжить образование подвигло Тургенева на то, чтобы поехать в Берлин. Как сам он объяснял в предисловии к «Литературным и житейским воспоминаниям»:

«...почти все, что я видел вокруг себя, возбуждало во мне чувство смущения, негодования — отвращения, наконец. Долго колебаться я не мог. Надо было либо покориться и смиренно побрести общей колеей, по избитой дороге; либо отвернуться разом, оттолкнуть от себя «всех и вся», даже рискуя потерять многое, что было дорого и близко моему сердцу. Я так и сделал... Я бросился вниз головою в «немецкое море», долженствовавшее очистить и возродить меня, и когда я наконец вынырнул из его волн я все-таки очутился «западником», и остался им навсегда» (С₂, 11, 8).

Тургеневская концепция «западничества» была, прежде всего, понятием «культурническим», важнейшей составной частью «немецкого моря», в которое он погрузился, с его преобладающей атмосферой эллинофильства; и она должна была сыграть не менее важную роль в его понимании античного мира, нежели формальное обучение³².

Хотя нарастающий интерес к культуре древней Греции в восемнадцатом веке охватил всю Европу, — что явилось частью реакции на эстетику высокого барокко, — именно в северных германских государствах этот интерес приобрел наи-

³¹ Богданов Б. В. Учеба И. С. Тургенева в Берлинском университете. — Тургеневский сборник (Тургеневское общество). Вып. 2, Москва, 2004. С. 79. Книги находятся в Орле, а записи берлинских лекций (которые могли бы стать источником ценной информации о его познаниях в древнем мире), в основном, — в Петербурге (см.: Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского дома 1958. Т. IV: И. С. Тургенев. Москва-Ленинград. №№ 55–60).

³² То, что всепроникающая интеллектуальная атмосфера была важнейшей частью его концепции «немецкого моря», подтверждается комментарием в его «Письме из Берлина» (1847): «Наружность Берлина не изменилась с сорокового года <...>; но большие внутренние перемены совершились, <...> литературная, теоретическая, философская, фантастическая эпоха германской жизни, кажется, кончена» (С₂, 1, 292–293).

большую значимость³³. Весь немецкий интеллектуальный, художественный и литературный мир поддался истинному культу древнегреческого искусства и литературы; и эллинофильство должно было оказать глубокое и многостороннее влияние, по крайней мере, на одно поколение передовых интеллектуалов Германии и (кто-то может с этим не согласиться) действительно обеспечил фундамент для многого в дальнейшем развитии немецкой культуры³⁴.

В противоположность широко распространенной среди французских и английских мыслителей концепции «культурного прогресса», которая привела к предпочтению римской культуры, немецкое эллинофильство искало вдохновение напрямую в древней Греции. Культура древней Греции рассматривалась как результат счастливого совпадения необходимых факторов — социального и религиозного единства, которое стало возможным благодаря политической структуре, ценившей достоинство и значимость личности, гармонию между Человеком и Природой, с одной стороны, и обществом и его культурой, с другой. Считалось, что все эти факторы возникли из специфических географических, климатических и социо-политических условий, которые способствовали развитию следующих явлений:

«Греки были самыми жизнерадостными людьми. Благословенные солнечным, умеренным климатом, не скованные буржуазными условностями, свободные от бича более неприятных современных болезней, они могли посвятить себя искусству, спорту, досугу»³⁵.

Происхождение немецкого эллинофильства прежде прослеживается в основополагающем эссе Иоганна Винкельмана-

³³ См. обзор: *Miller N.* 1983. *Europäischer Philhellenismus zwischen Winckelmann und Byron.* — *Propyläen Geschichte der Literatur/ Bd. IV (Aufklärung und Romantik).* Berlin, 315–366.

³⁴ Элиза Батлер реально назвала свое новаторское исследование немецкого эллинофильства — от Винкельмана до Стефана Георга — «Тирания Греции над Германией» (Кембридж, 1935). [*Butler E.* *The Tyranny of Greece over Germany.* Cambridge, 1935].

³⁵ *Hatfield H.* 1964. *Aesthetic Paganism in German Literature. From Winckelmann to the Death of Goethe.* Cambridge, MA, 13.

на «Размышления о подражании греческим произведениям в живописи и ваянии» (1755), за которым последовали не менее значительные «Заметки по истории древнего искусства» (1767). Опирающаяся на оценку статуи Лаокоона в Ватикане, которая стала культовой для эллинофилов, винкельмановская формулировка — «благородная простота и спокойное величие» — была воспринята как характеристика выдающегося свойства греческого искусства и его отличительного признака — Красоты, которая наиболее выразительна в греческой скульптуре, представившей человеческое тело в совершенной (аполлонической) форме. Утопический идеал — эллинофильское видение греческой культуры — можно, таким образом, охарактеризовать как синтез: Прекрасное, как осязаемое проявление божественного, всегда соединено с Добром — такова греческая концепция идеального (καλοκάγαθία).

Поскольку этот идеал был свойством единства и гармонии, приписываемой всем аспектам греческой жизни — социальному, личностному и религиозному, — эйфория раннего эллинофильства вскоре столкнулась с осознанием того, что современные условия жизни не только далеко ушли от обстоятельств, преобладавших в древней Греции, но и что те обстоятельства, по всей вероятности, никогда не будут возрождены. В «современности» все эти аспекты, начиная с личностного, представляли чудовищным образом раздробленными и разъединенными. Как результат, многое в эллинофильстве представляло собой различные проявления дихотомии — между не стесненным условностями «естественным человеком» древних язычников и фрагментированным современным человеком, обремененным социальными ограничениями; между Севером и Югом; между Грецией и Римом, — что в совокупности четко указывало на огромную пропасть между идиллическим миром древней Греции и безрадостным состоянием современной Германии. Среди приверженцев *Sturm und Drang* фигура отчужденного, бессильного интеллектуала, раздираемого неуверенностью

в себе, привлекаемого сильным, бунтарски настроенным индивидуумом, воплощаемым такими титанами как Прометей, который бросил вызов верховным богам от имени человечества. Младшие романтики сотворили из него одинокого дерзкого гения — типичного романтического героя³⁶.

Представление о греческом обществе как о воплощении личной и политической свободы порождало важнейший интерес к политическим и религиозным вопросам, и, в первую очередь, к проблемам политического и морального авторитетов. В отличие от идей французского Просвещения, в которых прослеживалась тенденция к «всеобщему благу», сердцевиной немецкого эллинофильства был акцент на «личном». Что было привлекательным в греческом язычестве, так это приятие морально раскованной жизни этого мира, продукта гармонии Человека и Природы. И это резко контрастировало с тем, что виделось как авторитарная гнетущая атмосфера христианства. Там, где греческое общество поддерживало здоровый баланс между телом и духом, христианство утверждало дихотомию между телом и душой, считая целью жизни «не здешний, а иной мир»; и все больше отождествляло Природу с «плотью», основным препятствием к победе души в мире ином. Немецкие эллинофилы не признавали в современном христианстве требование покорности, регламентируемой системой вознаграждений, но особенно системой наказаний.

В отличие от случайного британского или французского путешественника, преодолевавшего значительные препятствия, с которыми сталкивались желающие посетить греческие достопримечательности в Османской империи, — те из немецких эллинофилов, кто выходил за рамки «книжного обучения», главным образом ограничивались посещением Рима, с его коллекциями греческих статуй и их копий, или

³⁶ «В те годы [Гёте] чувствовал, что его притягивают фигуры сверхчеловеческого масштаба: Прометей, Фауст, Мухаммед, Шекспир и Пиндар. Идея гениальности была величайшим лозунгом литературной революции, и титаны из древнегреческой мифологии представляли собой образец бунтующего гения» (Hatfield, 1964, 64).

Неаполя и Сицилии в поисках останков «Magna Graecia» («Великой Греции»), сохранившихся там. Точка зрения, согласно которой греческая культура возникла в результате благоприятных климатических условий, привела жителей северной Германии к стойкому убеждению, что существуют значительные психологические различия между выходцами с мрачного Севера, и обитателями поцелованного солнцем Юга. Таким образом, в *Sehnsucht* по «das Land, wo die Zitronen blühen» [тоска по «краю, где лимонные рощи растут» (нем.)] вкладывалась надежда на то, что Италия, по крайней мере, сможет обеспечить ландшафт и климат, сходные с теми условиями окружающей среды, которые способствовали созданию искусства и философии древних греков. Пребывание в Италии могло способствовать более естественному, более непосредственному формированию образа «цельного» характера, который, как хотелось надеяться, мог бы оздоровить интроспективный, заторможенный, «расколотый» характер сына того самого мрачного севера.

Не то чтобы римская культура сразу отвергалась, но она рассматривалась как эпигонская. С учетом того, что афинская политическая свобода виделась как необходимая предпосылка уникальных достижений греческой культуры, предполагалось, что римская культура — и непосредственно культура имперского Рима — неизбежно должна была прийти к упадку³⁷. Более того, греческая культура не только в целом виделась как превосходящая римскую, но чем древнее, чем «примитивнее» был этап ее развития, тем скорее она воспринималась как приближенная к утопическому идеалу естественности и непринужденности. Иоганн Готфрид Гердер добавил новый важный — несколько неожиданный — элемент в этот резкий разворот от концепции «неоклассической» к концепции развития культуры как прогрессивной эволюции. Признавая величайшее значение греческой культуры, Гердер утверждал, что аналогичный первобытный этап мог иметь место в любой национальной культуре. Это вело

³⁷ См.: Miller 1983: 324.

к восторженному признанию самых ранних этапов развития других национальных культур, возникших недавно. Удивительно, но более всего от такого расширения концепции гармонии между искусством и жизнью выиграл Шекспир. Обычно с презрением отвергаемый или игнорируемый сторонниками неоклассической критики, он вдруг предстает в качестве образца «естественного» художника, гения, который прежде всего осмысливает и отражает в своих произведениях культуру своего времени.

Если Винкельман был инициатором немецкого эллинизма, то ключевую роль в его развитии и влиянии сыграл Иоганн Вольфганг Гёте, с его многочисленными видами деятельности в качестве автора, наставника, издателя, судьи и даже театрального директора в Веймаре, «Athen von Deutschland» («Немецких Афинах»). Согласно Хэмфри Треvelyану основы концепции Греции, которые Гёте получил в студенческие годы в Лейпциге, остались с ним на всю последующую жизнь, несмотря на многие изменения в акцентах и частностях (как и в познаниях)³⁸. Без сомнения, самое глубокое влияние на гётевское понимание Греции оказали два года (1786–1788), которые он провел в Италии, и в особенности руины «Magna Graecia», которые он открыл в Сицилии и которые представляли собой полную противоположность тому, что он просто презирал:

«В Сицилии он обнаружил, наконец, то, что искал — настоящую Элладу, свободную от северных туманов, римской пошлости и христианской потусторонности»³⁹.

Его идеал греческой культуры, таким образом, представлял собой сочетание добродетелей, отсутствовавших, увы, в том обществе, от которого он бежал в Италию:

«незаурядная телесная красота, здоровая свобода во взглядах на проблемы морали, разумная способность избегать противоестественных крайностей»⁴⁰.

³⁸ Trevelyan H. 1972. Goethe and the Greeks. New York, 42–43.

³⁹ Ibid. 125.

⁴⁰ Ibid. 49.

Если в своем эллинизме Винкельман твердо опирался на изобразительное искусство, для Гёте не меньшую значимость обретала литература, а на вершине греческой литературы находилась уникальная фигура Гомера. По мере того как Гёте узнавал Сицилию, он понимал, что

«величие Гомера, как и всех греческих авторов, заключалось исключительно в его могучей способности видеть этот мир во всей грандиозности, красоте, во внешних проявлениях и внутренних связях, а также в том, что он отображал все увиденное им таким образом, что не оставалось ничего недосказанного. Это означало, что он угадывал замысел Природы. В его творчестве Природа отображалась во всех ее проявлениях, он создавал даже то, что Природа не всегда могла сотворить»⁴¹.

Хотя германское эллинофильство давно преодолело свой апогей к тому времени, когда Тургенев прибыл в Берлин, в обществе, к которому он был близок, — русские студенты Вердера, салон Фроловых, часто посещаемый поклонниками Гёте (такими, как Беттина фон Арним) — культ Гёте по-прежнему царил безраздельно, что сделало из Тургенева «заклятого гётеанца» на всю оставшуюся жизнь⁴². Влияние эллинофильства (и роль Гёте в этом влиянии), возможно, наиболее явно проявилось в путешествии в Италию, которое Тургенев предпринял между двумя годами обучения в Берлине, путешествии, во многих отношениях осуществлявшемся под влиянием идей немецкого эллинофильства и особенно гётевского пребывания в Италии. Катарина Шютц в своем всестороннем исследовании приходит к утверждению, что «In diesem von Turgeniew Goethebild ... fand Goethe als Grieche keinen Platz» [«В образе, созданном Тургеневым, ... Гёте как греку не нашлось места» (нем.)]⁴³. Но в предвкушении сво-

⁴¹ С., 10, 298. П. В. Анненков замечает, что Карл Вердер даже ссылался на Гёте, чтобы проиллюстрировать свои лекции по философии Гегеля: «он продолжал цитировать стихи и афоризмы из Гёте для сообщения красок жизни и поэзии отвлеченным формулам учителя» (Анненков П. В. Замечательное десятилетие. В: Литературные воспоминания. Москва, 1989. С. 174).

⁴² Schütz K. 1952. Das Goethebild Turgeniews. Bern, 133.

⁴³ Schütz K. 1952. Das Goethebild Turgeniews. Bern, 133.

ей поездки Тургенев усердно читал «Римские элегии», особенно наслаждаясь их чувственностью: «Какая жизнь, какая страсть, какое здоровье дышит в них!», — пишет он Грановскому⁴⁴. Однажды, находясь в Италии, он смог передать свои впечатления от Неаполя, перефразируя гётевский комментарий из «Итальянского путешествия»: «Wer einmal in Neapel gewesen ist, Kann ni ganz unglücklich sein (Göthe)» [«Кто хоть раз побывал в Неаполе, тот никогда не может быть совершенно несчастным» (Гёте (нем.))]⁴⁵. Путешествие в Италию прочно закрепило для него фундаментальное психологическое различие между Севером и Югом — контраст, который он увидел воплощенным в «Römische Elegien» с одной стороны, и в «Das Kreuz an der Ostsee» [«Крест на Балтийском море» (нем.)] Цахариаса Вернера, с другой:

«Это суровое, безотрадное ученье под стать пескам и туманам Северной Пруссии, как веселая любовь и полная жизнь «Римских элегий» — роскошной природе и наитию древности, их вдохновившей» (П₂1, 145).

Написанное вскоре после возвращения из Италии письмо Грановскому является подтверждением того, что под влиянием этой поездки во взглядах Тургенева произошел сдвиг. Если в период чтения «Römische Elegien» внимание по-прежнему было сосредоточено на чувственном начале, которое несомненно являлось составляющей эллинофильского восприятия древнего мира, теперь — как итог непосредственного знакомства с древним искусством — на видное место выдвигается эстетический аспект:

«Я сам еще не знаю ясно, что я оттуда вынес: но что я выехал богаче, чем приехал, в этом я уверен. Со мной случилось то же, что с бедным человеком, получившим огромное наследство: трудно и запутанно. Целый мир мне незнакомый, мир художества — хлынул мне в душу <...> Formen-und Farbensinn [Чувство формы и цвета

⁴⁴ П₂1, 144. Несколькими годами позже, в 1846 г., Тургенев опубликовал свой перевод 12-й элегии (С₂1, 56–57).

⁴⁵ П₂1, 148.

(нем.)] во мне проснулись и развивались: <...> Скажу вам на ухо: до моего путешествия в Италию мрамор статуи был для меня только что мрамор, и я никогда не мог понять всю тайную прелесть живописи»⁴⁶.

В то же время Тургенев столкнулся с обескураживающим воздействием католицизма на человеческий дух:

«Может быть, в Северной Италии, там и сям, еще не исчез гордый дух, любовь свободы республик И<талии> в средних веках — может быть; <...> но Рим, но Неаполь! Стоит прогуляться на тою вечером: вот аббат проповедует крикливым голосом, показывая на Христа, окровавленного всюду, на каждом стиге — и мелкие деньги сыплются на тарелку, разносимую капуцином, из карманов православных; вот шарлатан; вот импровизатор; вот pulcinello» (П₂,1, 154–155).

Тургенев следовал эллинофильству в приятии неотъемлемого превосходства греческой культуры над римской, но его представление о римской культуре было далеко не монолитным. Он придерживался иерархической концепции, согласно которой римская литература располагалась ниже греческой — «...вся эта латинская литература искусственна и холодна, настоящая литература для литераторов» — пишет он Фету (П₂,1, 316). Признавая, что его любимец Вергилий «в отдельных выражениях, в эпитетах, в колорите, ... не только поэт — но смелый новатор и романтик» (П₂,12, 221), — он все-таки продолжает развивать идею различий. Не отрицая возможных индивидуальных исключений, он видел в двух, по сути разных, обществах взаимоисключающие сильные сторо-

⁴⁶ П₂,1, 154. Подразумеваемый в этом отрывке <мировоззренческий> сдвиг в сторону первостепенного внимания к эстетическому восприятию и отхода от чувственного аспекта, — подтверждается стихотворением 1838 года «К Венере Медицейской». В то время как становится понятно, что Тургенев имел представление о греческой скульптуре (и ее роли в современной поэзии) даже до того, когда он отправился в Берлин, — сосредоточенность на «эросе», имеющая место в этом стихотворении («Богиня красоты, любви и наслаждения!», С₂,1, 11), представляет собой кардинально иной взгляд на эллинское наследие, нежели тот, которого он стал придерживаться позднее. Даже стихотворение в прозе «Нимфы», которое, возможно, по эмоции наиболее близко к его раннему стихотворению, не отдает чувственности такой же важной роли, фактически исключаяющей все другие аспекты..

ны: в греках — духовную и интеллектуальную, в римлянах — материальную и функциональную. Соответственно, техническое мастерство римлян всегда в определенной степени привлекало Тургенева, и это можно увидеть в таких экстравагантных утверждениях, как его заявление, что величайшей поэзией его времени стало строительство трансатлантического телеграфа, трансконтинентальной железной дороги в Америке и Панамского канала (П₂, 1, 246 и П₂, 10, 63). Как замечает Джеймс Вудвард, практический «римский характер» обнаруживается во всех тургеневских романах, кроме «Рудина», прежде чем получает наиболее развернутую — и позитивную — трактовку в «Нови»⁴⁷. В то же время предполагалось, что римской культуре, особенно после введения имперского правления с его жаждой величия, не хватало главного — «греческих» условий для создания великого искусства⁴⁸.

Как результат, Тургенев испытывал глубокую антипатию к имперскому Риму, нигде более не выраженную столь открыто, как в его повести «Призраки» с ее поразительной аналогией между римскими солдатами, приветствующими Цезаря (глава XIII), и анархическими сторонниками Стеньки Разина (глава XVI), особенно в приветственных криках: «Caesar, Caesar venit!» [«Цезарь, Цезарь идет!» (лат.)] и «Степан Тимофеевич! Степан Тимофеевич идет!»⁴⁹. Примечательно, что пример наиболее обширного использования латыни Тургеневым обнаруживается в его письме П. В. Анненкову от 1 (13) августа 1859 года, в котором милитаризм Франции На-

⁴⁷ Woodward 1989: 674. Даже Анненков, друг, который во взглядах часто сходил с Тургеневым, осудил те ограничения, которые навязывались России сравнением с Римом в этом романе. См.: Žekulin N. G. 1987. Pavel Annenkov conseller littéraire de Turgenev: Le cas de *Terres vierges*. *Revue des Études Slaves* LIX (4)? 756–758.

⁴⁸ Суть этой точки зрения обнаруживается уже в письменных ответах на магистерских экзаменах: «Dum permulta systemata in scientia nostra sunt a Graecis, ... Romani, imprimis bellis contra vicinos occupati, postea — iis devictis — populos jam remotiores aggressi, omnia studia humaniora vel honestiora plane negligebant». (Егунов А. Н. Письменные ответы Тургенева на магистерском экзамене. В: *Тургеневский сборник. Материалы к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева*. Вып. 2, Москва-Ленинград, 1966. С. 99–100).

⁴⁹ С., 7, 203, 207. Мы находим сравнение между имперским Римом и современной Францией (на этот раз Францией 1848 года) в очерке «Человек в серых очках» (С., 11, 108).

полеона III вызывает к жизни аналогию с имперской политической римских императоров:

«Знаю, что завтра происходит в Париже великое преториански-цезарское празднество, что все улицы Парижа перекрыты, везде поставлены триумфальные ворота, венецианские мачты, статуи, эмблемы, колонны, везде навешаны знамена и цветы: это император будет держать аллокуцию в цесарско-римском духе своим *militibus* [воинам (лат.)], так что *maxima similitudo inveniri debet* между *Galliam hujusque temporis* и *Romam Trajani necnon Caracallae et aliorum Heliogabalorum...* Satis! [«...можно найти величайшее сходство между Галлией нынешнего времени и Римом Трояна, а также Каракаллы и прочих Гелиобалов... Довольно!» (лат.)] Преторианский воздух на меня действует — не могу говорить по-латыни. *Ad diabolum mitto multas res, quarum denominationes sunt ad pronunciandum difficiles. Vale et me ama. I. Turgenevius.* [«К черту многое, о чем неудобно упоминать. Будь здоров и люби меня. И. Тургенев» (лат.)]⁵⁰

Несмотря на общую рекомендацию Тургенева читать классиков, его эталонный триумвират авторов, стоящих над всеми, представляли Гомер, Шекспир и Гёте. «Читайте Гёте, Гомера и Шекспира — это лучше всего», — советует он Марии Маркович в 1860-м, а 18 лет спустя дает такой же совет Ольге Гижицкой⁵¹. В программной речи на открытии памятника Пушкину в 1880 году все они — «всемирные» поэты, и мы ощущаем, как горько Тургеневу оттого, что ни его собственное преклонение перед поэтом, ни чувство национальной гордости не позволяют ему поставить Пушкина в этот ряд, даже если остается возможность, при которой в будущем окажется, что он не прав. И все это вопреки тому, что автор

⁵⁰ П₂,4, 74–45. Несколько комментаторов отметили глубокое влияние, оказанное на Тургенева 1850-х гг. сочинением Светония «О жизни цезарей», в котором описывалось злоупотребление личной властью (см., например, Вудварда). 1986. *Aut Caesar aut nihil: the «War of Wills» in Turgenev's Ottsy I deti. Slavonic and East European Review* 64 (2), 167.

⁵¹ П₂,4, 136; П₁,12, 288.

такой значимости, как Проспер Мериме «сравнивал Пушкина с древними греками по равномерности формы и содержания, образа и предмета, по отсутствию всяких толкований и моральных выводов»⁵².

А объединяло этих авторов, по мнению Тургенева, именно то свойство, которое эллинофильство приписывало Гомеру, а позднее Шекспиру. В своей рецензии на перевод «Фауста» Гёте, сделанного Михаилом Вронченко, он писал:

«...велик тот, кто, подобно Гёте, в образах приводит пред глазами своего народа то, что жило в груди каждого, но часто не могло высказаться даже словом...» (С₂,1, 219).

Тургеневское восторженное отношение к Гомеру восходит к берлинскому периоду; его «I. Turgenevii ad amicos Berolinenses. Epistola quinta» [«От Тургенева к берлинским студентам» (лат.)] 1840 года открывается стенаниями:

«Мне очень досадно, что я с собой не взял Гомера. Как было бы мне отрадно скитаться в сосновом лесу и читать о битвах *der lanzenkundigen Manner!* Душа желает поплавать в эпическом море. *Das erste Kunstwerk eines Volkes, das Wiederleben im Gesange seiner Vergangenheit.* [«Первое произведение искусства народа, его самовоскрешение в песнях прошлого» (нем.) И какой народ, какие образы!» (П₂,1, 162). Именно эти чувства лежат в основе его письма Полине Виардо (1850), где он вспоминает, как оказался свидетелем состязания певцов, которое впоследствии станет темой рассказа «Певцы» из цикла «Записки охотника»: *«L'enfance de tous les peuples se ressemble et mes*

⁵² С₂,12, 341, 344–345. В обращении к «иностраным авторитетам» Тургенев лишь воспроизводил свою точку зрения, которую он изложил почти 30 лет назад в рецензии на «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» С. Т. Аксакова: «...отношения этого, по духу своему действительно древнего, поэта к природе так же просты, естественны, как у древних, и, при всей смелости поэтических образов, совершенно здравы» (С₂,4, 520–521), также в письме Анненкову, трудившемуся тогда над написанием биографии поэта (П₂,2, 126). Интересно заметить, что те характеристики, которые он относил к Пушкину, он также считал присущими русскому языку; он полагал, что единственным языком, который может соперничать с русским «по своему богатству, силе, логике и красоте формы», был древнегреческий (С₂,12, 349), в то время как по лаконичности русский язык был равен латинскому (П₂,10, 200).

chanteurs me faisait penser à Homère. Je n'y ai plus pensé dans la suite — car la plume me serait tombée des mains» [«Детство всех народов сходно, и мои певцы напомнили мне Гомера. Потом я перестал думать об этом, так как иначе перо выпало бы у меня из рук» (фр.)] (П₂, 2, 63).

В 1857 году в письме Л. Н. Толстому (который в течение всей своей жизни упорствовал в отрицании гениальности Шекспира) Тургенев писал с пылом проповедника:

«Он — как Природа; иногда ведь какую она имеет мерзкую физиономию (вспомните хоть какой-нибудь наш степной октябрьский, слезливый, слизистый день) — но даже и тогда в ней есть необходимость, и (приготовьтесь: у вас волосы встанут дыбом) — целесообразность. <...> Не позволяйте внешним несообразностям отталивать Вас; проникните в середину, в сердцевину творения — и удивитесь гармонии и глубокой истине этого великого духа» (П₂, 3, 181).

В своей речи по случаю празднования 300-летия со дня рождения Шекспира Тургенев утверждал: «Целый мир им завоеван: его победы прочней побед Наполеонов и Цезарей» (С₂, 12, 326). И важно, что именно к Шекспиру и конкретно к тому ценному качеству, за которое немецкие эллинофилы превозносили его, Тургенев обратился в своем «Предисловии к романам», определяя наиболее значимые черты своих романов:

«В течение всего этого времени я стремился, насколько хватало сил и умения, добросовестно и беспристрастно изобразить и воплотить в надлежащие типы и то, что Шекспир называет: «the body and pressure of time» [«самый образ и давление времени» (англ.)], и ту быстро изменяющуюся физиономию русских людей культурного слоя, который преимущественно служил предметом моих наблюдений» (С₂, 9, 390).

Возможно, ничто так явно не свидетельствует о продолжительном влиянии духа немецкого эллинофильства на Тургенева, как два очень личных произведения, созданных им в конце жизни: это стихотворение в прозе «Нимфы» и статья

о пергамских мраморных скульптурах (1880). В «Нимфах» решение возродить древнюю легенду восклицанием «Воскрес! Воскрес Великий Пан!» приводит к новому появлению античного мира: опушки Аркадии заполняются прекрасными нимфами, дриадами, вакханками, а впереди несется сама Диана. Когда на солнце блеснул крест христианской церкви, ослепительный мир снова исчезает. В этой утопической картине языческого великолепия не просто очевидны нотки эллинофильской ностальгии: здесь не только осознание того, что эта идиллия никогда не вернется, но и ясное понимание причин ее гибели⁵³. Еще важнее, что и в своей личной переписке и в статье, опубликованной в «Вестнике Европы», рассказывая о том, как глубоко он был впечатлен фрагментами Пергамского алтаря, увиденными им вскоре после приезда в Берлин, он со всей определенностью подчеркивает, что именно эстетический аспект немецкого эллинофильства оказал на него наиболее сильное влияние. Как ни парадоксально, тот факт, что он был многим обязан немецкому эллинофильству, в полной мере находит отражение в его предположении, что узкий взгляд на греческую скульптуру, зародившийся благодаря Винкельману более века тому назад, в настоящее время оказывается недостаточным по отношению к этому «позднему» шедевру греческой скульптуры. Это монументальное творение подтолкнуло его к тому, чтобы скорректировать собственный взгляд на «классическое искусство», он приходит к подтверждению своей фундаментальной эстетической позиции, теперь более обстоятельной и обширной:

«И вот еще что: при виде всех этих неудержимо свободных чудес, куда деваются все принятые нами понятия о греческой скульптуре, об ее строгости, невозмутимости, об ее сдержанности в границах своего специального искусства, словом, об ее классицизме,— все эти понятия, которые как несомненная истина, были передаваемы нам

⁵³ Это произведение воспроизводит реальный эпизод из путешествия Тургенева по Италии в 1840 г. В своих воспоминаниях о Н. В. Станкевиче Тургенев припоминает тот ужас, с которым Станкевич отреагировал на его возглас «Гай Юлий Цезарь!» во время их возвращения в Рим из Альбано (С₂, 5, 363).

нашими наставниками, теоретиками, эстетиками, все нашей школой и наукой? Правда, нам по поводу, например, Лаокоона или умирающего Гладиатора, наконец фарнезского Быка говорили о том, что и в древнем искусстве проявлялось нечто напоминающее то, что гораздо позже называлось романтизмом и реализмом; <...> но тут же замечали, что все эти произведения уже носят некоторый оттенок упадка, <...> но какая может быть речь об упадке перед лицом этой «Битвы богов с гигантами», которая и по времени своего происхождения относится к лучшей эпохе греческой скульптуры — к первому столетию после Фидиаса? <...> все эти реальные черты в общем целостном впечатлении, — вся эта бурная свобода романтизма до того проникнута высшим порядком и ясным строем, высокохудожественной, идеальной мысли, что нашему брату-эпигону только остается преклонить голову и учиться — учиться снова, переустроив всё, что он до сих пор считал основной истиной своих соображений и выводов»⁵⁴.

Когда Тургенев вернулся в Россию в мае 1841 года, на первый взгляд казалось, что все шло по плану. Он готовился к экзаменам, являвшимся необходимым условием для диссертации, которая открыла бы ему дорогу к карьере ученого-философа. Он вошел в интеллектуальное сообщество, где приобрел нечто вроде репутации великолепно образованного позера и оригинала, он начал понемногу заниматься литературным творчеством как поэт и критик. Его произведения, особенно обзоры, отражают многое из того, что было обретено в берлинский период: статья 1845 о переводе «Фауста», сделанном Вронченко, в такой же мере является свидетельством глубокого проникновения в произведение Гёте, в какой — мастерства анализа перевода. Его ранние эпиче-

⁵⁴ С., 10, 329. См. также: Неверов О. и Вулих Н. В. 1990. Статья Тургенева «Пергамские раскопки». И. С. Тургенев. Вопросы биографии и творчества. Ленинград, 1995. С. 107–115. Письмо Тургенева Полине Виардо подписано «J. Tourguéneff //hélénomane» [эллиноман] (Tourguénev I. 1972. *Lettres inédites à Pauline Viarot et à sa famille*. Luasanne, 214).

ские поэмы часто становились философскими исследованиями: «О жизни думал я, об Истине святой, / О всем, что на земле навек неразрешимо» (*Разговор*, С₂,1, 94). Изначальная версия первого очерка будущих «Записок охотника», — произведения, которое создаст ему репутацию крупного писателя, — содержала поразительное сравнение между главными героями, Хорем и Калинычем, и Гёте и Шиллером (С₁,4, 394), а Хорь внешне напоминает рассказчику бюст Сократа⁵⁵.

Более поздние очерки того же цикла, производят, однако, совершенно иное впечатление. Трагикомический заглавный герой «Гамлета Шигровского уезда» (1849), из российской глубинки, чей опыт пребывания в Берлине представляет собой своего рода коллективную берлинскую биографию Тургенева и его русских знакомых, с горечью заявляет:

«...какую, ну какую, скажите на милость, какую пользу мог я извлечь из энциклопедии Гегеля? Что общего, скажите, между этой энциклопедией и русской жизнью? И как прикажете применить ее к нашему быту, да и не ее одну, энциклопедию, а вообще немецкую философию... скажу более — науку?»⁵⁶.

На самом деле *Weltanschauung* [мировоззрение] Тургенева подверглось мукам длительной, глубокой критической переоценки, которая началась уже в Берлине⁵⁷. Когда его

⁵⁵ Сравнение с Сократом должно было привлечь Тургенева по двум причинам — эстетической и «политической». Все известные изображения Сократа (сохранилось около 30 римских копий бюстов Сократа, включая версии, которые Тургенев мог видеть в Риме и Неаполе) считались замечательными из-за его печально известного безобразного облика. Возникал вопрос, как столь блестящий ум мог совмещаться с таким неприятным внешним видом; и, напротив, внешность, которая не могла бы показаться «неуместной» для русского крестьянина, была бы способна скрывать ум высшего порядка? О других «классических» компонентах в «Записках охотника» см.: Kessler R. 1979. *Zu Form und Kritik in I. S. Turgenews «Zapiski ochotnika»* (*Europäische Hochschulschriften*, Reiche XVI, Bd. 13). Frankfurt am M.

⁵⁶ С₃,3, 260. Похожий ироничный портрет мы находим в другом рассказе цикла: «Татьяна Борисовна и ее племянник».

⁵⁷ В письме Грановскому, подводящем итоги впечатлений от Италии, Тургенев замечает: «...множество нелепостей в моем Wesen [существе (нем.)], которым я все недоволен и над которым, кажется, буду трудиться весь свой век, пока не буду лежать «in cold obstruction» [«в оцепенении» (англ.)], к<ак> говорит отец Шекспир» (П₂,1, 153–154).

взгляды, наконец, утвердились — как результат личных наблюдений, интенсивного чтения, многочисленных жарких дискуссий и споров с друзьями (включая семью Бакуниных, Виссариона Белинского, Александра Герцена и... Полину Виардо!), а также проявления меняющихся идей в художественном творчестве,— некоторые позиции изменились до неузнаваемости, другие оставались неизменными на протяжении всей его жизни.

Как подсказывает цитата из «Гамлета Щигровского уезда», первыми проявили себя сомнения относительно того, что великие философские системы способны дать исчерпывающие ответы на универсальные вопросы. Позднее в письме своему немецкому переводчику Фридриху Боденштедту Тургенев признает, что:

«...gerade dieses Studium auf die Dauer am wenigstens innerliche Befriedigung gewährte. Mehr als von Hegel und seinen Aposteln, fühlte er sich angezogen von unsern großen Dichtern, besonders von Göthe? der unter der Deutschen sein Liebling war und blieb...».

[«...именно эта учеба принесла ему наименьшее внутреннее удовлетворение в долгосрочной перспективе. Больше, чем Гегель и его ученики, его привлекали наши великие поэты, особенно Гёте, который был и оставался его любимцем среди немцев» (оригинал нем.)]⁵⁸.

Разочарование Тургенева в «системах» не означало, что он перестал заниматься философией. Напротив, он продолжал усердно читать как древних, так и новейших философов. Первым он прочитал Фейербаха, еще в Берлине («О, славный человек, ей богу, этот Ф.» (П₁, 1, 155), затем перешел к Шопенгауэру, Паскалю (П₂, 1, 260) и несколько позднее — даже к «одиозным» материалистам типа Карла Фогта (П₂, 4, 199). Однако, как показывает всесторонний экскурс Анатолия Батюто в проблему влияния формальной философии на мысль и творчество Тургенева, писатель обращался к философам

⁵⁸ *Erzählungen von Iwan Turgéniew* 1864. Deutsch von Friedrich Bodenstedt. München, «Vorwort», vi.

не для того, чтобы развить свое мировоззрение, а для подтверждения собственных меняющихся взглядов⁵⁹.

Напротив, кое-что не потерялось ни в пьянящем берлинском мире абстрактной философии, ни в эйфории встречи с классическим миром эллинофильства — это чувство социальной ответственности, с которым он прибыл в Берлин. Оно сохраняется, даже когда он признает влияние Италии на его творческое развитие:

«Но, с другой стороны, смущало меня в Риме положение народа, притворная святость, систематическое порабощение, отсутствие истинной жизни... все движения, колеблющие Северную и Среднюю Европу, не переходят Апенинов. Нет! Русский народ имеет неисчислимо больше надежд и силы, чем итальянцы — особенно южные — они отжили и сошли с поприща истории» (П₂, 1, 154).

Существует мало документальных свидетельств того, как развивались в Тургеневе политическая сознательность и чувство социальной ответственности. В различных автобиографических заметках он совершенно справедливо сосредоточивает свое внимание на неприятии крепостного права, но, как он признается в 1874 году в письме к С. А. Венгерову, до конца 1840-х годов эта позиция была в значительной степени неконкретной и туманной⁶⁰. Ясно одно: в сердцевине взглядов Тургенева лежала глубокая вера в исконное равенство человеческих индивидуумов, вера, укреплению которой должен был содействовать эллинофильский взгляд на древнегреческий идеал.

⁵⁹ См. главу «Проблемы философии» в кн.: *Батюто А. И. Тургенев-романист*. Ленинград, 1972. С. 38–166. Авторы других работ о Тургеневе и философах приходят к такому же выводу.

⁶⁰ «Мне всего было тогда 16 лет. Ненависть к крепостному праву уже тогда жила во мне <...>, но до «Записок охотника» было далеко» (П₂, 13, 120). Большинство исследователей склонны рассматривать это просто как реакцию чувствительного юноши на поведение матери; при таком подходе не учитывается сложность характера его матери и не берется в расчет процесс развития взглядов Тургенева. Опубликованные недавно сведения указывают на то, что его отец лично был тесно связан — профессионально и, по-видимому, идейно, — с декабристами (а через них — с Пушкиным), но нет свидетельств того, каким образом это могло повлиять на молодого Ивана (отец умер, когда ему едва исполнилось 16). (См., например: *Скокова Л. И.* 2001. Об одной загадке в биографии И. Тургенева. *Спаский вестник*, № 8, 51–60).

Как показала Л. И. Скокова, эти убеждения глубоко укоренились, и они лежат в основе его служебной записки 1842–43-х годов «Несколько замечаний о русском хозяйстве и русском крестьянине»⁶¹. Это была вера, которая, помимо всего прочего, занимала центральное место в тургеневской концепции прав человека, — и, как он сам замечает, объясняла несогласие со славянофильством, с его приверженностью к общинным социальным формам: «Право личности им [«міром», крестьянскою общиною], что ни говори, уничтожается — а я за это право сражался до сих пор и буду сражаться до конца» (П₂, 3, 98).

Подобно тому, как идеалы древней Греции укрепили веру Тургенева в права человека, он обнаружил для себя наиболее ценный и долговременный аспект аполлонической эстетики, которую немецкие эллиофилы настойчиво провозглашали, с ее фундаментальным принципом «Красоты» в формулировке Винкельмана «*edle Einfalt und stille Grösse*» [«благородная простота и спокойное величие» (нем.)]:

«...Прекрасное — единственная бессмертная вещь, и пока продолжает еще существовать хоть малейший остаток его материального проявления, бессмертие его сохраняется. Прекрасное разлито повсюду, оно торжествует даже над смертью. Но нигде оно не сияет с такой силой, как в душе, в человеческом существе; здесь оно более всего говорит уму, а потому, что касается меня, то я всегда предпочту несовершенный голос, способный выразить великую музыкальную силу, голосу красивому, но глупому, такому голосу, красота которого только материальна» (оригинал фр. — П₂, 2, 48).

Для Тургенева необходимое спокойствие должно было прийти с самим художником:

«Однако я надеюсь, <...> я снова, хотя и не вполне, приобрету то особенного рода спокойствие, исполненное внутреннего внимания и тихого движения, которое необходимо писателю — вообще художнику» (П₂, 3, 93).

⁶¹ Скокова Л. И. И. С. Тургенев о правах человека в «Записках охотника». Москва, 2005. С. 10–12.

В 1880 году, в Пушкинской речи, его определение Искусства перекликается с классическим идеалом:

«Художество <...> как воспроизведение, воплощение идеалов, лежащих в основах народной жизни и определяющих его духовную и нравственную физиономию, — составляет одно из коренных свойств человека»⁶².

Подобно немецким эллинофилам Тургенев, конечно, признавал, что воплотить в жизнь как условное единство общественного, личного и религиозного начал, так и гармонию, на которой основывались идеалы античности, более невозможно. Распадение проявило себя в разъединении двух составных элементов *καλοκάγαθια* (Доброго и Прекрасного):

«...Нравственное чувство и чувство прекрасного — это две шишки, которые не имеют ничего общего между собой. Счастлив тот, кто наделен ими обеими» (оригинал фр. — П₂,1, 263)

Однако наиболее проблемным обстоятельством, имевшим далеко идущие последствия, оказалось исследование взаимоотношений Человека и Природы. В ходе изучения симбиотических отношений... в среде русского крестьянства выяснялось, что в России именно те, кто был ближе всего к природе, политически оказывались более всего удаленными от греческого идеала свободного индивидуума. И, напротив, те, кто как будто более всего приближался к типу «свободного индивидуума», были самыми восприимчивыми к «северной» болезни разрушительного самоанализа, лучше всего воплощенной в гётевском Фаусте, раздираемом борьбой между идеализмом и самодовольным эгоизмом. Апофеоз интенсивного процесса формирования мировоззрения пришелся у Тургенева на период 1847–1849 годов, и ничто не дает нам более глубокого представления и о самом процессе и об исследовании центральной для него философской проблемы в 1840-е годы, как ряд писем, адресованных Полине Виардо.

⁶² С₂,12, 341. Для Тургенева произведения Пушкина, несомненно, воплощали классический идеал эстетики красоты и вполне возможно, что его расширяющиеся познания в области классики способствовали усилению его признательности по отношению к предшественнику.

Знакомство Тургенева с Полиной Виардо в ноябре 1843 года часто не воспринимается как один из факторов, содействовавших формированию его мировоззрения в 1840-е годы. Хотя она признана важной фигурой в биографии Тургенева, его интеллектуальные взаимоотношения с одной из умнейших женщин той эпохи в основном остаются без внимания — особенно на раннем этапе, когда певица продолжала активно выступать на сценах театров и в концертных залах Европы, и античный мир играл особенно важную роль в их общении. Виардо была исключительной (если не уникальной) личностью в среде певцов ее времени, выделяясь своими интеллектуальными интересами и видами деятельности, включавшими обширное чтение классики. В письме дирижеру Юлиусу Рицу она описывает свои занятия:

«Я поставила туда пианино — и полки, где стоят сочинения Шекспира, Гёте, четырех великих итальянских поэтов, Дон Кихот, Гомер, Эсхил, Уланд, Библия, Гейне, Герман и Доротея, двухтомник Льюиса о Гёте. За исключением Гомера в переводе Жакоба и Монтье (я предпочитаю первый), все эти произведения, конечно, на языке оригинала» (оригинал фр.)⁶³.

В другом своем послании ему она написала следующее:

«Кстати, я когда-нибудь говорила вам, что Гомер — моя страсть? Я считаю, что в мире нет ничего прекраснее — да ещё вместе с барельефом Парфенона. Мне кажется, что в музыке нет произведения, которое было бы равным по величию этим творениям — нет произведения, которое было бы идеальным выражением целого народа. Даже живопись кажется мне низшей по значению. Моцарт, Рафаэль, эти два божественных художника кажутся мне менее великими, чем Гомер и Фидий. Мои дети знают Гомера, как другие дети знают сказки и Книгу тысячи и одной ночи. Луизетта знает наизусть мельчайшие эпизоды из «Одиссеи» и «Илиады» <....>.

⁶³ Письмо от 7 июня 1859. *Pauline Viardot-Garcia to Julius Rietz (Letters of Friendship)*. Part 3. 1916. *Musical Quarterly* II, 35.

Диди назвала своего деревянного коня Балий! Разве это не мило?..» (оригинал фр., нем.)⁶⁴

Виардо была исключительной личностью среди большинства певцов в свете ее интереса к домоцартовскому репертуару и приверженности этому репертуару с его многочисленными произведениями на классические сюжеты. Она не только исполняла произведения композиторов, до того времени редко звучавших — таких, как Гендель и Люли, — но в 1861 опубликовала педагогический сборник: «Collection de morceaux choisis dans les Chefs-d'œuvres des grands maîtres classiques» [«Классическая школа пения. Собрание избранных произведений из шедевров великих мастеров» (фр.)], который включал многочисленные арии из произведений раннего периода. Почетное место в ее репертуаре на протяжении всей ее певческой карьеры (как и в педагогическом сборнике) принадлежало Кристофу Валлибальду Глюку. Она пела арии Глюка в первом концертном турне 1838 года, она периодически исполняла партии в нескольких его операх, включая кульминационный триумф на сцене — более 150 парижских представлений «Орфея» (в редакции Берлиоза)⁶⁵ в период с 1859 по 1863 годы. Глюк обычно воспринимается как композитор, самый близкий по духу к немецким эллинофилам, в его «реформаторских операх» на греческие темы⁶⁶. Эта связь четко выявлена Тургеневым в пись-

⁶⁴ Письмо от 4 января 1859. *Pauline Viardot-Garcia to Julius Rietz (Letters of Friendship)*. Part 1. 1915. *Musical Quartely* I, 375. Из письма от 29 июля 1859 г. мы знаем, что Гомер был одним из авторов, которого она читала вместе с Тургеневым во время ее летнего отдыха в Куртавнеле. (*Pauline Viardot-Garcia to Julius Rietz (Letters of Friendship)*. Part 3. 1916. *Musical Quartely* II, 39).

⁶⁵ См.: Kendall-Davies B. 2004. *Pauline Viardot-Garcia*. Vol. I. Revised edition. Cambridge, 18, 409–413, 419.

⁶⁶ О Глюке и эллинофильстве см.: Boetius S. 2005. *Die Wiedergeburt der griechischen Tragödie auf der Bühne des 19. Jahrhunderts*. Tübingen, 27 (где на стр. 27–28 дается длинный список оперных произведений, основанных на античных темах и образах), а также: Miller. 1983: 335–336. Можно почти с уверенностью сказать, что именно благодаря Полине Виардо Тургенев стал особенно высоко ценить Глюка. В 1853 г., находясь в ссылке в Спасском, он пишет Софье Миллер: «А для меня — музыкальные наслаждения выше всех других. Хорошо ли вы знаете Глюка? Помните его арию из «Ифигении» «O, malheureuse Iphigénie» — или сходжение в ад Орфея? Рекомендую вам также мало известную сцену из «Армиды» — между Армидой и богиней ненависти, к которой она приходит, чтобы искоренить из сердца свою любовь к Ринальду. Это одна из самых удивительных вещей, которые я только слышал» (П₂, 2, 260).

ме Виардо от 8 (20) ноября 1846 года. Виардо была в Берлине, где одной из опер, в которых ей предстояло участвовать, была «Ифигения в Тавриде» Глюка:

«Что же до «Ифигении», то я осмелюсь вам посоветовать внимательно перечитать трагедию Гёте того же названия <...>» (оригинал фр.)⁶⁷.

Но Тургенев не только давал советы, для него Полина Виардо была хорошим слушателем. Письма, написанные Виардо, охватывают круг проблем, которые занимали Тургенева с берлинского периода; Искусство, философия и философы, но более всего — Природа и экзистенциальные вопросы о месте человека в Природе и что значит быть человеком.

Живя в Берлине, в своем письме «ad amicos Berolinenses» [«к берлинским друзьям» (лат.)] Тургенев все еще явно придерживался взгляда на Природу в русле теодицеи:

«Природа всегда улыбалась мне. Я всегда живо чувствовал ее прелесть, веяние Бога в ней; но она, прекрасная, казалось, всегда упрекала меня, бедного, слепого, исполненного тщетных сомнений; теперь я радостно протягивал к ней руки и перед алтарем души клялся быть достойным жизни»⁶⁸.

Однако на протяжении 1840-х годов он уходил от идей божественного творения — и, соответственно, от восприятия Природы как божественного творения:

«Эта штука <...> — это жизнь, природа, это бог; называйте её как хотите, но не поклоняйтесь ей» (оригинал фр.)⁶⁹.

⁶⁷ П₂,1, 214. В письме к Матвею Вильегорскому (у Полины Виардо — Wielhorsky) от 12 декабря 1846 г. Виардо описывает свои приготовления к ролям <...> (Розанов А. С. 1968. Полина Виардо. Письма к Матвею Юрьевичу Вильегорскому. Музыкальное наследство. Т. 2, ч. 2. Москва, 39–40). По Розанову именно в Берлине в это самое время Виардо начала изучать греческий с Германом Мюллером Штрубингом, приверженцем классицизма и радикала. Мюллер Штрубинг был другом Тургенева. Они встретились впервые, когда Тургенев был студентом Берлинского университета (Розанов А. 1982. Полина Виардо-Гарсия. 3-е изд. Ленинград, 72).

⁶⁸ П₂,1, 163. О рассмотрении гегелевской теодицеи Искусства см.: Desmond W. 1986. *Art and the Absolute: A Study of Hegel's Aesthetic*. (=SUNY Series in Hegelian Studies. Albany, 150–159).

⁶⁹ Письмо Полине Виардо от 28 июля 1849 (П₂,1, 311).

Более того, необъятность вселенной резко контрастирует с брэнностью и физической ничтожностью отдельного человека:

«Жизнь — это искорка, мерцающая в мрачном и немом океане Вечности!!! — Это единственное мгновение, которое нам принадлежит и т.д., и т.д., все это избито, а между тем верно» (оригинал фр.)⁷⁰

Он продолжал искать красоту в простых явлениях природы: «Я предпочту созерцать торопливые движения утки <...> всему тому, что херувимы... могут увидеть в небесах...» (оригинал фр.)⁷¹.

Но эта красота была теперь не чем иным, как произвольным проявлением равнодушной Природы, первичной силы, в которой все жизненные формы, в конечном счете, занимают сходную незначительную позицию. Ее щедрость и жестокость не только «случайны», но являются предполагаемыми человеком категориями, а потому в отношении Природы — ложными понятиями.

«Душа существует только в нас и, может быть, немного вокруг нас... Это слабое сияние, которое вечная ночь неизменно стремится поглотить» (оригинал фр.)⁷².

Устранение какого бы то ни было сверхприродного создателя и взгляд на равнодушную Природу как на организующий принцип всей жизни пошатнули веру Тургенева в самосознание и очевидную свободу воли отдельного человека. Необходимость в поиске смысла индивидуальной жизни при данных обстоятельствах стала краеугольным камнем в *Weltanschauung* [мировоззрении (нем.)] Тургенева, фундаментальным абсур-

⁷⁰ Письмо Полине Виардо от 30 апреля 1848 (П., 1, 260).

⁷¹ То же письмо Полине Виардо (1 мая) (П., 1, 263).

⁷² Письмо Полине Виардо от 11 июня 1849 (П., 1, 286–287). Одна сфера, в которой Тургенев, кажется, оказался вне влияния эллинофидлв, таких, как Гёте, — это их периодически проявлявшееся пристрастие к разновидности язычества. Тем не менее, тургеневский взгляд на всемогущую Природу чем-то напоминает это язычество, что выражалось в восприятии греческого пантеона как воплощения огромных внутренних сил Природы, власти, которая не обладает концепцией морали, в смысле разграничения добра и зла (см.: Trevelyan 1972, 145–148).

дом, с которым он боролся на протяжении всей своей жизни в поисках *modus vivendi* (в буквальном смысле)⁷³.

Первоначальной реакцией было — бунтовать, и Тургенев отдает предпочтение бунтующему герою. Это снова находит отражение в русле знакомой оппозиции Севера и Юга: Север теперь представлен Шекспиром, Юг (как результат активного знакомства с испанской литературой под влиянием семьи Полины Виардо) — «католическим» автором, Кальдероном.

Тургенев предпочитает Прометея — образец возмущения и индивидуализма, он чаёт спасения «от своего ума, а не от благодати» (оригинал фр.)⁷⁴.

Но бунт оказался, в конечном счете, бесполезным. Читая Паскаля в 1848, он обнаруживает родственную душу в этом «рабе католицизма», который в своих *Pensées* («Мыслях») утверждал: сам факт, что человек осознает свою беспомощность перед бессознательной природной силой, которая может его уничтожить, возвышает этот «*roseau pensant*» [«мыслящий тростник»] (фр.)⁷⁵.

Именно с парадоксом «*roseau pensant*» Тургенев боролся на протяжении 1850-х годов по мере того, как он вникал в проблемы психологии человека, исследуя пути, которые люди выбирали для придания смысла их жизни, — процесс, часто осложненный тем иррациональным началом, которое управляет человеческими жизнями. Он исследовал широко распространенное явление — альтруизм, феномен сильной и слабой воли, особенно явно проявляемый в любовных отношениях, включая

⁷³ Это нашло проявление в различных формах в его произведениях; особенно резко и мрачно в философской повести «Поездка в Полесье» (1857) и в стихотворении в прозе «Природа» (1879/1882).

⁷⁴ Письмо Полине Виардо от 19 декабря 1847 (П₂, 1, 243–244). Несколько месяцев спустя, входя в собор во время заупокойной мессы, он пишет: «*Décidément, je préfère le grand air... <...> ...là un temps indéfini*» (П₂, 1, 274) [«Положительно, я предпочитаю открытый воздух <...> ...пробыть там неопределенное время»] (фр.).

⁷⁵ «*L'homme n'est qu'un roseau... <...> ...L'univers n'en sait rien*» [«Человек — не более, чем тростинка... <...> ...Вселенная об этом ничего не знает»] (фр.). *Pascal Bl.* 1963. *Œuvres Complètes. Pensées.* Section I. *Papiers classés*, XV. Transition, 200–347... Тургенев писал о паскалевских *Les Provinciales* («Письма к провинциалу»): «...c'est admirable de tout points <...> ...— d'un esclave du catholicisme». (П₂, 1, 260, см. также Батюто 1972, 69–82) [«Это восхитительно во всех отношениях <...> ...— раба католицизма»] (фр.).

тот вариант этих отношений, когда одна воля полностью подчинялась другой, часто произвольно, но иногда добровольно, что становилось очевидным проявлением альтруизма⁷⁶. В противоположность образчикам лишнего человека в произведениях 1850-х годов можно увидеть поворот Тургенева в сторону концепции «долга» как спасительного якоря в ситуации отсутствия смысла жизни. В некоторых персонажах, особенно в знаменитых «тургеневских девушках», это свойство является врожденным; другим, в частности, главным героям первых двух романов, до этого понимания нужно дорасти.

Тургеневу было хорошо известно, что некоторые античные философы были подвержены штамму материализма: такие, как атомисты (Левкипп и Демокрит), греческие и римские стоики от Зенона до Сенеки Младшего и Марка Аврелия, которые стремились найти путь к тому, как встретить смерть со «стоическим» спокойствием⁷⁷. Тургеневская концепция «долга» напоминает принцип стоицизма — эвдемонию (εὐδαιμονία), чувство удовлетворения, приходящее от жизни в согласии с «добродетелью» (что в понимании стоиков — при рассмотрении ими конфликта между чувством и долгом — идентифицировалось с «истинно полезным»). Неотъемлемым началом в тургеневском представлении о «долге» являлось альтруистическое побуждение делать что-то для «общего блага»⁷⁸, и наиболее мощные примеры тому об-

⁷⁶ Лучший пример тому — сюжет повести «Странная история».

⁷⁷ Зенон и стоицизм открыто упоминаются в повести 1874 «Пунин и Бабулин». Батюто особо выделяет связь с Марком Аврелием, чье мировоззрение, как он предполагает, было, возможно, в конечном счете, самым близким к мировосприятию Тургенева: «У Марка Аврелия просто, ясно, но подчас с глубокой грустью говорится о том, что постоянно занимает Тургенева и многих его героев». (*Батюто* 1972, 105; также см. 100–111 и 146–147). В 1861 г. в письме графине Ламберт Тургенев отметил: «Естественность смерти гораздо страшнее ее внезапности и необычайности. Одна религия может победить этот страх... <...> а у кого ее нет — тому остается только с легкомыслием или с стоицизмом (в сущности это все равно) отворачивать глаза» (П., 4, 387). В статье «Гамлет и Дон Кихот» он замечает: «Когда распадался древний мир — и в каждую эпоху, подобную этой эпохе, — лучшие люди спасались в стоицизм, как единственное убежище, где еще могло сохраниться человеческое достоинство» (С., 5, 347).

⁷⁸ Как указывает Батюто, именно социальный аспект в концепции «долга» существенным образом отличает Тургенева от Шопенгауэра, у которого он отсутствует.

наруживались у доимперских римлян, таких, как Цинциннат, который возвращается на свою маленькую ферму после того, как спасает Рим. Это нашло наиболее раннее отражение в характере Филиппо Стродзи (Строцци) в одноименной поэме 1847 года, опубликованной только посмертно:

«И был он справедлив, и прост, и кроток, / Не соблазнял, но покорял умом / Противников... и зависти враждебной. / Тревожной злобы, низкого коварства / Не ведал прямодушный человек. / В нем древний римлянин воскрес; во всех / Его делах, и в поступи, во взорах, / В обдуманной медлительности речи / Дышало благородное сознание — / Сознание государственного мужа. / ...Любовью беспредельной / Любил он родину, любил свободу, / И, верный строгой мудрости Зенона, / Ни смерти не боялся, ни безумно / Не радовался жизни, но бесчестно, / Но в рабстве жить не мог и не хотел» (С₂, 1, 395).

Искания Тургенева в 1850-х годах достигли высшей точки в трех произведениях начала 60-х, каждое из которых содержит (помимо прочего) подведение итогов его размышлений по трем направлениям: психология — в статье «Гамлет и Дон-Кихот» (1860), философия — в философской повести «Довольно» (1864/65) и его эстетическое кредо — в романе «Отцы и дети» (1862).

В статье «Гамлет и Дон-Кихот» мы обнаруживаем концептуальное обрамление итогов длительного изучения двух типов личности: с одной стороны, феномен «сломленного» человека, снесаемого разьедающим душу самоанализом, с другой — существование людей, движимых идеалом служения и самопожертвования. Чтобы описать архетипы того, что он воспринимал как «две коренные противоположные особенности человеческой природы — оба конца той оси, на которой она вертится» (С₂, 331), Тургенев снова обратился к дихотомии Север — Юг. Он продолжает считать Шекспира воплощением рефлексирующей северной души, но заменил Кадьерона Сервантесом, автором, не столь явно католическим, — для пред-

ставления благородной души Юга⁷⁹. Главное различие между этими двумя противоположностями, в конечном счете, в том, есть ли у каждого из них смысл жизни или нет:

«<Дон-Кихот> знает, в чем его дело, зачем он живет на земле, а это — главное знание» (С₂,5, 333).

«<Гамлет> не верит в себя — и тщеславен; он не знает, чего он хочет и зачем живет, — и привязан к жизни» (С₂,5, 333–334).

Смысл или цель жизни — это то место, которое человек занимает по отношению к своим идеалам.

«Все люди живут — сознательно или бессознательно — в силу своего принципа, своего идеала, т.е. в силу того, что они почитают правдой, красотой, добром. <...> для всех людей этот идеал, эта основа и цель их существования находится либо вне их, либо в них самих: другими словами, для каждого из нас либо собственное я становится на первом месте, либо нечто другое, признанное им за высшее» (С₂,5, 331).

«...Что выражает собою Дон-Кихот? Веру прежде всего, веру в нечто вечное, неизблемое, в истину, одним словом, в истину, находящуюся вне отдельного человека <...> Дон-Кихот проникнут весь преданностью к идеалу, для которого он готов подвергаться всевозможным лишениям, жертвовать жизнью; самую жизнь свою он ценит настолько, насколько она может служить средством к воплощению идеала, к водворению истины, справедливости на земле» (С₂,5, 332).

«Что представляет собою Гамлет? Анализ прежде всего и эгоизм, а потому безверье. Он весь живет для са-

⁷⁹ «Дух, создавший этот образ, есть дух северного человека, дух рефлексии и анализа, дух тяжелый, мрачный, лишенный гармонии и светлых красок, не закругленный в изящные, часто мелкие формы, но глубокий, сильный, разнообразный, руководящий. <...> Дух южного человека опочил на создание Дон-Кихота, дух светлый, веселый, наивный, восприимчивый, не идущий в глубину жизни, не обнимающий, не отражающий все ее явления» (С₂,5, 342). То, что это — типологические категории для Тургенева, ясно из рассуждений о Сехисмундо, герое драмы Кальдерона *La vida es sueño* [«Жизнь есть сон»]: «...c'est le Hamlet espagnol... <...> ...il sait bien que la vie n'est qu'un songe» (П₂,1, 246) [«...это испанский Гамлет ... <...> ...он сознает, что жизнь не более, нежели сон» (фр.)].

мого себя, он эгоист, но верить в себя даже эгоист не может, верить можно только в то, что вне нас и над нами» (C₂,5, 333).

Что особенно важно, Тургенев не только не считает, что одна из двух противоположностей лучше другой, но и не отдает какой-либо из них предпочтение.

«Без этой центростремительной силы (силы эгоизма) природа существовать бы не могла, точно так же как и без другой, центробежной силы, по закону которой все существующее существует только для другого» (C₂,5, 341).

В то же время, как утверждается в «Довольно» (и ранее в «Поездке в Полесье»⁸⁰), — это представление о человеческой психологии по-прежнему находится в рамках убежденности Тургенева в фундаментальной незначительности существования людей (по отдельности или совокупно) в универсальной схеме бытия. Связь между «Довольно» и размышлениями Тургенева в письмах, адресованных Полине Виардо, очевидна с самого начала эссе. Наблюдая закат солнца под трели соловья, рассказчик замечает:

«Все это было, было, повторялось, повторяется тысячу раз — и как вспомнишь, что все это будет продолжаться так целую вечность, словно по указу, по закону, даже досадно станет!» (C₂,7, 220).

Вспоминая паскалевский «*roseau pensant*» (и цитируя строки из «Макбета»), повествователь сетует на то, что знание своей судьбы:

«Слабое достоинство! Печальное утешение! Как ни старайся проникнуться им, поверить ему <...> не отразить тебе тех грозных слов поэта: «Наша жизнь — одна бродячая тень, жалкий актер, который рисуется и кичится какой-нибудь час на сцене, а там пропадает без вести;

⁸⁰ В повести «Поездка в Полесье» прежде всего затронута тема незначительности человеческой жизни перед лицом всемогущей Природы: «Мне нет до тебя дела, — говорит природа человеку, — я царствую, а ты хлопочи, как бы не умереть.<...> Трудно человеку, существу единого дня, вчера рожденному и уже сегодня обреченному смерти, — трудно ему выносить холодный, безучастно устремленный на него взгляд вечной Изиды; <...> вся душа его никнет и замирает» (C₂,5, 130).

сказка, рассказанная безумцем, полная звуков и ярости и не имеющая никакого смысла» (С₂,7, 226).

«Если бы вернулся Шекспир, он бы не обнаружил никаких изменений в человеческом роде (разве только, в противоположность Ричарду III, современный тиран не теряет сна от осознания собственной тирании); не обнаружил бы ничего нового и Аристофан!» (С₂,7, 227–228).

Доводя мировоззренческие постулаты Тургенева до их логического, глубоко пессимистического конца, тургеневский повествователь вынужден отречься даже от тех двух утешительных позиций, которые сам писатель сохранял: великие принципы, на основе которых Тургенев отстаивал человеческое достоинство, в конечном счете, тоже «случайны»; даже большое искусство беззащитно — и само не является защитой — перед лицом быстротечности всего, что есть в жизни:

«Венера Милосская, пожалуй, несомненное римского права или принципов 89-го года. <...> не условность искусства меня смущает; его бренность, опять-таки его бренность, его тлен и прах — вот что лишает меня бодрости и веры. <...> Бессознательно и неуклонно покорная законам, <природа> не знает искусства, как не знает свободы, как не знает добра; <...> она не терпит ничего бессмертного, ничего неизменного... Человек ее дитя; но человеческое — искусственное — ей враждебно, именно потому, что оно силится быть неизменным и бессмертным. <...> А потому она так же спокойно покрывает плесенью божественный лик фидиасовского Юпитера, как и простой голыш, и отдает на съедение презренной моли драгоценнейшие строки Софокла» (С₂,7, 228–229).

«Но человек не повторяется, как бабочка, и дело его рук, его искусства, его свободное творение, однажды разрушенное, — погибает навсегда... Ему одному дано «творить»... но странно и страшно вымолвить: мы творцы на... час, как был, говорят, калиф на час» (С₂,7, 229).

Батюто заметил, что, как ни парадоксально, тургеневский пессимизм основывался на его любви к жизни, на том,

что он находил много привлекательного в Природе, а также в Искусстве, созданном людьми⁸¹. В отличие от «умершего художника», который является рассказчиком в повести «Довольно», Тургенев не желал отказываться от эстетических принципов, которые он унаследовал от древних греков. На самом деле, он обращался к ним с тем, чтобы упорно сражаться с любым из своих персонажей⁸².

«Отцы и дети» — многослойный роман, который более чем через 150 лет после публикации продолжает выдавать новые тайны. Может показаться сюрпризом тот факт, что классицизм играет важную роль в романе, центральная философская идея которого проистекает из латинского слова *nihil*, и имена двух его центральных протагонистов, Евгения и Аркадия (так же как и имя отца первого), заимствованы из греческого языка. Греческие и латинские отсылки встречаются в романе в большом количестве...⁸³ Именно на этом фоне роман Тургенева может рассматриваться как провозглашение его эстетических взглядов и неотъемлемая часть его *Weltanschauung*.

Хорошо известно, что в своей *апологии* «По поводу «Отцов и детей»» Тургенев утверждал:

⁸¹ «Пессимизм Тургенева безутешен, однако его безутешность следствие не столько усталости или разочарования в жизни, сколько неутолимой любви к ней, к ее «случайностям и капризам» к ее «мимолетной красоте», находящей полное выражение в индивидуальности, в человеке — высшем творении природы» (*Баттото* 1972; 112). Именно это — любовь к «красоте» во всех ее проявлениях, включая искусство, — прежде всего отличает его от Марка Аврелия.

⁸² То, что Тургенев сопротивлялся тому, чтобы следовать за рассказчиком из повести «Довольно» до горького пессимистического конца (возможно, за исключением самых интимных и пессимистических моментов собственной жизни), подтверждается его многочисленными утверждениями, сделанными в других текстах: «я говорю, что искусство такое великое дело, что целого человека едва на него хватает — со всеми его способностями, между прочим и с умом» (П₂, 5, 12); ...а Искусство умереть не может — и посильное служение ему всегда будет тесно соединять людей» (П₂, 5, 39).

⁸³ Вудвард в своей статье «Aut Caesar aut nihil» доказывает (возможно, не бесспорно), что имена в романе являются «говорящими» и привязаны к классике: он предполагает, что фамилия «Кирсанов»... происходит от греческого «хозяин» (*kúrios*)..., и фамилия «Базаров» образована от сочетания греческого и латинского слов, означающих «император» (*βασιλεὺς* и Caesar) (170). Классические отсылки в романе включают и то, что Василий Базаров идентифицирует себя с Цинциннатом, называет Евгения и Аркадия «Кастором и Полидевком» и говорит о том, что акации — любимые деревья Горация (С₂, 7, 114, 123, 112). Вудворд подсчитал количество специфических латинских терминов в тургеневских романах... (168)..

«...За исключением воззрений Базарова на художества, — я разделяю почти все его убеждения» (С₂, 11, 90).

Тургенев действительно разделял с Базаровым его основной принцип, согласно которому существует несотворенный естественный мировой порядок, в котором человек отнюдь не занимает привилегированную позицию. Его фундаментальные разногласия с Базаров заключаются в том, что он отрицает механистический материализм, который отказывает отдельному человеку в индивидуальной психологии:

«А люди, что деревья в лесу, ни один ботаник не станет заниматься каждой отдельной березой» (С₂, 7, 78–79).

Как мы увидели, для Тургенева индивидуальность человека нигде не проявляла себя так ярко, как в творчестве в сфере искусства. Базаров, конечно, печально известен тем, что отрицает все искусство, исходя из утилитарных оснований:

«Порядочный химик в двадцать раз полезнее всякого художника» (С₂, 7, 28).

Масштаб, который охвачен романом благодаря отсылкам к искусству (примечательно, что Тургенев использует множественное число — «художества»), таким образом, значителен сам по себе; но вдвойне важно, что эти специфические отсылки, по существу, автобиографичны. Они представляют аполлонический идеал, которому сам Тургенев отдавал предпочтение: Пушкин, Моцарт (и Шуберт) и Рафаэль Санти⁸⁴. В романе, таким образом, возникает философское поле битвы между автором и созданным им героем.

Смерть Базарова, не реализовавшего ни одну из своих амбиций, в молодом возрасте часто воспринималась как трагическая, но с точки зрения греческой эстетики она не считается трагедией, так как трагедия не может быть делом «случая». Тем не менее, Базаров — трагическая фигура, в классическом смыс-

⁸⁴ Аполлонический элемент (в ницшеанском смысле) особенно важен, и это подчеркивается тем фактом, что не упоминаются имена таких любимых художников как Шекспир и Гете, которые не вписываются в рамки данного понятия. Для более детального обсуждения проблемы см.: Žekulin N. G. 2005. De gustibus disputandum est. Turgenev's (dis)agreements with his hero Basarov. //Tusculum slavicum. Festschrift für Peter Thiergen (= Basler Studien zur Kulturgeschichte Osteuropas). Zürich, 289–309.

ле, ибо обладает «роковым недостатком» (ἀμαρτία⁸⁵), а именно, неумением приспособливаться, искать новую философию жизни в условиях, когда он был вынужден осознать в ходе развития событий, имевших место в романе, что материализм ошибочен. Самоуверенность, которая граничила с высокомерием, пошатнулась, когда Тургенев заставил его влюбиться в своеобразную, исключительную (что подчеркивается ее фамилией — Одинцова) женщину. Неслучайно в Базарове второй половины романа это пробуждает размышления, напоминающие взгляды автора произведения, — о его незначительности перед лицом бесконечности времени и пространства.

«Узенькое местечко, которое я занимаю, до того крохотное, по сравнению с остальным пространством, где меня нет и где дела до меня нет, и часть времени, которую мне удастся прожить, так ничтожна перед вечностью, где меня не было и не будет... А в этом атоме, в этой математической точке кровь обращается, мозг работает, чего-то хочет тоже... Что за безобразие! Что за пустяки!» (C₂, 7, 119).

Но Тургенев идет дальше, заставляя свой «*roseau pensant*» *par excellence* посмотреть в лицо смерти, которую писатель описывает со всей силой своего поэтического таланта.

Если рассматривать роман «Отцы и дети» как поле битвы между Тургеневым и его героем, возникает ощущение, что Тургенева можно увидеть в роли мстительного Зевса, наказывающего смертного за то, что тот осмелился бросить вызов установленному порядку⁸⁶. Максимальная ирония, — а потому максимальное выражение несогласия с Базаровым —

⁸⁵ Хотя современная классическая филология предполагает, что это слово, используемое в «Поэтике» Аристотеля (Περὶ ποιητικῆς), имело ряд значений, относившихся к поступку, совершенному по разным причинам, начиная с «незнания» и кончая «нравственным пороком или ошибкой», — на протяжении 19-го века (и ранее) оно понималось исключительно в значении «моральная ошибка». См.: Stinton T. S. 1975. Hamartia in Aristotle and Greek Tragedy. // The Classical Quarterly, New Series 25 (2, Dec.), 221.

⁸⁶ Как замечает Хэмфри Тревелиян, греческая концепция божественного возмездия заключалась в том, что боги наказывали людей не на основе морального кодекса, а в тех случаях, когда люди пытались посягнуть на царство богов — мир избранных, стремились соперничать с богами или покушались на их власть (Trevelyan 1972, 145–148), — подобно тому, как Зевс наказывает Прометея, архетип родоначальника научного прогресса человечества.

происходит из того факта, что Тургенев создает произведение, в котором Базаров не просто герой, возвышающийся над всеми остальными персонажами романа, — герой, который восхищает самого Тургенева силой характера, — но особенный «трагический» герой. Базаровский взгляд на мир отрицает саму возможность существования трагедии, и не только в греческом понимании!

Исключительно разносторонние интеллектуальные интересы Тургенева и его начитанность повлекли за собой широкий спектр «влияний», нашедших отражение в его произведениях. Общеизвестно, что среди этих влияний важное место занимает античность. Но до сих пор почти не была замечена роль немецкого эллинофильства как той ключевой призмы, через которую осуществлялось понимание Тургеневым классического мира. Под его влиянием первоначальные эстетические и политические взгляды, с которыми он прибыл в Берлин, получили и подтверждение и интеллектуальное подкрепление, чему было дано в значительной степени остаться неизменным на всю оставшуюся жизнь. Напротив, его философские взгляды претерпели значительные изменения в ходе интенсивного углубления в процесс постижения бытия и места человека в нем.

Уильям Десмонд предлагает емкий анализ судьбы эллинофильского наследия в истории немецкой мысли:

«Мы прошли путь от винкельмановского идеала «благородной простоты и спокойного величия», через время страстных представителей «*Sturm und Drang*» и беспокойных романтиков, через попытки Гегеля восстановить единство и обнаружить голос божественного в вихре, — к Ницше и его последователям, где бушует шторм и крутится вихрь, но не слышен ни единый звук божественного — кажется, нет ничего, но человек один, возвышающий свой голос над шумом хаоса, то мрачного,

то торжествующего, цепляется за мачту бессмысленности. И кажется, что Аполлон — утонувший бог»⁸⁷.

Тургенев прошел далеко по дороге по направлению к Ницше, но его Аполлон не утонул. Напротив, Аполлон был той мачтой, за которую Тургенев держался перед лицом экзистенциального шторма. В письме графине Ламберт в 1856 году Тургенев изложил свое представление о том, что может придать смысл жизни:

«<...> идеал дается только сильным гражданским бытом, искусством (или наукой) и религией. Но не всякий родится афинянином или англичанином, художником или ученым — религия не всякому дается — тотчас» (П₂,3, 107).

Из всего этого самому Тургеневу было доступно только Искусство. Для него существовал не столько «*roseau pensant*» («мыслящий тростник»), сколько, прежде всего, «*roseau créant*» («тростник творящий») — способность человека творить Красоту в Искусстве⁸⁸, которая давала бы хоть немного утешения, успокоения, гармонии перед лицом всеобщего хаоса, крошечного акта бунта против неумолимого произвола существования, собственной версией декларации, что иногда $2 \times 2 = 5$, и становилась частичным антидотом против мрачайшей депрессии, характерной для человека, которого Полина Виардо называла «*le plus triste des homes*» [«самый печальный из людей» (фр.)]⁸⁹.

⁸⁷ Desmond 1986: 162.

⁸⁸ «В этом наше преимущество и наше проклятие: каждый из этих «творцов» сам по себе, и именно он, не кто другой, именно это я, словно создан с преднамерением, с предначертанием; каждый более или менее понимает свое значение, чувствует, что он сродни чему-то высшему, вечному — и живет, должен жить в мгновение и для мгновенья. Сиди в грязи, любезный, и тянись к небу! Величайшие из нас — те, которые глубже других сознают это противоречие» («Довольно», С₂,7, 229–230).

⁸⁹ П₂,5, 28. Стихотворение в прозе «Молитва» (1881) представляет собой емкое проникновение в тургеневский способ мышления: «Всякая молитва сводится к следующему: «Великий Боже, сделай, чтобы дважды два — не было четыре». <...> Но если разум его восстанет против такой бессмыслицы? / Тут Шекспир придет ему на помощь: «Есть многое на свете, друг Горацио...» и т.д. / А если ему станут возражать во имя истины, — ему стоит повторить знаменитый вопрос: «Что есть истина?» / И потому станем пить и веселиться — и молиться» (С₂,10, 172).

Литература

- von Albrecht M.** Turgenew und die Anticke. Anticke Reminiszenzen als Mittel der Charakterisierungskunst. Literatur als Brücke. Studien zur Rezeptionsgeschichte und Komparativistik. Hildesheim, 163–191.
- Annenkov P. V. [Анненков П. В.]** 1989. Замечательное десятилетие. // Литературные воспоминания. Москва, 111–352.
- Balykova L. A. [Балыкова Л. А.]** 1994. Библиотека Ивана Сергеевича Тургенева. Ч. I. Орел.
- Balykova L. [Балыкова Л.]** 2005. Тургенев — читатель. По страницам мемориальной библиотеки. Орел.
- Batyuto A. I. [Батюто А. И.]** 1972. Тургенев-романист. Ленинград.
- Bazzarelli E.** 1980. Turgenew e le litterature classiche (greca e latina). // Turgenew e la sua opera/ Colloquio italo-sovietico (=Atti dei Convegni Lincei 44). Roma, 25–37;
- Boetius S.** 2005. Die Wiedergeburt der griechischen Tragödie auf der Bühne des 19. Jahrhunderts. Tübingen.
- Bogdanov B. V. [Богданов Б. В.]** 2004. Учеба И. С. Тургенева в Берлинском университете. //Тургеневский сборник (Тургеневское общество). Вып.2, Москва, 2004, 77–86.
- Butler E.** 1935. The Tyranny of Greece over Germany. Cambridge.
- Desmond W.** 1986. *Art and the Absolute: A Study of Hegel's Aesthetic.* (=SUNY Series in Hegelian Studies. Albany.
- Erzählungen von Iwan Turgéniew** 1864. Deutsch von Friedrich Bodenstedt. München.
- Fet A. [Фет А.]** 1992. Мои воспоминания (Репринт 1890 года). Москва.
- Finch Ch. E.** Turgenew as a Student of the Classics. //The Classical Journal 49 (3), 117–122;
- Generalova N. P. [Генералова Н. П.]** 2006. Об адресате «Двух писем о значении древних языков в нашем воспитании» А. Фета. //Русская литература, № 1, 274–276.
- Hatfield H.** 1964. Aesthetic Paganism in German Literature. From Winckelmann to the Death of Goethe. Cambridge, MA.
- Kendall-Davies B.** 2004. Pauline Viardot-Garcia. Revised edition. Vol. I. Cambridge.

- Knabe G.** [Кнабе Г.] 2005. Тургенев, античное наследие и истина либерализма // Вопросы литературы, № 1, 84–110.
- Mazon A.** 1930. Manuscripts parisiens d'Ivan Tourguénev. Paris.
- Miller N.** 1983. Europäischer Philhellenismus zwischen Winckelmann und Byron. // Propyläen Geschichte der Literatur. Bd. IV (Aufklärung und Romantik). Berlin, 315–366.
- Neverov O.** 1995. I. S. Tourguénev et l'art antique. Cahiers Tourguénev — Viardot — Malibran 19, 3–15.
- Oksman Yu. G.** [Оксман Ю. Г.] 1921. Тургенев в С.-Петербургском университете. // И. С. Тургенев. Исследования и материалы. Вып. 1. Одесса, 101–108.
- Opisanie...** [Описание] рукописей и изобразительных материалов Пушкинского дома 1958. Т. IV: И. С. Тургенев. Москва-Ленинград.
- Pascal Bl.** 1963. Œuvres Complètes. Section 1. Papiers classés, XV. Transition. 200–347. Présentation et Notes de Louis Lafuma. Paris, 528. [Electronic edition: Intelix, 2006]
- Pauline Viardot-Garcia to Julius Rietz** (Letters of Friendship). Part 1. 1915. Musical Quarterly I, 350–380. Part 3. 1916. Musical Quarterly II, 32–60.
- Polonsky Ya. P.** [Полонский Я. П.] 1983. Тургенев у себя в его последний приезд на родину [Из воспоминаний] // И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. Т. 2. Москва.
- Rozanov A. S.** [Розанов А. С.] 1968. Полина Виардо. Письма к Матвею Юрьевичу Вельегорскому // Музыкальное наследство. Т. 2, ч. 2. Москва, 5–134.
- Rozanov A. S.** [Розанов А. С.] 1982. Полина Виардо-Гарсиа. 3-е изд. Ленинград.
- Schütz K.** 1952. Das Goethebild Turgeniews. Bern, 133.
- Skokova L. I.** [Скокова Л. И.] 2001. Об одной загадке в биографии И. Тургенева // Спасский вестник, № 8, 51–60).
- Skokova L. I.** [Скокова Л. И.] 2005. И. С. Тургенев о правах человека в «Записках охотника». Москва.
- Stinton T. S.** 1975. Hamartia in Aristotle and Greek Tragedy. // The Classical Quarterly, New Series 25 (2, Dec.), 221–254.
- Trevelyan H.** 1972. Goethe and the Greeks. New York.

- Turgenev I. S. [Tourguénev I.].** 1972. *Lettres inédites à Pauline Viardot et à sa famille.* Lausanne.
- Turgenev I. S. [Тургенев И. С.]** 1960–1968. Полное собрание сочинений и писем в двадцати восемью томах. Ленинград.
- Turgenev I. S. [Тургенев И. С.]** 1978-. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. 2^е изд. Москва.
- Uspenskaya A. V. [Успенская А. В.]** 2005. А. А. Фет — переводчик античных поэтов // *Античность в русской поэзии второй половины XIX века.* Санкт-Петербург, 215–292.
- Vulikh N. V. [Вулих Н. В.]** 1986. Античные мотивы и образы в лирических стихотворениях и в «Стихотворениях в прозе» Тургенева // *Тургенев. Проблемы мировоззрения и творчества.* Элиста, 84–96.
- Vulikh N. V. [Вулих Н. В.]** 1990. Статья И. С. Тургенева «Пергамские раскопки» // *И. С. Тургенев. Вопросы биографии и творчества.* Ленинград, 107–115.
- Woodward J.** 1986. *Aut Caesar aut nihil: the «War of Wills» in Turgenev's Ottsy i deti.* // *Slavonic and East European Review* 64 (2), 161–188.
- Woodward J.** 1989. — «The Roman Theme» in Turgenev's Nov'. // *The Modern Language Review* 84 (3), 672–680.
- Yegunov A. N. [Егунов А. Н.]** 1964. Об эпиграмме Гомера. Студенческая работа Тургенева на латинском языке. // *Тургеневский сборник. Материалы к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева.* Вып. 1. Москва-Ленинград, 200–211
- Yegunov A. N. [Егунов А. Н.]** 1966. Письменные ответы Тургенева на магистерском экзамене // *Тургеневский сборник. Материалы к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева.* Вып. 2. Москва-Ленинград, 87–108.
- Yegunov A. N. [Егунов А. И.]** 1968. «Вешние воды. Латинские ссылки в повести Тургенева // *Тургеневский сборник. Материалы к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева.* Вып. 4. Ленинград, 182–188.

Žekulin N. G. 1987. Pavel Annenkov conseller littéraire de Turgenev: Le cas de Terres vierges //Revue des Études Slaves LIX (4). 753–766.

Žekulin N. G. 2005. De gustibus disputandum est. Turgenev's (dis)agreements with his hero Basarov //Tusculum slavicum. Festschrift für Peter Thiergen (= Basler Studien zur Kulturgeschichte Osteuropas). Zürich, 289–309.

Примечание:

Русский текст (19 век) и античность / Ред.: Каталин Кроо и Питер Тороп. При участии Ирины Авраметс.— Будапешт-Тарту, 2008. С. 169–206. В публикации сохранены ссылки на источник автора статьи.

С. Д. Симеонова

К ВОПРОСУ О ПРОТОТИПАХ ИНСАРОВА В РОМАНЕ «НАКАНУНЕ»

В России начиналась новая эпоха — и такие фигуры, как Елена, Инсаров, являются провозвестниками того, что пришло позже.

И. С. Тургенев.¹

Роман «Накануне» И. С. Тургенева свидетельствует о симпатиях писателя-гуманиста к освободительному делу славянских народов, к их борьбе за независимое национальное и политическое существование.

Множество болгарских исследований говорят о роли, которую роман «Накануне» сыграл в среде болгарской революционной интеллигенции, а также о глубокой любви и благодарности, которую болгары испытывали к И. С. Тургеневу.

Из явления «личность-прототип» произрастает художественный замысел. Это отправная точка, с которой начинается преобразование разных явлений жизни в зависимости от мировоззрения писателя, его эстетического идеала, творческого метода в целостную образную систему произведения. Следуя объективной логике образной системы, сделаем попытку более определённо разобраться и оценить место и роль болгарского прототипа при создании И. С. Тургеневым романа «Накануне».

Как пишет академик В. Велчев, «Тургенев сам указывает на то, что представитель болгарского возрождения Никола Димитров Катранов — прототип его Инсарова».²

¹ Тургенев И. С. ПСП. Т. VIII. М.-Л.: «Наука», 1964. С. 323, 394.

² Велчев В. Инсаров от Тургеневия роман «Накануне»/Към проблемата за прототипа и героя/ //Език и литература. № 3. 1966. София: Из-во «Наука и изкуство». С. 8.

Но целесообразнее и перспективнее принять концепцию, которая не соотносит героя И. С. Тургенева с единственным прототипом. Не умаляя признания самого писателя, справедливо будет связать появление и характер Инсарова и с другими лицами, к примеру, с болгарскими студентами Московского университета: Л. Каравеловым, С. Бобчевым, Р. Жинзифовым и др.

«Молодые болгары с 1839 года, как трудолюбивые пчёлы, нашли <...> в России для себя изобилующих медов, цветов, не щадя ни издержек, ни здоровья своего, всячески старались приобрести по возможности всего того, что нужно для любимой родины: мы с удивлением смотрели на необыкновенные их занятия и нелицемерную приверженность к Болгарии, каждый из них старался принести ей свою лепту», — писал болгарский фольклорист, деятель периода возрождения Болгарии Захари Княжески Михаилу Погодину³.

Из мемуаров Велы Живковой-Благоевой мы узнаём, что И. С. Тургенев интересовался не только жизнью в Болгарии, но и литературным процессом, с большим уважением отзываясь о творчестве писателя П. Р. Славейкова; принимал живое участие в судьбах молодых болгар, благодаря которым более полно знакомился с жизнью их родины.

Однако личность Николы Катранова — выходца из семьи мелкопоместного дворянина Димитра Катранова из города Свиштова — требует более детального рассмотрения. В музее болгарского писателя Алеко Константинова (г. Свиштов) хранится письмо московского знакомого Н. Д. Катранова, где даётся очень лестная характеристика болгарину: «<...>Этот молодой болгарин Николай Катранов, который доставит тебе моё письмо, едет в Ваши края лечиться. Не без глубокой душевной печали расстаюсь я с ним. Он был единственный мой друг в Москве. Я люблю его, как брата. <...> Остальное скажет его милый характер, искренняя сердечность, неукоризненная дружба»⁴.

³ Велчев В. Българо-руски литературни взаимоотношения през XIX–XX в. София: «Наука и изкуство», 1974. С. 46.

⁴ Велчев В. Инсаров от Тургеневия роман «Накануне»/Към проблемата за прототипа и героя/ //Език и литература. № 3. 1966. София: Из-во «Наука и изкуство». С. 16.

Основная линия биографии Катранова сохранена И. С. Тургеневым и в биографии его героя Инсарова. Любовь к многострадальной родине неотделима от судьбы и прототипа, и героя. Ради неё они пренебрегают личными интересами и способны на исключительные жертвы. Родина нуждается в них, и никакие препятствия и сложности не могут остановить их стремления бороться за свободу. В окончательном варианте текста романа «Накануне» достаточно конкретно раскрываются связи героя с готовящимся в Болгарии во время Крымской войны восстанием.

«Инсаров сидел у себя в комнате и в третий раз перечитывал письма, доставленные ему из Болгарии с «оказией»; по почте их боялись посылать. Он был очень встревожен ими. События быстро развивались на Востоке; занятие княжеств русскими войсками волновало все умы; гроза росла, слышалось уже веяние близкой, неминуемой войны. Кругом занимался пожар, и никто не мог предвидеть, куда он пойдёт, где остановится; старые обиды, давние надежды — всё зашевелилось. Сердце Инсарова сильно билось: и его надежды сбывались»⁵.

Это наводит на предположение, что прототип героя Никола Димитров Катранов был в курсе готовящихся событий. Следует заметить, что славянофильские круги Москвы вели агитацию с целью призыва болгарского населения для борьбы с турками. Одним из центров подготовки восстания в Болгарии был родной город Катранова Свиштов. Предполагалось, что русские войска пересекут Дунай около Видина или Свиштова, пройдут через Балканы и оттуда направятся к Цариграду, поэтому именно в этих городах и организовывались тайные общества.

По сведениям, полученным русским консулом в Белграде, тайная организация в Свиштове насчитывала 200 человек. Она была основана Г. С. Раковским (урожд. С. С. Попович) вместе с группой единомышленников. Вся жизнь болгарского писателя, историка, публициста, этнографа и создателя

⁵ Тургенев И. С. ПСС. Т. 6. М.: «Наука», 1981. С. 250.

революционного движения в Болгарии Георгия Раковского была посвящена делу освобождения родины от турецкого ига. Раковский писал: «Моими соратниками в этом предприятии /подготовке восстания — С.С./ было множество болгар из разных городов и сёл, а более всего — из Свиштова, где инициатором всего этого был известный патриот г. Апостол Конкович»⁶. Интересно то обстоятельство, что по окончании Крымской войны уроженец Свиштова Апостол Конкович был награжден русским императором медалью «за усердие».

Нам важно другое. Среди руководителей восстания в Свиштове помощник Раковского Иван Бацов называет имя Дмитрия Цанковича. Но личность этого человека не была идентифицирована. Академик В. Велчев установил, что под этим именем скрывается известный болгарский политический деятель Драган Цанков, у которого были два имени — Димитр и Драган, о чём свидетельствует родословная, опубликованная автором книги о Катранове Н. Клинчаровым. Решающим доказательством является признание самого Цанкова о его участии в готовящемся во время Крымской войны восстании. Как он сам говорил: «Лучшие болгары из большинства главных городов приняли участие в этом святом деле. Из многих мест шли письма, в которых сообщалось, что работа продвигается успешно, достаточно русским войскам показаться в Турции. Мысль избавить болгарский народ от турецких зверств, гонений и невиданных тягот произносится каждым почтенным болгаринном с религиозным благоговением и каждый посвящённый в это дело, ждёт день и час, в который Россия поднимет меч и сокрушит Турцию. Ожидается нечто страшное, но великое!»⁷

Участие Драгана Цанкова в восстании и его признания имеют существенное значение в связи с вопросом, который нас интересует. И это потому, что он — близкий родственник Николы Катранова — двоюродный брат его матери Пауницы

⁶ Велчев В. Инсаров от Тургеневия роман «Накануне»/Към проблемата за прототипа и героя/ //Език и литература. № 3. София: Из-во «Наука и изкуство», 1966. С. 19.

⁷ Там же. С. 19–20.

Катрановой. Это обстоятельство создает реальную предпосылку того, что и Никола Катранов был посвящен в готовящееся в связи с Крымской войной восстание, более того — ему отводилась определенная роль в этом.

При сравнении слов родственника Катранова Драгана Цанкова с тем, что Тургенев говорит о переживаниях Инсарова во время Крымской войны, нельзя не признать, что через доверенных лиц Катранов мог знать непосредственно о готовящемся восстании, о надеждах и настроениях болгарского народа, о состоянии подготовки к борьбе, о роли его родного города Свиштова в этом непростом деле. И. С. Тургенев получал сведения о ходе военных действий в Крыму не только из печати, но и от своих знакомых, с которыми у него были тесные связи: М. Погодина, С. Шевырёва, И. Аксакова и др. К этому кругу принадлежали болгары, учившиеся в Москве, в частности, С. Филаретов, первым написавший стихотворное воспоминание о Н. Катранове. Реальные данные, полученные И. С. Тургеневым из разных источников, не умаляют роли его творческого воображения. Связь между героем романа и прототипом ещё ярче раскрывается, когда берутся примеры других деятелей болгарского возрождения, обладавших похожими на катрановские чертами личности. И не столь существенно, знал ли Тургенев об их существовании. Писатель уловил и воплотил в Инсарове качества, в высокой степени типичные для болгарского общества середины XIX века. Синтетическую характеристику болгарских патриотов того времени дал С. Филаретов в своей заметке в газете «Цариградски вестник», отмечая их любовь к родине и трагическую участь многих из них.

По своей привязанности к родному отечеству Катранов встаёт в один ряд с родоначальником новой болгарской поэзии П. Р. Славейковым, который во время Крымской войны включился в подготовку восстания в Велико Тырново. Ещё характернее в этом отношении деятельность основоположника революционного движения в Болгарии Г. С. Раковско-го, этого «мечтателя, апостола и воина», по словам классика

болгарской литературы И. Вазова. Г. Раковский изыскивает различные возможности, чтобы помочь своему народу в деле борьбы с турками: он поступает переводчиком в главную квартиру турецкой армии, чтобы помочь болгарской делегации в переговорах с участием князя Меншикова в Цариграде с целью отстоять освободительные интересы своего отечества; организует заговор по подготовке восстания и партизанскую дружину.

Своими патриотическими качествами Н. Катранов напоминает и другого болгарского деятеля — Р. Жинзифова (урожд. Ксенофонт Джиндзифи) — страстного поклонника М. Лермонтова, Н. Некрасова, Т. Шевченко. Сравнивая характер тургеневского Инсарова и Жинзифова, С. С. Бобчев считает, что оба готовы переступить через свои страдания и муки, чтобы принести добро своей родине. Но следует отметить, что характер Инсарова, близкий по своим качествам к характеру Катранова и его вышеупомянутых соотечественников, тем не менее не даёт полной и целостной картины первого этапа освободительного движения в Болгарии. Известны знаменитые слова героя Тургенева: «Заметьте: последний мужик, последний нищий в Болгарии и я — мы желаем одного и того же. У всех нас одна цель. Поймите, какую это даёт уверенность и крепость»⁸.

Действительно, перед Крымской войной в болгарском освободительном движении на передний план вышла задача национального освобождения. Но слова Инсарова о единении не подтверждаются фактами. Крупные помещики и отдельные торговцы остались верны турецкой власти и получали от неё вознаграждения и похвалы. Но это несоответствие не настолько велико и не столь важно. Однако вопреки наличию героя-болгарина, которого сопровождает в его беззаветной службе отечеству русская жена, роман Тургенева, в сущности, адресован русской действительности после окончания Крымской войны. Прообразами Инсарова были те молодые болгары, которые ехали в Россию за знаниями

⁸ Тургенев И. С. ПСС. Т. 6. М.: «Наука», 1981. С. 214.

и культурой. Россия была опорой для болгарского народа во все трудные моменты.

В предисловии к роману «Накануне» на болгарском языке Л. Б. Павлов пишет: «Для нас, болгар, Тургенев имеет значение не только как просветитель и образованный художник мирового уровня, но и как человек, который первым создал героический образ представителя нашей патриотической интеллигенции, которая борется за освобождение народа. Это созданный Тургеневым герой его романа «Накануне».⁹

⁹ Тургенев И. С. В навечерието. София. 1981. С. 216.

**«Я ВИЖУ ТРАГИЧЕСКУЮ СУДЬБУ ПЛЕМЕНИ,
ВЕЛИКУЮ ОБЩЕСТВЕННУЮ ДРАМУ»:
И. С. ТУРГЕНЕВ И СОЦИАЛЬНО-ЭТИЧЕСКАЯ
ПРОБЛЕМАТИКА РОМАНА Н. ГОТОРНА
«ДОМ О СЕМИ ФРОНТОНАХ»¹**

В 1852 году журнал «Атенеум» извещал своих читателей о том, что в России «человек большого вкуса и знаток своего дела завершил перевод на русский язык» романа Н. Готорна «Дом о семи фронтонах» (1851) и «опубликовал его в московском журнале!»². Такой перевод тогда действительно появился на страницах не московского, но Санкт-Петербургского журнала «Современник» (№ 9 и 10, приложение). Имя переводчика неизвестно до сих пор, однако первоначально анонимное авторство приписали И. С. Тургеневу. На следующий год после публикации русского текста романа все тот же «Атенеум» замечал: «...господин Тургенев — <...> опытный лингвист, который перевел «Дом о семи фронтонах» на русский язык»³. О своем зачислении в переводчики Готорна писатель узнал из письма П. В. Анненкова, который не без иронии писал ему 31 октября 1853 года:

«Не скажет ли нам про них истину английский «Атенеум» — так как недавно объяснил он нам, что Вы перевели «Дом о 7 Шпилях»»⁴.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-78-00027, <https://rscf.ru/project/21-78-00027/>.

² *The Athenaeum*. 1852. № 1311 (Dec. 11). P. 1355.

³ *The Athenaeum*. 1853. № 1356 (Oct. 22). P. 1254.

⁴ Анненков П. В. Письма к И. С. Тургеневу: в 2 кн. СПб.: Наука, 2005. Кн. 1. С.

В ответ Тургенев признавался в собственном не меньшем недоумении и выражал досаду на произведение себя в лингвисте: «нахожу это название даже обидным»⁵.

Публикацией «The House of the Seven Gables» «Современник» знакомил русских читателей с творчеством писателя, признанного на родине и за рубежом. Середина века оказалась для русской культуры периодом освоения нового имени американского романтизма, а провозвестником этого стал именно «лингвист» Тургенев.

Приблизительно за полгода до появления «Дома о семи фронтонах» в русском переводе писатель познакомился с ним в оригинальном издании и, высоко оценив, вероятно, сразу же отрекомендовал роман редакции «Современника». Это было первое произведение американского автора, с которого Тургенев начал освоение его творчества, вскоре внимание писателя закономерно переключилось на остальные, большого и малого жанра. В библиотеке Тургенева из всех бывших в ней когда-то произведений Готорна сохранился лишь роман «Алая буква»⁶ (1850), на страницах которого оставлены ногтевые и карандашные пометы, в совокупности дающие уникальный материал для постановки и решения проблемы отношения Тургенева к Готорну и роли произведений последнего в творчестве русского писателя⁷.

Прекрасно усвоив стилистику Готорна-романиста, Тургенев с досадой критикует совершенное несоответствие русского перевода оригиналу. Когда вышло приложение к девятому номеру «Современника», в начале ноября 1852 года Тургенев писал Н. А. Некрасову: «Роман Готорна переведен весьма плохо — слог совершенно пропал, это жаль»⁸. Эту

⁵ Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. М.: Наука, 1987. Т. 2. С. 274. Далее ссылки на это издание даются в сокращении (Тургенев И. С. Письма) с указанием тома.

⁶ Hawthorne N. The Scarlet Letter. London, 1852. 252 p. // ОГЛИМТ. Ф. 1. Оп. 3. ОФ. 325 / 1904.

⁷ Интерпретация помет И. С. Тургенева на страницах романа «Алая буква», включенная в компаративное исследование проблемы «Тургенев и Готорн», будет представлена в специальной статье, которая в скором времени появится в журнале «Вестник Томского государственного университета».

⁸ Тургенев И. С. Письма. Т. 2. С. 158.

оценку он повторил по выходе второй части в письме к тому же адресату и И. И. Панаеву: «Роман Готорна переведен тяжело, неловко и неверно — это факт»⁹.

Рубеж 1840-х — 1850-х годов оказался для Тургенева временем кризиса художественной манеры, основное содержание которого было связано с движением писателя «от малых эпических форм к моделированию жанровой структуры <...> романа»¹⁰ и усложнением типа письма, переходом от очеркового повествования с организующей речью героя-рассказчика к объективно-самостоятельному представлению и раскрытию художественного мира. Развернуто писатель сформулировал свое понимание искомых эстетических перемен в письме к П. В. Анненкову от 19 ноября 1852 года. В нем Тургенев говорит о необходимости «пойти другой дорогой»:

«...надобно найти ее и раскланяться навсегда с старой манерой. Довольно я старался извлекать из людских характеров разводные эссенции — triples extraits — чтобы влить их потом в маленькие стекляночки — нюхайте, мол, почтенные читатели — откупоривайте и нюхайте — не правда ли пахнет русским типом? Довольно — довольно! Но вот вопрос: способен ли я к чему-нибудь большому, спокойному! Дадутся ли мне простые, ясные линии...»¹¹.

Время поисков совпало у Тургенева с арестом и вынужденной жизнью в деревне, но оно имело для него и свои достоинства, в чем угадываются творческие закономерности пушкинского пребывания в Михайловском: жажда деятельности, в которой активность художника сочеталась с огромной потребностью в чтении. Как и Пушкин, Тургенев в этот период свои творческие силы питает из двух источников:

⁹ Там же. С. 167.

¹⁰ Черкезова О. В. Кризис авторской манеры И. С. Тургенева на рубеже 1840–1850-х гг. // Феномен творческого кризиса: Монография. Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 2017. С. 213.

¹¹ Тургенев И. С. Письма. Т. 2. С. 155.

с одной стороны, внимательно вчитывается в «русские летописи», а с другой — увлеченно и с восхищением читает древних, классиков и современников.

Стремление придать новое развитие своей творческой манере совпадает у Тургенева с его вниманием к стилистике Готорна: не случайно, критикуя русский перевод, он выражает особое сожаление по поводу того, что роман потерял свой слог. Хотя слово Готорна всегда аллегорично, однако стиль его — «строгий, чистый и простой»¹². В «Предупреждении» к роману «The House of the Seven Gables» Готорн говорит об отказе от «повторения прописных истин» и «нанизывания звеньев рассказа на стержень нравоученья»¹³. Романтический роман с неромантическими героями создавался автором с установкой на тщательность и подробность в оформлении его внутреннего мира.

«Дом о семи фронтонах» привлек внимание Тургенева, стремящегося к пушкинской «внутренней соразмерности и спокойному мастерству изложения»¹⁴, во-первых, равновесием повествования и жанровым синтезом, а во-вторых, своей яркой социально-этической направленностью. Связуя историческое прошлое пуританской Новой Англии с ее настоящим, Готорн вскрывает порочную сущность гордых и властных аристократов, проявленную в отношении к простым и честным, но бедным труженикам. Философский смысл романа заключен в романтической концепции, согласно которой раз совершенное нравственное зло совсем не исчезает, а передается из поколения в поколение. Эту идею автор сначала открыто декларирует в «Предупреждении», а затем несколько раз повторяет в ходе повествования.

Сюжет, изложенный Готорном в первой главе («Старый род Пинченов»), относит действие ко времени первых посе-

¹² Боброва М. Н. Романтизм в американской литературе. М.: Высшая школа, 1972. С. 177.

¹³ Цит. по: Коренева М. М. Натаниель Готорн // История литературы США. Т. III. Литература середины XIX в. (поздний романтизм). М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. С. 91.

¹⁴ Тургенев И. С. Письма. Т. 2. С. 188.

ленцев и рисует историю вероломства полковника Пинчена, которое привело к ужасной гибели несправедливо обвиненного крестьянина Мэтью Мола и к захвату его земельного участка. В восприятии русского писателя, озабоченного проблемой несвободы человека и его унижения в России, этот сюжет был чрезвычайно злободневным и актуальным. Именно в это время у Тургенева в диалоге с К. С. Аксаковым идет речь о расхождении со славянофилами в оценке участи и будущности «славянского племени». В письме к нему от 28 октября 1852 года писатель выражает глубокий интерес к вопросам о судьбе русского человека, что неминуемо затрагивало и проблему крепостного права:

«Но я знаю, что здесь именно та точка, на которой мы расходимся с Вами в нашем воззрении на русскую жизнь и на русское искусство — я вижу трагическую судьбу племени, великую общественную драму там, где Вы находите успокоение и прибежище эпоса»¹⁵.

Сочувственное изображение «трагической судьбы племени» и «общественной драмы» Тургенев увидел в повествовании Готорна. Американский писатель, ставя в своем романе вопрос о взаимоотношении прошлого и настоящего, на примере двух враждующих семейств размышляет о дальнейшем пути и предназначении молодой нации.

Познакомившись с «Домом о семи фронтонах», чей нравственно-философский и общественно-исторический посыл оказался необычайно близок его гуманистической позиции, Тургенев с опорой на обстоятельства и традиции русского быта, его детали и характеры, создает «Постоялый двор» (1855). Это оригинальная повесть, имеющая точно такую же связь с историей страны, ее прошлым и настоящим, как и роман Готорна.

Близость романа и повести просматривается уже на уровне заглавий: «Дом о семи фронтонах» и «Постоялый двор» — это ключевые слова произведений, означающие материальные предметы, в которых выражена суть стремлений

¹⁵ Там же. С. 151.

героев (желаний и идеалов) и их положения в мире. Важно, что в обоих случаях течение событий под кровлей этих домов определяется авторами как драматическое. Готорн называет особняк Пинченон «театром нашей драмы», в стенах которого люди «пережили так много превратностей — чаще мучались и реже радовались, — что, казалось, даже бревна, пропитавшись кровью их сердец, теперь кровоточили»¹⁶. Тургенев же в переписке с Анненковым соглашается с тем, как точно последний уловил сущность описанного им в повести бытового деревенского происшествия: «русская драма», жгучесть которой «происходит от самого безобразного начала, от противоречий нестерпимых, нечеловеческих»¹⁷. С благодарностью он воспринял и то понимание запечатленных несчастья и страдания человека, которое в сходном ключе высказал С. Т. Аксаков: «русские люди, русская драма жизни, некрасивая по внешности, но потрясающая душу, изображенная русским талантом»¹⁸.

Действие обеих «драм» сначала разворачивается через эпически подробное описание места, на котором располагается примечательное строение, а затем глазам читателя предстает сам «главный герой» — деревянный дом с одним (у Тургенева) и семью (у Готорна) фронтонами. Упоминание в повести этой детали античной архитектуры, украшающей избу обыкновенного постоялого двора, служит важным аргументом внимания русского писателя к «The House of the Seven Gables». Конечно, фронтон как элемент зодчего искусства был Тургеневу хорошо знаком еще из его штудий по древнегреческой истории и культуре. Например, в очерке «Пергамские раскопки» (1880) он описывает его в составе найденного археологами Пергамского алтаря. Вообще же в творчестве Тургенева упоминания фронтона довольно редки и единичны. Он встречается в рассказе «Бурмистр» (1847) в качестве знака общей нелепости дворового строения, в повести «Затишье»

¹⁶ Готорн Н. Дом о семи фронтонах. Новеллы. Л.: Худож. лит., 1975. С. 55.

¹⁷ Анненков П. В. Указ. соч. С. 12.

¹⁸ Русское обозрение. 1894. № 9. С. 26.

(1854) — как обычная часть господского дома, а в «Отцах и детях» (1862), «Призраках» (1864) и «Нови» (1877) упомянут в связи со стилистикой Александровского классицизма. Но в повести «Постоялый двор» использование «треугольного греческого фронтона на точеных столбиках»¹⁹ имеет значение концептуальное, хотя не развернутое: как и у американского писателя, он явлен здесь ярким символом новой постройки, отличающим ее от прежнего скромного или даже убогого обиталища. Фронтон выполняет функцию трагического знака, одушевленного у Готорна и немого у Тургенева.

Именно первые страницы «Дома о семи фронтонах», которые вместе с большим особняком, имеющим антропоморфные черты, стремительно вводят и связанное с ним нравственное преступление, послужили Тургеневу творческим материалом и центром оформления драматичной истории постоялого двора.

Очевидно сходство в использовании контрастного описания при изображении прошлого и настоящего дома полковника Пинчена и «усадьбы» Наума Иванова, с помощью которого выстраивается этическая оценка произошедших событий. У Готорна «величественное строение»²⁰ в готическом стиле сменило «грубо сколоченную хижину», «хибару» с «косматой кровлей»²¹ Мэтью Мола (в переводе «Современника» — Матвей). Столь же непохожими представлены и хозяева этих домов: с одной стороны, аристократ, «именитый и влиятельный господин»²², с другой — скромный возделыватель земли, но умелый и ловкий. Тургенев по-своему повторяет это противопоставление, во-первых, указывая на бедность прежнего строения (соломенные навесы, плетеные стены) по сравнению с новым, принявшим вид дворянской усадьбы, и во-вторых, сталкивая героев — крестьянина,

¹⁹ Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 12 т. М.: Наука, 1980. Т. 4. С. 276. Далее ссылки на это издание даются в сокращении (Тургенев И. С. Сочинения) с указанием тома и страницы.

²⁰ Готорн Н. Указ. соч. С. 41.

²¹ Там же. С. 37.

²² Там же.

«смышленного и тороватого мужика»²³ Акима и практичного и расчетливого мещанина Наума.

На первый план у Готорна и Тургенева отчетливо выступает социальное неравенство, перерастающее в этический конфликт. Оба автора показывают, что различия в положении и статусе героев обратно пропорциональны их личным достоинствам: бедняк-поселенец и крепостной мужик в духовном плане стоят выше своих обидчиков.

Социальную актуальность тургеневской повести особенно акцентировал Анненков, сравнив русского крестьянина с бедным американским рабом из романа Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома» (1852), который Тургенев тут же прочитал и сопоставил с собственной повестью. Однако острота социального звучания в «Постоялом дворе» не исчерпывает содержание произведения (как и в случае с «Хужиной дяди Тома»). Тургенев развил и возвысил формальное противоречие на основе общественной несправедливости до этико-философской проблематики. Раскрыть ее помогает мировоззренческая основа романа Готорна, с которой русский писатель вступает в непосредственный диалог.

Идейное ядро «Дома о семи фронтонах» составляет заданная в предисловии «нравственная сентенция» о постепенном превращении преступления в «доподлинное зло», довлеющее из прошлого над настоящим. Полковник Пинчен не просто отобрал у Мэтью Мола землю, но он отправил невиновного на смерть по делу о колдунах, нисколько не колеблясь в своей алчной жестокости. Потворствовали ему в этом злодеянии «власть имущие старой Америки» — «самые рас судительные, невозмутимые и благонравные представители своего века»²⁴. Виселица, на которую был отправлен бедный поселанин — жертва «ужасающего заблуждения» и фанатизма, вместе с произнесенным им проклятьем: «Господь Бог напоит его человеческой кровью!»²⁵ наносит невидимую

²³ Тургенев И. С. Сочинения. Т. 4. С. 276.

²⁴ Готорн Н. Указ. соч. С. 38.

²⁵ Там же. С. 39.

рану на весь род полковника. Но автор изображает не только разрушительное действие нравственного зла, но и высыхание ядовитого корня под влиянием новых и светлых начал. Готорн заканчивает роман картиной обретения общего счастья. Тургенев, восприняв логику американского романтика в построении человеческих судеб, спорит с ним, однако, в его концепции наследственного зла.

Так же, как и Мэтью Мол, Аким Семенов лишается дома в результате интриг беспринципного Наума Иванова и при попустительстве «власть имущих», в роли которых — помещица Лизавета Прохорова и горничная Кирилловна. Преступление тургеневского героя имело реальные обстоятельства, за что он чуть не подвергся суду и наказанию. Неслучайно писатель указывает на необычное состояние Акима после освобождения: «вся внутренность в нем дрожала, как у человека, который только что избежал явной смерти»²⁶.

У Готорна бедняк-поселенец возлагает право возмездия за совершенное над ним злодейство на судьбу. Проклиная Пинчена и его род в момент казни, он предоставляет времени восстановить справедливость. Тургенев же дает своему Акиму возможность получить удовлетворение здесь и сейчас: после внезапной утраты постоянного двора он в приступе гнева делает попытку сжечь его с помощью раскаленного угля. Именно этот акт возмездия в состоянии чрезвычайного психологического напряжения («нестерпимая боль обиды, тоска досады, бешеная и бессильная»²⁷) вместе с последовавшим за ним резким отрезвлением открывают герою путь к внутреннему смирению. Навсегда покидая свой постоянный двор, Аким произносит фразу, которая прямо связана с проклятием Мола, но обратна по своему значению и нравственному посылу: «Владей всем, навеки нерушимо...»²⁸.

«Чад отчаяния» спал с Акима, когда его поймали с огнем в руках, но еще большее потрясение ему пришлось ис-

²⁶ Тургенев И. С. Сочинения. Т. 4. С. 313.

²⁷ Там же. С. 314

²⁸ Там же. С. 313.

пытать в собственном подвале, в котором он был заперт до следующего нового дня. Тургенев описывает «эту жестокую ночь» для «добродушного и слабого человека» как мгновение терзаний — «бессловесных и немых»²⁹. Момент его одинокого ночного страдания может быть параллелен готорнскому описанию того, как Мола, таившие «свое возмущение в глубине души», «постоянно боролись с нуждой»³⁰. Оспаривая идею наследственного зла, через которое необходимо пройти, чтобы получить свободу и обрести счастье, Тургенев противопоставляет ей мысль о потенциальной природе человека. Не называя прямо Готорна, он в противоположность ему замечает, что «зло не было свойственным Акиму»³¹. Сосредотачивая в боли одного крестьянина «трагическую судьбу племени» и сравнивая ее с мытарствами целых поколений американских поселенцев, писатель, по сути, приводит своего героя к тому же духовному итогу, что достигают обитатели «Дома о семи фронтонах».

Смирившись, Аким «вдруг получил свободу»³² — не только физическую, но и нравственную. Всё и всех простив, он сделался странником:

*«Из края в край скитался он тихим, неторопливым, но безостановочным шагом <...>. Он казался совершенно спокойным и счастливым, и много говорили о его набожности и смиренномудрии те люди, которым удавалось с ним беседовать...»*³³

При этом странствия Акима по силе своего значения сопоставимы с тем бегством, что совершают Гефсиба и Клиффорд после внезапной кончины судьбы Джеффри Пинчена:

²⁹ Там же. С. 314.

³⁰ Готорн Н. Указ. соч. С. 53.

³¹ Тургенев И. С. Сочинения. Т. 4. С. 314.

³² Там же.

³³ Там же. С. 319.

«Они бегут в неизвестность, слепо и безрассудно, не представляя, что может ожидать их в конце пути»³⁴.

Но если суровая действительность заставляет их вернуться назад с пониманием того, что свобода и счастье лежат не на этой безвестной дороге, то для Акима обратного пути нет. При этом за помощью в понимании того, куда им двигаться дальше, Гефсиба обращается к молитве — точно так же поступает в своем горе и «тороватый мужик» Тургенева:

«Дом о семи фронтонах»

«Постоялый двор»

«...Гефсиба упала на колени и, стиснув руки, воздела их к небу. Из-за серой, давящей пелены облаков его почти не было видно, но в этот страшный час Гефсиба должна была верить, что там, в вышине, простерта небесная твердь, откуда всемогущий отец взирает на них.

— Господи! — исторгла из груди несчастная, полуживая Гефсиба, затем, с секунду помолчала, словно размышляя, о чем ей надо молиться.

— Господи! Отец наш! Разве мы не твои чада? Сжался над нами»³⁵.

«Чувствуя свою вину, оторвался он сердцем от всего житейского и начал горько, но усердно молиться. Сперва молился шёпотом, наконец он, может быть случайно, громко произнес: «Господи!» — и слезы брызнули из его глаз... Долго плакал он и утих, наконец...»³⁶

При всем отличии финалов в судьбах героев следует отметить необычайную чуткость Тургенева к философскому

³⁴ Коренева М. М. Указ. соч. С. 93.

³⁵ Готорн Н. Указ. соч. С. 263.

³⁶ Тургенев И. С. Сочинения. Т. 4. С. 314.

романтизму Готорна. Дом как символ человеческого страдания и несчастья в обоих случаях перестает существовать в смысловом или даже физическом плане. В романе американского писателя люди навсегда покидают свое мрачное жилище с верой в счастливую будущность. В конце тургеневской повести, когда Наум расстался со своим постоянным двором и когда в него переселился новый хозяин, «в тот же самый вечер двор сгорел дотла»³⁷. Так злое начало с разной логикой осуществления окончательно перестает довлеть над человеком, и в этом плане символично заключение тургеневского повествователя, явно отсылающее к проблематике романа Готорна: «злему рано или поздно приходит злой конец»³⁸.

Таким образом, «Дом о семи фронтонах» был осмыслен и воспринят Тургеневым с позиций изображения и критики русской социально-исторической действительности. Эволюция жанровой формы готорнского письма отвечала поискам русского писателя, его целенаправленному движению к эпическому представлению художественного мира с его подробной разработкой. «Постоялый двор» отмечен переходом писателя к «новой манере» письма: характеры Акима и Наума рождаются в их разнообразных связях с большим внешним миром. Роль тургеневского повествователя, как и у Готорна, остается ведущей. Оба писателя не дают судьбам своих героев определенного завершенного конца — истинный финал произошедшей драмы остается открыт и загадочен.

³⁷ Там же. С. 320.

³⁸ Там же.

**ПЕРВЫЙ ЮБИЛЕЙ ТУРГЕНЕВА
В ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАРАДИГМАХ:
РЕЧЬ Н. В. ЧАЙКОВСКОГО О ПИСАТЕЛЕ (1918)**

С победой Октябрьской революции новая общественно-политическая реальность, нуждаясь в широком социальном признании советской власти, стремилась найти опору в признанных культурных образцах. И хотя осуществленный проект нового общества был ориентирован на разрыв с прошлой эпохой, большевистская власть, нуждаясь в закреплении победившей идеологии и стремясь утвердить революционно-героическое мировоззрение, приступила к созданию нового пантеона героизированных образов, кооптируя себе на службу представителей канонического «литературного поля» — признанных писателей прошлой эпохи. Вместе с тем, апеллируя к знаменитым литераторам, власть стремилась контролировать характер этого восприятия. Литературовед-марксист В. М. Фриче в статье «В поисках новой красоты» (1918), писал: «...мы должны приспособить искусство к той новой жизни, которую пролетариат призван и обязан построить из материала, полученного им в наследство от капиталистического общества».¹

В первый год советского государства особый и беспрекословный статус приобрели такие литераторы прошлого, как Радищев, Герцен, Белинский, Добролюбов, Чернышевский, Некрасов. Вульгаризация литературного наследия других классиков XIX века заключалась в оценке наличия в нем сочувствия к «угнетенному царизмом народу», то есть оценке потенциала его революционности. Такие стереотипные суждения, как «господство самодержавия», «мерзости

¹ Фриче В. М. В поисках новой красоты // Творчество. 1918. № 2. Июнь. С. 5.

буржуазно-дворянского общества», «ненавистное царское прошлое», «борец с самодержавием и крепостничеством», «обличитель», «жертвы монархического прошлого», «борьба за свободу поработенного народа» и др. должны были не только формировать и объединять советскую нацию, но и приобщать читателя к определенному восприятию культурного наследия страны.² Апелляция к авторитету Тургенева была вызвана прежде всего антикрепостнической направленностью его творчества и сочувствием к мужику («Записки охотника»). «В шумные дни борьбы, строительства новой жизни и крушения старых устоев,— говорилось в одной из юбилейных статей ноября 1918 года,— грустным звуком нежной струны» звучат «тихие Тургеневские дни»; писатель жил «в мрачную эпоху крепостничества» и был одним «из первых борцов за освобождение народа, барин, понявший в рабе-мужике человека и брата», в то же время он «сумел наряду с горькой правдой обличения нарисовать мягкие, нежные образы, дать страницы тихого, безропотного страдания».³

Однако имя Тургенева было включено в новый пантеон не без оговорок. Так, Фриче в статье «И. С. Тургенев и революционное движение» (1918) с сомнением высказался о политической позиции писателя: «Как ни тяжело давил казарменно-крепостной строй Тургенева, он в активной борьбе с ним почти не участвовал», он «был и оставался на всю жизнь монархистом, допуская лишь реформы, исходящие от верховной власти», это был «постепеновец», который «отвергал революционные методы борьбы», к «социализму он относился так же отрицательно, как к террору».⁴ Однако активный процесс огульного ниспровергательства «устаревшего» наследия не коснулся имени Тургенева. Следует отметить, что на основании ленинского декрета «О памят-

² См.: Кознова И. Е. Прошлое в пространстве советской культуры и политики // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 4. С. 266–271.

³ См.: Урванцев Н. Н. В Тургеневские дни // Бирюч. 1918. 19–15 ноября. № 2. С. 37.

⁴ Творчество. 1918. № 8. Декабрь. С. 1–3. Позже статья вошла в сб. И. С. Тургенев. М., 1929.

никах республики», о развитии монументального искусства («новый монумент на старый постамент»), утвержденного в августе 1918 года, были составлены списки имен «лучших умов человечества» (Ленин), увековечение которых в монументальной скульптуре и бюстах было рекомендовано для наглядного утверждения новых героев; установка памятников лицам с революционным прошлым являлась важнейшим агитационным средством коммунистической идеологии. Согласно декрету, демонтажу и утилизации должны были подвергнуться памятники деятелей царизма.⁵ В списке литераторов, состоящем из 20 имен, имя Тургенева не значилось; значились: Радищев, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Белинский, Шевченко, Добролюбов, Чернышевский, Салтыков-Щедрин, Некрасов, Кольцов, Лев Толстой, Достоевский и др.

И все же в деле пробуждения и воспитания общественного сознания писатель, прежде всего как автор «Записок охотника», оказался чрезвычайно удобным материалом для подкрепления политических стратегий и успеха новой идеологии. На первый план было выдвинуто мастерское и правдивое изображение мужицкой Руси, народного быта, художественное воплощение духовной природы русского народа. Значительный вклад в формирование идеологической репутации Тургенева и приобщение его имени в ряды борцов с самодержавием оказало использование его похорон как события общественно-политической жизни России 1880-х годов.⁶ «Подполье,— говорилось в одной из юбилейных статей,— первым учло значение смерти Тургенева и возможности использовать эту смерть как оружие политической, если не борьбы, то игры», которая, безусловно, «обострила, углубила

⁵ См.: Толстой В. П. Ленинский план монументальной пропаганды. М., 1961; см. также: Шалаева Н. 1918 год: план монументальной пропаганды // Московское наследие. 2017. № 5 (53). С. 18–29; Семенцов С. В., Сперанская В. С. Ленинский план монументальной пропаганды и традиции императорской столичной культуры // Вестник гражданских инженеров. 2018. № 2 (67). С. 37–47.

⁶ См.: Инатова С. А. И. С. Тургенев и «лавровская история»: Суворин vs Катков // Пушкинские чтения – 2013. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст: Материалы XVIII международной научной конференции / Под общ. ред. В. Н. Скворцова; отв. ред. Т. В. Мальцева / Сб. науч. статей. СПб., 2013. С. 122–135.

интерес к его личности, к определению его художественного и общественного удельного веса».⁷ Похороны Тургенева показали всенародность значения утраты великого писателя, и это хорошо осознавалось обществом, независимо от политических убеждений конкретных его членов. «Барин по рождению, — говорилось от лица радикальной молодежи в прокламации, тайно распространяемой в день погребения писателя, — аристократ по воспитанию и характеру, «постепеновец» по убеждениям, Тургенев, быть может, бессознательно для самого себя, своим чутким и любящим сердцем сочувствовал и даже служил русской революции». Борцов «за освобождение родного народа еще не было на Руси, когда Тургенев нарисовал своего Инсарова; по базаровскому типу воспиталось целое поколение так называемых нигилистов, бывших в свое время необходимой стадией в развитии русской революции»; для «нас важно, что он служил русской революции сердечным смыслом своих произведений, что он любил революционную молодежь».⁸

Первый Тургеневский юбилей 1918 года стал культурно-массовый проектом советской власти. Торжества пришлось на непростые времена, насыщенные трагическими для России историческими событиями: перемирие и конец Первой мировой войны, разгорающаяся Гражданская война, интервенция четырнадцати иностранных государств на юге, севере, западе и востоке России, военное положение, разруха и голод. Несмотря на эти трагические и бурные события, царящие в стране, Тургеневский юбилей с особым размахом был отмечен в завоеванных большевиками Москве и Петрограде. Очевидец вспоминал: «Багровое, в дыму вставало солнце социалистического строительства. Шел восемнадцатый год. Начались героические времена страшной борьбы и неслыханного напряжения. И в эти грозные дни, дни же-

⁷ Н. К. Тургенев и мы (К 40-летию со дня его смерти) // Сибирские огни. 1923. Сентябрь–декабрь. № 5–6. С. 241–242. Раскрыть криптоним не удалось.

⁸ Якубович П. Ф. И. С. Тургенев (прокламация народовольцев) // И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников / Собрал и комментировал М. К. Клеман; ред. и введение Н. К. Пиксанова. М.; Л., 1930. С. 4, 7–8.

леза, крови и огня не была, однако, забыта 100-летняя годовщина со дня рождения Тургенева. Не только не забыта, но отмечена с особой любовью и тонким, нежным вниманием»; эти «большие Тургеневские дни, напомнившие кое-кому из могикиан Пушкинские дни <18>80-х годов, прошли под определенным лозунгом возвращения к Тургеневу».⁹

На протяжении нескольких недель в Петрограде, начиная с 10 ноября, в память о писателе проходили многочисленные юбилейные акции: научные заседания, лекции, музыкальные вечера, спектакли и инсценировки; в Книжной Палате была организована Тургеневская выставка, ставшая событием в культурной жизни Петрограда; возникла и вскоре была реализована идея создания научного центра — Тургеневского историко-литературного общества (под председательством А. Ф. Кони), целью которого стало всестороннее изучение жизни и творчества писателя. Все юбилейные события освещались периодической печатью, особенно подробно газетой «Жизнь искусства» и театральным журналом Петроградских государственных театров «Бирюч».¹⁰ «Несмотря на то, — писал хроникер журнала И. С. Розенберг, — что политика как бы заслонила» и «уничтожила интерес ко всему, не имеющему к ней прямого отношения, все же столетие со дня рождения незабвенного писателя» превратилось «в настоящий культурный праздник».¹¹ Подготовка к празднованию вызвала активную издательскую деятельность, давшую обширную юбилейную «Тургениану».¹²

Московские торжества, организованные специально созданной «Тургеневской комиссией» при Обществе любителей российской словесности (ОЛРС; председатель комиссии

⁹ Н. К. Тургенев и мы. С. 244.

¹⁰ О юбилейных событиях в Петрограде см.: *Ипатов С. А.* В Тургеневские дни 1918 года (по страницам журнала «Бирюч») // И. С. Тургенев и русский мир: Материалы международной конференции к 200-летию писателя, 29–31 октября 2018 г., ИРЛИ РАН / Отв. ред. Н. П. Генералова, В. А. Лукина. М., 2018. С. 50–53.

¹¹ См.: *И. Р-берг <Розенберг И. С.>*. Тургеневские дни (Чем ознаменовано столетие со дня рождения И. С. Тургенева) // Бирюч. 1918. 16–22 декабря. № 7. С. 49.

¹² Обзор научных изданий см.: *Бродский Н.* Юбилейная литература об И. С. Тургеневе // Научные известия. Сб. 2. Философия. Литература. Искусство. М., <1922>. С. 195–221.

П. Н. Сакулин) совместно с Московским университетом, составили отдельную страницу в праздновании Тургеневских дней 1918 года. 10, 11 и 12 ноября по н. ст. прошли торжественные заседания с многочисленными речами.¹³ Любопытные дневниковые записи оставил очевидец, историк литературы Н. М. Мендельсон, на тот момент заведующий научным отделом Румянцевского музея: «10/XI. Первый день Тургеневских торжеств в ОЛРСл. По совести говоря, довольно бледно, без особого подъема. Время не то. Речь А. А. Грушки <...> А. Е. Грузинского <...> Гершензона <...> После перерыва П. Н. Сакулин — «В преддверии будущего» <...> В общем, повторяю, без подъема. И физиономия аудитории не та. Не было обычных, знакомых лиц «всей Москвы», научной, литературной. Кто в бегах, кто в Титах (обиходное название арестного дома в Москве.— С. И.), кому не до праздников. Желал бы я послушать, что говорит «народу» товарищ В. Потемкин на тему «Тургенев и освободительное движение».¹⁴ То-то, чай, подвирает во славу революции!».¹⁵

По материалам прозвучавших в заседаниях ОЛРС докладов был выпущен сборник «Тургенев и его время», в предисловии к которому от редактора Н. Л. Бродского говорилось: празднование юбилея показало, что «поэтические видения «Отцов и детей» не только не потускнели, но стали еще ближе и значительнее, что духовный облик Тургенева в бурях нашей современности даже выиграл в своей идейной углубленности, что исследовательскому взору после грозových схваток за методологические принципы науки о литературе, предстоит много открытий в деле изучения его творчества».¹⁶

¹³ См.: Клеймёнова Р. Н. И. С. Тургенев — член Общества любителей российской словесности // Иван Тургенев и Общество любителей российской словесности / Сб. статей. Отв. ред. Ю. Л. Воротников; сост. Р. Н. Клеймёнова М., 2009. С. 184–195.

¹⁴ Имеется в виду Потемкин Владимир Петрович (1874–1946), советский государственный и партийный деятель, историк, педагог, военачальник; в 1918 г. член коллегии школьной политики и заведующий отделом Наркомата просвещения РСФСР. Речь Потемкина о Тургеневе неизвестна.

¹⁵ Мендельсон Н. М. Pro me. Дневник // НИОР РГБ. Ф. 165. К. 1. № 2; цит. по: <https://prozhitto.org/person/158>; дата обращения: 18.09.2021.

¹⁶ См.: Тургенев и его время. Первый сборник / Под ред. Н. Л. Бродского. М.; Пг., 1923. От редактора.

Несмотря на идеологические рамки и социализированный подход к изучению писателя, тургеневедение как наука успешно развивалось усилиями таких ученых, как М. К. Клеман, П. Н. Сакулин, Н. Л. Бродский, Л. П. Гроссман, Н. К. Пиксанов, Д. Д. Благой, Н. К. Гудзий, М. П. Алексеев и др.

В рамках юбилейных торжеств Московский кинокомитет объявил конкурс на экранизацию произведений писателя: «Одинаково приемлемыми мыслятся как связные инсценировки типа кино-романа, так и ряд отдельных бытовых иллюстраций произведений Тургенева. За лучшие сценарии инсценировок Тургенева Кинематографический комитет предлагает три премии — в 3000, 2000 и 1000 рублей». По одобренным в ходе конкурса сценариям были поставлены фильмы «Герасим и Муму» (1919; реж. Чеслав Сабинский), «Три портрета» (1919; реж. А. В. Ивановский) и «Пунин и Бабурин» (1919; реж. А. В. Ивановский).¹⁷

Торжества прошли не только в Петрограде и Москве, но и в большинстве провинциальных городов России: Саратове, Киеве, Одессе, в нескольких городах Сибири, находящихся во власти белой гвардии,¹⁸ а также на севере, в Архангельске, оккупированном войсками Антанты.¹⁹ Одним из самых трагических эпизодов Гражданской войны и контрреволюционного движения на Севере стали антисоветский переворот в Архангельске летом 1918 года и создание антибольшевистского блока под руководством лидера Союза Возрождения России, 68-летнего Николая Васильевича Чайковского (1850–1926), известного политического деятеля, по выражению одной популярной брошюры того времени, «живого памятника» русской революции, ставшего предсе-

¹⁷ Кино-газета. 1918. № 34. С. 1.

¹⁸ См.: Б. п. Тургеневский день в Омске // Вестник Временного Всероссийского правительства. Омск. 1918. 12 ноября. № 6. С. 3 (инициатором чествования памяти «великого писателя явился Омский отдел Союза Возрождения России»); на заседании прозвучал доклад «Тургенев как гражданин и художник» известного впоследствии советского литератора Г. А. Вяткина, входившего в тот период во Временное Сибирское правительство.

¹⁹ Хроника торжеств в Архангельске подробно отражена на страницах газет «Вестник Временного правительства Северной области» и «Возрождение Севера».

дателем созданного Временного правительства Северной области, а также интервенция союзников — высадка английских и американских войск, под контролем которых более года осуществлялась деятельность нового правительства. В письме из Архангельска к дочерям в Лондон от 14 августа 1918 года Чайковский писал с гордостью на английском языке: «...я действую здесь в качестве президента и главы недавно образовавшегося правительства Северной области. <...> подготовка свержения большевистской власти шла под моим председательством. <...> Государство в Архангельске — только один кирпич в серии строительных усилий, предпринимаемых Союзом Возрождения России по всей стране. <...> такое имя, как мое, известное всякому образованному и читающему человеку из прошлого, чрезвычайно важно для внушения доверия к новой формации, как здания для объединения различных частей разложившейся на куски страны».²⁰

Чайковский был хорошим знакомым и корреспондентом Тургенева. Еще студентом физико-математического факультета Петербургского университета в 1869 году он организовал кружок, известный, как кружок «чайковцев», занимавшийся в 1870-х годах массовой пропагандой среди рабочих и крестьян. После разгрома кружка привлекался по делу «о пропаганде в империи» (процесс 193-х), но успел скрыться. Встретившись в Орле с А. К. Маликовым, увлекся религиозно-утопическим учением, согласно которому люди, морально совершенствуясь, могут приблизиться к Богу, и таким образом на земле мирным путем воцарятся гармония и благоденствие. В 1875 году эмигрировал в Америку, где, увлеченный идеей поиска Бога внутри себя, в штате Канзас организовал сельскохозяйственную коммуну, в которой хотел реализовать свои идеи «богочеловечества», однако колония вскоре распалась. Вернувшись в Европу, весной 1879 года в Париже Чайковский познакомился с Тургеневым, который оказывал ему материальную помощь, устраивал его статьи в русской периодике и состоял с ним

²⁰ См.: Овсянкин Е. И. Переписка Николая Чайковского 1919–1920-е гг. — http://lit.lib.ru/o/owsjankin_e_i/text_0210.shtml; дата обращения 18.09.2021.

в переписке. После Октябрьской революции Чайковский становится активным противником большевизма.²¹

В Государственном архиве Российской Федерации (Москва) хранится черновик текста Чайковского «Ив<ан> Сергеевич> Тургенев», составленного им, согласно дате, 18 ноября 1918 года. Очевидная ораторская интонация текста дает основание полагать, что имеющийся текст является кратким конспектом публичной речи. Известны ни место, где прозвучала эта речь Чайковского, повторим, председателя Временного правительства Северной области, ни целевая аудитория, которой она адресовалась. Не исключено, что вариант речи был произнесен непосредственно в день юбилея 10 ноября по н. ст. в зале городской Думы Архангельска на вечере, устроенном литературно-художественным кружком при газете «Возрождение Севера» и Союзом учащейся молодежи. Краткое содержание ее, перекликающееся с найденным черновиком, приводится в газетной хронике: «Вечер открылся речью Н. В. Чайковского, который охарактеризовал Тургенева как неустанного борца за раскрепощение русского народа. И все лучшие свои произведения Тургенев написал в тот период, когда крестьяне еще не были освобождены от крепостного права, т.е. до 1861 года. / Остановившись на характере героев произведений Тургенева Н. В. Чайковский отмечает, что почти все они — Гамлеты, люди с раздвоенной душой, вечно колеблющиеся, сомневающиеся, не надеющиеся на свои силы. И события последних месяцев (революционный период) показали, как глубоко правдиво подмечены были Тургеневым характерные особенности русской натуры. / Отметив далее особенности переживаемого нами времени, Н. В. Чайковский заканчивает свою речь выражением уверенности в том, что мы пережили «русский гамлетизм» и выходим на широкую дорогу строительства».²²

²¹ О Чайковском см.: Деятели революционного движения в России. Т. 2: Семидесятые годы. Вып. 4. М., 1932. Стб. 1921; см. также: *Чайковский Н. В.* <Автобиография> // Русские ведомости. 1863–1913 / Сб. Статей. М., 1913. С. 282–284; *Зеньковский В. В.* История русской философии. Т. 1. Ч. 2. Л., 1991. С. 147–150.

²² См.: Вестник Временного правительства Северной области. Архангельск. 1918. 12 ноября. С. 2.

Возможно, что речь, составленная 18 ноября, была прочитана Чайковским 19 ноября на торжественном заседании Союза Возрождения России, информация о котором содержится в объявлении архангельской газеты «Северное утро» (ред. М. Л. Леонов), субсидируемой Временным правительством Северной области.²³ Как трибун Чайковский использует в своей достаточно лапидарной речи образы, рассчитанные не на интеллектуалов старой формации, поклонников творчества Тургенева, а явно на солдат и революционно настроенную если не уличную, то митингующую толпу (обращение «граждане»), собравшуюся, конечно, не для празднования юбилея едва ли известного им писателя, речь о котором в военных условиях выглядит неким прологом к чему-то более насущному и решительному. В юбилейной риторике новой идеологической парадигмы, так же, как и в советской, основным достоинством Тургенева-писателя Чайковский как оратор, адресуясь к «гражданам», демосу, использует ту же антикрепостническую направленность его творчества. Приведу эту небольшую речь целиком.

Н. В. Чайковский

18 ноября 1918 г.

Ив<ан> Сер<геевич> Тургенев

18.XI.<19>18

Кто такой тот, чью столетнюю годовщину мы собрались сегодня чествовать? Мы все, конечно, знаем, кто он, ибо все обаяны ему очень многим. Но я уверен, мы не все будем согласны, если попробуем ответить на короткий, но прямой вопрос — что же такое дал Ив<ан> Сер<геевич> Тургенев нашей родине, за что мы можем с открытой душой и спокойной совестью помянуть его добрым словом и искренним спасибо даже сегодня, мы, живущие при других обстоятельствах и в другую эпоху?

Ведь в самом деле — на свете сейчас совершаются события мирового масштаба: кончается мировая война, решают-

²³ См.: Северное утро. 1918. 19 (6) ноября. № 230. С. 2.

ся судьбы народов, совершаются революции, рушатся троны и основываются новые государства и, быть может, граждане, опасности подвергается судьба самой современной культуры и цивилизации, и мы переживаем канун нового средневековья... да, все может быть! А мы собираемся чествовать одного из наших, правда, крупных писателей. Но... что же он сделал такого, чтобы действительно стоило почитать его даже в такую минуту? — Позвольте же мне сразу же и ответить на этот вопрос. — Этот замечательный человек, который был нашим учителем во многих и многих дорогих вещах, по его собственным словам, еще в юности, когда ему не было еще и 20 лет, дал Аннибалу клятву бороться против крепостного права. И он делал это и добился его уничтожения, насколько это было в его силах при помощи своего талантливой и прекрасного пера и слова.

Раскрепощение русского народа, его человеческой личности, его человеческого достоинства как необходимого подготовительного шага к его гражданского освобождения <так!>; для этого потребовалось 56 лет упорной работы очень и очень многих людей общего калибра и общих взглядов, но первая брешь была пробита им — русскому народу было возвращено его достоинство, свойственное человеку, и снято то проклятие, которое было завещано татарским игом. За нашествием татар последовало наследие немецкого <владычества?>, господство самодержавия. Но первое было сделано людьми 40-х годов, и к ним принадлежал Ив<ан> Сер<геевич> Тургенев.²⁴

Следует добавить, что в поминальный день в архангельской правительственной газете «Северное утро» была опубликована обширная статья «И. С. Тургенев и крепостное право» за подписью некоего И. Д. Орлова, выдержанная в ключе речи Чайковского.²⁵

²⁴ Печатается по подлиннику: ГАРФ. Ф. 5805. Оп. 1. № 67. Л. 1–2.

²⁵ См.: Северное утро. 1918. 10 ноября (28 октября). № 221. С. 1. См. также статью писателя, журналиста и редактора газеты М. Л. Леонова, отца известного советского писателя Л. М. Леонова «Об И. С. Тургеневе (К 100-летию со дня его рождения) // Там же. 15 (2) ноября. № 226. С. 1 (подп.: М. Л.).

Дальнейшая политическая судьба Чайковского разворачивалась стремительно. В начале 1919 года он был командирован в Париж для участия в Русском политическом совещании, где являлся представителем белогвардейской России. В сентябре 1919 года, в результате разлада между различными политическими партиями и группировками, а также полного разобщения с народом, кабинет Чайковского пал, вскоре Архангельск был взят большевиками. С 1920 он становится членом Южнорусского правительства при А. И. Деникине, после разгрома которого уезжает в Лондон. Оказавшись в эмиграции, Чайковский до конца жизни входил в союз всех антисоветских сил, призывал к военной интервенции против большевиков. Умер в Лондоне в 1926 году.²⁶

С именем и биографией Чайковского связан один из нереализованных или, возможно, утраченных замыслов последних лет жизни Тургенева — замысел, зафиксированный в литературе под условным названием <Роман о русских и французских революционерах>. Высказывалось мнение, что прототипом русского революционера, главного героя, был Чайковский.²⁷ Тургенев искренне восхищался моральными качествами русской революционной молодежи 1870-х годов — самоотверженностью, целеустремленностью, идейностью. Причину трагического положения русского борца за прогресс писатель видел в том, как передает его слова некто Н.М., эмигрант, неустановленный автор статьи «Черты из парижской жизни И. С. Тургенева», что «у нас нет еще пока классовой экономической борьбы», борец этот, «принадлежа сам к привилегированному, обеспеченному материально классу, отстаивает интересы обездоленного народа; и, в то же время, он не встреча-

²⁶ См.: Мельгунов С. П. Н. В. Чайковский в годы гражданской войны (Материалы для истории русской общественности). Париж, 1929. См. также номер московского журнала «Каторга и ссылка» (1926. № 5 (26). С. 211–232), несколько статей в котором посвящены Чайковскому.

²⁷ Подробнее см.: Ипатов С. А. К реконструкции неосуществленного замысла Тургенева <Роман о русских и французских революционерах> // Тургеневский ежегодник 2013 года / Сост. и ред. Л. А. Балыкова, Л. В. Дмитрихина. Орел, 2014. С. 40–52.

ет поддержки и сочувствия в том самом большинстве, за интересы которого он стоит, ибо между ним и этим большинством — взаимное идейное и культурное непонимание и рознь. В этом вся драма русского идейного человека, в этом заключается причина его изолированности, почти бесцельности его попыток, его ошибок и преждевременной, бесполезной гибели массы энергических и честных сил...».²⁸ Судьба Чайковского показала прозорливость Тургенева в его отношении.

Между «белыми» и «красными» оказалась реакция И. А. Бунина, отдавшего дань памяти любимому писателю статьей с броским названием «Страшные контрасты», опубликованной в занятой гетманом П. Скоропадским Одессе, — встретить тургеневский юбилей, писал он, можно «только стыдом и молчанием», поскольку можно ли «придумать более страшные контрасты: <...> годовщина тургеневского рождения — и годовщина так называемого большевизма, сделавшего родину Тургенева позором всего человечества! Можно ли говорить о Тургеневе при наличии таких контрастов!», говорить «о великом и прекрасном русском поэте и вспоминать наряду с этим 28 октября прошлого года, когда русский народ, с радостным остервенением <...> жег и громил из пушек свою собственную Москву, свой собственный кремль», праздновать «совместно с Троцким, Лениным, Петерсом и Горьким, который, может быть в эту минуту, ломая роль «фанатика», произносит среди человеческих и лошадиных трупов пламенные речи о пользе просвещения и щедро оделяет томиками «социализированного» Тургенева — победоносный русский демос, тот самый демос, который уже осквернил могилу Толстого, сжег дом Пушкина, в прах разнес родовое тургеневское гнездо, а теперь спокойно дерет окровавленными лапами эти самые томики на цигарки, — нет, говорить и праздновать в эти окаянные дни уже совсем

²⁸ Н. М. Черты из парижской жизни И. С. Тургенева // Русская мысль. 1883. № 11. С. 322–323. Проблема атрибуции статьи, продолжающей оставаться нерешенной, косвенно помогла бы пролить свет на проблему установления прототипа (или прототипов) тургеневского замысла.

выше моей силы».²⁹ Тургеневским дням в Одессе несколько номеров посвятил журнал «Огоньки», направленность публикаций в котором расходилась с Петроградом и Москвой в идеологической подаче. Подробную библиографию южных торжеств (в Киеве, Полтаве, Чернигове, Бердянске, Одессе, Ялте, Таганроге) составил М. П. Алексеев.³⁰

Идеологические контрасты первого Тургеневского юбилея по богатству и разнохарактерности материала могли бы стать темой отдельного исследования. Празднование этой даты в молодой советской республике заложило основы дальнейшего изучения жизни писателя и исследования его творческого наследия.

В 1923 году в литературном журнале «Сибирские огни» (Новониколаевск, ныне Новосибирск) некто Н. К., автор статьи «Тургенев и мы (К 40-летию со дня его смерти)», констатировал современное падение интереса к писателю: «Вот в августе этого года исполнилось 40 лет со дня этой смерти, и надо сознаться, что эта юбилейная дата прошла почти незамеченной, по крайней мере у нас в Сибири». На «простую потребу ничего не было изготовлено, и имя Тургенева ко дню 40-летия его смерти не было брошено в массы. <...> Надо пересмотреть Тургенева и свое отношение к нему. Если мы знаем, кто нам нужен, мы должны сказать и почему он нам нужен». Автор для возрождения этого интереса предлагал пересмотреть Тургенева по основной «линии разреза»: «взаимодействие революции и искусства» и слить воедино «все эти монографические разрезы: Тургенев и Белинский, Тургенев и Станкевич, Тургенев и люди <18>40-х годов, Тургенев и революция 1848 года, Тургенев и Бакунин, Тургенев и Герцен, Тургенев и крепостное право <...>. Вскрыть его персональную близость ко всем отдельным вождям и бойцам ре-

²⁹ Бунин И. А. Страшные контрасты <Ответ на вопрос анкеты «Художники о художнике», посвященной 100-летию И. С. Тургенева» // Бунин И. А. Публицистика 1918–1953 годов / Под общ. ред. О. Н. Михайлова. М., 1998. С. 22–23; см. также: С. 471–472; впервые: Одесские новости. 1918. 28 октября (10 ноября). № 10839. С. 5.

³⁰ См.: Материалы к Тургеневской библиографии (1918–1919 г.) / Сост. М. П. Алексеев // Тургенев и его время. Первый сборник. С. 317–321.

волюции, его идеологическое с ними сродство. Отобразить преломление этой родственной идеологии в его творчестве. Его эмансипированность от влияний классовой наследственности — все это должно было, по мнению автора, вернуть интерес к писателю, судьбу которого решила «Россия восемнадцатого года» своим «сильным смелым словом».³¹

³¹ Н. К. Тургенев и мы. С. 244–245.

*Е. В. Алехина
Мценск*

ПАМЯТЬ ОБ И. С. ТУРГЕНЕВЕ В ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ (ПО СТРАНИЦАМ «ОРЛОВСКИХ ЕПАРХИАЛЬНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ»)

Провинциальные православные издания и православная периодика долгое время находились в тени библиографии. В тени остался и ряд публикаций, посвященных памяти великого писателя-земляка И. С. Тургенева, напечатанных в «Орловских епархиальных ведомостях», которые выходили в Орловской губернии с 1865 по 1918 годы. До апреля 1910 года они издавались при Орловской духовной консистории, далее — при Орловской духовной семинарии¹.

В дни траура по великому писателю «Орловские епархиальные ведомости» (№ 21 от 1 ноября) опубликовали «Речь перед панихидою об упокоении души И. С. Тургенева, 27 Августа 1883 года»², произнесенную священником Алексеем Вознесенским в Анненской церкви Александринского института благородных девиц³. «Речь...» и комментарии к ней Г. Н. Павлова представила в «Тургеневском ежегоднике 2013 года». В связи с этим обратимся к следующим публикациям.

В августе 1903 года, «...в виду исполняющегося двадцатилетия со дня кончины великого русского писателя, нашего

¹ Кондратенко А. И. Православный вестник Орловщины (страницы истории журнала «Орловские епархиальные ведомости»). Режим доступа: https://prev.gaorel.ru/docs/ROIA/statya_kondratenko_2014.pdf (Дата обращения 01.06.2021).

² Вознесенский А. Речь перед панихидою об упокоении души И. С. Тургенева, 27 Августа 1883 года // Орловские епархиальные ведомости. 1883. № 21 (1 нояб.). Отдел неофициальный. С. 1351–1355.

³ Павлова Г. Н. Забытое слово о Тургеневе // Тургеневский ежегодник 2013 года / Сост. и ред. Л. В. Дмитрюхина и Л. А. Балыкова. Орел: Издательский Дом «ОРЛИК», 2014. С. 80–86.

Орловского уроженца», епархиальные ведомости опубликовали статью Н. Абрамова «Какое значение в деле пастырства может иметь знакомство священника с произведениями И. С. Тургенева?»⁴. Автор акцентирует внимание на необходимости изучения «класса нашей интеллигенции», жизнь которой, духовные интересы и запросы, нравственные идеи и высшие стремления скрыты от наблюдений и духовного надзора священника. Пастырю же для исполнения своего служения, необходимо знать нравственно-религиозное состояние «интеллигентного общества» и «в этом отношении произведения Тургенева дадут ему обильный материал», так как знакомят со взглядами людей верующих, мало верующих и «совершенно — неверующих».

В 1908 году в Орловской губернии при правящем архиепископе Серафиме (Чичагове)⁵ широко отмечалось двадцатипятилетие памяти великого писателя-земляка. Чествование И. С. Тургенева предполагалось во многих учреждениях, в том числе и «духовно-учебных». Сам Владыка относился к творчеству Тургенева с большим признанием и уважением. Известно, что после выхода в отставку в 1890 году, Леонид Чичагов проживал с семьей в Москве в том самом знаменитом «тургеневском» доме на Остоженке (№ 37).

10 июня на заседании духовенства и членов церковно-приходских советов города Орла и уезда, которое проходило в зале Орловского епархиального женского училища и удостоилось присутствием Орловского архипастыря, Преосвященнейшего епископа Серафима (Чичагова), был рассмотрен вопрос о чествовании писателя-земляка. В конце заседания краевед, библиофил, председатель Орловского церковного историко-археологического общества протоиерей Илия Ва-

⁴ Абрамов Н. Какое значение в деле пастырства может иметь знакомство священника с произведениями И. С. Тургенева? // Орловские епархиальные ведомости. 1903. № 33 (17 авг.). Отдел неофициальный. С. 677–689.

⁵ Владыка Серафим (Леонид Михайлович Чичагов; 9 (21) января 1856, Санкт-Петербург — 11 декабря 1937, Бутовский полигон, Московская область) — с 1906 г. по 1908 г. епископ Орловский и Севский; с февраля 1928 года митрополит Ленинградский. Автор ряда известных духовных трудов. В 1997 году был прославлен в лике священномучеников РПЦ.

сильевич Ливанский (1854–1920) обратился к собравшимся с предложением «посудить»: «...в чем должно выразиться участие духовенства в чествовании юбиляра Тургенева». На что Владыка Серафим ответил, что «надлежащее распоряжение» будет сделано своевременно, и что «участие духовенства в юбилее Тургенева может выразиться только в молитве за него».

Протоиерей Илия Ливанский также внес предложение ... Тургеневскую улицу снова «наименовать Борисоглебской». «Раз это городом сделано, надлежаще признано, и к новому наименованию улицы жители Орла уже попривыкли, возбуждать вопрос о возвращении к прежнему наименованию улицы едва ли удобно и едва ли входит в компетенцию нашего собрания», — прозвучал ответ Преосвященнейшего епископа Серафима⁶.

Среди летних публикаций «Орловских епархиальных ведомостей» этого юбилейного года вызывает интерес статья «Позорная затея», подписанная криптонимом «С.». Статья посвящена двум предстоящим юбилеям: 25-летию памяти И. С. Тургенева и 80-летию Л. Н. Толстого. Она вышла объемом три с половиной страницы, но подготовке к юбилею Тургенева посвящен всего один абзац. Автор задает вопрос: «Какова наша молитва должна быть о Тургеневе?». И далее рассуждает: «Нельзя молиться только о «болярине Иване». Вся Россия будет поминать своего писателя, а не «болярина». Духовенству нельзя отделиться от страны со своим особым помином, <...> нужно руководить молитвою общественною <...> И поэтому духовенству нужно бы сообщать, на пастырских собраниях, подумать, как молиться о писателе Тургеневе в грядущую годовщину его смерти». Далее автор призывает отнестись к чествованию памяти писателя «умело, с тактом, не роняя себя и своего достоинства...»⁷.

⁶ Журнал заседания духовенства и членов церковно-приходских советов г. Орла и уезда. 10 июня 1908 года // Орловские епархиальные ведомости. 1908. № 37 (14 сент.). Отдел неофициальный. С. 922–924.

⁷ С. Позорная затея // Орловские епархиальные ведомости. 1908. № 29. (20 июля). Отдел неофициальный. С. 709.

В преддверии празднования юбилея памяти Тургенева, 11 июня, в городе Орле при Орловской духовной семинарии состоялось открытие церковно-учительских курсов, в которых приняли участие 130 человек из 12-ти уездов. Курсы начались торжественным молебном в семинарской церкви в присутствии Преосвященных Серафима (Чичагова) и Митрофана (Афонского, викарного епископа Елецкого). После молебна все собрались в актовом зале семинарии, где инспектор курсов А. И. Георгиевский сделал доклад «О нравственно-культурном значении народного учительства»⁸. Затем преподаватель словесности и истории русской литературы, кандидат богословия А. Н. Корольков произнес речь на тему: «Важнейшие моменты творчества И. С. Тургенева», которую закончил словами: «Да будет же вечная память и вечная слава тому, чье сердце всегда билось в унисон с сердцами лучших и благородных современников и кто, облекая свою мысль в чудные образы, сам всегда –

Пылал полуночной лампадой

Пред святынею добра!»^{9, 10},

В августовском, 34 номере, «Орловских епархиальных ведомостей» была напечатана еще одна статья А. Н. Королькова «Памяти И. С. Тургенева», кратко знакомящая читателей с биографией и творчеством писателя¹¹. В ссылке к статье указано, что «настоящая статья может быть пригодна для народных и школьных чтений по поводу предстоящего юбилея И. С. Тургенева».

Большие мероприятия были запланированы и в родном Мценском уезде. В начале августа епархиальные ведомости (№ 31) поместили объявление Мценского уездного отделе-

⁸ Е. Н. Краткосрочные церковно-учительские курсы в г. Орле // Орловские епархиальные ведомости. 1908. № 31. (3 авг.). Отдел неофициальный. С. 756–766.

⁹ Корольков А. Н. Важнейшие моменты творчества И. С. Тургенева // Орловские епархиальные ведомости. 1908. № 27. (6 июля). Отдел неофициальный. С. 658–662.

¹⁰ Корольков Алексей Николаевич — надворный советник, преподаватель словесности и истории русской литературы в Орловской духовной семинарии, кандидат богословия (1894), с 1894 года — преподаватель Закона Божия в Орловском епархиальном женском училище. См.: Орловские епархиальные ведомости. 1900. № 45. С. 1799.

¹¹ Корольков А. Н. Памяти И. С. Тургенева. (28 окт. 1818–22 авг. 1883 г.) // Орловские епархиальные ведомости. 1908. № 34. (24 авг.). Отдел неофициальный. С. 831–841.

ния епархиального училищного Совета о том, что Советом «постановлено и Его Преосвященством утверждено» проведение в церковных школах уезда «заупокойного моления о Тургеневе с чтением, после сего, статей из его сочинений и с ознакомлением учащихся с биографией этого писателя»¹².

Накануне чествования 25-летия со дня смерти Ивана Сергеевича Тургенева, 21-го августа, в храме села Спасское-Лутовиново было отслужено всенощное бдение. В день самого чествования памяти, 22-го августа, к началу обедни храм был полон молящимися. Уездным наблюдателем церковных школ священником Иоанном Рудневым в сослужении приходского священника Владимира Славского была отслужена заупокойная литургия, затем — панихида. После запричастника, на литургии, о. Владимир Славский сказал поучение, в котором охарактеризовал Ивана Сергеевича Тургенева «как умнейшего и образованнейшего человека своего времени и великого русского писателя-художника». В заключение призвал всех присутствующих усердно помолиться о упокоении души «усопшего великого своего земляка». Памятные мероприятия продолжились в сельской школе, открытой в 1863 году на средства И. С. Тургенева.

В 39 номере епархиальных ведомостей, вышедшем 28 сентября, напечатана статья «И. С. Тургенев. (Из записок учительницы церк.-прих. школы)». Факты биографии, теплые воспоминания о писателе-земляке и его связи с родным Спасским-Лутовиново учительница местной школы Ольга Кутепова закончила словами: «Как рассказывают близко знавшие его люди, И. С. боялся смерти и отгонял думы о ней даже в период сильного развития болезни. Этим и объясняется то обстоятельство, что он не оставил завещания в котором заботы о крестьянах, наверно, занимали бы видное, если не первое место...»¹³.

¹² От Мценского Уездного Отделения Епархиального Училищного Совета // Орловские епархиальные ведомости. 1908. № 31 (3 августа). С. 400.

¹³ Кутепова [О.]. И. С. Тургенев. (Из записок учительницы церк.-прих. школы) // Орловские епархиальные ведомости. 1908. № 39 (28 сент.). Отдел неофициальный. С. 963–965.

А в губернском Орле 22 августа, в день памяти писателя-земляка, в кафедральном соборе Его Преосвященство, Преосвященнейший Серафим, Епископ Орловский и Севский, при участии градского духовенства совершил заупокойную литургию, а по ее окончании — панихиду. В «Слове перед панихидою по И. С. Тургеневу» Владыка Серафим сказал: «Мне думается, что благодарная Россия должна была бы не только в известные, так сказать, юбилейные и значительные дни поминать имена великих русских писателей, которые, как И. С. Тургенев, действительно и после их кончины воспитывали и ум, и душу юношества и упорядочивали жизнь людскую, но вечно молиться за них и именно при богослужениях в гимназических, университетских и академических церквях»¹⁴.

За литургиею и панихидою в соборе присутствовали: начальник губернии С. С. Андреевский, вице-губернатор в звании камергера двора Его Величества Н. П. Галахов, губернский предводитель дворянства, представители правительственных учреждений и городского управления, преподаватели и учащиеся местных учебных заведений.

Вечером того же дня в здании дворянского собрания состоялся литературно-музыкальный вечер, посвященный памяти И. С. Тургенева, на котором присутствовал Владыка Серафим¹⁵.

В 1913 году, в 30-летнюю годовщину памяти И. С. Тургенева, «Орловские епархиальные ведомости» опубликовали еще одну статью учителя Орловской духовной семинарии А. Н. Королькова «Памяти И. С. Тургенева (22 авг. 1883–22 авг. 1913)». В небольшом обзоре творчества «писателя-патриота» автор отмечает «сдержанную холодность» орловцев к памяти «замечательного соотечественника»¹⁶.

¹⁴ Орловская епархия в 1906–1908 гг. при преосвященном епископе Серафиме (Чичагове). С приложением его речей и докладов. Кишинев, 1914; *Павлова Г. Н.* Преосвященный Серафим (Л. М. Чичагов). Слово перед панихидою по И. С. Тургеневу // И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы. Вып. 2 / Отв. ред. Н. П. Генералова, В. А. Лукина. М.-СПб, 2011. С. 378–382.

¹⁵ Хроника // Орловские епархиальные ведомости. 1908. № 34 (31 авг.). С. 846.

¹⁶ *Корольков А. Н.* Памяти И. С. Тургенева (22 авг. 1883–22 авг. 1913) // Орловские епархиальные ведомости. 1913. № 35 (1 сент.). Отдел неофициальный. С. 961–967.

В 1918 году, в год 35-летия памяти и столетия со дня рождения Ивана Сергеевича Тургенева, в год суровых испытаний для Русской Православной Церкви и всего Отечества «Орловские епархиальные ведомости», отдавая дань памяти и признательности великому писателю-земляку, публикуют две статьи. В публикации «Иван Сергеевич Тургенев (К столетию со дня рождения)», подписанной инициалами «Н. Р.» представлен краткий экскурс жизни и творчества писателя¹⁷.

В другой, небольшой по объему, статье «Писатель-гражданин» неизвестный автор пытается оценить вклад писателя Тургенева в борьбу с крепостничеством и в заключении пишет: «Имя И. С. Тургенева всегда будет дорого нашему народу, как убежденного, идейного и последовательного борца за его раскрепощение»¹⁸.

Публикации в «Орловских епархиальных ведомостях» нуждаются в детальном, углубленном изучении. Они раскрывают отношение губернского начальства, священнослужителей и православных воцерковленных людей к памяти великого писателя-земляка И. С. Тургенева, его литературному наследию.

Приложение

Список публикаций об И. С. Тургеневе
в «Орловских епархиальных ведомостях» (1883–1918 гг.)

1883

1. *Вознесенский А.* Речь перед панихидою об упокоении души И. С. Тургенева, 27 Августа 1883 года / *А. Вознесенский* // Орловские епархиальные ведомости. 1883. № 21 (1 нояб.). Отдел неофициальный. С. 1351–1355.

(См.: *Павлова Г. Н.* Забытое слово о Тургеневе // *Тургеневский ежегодник 2013 года* / Сост. и ред. Л. В. Дмитрихина

¹⁷ Н. Р. «Иван Сергеевич Тургенев (К столетию со дня рождения)» // Орловские епархиальные ведомости. Православный журнал. 1918. № 21 (15 / 28 окт.). С. 521–523.

¹⁸ Писатель-гражданин // Орловские епархиальные ведомости. Православный журнал. 1918. № 22–23 (1 / 14 нояб.). С. 539–541; № 24 (1 / 14 дек.). С. 563–566.

и Л. А. Балыкова. Орел: Издательский Дом «ОРЛИК», 2014. С. 80–86).

1903

2. *Абрамов Н.* Какое значение в деле пастырства может иметь знакомство священника с произведениями И. С. Тургенева? // Орловские епархиальные ведомости. 1903. № 33 (17 авг.). Отдел неофициальный. С. 677–689.

1908

3. *Корольков А. Н.* Важнейшие моменты творчества И. С. Тургенева // Орловские епархиальные ведомости. 1908. № 27. (6 июля). Отдел неофициальный. С. 658–662.

4. *С. Позорная затея* // Орловские епархиальные ведомости. 1908. № 29. (20 июля). Отдел неофициальный. С. 709.

5. От Мценского Уездного Отделения Епархиального Училищного Совета // Орловские епархиальные ведомости. 1908. № 31 (3 авг.). С. 400.

6. *Е. Н.* Краткосрочные церковно-учительские курсы в г. Орле // Орловские епархиальные ведомости. 1908. № 31. (3 авг.). Отдел неофициальный. С. 756–766.

7. *Корольков А. Н.* Памяти И. С. Тургенева (28 окт. 1818–22 авг. 1883 г.) // Орловские епархиальные ведомости. 1908. № 34. (24 авг.). Отдел неофициальный. С. 831–841.

8. *Хроника* // Орловские епархиальные ведомости. 1908. № 34 (24 авг.). Отдел неофициальный. С. 846.

(См.: Орловская епархия в 1906–1908 гг. при преосвященном епископе Серафиме (Чичагове). С приложением его речей и докладов. Кишинев, 1914; *Павлова Г. Н.* Преосвященный Серафим (Л. М. Чичагов). Слово перед панихидою по И. С. Тургеневу // И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы. Вып. 2 / Отв. ред. Н. П. Генералова, В. А. Лукина. М.-СПб., 2011. С. 378–382).

9. *Ливанский И.* Священное полуторатысячелетие / И. Ливанский // Орловские епархиальные ведомости. 1908. № 35 (31 авг.). Отдел неофициальный. С. 849.

10. М. У. Н. [Руднев Иоанн]. Чествование памяти И. С. Тургенева в день 25-летия со дня его смерти в церковно-приходской школе с. Спасского-Лутовинова, Мценского уезда, 22 августа 1908 года // Орловские епархиальные ведомости. 1908. № 36 (7 сент.). Отдел неофициальный. С. 883–885.

11. Журнал заседания духовенства и членов церковно-приходских советов г. Орла и уезда. 10 июня 1908 года // Орловские епархиальные ведомости. 1908. № 37. Отдел неофициальный. (14 сент.). С. 922–924.

12. Кутепова [О.]. И. С. Тургенев. (Из записок учительницы церк.-прих. школы) // Орловские епархиальные ведомости. 1908. № 39 (28 сент.). Отдел неофициальный. С. 963–965.

1913

13. Корольков А. Н. Памяти И. С. Тургенева (22 авг. 1883–22 авг. 1913) // Орловские епархиальные ведомости. 1913. № 35 (1 сент.). Отдел неофициальный. С. 961–967.

1918

14. Н. Р. Иван Сергеевич Тургенев (К столетию со дня рождения) // Орловские епархиальные ведомости. Православный журнал. 1918. № 21 (15 / 28 окт.). С. 521–523.

15. Писатель-гражданин // Орловские епархиальные ведомости. Православный журнал. 1918. № 22–23 (1 / 14 нояб.). С. 539–541; № 24 (1 / 14 дек.). С. 563–566.

Глава Орловско-Ливенской епархии принял участие в праздновании 195-летия писателя Ивана Тургенева // Орловские епархиальные ведомости. 2013. № 11 (нояб.). С. 7: фот.

Служения митрополита Антония // Орловские епархиальные ведомости. 2018. № 11 (107; нояб.). С. 2.

Б. Н. Голубицкий
Санкт-Петербург

НА КРАЮ ЧУЖОГО ГНЕЗДА... (НЕЮБИЛЕЙНЫЕ МЫСЛИ О ТЕАТРЕ ТУРГЕНЕВА)

Так определял свою жизнь сам Иван Сергеевич Тургенев. Этот образ отчётливо проступает в географии его последнего пристанища — имении «Ясени» в Буживале под Парижем, на высоком берегу Сены. Мощный с колоннами дом семьи Виардо в центре усадьбы — и скромное деревянное шале на отшибе, удел писателя. Такую же конфигурацию можно обнаружить и в его родовом Спасском — флигель изгнанника. И в Баден-Бадене он живёт не в главном доме, а в пристройке в саду. Но вот что мне кажется важным: он и в творчестве всю жизнь разрабатывал эту столь близкую сердцу тему...

Приглашение возглавить единственный в мире театр имени Тургенева в Орле мы с женой восприняли как некий знак свыше. Мы знали о его бедственном положении в тот момент — и всё же с радостью согласились, предчувствуя, видимо, что нам предстоит какая-то важная миссия и что она выполнима. Мы даже отчётливо сформулировали свою задачу: создать Театральный Тургеневский Дом на родине писателя. Это был 1987 год — время пробуждающихся надежд.

Что такое «чужое гнездо» в театре знают многие. Даже в самых благополучных «домах» кто-нибудь постоянно выпадает, вылетает. Уютно себя чувствуют единицы, как правило, приближенные к «отцу семейства», да и то не навсегда. Борьба за тёплое место под солнцем идёт отчаянная и непрерывная. Недаром же нередко слышишь в ответ на вопрос: что такое театр? — «террариум единомышленников». Свое театральное гнездо я начал вить уже вполне во взрослом со-

стоянии, а до того — должность «очередного режиссёра» на протяжении многих лет, то есть необходимость постоянно сверять свое видение с мнением «главного», идти на компромисс. Хорошо ещё, если этого главного хотя бы уважаешь...

Изгнание Анатолия Эфроса из Ленкома на Малую Бронную замысливалось гонителями как путь из относительной свободы главного режиссёра в абсолютное бесправие очередного, к тому же туда приставили и директора-волкодава «из органов». Задушить великий талант не удалось, но жизнь они ему укоротили порядочно. К числу безусловных шедевров, созданных в этой неволе, принадлежит «Месяц в деревне», поставленный для Ольги Яковлевой, окруженной блистательным созвездием: Олег Даль, Михаил Козаков, Леонид Броневой, Алексей Петренко, Елена Коренева. Оформил сцену молодой Дмитрий Крымов. Декорации представляли великолепное кружевное плетение из металла, складывающееся в образ «золотой клетки». Из неё-то и пыталась вырваться мятущаяся душа героини — собственное семейное гнездо стало чужим. Финал спектакля режиссёр сочинил в трагических тонах: под музыку Моцарта выходили рабочие сцены с молотками, с грохотом разбивали и растаскивали ажурные конструкции, а героиня стояла с воздушным змеем в руках, не в силах помешать им, кто-то бесцеремонно отбирал у неё так и не взлетевшего змея — кончилось ваше время...

Как известно, женские образы — очень сильная сторона Тургенева — писателя. Мне кажется, что это были не только плоды наблюдений — он вкладывал в их характеры свои черты, во многом отождествлял себя с ними и вполне мог сказать вслед за Флобером: «Наталя Ислаева, или Лиза Калитина, или Анна Одинцова — это я!» Допускаю, что режиссёр Анатолий Эфрос полагал: «Ольга Яковлева — это я!» Выстраивая судьбу героини, он рассказывал и о себе, подчас пророчески. Раздолбанная золотая клетка, невзлетевший и отнятый воздушный змей — глубоко личные знаки его высказывания. Поражает темперамент, который вложил в эту «скучную и несценичную» пьесу режиссёр, рассказывая историю бук-

вально — навзрыд. Не нежное «плетение любовных кружев», а захлебывающееся «смятение духа» взято и показано крупным планом. Такой взгляд стал актуальнейшим событием того театрального времени, а комедию Тургенева сделал одним из самых востребованных названий в репертуаре русской классики на многие времена...

Живя за границей, Тургенев всегда очень остро реагировал на события в России. Важнейшим таким событием для него была отмена крепостного права в 1861 году. Есть версия, что долго откладываемое решение царь принял, прочитав «Записки охотника». Роман «Дым» — непосредственный отклик на ситуацию после отмены: столь ожидаемые перемены разочаровали. Мне показалось, что это очень перекликается с тем, что происходило у нас в эпоху перестройки, и я взялся за постановку, благо и новая инсценировка оказалась в руках как нельзя более кстати. Роман, который при выходе в свет все ругали, оказался очень сценичным. Любовная история на фоне исторических перемен — это ли не предмет для театрального исследования! Главный посыл воспринимался так: Европа многовековыми усилиями создала своё гнездо, имя которому цивилизация. Россия же, рассеивая смрадный дым многовекового рабства, ещё должна выбрать путь — или с Европой, с цивилизаций, или, как всегда, по-своему, наособицу: «у ней особенная статья». Об этом идёт ожесточённый спор под «русским деревом» в центре модного немецкого курорта Баден-Баден, где оказались одновременно представители всех направлений. А молодой российский помещик Григорий Литвинов (ему автор отдаёт свою чуть изменённую вторую фамилию — Лутовинов) мечется здесь в любовном чаду между невестой и роковой женщиной. Страсти накалены до предела. В финале мы видим покаяние молодого человека у ног замечательной девушки. И это уже в России.

Дым — какое ёмкое название! Оно отсылает нас к Грибоедову: «И дым отечества нам сладок и приятен!» — с ударением на первом слове. И оно так многозначно: дым, смог, чад, смрад... И, конечно, указывает на огонь, без которого

дыма не бывает. Все оттенки чувствовал великий мастер русского языка. Работая над спектаклем, вчитываясь в роман, я вдруг ощутил, что ДЫМ — это своего рода ключ ко всему творчеству писателя, его тайный знак и код. Можно взять любое произведение, большое и малое, там найдём это. Вот для примера рассказ «История лейтенанта Ергунова», написанный в Баден-Бадене в одно время с «Дымом». Снова фамилия героя — перестановка букв в своей фамилии. И какие разнообразные дымы и дымки, уберите их — всё содержание переменится. Так одурманивающий запах гелиотропа пронизывает ткань романа и сводит с ума Григория Литвинова. Говорят, Тургенев различал на слух до трёхсот голосов певчих птиц. А сколько знал он оттенков слов, запахов и вкусов — об этом мы можем только догадываться, читая его бесмертные творения...

Я дал себе слово, что не использую в постановке столь модные тогда сценические дымы. И только один раз отступил: в последней сцене, на вокзале, при отправлении поезда из Германии в Россию, раздавался гудок паровоза и густой пар из-под колёс как туман заволакивал всё пространство... Этот спектакль готовился к открытию сезона и должен был стать участником фестиваля «Русская классика», который мы создали. Тогда с этим было строго и из Москвы приехала комиссия решать — достойны ли. Решили: да, достойны, но сделали столько замечаний, что легче было поставить новый спектакль. Я не стал спорить с комиссией, а просто оставил всё без изменений, отстаивая свою точку зрения. На фестивале наш «Дым» прошёл первым номером, члены комиссии говорили: «Вот видите, совсем другое дело. Учли наши пожелания и получили первый приз!» Я опять не спорил. А приз состоял в том, что Театр Дружбы Народов (теперь Театр Наций) пригласил нашу постановку в Москву, и мы три вечера играли на сцене МХАТа в Камергерском. После спектакля ко мне подошла пожилая билетерша и сказала: «Как жаль, что наши мхатовцы не смотрели — вот какие спектакли нужно ставить!» И это была дорогая для меня рецензия...

«Отцы и дети» — самый востребованный сегодняшним театром роман Тургенева. На фестивале в честь двухсотлетия писателя «Тургеневская театральная Москва», где я был председателем жюри, мы увидели несколько версий, и не только в столичных театрах. И вот что удивительно: ни в одной из постановок Евгений Базаров не становился центральной фигурой. Мы пытались разгадать — почему? Может быть, театр не мог ответить на вопрос — а кто сегодня господин Базаров? Или же не находился актёр, способный адекватно воплотить этот образ «лишнего человека»? Тогда зачем брать? В некоторых спектаклях привлекалась пьеса ирландского драматурга Б. Фрила «Отцы и сыновья», созданная по мотивам романа. И это тоже казалось странным — неужели оригинала было мало? Ведь реально получалось, что имеют дело как бы с «обратным переводом» с английского, да ещё и с достаточно вольным. Скорее всего, думаю, отдавали дань моде: кто-то «открыл» пьесу — ну и мы возмём, в театре так часто бывает. А между тем, появилась новая инсценировка режиссёра Адольфа Шапино, сделанная с большой любовью к Тургеневу, для себя, но и оставляющая простор другим фантазиям. Судьба подарила мне возможность дважды встретиться с героями этого романа в работе над спектаклем — в своём театре и, так сказать, в чужом. И не было сомнений в том, кто стоит в центре истории — конечно, Евгений Васильевич Базаров. Занимал вот какой вопрос: почему после окончания курса в университете он возвращается в родные пенаты, но не едет к родителям, которых любит, а останавливается в имении Кирсановых, неподалеку? Только ли для того, чтобы в спокойной обстановке ставить опыты над лягушками? Разбирая его поступки, понимаешь: гость ведёт себя крайне бесцеремонно со всеми обитателями Марьино, затевает конфликты буквально на ровном месте. Пристаёт с любезностями к Фенечке, гражданской жене хозяина дома. А того упрекает в полной бесхозяйственности. С Павлом Петровичем дело доходит до дуэли, на которой ранит его, не умея стрелять. Затевает драку с другом Аркадием.

Даже недалёкого слугу Петра делает секундантом на дуэли, сводя парня с ума. Словом, поведение героя похоже на действие катализатора, брошенного в воду на уроке химии. Вряд ли всё это было случайностью. Ведь в гостях у Одинцовой ничего подобного мы не видим. Возникает ощущение, что Марьино — первая проба сил молодого нигилиста на пути к главному замыслу: от одной свечи Москва сгорела. Но роман не был бы романом, если бы на сцену не вышла любовь. Теперь Анна Одинцова сводит героя с ума. Потерпев поражение, он возвращается в родительский дом и становится уездным лекарем, каким был и его отец. И свеча гаснет, не успев зажечь ничего... Тургенев плакал, дописывая судьбу Базарова — жаль талантливого, нестандартного молодого человека, он оказался лишним, ненужным России. А вот друг Аркадий остаётся вполне благополучным: женится на сестре Одинцовой, Кате, и начинает вить своё уютное гнездышко...

Пространство сцены художник Борис Голодницкий решил в условном ключе. Мы оттолкнулись от описания в романе усадьбы Одинцовой. Там сказано, что её покойный муж построил в саду странную галерею для шести статуй, даже привёз из-за границы одну, но дело не заладилось, ниши стояли пустыми и заросли, а статуя с отбитым носом оказалась в сарае. Наш художник расположил в центре сцены большую полусферическую конструкцию, похожую на перевернутое гнездо. Она становилась то стогом, на который взбирались Базаров и Аркадий, то взлетала огромной люстрой на балу у губернатора, то накрывала героев, оставляя их наедине, как в беседке. А вокруг выстраивались шесть подвижных ниш-гнездышек, которые в разной конфигурации создавали нужный антураж места действия. В какой-то момент они даже «танцевали», создавая очаровательное кружение вместе с персонажами. В сцене смерти Базарова эти ниши-беседки падали плашмя со страшным грохотом, образуя подобие могильных холмиков. А полусфера поднималась к небесам, и свет из неё очерчивал круг, куда устремлялась душа героя. Декорация была полноправным действующим лицом.

Спектакль мы подготовили к своему новому фестивалю, который так и назывался: «Русская классика. Отцы и дети». Мы его открывали и получили очень хорошие отзывы жюри, прессы и зрителей. И потом он шёл долго и успешно...

Постановка в театре имени Горького в Нижнем Новгороде связана с драматической историей. Мне представили актёра, которого предполагали назначить на роль Базарова. Среднего роста, коренастый, стрижен наголо. Глаза поражали — они излучали какой-то мощный, пронзительный свет. Артист мне сразу понравился. Потом я увидел его в идущих спектаклях. И мне рассказали, что он тяжело болен. Мы снова встретились. «Я очень хочу сыграть эту роль. Я знаю, чувствую этого человека», — сказал он тогда. И решение было принято. Началась работа, очень дружная, интенсивная. Актёр действительно знал своего героя, легко находил мотивы его поступков, присваивал текст, который звучал у него современно и узнаваемо. И, главное, надеялся Базарова таким высоким ритмом жизни, что всем приходилось к нему подтягиваться, а он всё равно опережал. В результате родилось «зерно образа» — опередивший время. И возник удивительный актёрский ансамбль, в котором был лидер и соревнующиеся с ним. Атмосфера в этом театре и так была очень творческая, а здесь все проявили свои лучшие и актёрские, и человеческие качества. Перед самой премьерой исполнитель роли Аркадия сломал руку. Нужно было или делать срочный ввод, или откладывать премьеру. Актёр позвонил мне и сказал, что будет играть в гипсе. Мы посоветовались все и приняли это решение, нарушая правила. Премьера прошла очень сильно. Сцены Базарова сопровождались аплодисментами зрителей. «Отцы» тоже ни в чем не уступали. Блестала Одинцова — в неё нельзя было не влюбиться. Аркадий и Катя, не смотря на сломанную руку, разыграли захватывающую историю первой любви. А старики Базаровы покоряли добротой и терпением. Словом, на сцене действительно получился «роман жизни», широкий и многоплановый. В нём не было школьной тенденциозности, не

было указующего перста, однозначности оценок, но неожиданно было много юмора. И это приняли зрители — они ходили на спектакль, сделали его успешным. По итогам сезона отец и сын Базаровы стали лауреатами областного конкурса — за лучшую мужскую роль и лучшую мужскую роль второго плана. Я получал письма от актёров с благодарностью, а от руководства — приглашение на новую постановку. Так шло четыре года. В конце четвёртого в прокате спектакля случилась пауза, связанная с гастролями, и наш Базаров лёг в больницу. В короткий срок его не стало. Так переплелись эти судьбы — актёра и его героя, оба трагически рано выпали из гнезда. Спектакль решили не восстанавливать — где было взять ещё одного такого?..

Считается, что срок жизни любой театральной идеи — восемнадцать лет, так сформулировал Владимир Иванович Немирович-Данченко, великий режиссёр и директор. Дальше наступает кризис и необходимо обновление всего. Это подтверждено и опытом самого МХАТа, и театром «На Малой Бронной» в его золотой Эфросовский период, и многими другими примерами. Даже долголетнее правление одного режиссёра — Товстоногова, Ефремова, Захарова, Волчек — на мой взгляд, не опровергает постулата. Благородная идея создания Театрального Дома Тургенева выдержала четвертьвековое испытание, переживала взлеты и падения и могла бы оставаться путеводной, но — «пришли другие времена, нужны другие имена»... Мы видим резкую смену режиссёрских поколений. Началась эпоха «директорского театра». Для постановок приглашаются лучшие силы из Болгарии, Румынии, Польши, Литвы. Нам показывают образцы европейского театра, в том числе, и в спектаклях по русской классике. Российский театр теряет свою былую самобытность и первостатейность. Всё это мощные, можно сказать, тектонические сдвиги. А ещё и пандемия, поставившая все театры на одну дорогу — дорогу выживания. Будет ли тут место Тургеневу?

В театральном институте на Моховой в Петербурге я уже много лет возглавляю государственную экзаменационную

комиссию по режиссуре — мы принимаем дипломные работы выпускников-режиссёров. Конечно, классику им доверяют не часто, а Тургенева — ещё реже. Но все же недавно один молодой режиссёр защищался пьесой «Нахлебник» — моя любимая в драматургическом наследии писателя. В ней отчётливо проводится главное во всём его творчестве: человек — мера всех вещей. Во главу угла здесь поставлено достоинство «маленького человека» и то, как отчаянно он его защищает. По моей версии, а я ставил эту историю трижды, за эту борьбу он платит жизнью. Молодого режиссёра такие проблемы не интересовали. Он почему-то поместил действие на лесоповал, раздробил пьесу на мелкие эпизоды и произвольно их перетасовал. Уловить логику таких перестановок было трудно. Главную же сцену, где на героя надевают шутовской колпак и заставляют плясать, он и вовсе выбросил. На мой вопрос: почему так? — обаятельный юноша с улыбкой ответил: «А что такого? Подумаешь, унижение — колпак надели!» И уверенно продолжал рассказ о своих достижениях в освоении классики. Конечно, студенты видят постановки в ведущих театрах и у них есть кумиры, которым стараются подражать.

Александринка, старейший театр России, решил отметить юбилей Тургенева, он ведь всегда был ИХ автором. Именно там произошло чудо возрождения «Месяца в деревне», когда М. Савина в роли Верочки покорила Петербург и сердце уже не молодого писателя, давно поставившего крест на своей драматургической карьере. В юбилейный год театр провел своеобразный эксперимент: пригласили большую группу молодых режиссёров и задали тему — роман «Дым». Каждый должен был создать эскиз будущего спектакля. Удачными сочли два. И вот на Новой сцене, специально построенной для поисков и экспериментов, появились две версии, идущие в два вечера: «Дым-1» и «Дым-2», каждая по часу примерно. Рассказывать об этих опусах больно. «Дым-1» к роману вообще не имел отношения, это были какие-то этюды-ребусы, не связанные единой нитью, с использованием ненорматив-

ной лексики, тексты появлялись на стенах, как иногда расписывают и разрисовывают стены в подъездах. В «Дыме-2» действовали всего две пары актёров, которые в шутовских нарядах разыгрывали ситуации романа, явно потешаясь над его содержанием. В центре красиво дымилась большая чаша с сухим льдом, в конце её опрокидывали. У меня такая дань юбиляру вызвала недоумение и оторопь — лучшей формы в этом театре не нашли...

В театре имени Ленсовета идёт спектакль «Всё мы прекрасные люди» в постановке талантливого Юрия Бутусова. Это тот же «Месяц в деревне», но узнать его трудно. Картина жизни подаётся через больное сознание сына Ислаевых Коли, совсем не ребенка. А он видит хаос. Вся пьеса перемонтирована, многие эпизоды повторяются по несколько раз. Много музыки разных стилей и эпох. Декорации напоминают свалку всевозможной рухляди. Все персонажи, кроме матери Ислаева, молоды. Все влюблены и пронизаны чувственностью. Наталья Петровна мучительно решает — можно ли любить двоих одновременно, и чтобы остудить страсти прямо в одежде бросается в холодную ванну. Режиссёр не раз декларировал: прежде, чем поставить пьесу, её необходимо убить. Это ему в спектакле прекрасно удалось. Можно сколько угодно спорить — Тургенев ли это? Но очевидно, что перед нами яркий пример того, что называется теперь «авторским театром». Раньше так назывался театр верный автору-драматургу, таким был театр Станиславского, театр Эфроса. Сейчас это — высказывание режиссёра по поводу не важно какого драматурга. И зритель охотно смотрит и принимает представление, где на афише крупным шрифтом указано: спектакль такого-то. Имя же драматурга или пишется мелко, или вовсе отсутствует. Таковы реалии нашего времени.

А совсем рядом, в Малом драматическом театре — Театре Европы, вот уже больше тридцати лет не сходит со сцены интерпретация повести «Муму», созданная замечательным режиссёром и театральным педагогом Вениамином Фильштинским. Уже сменились все исполнители, много раз про-

водился кастинг на роль собачки, а зрители всех возрастов по-прежнему заполняют зал и благодарят театр за встречу с искусством высшей пробы. И это при том, что телевидение неоднократно показывало записанный ещё в 90-е годы спектакль.

Как видим, Тургенев востребован театрами всех направлений. Конечно, из его обширного литературного наследия выбраны лишь немногие названия. Мне удалось прикоснуться к десяти. Возможно, это больше, чем есть на счету любого режиссёра, но всё же мало. И я понял — Театральный Дом Тургенева сегодня это не один театр, пусть хоть и носящий его имя, а это совокупность всех театров, взявших в репертуар его произведения. И чем больше их будет, тем просторнее и светлее станет его Дом...

Н. А. Макурина
Пермь

ОБРАЗ В. Г. БЕЛИНСКОГО В ЛИРИКЕ Н. А. НЕКРАСОВА И РОМАНАХ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Достоевский и Некрасов — два писателя-современника, которые на протяжении более чем тридцати лет (с 1845 года и до смерти Некрасова в 1877 году) то сближались, обнаруживая общность взглядов, выражая личную приязнь и дружеское сочувствие, то вступали в творческое и идеологическое противостояние. «Новый Гоголь явился» [13, 103], — выразил Некрасов свою оценку появлению первого романа Достоевского. Достоевский, в свою очередь, через много лет в последних словах, сказанных на могиле Некрасова и запечатленных в «Дневнике писателя», ответил: «Он в ряду поэтов... должен прямо стоять вслед за Пушкиным и Лермонтовым» [5, Т. 26, 111–112]. При неровном характере личных и профессиональных отношений, сложившихся между двумя писателями, высокая взаимная оценка творчества не могла не явиться следствием некоторой общности мыслей.

Для обоих писателей сострадание к миру униженных и оскорбленных стало важнейшей характеристикой творчества. Своеобразной точкой отсчета в художественном освоении этой темы для них становятся взгляды В. Г. Белинского, сближение с которым наложило отпечаток не только на литературную деятельность, но и на судьбу писателей.

Николай Алексеевич Некрасов начинает свою писательскую карьеру с публикации небольшого поэтического сборника «Мечты и звуки», в основе которого подражание романтической поэзии В. Г. Бенедиктова, А. И. Подолинского, А. В. Тимофеева и др. — авторов «Библиотеки для чте-

ния», читаемой Некрасовым еще в Ярославской гимназии. М. С. Макеев, автор биографии Некрасова, характеризует творческую стратегию начинающего литератора как особый род поэтического эпигонства: «Некрасов <...> копирует в данном случае уже не «оригиналы», а их имитаторов, не только не пытаясь выразить собственное мироощущение в новых, оригинальных художественных формах, но и в формы уже готовые, созданные другими, влить свои подлинные чувства» [7, 49]. В течение шести лет Некрасов занимается литературной поденщиной, и осознание несовершенств своей поэзии явно тяготит его. «Ни одно из его тогдашних писаний еще не возвысилось над уровнем литературной посредственности» [17, 78], — заключает К. И. Чуковский. Некрасову нужен был учитель, который помог бы ему встать на ноги, показал, как развить и использовать талант: первые литературные покровители Некрасова — Николай Алексеевич Полевой, Фёдор Алексеевич Кони, не способны были ответить на запросы начинающего поэта и будущего издателя.

Сближение Некрасова с Белинским, влияние критика на молодого поэта в этом смысле трудно переоценить. Белинский, если полагаться на достоверность воспоминаний Панаева, первоначально полагал, «что Некрасов навсегда останется не более как полезным журнальным сотрудником», и полюбил его за «резкий, несколько ожесточенный ум, за те страдания, которые он испытал так рано, <...> и за тот смелый практический взгляд не по летам, который вынес он из своей труженической и страдальческой жизни — и которому Белинский всегда мучительно завидовал» [10]. Судя по многим совпадениям («замечательным сходствам» — по словам самого Некрасова) в формулировках и оценках, выражаемых Некрасовым и Белинским в критических статьях, писанных для «Литературной газеты» и «Отечественных записок» Краевского, (они отмечены в исследовании Б. В. Мельгунова), и учитывая имеющийся у Некрасова опыт столкновения с несправедливостью социального устройства, можно считать, что Белинский посеял свои идеи в благодатную почву.

Белинский, в первую очередь, «задал направление» творчеству Некрасова, пробудил «музу мести и печали», ставшую неизменной спутницей поэта

Во-вторых, Белинский, очевидно, огромное влияние оказал и на формирование эстетического вкуса Некрасова. Заинтересованность Белинского Некрасовым после знакомства со стихотворениями «В дороге», «Родина» была заинтересованностью в настоящем таланте. А. Я. Панаева в «Воспоминаниях» воспроизводит свою первую встречу с Некрасовым и разговор по поводу «Петербургских углов», состоявшийся между Белинским и Боткиным на следующий день: «Я дам голову на отсечение, что у Некрасова есть талант и, главное, знание русского народа, непониманием которого мы все отличаемся... Я беседовал с Некрасовым и убежден, что он будет иметь значение в литературе» [11, 101–102]. Даже учитывая недостоверность некоторых сюжетов, включенных Панаевой в «Воспоминания» (В. Е. Евгеньев-Максимов полагает, что речь не могла идти о «Петербургских углах» — это произведение написано много позже [6]), этими или схожими по смыслу словами Белинский вполне мог охарактеризовать перспективы творчества Некрасова. Мысль Исаи Берлина о том, что Белинскому «хотелось, чтобы лучшие художники его времени откликались душой на социальную действительность, которую по определению сознавали и чувствовали тоньше, чем их менее даровитые собратья» [3, 55], как нам кажется, вполне применима к цели и содержанию отношений, сложившихся между Некрасовым и Белинским.

Участие Белинского в своей судьбе Некрасов высоко ценил на протяжении всей жизни. Добролюбову он признавался: «Моя встреча с Белинским была для меня спасением!» [11, 304]. Образ Белинского не раз, уже ретроспективно, после смерти критика, обращает на себя внимание Некрасова — состоявшегося художника.

Произведение «Памяти Белинского», созданное к пятилетию со дня смерти критика, впервые печаталось под названием «Памяти приятеля». Имя Белинского в 1853 году

все еще находилось под запретом цензуры, однако это обстоятельство не помешало современникам узнать в образе главного героя Белинского. Некрасов воссоздает реальные психологические характеристики своего героя: использует эпитет «страстная душа», который позже, в 1869 году в своих «Воспоминаниях о Белинском» употребит Тургенев: «Белинский был, что у нас редко, действительно страстный и действительно искренний человек, способный к увлечению беззаветному, но исключительно преданный правде, раздражительный, но не самолюбивый, умевший любить и ненавидеть бескорыстно» [14, Т. 11, 25]. В этой же статье Тургенев прямо процитирует стихотворение Некрасова «Памяти приятеля». Строку «упорствуя, волнуясь и спеша» он использует в речевом портрете критика: «Голос у Белинского был слаб, с хрипотой, но приятен; говорил он с особенными ударениями и придыханиями, «упорствуя, волнуясь и спеша»» [14, Т. 11, 24]. В 1869 году Тургенев уже разорвал свои дружеские связи с Некрасовым, поэзию которого он, впрочем, всегда, даже во времена тесного общения, воспринимал критично. Тем очевиднее точность и объективность приметы Белинского, зафиксированной в стихотворении.

Внешнее и внутреннее движение героя к высокой цели Некрасов обозначает тройкой глаголов: «кипел», «горел», «угас». Кипение, горение и угасание жизни — естественно сменяющие друг друга процессы, неизменно сопровождающие людей, страстно преданных своему делу и своей цели. Таков был Белинский, таким вспоминает его Герцен: «Без возражений, без раздражения он не хорошо говорил, но когда он чувствовал себя уязвлённым, когда касались до его дорогих убеждений, <...> тут надобно было его видеть: он бросался на противника барсом, он рвал его на части, делал его смешным, делал его жалким и по дороге с необычайной силой, с необычайной поэзией развивал свою мысль» [4]. «Угас» Белинский действительно «быстро» — жизнь его оборвалась относительно рано — в 36 лет.

Во второй части стихотворения субъектные отношения выражаются местоимением «мы», охватывающим круг последователей критика, в числе которых и сам Некрасов. Соотношение «ты — мы» в этом произведении — соотношение «учитель — ученики», но ученики, лишенные памяти о своем мудром друге. Белинский явился учителем и руководителем молодого поколения писателей, — плеяды 40-х годов, все представители которого прежде всего и больше всего обязаны идейной стороной своих произведений именно Белинскому.

Мотив забвения проявляется в эпитетах «ты...незнаем», «дерева неведомого», отрицательных конструкциях — «нам дела нет», «и о тебе не скажет ничего своим потомкам сдержанное племя». «Сдержанное племя» — последователи критика, лишенные возможности называть его по имени и вспоминать его в своих трудах, скованные жесткой цензурой. Мотив забвения усиливается в последних четырёх строках через образ зарастающей, забытой могилы:

*И, с каждым днём окружена тесней,
Затеряна давно твоя могила,
И память благодарная друзей
Дороги к ней не проторила...[9, Т. 1, 121]*

Еще более конкретен, индивидуализирован, максимально сближен с реальностью образ Белинского в поэме «В. Г. Белинский», написанной Некрасовым в 1855 году, но долгое время распространяемой в списках и вошедшей в печатные издания только после смерти Некрасова (впервые — в 1899 г., когда отмечалось пятидесятилетие со дня смерти В. Г. Белинского). Точность хронологических координат достигается за счет введения образа больного поэта (за которым, очевидно, стоит образ самого Некрасова) и фиксации временного соотношения:

*Как я, назад тому семь лет
Другой бедняк покинул свет,
Таким же сокрушен недугом [9, Т. 4, 5].*

1855 год — время серьёзной горловой болезни Некрасова, семь лет назад, то есть в 1848 году Белинский умер от чахот-

ки. Некрасов описывает предъявляет своего героя, в основном не нарушая соответствий между его судьбой и биографией Белинского: «Родился он почти плебеем... Его отец был лекарь жалкой». Белинский действительно был сыном лекаря, однако, характеристика «пить любил да палкой к ученью сына поощрял» может вызвать сомнения. В комментариях к поэме указано на справедливость этой биографической детали и приводится высказывание самого Белинского: «Отец меня терпеть не мог, ругал, унижал, придирался, бил нещадно и площадно — вечная ему память!» [9, Т. 4, 528–529] По воспоминаниям же друга семьи Белинского Д. П. Иванова, «с самой ранней поры даровитого ребенка отец не мог не отличить <...> и мало-помалу раскрывалась между ними живая симпатия, сохранившаяся навсегда и благотельно действовавшая на обоих в резких случаях жизни» [2]. Некрасов был достаточно близок к Белинскому, чтобы от него самого слышать правду о внутрисемейных отношениях, кроме того, включение в поэму мотива семейного неблагополучия призвано служить усилению трагичности судьбы главного персонажа.

В поэме «В. Г. Белинский» зафиксированы наиболее значительные моменты биографии критика (они легко угадываются и все перечислены в комментариях к сочинениям Некрасова): учение в Московском университете и отчисление из него, начало работы в журналах, сотрудничество с редактором «Отечественных записок» А. Краевским, который в произведении не назван напрямую. Обозначены в поэме и общие направления деятельности критика, и значение его труда для современников. Мотив вынужденного забвения, к которому обращался Некрасов в стихотворении «Памяти приятеля» двумя годами раньше, в поэме «Белинский» повторяется:

*Он умер... Помянуть печатно
Его не смели... Так о нём
Слабеет память с каждым днём
И скоро сгинет невозвратно!..* [9, Т. 4, 9]

В незаконченной лирической комедии «Медвежья охота» Белинский прямо называется «учителем», «истинным светилом» своего времени и описывается как исключительно положительный герой: способный к упорному труду, обладающий пытливым умом, горячим сердцем, обостренным чувством справедливости. Любопытно, что именно жажду трудиться, потрясающую работоспособность среди прочих качеств Белинского Некрасов готов поставить на первое место. В 1845 году в личном письме Кетчеру он кратко и метко описывает петербургскую обстановку: «Здесь всё так себе — ничего. Белинский здоров и работает. Тургенев бегаёт в оперу; Панаев ядрит, лупит и наяряивает; Анненков сбирается (всё ещё) за границу» [7, 188]. Среди этих кратких, по-своему данных аттестаций, свидетельствующих о сближении Некрасова с кружком Белинского (и о желании обозначить это сближение) не иронична только характеристика критика. Некрасов и сам был неутомимым и добросовестным тружеником и знал цену любому литературному труду. В письме И. С. Тургеневу в 1850 году он пожалуется на «невероятное, поистине обременительное и для крепкого человека количество работы» [9, Т. 14 (I), 129], которую ему приходится выполнять при подготовке одной книжки «Современника», превозмогая физическую усталость и вызываемую ею лихорадку.

Отстаивая «своего» Белинского, Некрасов в «Медвежьей охоте» отражает и постоянные упрёки в непостоянстве взглядов критика, которое точно было, но в природе которого не было лицемерия. Исая Берлин так сформулирует характер подобных претензий, направленных к Белинскому (они сохраняются и в поздних попытках осмысления личности критика): «Что же <...> он декларирует? Неужели Белинский — просто впечатлительный неуч с кашей в голове, <...> клубок пламенных, но несвязных, нестройных чувств, живое доказательство того, что одной искренностью и горячностью не обойдешься, жалкий самоучка, каким его изображали позднейшие литературные критики — Волинский, Айхенвальд, Чижевский?» [3, 54]

Некрасов пишет: «Недаром ты, мужая по часам, /На взгляд глупцов казался переменчив», — в поэтическую форму облекая мысль простую и доступную. Схожим образом метания Белинского объясняет Г. М. Ребель: «Эти «зигзаги» [словечко принадлежит самому Белинскому — Н. М.] были этапами естественного ускоренного развития, которое проходила тогда вся Россия, и следствием *абсолютно бескорыстного искания истины* [курсив Г. М. Ребель]» [12].

По мнению М. С. Макеева, в «Медвежьей охоте» Некрасов «не только жалеет и оправдывает «лишних людей», но протягивает нить между ними и поколением нынешних бойцов <...> носителей тех же ценностей, в которые он уверовал благодаря встрече с Белинским и наследниками которых считал Чернышевского и других современных кумиров» [7, 355]. Интересный поворот темы нашего исследования подтверждает эту мысль. Дело в том, что Некрасов написал серию стихотворений, посвященных своим современникам. Открывает её стихотворение «Памяти приятеля», о котором уже шла речь, далее пишется «На смерть Шевченко» (1861), «Памяти Добролюбова» (1864), «Не рыдай так безумно над ним» (1868, посвящено Писареву, утонувшему при странных обстоятельствах), «Пророк» (отсылающий к личности Чернышевского). Герои этих произведений были знакомы и близки Некрасову, поэтому строки, посвященные им, по своей жанровой природе требовали от автора привлечения автобиографического и биографического материала, однако соотношение между жизненным материалом и его воплощением в художественных образах непостоянно: из жизненной основы автор постепенно вымывает квинтэссенцию явления или типа. Биографичность в этих стихотворениях Некрасова снимается постепенно, осторожно замещаясь общими, идеальными характеристиками. Образ бойца за народ эволюционирует от индивидуальной реалистического и вполне узнаваемого портрета Белинского до мифологизированного, героизированного образа спасителя, героя-пророка. В сознании Некрасова, действительно, связь между новым поколе-

нием либералов 60-х годов и Белинским — преемственная, и образ Белинского, как главного идеолога эпохи, прорастает в образах его последователей, угадывается за ними.

В том отношении, которое Некрасов вкладывает в образ Белинского в своих произведениях, — отношении благодарного ученика к исполненному мудрости и добродетелей учителю, все кажется искренним и логичным. Причем относительная статичность в выражении этого отношения распространяется не только на лирические, но и прозаические тексты. Некрасов, по замечанию К. И. Чуковского, «набожно чтит память Белинского, посвящал ему оды, писал о нем поэмы» [16] и даже в «довольно язвительной» неопубликованной повести «Каменное сердце» «вывел его единственным идеальным героем» [16].

Остается только понять, насколько идеализация образа Белинского соотносится с теми биографическими обстоятельствами, которые омрачили дружбу критика и поэта. Речь, несомненно, идёт о приобретении Некрасовым и Панаевым «Современника» и о том положении, которое в новом журнале занял (или вынужден был занять) Белинский. Против многих ожиданий, Белинский не становится ни во главе издания, ни одним из его пайщиков. А. Я. Панаева об условиях, на которых Белинский был устроен в «Современник» писала: «Сами друзья Белинского удивлялись щедрости издателей журнала» [11, 162], и уточняла, что в 40-е годы восемь тысяч (а именно столько было предложено Белинскому за сотрудничество) казались суммой баснословной. Совершенно другого мнения по поводу нравственной стороны этой истории придерживался И. С. Тургенев, располагавший куда более весомыми аргументами, чем Панаева, — письмами Белинского. «Белинский, — пишет Тургенев, — был постепенно и очень искусно устранен от журнала, который был создан собственно для него, его именем приобрел сотрудников и пополнялся в течение целого года капитальными статьями, приобретенными Белинским для большого затеянного им альманаха» [14, Т. 11, 46].

Так или иначе, неосторожность при осуществлении идеи стать владельцем журнала, способного конкурировать с «Отечественными записками» Краевского, подвела Некрасова. Понимал ли он, что рискует самым ценным — дружбой с Белинским? Или расчет был безошибочным?

Даже если учесть, что сам Белинский согласился с логикой Некрасова и принял предлагаемые условия как единственные возможные, охраняющие его от убытков и не обременяющие ответственностью за вероятные будущие долги издания (такого мнения придерживается, например, Николай Скатов, который отмечает, что Некрасов по отношению к Белинскому ведет себя «не только честно и добросовестно, но и гуманно и щедро» [13]), нельзя не согласиться с тем, что сами подозрения в деловой нечистоплотности могли вызывать у Некрасова чувство вины перед учителем и другом. От этого чувства, как и от боли утраты, избавиться весьма непросто. Как может публично покаяться и доказать свою преданность ушедшему наставнику поэт, как не стихами? Постоянно возвращаясь к образу Белинского, Некрасов старается оставаться его собеседником даже и после смерти критика, утешаясь воспоминаниями и подпитываясь их энергией.

Совсем иного рода диалог ведет с Белинским на протяжении всей своей жизни Ф. М. Достоевский.

Если в отношениях Некрасова и Белинского было только одно темное пятно, которое не разрушило дружбы, то отношения между Белинским и Достоевским, ровными не были никогда. Эта сложная и неоднозначная история восстанавливается, благодаря сохранившимся письмам Достоевского, мемуарам современников, исследованиям достоевистов — К. Мочульского, Л. Гроссмана, В. Нечаевой, Ю. Селезнева, Л. Сараскиной; основательная работа в рамках исследования данного вопроса проделана В. Кирпотиным, автором монографии «Достоевский и Белинский».

Работая над романом «Бедные люди», Достоевский мысленно примеряет своё первое произведение к эстетическим и ценностным ориентирам Белинского, авторитет которого

в качестве литературного критика и выразителя передовых демократических идей к середине 40-х годов был непоколебим. «Он мне казался грозным и страшным и — «осмеёт он моих «Бедных людей»» — думалось мне иногда» [5, Т. 25, 28], — спустя 30 лет после публикации романа вспоминает Достоевский в «Дневнике писателя». Там же в 1877 году Достоевский отмечает, что похвала Белинского (ожидания молодого автора оправдались) запомнилась ему как «самая восхитительная минута во всей жизни» [5, Т. 25, 31], воспоминания о которой в годы каторги помогали укрепиться духом.

Высокие оценки «Бедных людей», предвкушение перспектив литературной деятельности необычайно вдохновили начинающего писателя, укрепили в мысли о собственном высочайшем таланте. Однако критические замечания Белинского по поводу двух следующих повестей и, как результат, разрыв с кружком Белинского, не только обескуражили Достоевского, но и, ударив по болезненному самолюбию, на долгие годы вперед определили характер обращений к личности Белинского в творчестве Достоевского. Были ли оценки Белинского справедливыми? Упрекая Достоевского, автора повести «Двойник», в отсутствии «такта художественной меры», Белинский предвосхищает характеристики, которые спустя четверть века Достоевский, уже состоявшийся писатель, получит от Страхова: «Весь секрет, мне кажется, состоит в том, чтобы ослабить творчество, понизить тонкость анализа, вместо двадцати образов и сотни сцен остановиться на одном образе и десятке сцен... мне все кажется, что Вы до сих пор не управляете Вашим талантом» [5, Т. 29 (I), 472].

Но драма Достоевского на момент начала его литературной карьеры состояла не в том, что Белинский обнаружил слабость его произведений, а в том, что сначала — вознес, а потом развенчал.

Г. М. Ребель по этому поводу замечает: «Сознание собственного падения в глазах того, кто его совсем недавно вознес на головокружительную высоту, было совершенно невыносимо, и он всю оставшуюся жизнь продолжал спорить

с Белинским — не про Пушкина, и не про Гоголя, и даже не про политику-идеологию, а про себя! — и, одновременно, художественно подпитывался энергией этого не затухающего в нем самом спора» [12].

На протяжении всего творческого пути Достоевский, для поддержания творческой энергии которого всегда требовалась мишень — не метафизическая, а личная, — полемизирует с Белинским, разными способами осмысливая его личность и его роль в развитии русской общественной мысли в художественных и публицистических произведениях.

В романах Достоевского обращение к образу Белинского многовариантно:

1) Имя Белинского непосредственно упоминается в текстах в связи с событиями или героями. В романе «Униженные и оскорбленные» в связи с литературной судьбой рассказчика называется критик Б. Достоевский подарит герою личные воспоминания об успехе собственного первого романа: «И вот вышел наконец мой роман. Еще задолго до появления его поднялся шум и гам в литературном мире. Б. обрадовался как ребенок, прочитав мою рукопись» [5, Т. 3, 186]. В романе «Подросток» Аркадий обнаруживает у князя второй том сочинений Белинского. В романе «Бесы» Хроникёр, посвящая читателей в биографию Степана Трофимовича Верховенского делает оговорку: «его имя многими тогдашними торопившимися людьми произносились чуть не наряду с именами Чаадаева, Белинского, Грановского и только что начинавшего тогда за границей Герцена» [5, Т. 10, 8].

2) Белинский воспринимается героями произведений Достоевского и как авторитет-идеолог, и как идеологический оппонент. С ним полемизируют, к его взглядам апеллируют, основываясь на его теоретических изысканиях вступают в горячие споры герои романов. В романе «Преступление и наказание» Лебезятников прямо противопоставляет себя Белинскому и отрекается от него. В романе «Бесы» наиболее болезненные для Достоевского вопросы, связанные с личностью Белинского сосредоточены в двух эпизодах: в диалоге

между Степаном Трофимовичем Верховенским и Шатовым в конце первой главы первой части романа и в главе «У наших». В романе «Братья Карамазовы» в разговоре с Алёшей, признаваясь в своей приверженности социализму («я неисправимый социалист» [5, Т. 14, 500]) Коля Красоткин указывает на Белинского как на источник своего нового мировоззрения, но уличается собеседником в том, что из всех его работ читал только «место о Татьяне, зачем она не пошла с Онегиным» [5, Т. 14, 501].

3) Г. М. Ребель обозначает связь между героями-идеологами Достоевского и яркой, масштабной личностью Белинского-идеолога, Белинского, находящегося в постоянном поиске: ««Сквозной» герой Пятикнижия, — полагает исследовательница, — человек идеи-страсти, человек экстремы <...> появился на свет явно под тем мощным впечатлением, которое однажды и навсегда произвел на него неистовый Виссарион» [12].

4) Образ Белинского пародийно преломляется в образах героев романов. Исследования в этом направлении принадлежат Г. Чулкову, С. Борщевскому, Л. Гроссману, С. Кибальнику. Этот аспект темы уже разрабатывался нами отдельно [8], поэтому позволим себе только кое-какие краткие пояснения.

Остановимся на пародийном освещении личности Белинского в романах «Преступление и наказание» и «Бесы». Пародийные смыслы этих романов, отсылающие к Белинскому, сосредоточены в образах нигилистов-шестидесятников, в которых, на наш взгляд, совмещена пародия на них самих и на их идейного предтечу и вдохновителя — В. Г. Белинского. Достоевский, собирая материалы к роману «Бесы», в личной переписке и в статьях «Дневника писателя» сам неоднократно указывал на эту связь и соответствующим образом объяснял ее характер: «Все эти либералишки и прогрессисты, преимущественно школы еще Белинского, ругать Россию находят первым своим удовольствием и удовлетворением» [5, Т. 28(II), 210] — пишет он А. Майкову в августе 1867 года. В письмах Страхову 1871-го года Достоевский называет Бе-

линского «смердной букашкой» [5, Т. 29(I), 208], обвиняет его в том, что он «проклял Россию» [5, Т. 29(I), 208].

И если в образе Лебезятникова, героя романа «Преступление и наказание», можно усмотреть первую попытку пародийного преломления столь тревожащей Достоевского «нигилистической» темы, то в романе «Бесы» эта пародийная установка обозначается самим автором, а реализация ее приобретает совершенно иные, куда более серьезные масштабы.

Значительная часть положений, составляющих основание прогрессивного мировоззрения Лебезятникова, излагается им во время разговора с Лужиным незадолго до поминок по Мармеладову. Лебезятников последовательно высказывается о проблемах, которые в 40-е годы живо интересовали Белинского и, судя по характеру переписки, выносились на обсуждение в кругу его единомышленников и учеников: женский вопрос и половое равенство, семейные ценности и институт брака, роль традиций и обрядовости в современном обществе. Пародийные осмысление идей Белинского в романе «Бесы» происходит через обращение героев к этому же кругу проблем, вновь обозначенных в 60-е годы Н. Г. Чернышевским в романе «Что делать?», на который Достоевский прямо ссылается в «Бесах».

Достоевский создает пародию, сложность которой обусловлена не только хронологическим разрывом между Белинским и героями-нигилистами, механически присвоившими и непоследовательно, безрассудно внедряющими в свою частную жизнь социалистические идеи своего учителя, но и тем, что пародийная личность Белинского, выведенная Достоевским на страницы романов «Преступление и наказание» и «Бесы», на своего реального прототипа — живого, настоящего Белинского — оказывается совсем не похожа.

Трепетно относящийся к своим идеям, Белинский на собственном опыте проверяет их состоятельность и оценивает потенциал их практического использования. В письмах, адресованных Марии Орловой — будущей жене, он изначально хранит верность своим идеологическим убеждениям

и проявляет при этом поразительную настойчивость и последовательность. Однако внутренняя (и вполне объяснимая) потребность сблизиться с возлюбленной, обрести в её лице друга и жену противоречит социалистическим установкам Белинского, согласно которым брак — это «установление антропофагов, людоедов, патагонов и готтентотов, оправданное религиею и гегелевскою философиею» [1, Т. 12, 49]. Реальная жизнь в конце концов оказывается шире идеи и вынуждает его идти на компромиссы, принимать объективные обстоятельства и мириться с ними: после продолжительных препирательств, сопровождаемых несокрушимой аргументацией, Белинский уже готов отправиться в Москву самостоятельно, чтобы свадьба с соблюдением всех традиционных условностей наконец состоялась. На это несоответствие взглядов Белинского тому, как сложилась его реальная судьба, в «Дневнике писателя» за 1873 год указывает Достоевский. Писатель отмечает, что, с одной стороны, Белинский стремился «низложить ту религию, из которой вышли нравственные основания отрицаемого им общества», в частности «семейство, собственность», а с другой стороны — «он был тоже хорошим мужем и отцом, как и Герцен» [5, Т. 21, 10].

В романе «Преступление и наказание» Разумихин горячо восстает против попыток вписать жизнь в строгие рамки логических построений. «Живая душа жизни потребует, живая душа не послушается механики, живая душа подозрительна, живая душа ретроградна!» — восклицает он и заключает: «С одной логикой нельзя через натуру перескочить!» [5, Т. 6, 197] Невозможность примирить идею с жизнью обуславливает трагичность судеб героев-идеологов Достоевского. Справедливо предположить, что идейное и творческое осмысление Достоевским этого явления происходило под влиянием воспоминаний о личности Белинского.

С одной стороны, появление Лебезятникова и *наших* (героев романа «Бесы») действительно подготовлено идеями Белинского и иллюстрирует абсолютизацию этих идей, доведение их до логического завершения. С другой стороны, оче-

видное несоответствие личностных качеств этих героев тому размаху, который принимают их посягательства на установление нового жизнеустройства, свидетельствует о подмене, так явственно ощущаемой Степаном Трофимовичем Верховенским: «Вы представить не можете, какая грусть и злость охватывает всю вашу душу, когда великую идею, вами давно уже и свято чтимую, подхватят неумелые и вытащат к таким же дуракам, как и сами, на улицу» [5, Т. 10, 24].

Предпринятые Достоевским попытки высмеять Белинского жестокой пародией, таким образом, не дают оснований для обвинительного приговора критику. Как объект пародии Белинский не разоблачен, а недостатки его пародийных продолжателей лишь укрупняют, утверждают его достоинства. Этот «очищающий», возвышающий эффект пародий Достоевского уже был отмечен литературоведением. В исследовании Н. М. Чиркова, в частности, замечено: «комическое снижение подчас имеет у него [*Достоевского*. — Н. М.] своей функцией прямое пародирование патетического. Однако такое пародирование в конечном счете заостряет патетическое» [15].

И Некрасову, и Достоевскому, по всей видимости, было необходимо поддерживать связь с Белинским, возвращаться к воспоминаниям о нем, но природа этой потребности была различной, как различны были и способы предъявления личности Белинского на страницах художественных произведений. Некрасов, прекрасно владея жанром пародии, никогда бы не обрушился с пародией на Белинского — в том не было нужды. Достоевский же, «дитя века, дитя неверия и сомнения» [5, Т. 28(I), 126], обращаясь к пародии, предпринимал попытку определиться в своем отношении ко многим мучавшим его на протяжении жизни вопросам, в том числе в отношении к Белинскому. Высмеивание того, что вызывает сомнения, позволяет художнику создать картину объективную, честную по отношению к действительности и самому себе.

Некрасов, произведенный Белинским «из литературной дворянки в дворяне» [7, 96] (слова самого Некрасова) воспринимал его не иначе как в качестве учителя и друга,

трепетное теплое чувство к нему сохранив до самой смерти. Эту близость между Некрасовым и Белинским отмечал и Достоевский: «Некрасов благоговел перед Белинским и, кажется, всех больше любил его за всю свою жизнь...» [5, Т. 25, 29]. Достоевский изначально входил в литературу с другим самоощущением: ни «литературной дворнягой», ни «литературной тлѣй» он себя признать был не готов. Сначала «страстно принявший все учение» [5, Т. 21, 12] Белинского, «учителем», тем не менее, Достоевский его не называл — он вообще крайне далек был от того, чтобы кого бы то ни было относительно себя считать учителем (не в этом ли одна из причин расхождения его с кружком Белинского?) Духовное лидерство — это путь, который Достоевский, высмеивая его в своих произведениях (в том числе, пародируя Гоголя в «Селе Степанчикове», выводя карикатурную фигуру Верховенского-старшего в «Бесах»), кажется, готовил для себя самого.

Примечания

1. *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. АН СССР; ИРЛИ. Ссылки на сочинения и письма Белинского приводятся в тексте по этому изданию с указанием тома и страницы.
2. Белинский в воспоминаниях современников. Л.: «Academia», 1929. С. 8.
3. *Берлин И.* История свободы. Россия / Предисловие Е. Эткин-да. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 544 с.
4. *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 томах / АН СССР. Институт мировой литературы им. А. М. Горького; гл. ред. В. П. Волгин и др. Т. 9: Былое и думы. 1852–1856. Ч. 4. М., 1956. С. 31
5. *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. / АН СССР, Институт русской литературы (ПД). Л.: Наука, 1972–1990. Ссылки на сочинения и письма Достоевского приводятся в тексте по этому изданию с указанием тома и страницы.
6. См.: *Евгеньев-Максимов В. Н.* А. Некрасов и его современники: очерки / В. Евгеньев-Максимов. М.: Федерация, 1930. 336 с.

7. *Макеев М. С.* Николай Некрасов. Москва: Молодая гвардия, 2017. 463 с.
8. *См.: Макурина. Н. А.* Пародийный характер обращения к образу В. Г. Белинского в романах Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и «Бесы» // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2017. № 5. С. 665–674
9. *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (ПД). Л.: Наука. Ссылки на сочинения и письма Некрасова приводятся в тексте по этому изданию с указанием тома и страницы.
10. *Панаев И. И.* Литературные воспоминания. М., 1988. С. 285.
11. *Панаева А. Я.* Воспоминания / Вступ. ст. К. И. Чуковского. М.: Правда, 1986. 512 с.
12. *Ребель Г. М.* Виссарион Григорьевич Белинский 1811–1848: Неистовый и непревзойденный/ Интернет-журнал «Филолог» № 15.
http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_15_312
13. *Скатов Н. Н.* Некрасов. М.: Молодая гвардия, 2004. 412 с.
14. *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 11., 1852–1883. Ссылки на сочинения Тургенева приводятся в тексте по этому изданию с указанием тома и страницы.
15. *Чирков Н. М.* О стиле Достоевского. М., 1967. С. 173.
16. *Чуковский К. И.* Плеяда Белинского и Достоевский // Некрасов Н. А. Тонкий человек и другие неизданные произведения. М.: Федерация, 1928. 341 с. Цит. по электронному изданию. URL: <https://www.chukfamily.ru/kornei/prosa/knigi/nekrasovtonkiichelovek/pleyada-belinskogo-i-dostoevskij-vstupitelnyj-ocherk-kamennomu-serdcu>
17. *Чуковский К. И.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 10. 2-е изд., электронное. М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2012. 736 с.

К ИСТОРИИ РАБОТЫ И. А. БУНИНА НАД РАССКАЗОМ «ПЕСНЯ О ГОЦЕ»

Народное творчество всегда вызывало большой интерес многих писателей и поэтов. И. А. Бунин тоже довольно часто вводил фольклор в свои произведения. Жизнь народа он знал с самого раннего детства. В своей «Автобиографической заметке» он писал: «Лет с семи началась для меня жизнь, тесно связанная в моих воспоминаниях с полем, с мужицкими избами. <...> Мать и дворовые любили рассказывать, — от них я много наслушался и песен, и рассказов, слышал, между прочим, «Аленький цветочек», «О трех старцах», — то, что потом читал. Им же я обязан и первыми познаниями в языке, — нашем богатейшем языке, в котором, благодаря географическим и историческим условиям, слилось и претворилось столько наречий и говоров — чуть не со всех концов Руси»¹.

Став старше, Иван стал непременным участником деревенской улицы. Жена Бунина Вера Николаевна вспоминала: «Ходил «на улицу», где «страдали», плясали, и он сам иногда придумывал «страдательные» или плясовые, которые вызывали смех и одобрение».

«Никогда бы он так не узнал, не почувствовал народа, если бы, кончив курс в елецкой гимназии, переехал в Москву и поступил в университет. Надо было жить в деревне круглый год, близко общаться с народом, чтобы все воспринять, как воспринял он своим редким талантом. Даже их оскудение принесло ему пользу. У него с самого раннего детства были друзья, сначала среди ребяташек, а потом из деревенской молодежи, с которыми он коротал много времени, бывая

¹ Бунин И. А. Автобиографическая заметка. Собр. соч. в 9-ти т. Т. 9. М.: Художественная литература, 1967. С. 256.

запросто в их избах, знал до тонкости крестьянский язык. Оскудение помогло ему глубоко вникнуть в натуру русского мужика»².

Уехав из родительского дома, Бунин продолжает интересоваться жизнью простого народа, жизнью крестьян. Живя в Орле, он совершает поездки по средней полосе России, живя в Полтаве, путешествует по украинским селам. Бунин писал И. А. Белоусову 6 мая 1897 году: «Я уже, как видишь, пустился в передвижения, «многих людей города посетил и обычаи видел», т.е., говоря не гомеровским языком, уже много пропер по степям, по шляхам, местечкам и хуторам, а теперь приветствую тебя из великого Миргорода!» И далее: «А я, брат, опять почти ничего не пишу. Всё учусь,— по книгам и по жизни: шатаюсь по деревням, по ярмаркам,— уже на трёх был,— завел знакомства со слепыми, дурочками и нищими, слушаю их песнопения и т.д.»³. В этих скитаниях Иван Алексеевич видел средство познания народа и школу своего мастерства.

Со временем интерес к народному творчеству у Бунина продолжает расти. Он знакомится с трудами выдающихся фольклористов: П. В. Киреевского, П. Н. Рыбникова, Е. В. Барсова и др. Сам делает записи народных песен, сказов, обрядов, былин, сказок, загадок и пословиц, которые потом виртуозно использует в своих произведениях.

Постепенно Иван Алексеевич начинает интересоваться культурой и фольклором других народов. Этому способствовали его многочисленные путешествия, в том числе и в Бессарабию. А. К. Бабореко делает предположение, что «первый раз Бунин мог посетить этот край во время поездки к своему другу, секретарю журнала «Наблюдатель», поэту М. М. Гербановскому, в 1895 году, когда тот жил на Русских Фольварках под Каменец-Подольском; тогда он мог побы-

² Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М.: Художественная литература, 1989. С. 86

³ Бунин И. А. Письма 1885–1904 гг./ Под общ. ред. О. Н. Михайлова; Подг. текстов и коммент. С. Н. Морозова, Л. Г. Голубевой, И. А. Костомаровой. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 239–241.

вать в молдавском городе Сороки, а в 1913 году Бунин приезжает в Кишинев»⁴.

Ивана Алексеевича не оставил равнодушным этот замечательный край и удивительный народ с его песнями и сказаниями. Результатом знакомства с Бессарабией стал основанный на молдавском фольклоре рассказ «Песня о гоце», написанный в Васильевском в 1916 году.

Вера Николаевна Бунина записала в дневнике 22 июня 1953 года: «Вечером Ян сказал: «Гоца я задумал написать в Индийском океане по пути на Цейлон, но написал только начало. Как странно!»»⁵

Рассказ написан Буниным в виде поэтического народного сказания о справедливом разбойнике-гоце⁶, который грабил богатых и помогал бедным. «Был тот гоц не талгарь, не разбойник, конокрадам-фараонам ломал ноги, грабил одних богатых, из добычи оставлял себе сотую долю, остальное раздавал неимущим, убивал, только защищаясь, в среду и в пятницу постился»⁷.

В основной сюжет рассказа о жизни, подвигах и любви гоца Бунин умело вплетает элементы из других молдавских песен и преданий — о Скорбящей Матери и т.д. Подобный прием часто используется в народных сказаниях. Очень ярко он выражен в поэме Г. Лонгфелло «Песнь о Гайавате», с которой русский читатель смог познакомиться благодаря блистательному переводу Ивана Алексеевича.

Г. Богач в своей работе «Источник «Песни о гоце» И.А. Бунина» (журнал «Кодры», Кишинев, 1969, № 4) высказывает предположение, что литературным источником «Песни о гоце» послужил труд И. А. Яцимирского «Разбойники Бессарабии в рассказах о них», напечатанный в журнале «Этнографическое обозрение», 1896, № 1. Яцимирский записал

⁴ Бунин И. А. Собр. соч. в 8 т. Т. 4 (1907–1924). М.: Московский рабочий, 1995. С. 497.

⁵ Устами Буниных. Т. 2. М.: Посев, 2005. С. 406.

⁶ Гоц — разбойник (молдавск.)

⁷ Бунин И. А. Собр. соч. в 8 т. Т. 4 (1907–1924), М.: Московский рабочий, 1995. С. 195.

рассказы о гайдуках-гоцах и воспользовался работами молдавских и русских авторов. Героический эпос в молдавском фольклоре занимает выдающееся место. В XVII–XVIII вв. особый подъем приобретает народное движение — гайдучество. Его появление было результатом турецкого ига и феодального гнета. «Павлины Кодр», объединенные в ватаги, нападали на турецкие отряды и караваны, на боярские имения, отбирали богатства купцов и помогали бедному народу. Эти события находили отражение в народных песнях и сказаниях.

Подобные сюжеты о «справедливых» разбойниках мы встречаем в преданиях других народов. Например, Робин Гуд — герой средневековых английских народных баллад.

Г. Богач пишет, что Бунин «слушал молдавских сказителей, а поэтому и сохранил соответствующую атмосферу, при которой исполняются народные поэтические произведения».

Иван Алексеевич видел одежду молдавских крестьян, подробное описание которой он дает в своем рассказе: «Знаешь, какой наряд носил он? А такой, что любой пастух носит: ступни в свиной коже, шаровары и рубаха из холстины, за поясом нож, пистолы, плоска, — по-господски фляга, — на голове баранья шапка, на плечах просторная манта из овечьей шерсти, за плечами — карабин короткий»⁸.

«Видел, изучил и описал Бунин одну из приднестровских пещер»⁹ — пещеру возле города Сороки. Неслучайно, что именно таинственная пещера становится убежищем главного героя рассказа: «Посмотри, говорят в народе, посмотри в темноту за Реутом, если доведется тебе ехать по берегу ночью: ты увидишь скалы, черную пещеру в их обрыве, а в пещере — груды тлеющего жара. Но то не жар, не угли, а червонные старые деньги. Вход в пещеру узок, с каменным порогом. <...> Золото насыпано на полу посередине: не всё успел раз-

⁸ Бунин И. А. Собр. соч. в 8 т. Т. 4 (1907–1924), М.: Московский рабочий, 1995. С. 195–196.

⁹ Богач Г. Источник «Песни и гоце» И. А. Бунина. «Кодры», Кишинев, 1969, № 4. С.

дать бедным гоц — войник, что жил в этой древней келье, до него служившей приютом святому Божьему человеку»¹⁰.

21 февраля 1931 года Галина Кузнецова в своем дневнике записала слова Бунина: «Я ведь чуть где побывал, нюхнул — сейчас дух страны, народа — почуял. Вот я взглянул на Бес-сарабию — вот и «Песня о гоце». Вот и там всё правильно, и слова, и тон, и лад.

И он прочел, опять изумительно, «Песню о гоце»»¹¹.

Впервые этот рассказ был опубликован в 1916 году в газетах «Орловский вестник» (Орёл, № 81 10 апреля, с. 2), «Чернозем» (Пенза, № 80, 10 апреля, с. 2), «Донская жизнь» (Новочеркасск, № 81, 10 апреля, с. 2).

Мы видим, что рассказ одновременно появился сразу в нескольких газетах, выходящих в разных городах с одним и тем же текстом. Как это могло произойти?

Распоряжением председателя Совета министров и министра внутренних дел П. А. Столыпина от 1 сентября 1906 года при Главном управлении по делам печати было образовано Осведомительное бюро, переименованное в 1915 году в Бюро печати. Эти бюро стали появляться в разных городах. Они выполняли административные и цензурные функции. Видимо, эти бюро и делали рассылки материалов по газетам.

Сотрудник «Московского бюро печати» С. К. Линцер писал И. А. Бунину 4 апреля 1916 года: «Одновременно с сим письмом посылаю перевод на 206 р. 25 коп. — гонорар за присланный Вами рассказ «Песня о гоце». <...> Рассказ, как я Вам уже писал, отослан. Не замедлю выслать Вам как-нибудь N-р газеты, где он будет напечатан»¹².

28 июня 1916 г.

«<...> Вы меня спрашивали, Иван Алексеевич, послал ли я Вам NN-ра газет, в которых появился Ваш пасхальный

¹⁰ Бунин И. А. Собр. соч. в 8 т. Т. 4 (1907–1924). М.: Московский рабочий, 1995. С. 195–196.

¹¹ Кузнецова Г. Н. Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад. М.: Московский рабочий, 1995. С. 205–206.

¹² Летопись жизни и творчества И. А. Бунина. Т. 2 (1910–1919) / Сост. С. Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 750.

рассказ «Песня о гоце». Я ответил, что отослал в Измалково. Если Вы почему-либо не получили этих газет <...>, я их вновь вытребую от редакций¹³ и вышлю Вам»¹⁴.

Письма подтверждают, что публикации рассказа шли одновременно в нескольких газетах.

В фондах ОГЛМТ хранятся два экземпляра рукописи Бунина «Песня о гоце». Первый — это полный текст рассказа на трех больших листах в линейку (36 см х 22, 5 см)¹⁵. Второй — один лист с окончанием рассказа¹⁶. Оба варианта написаны черными чернилами. Правки в тексте сделаны простым грифельным карандашом и чернилами, что дает возможность предположить, что к правке текста Бунин возвращался не один раз. В конце первой рукописи стоит дата написания рассказа: «20. III. 1916. Готово». Видимо, сначала это была беловая рукопись. Начало рассказа написано ровным каллиграфическим почерком с небольшими правками и зачеркиваниями отдельных слов, что допустимо при переписывании текста с черновика. В конце рукописи очень много исправлений, выносов на поля, вставок, на которых тоже очень много правок текста. Конец рассказа читается с большим трудом.

Изучая правки, сделанные Иваном Алексеевичем в рукописи, можно увидеть, как автор работал над рассказом. Хочется привести некоторые примеры того, как писатель совершенствовал своё произведение.

Очень красиво, лирично и образно описывает Бунин главного героя: «А сам он был статен, как тополь, и, как дуб крепок, силен, как вол, смел, как пуля, хитер, как змея, скор, как мысли, горяч, как любовь <...>». Слово «вол» автор меняет на «волк». И образ гоца становится выразительнее: «А сам он был статен, как тополь, и, как дуб крепок, силен, как волк, смел, как пуля, хитер, как змея, скор, как мысли, горяч, как

¹³ «Редакции» — подтверждает то, что «Московское бюро печати» делало рассылку в различные редакции (Примеч. автора).

¹⁴ Летопись жизни и творчества И. А. Бунина. Т. 2 (1910–1919)/Сост. с. Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 750.

¹⁵ ОГЛМТ, ф. 14. ОП. 791/1 оф.

¹⁶ ОГЛМТ, ф. 14. ОП. 791/2 оф.

любовь <...>». Такие замены дают возможность создать более яркий образ героя.

Читая рукопись, видишь, какое значение Бунин придавал знакам препинания, несущим большое смысловое и звуковое значение. В тексте читаем: «У него был конь рыжий, быстрый, как ветер, умный, как лисица <...>». Между словами «рыжий» и «быстрый» автор ставит знак вставки «V» и выносит на поля символ «V-», т.е. между словами «рыжий», «быстрый» появляется тире: «рыжий — быстрый». И воображению читателя предстаёт необыкновенный и сказочный конь.

В некоторых предложениях «тире», которое вставляет автор, превращает предложение в прямую речь.

«Конь споткнулся, гоц упал на землю — тут его крепко связали, каблуком проломили ему темя и в оковах повезли на телеге в Яссы. Добрые Христовы люди, было это тоже в светлый Христов праздник!» Перед словами «Добрые Христовы люди» автор делает вставку «V-» и добавляет знак «тире». В этом же предложении Бунин зачеркивает «крепко» и сверху простым карандашом пишет «туго». Читаем окончательный вариант: «Конь споткнулся, гоц упал на землю — тут его туго связали, каблуком проломили ему темя и в оковах повезли на телеге в Яссы. — Добрые Христовы люди, было это тоже в светлый Христов праздник!»

Часто в тексте Бунин зачеркивает несколько слов, что делает текст рассказа более лаконичным и ярким. Например: «В ту Христову полночь стала вдова-молдавка возлюбленной гоца, его милой, брáтицей, так говорится в народе. И три года любила она гоца горячо и верно. А на четвертый год, — мало в людях и ума, чести! — подкупил её вамишь, исправник большими деньгами и предала она, Иуда, гоца в его руки».

Бунин вычеркивает «так говорится в народе» и «большими деньгами». Окончательный вариант. «В ту Христову полночь стала вдова — молдавка возлюбленной гоца, его милой, брáтицей. И три года любила она гоца горячо и верно. А на четвертый год, — мало в людях и ума, и чести! — подкупил её вамишь, исправник, и предала она, Иуда, гоца в его руки».

Заключительная часть любого произведения — итог и самый сильный аккорд, в который автор вкладывает огромный смысл.

В рассказе «Песня о гоце» Бунин в нескольких последних предложениях создает четыре удивительных и разных женских образа. Это образы сестер и матери гоца-богатыря, которые своим «плачем» спасают героя из тюрьмы.

Так называемый «плач» получил широкое распространение во многих культурах (плач Ярославны в «Слове о полку Игореве» и т.д.), в том числе и в молдавской обрядовой и бытовой народной поэзии. Плач — один из древних литературных жанров, характеризующийся лирико-драматической импровизацией на темы несчастий и смерти.

Бунин в рассказе буквально в нескольких предложениях великолепно передаёт силу женской любви и силу материнского горя.

Иван Алексеевич особенно тщательно работал над последней частью «песни», делал множественные правки и изменения, вычеркивал отдельные слова, делал вставки, которые опять вычеркивал, некоторые фразы писал на полях рукописи. В этих местах автограф читается с трудом.

Бунин, видимо, переписывал набело весь рассказ, но в фондах музея (ОГЛМТ) хранится только последний лист белого варианта с окончанием рассказа, который в этой работе хотелось бы привести полностью: «И ударил князь связанного гоца в щеку — крепко ударил. — «Так и Христа Бога били на суде Пилата» — сказал ему гоц, от гнева, тихо. И князь грозно крикнул: «Молчать, толгарь, разбойник!» — И сказал гоц князю: — «На кресте, ваше высочество, простил разбойника Сын Божий!» — И ударил князь гоца еще злее и велел предать его казни.

Ты, зеленый лист дикой яблони, вы, весенние Кодры, и вы, быстрые реки! Никогда бы вам не видать больше гоца, если бы не Божья защита! Ни сила, ни хитрость, ни талисманы, ни заговоры не спасли бы его от позора. Уже стучали топорами на площади в Яссах, уже сколачивали трон и для

гоца, уже вострил палач на его белую шею свою тяжкую секиру. Да дошла, долетела весть о близкой казни гоца до его родного дома. Встань, Божий воин, слушай: вот заплакала старшая сестра твоя, с черной косой до колена,— и бесильны её слёзы; вот заплакала средняя твоя сестра, с рыжей косой ниже стана,— и она помочь не в силах; вот заплакала твоя младшая сестра, ребёнок,— расступаются от слез её Кодры, разливаются реки, раскрываются ущелья. А теперь, гоц, крепче схватись за темничную решетку,— чуешь, чей это голос вступает? Это голос тебя породившей!

Как заплакала мать гоца, задрожала его темница, зашатались её стены, затрещала ржавая решётка.

Как заплакала мать гоца, в прах рассыпались его оковы, вышел он на вольное поле и ударил сильною ногою в землю:

— Гей, гей, добрые люди! Попомню я вам ваш Христов праздник!

Ив. Бунин».

Позже Иван Алексеевич внес некоторые изменения в эту часть рассказа.

Бунин любил рассказ «Песня о гоце». Он включал его почти во все свои сборники и собрания сочинений.

В музее хранятся некоторые сборники, куда И. А. Бунин включил этот рассказ. Это: Бунин И. А. Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг. Париж: Русская земля, 1920 г.; Бунин И. А. Собрание сочинений: В 11 т. Берлин: Петрополис, 1935. т. 5; Бунин И. А. Петлистые уши и другие рассказы. Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1954. Известно, что Бунин всегда очень тщательно готовил все свои произведения к публикации. Иногда они претерпевали значительные изменения. Однако если сравнивать вышеуказанные издания, то мы увидим, что правки совсем незначительны. Это свидетельствует о том, что Иван Алексеевич считал «Песню о гоце» удавшимся рассказом. Не случайно, он включил его во все свои сборники и собрания сочинений.

Незадолго до смерти Бунин начал готовить к изданию сборник «Петлистые уши и другие рассказы» (см. выше).

В Предисловии от издательства читаем: «Настоящий сборник является последней книгой рассказов, отобранных еще рукою Ивана Алексеевича Бунина, скончавшегося в Париже 8 ноября 1953 г. на 83 году жизни. Уход из жизни такого большого писателя как Бунин придает всем мыслям, поступкам и планам, которым не суждено было осуществиться, особую значительность. Такую особую значительность приобретает самый отбор рассказов, вошедших в эту книгу. В одном из своих писем в Издательство, посвященных рассказам этого сборника, Бунин писал, что тематически он собирается разбить книгу на три части: первая часть книги, открывающаяся рассказом «Петлистые уши», — «трагична»; вторая, начинающаяся с рассказа «Аглая», — «светла, благостна»; третью часть Бунин предполагал посвятить Чехову, над литературным портретом которого он работал последние месяцы своей жизни». Рассказ «Песня о гоце» Бунин включил во вторую «благостную» часть книги. Действительно, «Песня о гоце» — один из позитивных и светлых рассказов в творчестве Ивана Алексеевича.

ЛЕОНИД АНДРЕЕВ В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

В 1897 году Леонид Андреев окончил Императорский Московский университет. Много лет прошло с того времени... Именно здесь, в Москве, он испытал самые светлые и яркие моменты своей жизни, и в то же время самые трудные и тяжёлые годы его биографии прошли на старых улочках этого славного города.

Исключённый за неуплату из Петербургского университета, Леонид Андреев в 1893 году становится студентом второго курса юридического факультета Императорского Московского университета, за обучение в котором плату внесло Общество пособия нуждающимся. В Москве он поселяется в дешёвых «нумерах» Фальц-Фейна на Тверской улице, где тогда жило большинство студентов. Андреев попадает в окружение земляков-орловцев и в атмосферу студенческой жизни. Позже эта атмосфера будет достаточно колоритно передана им в пьесах «Gaudeamus» и «Дни нашей жизни». Некоторым персонажам в них Леонид Андреев даёт фамилии орловских студентов: это Павел Глуховцев и Сергей Блохин, которые ранее учились вместе с Андреевым в орловской гимназии. Брат Павла Глуховцева Алексей напишет оперу на сюжет «Дни нашей жизни». Сергей Сергеевич Блохин после окончания университета будет служить в Орле в психиатрической больнице. А Михаил Федорович Ольгин, орловский гимназист, потом студент юридического факультета, выведен в пьесе «Дни нашей жизни» в образе Мишки Баса. Упоминаются в пьесах и номера Фальц-Фейна. Обе эти пьесы, в которых нашёл отражение богатый биографический материал, шли на сценах столичных и провинциальных театров.

Указ об открытии Московского университета был подписан 12 января 1755 года. Эта дата совпала с отмечаемым православной церковью праздником — днём памяти мученицы Татианы. И впоследствии традиционный праздник московских студентов получил название «Татьянин день». Об этом празднике Леонид Андреев рассказывает в своём фельетоне «Татьянин день» (1902): «Были тут малознакомые друг с другом и совсем не знакомые, были седые старики и безбородые юноши,— но такова была власть душевного подъёма, что все различия сгладились, все стали знакомыми и друзьями, все стали юношами, и это было так хорошо, что плакать хотелось <...>»¹. Это чувство замечательного студенческого братства сохранилось у Андреева относительно товарищей-студентов и в дальнейшем. Одним из таких был Иван Николаевич Севастьянов. Друзья вели переписку, а в 1908 году Леонид Николаевич читал в Орле в его квартире свой «Рассказ о семи повешенных». Андреев подарил товарищу первый том своих сочинений.

Первые годы учёбы в Московском университете в материальном отношении были для Л. Андреева очень тяжёлыми. Его брат Павел вспоминал: «Из жизни его первого года в Москве мне известно мало, знаю только, что жил он в материальном отношении очень плохо, столовался в так называемой «Ляпинке», где столовалось и жило самое беднейшее студенчество...<...> Более сносной делало жизнь Леонида то, что, состоя выборным от всего Орловского землячества по распределению бесплатных билетов во все императорские театры, он имел возможность ежедневно ходить в них, что конечно и использовал в полной мере, перебивав по несколько раз во всех операх»². Леонид Андреев состоял в землячестве, которое объединило студентов орловщины. Землячество решало вопросы жизни и учёбы, постоянно изыскивало средства для оказания помощи беднейшим из них. Для чего орга-

¹ Кен Л. Н. и Рогов Л. Э. Жизнь Леонида Андреева, рассказанная им самим и его современниками. СПб., 2010. С. 42.

² Там же. С. 54.

низовывались концерты, сбор средств с которых шёл в фонд помощи этим студентам. Сам Андреев, страдая от бедности в студенческие годы, став известным писателем, никогда не отказывался от участия в таких концертах. Так, 2 января 1904 года он принял участие в концерте в Дворянском собрании в Орле в пользу недостаточных студентов-орловцев.

Несмотря на то, что жилось Леониду Николаевичу в Москве достаточно трудно, он начинает всерьёз увлекаться театром: «Бываю почти каждый день в Малом театре, — пишет он в Орел родственникам. — Весёлости не утрачиваю, хотя последние дни чего-то хандрю. Сейчас только что вернулся с «Родины» Зудермана, шедшей сегодня первый раз с большим успехом»³. Самым любимым театром Андреева стал Художественный театр. В будущем многие его пьесы будут поставлены на сцене этого театра.

В первые годы учёбы в университете положение Андреева было настолько тяжёлым, что в 1893–1894 учебном году ему пришлось обращаться к инспектору Московского университета с просьбой об освобождении его от платы за право обучения. На следующих курсах Андреев уже сам стал понемногу зарабатывать. Он давал уроки, писал статьи и рисовал портреты на заказ. «С большим успехом я отдавался живописи..., — вспоминал сам Леонид Николаевич, — а именно, рисовал на заказ портреты по 3 и 5 р. штука. Усовершенствовавшись, я стал получать за портрет по 10 и даже 12 р.»⁴.

В Орёл будущий писатель приезжал на зимние и летние каникулы. В один из таких приездов (летом 1894 года) Леонид знакомится с Надеждой Антоновой. Любовь к молоденькой гимназистке полностью захватила его. «Как воздух, как еда, как сон — любовь — необходимое условие моего существования, — писал в дневнике молодой и влюблённый Леонид Андреев. И далее: «Значение этой любви для меня громадно. Она — единственный смысл моей жизни. <...> Со знакомством с Надей начинается перелом. Острые страдания,

³ Фатов Н. Н. Молодые годы Леонида Андреева. Орел, 2010. С. 96.

⁴ Там же. С. 79.

жестокая операция, которую произвели над моим сердцем, возможность счастья, следовательно, вера в жизнь — пробудили во мне жажду этой жизни, расшевелили погруженный в спячку ум — я стал жить. 22 июня 1894 года — это второй день моего рождения...»⁵.

Поздней осенью 1894 года мать Леонида Андреева, продав дом в Орле, вместе с детьми переехала в Москву, поближе к Леониду. «Денег со мной было всего полторы тысячи, с этим и начала новую жизнь в Москве»⁶, — вспоминала Анастасия Николаевна. Этих денег, вырученных от продажи орловского дома, хватило на приемлемую в материальном отношении жизнь ненадолго. Андреевы снимали жильё на Пречистенском бульваре во дворе большого дома, владельцем которого был Г. Н. Крейзман. Одну из трёх комнат сдавали жильцам, — предполагалось, что это станет прибавкой к той небольшой пенсии, что получала Анастасия Николаевна. Андреевы называли этот период жизни «крейзмановским».

Жизнь в доме Крейзмана была ужасной. Вся семья жила в комнате, которая располагалась на втором этаже над холодным деревянным сараем, и стены этой комнаты были залиты сыростью. Из мебели — одна кровать, один стол и несколько простых деревянных стульев. В этом доме сильно заболела, истощённая голодом, сестра Леонида — Зиночка. Вторая сестра, Римма, моментально побежала в ближайший дом за врачом, зная прекрасно, что визита врача оплатить нечем... Прибывший врач, прежде всего, никак не мог уяснить себе, что помещение, в котором обитала эта семья, — жилое помещение... Ошеломляющее впечатление на него произвела и вся обстановка, главное — бытовые условия больной... Он дал необходимые медикаменты. А вскоре прислал Андреевым «большой баул с провизией». На другой день — воз дров. «Вскоре на безвыходное положение семьи обратила вни-

⁵ Андреев Л. Н. Дневник. 1897–1901 / Подготовка текста М. В. Козьменко и Л. В. Хачатурян (при участии Л. Д. Затуловской), составление, вступ. ст. и коммент. М. В. Козьменко. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 47, 52

⁶ Кен Л. Н. и Рогов Л. Э. Жизнь Леонида Андреева, рассказанная им самим и его современниками. СПб., 2010. С. 57

мание какая-то «община»... какое-то «попечительство»... Сделали обследование, после которого ежедневно семье Л. Андреева выдавали — мясо, сахар и хлеб» — вспоминала Н. Гарина⁷. В этом доме зародилась у Леонида Андреева тема для популярной впоследствии пьесы «Дни нашей жизни» — этот кошмарный сюжет он целиком взял из соседней, сдаваемой ими комнаты, где мать-пьяница торговала телом единственной своей дочери Ольги, — скромной, прекрасной, запуганной и забитой ею «Оль-Оль», как прозвал её Леонид Андреев⁸. Здесь же, кроме всех несчастий, Леонид переживал и свою личную, большую драму — глубокую любовь к девушке, которая дважды отказывала ему, нищему студенту. Он знал, что Надежда не пойдёт против воли матери, но ничего не мог с этим поделать.

В разлуке с любимой Андреев пишет рассказ «Он, она и водка», опубликованный 5 сентября 1895 года в «Орловском вестнике». Со слов самого писателя это была «сплошная выдержка из дневника», который «читала вся Орловская губерния»: «Странное то было существо. Поэт старых времен затруднился бы охарактеризовать ее. Ни ангелом, ни демоном нельзя было ее назвать — но было в ней и черта немножко, и немножко ангела, и нельзя было разобрать, где кончался один и начинался другой. Наивна она была как ребенок, жестока, как могут только быть жестоки дети, и ласкова, как только может быть ласкова женщина. У нее было доброе сердце...»⁹.

После дома Крейзмана Андреевы жили в маленьких дешёвых квартирах, которые довольно часто меняли. «Достоинства» очередной такой квартиры Андреев шутливо описывал в письмах к родственникам: «<...> окна в моей комнате наравне с тротуаром; рамы выставлены — и трудно решить, пью я чай на окне или на панели. Но это бы не беда: неприятно, что вчера какой-то прохожий попал ногой в стакан». Ещё:

⁷ Гарина Н. Воспоминания о Леониде Андрееве / Публикация Л. Н. Ивановой // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома. 2000. СПб, 2004. С. 423.

⁸ Там же. С. 423.

⁹ Андреев Л. Н. Полное собр. соч. и писем в 23 томах. М., 2007. Т. 1. С. 30.

«Комната моя велика и не так уж дурна. Очень светла, когда зажгут несколько ламп; днём темновата немного: на днях я утром потерял в комнате маму, и нашёл её только к вечеру, хотя мы всё время перекликались»¹⁰. Студенческая жизнь Леонида Николаевича была, однако, очень насыщенной. 2 марта 1896 года Андрееву было выдано выпускное свидетельство, в котором было обозначено, что он «слушал курсы по истории римского права, догме римского права, государственному праву, церковному праву, полицейскому праву, политической экономии, статистике, уголовному праву и судопроизводству, финансовому праву» и пр. В итоге имеет 8 зачётных полугодий. Но, имея такое свидетельство, удостоверяющее о прослушивании большого количества наук, Леонид Николаевич чувствовал себя не очень сведущим во всех этих «историях прав» и «процессах». На основании выданного ему свидетельства Андреев мог быть допущен к выпускным экзаменам, но, подав соответствующее прошение, сдавать их отказался. Вероятно, это было связано с тем, что в этом году, в виду предстоящей коронации Николая II, экзамены начинались раньше обычного, в марте, и должны были закончиться к 5 мая, так что времени для подготовки совсем не оставалось.

К заботам, связанным с экзаменами, присоединились переживания с любовью к Надежде Антоновой, которая тоже оказалась в Москве и поступила на курсы домашних воспитательниц.

Предстоящие выпускные экзамены пугали Андреева — и он то ли в шутку, то ли всерьёз писал в Орёл родным о предполагаемой в марте поездке в Харьков или Одессу, где, по слухам, экзаменовали легче. Но на дорогу не было денег, и он остался в Москве в полной уверенности, что неуспех ему обеспечен. «Я почти равнодушен к провалу, — писал Андреев в дневнике за два дня до начала экзаменов. — И странно: причина в том, что мне слишком хочется выдержать. Диплом

¹⁰ Кен Л. Н. и Рогов Л. Э. Жизнь Леонида Андреева, рассказанная им самим и его современниками. СПб., 2010. С. 59.

представляется мне слишком крупным благом, для того, что бы я мог его получить. И я знаю, что не получу его — и спокоен. Вот беда будет, если мне удастся выдержать несколько экзаменов — и потом провалиться!...»¹¹. Когда же первые экзамены прошли благополучно, Андреев сообщил об этом в Орёл: «По Угол. Процессу, у Духовского, я отвечал с красноречием Цицерона, мудростью змия и кротостью голубицы. Отметку получил я такую, что с тех пор, как введены Гос. экзамены, выше её не было никогда и ни у кого (я получил т. наз. «весьма» или «5»). Второй экзамен, по Угол. Праву, имел менее торжественный и радостный характер — и даже наоборот носил некоторый оттенок меланхолии и задумчивости. Отметку получил я: «удовлетворительно», просто, а не весьма»¹².

Впереди было ещё 9 экзаменов, которые требовали серьёзной подготовки, учить нужно было около 2 500 тыс. страниц по каждому предмету. Однако, к своему удивлению, все экзамены Андреев выдержал. В конце мая, когда экзамены остались позади, Андреев делает запись в дневнике: «Итак, «чудо» свершилось. Экзамены кончены, и я кандидат прав. Я сам удивляюсь, как мог я выдержать <...>»¹³. В шуточной форме Андреев поведал об этом орловским родственникам: «Милые мои! Недаром я всегда с похвалой отзывался о почтенном Леониде Николаевиче. Это весьма симпатичный и дельный молодой человек... Сегодня у него было последних два экзамена — в данный момент он — кандидат прав. От души поздравляю вас с таким родственником...»¹⁴. Будущий писатель несколько поторопился назвать себя «кандидатом прав». Диплом, который получил Леонид Андреев, был второй степени и давал звание не «кандидата», а лишь «действительного студента». Но главное было сделано — экзамены

¹¹ Кен Л. Н. и Рогов Л. Э. Жизнь Леонида Андреева, рассказанная им самим и его современниками. СПб., 2010. С. 68.

¹² Фатов Н. Н. Молодые годы Леонида Андреева. Орел, 2010. С. 134–135.

¹³ Андреев Л. Н. Дневник. 1897–1901 / Подготовка текста М. В. Козьменко и Л. В. Хачатурян (при участии Л. Д. Затуловской), составление, вступ. ст. и коммент. М. В. Козьменко. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 74.

¹⁴ Фатов Н. Н. Молодые годы Леонида Андреева. Орел, 2010. С. 139.

сданы, и довольно успешно: по 7 предметам из 11 Андреев получил высшую отметку — «весьма удовлетворительно».

Диплом изготовлялся довольно долго и был подписан попечителем Московского учебного округа Н. Боголеповым и Председателем Испытательной комиссии М. Владимирским-Будановым лишь 3 октября 1897 года. А «держатъ его в руках», о чём мечтал Леонид Андреев еще 27 мая, ему пришлось лишь 23 января 1898 года.

Студенческие годы в Московском университете оставили яркий след в жизни и творчестве (воспоминаниях, фельетонах, драматических произведениях) Леонида Николаевича Андреева. В памяти друзей-студентов он остался прекрасным товарищем и верным другом. Михаил Федорович Ольгин вспоминал: «В грустном, но ласково-милым отблеске памяти о тех днях предстоит мне образ желанного сердцу моему Леонида Андреева, — доброго товарища, задушевного друга <...>. И по уму, и по таланту Леонид был выше нас — друзей его, но никогда он не кичился дарованием своим, превосходством своим перед нами, никогда не позволял себе унижить кого-либо из нас. Все мы любили и уважали Леонида и высоко ценили его ум и талант...»¹⁵.

¹⁵ Воспоминания Михаила О-на Ольгина о Леониде Андрееве [Тексты] / М. Ф. Ольгин; вступ. ст., подготовка текста и коммент. Л. В. Иванова // Леонид Андреев: Материалы и исследования / Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. Москва: Наследие, 2000. С. 158.

Н. К. Деулина

ЛЕОНИД АНДРЕЕВ. «СКИТАНИЯ ПО ЕВРОПАМ»

В России конца XIX — начала XX века мотивы отъезда и цели частного путешествия за границу были довольно разнообразными. Высокопоставленные чиновники, военные, помещики и состоятельная интеллигенция, в основном, ездили в Европу для отдыха и развлечения. Но постепенно интересы, связанные с получением специальной подготовки и повышением профессионального уровня, стали играть все более заметную роль. В поисках новых впечатлений и вдохновения, а также благоприятных условий для творческого труда за границу все чаще отправлялись люди искусства. Особую роль играли мотивы политического характера, вынуждавшие русских поданных, среди которых было немало людей, занимавшихся литературным трудом, надолго уезжать в Западную Европу.

Известный русский писатель Леонид Николаевич Андреев в течение жизни совершил несколько заграничных путешествий.

1-е путешествие: ноябрь 1905 г. — апрель 1906 г. Германия, Швейцария.

В феврале 1905 года Леонид Николаевич был заключен в Таганскую тюрьму за предоставление своей квартиры для нелегального заседания ЦК РСДРП(б). Через 15 дней его выпустили под залог, внесенный С. Т. Морозовым. Полиция устанавливает за писателем негласный надзор, но Леонид Андреев продолжает работать над произведениями, содержание которых отражает нарастающий революционный подъем в обществе: «Губернатор», «Так было», «К звездам».

Преследование властей усиливается, и 24 октября 1905 года Л. Н. Андреев пишет К. П. Пятницкому¹: *«Жизнь в Москве для меня становится невозможной. <...> я получаю предостережения и уже два раза должен был перекочевывать с семьей на разные квартиры. <...> это делает положение скверным, утомительным: мешает работать и просто жить»*².

16 ноября семья Андреевых покидает Москву и отправляется в Германию. Местом жительства был выбран Берлин. В письме к матушке Леонид Андреев делится своими впечатлениями: *«Шатался утром по Берлину — как красиво, как непохоже на наше, как богато! Вернулся домой, ошалевший. Был дурак, что до сих пор не ездил за границу: без заграницы надлежащим образом нельзя понять ни жизнь, ни человека. <...> Вчера, когда ехали с вокзала по этим улицам, среди этого города, мне жаль было свою Россию — невежественную, бедную, несчастную, обливающуюся кровью»*³.

В Берлине Леонид Николаевич заканчивает пьесу «К звездам» и в конце декабря читает эту пьесу в Общественном Доме района «Маобит». Андреев посещает берлинские театры и делает для себя вывод, что: *«Лучший — Lessings. Дивные актеры; художественное, тонкое, осмысленное исполнение»*⁴.

12 января 1906 года Леонид Андреев с семьей переезжает в Мюнхен. Район, в котором поселился писатель, носил название Швабинг. Он располагался сразу за аркой Победы на Леопольдштрассе. Здесь было много музеев и галерей, учебных заведений, студий и книжных магазинов. Леонид Николаевич посетил Пинаотеку и Глиптотеку, которые произвели на него довольно сильное впечатление. В Мюнхене он впервые увидел работы швейцарского художника Арнольда Беклина, ставшего одним из его любимых живописцев. Именно здесь у Андреева появились мысли о создании но-

¹ Пятницкий Константин Петрович (1864–1938) — один из основателей и директор-распорядитель издательства «Знание» в Петербурге.

² Вопросы литературы. 1971. № 8. С. 169.

³ Кен Л. Н. и Рогов Л. Э. Жизнь Леонида Андреева, рассказанная им самим и его современниками. СПб., 2010. С. 151.

⁴ Литературное наследство. Т. 72. Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка. М.: Наука, 1965. С. 262.

вой «цензурной пьесы», которая в будущем получит название «Жизнь Человека».

Из письма Андреева Пятницкому: «<...> заграница раздвинула мне голову и дала новые мотивы для работы. Есть вещи — задуманные, — которые могли родиться только здесь. И я очень рад, что «увеселительно-успокоительная» прогулка превратилась в нечто более серьезное и важное. <...> Вчера окончил драму «Савва» — вещь, которую опять-таки можно было написать только при двух противоположных влияниях: заграницы и российских зверств»⁵.

12 февраля 1906 года Андреевы отправились в Швейцарию. Первоначально они остановились в Лозанне, но поиски пансиона привели их в Глион, местечко вблизи Монтрэ (отель Монт-Флери). После Швейцарии Л. Н. Андреев собирался посетить Италию «для искусства» и Голландию, но денежные средства были на исходе, в конце апреля семья выехала в Берлин и уже оттуда через Копенгаген, Стокгольм и Або в Финляндию.

2-е путешествие: конец июля 1906 г. — май 1907 г.

Норвегия, Германия, о. Капри

Лето 1906 года Андреевы провели в уже полюбившейся им Финляндии. В начале июля Леонид Николаевич выступил с пламенной речью в Гельсингфорсе в саду «Эрмитаж» на многолюдном митинге.

«Этот красногвардейский митинг, на к<отор>ом я действительно закатил сногшибательную речь, сделал меня для местного населения притчей во языцех, и несомненно, что хозяева, напр<имер> нашей дачи, сгорали от желания предать меня в руки правосудия»⁶ — писал позже Андреев К. П. Пятницкому.

23 июля, опасаясь ареста, Леонид Андреев покинул Гельсингфорс, оставив семью на даче в Финляндии. Александра Михайловна была беременна вторым ребенком, и доктор прописал ей «абсолютный покой».

⁵ Вопросы литературы. 1971. № 8. С. 176.

⁶ Леонид Андреев: Материалы и исследования. М.: Наследие, 2000. С. 65.

Две недели писатель странствовал по Норвежским фьордам: Тронхейм, Берген, Христиания. В письмах к жене Андреев рассказывал о своих передвижениях и мечтал о воссоединении семьи:

«Сейчас мы в Тронхейме, городке далеко на севере Норвегии, у фьорда. Уже с той минуты, как поезд переехал границу Норвегии, началось красивое — и то, что здесь красота необыкновенная, невиданная <...> красота, такая, что плакать хочется. Все особенное — и контуры, и краски, и горы и вода и здания. <...> И все ирреальное.

<...> При моем настроении трудно меня растрогать — а это и тронуло и умилило, и что-то большое шевельнуло во мне»⁷.

«Берген очень хорош. Это один из тех норвежских городов, над которыми море властвует безраздельно: оно определяет характер построек и одежды, оно наполняет его своим запахом, рыбою, мачтами, врывается в улицы, подступает к стенам.<...>

В другое время я получил бы от Бергена огромное удовольствие, сейчас же ничего. Постоянная мысль, что ты не здорова и продолжаешь жить все в той же противной обстановке <...>, делает все ненужным и неинтересным»⁸.

8 августа Леонид Николаевич наконец-то встретил семью в Стокгольме, а уже 14 августа Андреевы были в Берлине.

Первоначально они поселились в центре города, по признанию Л. Н. Андреева в письме К. П. Пятницкому — *«существу — раскаленный камень, воздух тяжелый и угарный, которым дышать нельзя...»⁹*. Через неделю Андреевы перебрались в окрестности Берлина, в Грюневальд, где сначала жили в пансионе фрау Давидзон (Ауэрбахштрассе, 17), а с 18 сентября расположились на принадлежащей местному бургомистру «вилле Клара». Именно здесь были написаны «Елеазар» и «Жизнь человека».

⁷ Кен Л. и Рогов Л. Э. Указ. соч. С. 169.

⁸ Там же.

⁹ Вопросы литературы. 1971. № 8. С. 181.

Из письма Л. Андреева М. Горькому: «<...> Грюневальд, барская квартира, в которой одних фарфоровых собачек и свиней около миллиона, да 500 тысяч портретов Вильгельма и Бисмарка; принадлежит дача бургомистру, а жил в ней целый год курляндский барон — это в связи с собачками и свиньями настраивает мысль на возвышенный лад. И живут в квартире: мы, акушерка, мать Шуры и мать моя, и все ждем, когда Шура разродится. И невидимо витает тень барона.

Но зато — близко лес, и когда у меня не бывает инфлюэнцы, чумы, антонова огня и вырождения, я езжу на велосипеде и пропагандирую беспорядки среди грюневальдских белок <...>»¹⁰.

2 ноября 1906 года у Андреевых родился второй сын — Даниил, а через несколько недель Александра Михайловна умерла от заражения крови. Леонид Николаевич тяжело переживал эту утрату. О возвращении в Москву, где все напоминало о счастливых днях с Шурочкой, он даже не мог думать. Андреев принял приглашение Горького и уехал к нему на Капри, где провел полгода.

Горький был мил и участлив, но «от жизни, простой жизни он так же далек, как картинная галерея какая-нибудь», — писал в январе 1907 года Л. Андреев Е. Чирикову¹¹. В доме Горького Леонид чувствовал себя неуютно: «Любезности — хоть отбавляй, — а настоящего, человеческого, не ищи»¹². Весной 1907 года он позвал на Капри В. В. Вересаева¹³, который прожил с Андреевым около месяца. Присутствие близкого друга помогло писателю преодолеть депрессию и продолжить литературную деятельность. На Капри были написаны и задуманы: «Иуда Искарот», «Черные маски», «Мои записки», «Тьма», «Сашка Жегулев», «Океан».

19 мая 1907 года Леонид Андреев покинул остров Капри.

¹⁰ Литературное наследство. Т. 72. С. 274.

¹¹ Чириков Евгений Николаевич (1864–1932) — писатель, драматург, близкий друг Л. Н. Андреева.

¹² Леонид Андреев: Материалы и исследования. М.: Наследие, 2000. С. 46.

¹³ Вересаев (Смидович) Викентий Викентьевич (1867–1945) — писатель, участник «Сред» Н. Д. Телешова и сборников «Знания».

3-е путешествие: июнь 1909 г. — август 1909 г.

Любек, Гамбург, Амстердам, Берлин.

В апреле 1908 года Леонид Андреев женился во второй раз. Его избранницей стала Анна Ильинична Денисевич (по 1-му мужу Карницкая). Жить без любви, без близкого и надежного друга Андреев не мог. Вот несколько строк из его письма Анне Ильиничне: *«От вас идет на меня покой и тепло. Не оставляйте меня одного, будьте родною мне душою. Никого не просил я об этом, а вас прошу»*¹⁴.

Но в начале семейной жизни Леонид Николаевич не получил того покоя, на который так надеялся. Родные не очень хорошо встретили молодую жену. Семейные проблемы повлияли на здоровье известного писателя.

В поисках душевного спокойствия, 29 июня 1909 года Л. Н. Андреев вместе с писателем Е. Н. Чириковым отправляется путешествовать по Европе. А уже 20 августа в журнале «Обозрение театров» появляется статья, в которой приводятся некоторые подробности этого путешествия: *«Чтобы избежать докучливых дорожных знакомств, Л. Андреев и Е. Чириков сели на товарно-пассажирский пароход, направлявшийся прямым рейсом в Гамбург. Расчет оказался правильным: кроме их двоих, на пароходе никого не было. В Гамбурге они пробыли четыре дня и подробно осматривали образцовый порт. Присматриваясь к оживленной деятельности порта, они знакомились с положением рабочих. Отсюда путешественники отправились в Амстердам. Большим неудобством послужило скромное знание немецкого языка <...>. В Берлине Е. Н. расстался с Андреевым, который остался здесь на несколько дней, чтобы присутствовать на состязании аэропланов <...>»*¹⁵.

4-е путешествие: ноябрь 1910 г. — декабрь 1910 г.

Германия, Франция, Корсика, Италия.

Во второй половине ноября 1910 года Леонид Николаевич отправился в заграничное путешествие уже вместе с же-

¹⁴ Кен Л. и Рогов Л. Э. Указ. соч. С. 204.

¹⁵ Леонид Андреев: Материалы и исследования. М.: Наследие, 2000. С. 34.

ной. В Германии Андреев закончил работу над произведением «Смерть Гулливера». Это был его отклик на смерть Л. Н. Толстого.

Во время путешествия Андреев много фотографировал. Сохранились фотографии с видами Мюнхена, Марселя, замка Иф, Средиземного моря, Корсики, Флоренции и Венеции. В письмах к матери Леонид Андреев пишет, что поездка удалась, и он хорошо отдохнул: «<...> самое удачное — это наш переезд по морю из Марселя в Ливорно с заходом в Корсику. <...> В эту пору года стоят непрерывные туманы, но нам повезло. И море, и гористый берег, вдоль которого мы шли до заката, были красивы чрезвычайно. Правда, вначале сильно качало <...>, но к ночи ветер стал в спину, и качка стихла. Волны были большие, я глядел на них при луне и сатанел от восторга. Хорошо спал ночью, а утром на восходе солнца мы пришли в Бастию (на Корсике), где и стояли сутки. Красота, теплынь, солнце греет по-весеннему. Целый день гуляли, и я совсем разнежился. Тишина, горы, кипарисы»¹⁶.

Из Флоренции Андреев писал матери, что поездка замечательная, и восхищался окружающими его пейзажами: «<...> наконец среди сияющего, лазурного моря выплыла розовая, в дымке, золотистая, вся в виллах, садах, Италия. А налево, высоко над голубой дымкой встали снежные вершины Альп. Я довольно много ездил по морям, но такого красивого места еще не видал. И было так тепло и тихо, словно летом, и даже Аня сидела на палубе и была в восторге»¹⁷.

24 декабря 1910 года Андреевы вернулись в Ваммельсуу.

5-е путешествие: январь 1913 г.

Капри, Берлин.

В январе 1913 года Леонид Андреев ненадолго приезжает на Капри к Максиму Горькому. Эта поездка планировалась им еще в ноябре 1912 года. В письме М. Горькому от 15 ноября 1912 года Л. Андреев сообщает: «Держит работа, театры, разные собственные обстоятельства. Очень жалею об этом, так как повидаться нужно бы, поговорить нужно бы:

¹⁶ Кен Л. и Рогов Л. Э. Указ. соч. С. 242.

¹⁷ Там же. С. 243.

с упрямством идиота я продолжаю верить в полную возможность самых добрых между нами отношений»¹⁸.

В это время отношения между писателями были довольно сложными. Друзья все больше отдалялись друг от друга. Леонид Николаевич надеялся, что личная встреча даст возможность объясниться с бывшим товарищем. Примирения, к сожалению, не получилось.

Возвращаясь из Италии в Россию, Леонид Андреев посетил в Берлине места, связанные с последними днями жизни покойной жены.

6-е путешествие: январь 1914 г. — май 1914 г. Италия.

В конце января 1914 года Леонид Андреев совершил еще одно путешествие в Италию. На этот раз вместе с женой он взял и сына Савву. Поездка продлилась полгода. В Россию семья вернулась в мае 1914 года. Это была последняя и, наверное, самая удачная поездка Андреева по Италии.

Основным местом жительства был выбран «вечный город» — Рим. Несмотря на различные бытовые неурядицы, которые сопровождали Андреевых во время путешествия, для Леонида Николаевича это был период полноценного семейного отдыха. В Риме были осмотрены все достопримечательности: собор Святого Петра в Ватикане, развалины бань (термы Каракаллы), знаменитые фонтаны, Аппиева дорога и, конечно же, римская Кампанья, которую писатель сравнивал с городом своей юности — Орлом. Кампанья стала любимым местом его уединенных прогулок.

Леонид Николаевич много времени проводил и в римских кинематографах. Брат писателя Андрей Николаевич Андреев отметил в своих воспоминаниях, что *«глубочайшие, наиболее интенсивные переживания, связанные на этот раз с посещением Рима, были вынесены и получены Леонидом в кинематографе»¹⁹.*

¹⁸ Литературное наследство. Т. 72. С. 347

¹⁹ Леонид Андреев: Материалы и исследования. Вып. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 100.

Последние дни пребывания в Риме Леонид Андреев посвятил посещению музеев. Он даже решил задержаться еще на один день, чтобы второй раз побывать в Ватикане. 24 апреля Андреев напишет матушке: *«И все-таки жалко мне Рима: все хожу по музеям, и так много в них красоты, что порой плакать хочется (от радости, конечно, ты не подумай чего). Ужасно-таки помешала мне работа — разве столько я видел бы, не торчи я над машинкой, как гвоздь сезона. Богатства здесь неисчерпаемые и, чем больше смотришь, тем больше остается»*²⁰.

В «вечном городе» Леонид Андреев продолжил работу над новыми произведениями. Именно здесь была написана пьеса «Младость» и начата драма «Самсон в оковах». В конце путешествия Андреевы заехали в Венецию и несколько дней загорали на песчаной косе в Лидо. Впечатления, полученные от поездки по Италии, нашли свое отражение в последнем незавершенном романе Леонида Андреева «Дневник Сатаны».

«Мне нравится, что в музеях так хорошо пахнет морем. Почему морем? — я не знаю: море далеко, и я скорее ждал запаха гнили. И там так просторно — просторнее, нежели в Кампанье. В Кампанье я вижу только пространство, по которому бегают поезда и автомобили, здесь я плаваю во времени. Здесь так много зато времени! И еще мне нравится, что здесь так почтительно сохраняют обломок мраморной ноги, какую-то каменную подошву с кусочком пятки. И как осел из Иллинойса, я совершенно не понимаю, что в ней хорошего, но уже верю, что это хорошо, и меня трогает твоя осторожная бережливость, человеке. Береги! Ломай живые ноги, это ничего, но эти ты должен сохранять. Очень хорошо, когда две тысячи лет живые, умирающие, постоянно меняющиеся люди берегут холодный осколок мраморной ноги.

Когда с римской улицы, где каждый камешек залит светом апрельского солнца, я вхожу в тенистый музей, его прозрачная и ровная тень мне кажется особенным светом, более прочным, нежели слишком экспансивные солнечные лучи.

²⁰ Леонид Андреев: Материалы и исследования. М.: Наследие, 2000. С. 125.

Насколько помню, именно так должна светиться вечность. И эти мраморы! Они столько поглотили солнца, как англичанин виски, прежде чем их загнали сюда, что теперь им не страшна никакая ночь <...> и мне возле них не страшно проклятой ночи. Береги их, человече!»²¹.

В мае 1914 года Андреевы вернулись в Россию. Леонид Николаевич мечтал, что в будущем постарается так устроить свои дела, чтобы на целый год уехать в Италию. Этим планам не суждено было осуществиться. Началась 1 мировая война и поездка в Италию в начале 1914 года оказалась последним заграничным путешествием Леонида Николаевича Андреева.

²¹ Андреев Л. Н. Дневник Сатаны: Романы. Повести и рассказы. Письма. Воспоминания современников. М.: Школа-Пресс, 1996. С. 327–328.

БОРИС ЗАЙЦЕВ И ЕЛЕНА РЕПМАН

Фамилия Репман намеренно вынесена в название данной статьи. Предыстория интереса орловских музейщиков к представителям рода Репман такова. В дни празднования пушкинского 200-летия в Музей И. С. Тургенева пришла выпускница ХГФ ОГПИ Елена Репман и принесла для пушкинской выставки свою работу — батик, иллюстрирующий «Сказку о царе Салтане». Фамилия девушки заинтересовала сотрудников музея: у многих на слуху была московская гимназия Репман, в которой учился сын писателя Леонида Андреева, впоследствии известный поэт и автор философского трактата «Роза мира» Даниил Андреев. Оказалось, Елена Репман — действительно потомок замечательного рода выходцев из Голландии, представители которого были известны в России с начала 19 века. Она поделилась с сотрудниками музея весьма интересными семейными тайнами истории своего родословия.

Оказалось, что основоположник российской ветви рода Христиан Карлович Репман (род. в 1798 г.) — нидерландский подданный, переехал в Санкт-Петербург в 1816 году вместе со своим отцом и двумя братьями по приглашению генерала Раппа для строительства и организации работы суконной фабрики усовершенствованного типа, оборудованной новейшими машинами. В 1820-х годах Х. К. Репман стал управляющим имением князей Барятинских в селе Ивановском Курской губернии, где в 1826 году женился на гувернантке — французке Констанции Дюпюи (1810–1860). В этом браке родилось восемь детей, оставивших многочисленное потомство.

Эдуард Христианович Репман (1829–1876/77), давший начало орловской ветви рода, учился в Императорской Ака-

демии художеств вместе с И. Е. Репиным, с которым был дружен. По окончании учёбы Эдуард Христианович прибыл в Орёл, где прожил всю дальнейшую жизнь, служил учителем рисования в орловских учебных заведениях. Благодаря его праправнучке — орловчанке Елене Репман, нам удалось ознакомиться с «Воспоминаниями» его брата Христиана Христиановича Репмана (1843–1927). В оригинале они написаны по-немецки и хранятся в рукописном отделе РГБ, а машинописные экземпляры перевода их на русский язык, сделанного одним из потомков, имеются у всех родственников, вкуче с родословной росписью.

Х. Х. Репман в своих «Воспоминаниях» пишет о повседневном быте российской жизни середины 19 века, об исторических событиях, свидетелем которых он был, о своём общении с окружением Пушкина и его детьми, в семье которых он в студенческие годы служил домашним учителем. На основе этих уникальных мемуаров сотрудниками ОГЛМТ Л. М. Александровой и Г. Н. Павловой было подготовлено несколько публикаций для газет и «Славянского сборника» ОГИКа¹.

И вот новая встреча с представителем этой фамилии. И снова — Елена Репман. В 2016 году московский Дом — музей Марины Цветаевой осуществил публикацию «Дневников» 1937–1964 годов жены писателя Б. К. Зайцева Веры Алексеевны Зайцевой (1878–1965). В этих дневниковых записях неоднократно упоминается имя Елены Альбертовны Дейши (урождённой Репман, 1885–1977), писательницы, одной из интересных фигур русской эмиграции первой волны.

Местом её рождения в одних источниках называют Москву, в других — имение Песочня, Харьковской губернии. Елена родилась в просвещённой, интеллигентной семье. Её

¹ Александрова Л. М. «Воскрешая давно прошедшее» // Просторы России, 1999. 4 июня. № 23. С. 10.

Павлова Г. Н. «Связь времён» (О Пушкине, о Репманах и Данииле Андрееве) // Славянский сборник. Выпуск 1. Материалы Славянских чтений «Духовные ценности и нравственный опыт «русской цивилизации» в контексте третьего тысячелетия», проведённых 25–26 апреля 2002 года в ОГИИК. // Орёл, 2002. С. 365–373.

отец — Альберт Христианович Репман (1834/35–1917/18), действительный статский советник, директор Электро - лечебного института, доктор медицины, зав. отделом прикладной физики Политехнического музея, член Общества любителей естествознания и антропологии, почётный член Русского фотографического общества, конструктор физических приборов, экспериментатор в области электротехники, талантливый популяризатор физики как науки. Его деятельности посвящена часть экспозиции раздела «Физика — оптика» в Политехническом музее. Мать — Юлия Богдановна (урождённая Краусс, 1848–1922), занималась воспитанием детей. Её портреты дважды писал И. Е. Репин, бывавший в их доме.

У Елены Альбертовны были брат и две сестры. Одна из сестёр, Евгения Альбертовна Репман (1870–1937), совместно с учительницей математики В. Ф. Фёдоровой основала в Москве в Мерзляковском переулке Первую московскую кооперативную гимназию и была её директором. Гимназия просуществовала 15 лет (1904–1919). Среди её выпускников было немало известных людей: академики АН СССР А. Н. Колмогоров, В. А. Трапезников и Л. В. Черепнин, член корреспондент АН СССР В. Г. Богоров, профессора Д. Д. Ромашов, П. С. Кузнецов и Н. Д. Нюбер, режиссёр Н. Сац и др.

По воспоминаниям А. Н. Колмогорова, гимназия была основана по инициативе демократической интеллигенции, в ней обучались мальчики и девочки, она отличалась небольшой платой за обучение и уклоном в научную работу, которой занимались многие учителя и вовлекали в неё учеников.

Будущий поэт Даниил Андреев поступил в гимназию Репман в сентябре 1917 года, а окончил её в 1923 году уже как советскую школу. После революции Евгения Альбертовна Репман жила в Судак. Одинокая, тяжело больная, с парализованными ногами, она не имела средств к существованию. Поэтому бывшие ученики ежемесячно собирали и посылали ей деньги, вплоть до 1937 года. Преимущественно сбором и отправкой денег, по свидетельству вдовы поэта А. А. Ан-

дреевой, занимался Даниил Андреев². Творческие интересы Д. Л. Андреева и Е. А. Дейши во многом родственны: обоих отличало мистическое мирозерцание. Невольно возникают мысли о существовании какой-то общей атмосферы, в которой формировались оба таланта, и думается, что эта тема заслуживает дальнейшего внимания.

Елена Альбертовна окончила Высшие женские курсы в Москве, вышла замуж за инженера-гидравлика Адриана Васильевича Дейшу (1887–1952). В 1917 году у них родился сын Георгий, будущий крупный геолог. В 1920-е годы Елена Альбертовна занималась преподавательской работой на Рабфаке. В 1924 году её муж, бывший тогда профессором Института путей сообщения, был командирован в Париж, куда он отправился с женой и сыном. В Россию семья больше не вернулась.

В эмиграции Е. А. Дейша написала около 230 рассказов и повестей. Публиковалась в журналах «Современные записки», «Звено» и др. Свои произведения она подписывала мужским псевдонимом «Георгий Песков», составленным из имени сына и названия родной усадьбы Песочня. За использование мужского псевдонима её иногда называли «русской Жорж Санд», хотя в произведениях этих писательниц мало общего. О творчестве Дейши писали Г. Адамович, Н. Струве, было оно в поле зрения о. Сергия Булгакова, упоминает о Дейше в «Грасском дневнике» Г. Кузнецова. Многие отмечали её обособленность от литературных кругов русской эмиграции, в которых она занимала определённую нишу прежде всего как автор сборника мистических рассказов «Памяти твоей» (Париж, 1930) и книги «В рассеянии сущие» (Париж, 1959) и др.

Из дневников В. А. Зайцевой следует, что Елена Альбертовна часто бывала в доме Зайцевых, и её посещения им были приятны. 10 августа 1959 года Вера Алексеевна записала: «Зашла Дейша, вернулась из Швейцарии. Очень она

² Андреева А. А. Даниил Андреев и его книга // Д. Андреев «Роза мира». М., 1991. С. 5–6.

хорошая, мы оба её любим»³. Она навещала болевшую Веру Алексеевну, общалась с Борисом Константиновичем. Первое упоминание о Дейше, содержащееся в дневниковой записи от 2 января 1944 года, где Вера Алексеевна сообщает, что написала ей письмо, свидетельствует о том, что помимо личного общения между ними существовала и переписка. В комментариях к этой записи указана двойная фамилия писательницы: Дейша–Сионицкая, по свидетельству ряда исследователей, это происходит потому что в кругах эмигрантов ходили упорные слухи, что она являлась дочерью известной певицы М. А. Дейши — Сионицкой⁴.

На самом же деле русская оперная и камерная певица, солистка в разные годы Мариинского и Большого театров, вокальный педагог, профессор Московской консерватории, автор по сей день востребованного учебного пособия «Пение в ощущениях» Мария Адриановна Дейша — Сионицкая (1859–1932) приходилась писательнице свекровью. Фамилия мужа певицы, Сионицкий, была одновременно и её сценическим псевдонимом. После революции Мария Адриановна оставалась в России. Скончавшись в 1932 году на своей даче «Адриана» в Коктебеле, была похоронена на мемориальном кладбище поселка. После её смерти наследники передали дачу «Адриана» ОСОАВИАХИМу, дом стал базой авиапланеристов. В историю Коктебеля она вошла, по воспоминаниям Викентия Вересаева, как «представительница порядка, благовоспитанности, комильфотности и строжайшей нравственности», противостоящей «обормотам», группировавшимся вокруг М. Волошина⁵. В ответ поэт удостоил её едкой эпиграммой: «Из Крокодилы с Дейшей // Не Дейша ль будет злейшей?...» В дальнейшем между поэтом и певицей сложились вполне доброжелательные отношения, их примирила общая борьба за спасение коктебельских дач и дачников во время послереволюционных погромов и реквизиций.

³ «Вера жена Бориса»: Дневники Веры Алексеевны Зайцевой 1937–1964 гг. М., 2016. С. 383.

⁴ Там же. С. 77.

⁵ Вересаев В. В. Коктебель. Воспоминания. М., 1982. С. 525.

Однако мы отклонились от основной линии нашего небольшого исследования.

Елена Альбертовна Дейша проживала в местечке Сен-Жермен-ан-Ле в 19 километрах от Парижа, где у неё был даже собственный сад. 17 сентября 1961 года В. А. Зайцева отметила в дневнике: «Была Дейша, принесла отличные фрукты из собственного сада»⁶, а 18 апреля 1959 года «привезла мне чудных груш»⁷.

Иногда Дейша заходила к Зайцевым с сыном Георгием «молодым, красивым геологом», который им «очень нравился»⁸. Георгий Адрианович (или Жорж, как называли его в Париже) Дейша (1917–2011) – геолог и минералог, окончив Сорбонну, занимался научной работой, внёс весомый вклад в развитие минералогии. Помимо этого, он был серьёзно увлечён барельефной скульптурой, став автором нескольких медалей, которые чеканились в качестве наград Французского геологического общества⁹. Думается, что в этом таланте проявились гены его далекого предка, жившего в 19 веке в Орле учителя рисования Эдуарда Христиановича Репмана.

16 апреля 1962 года Вера Алексеевна писала: «У нас была Георг (Дейша). Очень мила, мистик. Всегда что-то пишет, но не печатает»¹⁰. Требовательность писательницы к собственному творчеству отмечал и Б. К. Зайцев в критическом очерке на её книгу «Памяти твоей», напечатанном в марте 1930 года в парижской газете «Возрождение». Эту первую свою книгу Дейша готовила очень тщательно, отбирая в неё все лучшие рассказы, опубликованные к тому времени в разных изданиях. В очерке, который называется «Памяти твоей» Георгия Пескова», Зайцев пишет: «Первая книга — дело жуткое и любопытное: тут можно увидеть писателя целиком, какой он вот сейчас, на ны-

⁶ «Вера жена Бориса»: Дневники Веры Алексеевны Зайцевой 1937–1964 гг. М., 2016. С. 556.

⁷ Там же. С. 358.

⁸ Там же. С. 350.

⁹ Георгий Адрианович Дейша. [Интернет — ресурс]: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Дейша> обращения 09.04.2021.

¹⁰ «Вера жена Бориса»: Дневники Веры Алексеевны Зайцевой 1937–1964 гг. М., 2016. С. 599.

нешнем уровне. Писатель разумный подбирает к дебюту наилучшие свои работы, чтобы нас закупить, понравиться. Чтобы мы его полюбили. Он правильно поступает ... Песков сделал для книги серьёзный отбор. ... Он не случайный гость в литературе. Оттого серьёзна, значительна его книжка. Не так себе, не зря написана»¹¹.

Работая над очерком, Зайцев прекрасно знал подлинное имя автора книги, но деликатно не раскрыл тайну псевдонима и писал о Е. А. Дейше, как о Георгии Пескове в мужском роде, указывая, что имя это в литературной среде «стало встречаться года четыре, пять назад». Сравнивая её творчество с творчеством советских писателей, Зайцев отмечал, что книга «Памяти твоей» «резко отличается от «советской» литературы тем, что изображает не вещи, а человека. Быт революции для Пескова только фон, второстепенное. Советские писатели не духовны, даже (в большинстве) не душевны. Изображают факты, внешность. У Пескова всё другое. У него свой мир, непростой и нелёгкий, он пишет сквозь него своих действующих лиц, их поступки, обстановку. Его герои всегда в важном, трагическом, иногда ужасном. У него нет среднего климата. В этом он идёт, конечно, от Достоевского. Песков сумрачный и не успокоительный писатель (но пишет увлекательно—никогда не скучно). Мир его иногда страшен, но никак не плосок»¹².

В очерке Зайцев проводит параллель между творчеством В. Набокова (Сирин) и Е. Дейши; они один за другим появились в поле его зрения. По словам Зайцева, есть главное, что разделяет «этих выдающихся молодых людей»: «У Пескова есть Бог и есть дьявол. У Сирина ... Бога, бесспорно, нет, а пожалуй, и дьявола тоже». Исходя из этого, по мнению Зайцева, «Сирин будет иметь больше успеха. Неверие и безнадёжность современному сердцу близки. Песков — довольно редкий тип писателя христианского. Это ему обойдётся дорого»¹³.

¹¹ Зайцев Б. К. Дневник писателя. М., 2009. С. 99–100.

¹² Там же. С. 100.

¹³ Там же. С. 100.

Зайцев был провидчески прав в своём пророчестве. Творчество Дейши нелегко завоёвывало внимание и любовь своих читателей. В 1958 году писательница подготовила к изданию свою новую книгу. 23 декабря 1958 года В. А. Зайцева отразила в своём дневнике процесс подготовки книги: «Около шести вечера пришла Елена Альбертовна. Записывала адреса писателей, кому надо послать книгу — она выпускает свои рассказы»¹⁴. Зайцевы стали первыми читателями этого детища. 2 марта 1959 года В.А Зайцева отмечает: «Вечером пришла Дейша, принесла свёрстанную, но ещё не сброшюрованную книгу свою «В рассеянии сущие». Мы начали читать её вслух»¹⁵. Кажется, в этом названии книги слышится переключка с погибшим в недрах Лубянки романом Даниила Андреева «Странники ночи», в котором шла речь о духовных исканиях русской интеллигенции 1930-х годов.

Супруги Зайцевы были в числе первых, кто получили книгу «В рассеянии сущие» в подарок от автора с дарственной надписью: «Классику русской литературы Борису Константиновичу и Богом взысканной Вере Алексеевне с сердечной любовью. Е. Дейша. Сен-Жермен-ан-Ле. 12.3.59.»¹⁶

В Россию книги Е. А. Дейши пришли лишь в 2000-е годы. У неё появились свои поклонники в среде российской читающей публики. Но хочется надеяться, что всё же с самым трепетным чувством её книги впервые прочли разбросанные по свету многочисленные потомки рода Репманов в Орле, Москве, Брянске и других городах и весях.

Список использованной литературы

1. *Александрова Л. М.* «Воскрешая давно прошедшее...». Газета «Просторы России» от 4 июня 1999 г., с. 10.
2. *Андреева А. А.* «Даниил Андреев и его книга». Предисловие к книге Д. Л. Андреева «Роза мира». М., 1991. С. 5–6.

¹⁴ «Вера жена Бориса»: Дневники Веры Алексеевны Зайцевой 1937–1964 гг., М., 2016. С. 329.

¹⁵ Там же. С. 348.

¹⁶ Там же. С. 350.

3. «Вера жена Бориса»: Дневники Веры Алексеевны Зайцевой 1937–1964 гг. / Авт.-сост., подгот. текста, коммент., сопроводит. ст. О. А. Ростова. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2016.

4. Зайцев Б. К. Дневник писателя / Вступит. ст., подгот. текста и коммент. А. М. Любомудрова. М.: Дом Русского Зарубежья им. Александра Солженицына: Русский путь, 2009.

5. Павлова Г. Н. «Связь времён» (О Пушкине, о Репманах и Данииле Андрееве) / Славянский сборник. Выпуск 1. Материалы Славянских чтений «Духовные ценности и нравственный опыт «русской цивилизации» в контексте третьего тысячелетия». 25–26 апреля 2002. Орёл, 2002. С. 365–373.

В. Г. Ветрова

**ПРОЗА М. М. ПРИШВИНА:
ВЗГЛЯД ИЗ ПАРИЖА (О РЕЦЕНЗИЯХ
Н. Н. КНОРРИНГА 1920–1930-Х ГОДОВ)**

Николай Николаевич Кнорринг (1880–1967) — педагог, историк, критик первой волны эмиграции. Его жизненный путь оказался трагически сложен. Потомок обрусевшего немецкого рода, он родился в селе Елшанке Самарской губернии, окончил Московский университет. В 1910-х годах Н. Н. Кнорринг вел большую педагогическую и просветительскую работу: был председателем педагогического отдела историко-филологического общества при Харьковском университете, основателем и редактором журнала «Наука и школа», одним из учредителей Профессионального союза учителей средней школы, директором гимназии в Харькове, которую окончил известный композитор И. О. Дунаевский, с теплотой вспоминая своего наставника.

Роковыми для Кнорринга оказались ноябрьские дни 1919 года: известие о взятии красными Белгорода заставило действительного статского советника, члена кадетской партии скитаться по югу России, а затем в составе Морского корпуса Черноморской флотилии эвакуироваться с семьей в Бизерту (Северная Африка).

В 1925 году Кнорринг переехал во французскую столицу, где его научные интересы оказались связаны с Русской общественной библиотекой имени Ивана Сергеевича Тургенева. Более трех десятилетий он заведовал ее книжным отделом, был членом Правления и Административного совета, председателем книжной комиссии (1927–1940), позже — состоял в созданном при библиотеке «Русском книжном архиве». Следует подчеркнуть, что в жизни эмигрантов первой волны библиотеки игра-

ли большую роль, выступая культурными центрами сохранения родного языка. Сотрудники Тургеневской библиотеки в Париже, раскрывая эстетические возможности русской книги, проводили художественные чтения¹, спектакли, рождественские ёлки для детей. В фондах Орловского государственного литературного музея И. С. Тургенева хранятся афиши-приглашения на празднование Рождества², переданные в дар Н. Н. Кноррингом.

Работая в библиографическом отделе богатейшего книжного собрания Западной Европы (к 1925 году фонд включал около 60000 ценных книг и журналов), Н. Н. Кнорринг считал своим долгом способствовать реализации основной цели русского книгохранилища, отраженной в 1-м параграфе Устава, который оставался неизменным много десятилетий: ««Общество Тургеневской библиотеки» имеет целью дать проживающим в Париже русским возможность поддерживать духовное общение с родиной и следить за развитием ее литературы, науки и жизни»³. Характеризуя книжные фонды библиотеки, Г. Г. Фирсов подчеркивал ее ориентированность на «русское слово»: «Библиотека комплектовалась целенаправленно, она собирала все о России и всю русскую литературу, выходящую за рубежом, а также все иностранные сочинения, посвященные русской тематике»⁴.

В ретроспективной статье о Тургеневской библиотеке в Париже Н. Н. Кнорринг описал, как происходило пополнение фондов книгохранилища изданиями из Советского Союза: «Книжная комиссия Тургеневской библиотеки внимательно следила за выходом новых книг как за границей, так, особенно, на родине, в СССР. В общей сложности на покупку книг затрачивалось до 25 000 франков в год. Из СССР книги выписывались или непосредственно (например, через

¹ Вечер чтения [в Тургеневской общественной библиотеке]. 13 марта 1937 г. Париж. ОГЛИМТ. Ф. 49. Оп. 1. ОФ 7841/11.

² Приглашение на детскую ёлку [в Тургеневской общественной библиотеке]. 1 января 1923 г. Париж. ОГЛИМТ. Ф. 49. Оп. 1. 7841/13 ОФ; Приглашение на детскую ёлку [в Тургеневской общественной библиотеке]. 1 января 1927 г. Париж. ОГЛИМТ. Ф. 49. Оп. 1. ОФ 7841/12.

³ Устав «Общества Тургеневской библиотеки в Париже». 23 апреля 1911 г. Париж. ОГЛИМТ. Ф. 49. Оп. 1. ОФ 7841/15.

⁴ Фирсов Г. Г. Тургеневская общественная библиотека в Париже // Русская литература. 1968. № 4. С. 132.

«Международную книгу»), или через парижские книжные магазины. Можно сказать без преувеличения, что не было сколько-нибудь значительного явления в области литературы и науки в Советском Союзе, которое не получило бы своего отражения на книжных полках Тургеневской библиотеки»⁵.

Библиограф-эмигрант подчеркивал большое количество выпускаемых в СССР книг («толпа») и несоответствие обложки и содержания изданий из России: «Вот они свежие и неразрезанные лежат на столе. Тут есть и старые знакомые, приехавшие через Ригу или Берлин, и новички, не знавшие хорошо знаков препинания, но всех их бьет толпа, хлынувшая из России. Советскую книгу узнаешь за сто верст — она нарядна и густо напояжена; когда их перебираешь одну за другой, то кажется, что находишься на рынке — кричит, себя предлагает. Тут требуется особый отбор и чутье, потому что часто под сусальной внешностью можно найти хорошую душу: такова она, книжная, современная Россия»⁶.

В начале 1930-х годов, благодаря введению карточек учета выданных книг в Тургеневской библиотеке в Париже появилась возможность проанализировать вкусы читателей. Важно, что из 17903 выданных в 1932 году книг, две трети выдачи пришлось на русские книги. Кноррингу, как заведующему книжным фондом, удалось выделить ряд авторов, к которым читатели русского зарубежья обращались в течение года постоянно. Самыми востребованными были М. А. Алданов, Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой. Отрадно, что в списке читаемых книг упоминаются и писатели-орловцы: И. С. Тургенев — 89 выдач, Н. С. Лесков — 74, И. А. Бунин — 48, Б. К. Зайцев — 37; за ними следует М. М. Пришвин (зафиксировано 31 обращение к его произведениям)⁷.

Следует подчеркнуть, что участие в комплектовании фонда библиотеки, изучение новых изданий, учет и анализ

⁵ Кнорринг Н. Н. Гибель Тургеневской библиотеки в Париже // Простор. 1961. № 8. С. 124.

⁶ Кнорринг Н. Н. Среди книг, у окошка. Б. м. [Париж, 1929]. ОГЛМТ. Ф. 49. Оп. 1. ОФ 7841/1.

⁷ Кнорринг Н. Что читают в эмиграции. Цифры Тургеневской библиотеки // Последние новости. 1933. 9 марта. № 4369.

книговыдачи делали Н. Н. Кнорринга одним из компетентных сотрудников библиотеки, обладавшим энциклопедическими знаниями. Эрудированность библиотекаря ценили редакторы периодических изданий русского зарубежья. Обзоры, отзывы, заметки Н. Н. Кнорринга печатались в «Последних новостях», «Звене», «Встречах», «Русских новостях» и других изданиях. Отдельные публикации парижского обозревателя посвящены писателям Орловского края: прежде всего — И. С. Тургеневу, а также Л. Н. Андрееву, Н. С. Лескову и Т. Н. Грановскому. Автор небольшую часть статей подписывал полной фамилией «Н. Кнорринг», большая же часть вышла под сокращением «Н. К-г» и инициалами «Н.К.».

К М. М. Пришвину библиофил-эмигрант «всегда питал большую любовь»⁸: его творческому наследию Н. Н. Кнорринг посвятил четыре статьи: в 1927 году — отзыв на роман «Кашеева цепь», в 1932-м — рецензию «Повесть о неудавшемся романе» на произведение «Журавлиная родина», в 1934-м была опубликована статья «Корень жизни», в октябре 1935 года — заметка «Рассказы М. Пришвина».

Примечательно, что в газете «Последние новости», кроме статей Н. Н. Кнорринга, за десятилетие (с 1925 по 1935) было опубликовано четыре рецензии, посвящённые М. М. Пришвину. Отзыв «Талдом и Кимры» был написан в 1926 году Августой Филипповной Даманской и посвящен книге очерков М. Пришвина «Башмаки»⁹. В заметке критика, подчеркивающего умение писателя увидеть и отразить жизнь обитателей уголков торговых сел Московской губернии («жадный наблюдатель жизни по призванию»), сквозит тоска эмигранта по родной земле, любование пришвинским «русским словом, памятным на тысячи тысяч верст» (А. Ремизов): «Какими изумительными простыми словами, какими волшебными красками изображает М. Пришвин этот уголок... Пришлось бы

⁸ К-г Н. [Кнорринг Н. Н.]. Повесть о неудавшемся романе [Рец.:] Пришвин М. Журавлиная родина. Собрание сочинений. Т. VII// Последние новости. 1932. 21 января. № 3956. С. 3.

⁹ Даманская А. Талдом и Кимры. [Рец.:] Пришвин М. Башмаки. Государственное изд. 1925 // Последние новости. 1926. 14 января. № 1758. С. 3.

выписать десятка три страниц из этой милой книги, чтобы перед оторванным от России читателем воскресить обитателей этой подмосковной глуши». Покинувшей родину, оторванной от истоков А. Даманской в книге виделась чудодейственная сила жизни, вспоминался «миф об Антее, в прикосновении к земле (к родной земле) обретающем мощь»¹⁰.

Несколько статей в «Последних новостях» посвятил творческому наследию М. М. Пришвина «первый критик эмиграции» Георгий Адамович, видевший в изданиях, выходивших в СССР, «единственное по своей ценности и важнейшее свидетельство о России»: «Но вчитывайся, вдумывайся, вслушивайся, — все-таки это единственное, что к нам оттуда доходит! <...>Россия — в тех книгах, которые там выходят <...> Вчитайся, вдумайся, пойми, — худо ли, хорошо ли, сквозь все цензурные преграды в этих книгах говорит с тобой Россия»¹¹. В 1934 году Адамович написал рецензии на книги «Жень-Шень»¹² и «Лисичкин хлеб»¹³.

Обзоры книг М. М. Пришвина, выполненные Н. Н. Кноррингом, опубликованы в рубрике «Новости литературы» парижских «Последних новостей». Примечательно, что в фонде «Редкая книга» Орловского объединенного государственного литературного музея И. С. Тургенева находятся почти все издания книг, о которых писал парижский рецензент.

В заметке «Кашеева цепь» (1927) автор-библиограф давал общую характеристику творчества («существа дарования») писателя, которого называл «талантливым этнографом» и «интересным бытописателем»¹⁴. При этом критик отмечал творческое мастерство М. М. Пришвина, выделяя «прекрасные эпизоды» (история бегства гимназистов в Азию) и «преlestную» главу (ловля гимназистов становым). В газетной

¹⁰ Там же.

¹¹ Адамович Г. Одиночество и свобода. СПб: Алетей, 2002. С. 29–30.

¹² Адамович Г. Корень жизни [Рец.:] Пришвин М. «Жень-шень» // Последние новости. 1934. 21 июня. № 4837. С. 2.

¹³ -овичъ. [Адамович Г.]. «Лисичкин хлеб». [Рец.:] Пришвин М. «Лисичкин хлеб» // Последние новости. 1934. 29 июня. № 6667. С. 3.

¹⁴ К-г Н. [Кнорринг Н. Н.]. Кашеева цепь. [Рец.:] Пришвин М. Кашеева цепь. Роман. Москва, 1927 // Последние новости. 1927. 29 сентября. № 2381. С. 3.

статье выделена основная проблема произведения — взаимосвязь «животного мира и человека, который врос в природу, слился с нею до неотделимости»¹⁵. Ставя в один ряд человека-наблюдателя и природные образы, обозреватель заключал: «В своих очерках Пришвин остался верен самому себе. Люди — все в природе, и автор одинаково внимательно и пленительно-любовно описывает и распускающееся сознание человека, и курлыканье журавлей при перелётах, и переговоры кряковых уток в свежее утро на Сосне»¹⁶.

Критик определял основные признаки «Кашеевой цепи» — автобиографизм («штрихи из жизни, подлинные, живые») и этнографичность («непосредственная зарисовка жизненных явлений»). Однако Кнорринг не соглашался с авторским жанровым определением произведения. По его утверждению, это не роман, а «цикл повестей, лучше было бы сказать очерков, объединенных в единое целое». При этом автор газетной заметки отмечал, что части произведения («очерки») являются «между собою не всегда крепко связанными». «Наращение событий в жизни героя», «непосредственная чистота воспоминаний», сам герой, который «довольно наивен и простоват» — все это не создает, по мнению рецензента, художественной целостности произведения и не превращает его в романное повествование.

Статья Н. Н. Кнорринга «Повесть о неудавшемся романе»¹⁷ была посвящена книге «Журавлиная родина», впервые опубликованной в 1929 году в нескольких номерах журнала «Новый мир». В 1930-х годах произведение было издано с подзаголовком «Повесть о неудавшемся романе». До настоящего времени открыт вопрос о жанровой принадлежности произведения, над которым автор работал более тридцати лет: одни современные исследователи (Е. А. Худенко) видят в нем «игру с читателями (приём самоуничтожения автора) и с критиками (открытое смешение жанров — «повесть о...

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ К-г Н. [Кнорринг Н. Н.]. Повесть о неудавшемся романе [Рец.] М. Пришвин. Журавлиная родина. Собр. соч. Т. VII // Последние новости. 1932. 21 января. № 3956. С. 3.

романе)»¹⁸, другие — «лирическую эпопею» (Л. Е. Тагильцева) или «роман-эссе» (В. В. Агеносов).

В рецензии 1932 года критик-эмигрант отмечал одну из основных особенностей произведений М. М. Пришвина — искренность, правду жизни («дыхание жизни», «в основании <...> искусства лежит правда»; «свойство Пришвина быть непосредственно правдивым»). Это позволяло «охотнику-автору» подняться до «искусства понимания живых тварей». Отсюда появляется «что-то пантеистическое», что позволяло Кноррингу считать, отрицая подражание, Пришвина «прямым наследником Аксакова»¹⁹.

Цель писателя, по Н. Кноррингу, — «исповедание свое веры в «вечное»». Ключевой является проблема выбора: «Немедленно возникает вопрос, имеет ли право инженер, понимавший лишь техническую сторону дела, стереть с лица земного шара этот реликт [водоросль Клавдофора. — В.В.] с его неведомым мифом». Описывая конкретную жизненную ситуацию — осушение Дубейских болот, Пришвин делает глубокие социально-философские обобщения: «Я ничего не могу сделать без опоры на вечное». Рецензент писал об «очень оригинальной форме» произведения Пришвина, которое характеризовал как «рассказ о приемах собственного творчества». По результатам поездки в Константиновскую долину написана статья и дается «ряд путевых очерков, встреч, эпизодов, на которые такой мастер Пришвин»²⁰.

Примечательно, что газетная заметка, начинающаяся с рассуждений о пантеизме писателя («охотнику-автору природа кажется такой же близкой, как и люди»), в котором А. Блок видел «поэзию и «еще что-то», завершается размышлениями, которые как бы разгадывают это «что-то»: это «вечное», во что верит и исповедует сам писатель, это то, что

¹⁸ Худенко Е. А. Игровой роман М. Пришвина «Журавлиная родина». Электронный ресурс. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/igrovoy-roman-m-prishvina-zhuravlinaya-rodina/viewer>. Дата обращения: 08.09.2021.

¹⁹ К-з Н. [Кнорринг Н. Н.]. Повесть о неудавшемся романе [Рец.] М. Пришвин. Журавлиная родина. Собр. соч. Т. VII// Последние новости. 1932. 21 января. № 3956. С. 3.

²⁰ Там же.

«встает перед его героем», что является «как бы ответом на анкеты и предназначается молодым советским писателям». Думается, что через произведение М. М. Пришвина эмигрант понимал, что в Советской России «в народе, судя по очеркам, не умерло смутное сознание «вечности»»²¹. «Эмигранты, — писал М. Пришвин Горькому в 1927 году, — осужденные смотреть на Россию только с внешней стороны, не могут видеть, как перестроился изнутри русский человек через свои беды»²². Несомненно, книги Пришвина приоткрывали изгнанникам душевный мир русского народа, его чувства и чаяния. Созидая, описывая, М. М. Пришвин обращался к истинному, глубинному, вечному, и, думается, именно поэтому парижский обозреватель высоко оценивал произведения писателя: «Все его вещи, мелочи, наброски, зарисовки всегда меня волнуют при чтении, потому что в них дышит жизнь»²³.

В фондовой коллекции Орловского объединенного государственного литературного музея И. С. Тургенева хранится книга М. М. Пришвина «Жень-Шень. Корень жизни», выпущенная в 1934 году «Московским товариществом писателей» тиражом более 10 тысяч экземпляров²⁴. Это издание замечательно оформлено: на цельнотканевом переплёте синим тиснением изображён корень женьшеня, на корешке такой же техникой нанесены фамилия автора и название, иллюстрации выполнил художник В. Фаворский. Дизайн книги и ее содержание соответствуют лаконично-исповедальному авторскому утверждению: «Это вещь моя коренная».

В заметке Н. Н. Кнорринга «Корень жизни»²⁵, посвященной повести М. Пришвина «Жень-Шень», акцентировались «неизъяснимая прелесть» и глубина произведения («прочтя ее, задумаешь-

²¹ Там же.

²² Переписка М. Горького. В 2 т. М.: Художественная литература, 1986.

²³ К-г Н. [Кнорринг Н. Н.]. Повесть о неудавшемся романе [Рец.] М. Пришвин. Журавлиная родина. Собрание сочинений. Т. VII // Последние новости. 1932. 21 января. № 3956. С. 3.

²⁴ Пришвин М. Жень-Шень. Корень жизни. Повесть. М.: Московское т-во писателей. 1934. ОГЛИМТ. Ф. 15. Оп. 1. ОФ 32147.

²⁵ К-г Н. [Кнорринг Н. Н.]. Корень жизни. [Рец.:] Пришвин М. «Жень-Шень». Повесть. 1934. // Последние новости. 1934. 10 мая. № 4795. С. 3.

ся»). Парижский рецензент отмечал, что в произведении на первом плане изображена природа. Охотник-исследователь и художник-пантеист рисует «широкую картину животного мира», он «умело накладывает краски и перелистывает книгу природы». Наряду с человеком действующими лицами являются «драгоценные реликты» — пятнистые олени и «корень жизни» Женьшень. Кнорринг выделял нравственно-философские проблемы, заложенные в повести: так, по Пришвину, сущность подлинной культуры «не в манжетах и запонках, а в родственной связи между людьми».

Важное место в повести занимает растительный образ-символ женьшень — «таинственный корень жизни», имеющий форму человека. Критик подчеркивал ценность этого чудодейственного средства («из-за обладания этим корнем люди идут на убийства») и глубокую веру людей в его силу («и все эти миллионы миллионов так же, как эти последние живые семь человек, верили в корень жизни <...>»). Для Н. Н. Кнорринга важна внутренняя сокровенная мудрость писателя, считающего, что действенность творческой силы корня жизни заключается в том, чтобы «найти собственное свое существо», «выйти из себя и себе самому раскрыться в другом»²⁶.

В жанровом своеобразии книги М. Пришвина — при отсутствии яркой сюжетной линии и описательно-созидательном изображении человека и природы в едином процессе жизни — Н. Н. Кноррингу виделась характерная особенность стиля писателя («Как часто бывает у Пришвина, в повести, в сущности, нет сюжета: любовная эпопея проходит каким-то неясным силуэтом и сливается в широкой картине животного мира»).

Следует отметить, что в 1934 году, через месяц после заметки Кнорринга, на страницах «Последних новостей» была опубликована рецензия Георгия Адамовича с одноименным названием. Статья маститого критика русского зарубежья, несомненно, более эмоциональная, пространная, насыщенная цитатами из произведения Пришвина. При наблюдении над общим источником проявляется соотнесённость газетных публикаций:

²⁶ Там же.

Кнорринг: «В этой повести есть неизъяснимая прелесть»;
Адамович: «<...> есть редкая, даже редчайшая прелесть в этом несложном скуповатом повествовании».

Кнорринг: «Как часто бывает у Пришвина, в повести, в сущности, нет сюжета: любовная эпопея проходит каким-то неясным силуэтом и сливается в широкой картине животного мира».

Адамович: «Действие в повести не «происходит», действия почти нет. Повесть вся насыщена, вся дышит тишиной, покоем, слиянием с природой».

Кнорринг: «Пришвин не только охотник, но и исследователь, — в его описании олени живут, как люди...»

Адамович: «Пришвин старается преодолеть в себе охотника, т.е. хищника. Ему хочется стать другом животных...»

Следует отметить, что в статьях выделяются различия в восприятии творческого наследия Пришвина. Если в рецензии Кнорринга прежде всего рассматривались философские размышления Пришвина о поиске гармонии в слиянии с природой, о вере в чудесную силу корня жизни, о счастье в обретении желанной любви, то в статье Адамовича акцентированы сомнения писателя в чудодейственном действии женитьбы («Пришвин верит и не верит», «сквозь всю повесть проходят эти колебания скептика-европейца»). В повести Адамович выделял борьбу «между интуицией и разумом, или между покорным подчинением природе и стремлением ее обуздать, вскрыть, обезвредить». Следует отметить, что «первый критик русской эмиграции» затрагивал и социально-политические вопросы: дважды в статье он выражал неприятие тенденций индустриального развития Советской России, которые отражены в произведении писателя («...повесть Пришвина приобретает в столкновении с общесоветскими, заносчивыми, индустриально-строительными настроями крайнюю «актуальность», «Пафос Москвы — отчasti — во вражде к стихиям, в механизировании быта и мира»). Примечательно, что Н. Н. Кнорринг в статье «Повесть о неудавшемся романе» также затрагивал вопрос изменений условий труда и уклада жизни народа в Советской России. Пересказывая «любопытную сцену» беседы мужиков о том, что «техническим

путем можно всю землю преобразить», Кнорринг, соглашаясь с писателем, цитировал: «...попробуй-ка техническим путем заставить кричать петуха по советскому времени».

Затрагивая проблему традиций и новаторства в русской литературе XIX–XX веков, Н. Н. Кнорринг в статье «Рассказы М. Пришвина»²⁷ стремился определить типологическую соотносённость его творчества со знаменитыми предшественниками. Примечательно, что в отзыве 1932 года «Повесть о неудавшемся романе» критик называл писателя «прямым наследником Аксакова», отмечая его пантеистическое восприятие природы: «Когда он [Пришвин — В.В.] говорит о лисьих повадках, об еже, о тетеревах, то кажется, что это все продолжение «Записок охотника Оренбургской губернии»²⁸. В 1935 году парижский рецензент более детально определял творческую манеру М. М. Пришвина, расширяя сравнение обращением к И. С. Тургеневу: «Пришвин по своему отношению к природе более подходит к Аксакову, чем к Тургеневу». Это связано с тем, что «у Тургенева природа уступает человеку, его «Записки охотника» — книга о человеке». Аксаков же все внимание отдавал зверям, рыбам и т.д., его герой — бесстрастный созерцатель. Однако у Пришвина более сказывается профессиональная жилка охотника, чем у Аксакова. Н. Кнорринг подчеркивал: «Пришвин никогда не забывает в себе охотника». В описании звериного царства, он, однако, отклоняется от беспристрастного тона Аксакова и вносит туда много своего, личного, связанного даже с эпохой.

Размышления об особенностях и достоверности отражения природы в художественных произведениях основаны на личном опыте парижского критика. Охотничий мир был близок Н. Н. Кноррингу, который в «Записках историка, педагога и музыканта о России» вспоминал: «Отец был страстным охотником, борзятником и ружейником. Когда к нему при-

²⁷ К-г Н. [Кнорринг Н. Н.]. Рассказы М. Пришвина // Последние новости. 1935. 31 октября. № 5334. С. 3.

²⁸ К-г Н. [Кнорринг Н. Н.]. Повесть о неудавшемся романе [Рец.] М. Пришвин. Журавлиная родина. Собрание сочинений. Т. VII// Последние новости. 1932. 21 января. № 3956. С. 3.

ходили старые охотники, его сподручные, то не было конца разговорам и воспоминаниям. Этот охотничий жанр рассказов — и в литературе и в жизни — я очень любил и люблю до сих пор. Отец держал 10–15 борзых собак почти до конца своей жизни, когда уже не выезжал на полевую охоту, — в них он видел особую радость. Эта любовь к собакам перешла и к нам, детям»²⁹. Рецензент подчеркивал силу увлечения охотой, повлиявшей на творческую манеру писателя, так как охота — это «средство сближения с природой». В газетных заметках при характеристике Пришвина определение «охотник» даже вынесено критиком в начальную позицию: «охотник-автор» и «Пришвин не только охотник, но и исследователь». Но-стальгией, светлой памятью о сезонных изменениях природы родного края пропитан последний абзац рецензии, посвященной охотничьим рассказам Пришвина: «Самая приятная часть книги та, в которой Пришвин дает весь годовой охотничий кругооборот. У охотника свой календарь природы, особенно в наших местах Центральной России, где четыре времени года не символика, а подлинная яркая действительность. У Пришвина каждое время года чувствуется в характерных описаниях и природы, и зверя, и поведения человека»³⁰.

Несомненно, Н. Н. Кнорринг был знаком с критическими работами о советском писателе, в том числе со статьей Н. И. Замошкина «Писатель-Берендей», которая была включена в сборник статей «Литературные межи». В фондах Орловского музея хранится уникальный экземпляр — эта книга 1930 года издания с печатью Тургеневской общественной библиотеки в Париже³¹. Однако следует отметить, что в рассматриваемых рецензиях Н. Н. Кнорринга постулаты этого критика не нашли отражения.

Таким образом, изучение статей Н. Н. Кнорринга в парижских «Последних новостях», посвященных новым изда-

²⁹ Кнорринг Н. Н. Записки историка, педагога и музыканта о России. М.: Кру-гъ, 2014. С. 40.

³⁰ К-г Н. [Кнорринг Н. Н.]. Рассказы М. Пришвина //Последние новости. 1935. 31 октября. № 5334. С. 3.

³¹ Замошкин Н. Литературные межи. М.: Издательство «Федерация», 1930. ОГЛМТ.Ф. 1. Оп. 4. ОФ 10679/23.

ниям М. М. Пришвина, позволяет заключить, что русская эмиграция пристально наблюдала за литературным процессом в СССР и имела возможность довольно оперативно знакомиться с новинками художественной литературы, а Тургеневская библиотека в Париже являлась подлинным центром русской культуры, активно пополнявшим книжный фонд и плодотворно осуществлявшим информационно-аналитическую деятельность. В публикациях периодических изданий русского зарубежья (в частности, в парижской газете «Последние новости») были представлены отзывы на книги, издаваемые в Советском Союзе, в которых зачастую рассматривались сложные литературоведческие проблемы.

В рецензиях Н. Н. Кнорринга 1920–1930-х годов в краткой и доступной форме была обозначена этико-философская проблематика произведений М. М. Пришвина, выделены художественные особенности его прозы, определено своеобразие жанровых форм его произведений. Критик подчеркивал особенность пришвинского мироощущения: через понимание природы писатель приходил к познанию человека, воспринимая природные явления как непрерывный творческий процесс. Парижский рецензент отмечал важность соучастия человека в жизни природы. В газетных заметках слышен и голос Н. Н. Кнорринга, отмечавшего проникновенные наблюдения, удачные эпизоды и образы, часто близкие и дорогие рецензенту, рождающие воспоминания о покинутой Родине.

Восприятие творчества М. М. Пришвина в русской зарубежной критике довольно точно раскрывается в утверждении одного из современных исследователей — Т. Г. Петровой: «Творчество М. Пришвина было внимательно прочитано в русской эмиграции и получило высокую оценку в критике, подметившей необычность жанровой поэтики писателя, этнографическую точность, любовь ко всему живому, философичность его произведений, приращенность гуманистическим ценностям»³².

³² Петрова Т. Г. Творчество М. М. Пришвина в критическом сознании русского зарубежья и оценки советских критиков 20–30-х годов // Проблемы литературы XX века: в поисках истины: сборник материалов. Архангельск: Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 2003. С. 108.

III
Наши
публикации

**ПИСЬМА В. Н. БУНИНОЙ
К БРАТУ Д. Н. МУРОМЦЕВУ. 1907–1936 гг.
(ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ОРЛОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННО-
ГО ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ И. С. ТУРГЕНЕВА)**

*Публикация, вступительная статья
и комментарии Е. М. Шинковой*

В «Тургеневском ежегоднике 2016–2017 гг.»¹ мы рассказали о формировании бунинского фонда в коллекции ОГЛИМТ и о материалах Веры Николаевны Буниной (1881–1961), второй жены писателя, в его составе. В настоящем сборнике приступаем к публикации её писем к брату Дмитрию Николаевичу Муромцеву (1886–1937). Об адресате Веры Николаевны нам, к сожалению, известно немного. Его имя не встречается среди сколько-нибудь значимых фигур российских или московских деятелей 1930-х годов. Некоторые факты биографии брата изложены Буниной в «Беседах с памятью» (М., 1989). Подчеркнём, что основной задачей автора этой книги было показать внутренний мир семьи Муромцевых, не конкретизируя личности каждого из её членов. Некоторый фактический материал о Дмитрие Николаевиче можно почерпнуть в письмах Буниной к И. А. Бунину². Знакомясь с ныне публикуемыми письмами Веры Николаевны, также можно сделать определенные выводы о служебной деятельности её брата, судя по всему, связанной с адвокатурой. Приходится констатировать, что больших успехов в служебных делах он не достиг, а тяжелая болезнь вовсе лишила его возможности чем-либо заниматься. Однако для сестры Дмитрий Николаевич на протяжении всей его жизни оставался уважаемым, значимым, нежно любимым, близким по духу человеком.

Содержание публикуемых писем не может не тронуть читателя своей правдивостью и искренностью. Это неудиви-

¹ См.: Тургеневский ежегодник 2016–2017 гг. / Шинкова Е. М. К истории формирования личного фонда И. А. Бунина в коллекции Орловского объединенного государственного литературного музея. Орел, 2018. С. 329–351.

² См.: ЛН. Т. 110 в 4-х кн. И. А. Бунин. Новые материалы и исследования. Кн. 1. Письма. Переписка И. А. Бунина с В. Н. Муромцевой-Буниной. 1906–1947 гг. С. 351–576.

тельно: адресат — младший брат — чуть ли не единственное звено, связывающее Бунину с Россией, с друзьями, с тем, что жило в её душе, было дорого и вызывало щемящее чувство тоски по навсегда утраченному. С ним, последним, оставшимся в живых членом семьи Муромцевых, она делилась самыми сокровенными переживаниями, ничего не утаивая и не приукрашивая. В то же время важно, что автор писем — на протяжении почти пятидесяти лет самый близкий и преданный великому писателю и любимому мужу человек, поэтому из этих писем мы узнаём многие детали жизни Буниных в Грассе и Париже в 1930-е годы; порой становятся понятными скрытые от посторонних глаз причины тех или иных поступков их и их окружения.

Еще один аспект писем Буниной, на который следует обратить внимание: рассказывая брату о встречах с разными, в основном русскими, людьми знакомыми и незнакомыми адресату, описывая, казалось бы, незначительные бытовые подробности повседневной жизни, Бунина, вольно или невольно, рисовала жизнь русской эмиграции, раскрывала нравственное состояние, материальное положение русских беженцев³, их попытки приспособиться к жизни в чужой стране, к чужой культуре, принять Францию в качестве второй родины.

К сожалению, сохранилась лишь часть отправленных из Франции в Москву писем, и они представляют безусловный интерес для тех, кто любит и ценит творчество Бунина, хочет больше узнать о Бунине-человеке. Основная часть корреспонденции относится к началу и середине 1930-х годов, т.е.

³ Именно беженцами, вынужденно покинувшими Россию, а не эмигрантами, т.е. людьми, сознательно принявшими решение об отъезде за границу на постоянное жительство, называет русских, наводнивших Францию после Октябрьского переворота, Александр Александрович Кутушев, сын А.А. и А. М. Кутушевых, соседей и друзей Буниных в Грассе (см. коммент.8 к п. 5). А. А. Кутушев, издатель; после трагической смерти (самоубийства) отца жил вместе с матерью во Франции, Югославии, затем в Австрии. В 1945 г. попал в Швейцарию. В 1948 г. вместе с матерью уехал в Аргентину. В 1960 г. переехал в США. Написал книгу о матери: Kugushev A. Under the wheel of history: A woman's journey through the twentieth century (Кутушев А. Под колесом истории: путешествие женщины через двадцатый век) [Lexington, USA], 2011).

Электронный ресурс: <https://www.youtube.com/watch?v=G0kz8lF4Ekc>
http://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=1696

Дата обращения: 22 января 2021 г.

времени мирового признания литературных заслуг Бунина, которое выразилось в присуждении ему в 1933 году Нобелевской премии. Количественно корпус писем распределяется следующим образом:

1907 г. — 2 пп.; 1910 г. — 2 пп.; 1933 г. — 1 пп.; 1934 г. — 62 пп.; 1935 г. — 51 пп.; 1936 г. — 39 пп.

Письма, рукописные и машинописные, публикуются без купюр; орфография и пунктуация приведены в соответствие современным нормам; явные опечатки исправлены с комментариями или оставлены без изменений с пометой [так в тексте]; сохранены авторские подчеркивания слов и предложений.

В тех случаях, когда письма написаны на иллюстрированных открытках (1907, 1910), специально выбранных Буниной с целью эмоционально дополнить её текст, изображения на лицевых сторонах комментируются.

Вера Николаевна, в основном, датировала свои письма, иногда указывала и дату письма, на которое отвечает. Это давало возможность ей и Муромцеву контролировать переписку, выявлять неполученные, т.е. утраченные почтой корреспонденции. Установленные же нами по почтовым штемпелям, содержанию или по сопоставлению с другими письмами даты и места написания поставлены в косые скобки.

Постоянная привычка Веры Николаевны делать приписки на полях, переворачивая в разные стороны лист, экономя тем самым бумагу, оговаривается в текстах.

Часто встречающиеся имена комментируются при первом употреблении, в дальнейшем остаются без комментариев:

«Ян» —	Иван Алексеевич Бунин (1870–1953)
«Галя» —	Галина Николаевна Кузнецова
(1900–1976)
«Леня» —	Леонид Федорович Зуров
(1902–1971)
«Боря» —	Борис Константинович Зайцев
(1881–1972)

«Вера», «Верочка» –	Вера Алексеевна Зайцева (1878–1965)
«Наташа» –	Наталья Борисовна Соллогуб (1912–2008)
«Марга» –	Маргарита Августовна Степун (1895–1971)
«Ника», «Пэка», «Капитан» –	домашние прозвища Николая Яковлевича Рощина (наст. фам. Рошин; 1895–1971)
«Отец» –	Муромцев Николай Андреевич (1852–1933)
«Мать» –	Муромцева Лидия Федоровна (1855–1923)

Инициалы, имена, домашние прозвища родственников и общих знакомых Буниной и Муромцева, впервые встреченные и раскрытые нами, даются в косых скобках и комментируются, в дальнейшем — раскрываются в косых скобках без ссылок на первый комментарий.

Точки в сокращенных Буниной именах сохранены, наши добавления — в косых скобках. Например: М.<ария> А.<лексеевна> <Ласкаржевская>.

Имена и инициалы людей, сведения о которых нам найти не удалось, оставлены в текстах в авторском написании без каких-либо комментариев.

Ценность писем В. Н. Буниной для литературоведов, историков, для заинтересованных читателей была, очевидно, понятна адресату. Судя по всему, Дмитрий Николаевич обсуждал возможность их опубликования с сестрой, и она не возражала. Во всяком случае, такой вывод позволяют сделать строки из письма от 10 июня 1935 г.: «Относительно моих писем, поступи как хочешь, они — твои. Насчет "интимности" скажу одно, будут, конечно, нести всякий вздор, что, может быть, и не плохо в этом случае "выслушать мнение и моего современника". Если у тебя будет досуг и охота, то ты их проредактируешь. Что найдешь лишним, выкини. Остальное — оставь».

Муромцев давал пояснения к некоторым именам в текстах, очевидно, именно с целью возможной публикации. К сожалению, таких пояснений очень немного, они встречаются далеко не во всех текстах. Гораздо чаще встречаются технические пометы (обычно в верхнем левом углу л. 1), т.е. сведения о дате получения письма сестры и дате ответа на него; также присутствует нумерация полученных от В. Н. Буниной писем. Наличие таких пояснений и помет оговаривается в комментариях.

14. В. Н. Бунина — Д. Н. Муромцеву

12 апреля 1907 г.
<Одесса>

Дорогой Митя, чувствую себя довольно хорошо. Немного ошеломил воздух — клонит ко сну. Одесса⁵ — город очень приятный, да и южные кушанья недурны. Особенно понравилась мне фаршированная щука, отдай всё — и мало... Уедем из Одессы, по всем вероятностям, 17, во вторник, таким образом, вы можете писать в Константинополь.

Целую Вера.

26. В. Н. Бунина — Д. Н. Муромцеву

17 апреля <1907 г.>
<Константинополь>

Дорогой Митя, через полчаса снимаемся. Идем в Афины. Ты не можешь себе представить, как хорош Константинополь. А какие здесь блюда и как дешево! Целую всех. А.И.⁷ кланяется. Совсем нет времени писать письма. Так все интересно.

Вера

⁴ Печатается по автографу: ОГЛИМТ, РДФ, ф. 14, инв. 3216/1 оф. Автограф на почтовой карточке: «Открытое письмо» с видом на море на лицевой стороне и надписью: «Одесса. Малый фонтан». Место написания установлено по содержанию и почт. штемп.

⁵ Началом своей «новой жизни», т.е. совместной жизни с И. А. Буниным Вера Николаевна, в то время ещё носившая фамилию Муромцева, называет 10 апреля 1907 года — дату их отъезда из Москвы в первое заграничное путешествие в Святую Землю: они доехали до Киева, где осмотрели Софийский собор, затем, 12 апреля прибыли в Одессу. Город, который Вера Николаевна видела впервые, встречи с друзьями Бунина — одесскими художниками — совершенно её очаровали (См.: Бунина В. Н. Жизнь Бунина. 1870–1906. Беседы с памятью. М., 1989. С. 291–302).

⁶ Печатается по автографу: ОГЛИМТ, РДФ, ф. 14, инв. 3216/2 оф. Автограф на почтовой карточке иностранного производства («CARTE POSTALE») с видом на Собор Святой Софии в Константинополе и надписью на франц. яз.: «Salut de Constantinople (Привет из Константинополя). Mosquée Ahmed et l' Hippodrome (Мечеть Ахмета и ипподром)» на лицевой стороне. Год и место написания установлены по содержанию и сопоставлению с письмом № 1.

⁷ Очевидная описка: надо — И. А.

[На лицевой стороне открытки приписка]: Это обелиск египетский, поставленный здесь Трояном.

В.М.

3⁸. В. Н. Бунина — Д. Н. Муромцеву

<1910 г., апреля 16(3) — апреля 26(13)>
<Алжир, Бискра>

Таких бедуинов встречаем мы часто, когда едем куда-нибудь из Иерусалима, правда, без копий. Бедуины — совершенные анархисты. Любят больше всего свободу.

4⁹. В. Н. Бунина — Д. Н. Муромцеву

13 (26) апреля <1910 г.>
<Алжир, Бискра>

Мы в пустыне, дорогой Митя. Сегодня ездили к песчаным дюнам. Масса негров, арабов, около оазисов леса финиковых пальм и друг<их> деревьев. Жарко, да не очень.

Целуем

Вера.

[Приписка в верхнем левом углу]: Пиши: Одесса. Петру Алекс.<андровичу> Нилусу¹⁰ и мне. ГдеЗ.<инаида> Н.<иколаевна> <Муромцева>¹¹?

⁸ Печатается по автографу: ОГЛИМТ, РДФ, ф. 14, инв. 3216/65 оф. Автограф на лицевой стороне почтовой карточки иностранного производства («Union Postale Universelle» — «Всемирный почтовый союз») с раскрашенной фотографией бедуина верхом на коне, с копьем в руке и надписями на франц. яз.: «Beduine zu Pferd» — «Бедуин на коне»; «Guerrier beduine» — «Воин бедуин»; «Beduine Warrior» — «Бедуинский воин». Дата и место написания установлены по кн.: И. А. Бунин. Письма 1905–1919 гг. М.: ИМЛИ, 2007. С. 141–142 и сопоставлению с письмом № 4.

⁹ Печатается по автографу: ОГЛИМТ, РДФ. Ф. 14, инв. 3216/64 оф. Автограф на почтовой карточке иностранного производства («CARTE POSTALE») с фотографией негритянского юноши с колчаном стрел за спиной и стрелой в руке. Год и место написания установлены по почт. штемп.

¹⁰ Нилус Петр Александрович (1869–1943), одесский художник, художественный критик, писатель, близкий друг И. А. Бунина.

¹¹ Очевидно, речь идет о Муромцевой Зинаиде Николаевне, жене Д. Н. Муромцева, в годы молодости — балерине.

5¹². В. Н. Бунина — Д. Н. Муромцеву

14/22 марта.

23 марта 1933 г.
< Грасс, Франция >

Странички дневника.

Драгоценный Митюша, все эти дни живем без солнца, зато временами идет дождь.

Сегодня у меня день починки, ванна, приходила женщина, которая помогла мне в том и другом.

Мне сегодня очень грустно: день Ангела Гали¹³. В прежние годы у нас бывал обед с гостями — цветы, розы, шампанское, два года назад с появлением у нас радиоаппарата, танцы, а теперь из тех, кто бывали у нас, «иных уж нет, а те далеча [так в тексте]...»¹⁴. А виновница торжества тоже выпала из нашей жизни...¹⁵

Ян¹⁶ сегодня приглашен в Ниццу к знакомым. Уехал после завтрака. Сейчас 9 часов. Его нет еще. Обедали вдвоем с Ленией¹⁷: гороховый суп, рисовые котлеты и по яблоку.

Тихая жизнь мне по вкусу. Я совсем не скучлива. Когда чувствую себя сносно, то одно дело сменяет другое занятие, и всегда чувство, что не исполнила я добрую половину назначенного.

Не понимаю людей, играющих в карты. Откуда у них является время? Как они все успевают!

Здесь мы опять много слушаем музыки. Хорошие концерты в той стране, где Галия¹⁸. Чудесные голоса. А у нас му-

¹² Печатается по автографам: ОГЛМТ, РДФ, ф. 14, инв. 3216/84 оф, 3216/3 оф. Место написания установлено по содержанию. На лл. 1, 3 пометы Д. Н. Муромцева.

¹³ Кузнецова Галина Николаевна (1900–1976), писательница, мемуаристка. С 1927 г. течение ряда лет проживала в семье Буниных.

¹⁴ Цитата из романа в стихах «Евгений Онегин» (1831) А. С. Пушкина. *Пушкин А. С. Соч. в 3-х т. Т. 2. М., 1986. С. 336.*

¹⁵ Очевидно, Г. Н. Кузнецова находилась в это время в Германии.

¹⁶ Бунина называла мужа «Яном»: «Я решила его называть Яном: во-первых, потому что ни одна женщина его так не называла, а во-вторых, он очень гордился, что его род происходит от литовца, приехавшего в Россию, ему это наименование нравилось» (См.: *Муромцева-Бунина В. Н. Беседы с памятью. М., 1989. С. 285.*)

¹⁷ Зуров Леонид Николаевич (1902–1971), писатель, мемуарист. С 1929 г. в течение ряда лет проживал совместно с Буниными. После смерти В. Н. Буниной стал наследником бунинского архива.

¹⁸ Видимо, речь идет о Германии.

зыка очень на низком уровне, особенно оперное искусство. Впрочем, я за все эти годы ни разу не была в опере.

14 марта
22 марта

26 марта

Дождь со вчерашнего дня. Ночью обрушилась стена, которая подпирает наш сад. Сегодня весь день стучала для Яна, напечатала 20 страниц да письмо Лене в две страницы! День и прошел.

Вчера ездила в Канн в гости к *belle fille* [невестке — франц.] Федора Ивановича¹⁹, хорошенькой бабенке. У нее девочка шести лет, очень талантливая и умненькая. Но солнца и там не было, гуляла под зонтом, пила шоколад в английской кофейне, полной стариками и неувовимого возраста женщинами и мужчинами.

Были с Леней в воскресенье у соседей²⁰. Все по-старому, он копается в земле, разводит кур, а она тоскует — все надоело.

Слушали Дон-Жуана Моцарта. И опять восхищение им. И как из него вышли все Верди!

Я была в Зальцбурге и видела клавесин, на котором он создавал свои шедевры, видела и его череп, очень маленький и темный! Комната тоже маленькая, кажется, музей в его квартире. Давно это было, в одну из самых счастливых моих весен!

¹⁹ Очевидно, речь идет о Марии Викентьевне Шалапиной (урожд. Бобрик; 1902–1988), с которой Борис Федорович Шалапин, старший сын знаменитого оперного певца Ф. И. Шалапина, состоял в браке с 1929 по 1939 гг. Б. Ф. Шалапин (1904–1979) родился и провел детство в Москве. Начал обучение живописи и скульптуре в России, продолжил — в Париже. Участвовал в выставках русского искусства в парижских галереях d'Alignan (1931), La Renaissance (1932), зале Yteb (1935), в Булонь-Бийанкуре (1935) и в Праге (1935). В 1934 получил большую золотую медаль Осеннего салона за деревянную скульптуру «Обнаженная». Жертвовал свои работы для благотворительных целей, в том числе, для лотереи в пользу Союза русских писателей и журналистов (1931) и для пред рождественской выставки-продажи под покровительством великой княгини Ксении Александровны (1935). В 1935 г. уехал с отцом в США и поселился в Нью-Йорке.

²⁰ Речь идет о Кугушевых, соседях и друзьях Буниных (знакомство состоялось в 1929 г.), живших неподалеку от Грасса в Ле Рурэ. Там на ферме «Дубок» Кугушев Александр Александрович (1898–1935), князь, занимался куроводством (покончил с собой 26 июня 1935 г.). Его жена — Кугушева Анна Михайловна (Ася), (1900–1989; урожд. Лапинская, дочь М. Н. Лапинского (1862–1947), учёного-невропатолога, профессора Императорского Киевского Св. Владимира и Загребского университетов); их сын Кугушев Александр Александрович (р. 1931).

Сегодня перестукала на машинке 22 страницы.
Можно и отдохнуть.
Перед сном гуляли. Чистое небо в звездах и клочья тумана.

27 марта

Утро было чудесное: синее небо сквозило сквозь занавески, а сейчас опять серо, и только что стучал град по стеклам в крыше над нашей лестницей.

Недаром итальянцы называют март сумасшедшим, безумцем!

Получила письмо от 22 марта. Очень удивлена, что ты не получал 21 день от меня вестей. Этого не могло быть. Я не писать так долго не могла. Вероятно, одно мое письмо пропало... Я считаю долгим, если не пишу тебе неделю, дней десять. Я помню, что после отъезда Лени, а он уехал 5 марта, я писала тебе. Кроме того, писала и 4 марта после отъезда Яна, на что имею от тебя подтверждение в письме твоём от 9 марта. Значит, между моими письмами, тобою полученными, расхождение не в 21 день, а в десять. Меня, конечно, очень «обезвремил» Петр Александр.<ович> <Нилус>. В неделю ему я перепечата-ла 100 стран<иц>. Причем, он диктовал очень медленно. А это была последняя неделя в Париже. Нужно было, кроме всяких дел, убрать и чистить квартиру, для экономии мыла сама окна, зеркала. Убирала квартиру. Фам де мёнаге [так в тексте; надо: femme de ménage — домработница (франц.) — Е.Ш.] приглашалась, когда гости. Тут самое трудное — помнить, память стала слабеть. Эта открытка лежала неделю на письменном столе, и только с дороги мне удалось ее послать тебе.

Сейчас, не слазить, живем дружно. Атмосфера легкая. Все работаем. Я много стучу на машинке. Но пока не для себя, а для Яна.

Сейчас Ян зовет меня в город. Дождь перестал. У нас наверху прохладно — топим печку с 5 ч.<асов> вечера, а внизу тепло.

Обнимаю и целую нежно

Твоя

Ян обнимает. Леня шлет горячий привет. Галя всегда кланяется и спрашивает о тебе.

26 апреля 1934 года.

< Грасс, Франция >

Дорогой мой Митюша, очень была рада весточке от тебя, только я не совсем поняла дома ли ты, а потому адресую это письмо на Зою²².

По тону чувствую, что тебе лучше. Передай твоему врачу, что я питаю к нему большую благодарность. Надеюсь, что и в дальнейшем ты будешь под её наблюдением. Если тебе не будет времени или охоты, то через кого-нибудь извещай меня о своем здоровье, иначе я буду беспокоиться.

Мне тоже много лучше — я уже пять недель не была у доктора, значит, ничего себе, хотя все же следует показаться. Сейчас у нас гостит Боря²³, вероятно, пробудет около месяца. Дочь²⁴ его с зятем²⁵ в Каннах, а жена²⁶ приедет через месяц, и они где-нибудь поселятся у моря. Он привез хорошую веселую погоду. В саду все цветет, Леня с Галей усиленно работают: он больше по овощам, а она по цветам. Сегодня купили вилы для земли.

Ян опять страдает своей милой болезнью²⁷. В дурном, тяжелом настроении. Ему хочется приобрести дом, где живет, а его до-

²¹ Печатается по автографам: ОГЛИМТ, РДФ, ф. 14, инв. 3216/5 оф. Место написания установлено по содержанию. На л. 1, 1 об. пометы и коммент. Д. Н. Муромцева.

²² Речь идет о Зое Евгеньевне Шрейдер, близкой московской подруге В. Н. Буниной, которая не раз упоминается в кн.: В. Н. Муромцева-Бунина. «Беседы с памятью» (М., 1989).

²³ Зайцев Борис Константинович (1881–1972), писатель и переводчик. В течение многих лет Бунины и Зайцевы были в дружеских отношениях (в Москве и во Франции).

²⁴ Соллогуб Наталья Борисовна (1912–2008), дочь Б. К. Зайцева, мемуаристка; печаталась под фамилией Зайцева-Соллогуб; автор книги «Я вспоминаю» (М., 1998).

²⁵ Соллогуб Андрей Владимирович (1906–1996), граф; 6 марта 1932 г. обвинялся с Н. Б. Зайцевой; с конца 1920-х годов работал во французском отделении английского банка «Барклайс» во Франции, впоследствии стал доктором юридических наук, крупным специалистом в области банковского дела.

²⁶ Зайцева Вера Алексеевна (урожд. Орешникова, в 1-м браке Смирнова, во 2-м браке – Зайцева; 1878–1965), жена писателя; близкая подруга В. Н. Буниной.

²⁷ Скорее всего, имеются в виду геморроидальные кровотечения, которые доставляли Бунину мучительные страдания.

мочадцам не очень²⁸. Много неудобств. Нельзя подъехать к дому. Нет газа. Надоела и местность. Все прогулки в гору или с горы.

Отъезд, вернее переезд²⁹ А.<ндрей> Г.<еоргиевича>³⁰, меня беспокоит. Может быть, физически ему будет там и лучше, но морально много хуже. Кто там у него близкие люди? Здесь все же ты, Н.<иколай> Дм.<митриевич>³¹, Рита, О. Хр., Маруся³², если даже и не с охотой большой, все же присматривает. А главное, меня страшит его переезд, хлопоты. Старому человеку лучше оставаться на месте. Вот мать Бори³³ собиралась к сыну, хлопотала, а как все было готово — так сердце и разорвалось. Конечно, Вам виднее. Но я на твоём месте ни на чем <бы> не настаивала. Мне кажется, что ему ехать не хочется. Но, может быть, я и ошибаюсь.

²⁸ Бунину советовали, и он сам склонялся к этой мысли, приобрести в собственность виллу. Это намерение не было реализовано.

²⁹ По сопоставлению с письмом от 4 августа 1934 г. (письмо № 37, инв. 3216/35 оф): речь идет о предполагаемом переезде Андрея Георгиевича Гусакова в Ленинградский Дом престарелых ученых; Дома престарелых ученых при ЦеКу-Бу (Центральная комиссия по улучшению быта ученых) при СНК СССР (Совете Народных Комиссаров СССР) в Петрограде и Москве появились почти одновременно. В конце 1930 г. Московский ДПУ был переведен в Ленинград.

³⁰ Гусаков Андрей Георгиевич (1857–1936), юрист, профессор по кафедре торгового права и декан экономического отделения Петербургского политехнического института; друг семьи Муромцевых.

³¹ Зелинский Николай Дмитриевич (1861–1953), химик, основоположник учения о гетерогенном органическом катализе, создатель первого в мире универсального угольного противогАЗа; профессор Московского университета по органической химии, вел большую общественную работу, организовал на Высших женских курсах Герье кафедру органической химии, при которой создал прекрасную лабораторию.

³² Маруся — жена брата Павла Николаевича Муромцева, врача (1887–1933) [комментарий в тексте письма Д. Н. Муромцева]. О ней писала В. Н. Буниной из Берлина во Францию В. А. Зайцева 20 июня/3 июля 1922 г.: «...Жена у Павлика хорошая русская женщина, и пока ему хорошо с ней. Она о нем заботится, бережет его. Теперь это главное в советской жизни». См.: *Зайцев Б. К. Другая Вера*. Возможно, именно её, «Марусю», имела в виду Бунина под инициалами «М.Ф.» во многих письмах к брату. Так, в письме № 36 (от 13.08.1934 г.), рассуждая о возможности «М.Ф.» ухаживать за А. Г. Гусаковым, Бунина допускала такую возможность при условии, что «М.Ф.» любила «П.». Неоднократно в письмах, говоря о брате Павле, Бунина обозначала его имя одним инициалом «П.». Если допустить, что «П.» — это Павел Николаевич Муромцев, то становится понятно, почему в п. № 41 (от 29 августа <1934 г.> Вера Николаевна называет «М.Ф.» «belle-soeur» [невестка]. Исходя из вышеизложенного: «М.Ф.» — Мария Федотовна Муромцева (см. также: ЛН. И. А. Бунин. Новые материалы и исследования. Т. 110, кн. 1. С. 830). В дальнейших письмах мы не раскрываем инициалы «М.Ф.», но даем ссылку на данный комментарий.

³³ Зайцева Татьяна Васильевна (урожд. Рыбалкина; 1944–1927), мать Б. К. Зайцева.

Очень мне жаль и Кирочку³⁴. Конечно, ей самое лучшее было бы взять посильное место. Жаль, что она не в Москве. Я не очень верю в её учение, хотя, пока можно, пусть учится, только пусть не переутомляется, при ее наследственности ей всегда нужно думать о здоровье. Пусть она напишет мне о себе, пришлет тебе письмо, а ты перешли его мне, как делал папа. Переслала ли ей З.<инаида> Н.<иколаевна> <Муромцева> мою фотографию с ее карточкой? Думаю еще ей послать через Торгсин³⁵.

Я очень часто тоскую по тебе. В письмах трудно передать обо всем, о том главном, чем я теперь живу. Скажу одно: я за эти годы очень изменилась. Сняла с себя все наносное.

В ту ночь, когда мы в далекие наши дни бывали у Анны Петровны за Москвой-рекой, мы были дома и слушали все, что слушали у нее, по радио. Впечатление огромное. Я вспомнила всех нас тех времен, и то наше настроение было гораздо правильнее последующих. И как ясно я видела всех вас: и папу³⁶ с сияющим праздничным лицом, чуть тронутым сединой, и маму³⁷ в светлом шелковом платье, то со строгим, то со смеющимся лицом, и вас троих гордых и радостных в новых ролях и, в зависимости от возраста, то в шелковых рубашках, то в матросках, то в гимназической форме и из всех остались лишь мы с тобой... да Талек и Лена³⁸.

Будь здоров, благостен, милый мой, нежно целую тебя.

³⁴ Кирочка — племянница В. Н. Муромцевой, дочь её брата Всеволода Николаевича Муромцева (1884–1921).

³⁵ Торгсин (Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами; создано в 1931 г., ликвидировано в январе 1936 г.) — советская организация, занимавшаяся обслуживанием гостей из-за рубежа и советских граждан, имеющих «валютные ценности» (золото, серебро, драгоценные камни, предметы старины, наличную валюту), которые они могли обменять здесь на продовольственные и другие потребительские товары.

³⁶ Муромцев Николай Андреевич (1852–05.03.1933), отец В. Н. Буниной, в 1907 году был избран членом Московской городской управы. При дальнейшем упоминании в текстах не комментируется.

³⁷ Муромцева Лидия Федоровна (урожд. Соколова; 29.03.1855–1923; уточнение даты рождения см.: п. № 75, инв. 3216/83 оф.), мать В. Н. Муромцевой. При дальнейшем упоминании в текстах не комментируется.

³⁸ Речь идет о двоюродных сестрах Муромцевых, дочерях их тетки — Марии Андреевны Вокач (урожд. Муромцевой) — Наталье Николаевне и Елене Николаевне Вокач.

[Приписка на лицевой стороне первой перевернутой страницы]:
Галя, Ян, Боря и Леня шлют тебе привет и поклон. Все очень рады, что ты поправился.

Обнимаю еще раз

Твоя В.

7³⁹. В. Н. Бунина — Д. Н. Муромцеву

1 мая 1934 г.

< Грасс, Франция >

Митюша, дорогой, как ты себя чувствуешь? Если самому лень, попроси кого-нибудь известить меня о своем здоровье.

Я почти здорова. Сегодня утром даже работала, вернее, приступила к работе, если она выйдет, то это будет очень хорошо. Есть заказ.

У нас Боря. Очень он приятен для жизни, как родной, не кажется гостем. Мы все довольны, что он у нас. Я с ним часто вспоминаю прошлое, и много смеемся. Верочка одна в Париже. Она получила письмо от своих родных, им плохо живется. Очень жаль Таню⁴⁰. Ел.<ена> Д.<митриевна> <Орешникова>⁴¹ стала, пишут, худенькая и все пишет о муже⁴². А как он

³⁹ Печатается по автографу: ОГЛИМТ, РДФ, ф. 14, инв. 3216/6 оф. Место написания установлено по содержанию. На л. 1 пометы Д. Н. Муромцева.

⁴⁰ Орешникова Татьяна Алексеевна (в замуж. Поливектова; 1877–1965), сестра Зайцевой В. А. О её нелегкой жизни в СССР пишет дружившая с ней В. Г. Малахиева-Мирович в кн. «Маятник жизни моей... Дневник русской женщины. 1930–1954».

⁴¹ Орешникова Елена Дмитриевна (? — 1934), мать В. А. Зайцевой.

⁴² Орешников Алексей Васильевич (1855–1933), отец В. А. Зайцевой; со дня основания Исторического музея в Москве (1883) был его штатным сотрудником, с 1887 г. — штатным хранителем; за работу над описанием монет А. Д. Чертоква («Русские монеты до 1947 г.») получил большую серебряную медаль от Императорского Русского Археологического общества; за труды по нумизматике Московское археологическое общество присудило ему Золотую медаль им. Уварова (1915), Синод преподавал благословение в виде грамоты за труды по редакции описания Патриаршей ризницы (Описание Синодальной бывшей Патриаршей ризницы / Под ред. А. В. Орешникова. М., 1915). Как крупнейший специалист по русской и античной нумизматике пользовался уважением и широкой известностью в ученом мире: был членом Одесского общества истории и древностей, Казанского общества истории, археологии и этнографии, Ростовского музея и девяти ученых архивных комиссий: Витебской, Владимирской, Калужской, Псковской, Рязанской, Таврической, Тверской, Тульской, Ярославской. В 1928 г. избран членом-корреспондентом АН ССР.

Электронный ресурс: https://wiki2.org/ru/Орешников,_Алексей_Васильевич
[Дата обращения 20 января 2021 г.]

чудесно умирал! Верочка надеется приехать сюда. Им очень тяжело живется материально. В этом году помог хорошо им Ян⁴³, а что будет дальше — не знаю. Счастье, что Наташа сошла с рук. Она у нас была в воскресенье с мужем <Андреем Владимировичем Соллогубом>. Он настоящий человек, молодой, но, не сглазить, хорошо зарабатывающий; его отец был приятелем Павла Фил., и сын пошел по его дороге. Они у нас обедали, это были именины Лени, был сосед-куровод⁴⁴ и, конечно, танцевали; радио выручает во всех трудностях жизни.

Я в первый раз после смерти папы надела серое платье и было странно чувствовать себя в светлом. Да, я вошла уже, увы, в лилово-серый возраст, теперь у меня четыре цвета: белый, черный, серый и лиловый, но в последних цветах столько оттенков, что, при желании, можно разнообразить, но все эти цвета идут к седым моим волосам.

Я стараюсь теперь — пора — заботиться о наружности, хотя порой и забываю взглянуть на себя в зеркало и, о ужас, выйду к обеду взлохмаченной: тогда попадает и от Лени, и от Гали.

«Жизнь только издали нарядна и красива»...⁴⁵

Желаю тебе, главное, бодрости духа. Как глупо, что никто не сообщил, что Зоин <Зои Евгеньевны Шрейдер> переулок переименовали. А я послала туда письмо. Целую тебя со всей нежностью

Твоя В.

⁴³ Речь идет о материальной помощи Зайцевым, которую оказал им Бунин после получения Нобелевской премии. 6 марта 1934 г. В. А. Зайцева писала В. Н. Буниной: «Благодаря подарку Ивана, мы с ноября живем как коты. Зубы оба починили, я набрала себе на два платья. Спасибо ему, поцелуй его. И Боре рубашки купила, да и всякую мелочь приобрели». Цит. по: «Напишите мне в альбом...». Беседы с Н. Б. Соллогуб в Бюсси-Ан-От. М., 2004. С. 247.

Для распределения средств, предоставленных Буниным, между эмигрантскими организациями и нуждающимися писателями, был создан специальный комитет под председательством профессора Н. К. Кульмана (Николай Карлович Кульман, 1871–1940, преподавал в Сорбонне был избран деканом русского отделения). Кроме него в комитете работали И. И. Фондаминский и В. Б. Эльяшевич. В. Н. Бунину к работе в комитете не привлекли, что её глубоко обидело. См.: ЛН. Т. 110 в 4-х кн. И. А. Бунин. Новые материалы и исследования. Кн. 1. Переписка И. А. Бунина с В. Н. Буниной 1906–1947 гг. Ч. 2. Переписка 1922–1947 гг. М., 2019. С. 681–687.

⁴⁴ О Кугушеве см. коммент. 20 к п. № 5 (инв. 3216/84,3 оф).

⁴⁵ Строка из стихотворения С. Я. Надсона «Завеса сброшена...». 1882 г.

[Приписка на лицевой стороне перевернутого л. 1]: Ян, Боря, Галя, Леня шлют привет самый сердечный. Они все очень рады, что тебе лучше.

8⁴⁶. В. Н. Бунина — Д. Н. Муромцеву

4 мая 1934 года.
< Грасс, Франция >

Дорогой мой Митюша, наконец, узнала, что ты дома, и пишу прямо тебе. В письмах, которые я адресовала на имя кого-нибудь, так как больничного адреса твоего не знала, я нарочно писала то, что ты называешь, «лишнее», ибо уверена, что тот, кто получает, прочтет и при случае передаст кому нужно о том, что написано, например, о долге по отношению А.<ндрею> Г.<еоргиевичу> <Гусакову>.

Мне кажется, что я издала очень правильно чувствую людей, и если бы мы с тобой могли говорить, то ты сам убедился, что я правильно все вижу. Тебя, вероятно, удивило бы мое отношение при этом видении, но оно зависит от той перемены, которая произошла во мне с тех пор, как мы расстались.

Очень меня огорчает, что я не могу за тобой походить; мне все кажется, что в моих руках ты бы скоро поправился, и, если бы и не скоро, то более спокойно стал бы относиться к своему состоянию. Я понимаю, что тебя очень расстраивает, что ты не можешь по-прежнему работать, как ты привык. Но то, что ты пишешь о себе, испытываю и я; я тоже больше двух часов сряду не могу заниматься. Боря тоже на это жалуется, а доктор, который нас лечит, говорил, что больше одного часу он подряд не может работать. Наше поколение слишком переутомлено было нервно, и вот все расплачиваются. Если бы тебе можно было делать перерывы в занятиях — поработал полтора часа, два, да и отдохнул — двадцать минут, полчаса. Говорят, хорошо сидеть с закрытыми

⁴⁶ Печатается по автографу: ОГЛИМТ, РДФ, ф. 14, инв. 3216/7 оф. Место написания установлено по содержанию. На л. 1 пометы Д. Н. Муромцева.

глазами, свободно опустив руки. Но я ведь не знаю условий твоей службы, а потому мой совет, может быть, и некстати. Мне кажется, при нервном переутомлении очень медленно восстанавливается работоспособность. Сужу по себе. Ты пишешь «два часа работы — и отчаянно спать хочется», и нужно заснуть. [Начало предложения густо вымарано]; ...я тоже это всегда ощущаю. Ведь я живу почти как в санатории и почти ничего не могу делать. Может быть, тебе нужно еще отдохнуть, не в больнице, а в доме отдыха, может быть Е.<катерина> П.<авловна> <Пешкова>⁴⁷ еще раз поможет тебе. Помни одно: болезнь входит пудами, а выходит золотниками.

Очень хорошо показал мне ты А. Ш. Интересная натура. И от своей цельности она и не может понять до конца тебя. Как многого не понимает и Ян.

Об Эльзе⁴⁸ мне сообщал папа. Если увидишь ее, передай ей поклон. Она всегда мне нравилась. Мне всегда хотелось иметь ее в семье. Она нравилась и Яну.

Кину⁴⁹ я видела мельком в ноябре. Приходила с сыном Philipp'ом к Яну. Она вся в детях, очень офранцузилась, и интересов личных у нее почти нет. В январе я чувствовала себя слишком дурно в Париже и не зашла к ним. В ней осталось изящество и гибкость, и та женственность, что ее особенно красило. А Кира⁵⁰ где-то в Сирии. Сужу по поздравлению, которое было прислано Яну к именинам. Почему-то она подписалась девичьей фамилией. Фамилии мужа среди них нет?... Знаешь ли

⁴⁷ Пешкова Екатерина Павловна (урожд. Волжина; 1876–1965), общественный деятель; 1-я и единственная официальная жена Максима Горького. В 1930-е годы помогала семье Муромцевых в Москве.

⁴⁸ Генкина Эльза Михайловна, сотрудник библиотеки Московского университета.

⁴⁹ Шевалье-Шантени Ксения Андреевна (урожд. Нилус; 1892–1955), подруга В. Н. Буниной, дочь Нилуса Андрея Александровича (1859–1941), генерал-лейтенанта артиллерии, организовавшего и возглавившего (в 1913 г.) в Одессе Сергиевское артиллерийское училище. В конце 1920-х гг. К. А. Шевалье-Шантени переехала в Париж с мужем из Югославии, где жила после эмиграции; была участницей многих благотворительных проектов Буниной.

⁵⁰ Шапилиотова Кира Андреевна (урожд. Нилус; 1888-?), родная сестра К. А. Шевалье-Шантени. Бунина ошиблась, назвав местом её пребывания Сирию. Кира Андреевна с мужем уехала в Работ (Марокко) и приехала в Париж к матери и сестре в 1957 г.

ты, что она познакомилась с Юлией Моисеевной? Кстати где она?

Вот, представь, пишу и уже чувствую сильную усталость. А я после завтрака спала и почти ничего не делала, а сейчас 5 ч<асов> 25 м<инут> пополудни.

Погода совсем осенняя, и только фиговые листья, смотрящие в окно, говорят о весне.

Мне очень приятны твои письма, но я боюсь, что это тебя утомляет. Пиши лучше понемногу, несколько дней. Береги свои силы.

Спасибо тебе за твои добрые слова ко мне. Издали все кажутся лучше. Не думай, чтобы и я не чувствовала одиночества. Всякий человек, думающий и чувствующий, одинок — один рождается, один страдает, один умирает — особенно, если он сам себя ограничивает. Люди друг друга только отвлекают от чувства одиночества. Не одинок только тот, кто действительно ощущает мир, как папа, баба Саша⁵¹, я это очень теперь понимаю. Была бы рада, если бы и ты это понял и этим проникся. Хорошо, если бы ты читал те книги, которые читал папа. Я читаю их с большим вниманием и пользой. А вообще ты читаешь теперь что-нибудь? Я стала много меньше, быстро утомляюсь.

Относительно Андрея Георгиевича <Гусакова> я согласна с тобой. Боюсь лишь его волнений при переезде⁵² да того, что он там будет очень скучать без тебя, Ник.<олая> Дм.<итриевича> <Зелинского> и Риты. Есть ли у него там кто-нибудь из знакомых? Я тоже почувствовала по его письму, что покидать насиженное место ему очень не хочется, а потому и не уговаривала. Ни от него, ни от М.Ф.⁵³ давно не имела вестей. Что у них «Война» или «Мир» <?>.

Насчет Кирочки <Всеволодовны Муромцевой> я тоже согласна. У меня к ней нежное чувство. В ней есть беспо-

⁵¹ В письме № 58 (инв. 3216/55 оф) Бунина вспоминает о смерти бабушки, называя её имя — Александра Григорьевна. Возможно, «баба Саша» — бабушка Буниной по материнской линии.

⁵² См.: коммент. 29 к п. № 6 (3216/5 оф).

⁵³ М.Ф. — очевидно, вела хозяйство А. Г. Гусакова. См.: коммент. 32 к п. № 6.

мощность и какая-то незащищенность. Жива ли ее бабушка? И есть ли у нее кто-нибудь, кто руководит ею?

Вчера Ян с Борей ездили к Наташе в Ниццу, завтракали у нее. Она гораздо в материальном отношении в лучшем положении, чем ее родители. Муж у нее молодой, красивый, хорошо уже зарабатывающий человек, и пока ей нравится его кочевая деятельность. Они уже почти пол Франции осмотрели.

Не оставляй меня долго без вестей о своем здоровье. Если самому лень, продиктуй несколько слов. А главное, не падай духом. Все болезни, если их запустить, очень длительны.

У одной моей приятельницы⁵⁴ туберкулез; так ей всю зиму приходится лежать, и врачи уверяют, что она поправится.

Зимой видела Лутона — запущенный, не обращающий на внешность никакого внимания, занятый каким-то изобретением. Имеет молодую жену, по рассказам, настоящую психопатку. Вот идиотски устроил свою жизнь. А Ник.<олай> Абр.<амович> <Асс>⁵⁵ обеднел. Прежние увлечения. Но вид молодой, изящный.

Целую тебя со всей нежностью, милый мой, повторяю, — не падай духом, все образуется

Твоя В.

[Приписка на лицевой стороне первого перевернутого л. 1]: Ян целует тебя. Галя, Боря и Леня шлют сердечные приветы и поклоны. Кланяйся Ан.<астасии> Ив.<ановне>⁵⁶.

⁵⁴ Речь идет о Фондаминской А. О. Подробнее о ней см.: коммент. 97 к п. № 18 (инв. 3216/17 оф).

⁵⁵ Асс Николай Абрамович (1878–1965), адвокат (окончил юридический факультет Московского университета. В 1917 г. — директор-распорядитель Сибирского торгового банка. В эмиграции жил в Париже, был председателем правления завода «Ars», брат Л. А. Каминской, подруги Буниной. См. о ней: коммент. 4 к п. 19.

⁵⁶ Ан. Ив. (в некоторых письмах — Анаст. Ив., а в письме № 47 от 27 сентября 1934 г. — Анастасия Ивановна). Видимо, какое-то время была гражданской женой Муромцева. См.: письмо Муромцевой № 11 от 11 мая 1934 г. (инв. 3216/10 оф).

7 мая 1934 года.
<Грасс, Франция>

Дорогой Митюша, большое тебе спасибо за вести о своем здоровье⁵⁸. Поступай и впредь так. Самое неприятное известие, написанное тобой, меня все же успокаивает — вижу твой почерк, твоё хорошо написанное письмо и надеюсь, что твой доктор прав, что «надо основательно отдохнуть, а потом взять более легкую и менее ответственную работу», и что твоё «положение не так уж плохо». Твои симптомы, только в более легкой форме, у всех нас есть, только мы не очень себя утруждаем... Кроме того, порой и светила ошибаются, помнишь болезнь М.<арии> Ал.<ексеевны> <Ласкаржевской>⁵⁹, моей золовки, все знаменитости были призваны, и никто не оказался правым, а вылечил её простой земский врач, когда её отправили умирать. А в твоей болезни вовсе не так уж все ясно. Я не утешаю тебя, но, так сказать, вслух размышляю. Тебе надо несколько месяцев стараться как можно меньше волноваться, перестать думать о других, а только о том, что полезно и вредно тебе. Это трудно, но не невозможно. Не огорчайся, милый мой, что ты прерываешь свою полезную деятельность. Ты много поработал, и я, зная тебя, уверена, что ты работал хорошо — плохо ты ничего не можешь делать. Но во всякой жизни, во всякой работе, есть свои радости, которые за неимением времени от тебя ускользали. Меня радует, что ты будешь жить на воздухе, только поскорее бы тебя вывели из Москвы. Сообщи тогда адрес, ибо писать

⁵⁷ Печатается по автографу: ОГЛИМТ, РДФ, ф. 14, инв. 3216/8 оф. Место написания установлено по содержанию. На л. 1 пометы и коммент. Д. Н. Муромцева.

⁵⁸ Получив письмо брата, Бунина записала в дневнике 6 мая 1934 г.: «Письмо от Мити. Диагноз: органическое заболевание центральной нервной системы. Артериосклероз головного мозга». См.: Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы, под редакцией Милицы Грин. В 3 т. Т. III. С. 9. Далее ссылки на это издание: Устами Буниных, номер тома и страницы.

⁵⁹ Ласкаржевская Мария Алексеевна (урожд. Бунина; 1873–1930), младшая сестра И. А. Бунина.

прямо тебе — это большое удовольствие — не нужно вставлять лишних фраз на случай, если адресат прочел бы письмо, да и не всякий побежит сейчас же передавать тебе его. Одно прошу, чтобы ты и впредь писал бы мне всю правду о себе, как ты делал до сих пор.

Очень меня интересуют и твои личные дела и в прошлом, и настоящем.

У нас со вчерашнего дня наступила хорошая погода. Пора! Такой дождливой и холодной весны не запомню. Стало веселее. Да и за Борю рада, а то приехал из Парижа, надел белые летние штаны, а смотреть смешно: дождь и холод! Он мало переменился — вид совершенно молодой, ни одного седого волоса, такой же спокойный, медлительный и милый. Верочка еще в Париже. Когда приедет, они поселятся в Ницце. Там сейчас и дочь их <Соллогуб Наталья Борисовна> с мужем <Соллогубом Андреем Владимировичем>.

Мы все, я меньше других, переживаем разочарование: думали, что будет все доступнее, а на деле приходится жить, в общем, по-прежнему, то же издание, но в улучшенном виде, но не роскошном, а раньше было и недоедание⁶⁰.

Посылаю тебе свою фотографию, снятую в конце сада; дорожка идет мимо клумбы справа; там розы, герань, к пальме, под которой мы летом обедаем; она как раз против столовой. Платье цвета сиреневого, сшитое маленькой портнишкой. Было прохладно, как видно по платку шерстяному, а это уже первое мая. В следующем письме постараюсь прислать другие любительские снимки. Очень грущу, что не имею ни одной твоей карточки, хотя бы и любительской, хотя бы прежних.

Как часто ты хотел бы иметь от меня весточки, чтобы тебе было не утомительно и читать, и писать? Я уже одно письмо, узнав, что ты вернулся домой, послала прямо к тебе. Надеюсь, ты получил его.

Ян тебя крепко целует. Боря, Галя и Леня шлют тебе сердечный привет. [Далее густо вымарано несколько строк]. Я действительно «интуитивно» многое знаю...

⁶⁰ См.: коммент. 191 к п. № 38 (инв. 3216/36 оф).

Обнимаю и целую тебя со всей нежностью, голубчик мой.
Кланяюсь Ан.<астасии>. Ив.<ановне>.

Твоя

10⁶¹. В. Н. Бунина — Д. Н. Муромцеву

1934 г. 8 мая.
<Грасс, Франция>

Дорогой мой Митюша, вчера послала тебе письмо, а о главном не написала. Не написала, что я послала [несколько слов густо вымарано] двести франков ко дню рождения, чтобы и от меня был маленький подарочек. Послала через нее⁶², так как не знаю, можно ли тебе выходить, не утомит ли тебя стояние в Торгсине. Но было бы приятнее посылать на твое имя непосредственно или на какое другое лицо. Если ты временно выходишь на пенсию, то у тебя, вероятно, может быть, некоторый недостаток в необходимых для здоровья продуктах, и маленькая помощь через Торгсин может помочь тебе поскорее восстановить твои силы, а потому ты не имеешь права отказываться, тем более, что это меня не коснется, так как Ян сам хочет этого и с большой радостью предложил, чтобы я посылала тебе. Ты не стесняйся — Ян помог многим чужим. Напиши лишь, на чье имя высылать. Мои личные посылки, вероятно, кончатся всем, кроме Кирочки <Всеволодовне Муромцевой>, но пока еще есть порох в пороховнице, и я кой-кому посылаю.

Сейчас неожиданно стало лучше. Но потом может быть хуже. Время неустойчивое. [Густо вымарано несколько строк].

Очень прошу тебя не скрывать от меня своего положения. Помни одно, что теперь у меня одно утешение — хоть немного облегчить твое положение. Кроме того, просьба: не утомляй себя пока ничем. Помни, что нужен тебе полный от-

⁶¹ Печатается по автографу: ОГЛИМТ, РДФ, ф. 14, инв. 3216/9 оф. Место написания установлено по содержанию. На л. 1, 2 об. пометы и коммент. Д. Н. Муромцева.

⁶² Неясно, кто имеется в виду.

дых. Хлопочи об одном — как можно скорее на воздух. Там ты можешь занять себя чем-нибудь не умственным — цветами, огородом, просто лежанием. Ведь я же так и живу, да и многие и, по совести скажу, не завидую тем, кто где-то служит.

Я знаю, у Вас есть прекрасные дома отдыха, м<ожет> б.<ыть> Е.<катерина> П.<авловна> <Пешкова> поможет опять; кланяйся ей.

Напиши мне, какие лекарства ты принимаешь, какой режим, можно ли тебе курить и куришь ли ты, словом, мне хотелось бы ясно представить твою обстановку. Но только не утомляйся. Какие вещи в твоей комнате <?> Ты пишешь очень хорошо, легко всё представить, а я люблю видеть человека, когда ему пишу, в его обстановке. Кто тебе готовит?

Если бы у нас с тобой наладилась переписка, то и ты, понемногу, представил бы мою жизнь, и тебе не так было бы грустно в природе. Как мне хотелось бы быть возле тебя; я уверена, что ты успокоился бы. От Анаст.<асии> Ив.<ановны> письма еще не получала. Если получу, то сейчас же, через тебя, отвечу. Можешь читать — какие же секреты могут быть между нами?

Сейчас у нас наступило самое приятное время, тепло, но не жарко; соловьи, а москитов еще нет, розы, жасмин.

Серьезно болен Иван Сергеевич⁶³ <Шмелев> — у него застарелая язва в желудке, недавно целую ночь врач с ним возился — рвота с кровью — уж не рак ли? Худ, Верочка пишет, ужасно. Передай это (имя нрзб) Афан.

Ян уехал смотреть виллы — все советуют приобрести кров — «хоть крышу иметь», а мне как-то не хочется. Ну вот я тебе каждый день пишу, дорогой мой, за это прошу одно — сохраняй спокойствие; подражай папе, а не маме. Папа тридцать лет прожил со склерозом сердца.

Все шлют тебе привет. Кланяйся Ан.<астасии> Ив.<ановне>. Обнимаю тебя со всей нежностью.

Твоя

⁶³ Шмелев Иван Сергеевич (1873–1950), писатель, публицист. С 1922 г. — в эмиграции, сначала в Германии (Берлин), затем, до конца жизни, во Франции (Париж). Печатался во многих русских эмигрантских изданиях. Дважды (1931, 1932) безрезультатно номинировался на Нобелевскую премию по литературе.

11⁶⁴. В. Н. Бунина — Д. Н. Муромцеву

11 мая 1934 года. 6 ч<асов>утра
(по солнцу 5 ч.<асов >).
<Грасс, Франция>

Дорогой мой Митюша, два дня назад послала тебе письмо, в котором писала, что от Ан.<астасии> Ив.<ановны> ничего не получала, а на следующий день пришло ее письмо, очень обстоятельное и хорошо написанное. По письму она понравилась нам. И я пожалела, что Вам пришлось разойтись. Мне показалось даже, что если бы Вы жили вместе, то Вы сжились бы. Ее здоровая душа уравнивала бы твою нервность. Вчерашнее твое письмо меня еще успокоило, еще более придало уверенность словам твоего доктора, но я должна тебе сказать и очень серьезно прошу со вниманием отнестись к моим словам. В нервных болезнях, кроме лекарств, большую роль играет и сам больной; в этом и трудность — заставить себя самого лечить себя, то есть отстранять от себя все, что тебя волнует. А что же ты делаешь? Ты все время ешь себя, ударяешь по самому больному месту и хочешь поправиться. Ведь если царапину чесать, то она никогда не заживет. Поэтому первое, что ты должен — перестать, хотя бы на время вспоминать все тяжелое, все неприятное, перестать говорить об этом. Пусть твои друзья и близкие люди отвлекают тебя от этих тем. На время живи настоящим, думая о будущем, и отметаи от себя все неприятное, хотя бы по воспоминаниям. А для этого первое условие — выезд из Москвы на воздух. И там постарайся занять себя чем-нибудь, лучше каким-нибудь легким физическим трудом. И, поверь мне, ты поправишься. Иначе будет плохо и не от склероза, а от полного расстройства нервной системы. Если ты куришь, то уменьши, а затем брось. Если бы я была при тебе, я быстро бы тебе поправила нервы. Склероз такая болезнь, что ее можно остановить, если проделать известный режим, йодистое лечение. И опять это нужно делать летом и луч-

⁶⁴ Печатается по автографу: ОГЛМТ, РДФ, ф. 14, инв. 3216/10 оф. Место написания установлено по содержанию. На л. 1 пометы Д. Н. Муромцева.

ше всего за городом. Поэтому все силы сохраняй для устройства этого вопроса и не медли. Не огорчайся, что тебе пришлось прервать свою полезную деятельность, ты будешь вознагражден тем, что увидишь в природе многое, что ускользало от тебя и, может быть, тебе откроется то, что было закрыто. Только одно, пожалей себя, дай полный отдых всем своим умственным способностям, поживи, как говорят, растительной жизнью и не давай себе задумываться о неприятном, тяжелом. Я на время и стихи бы перестала писать, чтобы совершенно не напрягаться. Достала бы популярные книги по естествознанию и этим отвлекалась бы. Покажи это письмо твоему доктору, я уверена, что он одобрит мой план. И какую ты радость будешь испытывать, если, например, съешь огурец со своей грядки! Я, конечно, не знаю условий жизни, но мне кажется, что везде в природе можно найти клочок земли и в ней копать. На время перестань думать о себе, о своей неудачной личной жизни. Да у кого она удачная? Только у тех, кто умеет не думать о себе до конца и в самопожертвовании видит цель и испытывает радость.

Я о многом хотела бы поговорить с тобой на отвлеченные и житейские темы, но пока воздержусь, подожду, когда ты поправишься, нервно окрепнешь. Сделаю одно замечание. В галерее твоих женских портретов и отношений, ты пишешь, что почти со всеми ты рвал из-за того, что ты не чувствовал себя здоровым. Я думаю, ты не прав. Вероятно, были и такие, для которых и радость, и горе с любимым есть жизнь, то есть облегчить любимому жизнь — великое счастье, и не прав тот, кто лишает счастья. Если же это все были женщины, которые, как покойный Женька, хотел всегда «получать удовольствие», то именно поэтому следовало не делить с ними своей жизни. Вот тебе руководство на будущее, если у Вас ничего не наладится с Ан.<астасией> Ив.<ановой>. Главное условие — не тяготиться близким человеком; Наташа, у которой «Андрей был миловидный»⁶⁵, выше самой интересной женщины и ценнее во много раз.

А теперь я хочу изобразить себя. Сегодня я в первый раз в легком капоте. Он был куплен в ноябре: черный, на сиреневой

⁶⁵ Неясно, что имеет в виду Бунина.

подкладке, весь шелковый, длинный, с длинными завязками. Вместо рукавов перелинки. Отвороты сиреневые. Со смерти папы я незаметно отставила, может быть на время, а вернее навсегда почти все цвета кроме четырех: черного, белого, серого и лилового — конечно всех оттенков. Все эти цвета мне идут.

Сажу за столом Яна. Он не письменный, а раздвинутый, круглый, с доской. Он стоит у задней стены. Перед ним моя постель-тахта, сделанная из пружинного матраца, и сомье; кстати по-французски *somier* — пружинный матрац, а тюфяк — *le matlas*... [написано с ошибкой, надо — *matelas* (франц.)]. Я сплю внизу, в кабинете Яна, так как комната очень большая, а мой кабинетик очень маленький, сейчас в нем живет Боря. Внизу еще столовая и кухня. Все спят наверху. У Яна спальня такая же большая; рядом ванная, а у Гали и Лени комнаты невелики.

Недели через две Боря дает концерт днем в Ницце. Мы поедем. Я буду вся в гриперлевом⁶⁶ тоне. Я стараюсь, пока возможно, одеться. От прошлого лета осталось одно летнее платье! Да, это мне дает возможность и обернуться. Ян, хотя иногда и ворчит, но дает охотно. Понимает, что это может быть необходимо.

В июне будут чествовать дядю Колю, мы тоже поедем. А пока я нигде не бываю иной раз по месяцам.

Не сердись, что я послала тебе «подарок торгсинный». Я не знала — ты мне о своем обиходе не пишешь, — что есть человек, который хозяйствует у тебя. Может быть, на ее имя посылать, чтобы тебе не утомляться? Я знаю ее имя. Ты не отказывайся только, а то Ян обидится, да и меня подведешь.

Он по делам должен ехать в Париж, а чувствует себя плохо. Опять его болезнь мучает. Есть неприятности. Если он поедет, то Верочка несколько дней прогостит у нас. И мы наговоримся. В Париже было некогда.

Какая тишина в доме! И как я люблю эти тихие утренние часы.

Целую нежно. Обнимаю. Твоя.

⁶⁶ Очевидно, Бунина имеет в виду гридеперливый — жемчужный оттенок серого.

12 мая 1934 г.
< Грасс, Франция >

Очень счастлива, дорогой Митюша, что профессор не нашел того, что нашли другие. Представь, я написала Ек.<атерине> Мих.<айловне> <Лопатиной>⁶⁸ — она опытна в этих болезнях — и спросила что это такое, и по симптомам она решила, что диагноз не верен: «Мне кажется, — пишет она, — что Мите кто-то ляпнул. Скорее у него сильнейшая неврастения». Видишь, и мое чувство было правильно.

Но, успокоившись в одном отношении, я очень огорчена, что Крым не выходит. Я очень против того, чтобы ты поправлялся в Москве. Сообщи, какой суммы тебе не хватает. Устроят ли тебя в санатории в Крыму или нужно тебе жить на вольной квартире? Если в санатории, то, может быть, весь вопрос сводится к тому, что тебе неприятно ехать одному, может быть, Ан.<астасия> Ив.<ановна> или кто другой из твоих друзей может тебя проводить и первое время пожить где-нибудь около, пока ты не освоишься. Сколько это может стоить? Ян мне сказал, что он хочет предложить тебе денег, ибо видит, что необходимо, чтобы ты поправился. Но нужно сделать все серьезно. А если ты будешь жить дома, то хорошего выйдет мало. При твоей болезни нужна и дисциплина, и даже удаление от милых друзей. Подумай обо всем и напиши. Ведь раз Крамер думает, что ты поправишься через несколько месяцев, то, вероятно, тебе дадут возможность (у Вас очень это хорошо) пожить в санатории или доме отдыха. Если же это невозможно, то нужно устроиться под Москвой. Ты должен переменить обстановку, это — первое условие. И первое время лежать и больше молчать. У меня

⁶⁷ Печатается по автографу: ОГЛМТ, РДФ, ф. 14, инв. 3216/10 оф. Место написания установлено по содержанию. На л. 1 пометы Д. Н. Муромцева.

⁶⁸ Лопатина Екатерина Михайловна (1865–1935), писательница. Об отношениях её с Буниными в России и во Франции см.: Шинкова Е. М. «Горек чужой хлеб и тяжёлые ступени чужого крыльца...» / Тургеневский ежегодник 2018–2019 гг. С. 297–310.

в слабой степени то же. И только покой и отсутствие впечатлений меня поправили.

Если это письмо придет к 19 мая, то прими от нас поздравления с днем рождения и пожелания, чтобы ты начал лечиться. Главное, не огорчайся, что теряешь место. Поправисься, опять устроишься, а пока поживешь, согласишься на то, что не видал за недостатком времени. Забудь обо всем, о всех переживаниях, думай лишь о здоровье, и все пойдет хорошо. Счастье, что наступает лето, и в природе жить приятно.

Сейчас иду к массажистке — сильная боль в плече левой руки, руки, которая была после операции парализована — вероятно, артрит.

Пока кончаю, <чтобы> это письмо пошло. Пишу я тебе часто. На днях послала одно письмо со снимком и второе с письмом Ан.<астасие> Ив.<ановне>. Кланяйся ей.

Целую нежно. Твоя

13⁶⁹. В. Н. Бунина — Д. Н. Муромцеву

19 мая 1934 года.

8 ч.<сов> 50 мин.<ут >

не по солнцу.

<Грасс, Франция>

Вчера, засыпая, я мысленно была с тобой, мой дорогой Митюша, и сегодня, проснувшись, я, прежде всего, подумала о тебе и поздравила с днем твоего рождения, стало грустно, что мы врозь.

Получил ли ты мои письма? Одно придет с опозданием, но какое не знаю, то ли с моим снимком, то ли с письмом Ан.<астасие> Ив.<ановне>. Дело в том, что я имела неосторожность дать опустить письмо Яну. А он забыл. И обнаружила я случайно, когда стала чистить теплые вещи и в боковом <кармане> пальто с горестью увидела свое письмо к тебе.

⁶⁹ Печатается по автографу: ОГЛМТ, РДФ, ф. 14, инв. 3216/12 оф. Место написания установлено по содержанию. На л. 1 пометы Д. Н. Муромцева.

Кто-то шел вниз, и не имела времени распечатать и посмотреть, какое это. Может быть, это и очень давнишнее.

Ян уехал по делам на неделю в Париж. А со вчерашнего дня у нас вся семья Бори, и пробудут они еще дня два. Ну, конечно, за обедом смех, анекдоты. Верочка все такая же в своей сущности. Есть, конечно, перемены, но это в сфере духовной, она стала близка людям, каким был дядя Сева, тетя Анета, папа, впрочем, и вся семья. Это очень помогает жить. А жить им, родителям, довольно трудно: «никто не покупает содовой воды»⁷⁰. У них тысяча франков сейчас. Может быть, Боря еще заработает франков триста, и это на месяц и возвращение домой, ну еще набежит несколько сот... Верочка немного заработала, она дежурила у одного знакомого больного — и купила два платья — и в восторге!

Наташа же пока обеспечена. Муж <Андрей Владимирович Соллогуб> хорошо зарабатывает. Мне он нравится: развитой, с хорошим вкусом молодой человек. Его отец⁷¹ был другом с Павл. Фил., и он работает на том же поприще. Наташа отлично шьет, вяжет, так что имеет вид всегда хорошо одетой. Она внезапно очень похорошела.

Слава Богу, они еще не сошли к утреннему завтраку, и я могу писать тебе.

У меня на прошлой неделе была небольшая неприятность, заболело левое плечо, к вечеру даже вспухло. После того, как эта рука была парализована, она доставляет мне порой заботу. Пошла к своей массажистке, которая мне ее массировала. Оказалось, что одна связка одного мускула сошла с места.

⁷⁰ Измененная цитата из пьесы Л. Н. Андреева «Анатэма»: «Никто не пьет содовой воды, никто не покупает семечек <...>». См.: *Андреев Л. Н. Собр. соч.* в 6 т. Т. 3. С. 403.

⁷¹ Владимир Францевич Соллогуб (1871–1945) — выпускник юридического факультета Петербургского университета по кафедре политической экономии, экономист, финансист, преподаватель, общественный деятель. После окончания университета служил Генеральным секретарем Государственного банка в С.-Петербурге, членом правления Волжского Коммерческого банка, стал основателем и руководителем Персидского учредительного банка. Докторскую диссертацию защитил в Берлинском университете. Эмигрировал с семьей в 1919 г. В эмиграции основал Русский коммерческий институт в Париже (1925), где читал курсы: «Банковские операции», «Экономическая география», «Статистика», «Математическая статистика», «Новое в вопросах золота и международного рынка».

Я снимала белье — знаешь мою особенность делать все левой рукой, хотя я и не левша, — и, вероятно, как-нибудь неловко повернула и связка сошла с места. Четыре раза была на массаже. Кажется, все теперь в порядке, осталась маленькая боль.

Верочка говорит, что в Париже доктора смеялись, что у тебя мог быть склероз мозга, ей сказали: «это что-то не так». Начал ли ты лечиться и как насчет Крыма? Или насчет жизни твоей вне Москвы. Очень прошу тебя не расстраивать себя пустяками, а, главное, не говорить на волнующие темы и тогда, я уверена, ты сильно поправишься. Не огорчайся, что прерываешь работу, нужен человеку и отдых.

Очень я расстраиваюсь за Ек.<атерину> П.<авловну> <Пешкову> Воображаю, какое это для нее горе⁷². Вспомнилось минувшее: веселого, представляющего, как в синема в комических пьесах, с сильными страусовыми ногами подростка, с очень живыми и красивыми глазами... Сейчас нужно поить чаем, кофеем. Кончаю, чтобы сегодня же пошло письмо.

Нежно целую Твоя

[Приписка на лицевой стороне первого перевернутого листа]:
Привет Ан.<астасие> Ив.<ановне> и другим твоим друзьям.
Пиши о себе все. Без твоих весточек мне очень грустно. Вера целует. Вся моя семья шлет привет, поклоны.

14⁷³. В. Н. Бунина — Д. Н. Муромцеву

22 мая 1934 года.
<Грасс, Франция>

Дорогой мой Митюша, сегодня получила два письма от 14 и от 15 мая. Очень была рада: мне без твоих писем очень

⁷² Речь идет о смерти Максима Алексеевича Пешкова (1897–1934), сына А.М. и Е. П. Пешковых. По официальной версии он, простудившись, скончался от двустороннего воспаления легких.

⁷³ Печатается по автографу: ОГЛМТ, РДФ, ф. 14, инв. 3216/13 оф. Место написания установлено по содержанию. На л. 1 пометы Д. Н. Муромцева.

грустно бывает, хотя очень прошу писать, когда хочется, а главное не утомляться, не напрягать себя и не писать о неприятном. Повторяю, что действительно помочь можешь только ты сам, то есть гони все, что волнует. Я на твою болезнь смотрю серьезно, но совсем не безнадежно. Как раз Ян спрашивал в Париже о «пляске» насчет Гали. Она тут разнервничалась, и у нее появились подергивания руки, в отрочестве она была больна, не в такой степени, как Боря, но все же «витовой [так в тексте] пляской»⁷⁴, и Яну сказали, что во взрослом возрасте она не бывает, а он спрашивал понимающих врачей. У тебя главная беда — твое воображение. Субъективно — это очень тяжело, но объективно — это не опасно. Нужно только подчинить себя, хотя бы временно, течению времени и постараться себя отвлекать от себя самого. Помни одно: не знаешь, где найдешь, где потеряешь, а потому не жалей, что ты временно отойдешь от дел. Меня очень порадовало твое намерение заняться языками. Начни сначала каким-нибудь одним. По моему опыту лучший метод такой: возьми какую-нибудь книгу и перевод и читай медленно, следя слово за словом, если ты будешь заниматься один, а еще лучше, если был бы около тебя человек, который мог бы быть «живым словарем», как я когда-то была у Яна, а затем у Лени. Если ты будешь ежедневно читать час вслух, переводя слово за словом, то через полгода ты будешь в состоянии свободно читать. Но кроме этого следует взять все равно какой учебник и с самого начала понемногу проходить параграф за параграфом. Только одно — не нужно утомляться. Если ты в день запомнишь 5 слов, то в месяц 150, а в шесть — 900. Если тебе трудно, не старайся запомнить, это само придет. Если у тебя цель и практически выучиться, то хорошо учить наизусть. Но одному практически это делать очень трудно. Приспособь какую-нибудь из своих дам. Знание языка очень обогащает человека, дает чувство чужой нации, и читать

⁷⁴ Хорея или Виттова пляска (уст.) — нервная болезнь, проявляющаяся произвольными беспорядочными сокращениями мышц, подергиваниями, которые прекращаются только во сне.

в подлиннике писателя, которого любишь, великое счастье. Я думаю, что подобные занятия принесут бóльшую пользу твоему здоровью, чем разные лекарства. Но только не утомляйся. Я знаю по опыту, как это трудно вовремя кончить занятие. Мне кажется, что ты организованнее меня, и ты это будешь делать упорнее и более систематически, чем я, более разумно.

Я думаю, что, может быть, в Крым тебе, во всяком случае, теперь ехать не нужно. Но обязательно жить где-нибудь на воздухе. Ведь под Москвой много отличных домов отдыха или санаториев. Природа может дать тоже очень много, умей лишь смотреть. Крым меня смущает еще тем, что долг переезд, далеки все близкие. Но, конечно, я, может быть, чего-нибудь не учитываю, так что ты не сердись, если мой совет не подходит. Вообще старайся не сердиться. Я тоже стараюсь, хотя это и очень трудно.

Я согласна с тобой, что старость бывает очень-очень грустная, но это только тогда, когда человек не идет вперед, а или остановился или пошел катиться вниз. И вот главное — идти вперед, а это, прежде всего, зависит от себя. И, главное, от того, сумеет ли побороть человек свои страсти, скинуть всю шелуху, которой он обрастает, понять себя и свои недостатки, и если этого он добьется, то никакая старость не страшна для себя и очень привлекательна для других. У мамы была борьба с собой, а потому она в старости, в горе, была привлекательна.

Валить все на наследственность тоже не нужно, не такая она у нас плохая, может быть гораздо хуже. Мне кажется мнение о последствии гриппа очень правильное. Разные бывают последствия после него. Я уверена, что ты поправишься, только захоти. Помни, что здоровье возвращается медленно. Я вот до сих пор, собственно, еще не вполне здорова.

Гостила вся семья Верочки четыре дня, и я так утомилась, не знаю сама от чего, что две ночи почти не спала и сегодня весь день была сама не своя, и два раза заснула и только вече-

ром в 2 ч.<аса> — сейчас без пяти десять — я заставила себя сесть за письменный стол. Внизу гремит радио, кто-то поет тенором...

Сегодня к нам приехала подруга Гали, Марга⁷⁵, девушка-амазонка, выше меня на голову. Они подружились в Дрездене этой зимой, она сестра нашего близкого знакомого⁷⁶. Она певица-контральто. Вероятно, прогостит у нас месяц, но меня это мало будет трогать, чему я рада. Мне очень хочется сосредоточенной жизни.

С Верочкой мы много говорили о тебе. Я читала ей поддержки из твоих писем. Главным образом, о «встречах», и мы много смеялись, как ты «отступал», и Верочка сказала, что ты настоящий Жуан, который искал всё настоящую женственность, но не находил. Чтобы быть счастливым, не нужно ставить себе идеала, а брать, насколько возможно, от жизни хорошее. Я так все время и жила. И не думай, что все у меня — идиллия. Но я знаю, что всякая неприятность у меня — ступенька. Когда так давно не видались, трудно быть уверенной, что ты все поймешь, а разжевывать рука устанет, да это пока второстепенная вещь. Я, например, людей совершенно не идеализирую, но я стала иначе относиться к недостаткам, порокам, как иные относятся умные взрослые к шалостям детей и даже к дурным наклонностям, а тебе кажется, что

⁷⁵ Степун Маргарита Августовна (1895–1971), певица, сестра близкого знакомого Буниных Степуна Ф. А. См. коммент 76 к наст. письму. В то время Вера Николаевна не подозревала, к каким мучительным переживаниям и драматическим событиям в жизни Буниных приведет знакомство и сближение Г. Н. Кузнецовой с «девушкой-амазонкой».

⁷⁶ Имеется в виду Степун Федор Августович (1884–1963), философ, писатель, литературный критик, брат М. А. Степун, друг Буниных. Родился в Москве, образование получил в России и в Гейдельбергском университете (Германия); участник Первой мировой войны, награжден четырьмя орденами за боевые заслуги; после Февральской революции был депутатом Всероссийского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов; занимал пост начальника политического управления Военного министерства во Временном правительстве; в 1922 году за политические взгляды был выслан советской властью за границу: до конца жизни преподавал в высших учебных заведениях Германии: в Берлине, Дрездене, Мюнхене, где с 1947 по 1959 гг. занимал специально для него созданную кафедру истории русской культуры.

Электронный ресурс: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Степун, Фёдор Августович](https://ru.wikipedia.org/wiki/Степун,_Фёдор_Августович) (Дата обращения: 26.01.2021).

я на всех смотрю через розовые очки, скорее через дымчатые. И, видя все и всех, стараюсь научиться, какой не следует быть и чего не нужно делать.

По письмам мне очень нравится Сережа Всев.<олодович>⁷⁷ <Муромцев>, он, кажется, чистый сердцем. Он очень хорошо меня утешил два раза. Он лучше всех из всей их семьи, в нем есть доброта и любовь.

Ну, разгугарилась. Ян целует тебя. Галя и Леня кланяются.
Обнимаю нежно Твоя.

[Приписки на полях повернутых в разные стороны листов]:

— Сердечный привет и благодарность милой Ан.<астасие> Ив.<ановне>. За карточки спасибо. Узнали сразу. Хорошо, что причесываешься на пробор. На маленькой — уже больной вид. Еще раз целую, милый мой. Поправляйся. Без тебя мне очень будет плохо.

— За 15-е пошлю тебе еще 100 фр.<анков> на твоё имя. Напрасно так остро относишься к помощи. Я много носила чужого. Все это не важно. Важно другое.

— 22 м.<ая>⁷⁸ выпьем за тебя, как пили 19 м.<ая>.

— Началось лето. Я надела белые сандалии без чулок. Чудесно у нас именно теперь. Потом настанет зной.

— Ек.<атерину> П.<авловну> <Пешкову> жаль до слез. Максимку <Максима Алексеевича Пешкова> я тоже любила. Он был очень мил и порой очарователен. Ей передай мое соболезнование при случае.

— Павлику⁷⁹ лично я мало помогала. Помогали другие. Мы все друг другу помогаем. На этом стоим.

— В следующем письме опишу тебе свои туалеты.

⁷⁷ Очевидно, речь идет о племяннике, сыне брата Всеволода Николаевича Муромцева.

⁷⁸ Именины Д. Н. Муромцева.

⁷⁹ Муромцев Павел Николаевич (1887–1933), брат Буниной, врач.

15⁸⁰. В. Н. Бунина — Д. Н. Муромцеву

25 мая 1934 года.
<Грасс, Франция>

Дорогой Митюша, только что хотела настукать тебе письмо, как получила твое от 17 мая. Очень была рада. Прости, что стучаю на машинке, а не пишу пером, — это скорей. Я теперь пишу всеми пальцами, не смотря. А потому иногда буду, когда у меня мало времени, писать тебе так.

Прежде всего, еще раз повторяю тебе, что, несмотря на некоторое сходство в проявлениях твоей болезни и болезни Павлика⁸¹ <Павла Николаевича Муромцева>, они разных природ. Не может быть у человека такого почерка, как у тебя. Если бы ты видел письма Павлика, то ты совсем бы успокоился. Он не доканчивал слов, фразы его иногда бывали не согласованы друг с другом, я не раз думала, что он заболевает, за несколько лет до развязки, а когда мне описали его отъезд в Крым, то я очень испугалась. Только не знала, к кому обратиться, чтобы его не напугать. М.Ф.⁸² тогда со мной не переписывалась. Я уверена, что, если ты начнешь лечиться и будешь за собой следить, чтобы не делать того, что вредно, то ты поправишься, тем более, что у Вас медицинская часть поставлена лучше, чем здесь.

Ты прав, сейчас самое лучшее, может быть, тебе не волноваться с поиском мест, где жить. Подлечись сначала. Ах, если бы ты бросил курить! Два года назад, когда врачи нашли, что у Лени задета верхушки легких, он бросил курить и до сих

⁸⁰ Печатается по автографу: ОГЛМТ, РДФ, ф. 14, инв. 3216/14 оф. Место написания установлено по содержанию. На л. 1 пометы Д. Н. Муромцева.

⁸¹ О трагической кончине брата Бунина записала в дневнике 21 ноября 1933 г.: «Вчера письмо Мити — Павлик покончил с собой. 12 ноября в 1 час дня принял яд. Увезли в клинику Кончаловского, где он учился и был ординатором. Мучили его там, в 7 часов скончался. Да, действительно, он прав, он — неудачник. А он был очень одаренный человек, мучился он этот год ужасно. Страдал невыразимо и почти не жаловался. Почему он это сделал? Потому ли, что почувствовал возврат болезни или чувствовал, что не может работать? И не хотел влачить своего жалкого существования? Ян очень взволновался, хорошо сказал мне несколько слов». Цит. по: ЛН. И. А. Бунин. Новые материалы и исследования. Т. 110. Кн. I. С. 670.

⁸² См.: коммент 32 к п. № 6 (инв. 3216/5 оф).

пор не курит. Он проделал весь предписанный ему докторами режим и поправился, хотя над ним смеялись, говорили, что он мнительный, но у него, как у папы — пунктуальное исполнение предписаний врача. Несмотря на молодость и здоровый вид, здоровье у него надорвано. Печень, расширение сердца, легкие. Он очень много пережил в ранней юности, только от природы сильный организм помог ему выжить. Он очень талантлив, я ставлю «на эту лошадь»...

Галя, которая тоже очень нервная, просит тебе передать, что самое главное стараться отвлекать себя от того, что тебя волнует. У каждого человека есть то, что его успокаивает. Она идет в сад, начинает возиться с цветами, я иногда хватаюсь за крестословицы, и это меня успокаивает, или начинаю клеить из газет (и тогда всегда жалею, что ты не со мной, так как ты помог бы мне это делать хорошо). Здесь, в Париже, я нашла книгу, специально предназначенную для газетных вырезок, и получается интересная книга. Так вот советую и тебе найти то или иное занятие, которое тебя будет отвлекать от всяких ненужных дум и копания в себе. И старайся меньше курить.

Письма от тебя я получила от 27 апреля, от 30 апреля, от 4 мая, от 15 апреля, от 17 апреля, 17 мая и от 20 и 24 февраля. Может, были и еще, но нет под рукой. Так как у нас сейчас гостит подруга Гали <Маргарита Августовна Степун>, то я не у себя в кабинете работаю, а в спальне Яна, то может быть, и не все твои письма при мне.

Я верю в передачу мыслей и чувств на расстоянии, а потому не удивляюсь, что мы иногда пишем друг другу в один и тот же день и на одну тему.

Очень полезно, я сама иногда к этому прибегаю, утром сделать себе расписание на день и неуклонно его исполнять. Когда предоставлен самому себе, необходимо, чтобы занятия сменялись отдыхом, особенно, когда нездоров, а для этого необходимо расписать день по часам. Скажем, ты хочешь заниматься французским языком. Я не знаю, когда ты встаешь. Скажем, в девять; час на туалет, питье чая или кофе, затем садись и час занимайся по учебнику. Вначале будет очень

легко, и это тебе на руку. Занимайся не больше часа. Потом отдохни полчаса, затем иди гулять или в лечебницу, куда там тебе надо. Перед завтраком или обедом очень полезно немного погулять. Завтрак. После завтрака час лежи с теплым на желудке, если нет мешка, возьми бутылку с горячей водой, — это обязательно — и ничего не читай, если задремлешь — отлично! Потом второй час, лежа, почитай то, что приятно. Затем, если пьешь чай, выпей стакан или два, и сядь опять за язык. Но не за упражнения, а за чтение, как я тебе советовала взять французский и русский текст того или другого романа или иного произведения. На первых порах это безразлично, а затем лучше брать увлекательный роман, чтобы хотелось все дальше и дальше читать; не читай больше часа, а первое время, когда для этого требуется напряжение, довольно и сорока минут, затем отдохни и опять небольшая прогулка, после которой вечерняя еда, обед или ужин. После чего опять хорошо полежать с теплым, а если это трудно, то просто, тут можно и с легким чтением. Отдохнувши, запиши кратко, как провел день, удалось ли сделать намеченное; можешь в письме ко мне. Я уверена, что ты через три недели почувствуешь себя много лучше, через шесть, но не будем загадывать... Попробуй; уверена, что ты поправишься. Все, кто видят твой почерк, все не хотят и мысли допустить, что у тебя какое-нибудь органическое недомогание. Ты устал, многое вообразил. Да и «основная» болезнь твоя вылечена, теперь она проходит совершенно. Боря не понимает, почему Павлик <Павел Николаевич Муромцев> не вылечился. Я думаю, что он просто не лечился. Я не стала бы тебе все это писать, если бы не была уверена, что, если ты будешь благоразумен, то все придет в норму. И, конечно, первое время оставайся в Москве, только отстраняй от себя все, что тебя волнует. Самовнушение — прекрасная вещь: я после операции⁸³ подчини-

⁸³ В 1926 году Бунина перенесла тяжелую операцию по удалению желчного пузыря и аппендикса (оперировал Иван Павлович Алексинский (1871–1945), врач-хирург, профессор, до революции приват-доцент Московского университета, директор университетской клиники, Депутат I Государственной думы (кадет), знакомый семьи Муромцевых. В эмиграции работал врачом).

ла своей воле все свои органы, и случилось редкое явление: у меня без всякого слабительного подействовал желудок. Все поразились. И весь операционный период прошел замечательно легко, а на столе я чуть не скончалась. Впрыснули все, что было возможно — ведь операция продолжалась: их было две аппендикс и желчный пузырь — два с половиной часа, и все кишки были перевернуты. Хирург говорил, что я, верно, раньше очень страдала, а я ничего особенно не чувствовала, кроме нескольких сильных припадков от прохождения камней, а их у меня было семнадцать больших и тринадцать маленьких. Обычно после такой операции остаются в больнице самое меньшее три недели, а я на семнадцатый день была дома, а на пятнадцатый одна сошла по лестнице в операционную для небольших операций на голове: знаешь, у нас бывают липомы, как у папы. После этого, как не верить, что лекарства лекарствами, а воля, дух человека, тоже играют немалую роль в нашей жизни. Я очень многому научилась тогда. Очень полезно читать понемногу те книги, которые любил читать папа. Они, вероятно, у тебя есть. Вопросы интересные и на досуге тебе хорошо о них подумать.

Теперь я опишу, благо осталось место, свой день, конечно, идеальный, сборный. Просыпаюсь раньше всех. Я одна сплю внизу, в кабинете Яна, на широком диване, сделанном из двуспальной постели. Быстро накидываю халатик, сейчас сиреневого цвета, с белым воротом и белыми отворотами у локтей. Начерно умываюсь. Приготавливаю кофе. Пью. Накрываю на стол. Выхожу на минутку в сад. Потом встает Галя, тихонько открывает ставни, затем Лень, Марга и, наконец, с шумом распахиваются ставни у Яна. Значит можно шуметь. Я оправляю свою постель, раскрываю окна. Подогреваю, кому нужно, кофе. Затем пою, кого нужно. Тут проявляются вкусы, кто любит пить в тиши и в молчании, кто — поговорить. А затем — все по комнатам, где кто во что горазд. Я теперь поднимаюсь в спальню Яна, где у меня стоит мой письменный стол. Кабинет и спальня — самые большие комнаты, остальные и ниже, и втрое меньше.

Приехали наши соседи-куроводы⁸⁴, племянница дяди Миши с мужем и трехлетним сыном — пришлось прервать письмо. Она только что вернулась из-за границы, ездила к отцу⁸⁵, поклониться могиле матери⁸⁶. Была у Мани <Марии Алексеевны> Пет.<уннниковой>⁸⁷ как у врача.

Сейчас пообедали. Меню: зеленые щи с пол-яйцом и сметаной, рыба мерлан, морская, похожая по величине и форме на нашу навагу, с салатом и молодым картофелем и виктория-клубника с сахаром.

Конец моего идеального дня напишу в следующем письме, а пока крепко целую тебя и желаю, чтобы ты начал свое лечение и приобрел бодрость и уверенность.

Твоя

Привет Ан.<астасие> Ив.<ановне> сердечный.

16⁸⁸. В. Н. Бунина — Д. Н. Муромцеву

26 мая 1934 года.
<Грасс, Франция >

Вчера не отослала письма, дорогой мой, а потому решила сегодня приписать тебе кое-что.

Только что откушали кофий. И все по стойлам! Обычно в утренний час от девяти до полдня каждый делает какое-нибудь свое дело, и в доме тишина. Нарушается она лишь почтальоном. Тогда быстрый сбег по лестнице и жадное ожидание писем, иногда у всех, порой у некоторых, а то и у кого-нибудь одного. Ян сердится, прячет письма в карман

⁸⁴ Кугушевы. См. о них: коммент. 20 к п. № 5 (инв. 3216/84, 3 оф.).

⁸⁵ Лапинский Михаил Никитич (1862–1949), отец княгини А. М. Кугушевой. В эмиграции жил в Югославии, открыл при Загребском университете кафедру и клинику нервных и душевных болезней, которую возглавлял в течение 25 лет.

⁸⁶ Мать А. М. Кугушевой Мария Александровна Лапинская была московской знакомой Буниной, умерла в 1931 г.

⁸⁷ Брянская Мария Алексеевна (урожд. Петунникова; 1877–?), гимназическая подруга Буниной, врач, хирург. В эмиграции жила в Югославии (в Белграде), занималась врачебной практикой.

⁸⁸ Печатается по автографу: ОГЛМТ, РФФ, ф. 14, инв. 3216/15 оф. Место написания установлено по содержанию. На л. 1 пометы Д. Н. Муромцева.

и уверяет, что «все сумасшедшие», мешают ему даже написать фамилию, если есть заказное.

В «идеальное» утро я часа два пишу, час читаю с выписками. В другое — пишу письма, просматриваю что-нибудь. Набрасывая «порядок дня», обдумываю, что буду делать. В полдень — звонок. Завтрак. Без мяса. Первое блюдо: или гречневая каша, или макароны, или разото [так в тексте], или омлет; второе — зелень по сезону, сейчас хорошо: спаржа, зеленые бобы, горошек, артишоки пока свои, молодой картофель, кабачки; затем — ягоды или фрукты; теперь едим черешни и клубнику-викторию. После завтрака почти все лежат у себя. Я иногда, редко, засну. Если день «идеальный», то еще подумаю, вспомню прошлое, запишу, а если чувствую себя плохо, то и крестословицей займусь. Нахожу я это занятие полезным. Вспоминаешь ушедшие куда-то слова, узнаешь новые понятия. Иногда кто-нибудь сходит в город, даешь или берешь поручения. Люблю, как Севочка <Всеволод Николаевич Муромцев>, оставаться одна; я больше года не бывала в кино, а наши иногда ходят днем туда. Чай или кофе — в четыре.

После него опять занятия: письма, чтение, работа на машинке, то для себя, то для других. Галя и Леня работают в саду. Я редко: утомляюсь, да и они смотрят на меня свысока, так как оба очень любят и цветы, и огород, любят копаться в зелени, отличные садоводы и огородники. Все хочу перед обедом час-полтора ходить гулять, но пока это как-то не выходит. Но я надеюсь, что это будет. Отличное время теперь с 5 до 7 часов. В семь обед, состоящий из супа, почти всегда вегетарианского, затем или рыба, или мясо — сегодня будет жареный кролик — и опять фрукты.

После обеда: Радио. Я под него иногда клею. Ян всегда перед сном, как всегда, гуляет. Гуляют и другие, иногда все вместе, иногда в разных сочетаниях. Спать ложимся в 11 ч.<асов>.

Кроме вышеупомянутых занятий я слежу за французской и английской литературой — читаю авторов этих стран

в подлиннике. Вспоминаю и немецкий язык. Читаю книги по специальным, отвлеченным вопросам, с выписками. Но все это в «идеальные дни».

Из домашних дел — утренний кофий. Уборка постели и своего кабинета и белье. Раз в неделю приходит стирать и гладить [одно слово густо вымарано]. Слежу. Помогаю развешивать. Штопаю. Отдаю ей на дом класть большие заплатки. Раньше приходилось и самой стирать, как и готовить. После операции не советуют. Готовит у нас сосед⁸⁹. Очень милый человек. Он же убирает комнаты Яна.

Иногда ездим к морю, я реже всех. Ян чаще всех.

Вот тебе кусочек моей жизни.

Обнимаю нежно

Твоя

17⁹⁰. В. Н. Бунина — Д. Н. Муромцеву

28 мая <1934 года>.

<Грасс, Франция>

Дорогой мой Митюша, твое письмо от 19 мая получила как раз сегодня, вернувшись из Канн, где тебя вспоминала. Не помнишь ли ты, как ты чувствовал себя между 11 ч.<асами> и 12 ч.<асами> по нашему времени, значит, по Вашему между 1 ч.<асом> и 2, я так думаю. У нас летнее время час вперед перед солнцем. В это время были пущены сильные волны «радио» от меня к тебе. Помогал Пантелеймон⁹¹, к его

⁸⁹ Речь идет о Жозефе, помощнике по хозяйству у Буниных. Он жил по соседству, в доме, располагавшемся над виллой «Бельведер». С Жозефом у Буниных сложились вполне дружеские отношения. Уезжая из Грасса в Париж, они оставляли вещи, которые не хотели брать с собой, у Жозефа. В письме к Г. Н. Кузнецовой из Грасса (начало июля 1936 г.) В. Н. Бунина пишет о нем: «Он делает все весело и от всего сердца. Он вообще один из лучших людей, каких я когда-либо знала». См.: И. А. Бунин. Новые материалы. Вып. III. «...Когда переписываются близкие люди». Письма И. А. Бунина, В. Н. Буниной, Л. Ф. Зурова к Г. Н. Кузнецовой и М. А. Степун. М., 2014. С. 60.

⁹⁰ Печатается по автографу: ОГЛМТ, РДФ, ф. 14, инв. 3216/16 оф. Место написания и год установлены по содержанию. На л. 1 пометы Д. Н. Муромцева.

⁹¹ Пантелеймон — христианский святой, почитаемый в лике великомучеников, целитель.

помощи прибегла. Я очень верю в него как целителя. А отсюда пошла до автобуса (это было не в самых Каннах). И на автобусе доехала до Канн. Там пешком до Монопри — магазин, где все дешево и можно есть, но стоя. Я поела на 4 фр.<франка> 15: телячья котлета с макаронами, графинчик вина и банан. Выпила за твое здоровье. Купила шляпу для вечерних прогулок за 3 фр.<анка>, туфли ночные и нечто вроде сандалий, и кофию. Потом около часа сидела перед морем. Было жарко. Я уже утомилась. Море синело. Клонило в сон. Я встала и поехала обратно домой.

И еще больше пришла к заключению, что на жаркие месяцы я на твоём месте не поехала бы в Крым. Лучше отложить на осень. Солнце сильное на нас всех действует нервически. А тебе нужна спокойная обстановка. Но твоим докторам виднее. Кланяйся «твоему» доктору. Я вообще признаю только русских врачей, здешняя медицина меня отталкивает, и доктора не пленяют. В них мало человечности.

Кирочкины <Всеволодовны Муромцевой> строчки развеселили. Рада, что она была на воздухе и загорела. Ей нужно быть в здоровой обстановке. А насчет учения — не знаю. Пусть учится, пока учат. Где она служит? Я послала ей еще 100 фр.<анков>. Может шубу и справит. Только бы она зря замуж не вышла. А так она все же славная. В ней нет того надрыва, который был в Севе <Всеволоде Николаевиче Муромцеве>, особенно последние годы. Но она гораздо дефективнее отца. Севочка все-таки и доклады читывал в Женском клубе, а она едва ли на это взойдет.

Напиши, что мог бы А.<ндрей> Г.<еоргиевич> <Гусаков> сделать для тебя. [Несколько слов густо вымараны]. У меня теперь выработался такой взгляд, если нужно, что сделать, я употреблю все силы, чтобы это сделать. Я буду писать от себя — ты ничего не знаешь. Но только сообщи, чтобы я знала, что я должна ему писать. Я могу обратиться к Ник.<олаю> Дм.<итриевичу> <Зелинскому>. И ты в этом случае не мешай мне. [Несколько слов густо вымараны]. Если сам не хочешь писать, скажи Ан.<астасии> Ив.<ановне>. Она напишет мне.

Я считаю, что потакать дурным чертам не следует; только все нужно делать спокойно и так, чтобы человеку самому захотелось бы сделать что-нибудь для другого. А.<ндрей> Г.<еоргиевич> <Гусаков>, как это бывает, кто далек, пишет мне письма прямо влюбленные; так пусть сделает для меня. Вот видишь, как я прямо обо всем тебе пишу, так как я считаю, что у тебя долг, прежде всего, думать о своем здоровье.

Мне очень жаль, что ты ничего не написал об А.<настасии> Ив.<ановне> при жизни папы. Я постаралась бы многое сделать в этом направлении. Папа ведь абсолютно не понимал намеков. И из писем папы я никогда не могла выжать лирического отношения к З.<инаиде> Н.<иколаевне> <Муромцевой>, хотя он иногда и приоткрывался, писал мне, что я для него самая близкая в душевном отношении.

Я считаю, что ты сделал большую себе муку, что отказался от одной квартиры с З.<инаидой> Н.<иколаевной>. Но, что сделано, то сделано, нужно думать даже не о будущем, а об настоящем.

Когда ты перестанешь меня отождествлять «со всеми». Никогда ты мне не казался «ни холодным», «ни жестоким». Когда ты подправишься, я, если хочешь, напишу тебе, каким ты мне казался и кажешься. Ведь действительного человека не знает даже и он сам.

Жаловаться и можно, но не стоит, всегда себе дороже.

Очень мне приятно было читать перечисление вещей в твоей комнате, и почти каждая вызвала рой воспоминаний. Очень рада, что ты спишь на хорошей постели, при твоих недугах покойное лежание очень важно. Ведь эту кровать я выбрала и купила, когда у бедной мамы был воспален до волдырей нерв. Она осталась последней там, где я купила ее. Жаль, что лампа мамы — это та, что висела в гостиной? — не у тебя. Она ведь считалась моей, и мне было бы приятно, если бы она была у тебя. Но, конечно, пока об этом не стоит говорить. Все отстраняй от себя, что тебя может волновать.

Если тебе приятно писать, то пиши обо всем, мне всякое письмо праздник, и я так мало знаю, что всё приятно узнавать, но только одно: не волнуйся.

Сегодня даже Ян порадовался, сказал, улыбнувшись: «кажется ему гораздо лучше», он до меня вскрыл письмо твое.

Завтра пошлю для тебя через Торгсин деньги, вероятно, 200 fr. Надеюсь, это тебе поможет делать, что нужно.

Поговори с Сережей Вс.<еволодовичем> <Муромцевым> насчет дачи. Они где-то живут летом вне города. Он мне по письмам нравится больше всех из всей своей семьи. Кроме того, ты можешь его спросить, как лучше изучать язык, он преподает немецкий. И не только я, но и Верочка, прослушав его письмо, сказала: «какая прекрасная душа у него». Видимо, и ему много пришлось пережить. По правде сказать, я ни от него, ни от Миши за всю жизнь ничего не видела к себе, кроме ласки и приветов, между тем, как от сестриц, да и от братцев их всего видала кроме, конечно, Коли, его я очень любила, и он меня тоже.

Вчера ездили в Ниццу. Выступал Боря. Все сошло хорошо. Себя показали. Я была удачно одета: в светло-сером платье, манто и чулках, и белых туфлях, перчатках и шляпе. Так как нас много, то взяли машину, было приятно ехать. Я с ноября не была там. Но все же утомилась.

29 мая. Не закончила письма. Сегодня получила от тебя от 23 м.<ая>. Огорчилась твоим нездоровьем. Надеюсь, это прошло. Головокружения бывают при кишечных явлениях, у мамы всегда это бывало. Помнишь? У тебя сильнее, так как ты сейчас нездоров. Но ты опять долбишь о склерозе мозга. Нет его у тебя. Здесь врачи смеются. Повторяю, что у тебя не органическое заболевание.

Очень меня порадовала мысль о Таруссе. Это гораздо лучше всех южных курортов, «где родился, там годился», а ведь мы и калужские. Мне кажется, что ты там прямо ожил бы. Поверь, тебе не нужно ничего яркого. Обязательно клади теплое, даже горячее на желудок и живот, особенно после этой истории. Увидишь, как это тебе поможет.

Не ясны мне Ваши отношения с Ан.<астасией> Ив.<ановой>. Чего Вам еще нужно? Мне чудится, что она любит тебя. Она одинока, почему же не жить Вам вместе, а все ро-

маны нужно оставить. Все одно и тоже. Мой афоризм: жизни мало для одной любви. И она, как аппетит, приходит с едою.

Крепко и нежно целую
Твоя

[Приписки на полях повернутых в разные стороны листов]:

— Не стесняйся и пиши мне все. Я так тебя знаю, что разберу, что действительно серьезно и что твое воображение. Но иногда полезно сдержаться не для меня, а для тебя самого.

— О маме ты пишешь очень верно, она всегда бывала на высоте в трудные минуты жизни. И отравляла и себе, и другим, когда все шло хорошо, ибо ей все хотелось, чтобы было еще лучше: этого нужно остерегаться.

— Кланяйся от меня милой Анне Гавриловне.

Еще раз обнимаю Твоя

18⁹². В. Н. Бунина — Д. Н. Муромцеву

1934 г. 1 июня.

<Грасс, Франция>

Дорогой Митюша, третий день от тебя нет письма. Ты избаловал меня, и мне как-то скучно не иметь от тебя столько времени весточки. Главное, в последнем письме ты писал, что у тебя было нехорошо с желудком. Надеюсь, прошло, и ты начал свое лечение. Сообщи, как ты себя после ванн чувствуешь, иногда вначале они ослабляют. Ты не пугайся и первое время после них лежи.

Все эти дни непрестанно думаю о тебе, даже, когда говорю о другом с другими. И очень жалею, что я не с тобой. Я уверена, если бы ты зажил простой семейной жизнью, то ты скоро поправился бы. У тебя «горе от ума». Ты все анализируешь, все хочешь того, чего не бывает на свете. А счастье лишь в самом простом, обыденном. И эту мудрость, такую простую, редко

⁹² Печатается по автографу: ОГЛМТ, РДФ, ф. 14, инв. 3216/17 оф. Место написания установлено по содержанию. На л. 1 пометы Д. Н. Муромцева.

кто понимает. Ты напоминаешь мне Маню⁹³. Она тоже все искала идеального мужчину, идеальных отношений и все готовилась жить, а не жила. И этим отпугивала от себя. Я уверена, что кроме распушенности, Гастоном⁹⁴ руководило еще и желание будней, когда он завел себе другую семью. Маня же из своей квартиры сделала сплошную гостиную и все, как в гостиной, играла роль, философствовала, а не жила. У нее это доходило до странности. Приезжает, скажем, на юг. Ищет комнату, переберет все прежде, чем устроится, раза три переместится. Долго думает, из какой комнаты лучше вид, а, устроившись, ни разу к окну не подходила... Ибо все было устремлено на себя. Она очень меня любила, помогала мне материально, я ей душевно, она тоже. Но все же для нее весь свет был в ней, в ее переживаниях, этому она принесла в жертву и свой талант. Мне кажется, в этом и была ее ошибка. [Несколько слов густо вымараны]. Навело меня на мысли Ваши отношения с Наточкой. Что, собственно, Вам надо? Если бы каждый больше заботился о другом и меньше о себе, то вы отлично жили бы. У меня создается впечатление, что Вы друг друга любите, и что вся беда, что Вы вместе никогда не жили семейно, буднично; как нельзя есть всегда пирожное, а можно есть целый день черный хлеб, так в браке переносимы будни, а совершенно непереносим сплошной праздник, желание друг от друга вечной угодливости, ухаживания, выяснения отношений и т.<ому> под.<добных> вещей. В браке что должно быть: любовь, уважение к вкусам и склонностям друг друга, ответственность друг перед другом,

⁹³ Брюан Мария Сергеевна (урожд. Муромцева, в первом браке Венявская, во втором — Брюан; 1888–1930); кузина В. Н. Буниной (дочь С. А. Муромцева, председателя I государственной думы и М. Н. Муромцевой-Климентовой). В эмиграции жила во Франции, купила дом в Шантийи, была замужем за французским банкиром Гастоном Брюаном. Скончалась в результате неудачно сделанной операции. По словам В. Н. Буниной, Мария Сергеевна любила её больше всех своих кузин. С Буниными поддерживала родственные отношения, часто бывала у них в гостях, подчас оказывала им материальную помощь.

⁹⁴ Брюан Гастон Теофил Белинер (1883-?), второй муж М. С. Муромцевой-Брюан, французский банкир. Их брак распался. Одной из причин развода было то, что жена не пожелала мириться с тем, что у мужа появилась другая семья. Вероятно, были и иные причины. См.: ЛН. И. А. Бунин. Новые материалы и исследования. Т. 110 в четырех книгах. Кн. 1. С. 613. В дальнейшем ссылки на это издания даются: ЛН. Т. 110, кн. 1 с указанием страницы.

желание жить общей жизнью, делить и горе, и радость, и все это есть у Вас налицо. Нужно, пожалуй, еще не только интересоваться своей душой, но и душой того или той, с кем делишь жизнь. Но это последнее встречается очень редко и только в истинно-счастливых сочетаниях. Я именно окружена людьми «со здоровым эгоизмом», которые совсем не интересуются моей душой, но это еще не причина, чтобы мне ломать свою жизнь в надежде встретить идеальную душу. Наточка пишет, что она везде «и днем, и ночью, и дома, и на службе думает о тебе, беспокоится», ты пишешь, что «считаешь ее своей женой», так в чем же дело? Почему Вам не зажечь семейной жизнью? Но, конечно, уже по-настоящему, с оформлением своих отношений, с ответственностью друг перед другом. Насколько понимаю, Вы оба достаточно любили, и в настоящее время оба свободны. Так в чем же дело? Я понимаю, что ты щепетилен: болен, «не хочу обременять». Но ведь, если любишь, то «своя ноша не тянет». Впрочем, может быть, я и неправа. Я только хочу, чтобы Вы знали мое впечатление от Вас.

Теперь о деле. Я отослала 200 фр.<анков> в Париж, чтобы переслали тебе через Торгсин. Надеюсь, что недели через две они будут в твоих руках. Извещай о получении. [Несколько слов густо вымараны].

Сегодня 1 июня. Весна прошла. Она была прохладная, с дождями и хмурыми днями. Посмотрим, каково будет лето? Пугают, что много будет змей. Здесь есть и ядовитые.

Я написала Сереже <Сергею Всеволодовичу Муромцеву>, чтобы он зашел к тебе и потом мне написал. Кстати, расспроси его, как легче усваивать язык. Он может рекомендовать тебе учебник. Кстати, не старайся запомнить больше пяти слов, а потом повторяй их и перед сном, и когда нечего делать — то существительные, то прилагательные, то глаголы, но не утомляйся. Заходи иногда к Глебу на Поварской — он очень успокаивает. Посиди, послушай, отдохни — и домой.

Сейчас хочу выйти в город на почту. Ян с молодыми дамами <Галиной Николаевной Кузнецовой и Маргаритой Авгу-

стовной Степун> отправился к знакомым⁹⁵, осевшим на землю. Он учился в Сосновке, а затем служил. Теперь же разводит фруктовые деревья, огород, всякие ягоды, есть и куры. Работает с женой — все сами, без всякого наемного труда. Весел, бодр и доволен. Жена не очень. Скучно. Мы бываем друг у друга. Угощают по-сибирски. Она чудесная хозяйка и готовит очень вкусно. У нас здесь вблизи (они живут в 10 верстах) два дома знакомых — они и дом племянницы дяди Миши⁹⁶. Раза по три в год бываем друг у друга на обедах. Потом танцы, споры. Кроме того, заглядываем иной раз и днем. Вот и вся наша светская жизнь. Раньше зимою здесь, где мы живем, приезжали наши друзья⁹⁷, тогда бывало иной раз оживленно — эти люди нашего круга и интересов. Но в этом году жена заболела туберкулезом и до сих пор еще лежит в Швейцарии, в снегах. Все болезни,

⁹⁵ Речь идет о Самойловых: Августе Протогеновне и Федоре Яковлевиче, живших в соседнем с Грассом городке Рокфор. О знакомстве с Самойловыми Бунина писала в дневнике 9 ноября 1930 г.: «Вчера были у Кутушевых. Видели новых их соседей, которые совершенно живут по-американски: сняли хуторок и все делают сами. Чистота, порядок, 60 кур. [Птичье хозяйство содержалось в Рурэ]. По рождению они сибиряки, по фамилии Самойловы». См.: Устами Буниных. Т. 2. С. 253.

⁹⁶ Анну Михайловну Кутушеву (урож. Лапинскую) Бунина неоднократно называет «племянницей дяди Миши».

⁹⁷ Речь идет о Фондаминских: Фондаминский Илья Исидорович (псевд. Бунаков; 1880–1942), общественно-политический деятель, публицист, редактор, издатель. В России был активным членом партии эсеров, в 1905 г. участвовал в организации декабрьского восстания в Москве. В эмиграции в 1907–1917 гг. и с 1919 г., участвовал во многих политических и общественных организациях, был одним из редакторов журналов «Современные записки» и «Новый град». Он с самого начала понимал, чем угрожает миру гитлеровский режим, одним из первых стал агитировать за создание антифашистского движения в русской эмиграции, утверждал, что борьба с Гитлером — это борьба за Россию. Многие русские эмигранты ссылались на влияние Фондаминского, объясняя, почему они пошли в Соппротивление. Тэффи (Н. А. Лохвицкая; 1872–1952) писала, что он имел возможность уехать в США, но ему было бы стыдно перед теми, кто остался (в том числе перед его лучшим другом Матерью Марией) «за то, что поберег себя». 22 июня 1941 года Фондаминский был арестован германскими оккупационными властями. Содержался в лагере Руалье в Компьене, где 20 сентября 1941 года был крещён в православие. В то время как большинство арестованных русских по национальности были освобождены, он как еврей был оставлен в лагере. В 1942 году отправлен в лагерь в Дранси, затем в Освенцим, где и погиб.

Электронный ресурс: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Фондаминский, Илья Исидорович](https://ru.wikipedia.org/wiki/Фондаминский,_Илья_Исидорович) Дата обращения: 29 января 2021 г.

Фондаминская Амалия Осиповна (урожд. Гавронская; 1882–1935), помогала мужу в политической и редакторской деятельности. В В 1937 в Париже ее друзьями был выпущен сборник «Памяти Амалии Осиповны Фондаминской» (авторы: З. Гиппиус, Д. Мережковский, В. Набоков, Ф. Степун, М. Цетлин, В. Зензинов, А. Яшвилль, Л. Жилле).

если они запущены, очень медленно оставляют свое насиженное место. Тут нужно одно: терпение. Многое зависит от духа человека. Чем выше настроена душа, тем все легче. Я испытала это во время операции, когда находилась в высоко напряженном состоянии, и все шло как по маслу, все удивлялись, а я нет, ибо знала, откуда это. После этого я очень во многом переменилась. И теперь ничего за себя не боюсь. Не понимаю порой, откуда силы являются. Так было и в этом декабре — никому не приходило в голову, что я ночи проводила без сна, что каждая улыбка мне много стоила, и вид был отличный, без всякого подмолаживания. Вот если бы ты это обрел, не сомневаюсь, что выздоровел хотя бы отчасти, ну был бы, как я. Мы ведь похожи. И как ведь на все иначе смотришь, когда поймешь главное.

Целую тебя со всей нежностью, милый мой голубчик. Крепись и спокойнее все принимай, скорее поправишься.

Твоя.

[Приписка сверху на лицевой стороне перевернутого л. 1]: «Привет Наточке».

19⁹⁸. В. Н. Бунина — Д. Н. Муромцеву

3 июня 1934 года.

6 ч.<асов> 26 м.<инут>

<Грасс, Франция>

Милый дорогой мой Митюшка, мне [так в тексте] теперь ежедневно тянет писать тебе. Я решила каждый день заносить что-нибудь о себе на листки, и когда он заполнится [так в тексте], отсылать. Это будет нечто, напоминающее дневник.

Сегодня письмо от тебя помеченное 25 маем. Оно меня успокоило. Одно нехорошо, что ты вспоминаешь 11 мая. Забудь, мало ли что бывает. Важно, чтобы впредь не было.

Порадовало, что мы так созвучны. Я уже писала, что после долгих размышлений я против Крыма, и в этом пись-

⁹⁸ Печатается по автографу: ОГЛМТ, РДФ, ф. 14, инв. 3216/18 оф. Место написания установлено по содержанию. На л. 1 пометы Д. Н. Муромцева.

ме твои доводы очень разумны и совпадают с моими. А мы лучше понимаем наши натуры. Я, например, чувствую, что всякая сейчас поездка? даже со своими, мне была бы вредна. И я твердо заявила, что если все уедут отсюда на знойное время, то я останусь одна. А у меня лишь в слабой степени то, что у тебя. И через себя я как-то поняла, что тебе вредно.

Сегодня настоящий летний день, С утра ходили тучи. А затем ветер разогнал их.

4 июня. Вчера вечером звонок по телефону. Наши скандинавские друзья⁹⁹ сообщили, что приедут к нам сегодня. Для хозяйки день неудобный: хлеб по понедельникам черствый, базара нет, рыба не привозится, а вчерашнюю брать небезопасно. Никакого мяса, кроме свиного, по понедельникам тоже не продают. А угостить надо хорошо. Они очень нас «принимали» этой зимой во время нашей северной экспедиции. Он «друг человека» и много сделал. А теперь друзей настоящих у нас поубавилось. К слову сказать, Талин¹⁰⁰ муж¹⁰¹

⁹⁹ Предположительно, речь может идти о семье Троцкого Ильи Марковича (1882–1969). И. М. Троцкий — журналист, редактор, общественный деятель, меуарист. Известно, что Троцкий прилагал большие усилия в продвижении кандидатуры Бунина на получение Нобелевской премии. В 1933 году он публиковал репортажи из Стокгольма о торжественных мероприятиях в связи с присуждением Ивану Бунину Нобелевской премии по литературе. В 1950-е годы, живя в Нью-Йорке и будучи секретарем Литературного фонда помощи русским писателям и ученым, оказывал действенную помощь Буниным, узнав об их тяжелом материальном положении. Электронный ресурс: <https://magazines.gorky.media/nj/2014/277/netlennost-bratskih-uz.html> Дата обращения 01.02.2021

¹⁰⁰ Ильина Наталья Николаевна (урожд. Вокач; 1882–1962), дочь Марии Андреевны Муромцевой (в замуж. Вокач; 1856–?) и Николая Антоновича Вокач (1857–1905), переводчица, историк, философ, искусствовед. С 1922 года — с мужем (Ильиным И. А.) в эмиграции.

¹⁰¹ Ильин Иван Александрович (1883–1954), философ, писатель, публицист, автор статей о творчестве И. А. Бунина, И. С. Шмелева; сторонник Белого движения, последовательный критик коммунистической власти в России, идеолог Русского общевоинского союза (РОВС) приверженец принципа непримиримости в борьбе с коммунизмом. С 1922 года — в эмиграции. И. А. и Н. Н. Ильины были высланы из России на «философском» пароходе. «Философский пароход» — собирательное название для двух рейсов немецких пассажирских судов доставивших 29–30 сентября 1922 г. и 16–17 ноября 1922 г. из Петрограда в Штеттин (Германия) более 160 высланных из Советской России оппозиционных представителей интеллигенции, включая философов. Операция советских властей посылке за границу деятелей науки и культуры была произведена по инициативе В. И. Ленина в 1922–1923 годах в рамках борьбы с инакомыслием.

оказался «врагом человека», поливает, где можно. Он ничего не понимает в этом деле, а берется судить, а как человек талантливый и даже блестящий может наносить вред. Вкус у него: Ив.<ан> Сер.<геевич> Ш.<мелёв>. Его он возносит до небес. Но это взаимно. Кукушка и петух. Друг другу кричат: «Ты гений!»

Гости приедут на целый день. К завтраку: омлет, свиные котлеты с молод.<ым> картофелем, салат, спаржа, апельсины, кофе.

К обеду: зеленые щи с яйцом и сметаной, жареные куры с картофелем соте, салат и клубника. Кофе.

Днем чай с вишневым вареньем.

А завтра остаемся мы с Яном à deux. «Девицы» <Галина Николаевна Кузнецова и Маргарита Августовна Степун> поедут в Ментон и Монте Карло на двое суток, а Леня — в Ниццу, у него дружба с Верочкиной Наташей и ее мужем. Боюсь, Ян будет недоволен, что все сразу уехали. А я будущей тишине рада.

Ты прав. Я тоже нахожу некоторое сходство с мамой, но клок волос на затылке после сна, когда я сплю без сетки, совершенно папин... Приехали гости. Схожу к ним вниз.

5 июня. Одна дома, сейчас — четверть пятого. Ян тоже уехал в Канн. Вчера по телефону Ол.<ьга> Л.<еонардовна>¹⁰²<Еремеева> сказала, что приедет к нам с утра с Ек.<атериной> Мих.<айловой> <Лопатиной>, но что-то не едет. Вероятно, напугал дождь.

Гости вчера обедать не остались, значит, и сегодня будем есть курицу.

Я сегодня с утра в работе: по вторникам к нам приходит на целый день поденщица — стирает и гладит. Летом можно

¹⁰² Ольга Львовна Еремеева — попечительница Лефортовского отделения Московского Дамского попечительства о бедных, после 1914 г. восстановившая и возглавившая в Москве Никольскую общину сестер милосердия в память княгини С. С. Щербатовой и доктора Ф. П. Гааза. Во Франции Еремеева вместе с Лопатиной трудились в лечебном профилактории («превенториуме»), организованном в Шато Клозон для больных туберкулезом русских детей. См: Шинкова Е. М. «Горек чужой хлеб и тяжелы ступени чужого крыльца...» / Тургеневский ежегодник 2018–2019 гг. С. 297–310.

в один день, а сегодня перепадает дождичек. Вот я и исхитряюсь. Во всяком случае, мужские сорочки будут выглажены. Но без меня она не догадалась бы, как все высушить, да и едва ли стала бы стараться. Но я тут проявила и энергию и сообразительность. А ей хотелось и завтра на целый день прийти, да не тут-то было. Зато ноги устали бегать. У нас белье сушится на второй террасе. В саду, который состоит из террас, их четыре.

Посылаю тебе фотографию: я с Лидией Абрамовной¹⁰³ <Каминской> у нас в саду. Она очень милая, славная. Ник.<олай> Абр.<амович> <Асс> почти в нищете, а был очень богат, — замок имел! Кажется, и еще имеет, но нет возможности содержать его. Страсть к лошадям не прошла. А по виду молоджав, но совсем лыс¹⁰⁴.

20¹⁰⁵. Инв. 3216/19 оф

5 июня <1934 г>
Без четверти пять.
<Грасс, Франция>

Сбегала в сад, там сейчас чудесно, как бывает после дождя. Розы уже отходят. Зато спеют черешни. В нашем саду два дерева их. Съела несколько штук. В этом году их мало, а в прошлом был большой урожай. Но пошел дождь, и после него обнаружили червяки в ягодах. Но все же наварили варенья, наготовили наливов.

Теперь о деле. Удобно ли тебе получать через Торгсин в середине месяца? Я думаю, что идут деньги недели две. Я уже писала тебе, что послала 200 fr. за июнь, думаю, что если буду тебе посылать столько и следующие месяцы, ты будешь в со-

¹⁰³ Каминская Лидия Абрамовна (урожд. Асс; 1877–1970), врач, доктор медицины, общественная деятельница, подруга Буниной.

¹⁰⁴ На этом текст заканчивается, подписи Буниной нет. Очевидно, конец письма не сохранился.

¹⁰⁵ Печатается по автографу: ОГЛИМТ, РДФ, ф. 14, инв. 3216/19 оф. Место написания и год установлены по содержанию. На л. 1 пометы Д. Н. Муромцева.

стоянии жить, не отказывая себе в необходимом. Если ты в Крым не поедешь, то данные деньги Яном можно продлить и на зимние месяцы. Это, мне кажется, будет гораздо благо-разумнее. Но если тебе понадобится экстренно некая сумма, чтобы прожить на воздухе где-нибудь под Москвой, то напиши, и я тебе пришлю нужное. О деньгах не думай. Думай лишь о здоровье своем. В этом году мы в состоянии кое-что сделать, а что будет дальше, никто не знает.

[Нижняя часть листа оборвана, дальнейший текст утрачен].

[Л. 1 об.]: ...система при той работе, которую ты нес и при нашей наследственности, у всех у нас быть может. С этим нужно бороться главным образом режимом и, насколько возможно, спокойной жизнью. [Несколько слов густо вымараны]. Будь я на твоём месте, со мной и не то было бы! У меня, собственно, по сравнению с тобой пустяки были, а я до сих пор все еще не владею собой, не могу заниматься, как хочется, устаю быстро и т.д., но я отношусь к этому со смирением и верю, что все одолею, как одолеешь и ты, только не теряй надежды. Надежда — великая сила¹⁰⁶.

Был ли ты у Е.<катерины> П.<авловны> <Пешковой>? Как мне ее жаль!¹⁰⁷ Жива ли ее мать?¹⁰⁸ Кланяйся им.

Будь здоров, мой миленький, пиши, но не утомляй себя.

Когда у тебя будет свободное время, начни писать свое детство. Просто, как ты пишешь свои письма. Короткими фразами. Это может тебя очень отвлечь от своих дум. У меня уже много написано. Подряд лет до четырнадцати, а затем кусками. Со смертью папы я прервала эти записи — было не до того. Теперь опять стремлюсь к ним <...>

[Из-за обрыва нижней части листа дальнейший текст утрачен].

¹⁰⁶ В письмах Бунина старалась всячески поддержать, утешить, приободрить брата, однако, вполне понимала всю серьезность его положения. В дневнике от 8 июля 1934 года: «<...> Митя. То напряжение, в котором я живу в отношении его, берет у меня почти все силы» (См. Устами Буниных. Т. III. С. 10).

¹⁰⁷ См. коммент. 72 к п. № 13.

¹⁰⁸ Мария Александровна Волжина (урожд. Родионова; 1848–1939).

21¹⁰⁹. В. Н. Бунина — Д. Н. Муромцеву

6 июня 1934 г. 8 ч.<асов> 30 м.<инут> вечера.
<Грасс, Франция>

Сегодня, дорогой мой, получила от тебя письмо. Спасибо, что пишешь. Я так истосковалась за годы твоего молчания, что теперь радуюсь всякий раз, как вижу конверты с твоим четким почерком.

Меня удивляет, что ты не получаешь моих писем. Я пишу тебе часто. Может быть, опять кто-нибудь забыл опустить.

У меня были камни в печени, что такое хильвестестином¹¹⁰, я не знаю. Камни происходят от того, что желчь не выделяется, а скапливается в желчном пузыре и образуются камни или же песок. Теперь я живу без желчного пузыря, а потому мне никак нельзя допускать задержки желчи и нужно следить. Желчь уничтожает запах кала, дает ему темный цвет. Первые годы после операции я два раза в год весной и осенью пила [одно слово — нрзб] Grande Grille, но уже лет пять этого не делаю — и ничего.

Никакой диеты не держу, даже шведские закуски прошли незаметно, при случае пью даже <...>

[Нижняя часть листа оборвана, дальнейший текст утрачен].

[Л. 1 об.]: ...На твоём месте я не стала бы сейчас лечиться водами, такое лечение даже дома очень нервирует и ослабляет, а тебе нужно укреплять нервы. Для печени вредно курение, сокращай его. Дома держи диету, то есть не ешь жирного, яиц, мясо лучше без масла: раскалить чистую сковородку, бросить кусок бифштекса или телятины, или еще чего и быстро поворачивать, чтобы даже не пригорело. Если можешь есть с кровью, то это минуты три и готово, потом посолить сначала с одной стороны, затем с другой и, если есть сливочное масло, положить маленький кусочек, сверху — кар-

¹⁰⁹ Печатается по автографу: ОГЛМТ, РДФ, ф. 14, инв. 3216/20 оф. Место написания установлено по содержанию. На л. 1 пометы Д. Н. Муромцева.

¹¹⁰ В тексте слово «хильвестестином» исправлено (графитн. кар.) на «холлестистит» [надо — холецистит].

тофель, овощи отварные — впрочем, все это тебе известно. Следи за действием желудка, для печени это необходимо.

Пойди к гомеопату, иногда это лечение очень помогает, вреда же никогда не приносит.

Я забыла: в гостях же, если весело, ешь все, перевариться должно все. Вообще за едой старайся думать о приятном.

[Из-за обрыва нижней части листа дальнейший текст утрачен].

[Приписка на лицевой стороне перевернутого листа]: Целую тебя крепко, Ян тоже. Мы все еще одни. Привет Наточке и Анне Гавриловне.

8 мая 1934 года¹¹¹.

22¹¹². В. Н. Бунина — Д. Н. Муромцеву

1934 года 11 июня.

<Грасс, Франция>

Дорогой мой, милый Митюша, отвечаю тебе сразу на три письма от 30 мая и от 1 и 5 июня. Последнее письмо я только что прочла. Прочла твой перечень болезней и, как мама, воскликнула: «Лучше бы это было со мной!» И знаешь почему лучше, что я в другом плане живу, чем ты, и у меня было бы утешение, какого ты не имеешь.

Помни одно, что всякая строка твоя мне дорога, что ты мне очень нужен, а потому напрасно пишешь, что твое «существование никому не нужно», помни, дорогой мой голубчик, что тебя никто мне заменить не может, всегда об этом помни, даже в самые тяжелые минуты твои, ты добрый, пожалей меня.

Нахожу, что побыть тебе еще в Институте при таком хо-рошем враче очень-очень полезно.

Понравилось мне и предложение Е.<катерины> П.<авловны> <Пешковой> пожить у ней на даче. Если она предла-

¹¹¹ Даты в начале и в конце письма не совпадают, но — так в тексте.

¹¹² Печатается по автографу: ОГЛИМТ, РДФ, ф. 14, инв. 3216/21 оф. Место написания установлено по содержанию. На л. 1 пометы Д. Н. Муромцева.

гает, то это она действительно делает от души. Она — человек очень цельный. Я была бы покойна, если бы ты был у ней. Как мне жаль ее, я и сказать не могу. А какие у неё чувства к внучкам?¹¹³ Жива ли ее мать <Мария Александровна Волжина>? Если да, кланяйся ей от меня. Скажи ей, что с Яном часто ее вспоминаем. Ян тоже огорчен за Е.<катерину> П.<авловну>¹¹⁴, вспоминаем снимок, где М.<аксим> <Алексеевич Пешков> ребенком сидит у него на плечах.

Вчера мы были на представлении «Женитьбы» — играли подростки, молоденькие девушки, юноши. И я вспоминала ваш спектакль. Играли много хуже вас и не всю комедию, а лишь отрывки, женихов, кроме Подколесина, не было. Женские роли проведены были лучше, хотя Сережа в свахе мне больше нравился. Я забыла, кто играл Кочкарева и Подколесина тогда?

О Фрейде я, конечно, знаю, несколько книг его прочла внимательно. Во многом он прав, но кое-чем злоупотребляет, может быть, и не он сам, а его последователи, да и все сводить к одному знаменателю нельзя. Относительно же высказываний правильно. Но до него, правда, не медики дошли до этого. Ведь кроме всего, исповедь всегда очень успокаивает. Потребность высказаться у людей огромная, этим объясняются и все вагонные рассказы о самом интимном. Конечно, полезно высказываться обо всем или своему врачу, или духовнику, особенно, если они умны и хорошие люди с добрым сердцем. Хорошо иметь и близкого человека, который умеет тебя понять до конца, но это всего реже встречается. Близкие люди зачастую бывают очень далекими. Чтобы понимать кого-нибудь, надо не только любить его присутствие, общение с ним, а иметь интерес к его душе и к его вкусам, к его самой подсознательной или интимной, скажем, жизни, а у кого такой интерес имеется?!! Ведь этот интерес самый бескорыстный. А бескорыстие у нас теперь

¹¹³ Внучки Е. П. Пешковой: Марфа Максимовна Пешкова (родилась в Сорренто в 1925 г.); Дарья Максимовна Пешкова (родилась в Неаполе в 1927 г.).

¹¹⁴ См. коммент. 72 к п. № 13 (инв. 3216/12 оф).

не в моде. Врач телесный или духовный по профессии интересуется внутренней жизнью пришедшего к нему человека и профессионально, поэтому может помочь ему. Обычно человеку некогда думать о других и очень не хочется обременять себя тем, что так важно для другого человека. Ты пишешь: «тебя любят многие». Не знаю, может быть, но это не любовь. Я просто не раздражаю или раздражаю меньше, чем другие, а потому меня меньше бранят. Но любят, то есть интересуются мною, моим Я, очень немногие. Неужели это любовь, когда приглашают в гости, обижаются, если отказываешься в то время, когда быть с людьми, особенно мало знакомыми, тяжело. Такую любовь я особенно ощутила этой зимой в Париже, когда у меня не было сил отказываться. И я просиживала у более цепких людей долгие часы, мучась, что я не могу пойти, куда хочется, или просто отдохнуть дома. Любовь — дар, который также редок, как и всякий талант. Я этим даром одарена. Одарен и ты, а затем еще можно назвать несколько имен. Остальные люди или любить умеют только себя — это люди со здоровым эгоизмом — или совсем никого не любят, а любовь у них заменяется честолюбием, у высоких натур — науколюбием, народолюбием или искусствоволюбием и т.д., а у низших — любовью к удобствам жизни, к удовольствиям, словом, к тому, что Толстой называл «одурманиванием». Все это я пишу, чтобы понемногу ты понял меня и не придавал бы отдельным фразам, особенно если они наспех сказаны, большого значения. Я за годы нашей разлуки внутренне очень выросла, очень многое поняла до конца, много у меня было времени для размышления, а ведь это бывает не часто. Ты вот иногда, желая меня в чем-то убедить, призываешь авторитет Яна. А я при всем моем восхищении им в известных областях, я в кой чем его перешагнула, и что ему еще кажется важным, мне уже — детским. Еще раз повторяю, не думай, что у меня много друзей, с большой буквы — ни одного, пожалуй, ну а с маленькой... это — общежитие...

Теперь кое-что напишу о нашей жизни.

Во-первых, мы живем не в захолустье: 17 к.<илометров> от Канн, туда и обратно 5 fr., и 34 — от Ниццы, туда и обратно 12 fr. на автобусе, которые ходят каждые четверть часа. В нашем городке 3 кино, кафе, он тоже курорт. Конечно, если денег мало, то плохо, но при деньгах можно жить нескучно, кроме того, есть соседи, а в прежние годы месяца на четыре приезжали сюда наши друзья, у которых гостили часто интересные люди, значит, прогулки, обеды, споры, танцы — все налицо.

Во-вторых, и Галя и Леня живут на положении «детей», то есть членов семьи. Заработок их очень мал. И, если бы они не жили у нас, то им пришлось бы зарабатывать на жизнь тяжелым, может быть, и физическим трудом, а им обоим хочется заниматься искусством. Кроме того, они оба любят возиться в саду, и эта возня заполняет их досуг.

В третьих, и у того, и у другой слабые легкие, а потому жить в тех условиях, в которых живут здесь для физического здоровья, все-таки полезно. Конечно, много есть «но». Им хочется города, общения со сверстниками, более самостоятельной жизни. Но где это взять? До ноября было тяжело материально. Сейчас легче¹¹⁵, но все же нелегко вполне, так как с каждым днем все труднее и труднее что-либо зарабатывать. Так Леня ждал, например, триста франков, ему прислали 200. Он написал: «ошиблись», «неверно подсчитали». Ответ: «теперь все равно, сколько бы ни было, больше не платим».

Но конечно, ты спросишь, как они к нам попали? И почему именно они, а не другие. Об этом в следующий раз. Скажу одно: Леня — сирота, очень талантлив и упорный, добьется своего. Много пережил. У Гали «две мамы» и «два пап'ов», и все не здесь, так что тоже, как сирота. Она была замужем. Талантлива, но нервна.

Целую. Твоя.

¹¹⁵ Намек на Нобелевскую премию И. А. Бунина.

12 июня 1934 года.

<Грасс, Франция>

Вчера, дорогой мой, не отослала тебе письма, решила еще тебе приписать. Сегодня от тебя нет ничего, а есть от З.<инаиды> Н.<иколаевны> <Муромцевой> от 3 июня. Но я от тебя уже имела от 5 VI. Сообщает, что передала письмо тебе и разные печальные новости о родных и знакомых, и что Вовка опять женится. У всякого своя специальность! Ты знаешь, что Ян всегда любил, чтобы дом был полон. А потому сначала мы проводили лето, снимая совместно виллу¹¹⁷ с друзьями, затем сняли отдельно и стали приглашать к себе знакомых, и кто-кто не пользовался нашим гостеприимством. Два лета у нас было восемь спален к концу сезона, и только Маня <Мария Сергеевна Брюан> вносила свой пай, довольно щедрый. Я — хозяйка легкая, Ян живет почти всегда своей жизнью, так что гости себя чувствовали, как дома.

Потом мы стали снимать меньшую виллу¹¹⁸, где живем и поныне, но и в ней почти всегда все постели бывают заняты. Но все это были гости, иногда жившие у нас чуть ли не *полгода*. Вероятно, Яну хотелось иметь под рукой «Колю»¹¹⁹, и случай подвернулся. Познакомились с Галей. Он был в то лето в особом настроении, добром, щедром, каким я его ни-

¹¹⁶ Печатается по автографу: ОГЛМТ, РДФ, ф. 14, инв. 3216/22 оф. Место написания установлено по содержанию. На л. 1 пометы Д. Н. Муромцева.

¹¹⁷ Имеется в виду вилла «Мон-Флери», где Бунины поселились в 1923 г. и прожили всего год.

¹¹⁸ Вилла «Бельведер», где Бунины жили дольше всего: с 1924 по 1939 гг. В 1934 г. Бунин всерьез подумывал приобрести виллу «Бельведер» в собственность, вел переговоры с её владельцем, г-ном Рукье, однако, на дорогостоящее приобретение так и не решился.

¹¹⁹ Бунина имеет в виду Николая Алексеевича Пушешникова (1882–1939), двоюродного племянника Бунина, сына С. Н. Пушешниковой, с которым писателя связывали не только родственные отношения, но чисто человеческая приязнь, родство душ. Пушешников неоднократно сопровождал Бунина в путешествиях по России и за границей. Обладая несомненными прекрасными вокальными данными, он мечтал об артистической карьере, чему помешало слабое здоровье. По совету Бунина Пушешников занялся переводческой работой, известен как переводчик Ч. Диккенса, Р. Киплинга, Р. Тагора и др.

когда не видела, так подействовала его операция. И он принял в ней участие, пожалел ее, а, пожалев, вероятно, и увлекся чувством покровительства, за несколько лет перед этим он неожиданно стал вздыхать, что у него нет дочери «с толстой косой»... [Несколько слов густо вымарано].

У Гали косы не было, но детскости и до сих пор хоть отбавляй. А история обычная. Выскочила рано замуж, ничего не понимая, разочаровалась в муже, ибо он — *terré à terre* [предприимчивый (?) (франц.)], хотя и ловкий и добился потом, что бросил физический труд и теперь <стал> тем же, чем думал быть и даже был раньше — адвокат! Но человек действительно к ней неподходящий. Она и раньше расставалась с ним, но нужда опять свела. Ян предложил поддержку, и она стала жить у нас. Отношения их для меня приемлемы — у них разница около 30 лет. Много было неприятностей от людей, любящих вмешиваться в чужие дела, в которых они не умеют и не могут разобраться. С тех пор прошло восемь лет, семь лет она живет с нами. Отношения у меня с ней очень хорошие. Коля <Николай Алексеевич Пушешников> в свое время мне доставил своим бытием больше страданий¹²⁰, но, конечно, сплетен было много.

Леню мы выудили по его произведениям из Риги. Нашли их обещающими. Он в то время малярствовал. Пригласили на две недели, а он живет уже пятый год. Так что — французская семья — мальчик и девочка; девочку больше любит рара, а мальчика — я.

Меня он тоже очень любит, хотя характер вроде маминого, такая же кровь. Вот пока первый прием.

С Галей они то ссорятся, то живут дружно à la cousines. Ко мне привязан. Со своими горями идет ко мне. И Галя, да и Ян, ревнуют меня к нему, уверяют, что я к нему пристрастна. Но это неверно, я глубже знаю его, чем они, и больше жалею. Он еще молодой, 32 года, от природы здоров, только сторона матери — нервы — она застрелилась. Матери не помнит, но от-

¹²⁰ Не всегда доброжелательное отношение к Н. А. Пушешникову Бунина неоднократно высказывала в письмах И. А. Бунину. См.: ЛН. Т. 110. Кн. 1. И. А. Бунин. Новые материалы и исследования. Переписка И. А. Бунина с В. Н. Муромцевой 1906–1947 гг. С. 347–577.

носится к ней свято, всегда ее портрет на его столе. Она типа Серафимы. Из дому он ушел 16 лет, еще реалистом. Много перенес в возрасте 16–18 лет. Болел и тифом. Потом учился, но в городе, где учился, легко получить чахотку, и пришлось ему бросить свое архитектурное занятие, так как заболел плевритом, и врачи его оттуда услали. После этого работал и физическим, и интел.<лектуальным> трудом, пока не попал к нам. За это время он кое-что сделал, и сделанное одобряют, но денег зарабатывает очень мало. Он и здесь умудряется подхватить плеврит, а два года назад у него начался процесс в легком. Сейчас он здоров. В этом году — хорошее питание, и есть возможность больше развлекаться, раньше он, хоть немного, но вносил за себя в общую кассу, а теперь Ян не берет. Я переписываю ему, когда нужно. Он очень поощряет меня работать. Сердится, что я бросила свои портреты.

С Галей у меня отношения хорошие, но иные. Она ближе с Яном, даже не ближе, а вернее у нее больше тяга к Яну, чем ко мне. Впрочем, за последнее время и к Яну тяга поубавилась. Она увлекается как-то вся, так теперь увлечена своей новой подругой Маргой и, видно, что она готова хоть целый день быть с ней. Она была замужем. Вышла девчонкой. Муж был хороший¹²¹, но *terré à terre* [как двоюродные брат и сестра (франц.)], кроме того, ей противна супружеская жизнь.

Одно время у них с Леней была дружба, хотя они и много ссорились. Но Марга захватила ее всю. Кроме того, она не из тех, кто может мириться с трудным характером. Лицом она напоминает мне Зою <Евгеньевну Шрейдер>: лоб, брови, глаза... Нервна, быстрая смена настроений — возбужденная веселость, а затем печальные глаза à la Людмила. Много детскости. Настоящей доброты не очень много. Но есть кротость, если не очень против шерстки. В обращении мягкость есть, до тех пор, пока нравится, здоровый эгоизм и она имеет. Но все же много страдает. Весь мир сводит к себе.

¹²¹ Петров Дмитрий, по образованию юрист, служил офицером в Белой армии. В 1920 г. вместе с женой <Г.Н. Кузнецовой> эмигрировал из России. Сначала семья жила в Праге, затем в Париже, где Петров работал таксистом, т.к. не сразу смог реализовать свои юридические познания.

С Яном отношения у меня хорошие, только у него развивается скрытность относительно дел, в которых он ничего не понимает, и в то же время самолюбие перед домашними огромное. А, главное, передо мной, что я, как ты знаешь, способна разобраться в некоторых юридических делах, понимаю кое-что, а он совершенно и не понимает, и не может допустить, что я понимаю. Если бы ты знал, как он влипает!

По-видимому, дачу приобрести — это у него *idée fixe*. Но может быть это и к лучшему — опять начнет работать.

Вот в кратких чертах наша семья. И скажу тебе, что я не менее одинока, чем ты, только я живу не одна. У всех моих сожителей есть, как ты называешь, здоровый эгоизм. За них я рада. Но ими быть не хотела бы.

Нежно целую. Твоя. Продолжение следует.

24¹²². В. Н. Бунина — Д. Н. Муромцеву

13 июня 1934 года.

<Грасс, Франция>

Начинаю свои занятия письмом к тебе, мой дорогой Митюша. Прошел почтальон, от тебя весточки не было. Кто это «Пет., который и заступится за тебя, если ты заведешь собаку»?

Почему ты думаешь, что «Леня поймет, а я нет». Мне кажется, обратное. Я способна гораздо больше понять, чем он.

Как это промывают желчный пузырь? И раз промывают, то значит, камней нет, тогда зачем операция? Головокружений у меня не было, но Ян страдал ими и особенно страдал и страдает ими один наш друг, а так он здоров, доктора не понимают. Иногда это бывает и от уха. Повидайся с Евг. Ник. (помнишь, поклонник Оли), тогда кланяйся.

На жару на юг не езд. Очень прошу. Лучше в лес, холод. Как ты решил с Е.<катериной> П.<авловой> <Пешковой>?

¹²² Печатается по автографу: ОГЛИМТ, РДФ, ф. 14, инв. 3216/23 оф. Место написания установлено по содержанию. На л. 1 пометы Д. Н. Муромцева.

Я тоже думаю, что это-то врачи не понимают. Это ведь бывает, вспомни болезнь Мар.<ии> Ал.<лексеевны> <Ласкаржевской>. Все знаменитости — и ей все хуже и хуже, а затем в Ефремове земский врач помог, а ведь ее умирать повезли, а она потом прожила 22 года! Ян думает — ведь он считает себя самым лучшим врачом-диагностом,— что у тебя главное — печень, ты прав. Кладешь ли ты горячее после еды? Хорош и компресс на ночь. А склероз лучше всего йодом. Я очень с немногими людьми говорила о твоей болезни, да и то только тогда, когда думала, что у тебя «склероз мозга». Мне было надо знать, что это такое. И вот из двух мест по самофонам мне сообщили, что это ошибка, а люди эти очень опытные.

У бедной Ек.<атерины> М.<ихайловны> <Лопатиной> брат¹²³, не артист, а другой — мы не знаем его — заболел душевно, а ему за семьдесят лет!

Наша жизнь течет по-прежнему. Галя в упоении от своего нового друга <Маргариты Августовны Степун> — родственница, вернее свойственница того доктора, который тебе сказал о склерозе печени, она оперная певица в Германии.

Леня работает за письменным столом и на огороде. Вчера посадил неженские огурчики и перец. Он пробудил во мне неиспользованные мои материнские чувства. Я после тебя и Яна, А.<ндрея> Г.<еоргиевича> <Гусакова> люблю его больше всех на свете, а так как он перед глазами, то и живу его повседневными интересами. Он очень любопытный человек. Но довольно трудный — больная печень — бывает раздражителен, характером мне напоминает маму, режет правду в лицо. Единственный человек, который никогда не льстит Яну, отчего теряет. Несмотря на то, что очень чтит Яна за его работу. Он из Псковской губернии, влюблен в свой край, понимает душу севера. Одарен, кроме художественно-поэтических способностей, еще чувством историчности. В характере есть

¹²³ Очевидно, имеется в виду Лопатин Александр Михайлович (1859–1934), брат Е. М. Лопатиной, юрист, судебный деятель, действительный статский советник, автор детективных повестей, публиковавшийся под псевдонимом А. Алпатын, член Общества русских драматических писателей, фотограф и художник.

упорство — у него купецкая кровь со стороны отца. Домовит. Нам с Галей от него достается частенько за нашу бесхозяйственность. Вчера он приготовил семь бутылок наливок: земляничную, вишневую и клубничную. А в прошлом году насолил много помидоров и намариновал лук ...

Насчет обливания теплой водой будь осторожен, я тоже не переносу холодной воды — в прошлом году я получила люмбагу в августе месяце, когда обливалась именно теплой водой. Сильно мучилась физически, и не было возможности показаться врачу, делать массаж. Насчет этого поговори с твоим доктором, как и относительно гимнастики. Надо уметь правильно дышать и при малейшем утомлении бросать. Но это, если делать правильно, — очень полезная вещь. Хорошо обтираться, но тоже очень медленно, не задышавшись.

Сегодня получила письмо от тетушки¹²⁴. Она очень милая, она специалистка была по твоей болезни, теперь смирилась до массажа, правда, медицинского. Она прислала мне письмо сына её брата Сергея. Он с другим братом в Америке. Попали туда без гроша в 21–22 л.<ет>, выкарабкались. Теперь могут немного помогать дяде Саше, который очень бедствует.

Ты интересуешься французским языком. Вернее, как мы им владеем. К сожалению, всегда говорим по-русски. По-французски — только с тем, с кем имеем дела. Знакомых французов, с которыми мы общались бы часто, мы не имеем. Я говорю свободно, но не первоклассно, как, например, Маня <Мария Сергеевна Брюан>, читаю как по-русски, могу написать письмо. Но, конечно, языка не знаю, как, скажем, знают те, кто прошел здесь школу. Но у тех хромает русский Язык. (Опять вдруг обдало жаром, даже язык написала с большой буквы).

Ян знает хуже меня язык. Он говорит правильно, но количество слов у него ограничено. Нет практики. Может написать деловое письмо. Читает книги. Конечно, мы все — лентяи. Есть русские, которые так и не научились ни говорить, ни читать. Бывает и так: одни говорят, а другие читают, но мало кто умеет писать.

¹²⁴ Тетушкой Бунина называла М. Н. Муромцеву-Климентову. Возможно, далее речь идет о её курских родственниках. См. коммент. 125.

Какой самоучитель ты нашел? Всякий хорош, если следовать упорно советам. Полезно читать вслух. Ян много читал вслух в прежние годы. Настоящего французского выговора у нас ни у кого нет. Но русский акцент приятен по сравнению с немецким или английским. По-английски я читаю. Одно время говорила, писала. Брала уроки. Затем по бедности бросила. И хоть языка не забыла, но произношение слов утратила, и понимать чужую речь трудно. Английский язык нужно изучать или с детства, или жить в стране с этим языком. Немецкий в прошлом году я вспомнила, а в этом — все еще собираюсь. Читала на нем «Войну и мир». Хорошо по-французски говорит Ида, тетя Маня¹²⁵, она живет у французов. Дочь Володи¹²⁶ Таня¹²⁷ забыла русский язык.

[На этом текст обрывается. Письмо сохранилось не полностью. — *Е.Ш.*].

¹²⁵ Муромцева Мария Николаевна (урожд. Климентова; 1857–1946), жена С. А. Муромцева, дяди Буниной, оперная певица и преподавательница пения. Родилась в Курске, в купеческой семье. Окончив киевскую гимназию, обучалась пению в 1875–80 гг. в Московской консерватории. Была солисткой Большого театра и театра С. И. Зимина. В 1922 г. с младшей дочерью Марией (Мария Сергеевна Муромцева, в первом браке Венявская, во втором Брюан) эмигрировала во Францию, где занималась не только профессиональной деятельностью, но вела большую общественную работу: руководила вокальной студией Общества истории и искусства (1924), выступила с воспоминаниями об И. С. Тургеневе на заседании, посвященном 50-летию основания Тургеневской библиотеки в Париже (1925), была членом правления Российского музыкального общества за границей со дня его основания в 1930, профессором Русской консерватории в Париже (основана в 1921 г.), а также членом комитета Московского землячества (общественной благотворительной организации, объединявшей выходцев из Москвы; организовано в 1923 г.).

¹²⁶ Владимир Сергеевич Муромцев (1892–1937), двоюродный брат Буниной, сын С. А. и М. Н. Муромцевых. Окончил юридический факультет Московского университета, работал юрисконсультom в Москве, в 1930-х гг. выслан в Касимов, в апреле 1935 находился в Твери, работал юрисконсультom в конторе «Союзутиль». 21 октября 1937 арестован, приговорен к высшей мере наказания и расстрелян.

¹²⁷ Муромцева Татьяна Владимировна (р. 1923 г.), дочь Владимира Сергеевича Муромцева двоюродного брата Буниной. В 1931 г. М. Н. Муромцева добилась переезда внучек (Татьяны и её старшей сестры Ольги (р. 1920 г.) из Москвы в Париж. Девочек поместили в пансион, забота о них лежала на бабушке — М. Н. Муромцевой. В 2012 г., приехав в Москву, Т. В. Муромцева-Саабекова представила в Доме Русского Зарубежья им. Солженицына свою книгу «В поисках России» с редкими фотографиями и малоизвестными фактами из жизни семьи Муромцевых, передала в дар Дому Русского Зарубежья фрагмент из дневника бабушки, где М. Н. Климентова-Муромцева рассказывала о путешествии с Иваном Тургеневым, встрече с Полиной Виардо, об опере «Евгений Онегин» (еще будучи студенткой консерватории, она стала первой исполнительницей партии Татьяны), передала также серебряную медаль, полученную Марией Николаевной из рук Николая Рубинштейна по окончании Московской консерватории.

17 июня 1934 года.
<Франция, Грасс>

Только что прочла твое письмо от 11 июня, драгоценный мой Митюша. Рада, что получила его, а то все последние дни беспокоилась — дней пять не получала. Когда же ты поедешь в Институт — ведь 1 июля он закрывается? Тогда хоть кратко извести. Я буду знать, что ты там, не буду беспокоиться из-за отсутствия писем.

Теперь поговорю с тобой кой о чем, что ты затрагиваешь в письме. Начну по порядку. В Мане <Марии Сергеевне Брюан> наряду с чертами матери было много черт и наших. И она была способна на благородство. Ты знаешь, когда она бывала печальна, она мне напоминала тетю Нюту, даже тетю Машу¹²⁹ в лучшие её минуты. Она могла порой проявить самопожертвование. Многие плакали у её гроба. Она была редкой дочерью. И уже то, что она любила меня, то есть ценила — это вернее — некоторые свойства моей души, доказывают, что она была близка нам. Но она была очень жадна до жизни, пожалуй, даже жаднее матери¹³⁰, и это портило ей её дни, ибо утолить эту жадность было нелегко. Кроме того, она была способна на страдания и не только от материальных причин, например, она очень страдала от отношения Оли¹³¹, которую особенно в детстве и отрочестве боготворила. Восторженно любила отца¹³². И с его смертью так и не примирилась. В то же время у нее была такая же трезвость, как и у тебя. Она все видела, и понимала, и зачастую все представляла в комическом виде. Мы иногда в самые драматические минуты очень смеялись. Она любила мать, но была далека с ней,

¹²⁸ Печатается по автографу: ОГЛИМТ, РДФ, ф. 14, инв. 3216/24 оф. Место написания установлено по содержанию. На л. 1 пометы и коммент. Д. Н. Муромцева.

¹²⁹ Возможно, имеется в виду Мария Андреевна Вокач (урожд. Муромцева; 1856-?), тетя В. Н. Буниной, родная сестра её отца.

¹³⁰ Имеется в виду Муромцева-Климентова Мария Николаевна.

¹³¹ Имеется в виду старшая сестра М. С. Брюан — Ольга Сергеевна Муромцева (в первом браке Шаврина, во втором — Родионова; 1883–1968).

¹³² Муромцев Сергей Андреевич.

ибо понимала ее, если не до конца, то все же правильно, а мое общество предпочитала. Я часто о ней грущу и за нее, и за себя. У нее была ценная черта, она понимала, что из кошки нельзя сделать собаку, если, конечно, она видела кто кошка, а кто собака. Мужа <Гастона Брюана>, например, она очень долго идеализировала, но это совсем другое. Я, например, сильно чувствовала сходство наше в чем-то настоящем, несмотря на полную противоположность наших натур.

Уверена, если бы ты жил с ней в одном городе, вы дружили бы. Ни в Оле, ни в Тале, ни в Соне, ни даже в Лене¹³³ я не замечала настоящей доброты, сердечности, какую порой могла проявить Маня, ее нужно было лишь чем-то задеть. Да если бы этого в ней не было, то она не могла бы так петь, как иногда пела, и даже когда пела мне одной. А избалована она была, как говорит Зоя <Евгеньевна Шрейдер>, средне. Это она хотела, чтобы все ее баловали, и все бы это видели. Маленький штрих. Когда она приехала в Грасс после того, как она решила разойтись с мужем, и это она переживала драматически [несколько строк густо вычеркнуто].

Относительно А.<настасии> Ив.<ановны>, конечно, тебе виднее. В этих делах самая любящая душа может ошибаться. А разность пород в близких отношениях очень сказывается. Вот и муж Мани был из иной среды, чем она.

Вырвал ли ты корни? Как это сошло?

Моя жизнь теперь очень тихая. Я вся живу тобой. С Яном нахожусь в самых нежных отношениях и, пожалуй, в настоящее время живу ближе всего с ним. В семьях ведь всегда бывает: то живешь больше внутренне одним, то другим, то время больше проводишь с одним, то с другим.

Галя сейчас вся захвачена своей новой дружбой и все время тратит, а если не тратит, то хочет тратить его на Маргу. Они ездили, как я тебе писала, и осматривали приморские городки, потом ночевали у каких-то куроводов, так что ее сейчас и не ощущаешь. Думаю, что Ян не так спокойно относится к этому как я, ему обидно.

¹³³ Бунина приводит имена их с Дмитрием Николаевичем двоюродных сестер.

Леня тоже это время кой-куда ездил, четыре дня жил в Ницце. Он сейчас занят работой своей, затем огородом, наливками. Видаю его за едой, как «деушек» <Галину Николаевну Кузнецову и Маргариту Августовну Степун>. Были полосы, когда я много гуляла с Леней, мы обошли всю долину, расстилающуюся перед нашим городком, были периоды, когда мы делали большие прогулки втроем: Галя, Леня и я. Теперь у меня большая потребность быть одной, самое приятное — писать тебе.

Наш городок от нас в четверти часа ходьбы. Мы живем над ним, из окон верхнего второго этажа видны его черепичные крыши. По прямой линии море от нас в 15 км — оно видно — вид у нас первоклассный, выше похвал. Канн находится в 17 верстах, т.е. километрах, Ницца — в 34.

Обозначаю грубо¹³⁴.

Ехать одному тебе, даже по Волге, конечно, не следует. А что ты ничего не пишешь о предложении Е.<катерины> П.<авловны> <Пешковой>. Где она будет жить? Сегодня опять выступает Боря. Знаешь ли ты Веронику? Так ее муж будет председательствовать, мы не поедем, так как слышали его уже раз. Но сейчас звонила Наташа, зовет на пляж в 3 ч<аса>. Мы едем. А в прошлое воскресенье были на чествовании мужа Вероники, поднесла ему хорошенькая барышня лавровый венок — лавров ведь у нас девать некуда. Вероника была в белом платье с черными кружочками [?] и (новая мода) — маленькие рукавички с голыми плечами. Ей поднесли два букета. Один — из лилий. Ездили мы туда на автомобиле, так как нас пять человек, и это вышло немного дороже, чем на автобусе, а в воскресенье народу много, всегда бывает теснота непомерная, и мы все очень устали бы.

Уроданил [так в тексте; возм., фурадонин?] тебе вышлем!

Я чувствую себя крепче. Вчера вечером одна продрала по шоссе километра четыре. Была чудесная ночь. Золотой месяц одиноко стоял в небе. Я потрогала кольцо и сказала: «Месяц, месяц, тебе золотые рога, мне золотая казна...» На обратном

¹³⁴ Схематично изображен путь от Грасса до близлежащих городов.

пути встретила с Галей, Маргой и Леней, они были на балу; здесь эти дни — арабский праздник, все в фесках и бурнусах — как во время карнавала, цель — сбыть завалящийся товар. Возвращались парком с экзотическими растениями: пальмы, эвкалипты, кактусы — было очень таинственно — светящиеся мухи, соловьи, ароматы цветов... Мы почти всю дорогу молчали.

У нас в саду цветет русский жасмин. Сейчас пора лилий и всяких гвоздик.

Завтра напишу Кирочке <Всеволодовне Муромцевой>. Сейчас завтрак.

Ян обнимает тебя. Я целую со всей нежностью. Крепись, дорогой мой. У всякого своя судьба. Дух человека познается в его несчастьях.

Твоя

26¹³⁵. В. Н. Муромцева — Д. Н. Муромцеву

22 июня 1934 года.
<Грасс, Франция>

Сейчас, драгоценный Митюша, получила твое письмо от 13 июня. Несколько дней тебе не писала, так как была утомлена гостями: были, ночевали Верочка с семьей, и мне пришлось плохо спать две ночи, а это всегда отражается на моих поступках, то есть, главным образом, на моей работоспособности, которая теперь очень понижена. Вчера меня осматривал врач, нашел большое улучшение в сердце — почти нормально, прописал прогулки, которые раньше запрещал; осталась лишь быстрая утомляемость, он надеется, что и это пройдет.

[Несколько строк густо вымараны].

Он считает твой случай тем трудный, что твои болезни находятся на границе нескольких специальностей. Он меня спрашивал, есть ли у тебя постоянный врач, который должен

¹³⁵ Печатается по автографу: ОГЛМТ, РДФ, ф. 14, инв. 3216/25 оф. Место написания установлено по содержанию. На л. 1 пометы Д. Н. Муромцева.

бы сноситься со всеми специалистами и совместно <бы> решал, что нужно делать. Он говорит, что часто одно средство не помогает, пробуют другое и получают хорошие результаты. Есть, например, лечение висмутом. Может быть, он и прав. Он говорил мне, что ему приходилось наблюдать, как под действием этого лечения уменьшается склероз, приходит в норму печень, перестает беспокоить аорта. [Слово нрзб] он очень одобрил. Я передаю тебе наш разговор, а Вам, конечно, виднее.

Теперь: разница между нами не шесть лет, как ты пишешь, а четыре с половиной, и, конечно, как бы сказала Маня <Мария Сергеевна Брюан>, ты старше меня; она рассказывала, что она моложе Вовки <Владимира Сергеевича Муромцева>... Это замечание к слову, я думаю, что между Наташей и Колей Гол. была приблизительно такая же разница. Дело не в годах, а то, что я после смерти Мани осталась одна, а вас было трое, и ещё то, что мама меня стала слишком рано брать всюду с собой. Я уже в 9 лет была на костюмированном вечере у тети Клавдии, а в десять лет на балу твоей гимназии. На шесть лет старше Павлика <Павла Николаевича Муромцева>.

Теперь о «Записках». Я совершенно не согласна с тобой. «Записки» каждого человека могут быть интересны с какой-нибудь точки зрения. Собственно, нет интересных и неинтересных жизней, есть только разница, тут ты прав, в талантливости рассказа, анализа, художественного удержания жизни. Важно одно в таких занятиях — правдивость. Это единственное требование, которое человек должен поставить себе, и тогда ценность таких записей обеспечена для будущих историков, романистов, социологов и просто читателей, интересующихся минувшими годами.

Нужна и индивидуализация с детства, уверяю тебя, уметь отказаться от чего-нибудь — такой же талант, как и уметь спеть арию, наши взрослые очень обеднили нас, скрыв от нас очень большую область, которую многие так и не узнали и ушли в иной мир в сильном невежестве. Я за последние годы этот <пробел> пополнила, пополняю его до сих пор и буду пополнять до конца. У нас считалось завид-

ным спеть, проплясать и т.д., а отказаться от удовольствия ради другого — порицалось. Помнишь, я отдала Юле билет на Шаляпина, как мне досталось! А за что? за то, что я, видя, как ей хочется, и, поняв, что ей хочется больше, чем мне, дала ей возможность его послушать. Ведь понимать — тоже талант. Ведь многие люди, если они не очень плохи, они делают дурное от непонимания, от отсутствия воображения. Помню, я представила вечер концерта и горе Юли в этот день, и дать ей радость, когда она уже потеряла всякую надежду на это удовольствие, мне дало такое удовлетворение, какое не дало бы пение Федора Ивановича. Но мама этого не поняла, да и не могла понять, так как была в этой области невежественна, и в каком-то ослеплении хотела сделать из меня то пианистку, то певицу, как раз к чему у меня нет никаких способностей, ни таланта.

Ну, отвлеченных тем довольно.

Мне кажется, что те черты, которые я приводила, у Мани от отца <Сергея Андреевича Муромцева>. От матери <Марии Николаевны Муромцевой-Климентовой> она взяла лишь внешние качества, да жад[н]ость, но они у ней были тоньше, чем у матери.

Галю ты почувствовал верно, и действительно у нее есть общие черты с А.<настасией> Ив.<ановной>, хотя они и очень разные, — кровь иная — у Гали великорусская, и литовская, и татарская в малой доле. Когда я читала твою характеристику А.<настасии> И.<вановне> я думала о Гале. О Лёне в другой раз — было бы то, что ты думаешь, если бы ни «трения» с Яном.

Неужели не знаешь Вероники? Спроси у А.<ндрея> Г.<еоргиевича> <Гусакова>, он знает, туда я часто писала.

Место, где некогда жила Наденька, меня очень прельщает, я много слышала о нем от Рери¹³⁶, ее знает Е.<катерина> П.<авловна> <Пешкова>.

¹³⁶ Рери — Осоргина Рахиль (Роза) Григорьевна (Гиршевна) (урожд. Гинзберг (Гинцберг); 1885–1957), вторая жена М. Осоргина. В эмиграции с 1922 г.; выслана с мужем из Советской России, занималась юридической практикой в Париже. Приятельница Бунинной в 1930-е гг.

Уродонал успела отменить.

Печенкой болеют и молодые, режим же не признак старости. Береги ее и, главное, без волнений.

Вот тут я поволновалась из-за Яна с Галей — все никак не столкнутся, а дело выведенного яйца не стоит, и сегодня желчь не выделяется... Кроме того, у него много и деловых неприятностей, он — человек неделовой, и этим все кому не лень пользуются и бьют материально.

Жару и я люблю и хорошо переносила по сравнению с другими — и ем и сплю. Холод мне тяжелей.

О Н.Х. ты писал.

Зубы вставь обязательно. Хватит ли у тебя на это денег?

Приветствую твое желание перемениться комнатами.

Старайся не очень высоко, если нет лифта.

Да, у меня бывает, что не заклею конверта, но зато твои письма приходят так заклеены, что иногда отрываешь часть [1 слово нрзб] на письме бумаги, а на последнем письме след от клея.

Ян целует тебя. Он уехал сегодня к доктору. Нервы у него очень расстроились. Молодежь шлет привет. Я нежно целую.
Твоя

27¹³⁷. В. Н. Бунина — Д. Н. Муромцеву

24 июня 1934 года.

<Грасс, Франция>

Вчера кончила тебе длинное письмо, дорогой мой Митюша, но утром никак не могла его найти и только когда написала первые слова, вспомнила, что я положила его в сумочку и сейчас же отправила.

Лето уже наступило. Становится жарко, но все же еще сносно. Стали уже ходить в сандалиях на босу ногу.

Сегодня с утра у нас гость. Один из мелких куроводов, очень милый и приятный человек. Леня пошел с ним на ого-

¹³⁷ Печатается по автографу: ОГЛИМТ, РДФ, ф. 14, инв. 3216/26 оф. Место написания установлено по содержанию. На л. 1 пометы Д. Н. Муромцева.

род, а я пользуюсь свободной минутой, чтобы написать тебе несколько строк.

25 июня. Вчера письмо окончить не удалось. После завтрака, когда гость уехал, я поспала, только что собралась опять продолжать, как слышу голоса — муж с женой¹³⁸ — он учился в Сосновке. Сейчас разводит кур, занимается огородом, персиками. Тип любопытный, говорит он [отсутствует фрагмент бумаги с текстом].

Интеллигентный человек, чего не скажешь о некоторых наших общих знакомых. Жена сибирячка, хорошая хозяйка, наблюдательна, умна, но без всяких интересов, очень *terrée à terrée* [приземленная (франц.)], с большим характером. Оба работают, не покладая рук, без всякого наемного труда. Когда они ушли, подошло время к обеду. В эти дни он у нас холодный. Меню: суп из молодого картофеля и шампиньонов (его, правда, разогрели), потом кролик жареный с салатом из зелени, довольно крупных бобов с огурцами, вместо пирожного — персики. Фрукты здесь много хуже, чем в Крыму. Говорят, что Ривьера неблагоприятно расположена: или бы ей быть немного севернее, или немного южнее, а то для одних плодов она слишком тепла, для других — слишком холодна; я никогда не ела здесь персиков таких, как в Гурзуфе, яблоки продаются здесь канадские. Здесь хорош лишь мускатный виноград и «framboise»¹³⁹ — черный. Но лечебных сортов тоже нет, никого здесь виноградом не лечат.

Сейчас твое письмо от 17 июня. Конечно, очень обидно, что те, кого я просила передать тебе письма, так как не знала, где ты, так медлили. Ну, Зоя <Евгеньевна Шрейдер> хоть живет в другом квартале, но почему З.<инаида> Н.<иколаевна> <Муромцева> медлила, понять не могу? Рада, что теперь могу писать прямо тебе. Лучше пусть письмо полежит у тебя, если ты куда-нибудь уедешь, чем у других.

¹³⁸ Речь идет о Самойловых. См.: коммент. 95 к п. № 18. (инв. 3216/17 оф).

¹³⁹ Framboise — сорт винограда во Франции для производства вина.

Боюсь сказать, но мне сдается, что ты поправляешься. Вставь обязательно зубы. Принимай йод.

Относительно камней. Они могут и прекратить образовываться, если желчь правильно выделяется. Нужно следить, я уже писала, за цветом кала, желчь дает окраску и уничтожает запах.

В настоящее время у меня печень в хорошем состоянии, хотя особой диеты я не придерживаюсь.

Это время я за тебя спокойнее, ты, видимо, в хороших руках [утрата фрагмента бумаги с текстом] ...чувствовать сильнее, вчера вечером мы с Леной прошли верст пять-шесть, и я совершенно не устала. Это очень важно, так как мне следует похудеть, я тоже пополнила от сидяче-лежачей жизни, а нам, при наших печенях, делать не следует этого.

Помни еще одно, что самый лучший врач не может до конца знать человека, а потому все советы о жизни проверяй сам. Я, главное, что имею в виду, это как ты проведешь июль, август, не уезжай далеко от Москвы и живи так, чтобы были отвлечения, а не развлечения. Понимаешь? Я гораздо здоровей, но я веду почти санаторный образ жизни и, несмотря на это, очень медленно становлюсь нормальной. Нам сильные впечатления вредны, потом всегда приходится за них расплачиваться. Сколько вреда маме приносил иногда Крым, Брюссель. Помни, тебе нужен отдых, отдых и отдых!

Ты пишешь: «Моя жизнь сложилась малоинтересно, однообразно, а главное, невесело». Я не согласна, что значит «малоинтересно»? Мы живем и жили в такую эпоху, когда все было интересно, ибо уходил навеки старый быт и нарождался новый. Самое ужасное, когда мемуарист думает, что он интересен или думает, что нужно писать только «интересное», ведь и авантюрный роман считается третьим сортом и является чтением вагонным, послеобеденным. А над «скучной» книгой, то есть книгой или о душе писателя или о том, что он видел, можно просидеть даже часы с большим интересом. Поверь, пожалуйста, папины, вероятно, сухие воспоминания, если будут обнародованы, послужат на пользу. Важно

лишь одно, чтобы папа писал по-папиному, ты — по-твоему, я — по-моему. Если, например, ты не хочешь сейчас писать о себе, о своей душе, ты можешь правдиво набросать портреты лиц, с которыми ты встречался за свою жизнь. Если ты, например, дашь портрет своей учительницы Поз.<?> и передашь атмосферу этой школы — это уже вклад, ибо ничего подобного и в настоящем, и в будущем уже не будет. А между тем, это очень интересно понять прежнюю жизнь, а затем средняя школа с ее укладом, с учителями, вашим латинистом — восемь лет [слово нрзб], а атмосфера класса, Вася и компания, литературные вечера, «Женитьба», да мало ли что. А наши дворники, начиная с Сергея Тихоновича и кончая Михайла [так в тексте], а бабушка¹⁴⁰, а Кузьминична, дядя Коля. У тебя есть дар писать кратко, и ясно, и правдиво. Вот Маню <Марию Сергеевну Брюан> я никогда не уговаривала, ибо — тут она на нас не похожа — она всегда все видела, вернее, хотела, чтобы другие видели так, как ей казалось интересней, если бы она писала так, как рассказывала, то цены никакой это не имело бы.

Я, конечно, не советовала бы тебе сейчас касаться того, что для тебя неприятно — это замедлило бы твое поправление. Я посоветовала бы тебе заняться этим, главным образом, потому, чтобы ты чувствовал, что ты делаешь полезное дело. И тут помни одно, что летописцы очень высоко ценятся. Почему? Да потому, что они правдивы. На твоём пути встречались исторические люди: Сер.<гей> Андр.<еевич> <Муромцев>, Ек.<атерина> П.<авловна> <Пешкова>, муж Вероники и т.д. Необязательно записать все. Но то, что записывать будешь, записывай так, как было. Я, например, порой опускаю отрицательные стороны, по моей природе человек у меня лучше, живей выходит в хорошем освещении. Ведь и Серов¹⁴¹, скажем, писал портрет, одного брал в выгодном свете, а другого — в невыгодном.

¹⁴⁰ См.: коммент. 51 к п. № 8 (инв. 3216/7 оф).

¹⁴¹ Серов Валентин Александрович (1865–1911), художник, академик Императорской Академии художеств.

Это уже свобода мемуариста, художника. Важно писать так, как тебе приятно видеть, вспоминать данного человека, когда он улыбается или когда он злобится. Скажем, ты меня видишь в известном свете, может быть и не совсем таком, каком меня видит другой человек, и пусть каждый пишет, как видит, — это ведь только и ценно; тогда, кроме меня, которую изобразили, еще чувствуется и автор, а, главное, тот или та, кого изображают, кажется живым или живой. Сегодня, межу прочим, я прочла у одного писателя француза, которого я ценю выше всех из современных: «Забвение — это лень отделять один от другого миллионы запахов, звуков и цветов. То, что говорит поэт, это любовь, безуспешные поиски самого слабого солнечного луча, играющего иногда на паркетe детской...»

А у каждого человека имеются немало этих солнечных лучей, желай только их вспомнить и воспроизвести.

Теперь опять о тебе. Неосторожно было — и опера, и после нее в гости. Этот маленький случай меня убедил, что ты прав, соединять вам ваши жизни не следует. Здоровый эгоизм — обоюдоострое явление. И тут никто не виноват: сытый голодного не разумеет. Не советую и принимать приглашения твоих (северной и южной) дам. Не по здоровью влезать в историю. Я верю в судьбу. Если на роду написано, то что-нибудь у тебя и будет. Но пусть без всяких иллюзий. Твой грех вот какой (это было и у Мани): показываться при первом знакомстве не тем, что есть, отчего и происходят разочарования, нужно, чтобы человек знал, на что идет, и если чувство есть, то оно преодолет и болезнь, и скуку, и разочарование, а то лучше оставайся с Анной Гавриловной, кстати, передай ей от меня сердечный привет. А с дамами води знакомства за твою «очаровательно-детскую улыбку...»

23 июня. Получили фотографии — 27 лет с хвостом прошло. Это уникум и очень хороши. Особенно моя — редкая по выражению. Это было в очень решительный момент моей жизни. Я пересниму и пришлю ее тебе. Едва ли ты даже зна-

ешь ее. А Ян улыбающийся, редко добрый. Мало его знают таким.

Я не согласна, что твоя жизнь была только невеселая, скучная. Ты не здоров, и тебе потому все кажется таким серым. А если вспомнить хоть один день наш на пруду, в лодке, даже вместе с Соболевыми, и то для этого стоило жить, а сколько было у вас прелестных прогулок по окрестностям, да мало ли чего, начни вспоминать и ты сам удивишься, как много, а Крым, а деревня бабушки... Конечно, главная беда, твое раннее закрепощение¹⁴², да еще с женщиной не только другой полочки по крови, но даже и по морально-умственным данным. Это, конечно, помешало тебе развернуться, пожить беспечно в молодости. Но сколько не жалей — делу не поможет.

Кстати, ты мог бы написать свои воспоминания о балете того времени. Это очень теперь ценится, а ты, вероятно, знаешь много того, чего не знают и «балетоманы». С некоторыми твоими характеристиками я не вполне согласна или они не очень полны; но я пока на этом не хочу останавливаться. Скажу одно, что главная беда очень многих из нас заключается в том, что мы с детства не научились владеть своими чувствами, подавлять свои недостатки и, главное, признавать себя виноватыми. Я сейчас стараюсь идти по этому пути, пути единственному, чтобы жить и давать жить другим: для этого нужно одно — чувствовать себя виноватой и стараться облегчить всем все, что можно, конечно, в пределах разумного. Тогда, прежде всего, пропадает злоба на людей, становится всех жалко, но в то же время это дает силы сторониться тех, кого в данный момент следует сторониться; из родственников меня больше всего интересует Миша, он знает то, чего многие не знают, при всей его видимости неодаренности. Впрочем, многие одарены тем, чего другие распознать не умеют. Опять философия.

¹⁴² Очевидно, имеется в виду ранняя женитьба Муромцева на Зинаиде Николаевне. Выбор сына, в свое время, очень не одобряла его мать Л. Ф. Муромцева. Весьма неуважительно отзывался о тогдашней возлюбленной Муромцева и И. А. Бунин в письме к Н. А. Пушешникову от 22 октября 1907 г.

Третьего дня ездили с Леней в Канны, купили всяких мелочей, колпаки от мух, масленку глиняную, в которой масло сохраняется холодным, солонку, сандалии Лене и мне платье за 20 fr. — дешевка поразительная! Пик сиреневого цвета. У меня лиловый цвет сейчас в фаворе.

Галя с Маргой едут в Ниццу. Ко мне придет портнишка, пересматривать белье, кое-что более тонкое она постирает. Возьму ванну.

Мне доктор прописал — Fa-Ner-Val. Что значит «Fais le Nerf Valide» «Делай нервы здоровыми». Я ведь тоже напишу письмо — и устала. На днях начала стучать на машинке для Лени. Он диктует из своих записных книжечек.

Пока кончаю. Нежно це<...> [отсутствует фрагмент бумаги с текстом], ...дорогой мой. Все кланяются. Ян целует.

27 июня. Вчера весь день работала физически. По вторникам к нам ходит поденщица стирать. Она нерасторопная, поэтому я ей почти всегда помогаю: полощу, развешиваю, легкое — глажу. Ян с «деушками» <Г.Н. Кузнецовой и Маргаритой Августовной Степун> ездил на остров. Перед Каннами два маленьких островка, покрытых пиниями, там чудесно, особенно летом, когда весь воздух смолистого запаха и наполнен стрекотом цикад.

Леня сейчас много работает. Ежедневно теперь он мне диктует свои записные книжки. Стучу ему ежедневно страниц 6–7. Это и меня вводит в работу. Я со смерти папы выбилась из колеи и по-настоящему все никак не могу приняться за прерванную работу, а следовало бы.

Леня меня очень любит. Но достается мне от него часто и за то, что забываю взглянуть на себя в зеркало и причесаться, и за то, что никак не могу засесть плотно за работу, и особенно бывает недоволен [отсутствует фрагмент бумаги с текстом]. Он, кажется, хочет, чтобы я была совершенством. Да еще, тут уж обеим нам с Галей достается, что мы плохие хозяйки. Он вышел из очень хозяйственного дома, любит солить, делать наливки... Третьего дня он был у знакомых.

Ему там дали огурцов. Вернулся в 11 ч.<асов> вечера. Слышу, что-то делает в кухне. Думаю: ест. Оказалось, посолил две банки огурцов — скоро будем есть малосольные русские огурчики с укропом... Я уже легла. Он вошел проститься и принес мне пол-огурца с солью, и как это было вкусно!

Галя продолжает наслаждаться дружбой с Маргой, которая у нас еще гостит, а потому ничего не делает это время. Но я считаю, что это полезно.

Сегодня ждем так называемого «нашего племянника» Нику¹⁴³ или Пэку, по полгода у нас жилал, но это тип! Нас любит, но человек безответственный, эпилептик. Я ругаю его часто. Занятие то же, что и у Лени, только все легковесно и без всякого труда. Бьется, но сколько бы у него ни было денег, всегда будет биться... Он из того города, где жила Любочка с отцом Васи.

Ты дал блестящую характеристику нашим кузенам и кузинам. Я под ней подписываюсь. Но у тебя, подобно Оле <Ольге Сергеевне Шавриной-Муромцевой> и Мане, отрицательное к ним отношение. У меня же ко всем хорошее чувство. Я каждого за что-то люблю, за что-то жалею. Я от природы наделена жалостью к людям, то есть даром становиться на их место и чувствовать то, что чувствуют они. Конечно, тех, кого я знаю с детства, те возбуждают во мне более нежные чувства. Но это не значит, что я ко всем отношусь одинаково, что все одинаково мне интересно. Я очень вижу людей, порой лучше Яна. Очень их чувствую, особенно остро теперь, когда почти все в ту или иную сторону [отсутствует фрагмент бумаги с текстом] ...хотя я осталась все такая же, но мало кто это понимает. Сейчас меня люди не привлекают, хочется как можно меньше быть с ними, почти всегда испытываю скуку на собраниях, предпочитаю tete a tet'ы [так

¹⁴³ Роцин Николай (Федоров Николай Яковлевич; 1892–1956), прозаик, литературный критик, журналист. В эмиграции жил в Париже. Ника, Пэка, Капитан — его домашние прозвища у Буниных. Подробнее об отношениях Роцина с Буниными см.: Шинкова Е. М. К истории формирования личного фонда И. А. Бунина в коллекции Орловского объединенного государственного литературного музея И. С. Тургенева (ОГЛИМТ). Тургеневский ежегодник 2016–2017. С. 329–351.

в тексте; надо: tête à tête], думаю, что, если поправлюсь, то у меня хватит воли быть почти всегда одной. Мало времени осталось жить, а многое не сделано, не увидено, не додумано.

У меня (особенно раньше) большая переписка. Но по-настоящему я теперь переписываюсь, то есть открываюсь, лишь с тобой. А то пишу то, что каждому в данный момент может быть немного интересно. Посылаю несколько фотографий. На общей группе тебе неизвестен только муж племянницы дяди Миши¹⁴⁴. Думаю, что тот снимок, который я посылаю Кире <Всеволодовне Муромцевой>, у папы имелся, а если нет, то я тебе пришлю. Я здесь очень худая: в августе и сентябре у меня было люмбаго, сентябрь и октябрь ушли на уход за Леной, — у него был плеврит, затем сильное беспокойство за П¹⁴⁵; с октября я мало верила в выздоровление. Теперь я пополнела. Снимки этого года все никак не закажу.

Галя и Леня шлют сердечный привет. Ян обнимает. Я нежно целую.

Твоя

[Приписки вверху перевернутых лл. 1 и 2]:

— Мы тоже слушали «встречу челюскинцев»¹⁴⁶, хотя летом на длинных волнах много треску. У нас очень хороший аппарат, последняя модель.

— Насчет чернильницы Ю.<лия> А.<лексеевича> <Бунина> ты прав. У меня есть письмо от П.<авла> <Николаевича Муромцева>.

¹⁴⁴ Племянницей «дяди Миши» Бунина называла Кугушеву Анну Михайловну. Следовательно, речь может идти о Кугушеве А. А.

¹⁴⁵ Павел Николаевич Муромцев.

¹⁴⁶ Речь идет о трансляции праздничных мероприятий в Москве (19 июня 1934 г.) и в Ленинграде (24 июня 1934 г.) в связи со встречей участников экспедиции по спасению команды заблокированного льдами в Северном ледовитом океане и затонувшего парохода «Челюскин».

28¹⁴⁷. В. Н. Бунина — Д. Н. Муромцеву

30 июня 1934 года.

<Грасс, Франция>

Дорогой мой Митюша, пишу тебе на машинке, потому что немного устала, и рукой мне писать много труднее. Я сейчас работала с Леней.

Сегодня получила твое письмо от 24 июня. По письмам видно, что тебе много лучше, только после Института старайся вести жизнь полезную для твоего здоровья. А главное — избегать всего, что волнует и раздражает, избегай тех людей, которые тебе действуют на нервы. При болезни печени это главное — жить в приятной обстановке, с покойными людьми. Поэтому я так обрадовалась приглашению Ек.<атерины> Павл.<овны> <Пешковой>. Может быть, если тебе не хочется жить у нее, ты мог бы поблизости снять комнату? Или же, если и у нее, то ведь ты не должен всегда сидеть с ее гостями. А все же, ты чувствовал бы, что поблизости тебя находится человек, который тебе очень приятен. Кроме того, я уверена, что она в случае, если ты будешь себя плохо чувствовать, всегда примет в тебе участие, Но, конечно, тебе виднее. Главное, ничем не переутомляйся: ни работой, ни развлечениями, ни разговорами, ни спорами. Хорошо, что ты много читаешь. У вас выходят интересные книги. Мы тоже следим за ними и много читаем. Особенно раньше. И вот, читая такие книги, письма, заметки, воспоминания, я поняла, как важно все записывать, и всего лучше и интересней, когда записи протокольны. Поэтому я и тебе советую это делать. Я вижу, что ты можешь это делать очень хорошо. И это может тебя увлечь и заполнить твои досуги. Только и тут не утомляйся. Пишу об этом настойчиво, потому что сама всегда утомляюсь, но у тебя больше выдержки и характера, чем у меня, да и я здоровей тебя и дел у меня меньше.

¹⁴⁷ Печатается по автографу: ОГЛМТ, РДФ, ф. 14, инв. 3216/27 оф. Место написания установлено по содержанию. На л. 1 пометы Д. Н. Муромцева.

Последние дни у нас шел дождь, впечатление было дачное во время плохой погоды. И наш племянник, Пэка, нарисовал карты, и мы вчера дулись в Акульку все, кроме Яна.

В нашей жизни, конечно, есть трудности — ведь все очень выраженные индивидуальности, но что хорошо, что у нас нет мелочности, я этого всегда очень боюсь. Все в своей основе порядочные люди, но довольно трудные для общежития, и все же живем и довольно тесно. Ровней всех со всеми я, остальные бывают в разных друг с другом отношениях. Часто портят друзья-приятели. Начинают охать и ахать, что молодым трудно жить в такой дали «от света». Но что делать, когда средств не было. Да и теперь, если начать разъезжать, то можно попасть в такое же положение, в каком мы были еще так недавно. Конечно, иногда сказывается разлад в возрастах, особенно между Яном и молодыми, но и то только потому, что каждый не хочет понять другого. Я всегда стараюсь все улаживать и — ничего, «образуется». Галя, например, из страха, что ей будут мешать проводить время с ее подругой <Маргаритой Августовной Степун> стала перед ее приездом «эмансипироваться» неизвестно зачем, так как никто им не мешал и не мешает наслаждаться жизнью, а Ян даже несколько раз доставил им несколько дорогих удовольствий. Ссорятся иногда и Галя с Леней. Все не могут быть в простых, дружеских отношениях, в каких я, например, бывала со своими кузенами. Более близких отношений у них тоже не вышло, да и не нужно этого, ибо они очень неподходящие для этого люди. Хотя относятся друг к другу они хорошо, признают таланты друг друга. Ян изменился в некоторых отношениях, стал добрее, порой даже менее эгоистичен. Я хотя и ссорюсь иногда с ним (я порой бываю очень раздражительна), но, по существу, у нас с ним очень нежные и крепкие отношения. Он не может, например, видеть, если я расстроена. Правда, я очень редко бываю расстроенной на его глазах. [Предложение густо вымарано].

Сегодня я послала в Париж тебе денег за июль немного больше. Думаю, что у тебя еще осталось из июньских, так что

это хватит, если ты куда-нибудь поедешь, если же мало, напиши, я еще дошлю. Советую два слова написать Яну. Поблагодари его за торгсинский присыл, но цифры не выставляй. Помни наш уговор. Он очень радуется, что тебе лучше, как и все мои домочадцы, все шлют тебе сердечный привет. Ян и я целуем.

Твоя

[Приписки на л. 1, 1 об.]:

— Повидайся с Сережей <Всеволодовичем Муромцевым>. Он по письмам мне очень нравится. Он очень страдает равнодушным отношениям к себе сестер. Мне кажется, что у него «простое сердце». Почему Муса не может найти место? Ведь она способная!

— С зубом мудрости нужно быть осторожным, у меня была такая история два года тому назад — тоже нагноение. Удалял зуб очень хороший врач¹⁴⁸, которого знает Е.<катерина> П.<авловна> <Пешкова>. С его сестрой и мужем¹⁴⁹ мы очень дружны. У нее в этом году опять проявился туберкулез, и она сейчас в Швейцарии.

— Александрю Николаевну¹⁵⁰ видела в ноябре, они были у нас. Кончаю, чтобы не очень устать. Нежно обнимаю. Твоя. Привет Е.<катерине> П.<авловне> <Пешковой> и М. Алекс¹⁵¹.

¹⁴⁸ Гавронский Исаак Осипович (?-1940), зубной врач.

¹⁴⁹ Речь идет об Илье Исидоровиче и Амалии Осиповне Фондаминских.

¹⁵⁰ Возможно, имеется в виду Прегель Александра Николаевна (урожд. Авксентьева; в первом браке Болотова; 1907–1984); дочь М. С. Цетлиной и Н. Д. Авксентьева. Её мать, Цетлина Мария Самойловна (урожд. Тумаркина; в 1-м браке Авксентьева; 1882–1976; во втором браке Цетлина), член партии эсеров, участник революции 1905 г., была арестована, отбывала заключение в Петропавловской крепости. В эмиграции с 1919 г. Семьи Буниных и Цетлиных были очень близки в 1910–1940-е гг. В конце 1947 г. отношения разорваны.

¹⁵¹ Очевидно, Бунина имела в виду Алексея Максимовича Пешкова (Максима Горького) (1868–1936). Иногда она по рассеянности неправильно писала имена (см. коммент. 6 к п. № 2) (инв. 3216/2 оф.).

6 июля 1934 года.
<Грасс, Франция>

Только что получила и прочла твое письмо, драгоценный мой Митюша, от 29 июня. Письмо от 8 июня я получила и не вполне понимаю, почему ты заключил, что оно пропало? Я кое-что на него отвечаю. Ты в нем блестяще охарактеризовал многое, но кое-что не совсем верно. Мне кажется, что кроме наследственности у человека играет роль и воспитание, и то напряжение духа, которое может победить многое. И вот главный наш недостаток, что почти ни у кого не было именно этого напряжения, которое очень многое преодолевает. Мало развилась у нас и воля, как и у очень одаренных, как Оля <Ольга Сергеевна Шаврина>, например, так и у малоспособных, а между тем каждый из нас достиг бы большего, чем ему отмерено было. Такая воля и терпение у Саши, и он сделал максимум. Тетя Клавдия помогала младшим детям развивать упорство, и ее младшие сыновья овладели языками, чего не могли сделать и их более способн. [Нижняя часть листа обрезана]. <...>

[Густо вымараны несколько слов] <...>. А ведь настоящая радость дается после того, как что-нибудь достигнешь трудом. [Густо вымараны несколько слов]. Вспомни жизнь Бори старшего. Кроме того, у нас под влиянием тети Мани <Марии Николаевны Муромцевой-Климентовой>, да и мамы, развивалось большое честолюбие у тех, кто верил в себя, и сильнейшее честолюбие у тех, кто видел, что без работы он ничего не может достичь, а как работать? не знал! Там, где научили работать, дети дали лучшие результаты: Таля <Натаалья Николаевна Ильина>, Лена¹⁵³, Петя, Саша. Я пришла перед экзаменами к Тале и застала ее за таким заня-

¹⁵² Печатается по автографу: ОГЛИМТ, РДФ, ф. 14, инв. 3216/28 оф. Место написания установлено по содержанию. На л. 1 пометы Д. Н. Муромцева.

¹⁵³ Елена Николаевна Зотова (урожд. Вокач), дочь Марии Андреевны Муромцевой и Николая Антоновича Вокач, сестра Н. Н. Ильиной.

тием: тетя Маша <Мария Андреевна Вокач> спрашивала по Марго¹⁵⁴ ее слова, и она говорила по буквам, как они пишутся, если ошибалась, то слово записывалось, и по окончании всех слов повторялись записанные до тех пор, пока все слова она знала, как писать. Уверяю тебя, если и у нас могла бы быть такая жанровая картинка, то не только ты или Севочка <Всеволод Николаевич Муромцев>, но и Павлик <Павел Николаевич Муромцев> овладели бы орфографией, но для этого нужно было иметь терпение. Оля <Ольга Сергеевна Шаврина> и Маня <Мария Сергеевна Брюан> спасались своими способностями.

[Нижняя часть листа обрезана, дальнейший текст утрачен]

[Приписка в верхн. части перевернутого л. 1]: Подкладка конверта — тон моих туалетов каждодневных этого лета.

Тв.

30¹⁵⁵. В. Н. Бунина — Д. Н. Муромцеву

<1934 г., между 6 и 18 июля>.

<Грасс, Франция>

...Еще два слова о записках — их можно писать, не касаясь своей жизни, а в виде портретов, ты хорошо это делаешь в письмах и не нужно знать каждого человека до дна, чтобы оставить о нем след. Теперь даже и в художественной литературе «дают» людей, как в жизни, то есть без всякой характеристики до его появления на страницах романа. Важно ведь передать свое впечатление. Вот ты «дал» мне Сережу¹⁵⁶ — отлично, а ведь ты его жизнь не знаешь. Предложила я тебе это занятие потому, чтобы ты не чувствовал своей бесполезно-

¹⁵⁴ Очевидно, по словарю русского языка.

¹⁵⁵ Печатается по автографу: ОГЛИМТ, РДФ, ф. 14, инв. 3216/157 оф. Дата и место написания установлены по содержанию и пометам Д. Н. Муромцева. В правом верхнем углу л. 1 проставлена авторская нумерация «3». Таким образом, становится понятно, что первый лист письма утрачен.

¹⁵⁶ Очевидно, речь идет о Муромцеве Сергее Всеволодовиче.

сти. Ни один писатель не знает, во что у него может что развернуться. Хорошо выходит лишь то, что идет органически. «Развертывать картину» не нужно, это уж сделает будущий Толстой, важна лишь правдивость и протокольность. Я и папины записки считаю полезным делом, для будущего романиста, может быть, например, важно знать, сколько времени нужно было для пробега Опочка-Коростень, или описание их рыдвана. Важно лишь то, что папа не задавался на макароны¹⁵⁷. Вернее, что нам, детям, обидно, что он многое не замечал, не мог заметить, ибо у нас души иные, чем его. Я с ней соприкасаюсь лишь в некоторых точках, и многое в ней мне непонятно.

Но, конечно, первое условие что-либо писать — это желать это делать.

Кстати, с Колей¹⁵⁸, братом Наташи, я выдаюсь иногда. Он из неудачников. Немного смешон. Все такой же, переименовал фамилию, женат на американке.

Ты прав, что наше понимание и наш разум, и даже наша интуиция выше наших способностей — этим мучился очень и Павлик <Павел Николаевич Муромцев>, он был до крайности собою недоволен, больше, чем ты, да это и понятно.

Отчего ты не понимаешь, что можно писать портреты, опустив несколько черт, скажем, отрицательных черт, то есть их не подчеркивать. Если ты правдив и напишешь человека в хорошем освещении, то все равно его и отрицательные

¹⁵⁷ Смысл этого выражения, видимо, в том, что Муромцев писал Записки в силу своих возможностей, не стараясь ничего приукрасить. [Аналогично: «не стараться прыгнуть выше головы»].

¹⁵⁸ Очевидно, речь идет о Николае Моисеевиче Гольденвейзере (1886–1965), о котором писала Бунина мужу 13 дек. 1934 г. из Грасса: «Получил ли ты письмо от так называемого «Коли Гольденвейзера», моего друга детства. Исполни его просьбу. Я напишу ему, чтобы он позвонил тебе, и ты ему скажешь, или он тебе скажет, что делать; зовут его Николем Моисеевичем. Фамилия нынешняя Любимов. Мы у него раз даже завтракали. Он женат на американке. Он действительно журналист. Рекомендовать его ты можешь вполне».

Н. М. Гольденвейзер — юрист, журналист, глава юридического отделения русского земства и гражданского союза, преподавал в Московском университете. В эмиграции жил в Париже, позже во Флоренции, взял фамилию Любимов (подписывался также двойной фамилией). См.: ЛН. Т. 110, кн. 1. И. А. Бунин Новые материалы и исследования. С. 741–742.

черты скажутся, если читатель или зритель, если это портрет, фотография, умеет читать, смотреть. Ведь, в конце концов, важно отношение к этому человеку. Я раз «дала» одного знакомого, дети его были в восторге, знакомые мне делали комплименты — живой человек! А между тем, я не останавливалась на его дурных чертах, но вышло ясно, что он имел их, иначе он не казался бы «живым». Было неудобно — пятилетие со дня смерти. Думаю, что будущий биограф кое-что возьмет и от меня. Если ты видишь, что превалируют дурные черты, указывай их, но, уверяю тебя, если ты правдив, сквозь них будут пробиваться и хорошие, если человек не на все сто процентов мерзавец. Разве ты не замечал, что и когда кто-нибудь кого хвалит, а ты чувствуешь за этими похвалами, что этот человек себе на уме, хитер или наоборот тебе ругают человека, а ты чувствуешь, что в нем есть много и хорошего. Может быть, я пишу не вполне ясно, но чувствую я это очень ясно, что и подтверждают монтажи: «Пушкин в жизни»¹⁵⁹, например, гораздо ценнее, чем всякая биография. Из отдельных фраз, воспоминаний вырисовывается человек.

6 часов вечера. Весь день дует сирокко — это горячий нервящий ветер, и я за весь день написала лишь это письмо, вернее, пишу.

Галя уже уехала провожать Маргу до Марсея, где проводит вторые сутки. У них повышенная дружба. К нам приехал жить, как я называю, наш племянник по прозвищу Пэка, вероятно, останется на несколько месяцев. Но это не утомительный гость. Я на него не обращаю внимания и, пожалуй, он — страховка от более тяжелых гостей. Теперь все комнаты заняты, и жить у нас негде, можно лишь переночевать на диване в столовой, но это у нас не в обычае, так как диван лишь с этого года.

Но продолжаю отвечать. Ты не кажешься лучше при первом знакомстве, ты кажешься иным — вот в чем беда. Почему ты думаешь, что ты не мог нравиться, а, может, и теперь

¹⁵⁹ Вересаев В. В. Пушкин в жизни. М., 1926.

еще не можешь нравиться таким, какой ты есть. Но только не тем, кому ты по вкусу, когда притворяешься, а другим, более серьезным, более скромным, именно тем, кто теперь тебе нужен. Насчет виновности — это вопрос очень тонкий и трудно о нем писать, особенно в жаркий день. Я думаю, что в этом мы не сговоримся, ибо пока говорим на разных языках.

Насчет телефона наведу справки.

Очень рада, что Леня тебе понравился. Ему у нас живется не очень легко. Он не умеет ни льстить, ни приспособляться к вкусам другим. В лицо говорит часто даже ненужную правду, а ведь это люди переносят с трудом. Но те, кто его поняли, очень ценят. Он талантлив, мне кажется, первый сорт. Очень самобытен и оригинален. Уже выделился. Плохо одно — нажил болезнь печени, плохая нервная наследственность, задеты легкие... Он всегда очень интересуется твоим здоровьем на [так в тексте, очевидно, надо: «и»] состоянием духа и шлет тебе сердечный привет.

Ты прав, что многих людей нужно сдерживать, но лучше всегда сначала пробовать сдерживать и лаской. От обеда М.Ф¹⁶⁰. я не отказалась бы на твоём месте. Она готовит вкусно, а при болезни печени это очень важно. Порадовал ты меня, что у них с А.<ндреем> Г.<еоргиевичем> <Гусаковым> хорошо. Это меня очень успокаивает. Она, если хочет, конечно, может хорошо ухаживать. Школу прошла хорошую.

Сережин <Сергея Всеволодовича Муромцева> портрет ты начертил очень талантливо. Я рада, что верно его почувствовала, он все же лучший из всей семьи и, может быть, самый благородный из них, правда, это не очень трудно.

Мусе я цену знаю. И «реагировала» я потому, что у нее дети, да и Катю жаль. Если у меня будет возможность, как-нибудь порадою Катю. [Несколько строк густо вымараны] ...ведь почти всем, кроме тебя, которому посылает и Ян, я посылаю [слово вымарано] ...лишая себя того или иного удовольствия. О том, что я посылаю А.<ндрею> Г.<еоргиевичу> <Гусакову>, Ян знает, но это делается негромко. У Яна

¹⁶⁰ См.: коммент. 32 к п. № 6 (инв. 3216/5 оф.).

бывает страх нищеты, а затем расточительность, для меня лучше, если он не знает, кому сколько. Из бюджета я не выхожу, и долгов моих он не платит. Понемногу одеваюсь, и тут иной раз удастся сорвать, но ведь мое счастье, что мне везет. Дешево куплю материю, нашла отличную портниху из первого дома, которая шьет дешево. Кроме того, жить мне надо тихо, и моя радость — дать возможность зайти в Торгсин.

Муся, по-видимому, настоящая истеричка. Да, карамазовщины в них во всех много.

О своем здоровье и нездоровье напишу в следующий раз. Но меня как следует никто не исследовал. Ни один перво-классный врач, кроме хирурга, не осматривал меня, да и это было семь лет тому назад. У меня главная беда в кровото-ворении и нервных явлениях, болевых. Здешних врачей я боюсь. Наши — средние, кроме отца племянницы дяди Миши¹⁶¹, но и он без исследований ничего не может сказать, а здесь он бывает на отдыхе. У меня не болезнь, а недомогание, да я быстро оправляюсь, когда все вокруг хорошо. Но этого уже давно нет. Все же исполню твое желание и напишу подробно о себе. Ян целует. Я обнимаю нежно.

Твоя.

31¹⁶². В. Н. Бунина — Д. Н. Муромцеву

18 июля 1934 года.

<Грасс, Франция>

Отвечаю тебе, дорогой мой, на два твоих письма. Последнее только что прочла. Пишешь, что давно не имел от меня вестей. Надеюсь, что в этот промежуток получил от меня письма. В эту пору бывают очень жаркие дни, когда нет сил писать. Вообще работать приятно лишь утром и под вечер — днем жарко, а вечером нельзя зажечь огня и сидеть с откры-

¹⁶¹ Речь идет о Михаиле Никитиче Лапинском. См.: комментарий 20 к п. № 5 (инф. 3216/3 оф.).

¹⁶² Печатается по автографу: ОГЛМТ, РДФ, ф. 14, инв. 3216/29 оф. Место написания установлено по содержанию. На л. 1 пометы Д. Н. Муромцева.

тыми окнами из-за москитов, особенно, если в этой комнате и спишь — заедят ночью. Вот и выкраиваю время для писем, чтения. Я все еще, собственно, ничего не делаю из того, что душе приятно, даже читаю сравнительно мало, переписку довела до минимум’а.

Чувствую себя как будто совсем хорошо, но ведь уж очень я живу по-санаторски. Горячие волны прошли, как я стала делать массаж. Гостей я не зову — знаешь мой обычай, они сами являются. Пока у нас все свои. Марга уехала. Галя ездила провожать ее в Марсель, где был ад от жары. И я выдумала загадку: «когда в аду бывает рай?» Ответ: «В Марселе при сирокко с Маргой»... Галя вернулась похудевшей, точно после болезни. Стала оправляться. Кажется, начала работать. По утрам сидит в комнате. Да, действительно у нее с Ан.<астасией> Ив.<ановной> есть общие черты, разница — Галя более талантлива, чем умна, особенно в житейском отношении, мало и сдержанности, и скрытности, есть детскость, часто плачет, думаю, что Ан.<астасия> Ив.<ановна> — нет.

Относительно диеты скажу, если у тебя камни и задержка выделения желчи, то мясо, сжаренное без масла, иногда хорошо. Делается это так, если нет газа. Берут сковородку безупречно чистую, раскаляют ее и затем бросают кусочек мякоти — говядины, телятины или баранины — и быстро переворачивают, чтобы он не пригорел, до тех пор, пока он по вкусу съедобен, а затем, положив на него кусочек сливочного масла, едят. Я ела и без сливочного. Мне во время камней разрешали и суп из телятины. Но, как всегда повторяю, тебе виднее.

П. Аф. и мне по письмам не очень нравится, хотя он к нам и настроен хорошо, но тоже не прочь попользоваться (это очень между нами). Всегда ноет, а, вероятно, живет много лучше других.

Как делать, чтобы быть с дамой справа? Если на улице, то говори, что у тебя болит левая рука — нервная боль, и ты боишься, что на улице тебя будут толкать прохожие, это даже интересно, то же и в экипаже. Кроме того, можешь каждый день говорить, что тебе она нравится именно с правой сторо-

ны, что ее профиль особенно красив и, поверь, каждая будет стараться, хоть ей и неудобно, быть именно с этой стороны.

В зной радио гораздо хуже — Москву почти не слышно — треск невообразимый.

Юлий Алексеевич <Бунин> родился 7/20 июля 1857 года. Он на тринадцать лет старше Яна. Папа мне ничего не писал, где они. Только после его смерти я узнала, что мама оказалась на старом кладбище. Было бы очень интересно узнать подробнее.

Прервала письмо. Ян позвал составлять каталог по-немецки. Со словариками составили. Потом завтракали.

Я с тобой согласна, что самое приятное жить с людьми одной культуры, то есть иметь общий язык. Но это и у меня не в полной мере, разность поколений тоже сказывается, нужно смиряться, если хочешь, чтобы был мир и лад. Насчет атофана¹⁶³ уже написала в Париж, чтобы узнать, сколько это будет стоить. Жду ответа.

Очень рада, что ты чувствуешь себя «сносно» — это уже много. Чеснок, говорят, полезен, древние люди им спасались в жарких странах, но только будешь им пахнуть... Хорошо натереть им корочку черного хлеба.

Не откладывай зубы. Хороший ли, ловкий врач будет тебе делать, это важно.

Я тоже очень любила Москву летом, когда она пустела и становилась такой простой: идешь по переулку, и снизу, из подвала, запах клубничного варенья... Люблю я и Париж, когда он пустынен, жарок и можно ходить в одном платье. Вообще у меня есть вкус к несезонным местам.

Поблагодари Эльзу <Михайловну Генкину> и В.В. за память и привет. Рада, что у нее муж хороший человек — это очень важно, особенно, когда прошла первая молодость. Кланяйся им.

Надеюсь, ты разрешил сомнение насчет Ан.<астасии> Ив.<ановны> Что с ней было?

¹⁶³ Лекарство для купирования острых приступов подагры.

«Тихий Дон»¹⁶⁴ я читала несколько лет тому назад.

Когда поедешь к Е.<катерине> П.<авловне> <Пешковой>, кланяйся ей от меня.

Как обошлась твоя поездка за 30 верст от Москвы?

Мы сегодня приглашены на именины к племяннице дяди Миши¹⁶⁵. Они куроводы — поедим цыплят. Между прочим, цыплят во Франции не едят, запрещено. По слухам, будут и копченые утки — подарок соседа. У них большая открытая терраса, на которой будут танцы и обед-ужин на маленьких столиках. Есть заговор оставить как можно дольше нас, для этого припасена какая-то особенно хорошая бутылка вина, которой будут угощать Яна в момент, когда он будет звать нас домой. Самые страстные танцоры: хозяйка дома Ася и Леня.

Вероника мне жаловалась на забывчивость. Писала письмо Марусе¹⁶⁶ и забыла поблагодарить за портреты, которые она получила. Я успокоила ее: брат при случае передаст ей, что все получено, с большой радостью и благодарностью.

У меня немного побаливает ишиас при самом начале, из-за этого я и делаю себе массаж.

У меня странный организм. При операции оказался желчный пузырь полон камней. 17 больших и 13 мелких, а я чувствовать их начала всего за пять месяцев! Хирург при вскрытии говорил: «Бедная, как она должна была страдать!» — видя, в каком положении у меня кишки, а я никогда не страдала. Аппендикс был в ужасном состоянии, а он всего раза два дал о себе мне знать... Вообще я легко переносила и припадки, и послеоперационный период. Как и все детские болезни. Главное на что я могу жаловаться, на малую работоспособность, на неумение быстро переходить из одного плана в другой. На невозможность делать то, что хочется, я тоже когда-то надорвала свое здоровье, да и наследственность,

¹⁶⁴ Шолохов М. А. «Тихий Дон». Роман-эпопея в четырёх томах. ТТ. 1–3 написаны с 1925 по 1932 гг., опубликованы в журнале «Октябрь» в 1928–1932 гг. Том 4 закончен в 1940 году, опубликован в журнале «Новый мир» в 1937–1940 году. Согласно дате письма, Бунина могла читать 1–3 тома романа.

¹⁶⁵ Кугушева Анна Михайловна (Ася).

¹⁶⁶ См. коммент. 32 к п. № 6 (инв. 3216/5 оф.).

конечно, играет роль. Наша беда, что мы недовольны собой, хочется быть выше, сильнее, чем мы. Другие на нашем месте благоденствовали от самовлюбленности, а мы недовольны и мучаемся — это грех, гордыня. Маня <Мария Сергеевна Брюан> хотела быть красавицей и много сил на это ухлопала, а ничего не вышло, кроме тети Мани <Марии Николаевны Муромцевой-Климентовой> и одного старого француза¹⁶⁷ никто в это не поверил. Все шлют привет.

Нежно целую. Тв.

32¹⁶⁸. В. Н. Бунина — Д. Н. Муромцеву

22 июля 1934 года.

<Грасс, Франция>

Сейчас получила твое письмо от 17 июля, а перед тем было от 12 июля, кажется, не ошиблась.

Я все эти дни немного пострадала: в слабой степени ишиас, это, вероятно, я простудилась на пиру именинном у племянницы дяди Миши <Анны Михайловны Кугушевой>. Ужинали на открытой террасе, то есть весь вечер сидели. Я была в легком белом платье, до пояса бархатная кофта, и вот простудилась, прошлое лето я тоже очень страдала. Теперь удалось сразу схватить, делала несколько дней сряду массаж, а в прошлом году потерпела недель шесть, если не два месяца. Вчера же ездила с Яном в Канн на исследование моей крови, лет семь не исследовали, а ведь у меня это самое слабое место. Сегодня боль есть, но в слабой степени.

Очень рада, что ты стал себя чувствовать лучше. Только продолжай беречь себя. Ты ничего не сообщил мне о своей поездке за тридцать верст от Москвы, то есть, как тебе там понравилось? Хорошая ли эта местность? Рада, что ты перенес эту поездку легко. Я думала, что ты очень переутомлен,

¹⁶⁷ Очевидно, имеется в виду Гастон Брюан.

¹⁶⁸ Печатается по автографу: ОГЛИМТ, РДФ, ф. 14, инв. 3216/30 оф. Место написания установлено по содержанию. На л. 1 пометы Д. Н. Муромцева.

и, может быть, тебе нужен отдых очень длительный, и тогда ты опять можешь приняться за дело, но только не рвись к нему, а раньше отдохни. Много бед люди себе доставляют тем, что не долечиваются, не доотдыхают, если можно так выразиться.

Прав ты, что лучше пока не переезжать. Все, что волнует, утомляет, отстраняй от себя, будь эгоистом хоть на время. Пиши, как захочется, я всегда счастлива получить от тебя письмо, на машинке мне писать совсем легко. Сегодня я к ней прибегаю потому, что Ольгин день не за горами, и мне нужно написать несколько поздравительных писем. Только что окончила Оль. Ил. Она там же, где и Сева. Все служит. Тоже была больна печенью, кажется, камни. Маня Пет.<унникова> <Брянская Мария Алексеевна> тоже живет теперь без желчного пузыря. Почта очень странная, иногда я получаю сразу два письма в один день, а иногда несколько дней ничего не получаю. Может быть, я и спутала в числах, когда я чем-нибудь расстроена, я могу быстро что-нибудь забыть. О письме от 8-го июня я несколько раз уже тебе писала, неужели пропали письма? Оно до меня дошло. Впрочем, может быть, ты ошибся, это не 8-го июня, а 8-9 июля, забыл поставить лишнюю палочку. Его я получила, но, вероятно, в один день со следующим письмом. Это, повторяю, бывает.

У нас с тобой недоразумение. Я воспринимаю твои письма, как нужно, я отлично поняла, что ты даешь неполные характеристики. И сама не возражала на них, а вернее делилась и своими мнениями по поводу тех или других лиц, о которых ты писал. Не могла я и думать, что ты можешь утверждать, что кроме наследственности не играют в жизни человека и другие факторы... Нужно нам условиться: спорить на таком расстоянии очень трудно, тогда каждое письмо должно брать очень много времени, а можно лишь обмениваться взглядами, высказывать суждение по тому или иному вопросу, что, конечно, для каждого интересно, ибо за время нашей разлуки мы оба в некоторых отношениях изменились, приобрели опыт, испытали много страданий и стали несколько

другими людьми. Человек никогда, вернее его душа, не остается на одном месте, она должна идти вперед или назад. И вот это и есть самое интересное при встрече с близкими людьми после долгой разлуки — узнать, «куда направлен их путь». И это легче всего понять при высказывании тех или других суждений, понять тон жизни и т.д. и т.д. Я, когда писала тебе, я вовсе не хотела доказывать, что ты неправ, а просто сообщала кое-что о том, о чем ты писал, и все-таки, на мой слух, ты «не совсем верно»... Тут дело не в фактах, а в освещении их. Ты совершенно прав, если стоять на точке зрения, скажем, на которой я стояла в прежние времена. Но теперь для меня она невозможна. Что тут не понять: «что лучше, быть первым в деревне, чем вторым в городе или, как ты пишешь, последним...». Но сейчас для меня это не играет роли, последний, так последний, «а судьи кто?» И гордость, и самолюбие я считаю очень дурными свойствами человеческой души, приносящими очень большие страдания, прежде всего тому, кто ими обладает. У нас, у меня еще меньше, чем у других, эти качества были сильно развиты, и мы ими гордились, и вот в этом большая наша ошибка. И очень я жалею тебя, что ты по-прежнему «горд и самолюбив», я уже почти избавилась от этих свойств нашей души. Если бы ты пошел по моему пути, то ты бы теперь смеялся над тем, что Ник. Андр. Мих. — человек очень пошлый и с маленькой душой, заставил тебя так страдать. Но уверяю тебя, что ты послушался его не потому, что что-то не одобрил он, а потому, что и тебе что-то не нравилось в этой профессии. И почему он оказался авторитетом для тебя даже тогда, по правде сказать, я понять не могу, ведь он принадлежал к тому типу, каким ты никогда не думал быть. Ведь у тебя и ум, и склад человека скорее такого, как был дядя Сережа <Сергей Андреевич Муромцев> и ему подобные. Это, конечно, была ошибка обратиться к Настиному мужу, человеку по натуре очень дурному. Да, по правде сказать, это не важно. Был бы тем или иным. Люди достигают того или другого только в том случае, если они этого хотят, любят это ремесло. Если бы ты любил что-нибудь больше

себя или даже как себя, то, поверь, никто тебя отговорить не мог. У нас не способностей мало, а любви. Самая сильная пружина для человеческого духа — это любовь в какой-либо области, это не было, и она творит то, что принято называть чудом. А для этого нужно любить что-нибудь выше себя, выше своего самолюбия, выше гордости, хотя бы честолюбие или славу. Вот Вася Сах.<новский>¹⁶⁹ так любит театр и много достиг. Большинство же из нас занималось тем, что не любило. [Несколько строк густо вымарано]. Почему нужно всегда занимать первые места? Последними мы нигде бы не были, а нам именно хотелось быть на самом верху. Но пишу я это не для спору, а для того, чтобы ты понял, что я в некоторых отношениях изменилась.

Относительного твоего сходства с Маней <Марией Сергеевной Брюан> настаиваю. Ты с ней легче бы сговорился, чем со мной. Уверяю тебя. Она тоже была и самолюбива, и горда и этим гордилась. Кроме того, это черты дяди Сережи <Сергея Андреевича Муромцева> увлекаться при устройстве себе комнаты или квартиры. Вспомни дачу в Царицыне. Устроил, а затем почти сам и не жил в ней. А тетя Маня <Мария Николаевна Муромцева-Климентова> совершенно иной человек (о ней как-нибудь на досуге напишу). Она раз устроит себе что-нибудь и живет уже своей светско-музыкальной жизнью, причем ей совершенно все равно, с кем жить, и с кем бы она ни жила, она всегда будет тех людей эксплуатировать, но в то же время дружить с ними, ей все равно, кто ее служитель, кто будет смеяться над ее шутками и рассказами. Тетя Маня о себе мало думает, как о себе, копанье в себе — наша черта, а не ее. Оля <Ольга Сергеевна Шаврина> больше взяла от матери, чем Маня, как и Володя <Владимир Сергеевич Муромцев>. Маня <Мария Сергеевна Брюан> даже свой талант приписывает отцу, а не матери, и правда, тетя Маня рядом с ней была очень топорна и в суждениях, и во вкусе,

¹⁶⁹ Сахновский Василий Григорьевич (1886–1945), театральный режиссер, театровед, педагог; народный артист РСФСР (1938), доктор искусствоведения (1939); двоюродный брат В. А. Зайцевой, учился в гимназии с Д. Н. Муромцевым.

и в исполнении, хотя самый голос у тети Мани был, вероятно, лучше Маниного. Но, конечно, Вы с ней очень разные люди, но есть и родственные черты, даже, если хочешь, артистичность, любовь к порядку, ясность, трезвость суждений в деловых отношениях и лиричность в личных, а главное — искание «идеала» в любви, чего у меня, например, совершенно нет. Я знаю, что никакого идеала нет, а есть преображение во всякой любви, от этого и разочарование. Счастье, когда полюбишь порядочного человека, личность, и несчастье, когда оказывается предметом твоих чувств маленький пошлый человек. И самое трагичное, что человек долго боится в этом признаться, и все делает глупость за глупостью, верит всякой чепухе, которую говорит тот, кому это нужно. Так было и с Маней. Ведь и погибла она потому, что пережила ужасную драму. Ты знаешь, у нее был мужской ум, а женского не было ни на йоту. Тут она была доверчива до жути. [Несколько строк густо вымараны]. Тетя же Маня в этом отношении совсем дите. А Маня жила этим, как много сил отдавал этому и ее отец. Ну, достаточно, «погуторила».

Очень я расстроилась Андреем Георгиевичем <Гусаковым>. Бедный, какая тяжелая старость. Но все-таки, пожалуй, лучше, что он в Москве: хоть Рита, О. Хр., Н.<иколай> Д.<митриевич> <Зелинский>, ты, а там он был бы совсем один. Надо все сделать, чтобы М.Ф.¹⁷⁰ за ним ходила бы. Конечно, и ей нелегко: с чужим, стариком, как всякий старик, он, конечно, порой бывает очень не эстетичен. В таких случаях только возможна любовь. Но где ее взять? Еще хорошо, что М.Ф. по своей профессии ловко может делать некоторые вещи, а представь, если бы на ее месте была бы женщина, которая не умеет ходить за больными, то было бы хуже. С М.Ф. старайся быть ласковый. Делай комплименты, может, тогда она будет добрее к бедному А.<ндрею> Г.<еоргиевичу>. Я представляю, как он устал при своих недугах на этих завтраке и обеде, но, с другой стороны, и М.Ф. нельзя осуждать, эта суета дала ей возможность легче провести этот

¹⁷⁰ См.: коммент. 32 к п. № 6 (инв. 3216/5 оф.).

день. Повторяю, что она любила Павлика <Павла Николаевича Муромцева>. Это всегда говорит и Верочка, а потому ей хотелось провести этот день, как она считает наилучшим. Вот тут и сказываются разные полочки. Кроме того, она, несомненно, женщина, которая обладает «здоровым эгоизмом», а потому ей и в голову не пришло, что А.<ндрею> Г.<еоргиевичу> именно тяжелы все эти обеды в этот день, что он от них еще больше расстроился. Но не у всех есть талант перевоплощаться в другого человека. Люди со «здоровым эгоизмом» этого таланта не имеют. Ты очень хорошо написал А.<ндрея> Г.<еоргиевича>, я и не представляла, что он стал таким. Его следовало бы в этот день куда-нибудь увезти, но, конечно, некому было. Вообще, жаль его мне очень. Завтра настучу ему письмо. Он всегда очень радуется, когда я пишу ему, а это лето я пишу ему гораздо реже. Деньги я послала на этот раз на имя М. Ф. Об этом я уже А.<ндрею> Г.<еоргиевичу> сообщила, это выходит гораздо дешевле, да и где теперь А.<ндрею> Г.<еоргиевичу> ходить в Торгсин, когда он и по комнате едва передвигается. Шепни ему, что я всегда буду и тебе сообщать, когда буду посылать им денег, а то письмо может пропасть. Пусть он не беспокоится.

Смеялась твоему юмору насчет «угнетенных» женщин, мы с Галей повеселились.

[Несколько строк густо вымараны].

Кирочка <Всеволодовна Муромцева> нас с Галей тоже сегодня повеселила, рассмешила своим письмом. В ней, как ни грустно, есть какой-то дефект в мышлении. Она не умеет вывести следствие из причины. А так в ней много милого. Жаль ее очень. Я чувствую в ней много родственного и поэтому ей, вероятно, очень трудно с ее родственниками. Одно хорошо, что в ней есть Севочкина <Всеволода Николаевича Муромцева> легкость, а так как ее меньше в детстве ломали, а вернее совсем не ломали, то в ней нет никакого озлобления, какое было в нем.

Будь здоров, драгоценный мой. Главное, старайся на все смотреть философски. Я поставила последнюю карточку на

стол, чтобы лучше представить, какой ты теперь. Посылаю тебе чаепитие в саду: Марга, Галя и Вероника. Леня снимал. Ствол пальмы. Ствол оливки, заборчик отделяет бассейн, где стирают белье.

Сейчас дулась с Леней в дураки [так в тексте], он чаще меня оставляет, хотя находит, что я недурно играю в эту игру. Сегодня я весь день писала письма тебе и Ольгам. Галя и Леня шлют привет. Ян обнимает, а я нежно целую

Твоя.

[Приписка на л. 3 об.]: Письмо вышло длинное. Обращай внимание на некоторую местами нелогичность. В жизни одной логики мало. Борис хорошо определил, что такое ум. Ум есть внеумное понимание и правильная оценка внеумных отношений. Это очень верно. Еще раз целую.

33¹⁷¹. В. Н. Бунина — Д. Н. Муромцеву

1934 г. 8 августа.
<Грасс, Франция>

Только что получила, дорогой Митюша, письмо о Кирочке <Всеволодовне Муромцевой>. По совести скажу, я не знаю, что посоветовать. Откуда ты взял, что я вижу «во всем и во всех только хорошее и то, что мне «нравится»». Вероятно, я очень плохо выражаю свои мысли, раз ты делаешь такие выводы. Обратно — я вижу все, и дурное острей, за что мне частенько попадает от окружающих. Но борюсь я с этим дурным лишь тогда, когда верю, что это приведет к благим результатам. Конечно, иной раз срываюсь, порчу и себе нервы, и тем, кого хочу изменить, и ничего не получается.

Я очень тебя понимаю: положение твое очень трудное. Ты почти также бессилён сделать что-нибудь для нее, как и я. И от этого бессилия ты обвиняешь меня, что я «огра-

¹⁷¹ Печатается по автографу: ОГЛМТ, РДФ, ф. 14, инв. 3216/31 оф. Место написания установлено по содержанию. На л. 1 пометы Д. Н. Муромцева.

ничивалась пожеланиями, чтобы она не вышла замуж или рассуждениями похожа ли она на Севу <Всеволода Николаевича Муромцева>, лучше ли она его или хуже и восторгалась ее наивностью». Прежде всего, никакого восторга от её наивности я не испытываю. Я лишь отметила эту черту ее — понятное желание найти в ней что-нибудь хорошее, так как ее отрицательные черты бьют в глаза. А что я могу, по чистой совести, посоветовать, не зная ни ее, ни ее теток, ни условий ее жизни ни дома, ни вне его. Могу для твоего осведомления сообщить о своем впечатлении, создавшемся на основании твоих и ее писем, может быть, мое впечатление и грешит многими погрешностями, хотя оно совпадает с твоими выводами.

Думаю, что Кирочка полна недостатков для совместной жизни, дает повод быть собой недовольной, но тетка ее, вероятно, женщина бессердечная, узкая, не умеющая понять психику молодой, простенькой, но в то же время трудной девицы. Тут должна быть любовь матери. Очень неудачная дочь у Фанюры¹⁷², хуже во много раз Кирочки, но какие чудеса все же из нее делает мать. Конечно, помогают и средства. Но это к слову.

Теперь о том, что, мне кажется, следовало бы ей или с ней поступить. Думаю, что у нее отношения с семьей ее матери едва ли улучшатся. Если по месяцам не разговаривают — дело плохо. Жить при таких условиях очень тяжело и вредно для нее. Я думаю, что и ссоры происходят от взаимного непонимания, от разности кровей, от разности возрастов. Можно было бы вступить в переписку с тетками и узнать, в чем они обвиняют Кирочку и из-за чего все это происходит. Дать понять, что они старшие, более умные и от них зависит установить те или иные отношения, что мудро уступить молодым

¹⁷² Сопоставляя текст с письмами от 12 февраля (п. 72) и 17 марта (п. 75) 1935 г., в которых Бунина рассказывает о болезни, затем смерти Ирины Васильевны Эльяшевич (?-1935), прямо сравнивая её с Кирой Всеволодовной Муромцевой, можно прийти к заключению, что речь идет о Фаине Осиповне Эльяшевич (1877–1941). С Фаиной Осиповной и Василием Борисовичем Эльяшевич (1875–1956) Бунина была знакома еще в Москве; Эльяшевичи и Муромцевы дружили семьями.

в пустяках, чем приобретает доверие, и руководить их в серьезных вопросах. Но я не знаю, поймут ли они это. Вот мы с тобой одних кровей, одной культуры, одного воспитания, но и то ты не понимаешь меня только от того, что я на некоторые вопросы смотрю иначе. В примирение Кирочки с ее родными я не верю, особенно, если тетки не питают к ней настоящей любви. Повторяю: для меня это уравнение со всеми неизвестными. Первая вариация — примирение — мало надежды. Вторая — поселить Киру там же, но отдельно от родных. Но это опасно. Кто там за ней будет наблюдать... Сделает так — ее дело. Но советовать ей... я не посоветовала бы. Третья — взять тебе ее, на мой взгляд, ни в коем случае. Ты не здоров. Если бы она была не дефективной еще, то, м<ожет> б<ыть> она могла приносить тебе пользу, но такая, какая она есть, не думаю. Ты будешь иметь под рукой вечный повод для раздражения, что очень вредно тебе и совсем не полезно ей. Четвертая вариация: может быть, самая лучшая. Перевести ее в Москву, найти ей занятие, найти жилплощадь, дать ей среду более или менее подходящую и брать от нее отчеты в ее жизни, не чаще, чем раз в неделю, чтобы тебе не утомляться, не раздражаться зря. Но как я это могу советовать? Ведь я не знаю условий жизни, трудностей ее. Я могу обещать, что буду больше посылать ей, чем посылала, и только. Когда читала твое письмо, то у меня мелькнуло: обратиться к Е.<катерине> П.<авловне> <Пешковой>? Она, если захочет, то может помочь тебе перевезти ее и найти место и жилплощадь. Попробуйся. Раз она хорошо к тебе относится, то поймет, что для твоего спокойствия нужно помочь ей и приложить старания.

Вот, дорогой мой, все, что мне приходит в голову. Горюю, что это очень мало тебя облегчит.

В каких ты отношениях с Леной¹⁷³? Может быть, и она приняла бы участие. В ней есть, если не ошибаюсь, доброта. Кира могла бы у нее бывать. м<ожет> б<ыть> П.П. мог бы помочь найти ей место. Мне кажется, что Петя, и Соня в память

¹⁷³ Возможно, речь идет о Елене Николаевне Зотовой, дочери Марии Андреевны Муромцевой-Вокач, т.е. кузины Муромцева и Буниной.

папы отнесли к ней, как к родной, и помогли бы тебе в этом. Но опять я, может быть, ошибаюсь.

Вон Коля <Николай Алексеевич Пушешников> и Митюшка¹⁷⁴ как любили Ев.<гения> Ал.<ексеевича> <Бунина>¹⁷⁵, а дали ему умереть с голода и даже не известили брата, что помощь необходима. Равнодушные теперь у многих чудовищное.

Если бы у меня были средства, то я выписала бы ее сюда. Уверена, что справилась бы с ней без большого труда. Но на нет и суда нет.

Ведь, если бы М.Ф.¹⁷⁶ была такой, какой она представлялась мне раньше из писем А.<ндрея> Г.<еоргиевича> <Гусакоса> в прошлом году, то можно было бы под ее наблюдение Киру поместить — ведь Кира уже взрослая, забот больших не должна оставлять, все может сама делать, только нужно наблюдать, чтобы она не сбилась с пути, но после твоей характеристики думаю, что это будет то же, если не хуже, чем с ее тетками: бессердечие, злобное молчание.

Из всего вышенеписанного ты видишь, что когда дело касается серьезного, никакой идеализации у меня нет — все вижу, все понимаю — это, кажется, одно мое достоинство. Но я могу лишь правильно судить, если знаю досконально, хотя в моей жизни бывали случаи, что я угадывала по маленьким фактам большой. Но если меня неверно осведомляют, то, конечно, я делаю неверные выводы. Ошибаются все, «не ошибается только тот, кто ничего не делает»...

Правда, у меня есть черта мирить, но только пока я верю, что мир возможен, и что людям в разлуке будет хуже. Но ведь ты сам помнишь, как я тебя 20 лет назад уговаривала начать жить одному... Я всегда стараюсь индивидуализиро-

¹⁷⁴ Пушешников Дмитрий Алексеевич (1880–1954), двоюродный племянник И. А. Бунина, сын С. Н. Пушешниковой, юрист.

¹⁷⁵ Бунин Евгений Алексеевич (1858–1933), старший брат И. А. Бунина. По воспоминаниям В. Н. Буниной «погубил свой недюжинный талант художника-портретиста»: когда семья Буниных оказалась на грани разорения, он, чтобы спасти остатки состояния, занялся земледелием и торговлей, имел лавку. Жил в Ефремове, после революции работал учителем рисования в местной школе.

¹⁷⁶ См.: коммент. 32 к п. № 6 (инв. 3216/5 оф.).

вать каждый случай. Знаю, что и жизнь, и душа так сложны, что трудно сразу сделать вывод.

Знаю тоже, что иногда дурные поступки еще не означают, что человек безнадежно дурен во всем, а потому боюсь быстро делать вывод. Тут я действительно предпочитаю оправдать виновного, чем обвинить невинного. Знаю, что в иных случаях лаской можно сделать гораздо больше, чем руганью, бранью. Важно, чтобы человеку стало стыдно, а ругань, брань, резкость раздражает, к кому это относится, и зачастую помнит лишь, что его чистили и забывает причину этой чистки. Так всегда было с мамой.

Например, в Америке детей (я считаю это уж слишком) совсем не воспитывают, они ужасные, а когда вырастают, то понемногу приходят в норму — это к слову.

Написала письмо Кире. Перешли его и снимки. Не думаю, что мои строки на нее подействуют, написала на всякий случай.

Ты не волнуйся. Как-нибудь «образуется». Только бы Кира не попала под чье-нибудь влияние. Ведь ей, кажется, уже 19 лет?.

Пришла портниха, и мы с Галей, пользуясь отсутствием наших деспотов¹⁷⁷, вытащили все свои вещи, и пошли проекты.

Галя шлет тебе привет, Ян и Леня в Каннах.

Обнимаю, дорогой мой. Твоя

34¹⁷⁸. В. Н. Бунина — Д. Н. Муромцеву

1934 г. 10 августа.

<Грасс, Франция>

Дорогой мой, драгоценный Митюша, получила сегодня утром оба твоих письма, таких милых и добрых. Спасибо.

¹⁷⁷ Безусловно, речь идет об И.А Бунине и Л. Ф. Зурове.

¹⁷⁸ Печатается по автографу: ОГЛИМТ, РДФ, ф. 14, инв. 3216/32 оф. Место написания установлено по содержанию. На л. 1 пометы Д. Н. Муромцева.

Я вполне тебя понимаю и понимаю твой страх за меня. Но уверяю тебя, что обойти меня трудно. Если я теперь живу далеко от людей, то были годы, когда я с ними жила тесно. Конечно, судьба моя легкая: в гуще жизни одна не жила, всегда была в привилегированном положении, люди приходили легко к нам на помощь, муж — человек заботливый, предусмотрительный, а потому с мелочностью и жестокостью людей лично мне не доводилось сталкиваться, но видеть все это приходилось. И при моем воображении отлично понимаю, что в подобных случаях испытывала бы я. Людей я знаю и знаю, на что они бывают способны и в ту, и в другую сторону. Знаю даже, что порой можно добиться доброго поступка, играя на слабых струнах того или иного человека. Знаю, что людям нельзя позволять распускаться и, знаешь, умею не давать. Во мне порой просыпается мама. Но я вот что поняла, зато на земле есть люди, которые одарены желанием вносить прекрасное — поэзию, музыку, живопись, скульптуру, науку и, наконец, то, что в самых начатках есть, может быть, и у меня. Когда мне приходится прочесть что-нибудь такое, то меня охватывает радость — жила же в мире такая душа — как радостно прочесть гениальное произведение, послушать Бетховена, увидеть Микель-Анджело [так в тексте] — все это для среднего человека почти не нужно в повседневности, и только иногда он чувствует радость от всего этого. В нашем воспитании большой пробел: совершенно не воспитывали некоторые душевные свойства человека, а как можно воспитать и какие результаты! Как тело упражнениями можно сделать изумительным, так и душу.

Ты спросишь, а зачем это нужно. А зачем нужен поэт? Ведь только маленькая кучка людей поистине наслаждается даже Гёте. Да и слушающие Бетховена разве умеют постичь до конца все, что хотел передать людям этот самый несчастный гений, когда-либо живший на земле. Но кроме больших гениев, больших мастеров, больших людей и больших душ рождаются люди с меньшими способностями, но не с меньшим желанием сказать людям что-то свое хорошее. И уничтожить

это желание, погасить его очень трудно. И эти потуги порой утешают людей. Какая-нибудь бездарная картина висит в мецанской квартире и радует людей, значит и тот, кто написал ее, внес свою лепту...

Ты прав, с моей философией, как ты понимаешь ее, можно жить только в нашем углу. Отчасти я с тобой согласна: легче. Но и в гуще я, вероятно, жила бы почти также, конечно, мне было бы труднее, но все же возможно. Ведь я ничего не хочу проповедовать, я очень терпима, только я чаще испытывала бы страдание, волновалась бы порой, но зато там было бы больше единомышленников, хотя многие из них сильно ранили бы. Если бы мне пришлось бы служить, то я, конечно, старалась бы выбрать подходящую для своей натуры деятельность. Я почти не честолюбива, а потому всегда уступлю первое место — так бывало, когда я занималась общественными делами и за десять лет ни с кем не поссорилась, хотя вокруг было немало ссор. При этом я иногда проявляла очень большую настойчивость, когда надо было вырвать для кого-нибудь лишнюю сотню. И никто никогда не мог заставить меня сделать то, что я считала ненужным. В деловом отношении у меня есть здравый смысл, гораздо больше, чем у Яна. Очень тут сложная штука, почему он перестал со мной советоваться. Именно в глубине души он понимает, что я права, и очень раздражается на это. Его в первую минуту объегорили по всем статьям, и, как это часто бывает, ему всего неприятнее передо мной. Но все же это так говорится, что он со мной не советуется, советуется, но не слушается и зачастую теряет. Но я не в претензии. Даже рада — меньше мучений. Я в деловых вопросах всегда бы обратилась к понимающим людям, вникла бы в дела и, насколько возможно, вела бы их тихо. А Ян? он, правда, обращается, но не вникает, и потому ничего не понимает и легко попадает впросак. Так что обо мне не беспокойся. У меня есть, хоть и небольшая часть (но все же имеется), трезвости и здравого смысла.

Я могу ошибаться на расстоянии, когда я не знаю человека, основываясь на показаниях, так сказать, свидетелей.

Но каждому свидетелю, как ты знаешь, нужно верить осторожно. Вот мы живем впятером, и если бы каждый о каждом написал, то уверяю тебя, что ты развел руками — были бы противоположные характеристики, особенно, если бы они были вполне искренни, а ведь давали бы люди, умеющие видеть и излагать свои мысли. Ты упрекаешь, что я не вполне верила А.<ндрею> Г.<еоргиевичу> <Гусакову>. Ну, а ты ему веришь вполне, когда он о ком-нибудь говорит? Он редко пристрастный человек, очень ревнивый, ты опять прав, его «интересует» больше всего он сам. В других он не вдумывается, если его не заставлять... Я прибавлю, что у него две краски: черная и белая... Ну как же ему верить вполне! Живи он с Зоей <Зоей Евгеньевной Шрейдер> — было бы еще, м<ожет> б<ыть>, хуже, но я знаю, что у Зои есть качества, за которые я люблю ее, хоть жить бы с ней не хотела. [Несколько строк густо вымараны]. Мне издали казалось ясным <...> [Несколько строк густо вымараны]... Теперь еще одно недоразумение: ты пишешь, раз дядя Сережа <Сергей Андреевич Муромцев> сделал мерзость, то ты оправдываешь мерзости других. Ничего подобного. Я этим хотела сказать, что мерзости могут делать и не мерзавцы, что мерзость уживается и с благородными поступками и чувствами. Я много знаю и грехов и некрасивых поступков дяди Сережи, но знаю и другие. Ах, какие бывают пестрые люди! Важно, что перетягивает. Я живу в сливках... и если бы ты знал, что это такое! Поэтому я так легко мирюсь со своим уединением. Я уверена, если <бы> мы с тобой увиделись, то мы в пять минут договорились бы.

Я сейчас живу с четырьмя эгоистами — всякий, кто одарен творчеством, хоть в самой малой степени — эгоист, здоровый эгоист! И только, мне кажется, с моей философией можно поддерживать «нэйтралитэт». Ведь каждый занят только собою и считает «свое» особенно важным. И каждому тяжело, и у каждого много дурных черт, есть, конечно, и хорошие. Тоже и искусство вытягивает из людей хорошие черты, развивает их, воспитывает, заглушает дурные. Это отчасти

интересно. У меня, к сожалению, мало выдержки. Да и трудный народ они. Как-нибудь обо всем этом напишу подробнее.

[Несколько слов густо вымараны] <...> Veroniqu Б. Ее положение хорошее. Если переживет мужа, то все будет ее, — сделано распоряжение еще в 1918 году. А сейчас у них общность имущества. Так что половина всего принадлежит ей. И если бы ее муж влюбился, развелся, то она получила бы половину. Французские законы охраняют семью, конечно, до поры до времени.

Так, дорогой мой, вся эта история пустяшная, не думай о ней. Я секунды не сердилась за нее. Только беспокоилась за тебя — Галя, Леня свидетели. Будь здоров. Пиши. Нежно целую. Ян обнимает. Ника, Галя и Леня шлют дружеский привет. Твоя.

[Приписка в верх. части перевернутого л. 1]: А лето в этом году здесь скверное! Такого еще не переживали. Еще раз целую.

Тв.

35¹⁷⁹. В. Н. Бунина — Д. Н. Муромцеву

12 августа 1934 года.

<Грасс, Франция>

Дорогой мой Митюша, сегодня от тебя вестей не было, а потому хочу просто описать тебе нашу поездку, которую мы совершили на днях. Это, вероятно, и будет единственным нашим удовольствием за лето. Поездка носила полуделовой характер, предложили осмотреть кусок земли, который, как почти вся Ривьера, продается. Находится он от нас в километрах ста двадцати. Не на главной магистрали, а на веточке, соединяющей St. Raphael и Toulon [Сент-Рафаэль и Тулон], если ехать вдоль моря; главная же магистраль соединяет два эти города, идя все время по долине вдали от моря. И тут, у моря, конечно, больших городов не имеется, а много маленьких местечек. Берега изрезаны очаровательными бухточками, пляжи которых

¹⁷⁹ Печатается по автографу: ОГЛМТ, РДФ, ф. 14, инв. 3216/33 оф. Место написания установлено по содержанию. На л. 1 пометы Д. Н. Муромцева.

песчаные и покрытые соснами (запах смолы) и пробковым дубом. Недели две назад эти леса горели. Печальная картина: обгорелые стволы, желтые листья среди лета. По пути было много чудесного. Мы из дома, не доезжая до моря, прямо пересекли Эстерель, хребет, замыкающий нас с запада. Дорога живописна своими заросшими безднами, широкими волнистыми далями и почти полностью безлюдьем. На двадцатикилометровом пробеге попались два здания: отель для любителей дикой жизни и какой-то крестьянский дом. Выехали мы во Фрежюс, славный своими римскими останками. St. Raphael остался от нас влево. И мы быстро покатили по извилистым берегам. Зимой там пустынно, но весной, особенно летом и осенью, туда слетаются люди всяких национальностей, желающие на природе в полуголом состоянии проводить время. Много палаток — детские, юношеские и девческие лагеря. Много и дорогих отелей, вилл, много хижин.

Выехали мы в 12 ч.<асов> 20 м.<инут>, позавтракав. Во Фрежюсе купили вина, арбуз, груш, хлеба, ветчина была с нами, и часа в три сделали привал. Выкупались. Хорошо было в машине переодеваться! А потом выпили, закусили. Немецкий юноша, писавший на берегу кому-то письмо, снял нас. Как этот снимок, так и другие постараюсь тебе прислать. Вода была чудесная, небольшая волна — уже три года, как я плаваю недурно, — научил Леня.

В 4 ч.<аса> тронулись дальше. Мы ехали к дочери маминного приятеля юности, Сергея Яковлевича, она купила часть того куска, который предлагался нам.

В этом местечке много русских, так и называется *cité russe* [русский город — франц.]. У некоторых свои домики, дачки, которые здесь называются виллами, грязи и неряшества много. Большинство ходит почти голыми. У некоторых молодых человек даже не штанишки, а лишь повязки величиною с фиговый лист, для листа они велики, но для покрытия очень мало. Прекрасный пол тоже не отстаёт. Спины голы, штанишки коротки, нагруднички крохотны. Заливчик чудесный, песок белый, цикады, запах смолы, много народу, прелесть! Но

земля прямо у дороги, не возделана, без воды, словом, не для нас, да и лучший кусок уже отломан. Посидели в ресторанчике над морем, тоже нашем: выпили кофе с хлебом и маслом. Посмотрели на море, да и пора обратно. Конечно, снимались группой. Один здоровый парень руками поймал электрического ската; и Пэка, и Леня почувствовали сильный разряд, прикоснувшись к рыбе рукой. Словом, идиллия, все счастливы, веселы и довольны по виду, а в душе у каждого своя боль.

Обратный путь был тоже приятен, особенно пока не стемнело. Купили вина, доедали колбасу, взятую Яном, где-то купили еще сыру. Пэка-Ника все время болтал, пил, пел, говорил об еде, а потом уверял, что ничего не ел, хотя до дому ничего не довезли. Леня сидел рядом с шофером и сосредоточенно взирал — он по этим местам ехал впервые. Галя была не совсем здорова, а потому быстро утомлялась. Ян был в хорошем настроении, прикладывался то к водочке, то к коньяку, то к вину, и все на ходу — облил вином рубашку и очень огорчился.

Я много думала о тебе, жалела, что ты не с нами; хотя такое путешествие тебе было бы не по силам. Я к концу его совершенно замоталась. Не чаяла, как добраться до дому. Добрались к 11 часам. Галя тоже едва дышала. А Пэка, как огурчик! На столе ужин. Я повалилась на диван. Пульс едва слышен. У Яна лицо утомленное. Леня — ничего, немного бледен. Но еда и вино подняли силы, и от бараньего плеча ничего не осталось, несмотря на то, что дорогой некоторые из нас часто подкреплялись...

Спали разное, и мне, и Яну все казалось, что мы едем, а другие, кажется, спали крепко.

Я очень рада, что проехала — увидела что-то новое. В тех местах я не была лет пять, а летом никогда.

[Далее: схематичный набросок их маршрута с указанием населенных пунктов].

Вот тебе схема. Обратно мы ехали все время вдоль моря по карнизу и свернули в долину лишь в Mondelieu [Мандельё-ла-Напуль]. От нас до Theoul'a [Теуль-сюр-Мер] мы все некогда прошли пешком. Есть в этом пути очарова-

ния, пустынные места, покрытые лесом, с маленькими, вымирающими городками. Дороги во Франции очень хороши. Ведь тут машин очень много и налог на них высокий. Но зато после каждого большого праздника, во время которого все города пустуют, очень много несчастных случаев, среди которых много и смертельных.

Недавно в Грассе раздавили человека. Оказалось, что автомобилисты меньше месяца, как получили разрешение на управление машиной. И вот странность судьбы: оба ниццара¹⁸⁰ жили рядом и случайно оба оказались в Грассе, чтобы один другого раздавил на гладком месте среди бела дня, на глазах публики, сидевшей в кафэ. Правда, помог этому и автобус, прибывший из Канн. Несчастный попал между ними. Было ему 26 л<ет>. Леня издали, спускаясь с горы, слышал крик присутствовавших. К счастью, пострадавшего унесли, когда он пришел на место катастрофы. У всякого своя судьба!

Лето продолжает быть холодным. По вечерам нужно надевать пальто... Москитов тоже мало.

Галя, Леня, Пэка шлют привет. Ян обнимает. Я нежно целую. Твоя

[Приписка в верхней части перевернутого л. 2 об.]: Узнай при случае, получил ли А.<ндрей> Г.<еоргиевич> <Гусаков> деньги (сто фр.<анков>) через Торгсин, посланные в июле.

36¹⁸¹. В. Н. Бунина — Д. Н. Муромцеву

7 VIII 13 августа 1934 года.
<Грасс, Франция>

Дорогой мой Митюша, пишу тебе на новой бумаге, которую купила сегодня в Cannes [Каннах], куда мы ездили с Галей за разными покупками. Главным образом, чтобы подобрать материю для ее платья. Я подарила ей свое кружевное пла-

¹⁸⁰ Ниццар — житель Ниццы.

¹⁸¹ Печатается по автографу: ОГЛИМТ, РДФ, ф. 14, инв. 3216/34 оф. Место написания установлено по содержанию. На л. 1 пометы Д. Н. Муромцева.

тье — у папы был снимок, стою в нем у буфета — тогда носили платья узкие и до колен, а теперь мода для вечерних туалетов — длинные платья и более воздушные, вот мы и подбিরали легкую материю к этим кружевам и чехол. Все удалось. Кроме того, купили дюжину блюдец для варенья, щипцы для завивания, кофе, бумагу для писем. Завтракали в кабачке — кролик в соусе и сыр, вино. Мне, не сглазить, все сходит с рук. Я все-таки поправилась. Одно — устаю. Вчера вынимала посуду с Никой и устала до странности. Уставала и сегодня несколько, хотя «пробеги» были не длинные. Мы еще сидели в Кафэ под платанами, перед глазами торт. На море смотрели мало — больше на выставки в магазинах, не купались. День свежий, не похож на летний. Пишут, что климат на пятьдесят лет изменится, что-то происходит на солнце.

Вернувшись домой, прочла твое письмо от 7 августа.

Очень прошу тебя, забудь о своей вспышке. Меня она не волновала и волнует лишь поскольку это тебя возбуждает. Я так привыкла жить с людьми, которые вспыхивают по малейшему пустяку (Ян, Леня), да и сама, когда печень не в порядке, реагирую на все болезненно, что меня это не удивило. И будь ты «болен» как мы, то есть, собственно, здоров, то я не волновалась бы совсем. Но ты — дело другое: тебе нельзя так волновать свою печень, ты ее взволнуешь, а она, взволновавши, начнет волновать тебя в десять раз сильнее. Знаю я эту прелесть. И тут одно: не позволять себе в самом начале волноваться. Конечно, легко советовать, а исполнять трудно. Теперь о деле. И в этом письме ты пишешь, что я что-то должна сделать и как-то оказать давление на М.Ф.¹⁸², чтобы А.<ндрею> Г.<еоргиевичу> <Гусакову> было бы лучше. По чистой совести говорю: я не знаю как; ты упускаешь из виду, что я М.Ф. по-настоящему не чувствую живым человеком. Переписки у нас не вышло. Целыми годами сряду она мне не писала. П.<отом?> почти всегда писала мне на отвлеченные темы. О их жизни до приезда А.<нны> Г.<авриловны> к ним я ничего почти не знаю. Представь себе: тебе бы пришлось

¹⁸² См.: коммент. 32 к п. № 6 (инв. 3216/5 оф.).

как-то влиять на Галю или Леню. Уверяю тебя, ты наделал бы много ошибок, мог добиться как раз противоположных результатов. Особенно, если нужно было «подействовать»...

Как я, например, могу сказать М.Ф. ухаживайте за А.<ндреем> Г.<еоргиевичем>? Она меня может спросить, а, собственно, почему я должна за ним ухаживать? Если она это делала бы хорошо, то в память П. <Павла Дмитриевича Муромцева?>. Но при одном условии, если она П. любила, а если нет? Она может, конечно, сказать: прекрасно, Вы этого хотите, так платите мне за это. Располагай я средствами, я так и сделала бы. Но я не могу взять на себя никаких обязательств. И А.<ндрей> Г.<еоргиевичу>, и ей я посылаю, урывая от себя, а у меня есть еще на совести Кира <Всеволодовна Муромцева>. Как же тут быть? Мне с ней было легче, когда она казалась лучше, а теперь у меня мало надежды, если ты во всем прав. Не обижайся. Но все-таки ты ее знаешь не до конца. Может быть, с ней и можно было бы договориться. Помни, что и А.<ндрей> Г.<еоргиевич> — человек нелегкий, а самое худшее, что между ними нет любви, а без любви трудно ухаживать за старым, больным, озлобленным человеком. Но повторяю, если ты мне скажешь: напиши ей, чтобы доктора бывали у А.<ндрея> Г.<еоргиевича>, чтобы она следила за его режимом, я напишу. Я много насмотрелась у Евг.<ения> Ал.<ексеевича> <Бунина>, когда умирала моя свекровь¹⁸³. Н.К.¹⁸⁴. — вот ты бы ее посудил: с одной стороны зверь, на всякую подлость способная, а с другой — предана, и без нее, как без рук. Поглядел бы ты, как с ней и Ян и Юл.<ий> Ал.<ексеевич> <Бунин> обращались. А что делал сам Ев.<гений> Ал.<ексеевич> <Бунин> страшно вспомнить.

[Приписка вверху перевернутого л.]: Следующее письмо напишу о нас. Один мой приятель всех почти людей называет сумасшедшими, кажется, недалеко от истины.

¹⁸³ Бунина Людмила Александровна (урожд. Чубарова; 1835–1910), мать И. А. Бунина.

¹⁸⁴ Бунина Настасья (Анастасия) Карловна (?–1930), жена Е. А. Бунина.

1934 г., августа 14.

<Грасс, Франция>

Дорогой мой, милый Митюшка, крепко я думала ночью, заснула около трех, думала сегодня, и весь день о тебе, о А.<ндрее> Г.<еоргиевиче> <Гусакове> и о Кире <Всеволодовне> <Муромцевой>. Пришла к заключению, что ты должен minimum делать для других. Нельзя с одного вола двух шкур драть. Ты так много делал для других, был в твоей жизни и самопожертвованный героизм, например, Мар. Серг., я и З.<инаиде> Н.<иколаевне> <Муромцевой> за нее много простила, и поэтому не только ты сам, но и я должна, прежде всего, думать о тебе. Я и думаю. А.<ндрею> Г.<еоргиевичу> могу немного помогать. В корень его положение изменить трудно, можно немного улучшить, устроить доктора, написать те или иные слова М.Ф.¹⁸⁶. — вот и все. Но почему ты думаешь, что мои слова на М.Ф. подействовали [подействуют], особенно, если они будут в виде требования? Почему ты думаешь, что она ко мне относится хорошо? Вернее неплохо, так как я никаких ей, кажется, неприятностей не доставляла? А почему ты думаешь, если я доставлю их, то она превратится в овечку? Мне кажется, может быть, я и ошибаюсь, если я начну обременять ее заботами, то она просто перестанет отвечать мне на письма, и теперь-то она отвечает через месяц, через два. А Андрею Г.<еоргиевичу>, если у нее нет сердца, отомстит. Мой такт мне подсказывает, что ни в коем случае я не должна ей дать понять, что А.<ндрей> Г.<еоргиевич> мне жаловался. Я могу одно написать: «сделайте то-то и то-то, приглашайте врача». Но и тут она может ответить: «нет денег». А я не могу больше им уделять, чем уделяла. И подумай, как А.<ндрею> Г.<еоргиевичу> ни плохо, он не

¹⁸⁵ Печатается по автографу: ОГЛИМТ, РДФ, ф. 14, инв. 3216/35 оф. Место написания установлено по содержанию. На л. 1 пометы Д. Н. Муромцева.

¹⁸⁶ См.: коммент. 32 к п. № 6 (инв. 3216/5 оф.).

захотел переходить в дом ученых. А ведь там, как ты пишешь, ему было бы лучше. Что его удерживает в Москве? Но из писем его было ясно: уехать не хотелось. Так вот одно напиши же, что я должна написать М.Ф., чтобы я своим вмешательством не испортила бы дела, не принесла бы А.<ндрею> Г.<еоргиевичу> вреда. Прими во внимание, что при том положении, в каком находится он, он очень уязвим. Вообще, лицо, ведущее хозяйство, может много сделать неприятностей, если на то будет воля, и поймать невозможно. Узнай, кстати, получили ли они деньги (200 фр.<анков>), которые я послала им через Торгсин в июле.

У меня был опыт в этом отношении с матерью Евг.<ения> Ал.<ексеевича> <Бунина>, Ан.<астасия> Карл.<овна> <Бунина> была фрукт в некотором отношении. И политика у ее beaux-frer'ов [beau-frère — деверь (франц.)] была иная, чем ты предлагаешь. Они всегда делали вид, что не знают об ее проделках, ибо понимали: или нужно взять от них мать, или обходить ее, и многое достигали и лаской, и смехом, и просьбами. А она была в некоторых отношениях очень бессердечна и жестока. Ведь вообще там я насмотрелась на обнаженные натуры и поняла на всю жизнь, что человек необыкновенно пестр, поэтому, например, на Яна не произвели никакого впечатления, я уж не говорю, вызвали возмущение — ни «последние слова П.», ни «чернильница». А он далек еще от моих «принципов»... Он чернильницы бы ни за что не отдал бы, но и возмущаться бы за желание ее приобрести не стал: «борьба за существование». Я циничнее тебя, ты гораздо принципиальнее, лучше меня и более идеально относишься к людям. Я очень чувствую людей изнутри, то есть так, как они чувствуют себя сами, как могут оправдать самих себя и поэтому-то часто и достигаю нужных результатов.

Посылаю тебе письмо, написанное третьего дня на ту же тему, может быть, из двух вариаций поймешь меня лучше.

Помни одно, дорогой мой, что главная забота должна быть о тебе самом. И А.<ндрей> Г.<еоргиевич>, и Кира <Всеволодовна Муромцева> о тебе думали, думают и будут ду-

мать не в ущерб себе, а вернее, совсем не думают. Французы говорят: «*charité ordonnée commence par soi-même*» [необходимая благотворительность начинается с себя — франц.] — это и есть здоровый эгоизм. Занимаешься ли языком?

Скончался от воспаления легких Николай Иван., он некогда ценил брата Veroniqu'и, когда тот работал под его началом.

Умирает М. Франц., ей уже 70 лет, кажется, я получила письмо от Мани. Уже прощалась. Она почти слепая. Гриша без места. На сегодня довольно. Порадуй меня, что ты чувствуешь себя сносно. Жаль, что ты не можешь хоть на неделю выехать в природу. М.<ожет> б.<ыть>, все-таки к Е.<катерине> П.<авловне> <Пешковой> <?> Я знаю, как у нее жить. Хоть на несколько дней съезди. Подыши другим воздухом. Отвлечись. Вероятно, деньги ты уже получил. Ян обнимает тебя. Галя целует в височек. Леня и Кика кланяются нежно. Я нежно целую.

[Приписка в верхн. части перевернутого л. 1]: Леня опять насолил огурцов. Очень вкусно. Как ты работаешь: в очках или без них? У дочери Нади Пет¹⁸⁷. в ноябре будет бэби. Сегодня писем не было.

38¹⁸⁸. В. Н. Бунина — Д. Н. Муромцеву.

1934 г. 16 августа.
<Грасс, Франция>

Голубчик мой, Митюша драгоценный, получила я сегодня от тебя письмо, очень хорошее и вполне согласна со всем, что ты пишешь. Я как раз вчера писала тебе на эту тему, что первая твоя и моя заботы должны быть о тебе. А затем уж об

¹⁸⁷ Речь идет о Надежде Алексеевне Пушкиной (урожд. Петунниковой; 1878–1974), сестре Брянской Марии Алексеевны. Надежда Алексеевна и Вера Николаевна — подруги по московской гимназии, с 1934 г. они регулярно переписывались. Бунина была дружна с обеими сестрами.

¹⁸⁸ Печатается по автографу: ОГЛИМТ, РДФ, ф. 14, инв. 3216/36 оф. Место написания установлено по содержанию. На л. 1 пометы Д. Н. Муромцева.

А.<ндрее> Г.<еоргиевиче> <Гусакове> и Кире <Всеволодовне Муромцевой>. Да и то не во вред тебе, иначе им же будет хуже.

Насчет Киры думаю, что, конечно, если бы ей можно было бы устроиться в Москве, то для нее все же это было бы лучше, попала бы в другую среду, могла бы с М.Ф.¹⁸⁹. ходить по родственникам, все-таки это, вероятно, лучше, чем жить со «старыми девами», по месяцу не разговаривающими. Они, может быть, и не плохие, но деспотически трудные, и молодой душе всегда тяжело с такими. Я почему-<то> обрадовалась, что Кира относительно денег в нас пошла, но это, конечно, глупо, и делу не помогает.

Я сама думала посылать ей деньги через тебя, раз это тебя не затруднит. Пошлю в сентябре, прежде всего потому, что моя приятельница, которая взяла на себя эту заботу, сейчас в Савойе на отдыхе и вернется лишь в сентябре.

Но, повторяю, я не знаю условий жизни, вероятно, найти комнату очень трудно для Киры, если даже найдется место.

Написать письмо теткам, как ты знаешь, и мне пришло в голову. Но нужно писать очень дипломатически, чтобы не повредить Кире. Мещанские души бывают очень мстительны, особенно если есть выдержка и жестокость.

Первая фраза моего письма, которую ты не понял, относится не к брату Veroniqu'i, а к условиям его африканской жизни, при которых он охотится.

Не писала о своем здоровье? Сама не знаю почему, вероятно, потому что оно рядом с твоим все же пустяшное, да и условия моей жизни более способствуют быстрому поправлению, чем твои. Но теперь почти все прошло. Осталась лишь быстрая утомляемость. Надеюсь, что к зиме пройдет и это. Трудно мне еще начать серьезно работать, но я надеюсь, что и это вернется, так что обо мне не беспокойся, если бы не седые волосы, то я еще «повоевала бы...».

Много сложностей дома. Главное — Ян. Ничего не решено с виллой. Есть у него недовольство Галей. Он вообще не любит,

¹⁸⁹ См.: коммент. 32 к п. № 6 (инв. 3216/5 оф).

когда уезжают из дому, а она живет сейчас мыслию в начале октября ехать к Марге, да месяца на два, на три. Понимаешь? Приходится улаживать, налаживать, слаживать. Ты правильно чувствуешь Галю, знаешь Яна, а потому можешь представить, что это не так просто. У Яна мало мудрости и много воображения, она права, но совершила несколько глупостей, лишнее сказала. По существу, оба хотят одного и того же, но нужны уступки, а это каждому, особенно Яну, не по нутру. Дела тоже не блестящи. Мечты, не на чем не основанные, о поездках, рушатся. Вот Ян и хандрит, ничего не делает, а его плохое настроение отражается на всем доме. Леня работает, но и ему порой бывает тоскливо, его дружба с Галей кончилась — «вежливые отношения» — это тоже не прибавляет веселья. Пэка, любящий удовольствия, всегда без денег. Ян дает ему понемногу, и оба внутренне не очень этим довольны¹⁹⁰. Вообще, всем почти кажется, что мы стали чуть ли не Крезамми. И даже домашние неясно отдают отчет себе в наших средствах, а потому вместо посильного веселья в доме грусть¹⁹¹.

Ты прав, может быть, А.<ндрею> Г.<еоргиевичу> <Гусаккову> субъективно не так плохо, как кажется со стороны. И ты прав, что ты лучше мог бы воздействовать на М.Ф.¹⁹², чем я: она для меня миф — ведь я и лица ее путем не знаю. Видела лишь на любительском снимке не очень крупном, лет десять тому назад.

¹⁹⁰ Комментарий В. Н. Муромцевой: «Одному кажется мало, а другому лишнее».

¹⁹¹ Намек на материальное положение Буниных после получения писателем Нобелевской премии по литературе. 9 ноября 1934 г. в дневнике Вера Николаевна записала: «Ровно год, как раздался звонок из Стокгольма и все завертелось. Кутерьма пошла, и до сих пор мы не обрели покоя. Слава, деньги, поздравления, восторг, зависть, требования, обиды, радость, что можно помочь, огорчение, разочарование, бессилие, лесть — вот чувства, которые или мы испытали, или окружающие» (См.: Устами Буниных. Т. III. С. 12). В 1933 г. денежный эквивалент Нобелевской премии составлял 170 322 шведские кроны, что соответствовало примерно 715 тыс. франков. Около 120 тыс. франков Бунин выделил на помощь писателям-эмигрантам, помогал и тем нуждающимся, которые к нему обращались частным образом. В одном из интервью рассказывал: «Да я вообще с деньгами не умею обращаться. Знаете ли вы, сколько писем я получил с просьбами о вспомоществовании? За самый короткий срок пришло до 2000 писем...». Очевидно, Бунин также терял деньги, следуя советам недобросовестных или некомпетентных агентов, вкладывая значительные суммы в проекты, не приносившие дохода.

¹⁹² См.: комментарий. 32 к п. № 6 (инв. 3216/5 оф.).

Я очень часто тоскую по тебе. Раньше меньше, хотя тоже бывало скучно, но сейчас благодаря твоим письмам чувствую тоску по тебе острее, сильнее хочется видеть, говорить.

Береги печень, и характер станет сразу мягче. Помни, что от печени зависит, какими очками ты зриаешь на мир — розовыми или черными...

Я купаюсь очень редко — лето нездешнее.

Кирочку мне очень жаль. Нужно ей копить на шубку. Сколько это может стоить?

Мы тоже едим много огурцов и помидоров, а вот вареники с вишнями не ела лет десять! Галя только обещает каждую весну, а затем все об этом забывают. Она делает нам иногда фаршированный перец, вкусно!

Передай от меня привет А.<нне> Гавр.<иловне> и скажи, что я очень огорчена ее нездоровьем. Раз сердце, лучше лежать, покой — это главное, по себе знаю.

Кланяйся и Ан. Ал.

Ян уехал в Антиб. Будем пить чай без него. Леня шагает по саду. Ника у радио. Галя читает. Все шлют привет. Я крепко целую. Твоя.

[Приписка в верхн. части перевернутого л. 1]: Письмо написано сбивчиво, у меня нет твоей гладкости. Ты в чем-то здоровее меня, доказательство — почерк. Еще раз обнимаю. Твоя.

39¹⁹³. В. Н. Бунина — Д. Н. Муромцеву

1934 г. 20 авг.<уста>.

<Грасс, Франция>

Дорогой мой Митюша, ездили мы вчера по приглашению мужа Veroniqu'и смотреть две виллы. В приморском курорте. Осмотрели все внимательно. Одна не для них. Другая же очень хороша, много лучше той, где они живут.

¹⁹³ Печатается по автографу: ОГЛИМТ, РДФ, ф. 14, инв. 3216/37 оф. Место написания установлено по содержанию. На л. 1 пометы Д. Н. Муромцева.

Есть что-то в ней от дачи «под Одессой».., спокойствие, ровность — жить там было бы много легче, хорошая земля, но одно — немного дорого, хотя агент говорит, что можно устроить рассрочку... Но боюсь, что он не согласится, — в нем сильна привычка. А дамам его очень бы хотелось — там и прогулки по ровному месту, и платицы есть, где показать, а, главное, — это не пропащие деньги. Много фруктовых деревьев: три вишневых дерева, то есть, черешни, несколько персиковых, шесть апельсиновых, винограду порядочно, есть и мускат. Много (сравнительно) земли под огород, можно выращивать дыни и арбузы (которыми во Франции кормят свиней), огромная смоковница. Фиги никто не любит, но тенью пользоваться приятно. Дом в отличном состоянии, небольшой, но поместительный, построен был русскими, а потому стены не изуродованы шкапами. Две террасы — одна внизу с жилыми комнатами, а вторая — на втором этаже — открытый балкон с чудным видом на море, на антибский лес... Кухня и газовая, и угольная, центральное отопление, ванна, не шкаф, а целая комната-чулан, из которой можно сделать гардероб. За кухней большое помещение, куда можно поставить все сундуки, чемоданы. Есть и погреб, и курятник, словом, все очень хозяйственно. Я очень уговаривала их «взойти» на эту покупку. Всем, кто был там, очень понравилось. А Леня пришел в восторг от почвы, у него есть настоящая любовь к земле. Но надежды на эту покупку мало, хотя покупатель сказал агенту, чтобы тот написал письмо владельцу.

А потом мы обедали на берегу. Было неэстетично: праздничная публика усеяла весь песок. Ели мы крутые яйца, говяжьи котлеты, свои огурцы и помидоры, виноград, запивая красным вином. Часам к 9 вернулись домой.

Получила от Зои <Евгеньевны Шрейдер> письмо. Наконец-то хорошо написанное. Между прочим, она сообщает, что у нее есть очень хороший доктор, который «делает чудеса»! Вернется она в сентябре. Зная ее характер, я боюсь, что до тебя она доберется к новому году, а потому, если это тебе

улыбается, то возьми инициативу вашего свидания на себя. Она думает, что ты в Тарусе с Ан.<астасией> Ив.<ановой>. Она у приятельницы на Волге. Ей очень нравится. По-видимому, она поправилась, стиль и почерк несравнимы с предыдущими письмами.

Лето совершенно не южное, даже август, самый знойный месяц, оказывается в этом году совсем прохладным. Ян негодует, Галя радуется.

Ты как-то спрашивал, довольна ли я собой? Нет, конечно. Я знаю, что во многих отношениях я очень не совершенна. У меня одно желание: из того, что есть, сделать лучшее. Я знаю одно, я буду до самого последнего вздоха идти вперед. И что я никем бы не хотела быть, как-то привыкла к своей личности, к своей индивидуальности.

21 августа.

Галя стоит, и ей примеривают вечернее платье, длинное, линии получились чудесные, платье идет, кого это она соблазнит в нем в Германии? Цвет платья *bois de rose*, цвет розового дерева, сверху бархатная светло-зеленая кофточка, которую можно снять за обедом, и в театре, и во время танцев, туфли тоже зеленые, они — релье тоже, но, увы, не изумрудные!

Сегодня стирка. А потому я отрываюсь. Мне грустно, что я никак не могу начать серьезно работать, несмотря на 90% гемоглобину, какая-то вялость, лень, и нездоровая лень. В чем дело, не понимаю? Принимала стрихнин, результатов не вижу. Все делаю из-под собственной палки. Желания и воля не координируются, как следует. Будь здоров и бодр. Жду известий.

Ян обнимает. Леня и Галя шлют дружеский привет. Я нежно целую. Твоя.

28 августа 1934 г.
<Грасс, Франция>

Сегодня получила твое письмо, бесценный мой Митюша, очень встревожилась. Бесконечно жаль тебя. Боли, о которых ты пишешь, мне известны. Может быть, и t° от них, то есть повышение температуры? Думаю, что тут нужна не гомеопатия, а хирург или очень хороший терапевт. Мне кажется, если ты будешь, хоть через день, есть немного мяса grillei, то это тебе не повредит. Не вредна ли тебе сметана? Ослаблять организм не нужно. Но все же предварительно посоветуйся с врачом. Кто у Вас специалист по печенке? Боль при камнях отдается под лопатку, это главная мука!

Если ты решишься на операцию, то сообщи хирургу, что у меня желчный пузырь находился под печенкой и что времени потребовалось много, чтобы его удалить. Для моего хирурга это был сюрприз. Делали ли с тебя снимок рентгеном?

Жаль, что Оли¹⁹⁵ нет в Москве, в острых случаях она хороша. Попроси Е.<катерину> П.<авловну> <Пешкову> помочь тебе в отыскании доктора — ведь твой доктор, кажется, больше по нервным болезням?

Прерываю письмо. Звонок, а я одна дома.

Вечер.

Все уехали в Канн. А были гости, пришлось тормозить-ся. Это осевшие на землю люди, дельные. Он из Сосновки¹⁹⁶.

Одно жаль, что не успела кончить тебе письма и отправить его сегодня. Мне надо было еще сходить за пишущей машинкой, которая у меня вчера сломалась.

¹⁹⁴ Печатается по автографу: ОГЛИМТ, РДФ, ф. 14, инв. 3216/38 оф. Место написания установлено по содержанию. На л. 1 пометы Д. Н. Муромцева.

¹⁹⁵ Возможно, Бунина имеет в виду Ольгу Сергеевну Муромцеву, дочь С. А. Муромцева и М. Н. Климентовой. См.: коммент. 131 к п. № 25 (инв. 3216/24 оф.).

¹⁹⁶ Речь идет о Самойловых. См. коммент. 95 к п. № 18 (инв. 3216/17 оф.).

Я не понимаю, о чем ты пишешь, то есть, что имеешь в виду, когда говоришь, что я прибегаю к своему «приему» — писать «не о чём». Совсем «не о чём» я никогда никому не пишу, но, конечно, со многими переписываюсь, не входя в суть вещей, так сказать, касаюсь лишь внешней стороны жизни, но даю ее всегда правильно. Иногда показываю её и тебе, думая, что и это тебе интересно. Есть масса людей, которым это лишь нужно. Папа, например, очень любил описание моих прогулок, поездок, «точно сам там побывал».

Все письма Коли <Николая Алексеевича Пушешникова>, редко хорошо написанные, — все о внешнем, и Ян их очень ценил. Письма, как разговор. Часто люди, пробывшие всю жизнь в приятельстве, говорят лишь о самом незначительном. Галя мне рассказывала ее удивление, что раз она была с Яном в гостях у так называемого друга Яна, из тех, кого ты, вероятно, видал, когда жил с нами на даче, был там и Петр Алекс.<андрович> Н.<илус>, которого ты хорошо помнишь (он, между прочим, женился), и вот все эти три друга после вкусного обеда, кажется, была икра, утка и т.д., о чем же они говорили? Не видались они больше года. И тема их весь вечер была одна — трубки! Значит, дело было не в теме, а в тех флюидах, которые исходили из каждого. Всем было весело, и вечер прошел для них оживленно...

Так и письма. Я принадлежу к тем лицам, которые, когда пишут, представляют своего корреспондента, видят его, стараются понять, что ему интересно, как и в разговоре. Меня всегда интересовал человек как таковой, и я всякого старалась приоткрывать. Откуда и кажется, что я очень терпима, снисходительна. По отношению к тебе я всегда пишу, что думаю.

Иногда письма выходят более содержательными, иногда менее, но я с тобою никогда не прячусь за слова. Иногда я пишу именно в надежде, что ты поймешь, не желая оставлять следов на бумаге, особенно, если это касается других лиц. Если бы собрать мои письма, то диапазон их был бы очень большой. Есть лица, с которыми я переписываюсь

лишь на отвлеченные темы, с другими — на домашние, с третьими — на литературные, одному моему приятелю я всякий раз сообщаю свои впечатления — нечто вроде рецензии — об очередной книжке журнала, о книгах, которые я прочла, с некоторыми просто сплетничаю, словом, повторяю, выработанного одного приема у меня нет. (Один мне всегда описывает свои прежние романы, вспоминая старое). А есть вот что: я не всегда пишу всё. Большинству лишь часть из того, что нас касается, многим, правда, сообщаю только внешнюю сторону нашей жизни, небольшому числу — касаюсь умственных интересов, совсем немногим — касаюсь духовной жизни, а, кажется, одному-двум-трем пишу и о духовной, самой интимной стороне своей жизни, но всем одинаково правдиво и просто. Человек от другого берет то, что, прежде всего, желает взять.

[На этом текст заканчивается, подписи нет. Возможно, продолжение письма утеряно].

[Приписка в верхн. части перевернутого л. 1]: Меня все время отрывали, а потому письмо бестолково, не суди строго. Нежно обнимаю. Все кланяются. Ян целует.

41¹⁹⁷. В. Н. Бунина — Д. Н. Муромцеву

29 августа <1934 г.>.

<Грасс, Франция>

Перечитала то, что написала вчера, дорогой мой. Могу добавить, что иногда пишешь незначительное письмо потому, что хочется, хотя бы письменно пообщаться с данным лицом, а обсуждать что-нибудь серьезно, затрагивать очень важные темы нет настроения, вот и пишешь, так сказать, «не о чем», но порой в этих «не о чем» заключается немало. Умей

¹⁹⁷ Печатается по автографу: ОГЛМТ, РДФ, ф. 14, инв. 3216/39 оф. Год и место написания установлены по содержанию. На л. 1 пометы Д. Н. Муромцева.

только читать. Ведь и разговоры такие бывают, и в них есть своя прелесть! «Гутарить»...

Когда же дело идет о серьезном, то я, по возможности, стараюсь все взвесить и обдумать — так было в вопросе о Кирочке <Всеволодовне Муромцевой>.

Ведь наше недоразумение вышло от того, что я не придавала важности нашей *belle-soeur*¹⁹⁸ [невестке], упустив по нездоровью некоторые твои угрозы относительно нее. Кроме того, я к ней отношусь безразличнее, чем ты, а потому и снисходительнее. Очень рада, что ты мне набросал, что ей написать относительно А.<ндрея> Г.<еоргиевича> <Гусакова>. К слову сказать, я очень редко делала ей комплименты, а по отношению А.<ндрея> Г.<еоргиевича> — никогда.

О равнодушии не хуже тебя знаю, особенно если оно касается кармана. Люди легко дают лишь советы.

Мы с тобой, действительно, очень похожи. И я уверена, что, если бы мы жили вместе, мы на все почти смотрели бы одинаково, во всяком случае, на самые важные вопросы.

Еще раз повторяю, что я в людях вижу и хорошее, и дурное. Но порой к дурному могу относиться очень снисходительно, и это не от папы, папа к дурному относился резко, если он это дурное замечал. У меня есть, не знаю от кого, некоторое любопытство, может быть, неразвившийся беллетрист сидит во мне — «я люблю смотреть!» И это было до Яна. Просмотри всех моих подруг, неужели ты думаешь, я не знала им цены, а «водилась» же я с ними, тратила на них время. Тут, вероятно, мы с тобой расходимся. Я могу проводить время с очень аморальным и глупым человеком, видя, в то же время, его хорошие черты. Например, я просиживала с Глебom, братом Тамары. И во мне было два чувства: жалость к его одиночеству и интерес к его и цинизму, и к той полурабочей, полуромантической жизни, которую он всегда ведет. Если бы я писала рассказы, я написала бы его, он на редкость, до странного бесстыдства оголяет себя и дает возможность через себя понять многие черты других людей. Когда-нибудь,

¹⁹⁸ См. коммент. 32 к п. № 6 (инв. 3216/5 оф.).

если тебе интересно, я напишу о нем подробно. Думал ли ты об этом свойстве моей души?

Ты пишешь, мне тоже приходило в голову, что М.Ф.¹⁹⁹. в случае одиночества вспомнит о Кире <Всеволодовне Муромцевой>...

После последнего письма, мне кажется, что у Киры обычная история — то война, то мир с родными, и тут никто не разберет. Конечно, всегда хорошо, когда более сильная сторона знает, что есть кто-то, кто заступится за более слабую.

Я думаю, что учиться Кире не нужно больше, разве что-нибудь изучить не очень трудное, прикладное, ей утомляться при ее наследственности не очень хорошо, а замуж — совсем плохо. Подумай, какие могут быть дети!

Насчет ласки и ругани ты не понял: я, конечно, признаю и то, что можно вместить между ними, эластичности у меня порядочно. Вообще, я тебе пишу письма, а не трактаты, а потому нельзя понимать все буквально — в слове ласка заключается очень много, а лучше всего — спокойствие. Им многое можно добиться. Нам с Галей очень нравится, что ты следишь за собой, стараешься заниматься собой, прилично одеваться, продолжай и дальше так.

Хотим все прочесть «Шагреневую кожу»²⁰⁰ — я не читала.

Я прочла Яну твой отзыв о Ход.<асевиче>²⁰¹, он нашел его очень верным. Его и я знала, была раз часов в 5 утра на его квартире после ужина у «Медведя». Пили чай, был там и Леонид²⁰² <Леонид Николаевич Андреев> в бархатной куртке и еще кто-то, лица у всех бледные с синяками, в окнах начинался рассвет.

Он хорошо играл на рояле какие-то романсы, закидывая голову назад. Кажется, видела я его и в Одессе у художников.

Относительно «ух, я его разделал» — не беспокойся — во мне порой просыпается мама!

¹⁹⁹ См.: коммент. 32 к п. № 6 (инв. 3216/5 оф.).

²⁰⁰ «Шагреневая кожа» — роман Оноре де Бальзака. Полностью «Шагреневая кожа» опубликована в августе 1831 года.

²⁰¹ Ходасевич Владислав Фелицианович (1886–1939), поэт, переводчик, литературный критик, мемуарист, историк. Покинул СССР в 1922 г.

²⁰² Андреев Леонид Николаевич (1871–1919), писатель.

«И что я ему такое сказала, не понимаю, за что обиделся...». Правда, я с этим борюсь, так как помню, что и себе, и другим мама портила этим нервы, здоровье, но все же иной раз вырываюсь. Вообще, Ян меня иной раз ласково называет «буйанкой»... Из этого ты можешь заключить кое-что.

Ты прав, что много людей не способны ценить «прекрасное», и прав, что и не нужно лезть к ним с этим «прекрасным». Но все-таки оно существует и дает некоторым радость и смысл жизни.

Насчет гимнастики, дорогой мой, следует врача спросить. У меня было раз тоже 3 припадка в один день! Во время припадков лучше и каши не есть, а лишь суп из овощей и кофе с молоком, но все же нужен врач. Я принимала внутрь пантопон при припадках, это лучше морфия, жаль, что очень дорого пересылать лекарства, жаль, что ты не врач.

Напиши мне о здоровье. Если будет операция, то заготовь несколько открыток и присылай мне ежедневно — ты будешь не в состоянии, попроси сестру милосердия, чтобы сообщала t° , пульс и все, как идет дело. Ты можешь сам их заготовить, только нужно проставлять цифры и число, когда послать открытку, иначе я буду очень беспокоиться. Операцию лучше делать, когда нет температуры, легче все заживает. У меня послеоперационный период прошел великолепно, даже паралич руки не очень меня огорчал.

Напиши Е.<катерине> П.<авловне> <Пешковой> — она поможет тебе, я уверена, с большой радостью, она ведь настоящий человек.

А.<настасия> К.<арловна> <Бунина> с М.Ф. похожи: А.<настасия> К.<арловна> была очень спокойная с большим характером, скупая, очень себе на уме, неискренняя, живя у нас, доносила Яну обо мне, а мне ругала всю их семью, также обе сентиментальны, как это порой бывает у жестоких людей. Вздорной А.<настасия> К.<арловна> не была. И Е.<вгений> Ал.<ексеевич> <Бунин> боялся ее. Но, конечно, в других отношениях они разные. Твоя характеристика М.Ф. напомнила мне А.<настасию> К.<арловну>. Что ты понимаешь и знаешь людей, я в этом не сомневаюсь, мы и в юные годы умели верно их судить.

Ты спрашиваешь: «почему молодые люди так рассчитывают на Яна?» Те условия, в которых мы живем — ненормальны, и с этим нужно считаться. Муж Veroniqu'и даже теперь не может вполне жить на заработок, так что же могут зарабатывать, живя в глуши, другие?!?!?

Нам жить одним невозможно. И с нами будут лишь те, кто не может жить на свои средства, если не станет почти чернорабочим. Леня им был. Ян выписал его из Риги, восхитившись его произведениями, правда, на 2 месяца, а он скоро пять лет, как делит нашу жизнь. Работал он и маляром, и с водолазом, и репетитором, 18 профессий перепробовал. Из дому ушел 16 лет. Был богатый. За жизнь у нас у него обнаружилось начало туберкулеза,— они с Галей оба имели плеврит, значит, всегда под угрозой. Кроме того, у Лени под угрозой печень. Он уже один раз проделал сильное лечение. Он хотел в этом году уехать от нас, но Ян не отпустил. Значит, он должен помочь ему жить.

Леня серьезный человек, и это ему не во вред. Он много работает. Но теперь все, кто гостит у нас, нам стоят. Ян Пэке все время дает. Оплатил он aller-retour [проезд туда и обратно — франц.] Верочки. У многих дела очень плохи, ненормальность всегда скажется. Нам тоже помогали в свое время. Целую нежно. Нужно кончать. Твоя.

42²⁰³. В. Н. Бунина — Д. Н. Муромцеву

1 сентября 1934 года.
<Грасс, Франция>

Дорогой мой Митюша, четвертый день нет от тебя вестей, и мне как-то беспокоино. Не знаю, что решили твои врачи. Надеюсь, что ты посоветовался с каким-нибудь профессором по печеночным делам. Если тебе самому трудно или нет охоты писать, то попроси кого-нибудь из приятелей

²⁰³ Печатается по автографу: ОГЛИМТ, РДФ, ф. 14, инв. 3216/40 оф. Место написания установлено по содержанию. На л. 1 пометы Д. Н. Муромцева.

или приятельниц мне сообщить о твоём здоровье. Я не позволяю себе зря беспокоиться, но очень хочу знать действительное состояние твоего здоровья.

Дома у нас не очень весело. Ян чувствует себя беспокойно. Вероятно, уедем в Париж. Он не работает, а без работы здесь очень тяжело ему — скучно.

Галя в начале октября надеется уехать месяца на два-на три в Геттинген к Марге.

Мне в Париж не хочется, будет очень трудно, хотя, конечно, получу интересные впечатления. Париж я люблю. Но весь вопрос в том, удастся ли мне освободить себя, довести до минимума «свидания с друзьями», буду изворачиваться.

Решила всем объявить, что доктора запретили мне общество, суету и т.д. Буду стараться свободное время от дел отдавать Парижу. Без Гали мне легче кое-что делать самой, тогда останутся лишние деньги на удовольствие. Она всегда кричит, что я не должна ничего делать, а наемный труд очень дорог, и если самой не ходить на базар, то масса франков уйдет не на нас. А я люблю по утрам в Париже бывать на рынке. Колоритно, красиво. А когда она вернется, то жизнь уже будет налажена.

Ты знаешь, у меня обнаружили способности к кулинарии, Ян очень любит, когда я готовлю, но мне как-то всегда было жаль тратить время на кухню, может быть, теперь я стала мудрее, чем была семь лет тому назад. Убирать комнаты, подметать мне труднее. Стирать тоже могу и даже с удовольствием, а гладить не люблю и глажу плохо, а Галя обратно.

Виделся ли ты с Зоей <Зоей Евгеньевной Шрейдер>, что это за доктор у нее?

Вчера у нас обедала семья товарища дяди Коли. Их надул гаражист, не прислал машины. Они торопились, и он еле доплелся до нас, Леня его довел — пришлось давать ландышевые капли и уложить его минут на десять на диван. Ему ведь уже 78 лет и 6 месяцев! А еще очень бодрый, больше 70-ти не дашь. Изящный человек, почти всю жизнь (по службе) прожил за границей. Но все же обед прошел оживленно, потом

были танцы. Американец оказался очень веселым человеком, показывал, как танцуют негры...

Сегодня в три часа у меня свидание в Канне с дочерью²⁰⁴ Лидии Абрамовны <Каминской>. Она милая молодая дама. Служит в одном журнале. Она художница и что-то там подбирает, иллюстрации. Зарабатывает хорошо. Приехала на берег моря одна и скучает. Галя у нее уже была, а я еще нет. Холодно так, что о купании и думать не надо. Подумай, в Крыму в это время только что начинался осенний сезон!

Ты, может быть, опять будешь недоволен моим письмом, столь обывательским, но что поделаешь, голова не настраивается на серьезные мысли, а послать тебе хочется восточку.

Сейчас звонок. Погода пугает. Решили, что она приедет к нам в понедельник.

Сейчас три часа. Ян перебирает сундуки — любимое занятие. Весь городок в тумане, осень, осень, да еще какая! Будь как можно спокойнее — для печени это самое главное.

Ян тебя крепко целует.

Леня и Галя шлют сердечный привет. Пэка где-то рыскает. Беспутный малый!

Как я хорошо понимаю твоё состояние, например, боязнь есть. Но это пройдет. Целую тебя со всей нежностью. Твоя.

[Приписка в верхней части л. 1]: Что бы я ни делала, чем бы ни была занята, думаю всегда о тебе. В.

43²⁰⁵. В. Н. Бунина — Д. Н. Муромцеву

4 сентября 1934 года

10 ч. <асов> утра.

<Грасс, Франция>

Только что прочла от тебя письмо, дорогой Митюша, спасибо, что, несмотря на слабость, пишешь. Я эти дни очень

²⁰⁴ Лидова Ирина Сергеевна (1907–2002) — балерина, в дальнейшем известная балетная журналистка.

²⁰⁵ Печатается по автографу: ОГЛМТ, РДФ, ф. 14, инв. 3216/41 оф. Место написания установлено по содержанию. На л. 1 пометы Д. Н. Муромцева.

беспокоилась. Меня после припадков печени тоже очень всегда свертывало. Ты ничего не пишешь о том, что сказал доктор. Нужно обратиться к хорошему терапевту и хирургу, и пусть они решат. Попроси Е.<катерину> П.<авловну> <Пешкову> помочь тебе в этом. Ты не ответил: снимали ли тебя рентгеном?

Сегодня отсылаю деньги в Париж для [1 слово нрзб] тебе и 50 фр.<анков> для Киры <Всеволодовны Муромцевой> через тебя — больше, при всех стараниях, не удалось... У нас сейчас самое глухое время — никаких поступлений не было уже два месяца. Поступи, как хочешь или пошли ей теперь 50 фр.<анков>, или в октябре 100 фр.<анков>.

А.<ндрею> Г.<еоргиевичу> <Гусакову> при случае скажи, что я ему послала, как обычно, 100 фр.<анков> через М.Ф.²⁰⁶, я напишу ему, но всегда может пропасть письмо. М.Ф. написала об этом, написала и то, что ты советовал относительно А.<ндрея> Г.<еоргиевича>. Теперь жду ответа. Она не пишет мне — последнее письмо было в июне. А.<ндрей> Г.<еоргиевич> тоже мне не писал. Я не знаю, как я тебе писала, получили ли они деньги, посланные в июле?

Насчет чертежницы я не знаю? Нужно ли для этого особые способности? Папа, кажется, чертил. Нужна аккуратность. Кира пишет, что она умеет шить, это хороший показатель. А если бы это ей было по силам, то я <бы> приветствовала — это занятие механическое, не требующее большой затраты умственных сил, — ведь чертежники исполняют уже готовые проекты.

У Гали сводная сестра чертежница, но она способная вообще, кроме того, отец Гали отлично чертит. «Нужна идеальная чистота и аккуратность», — сейчас сказала Галя.

Не разобрала одной твоей фразы: «Не нравится мне эта... (три слова), а потому и писать об этом не буду». Одно слово разобрала: «затея» — с чем? Тут прошел клей и надорвался листок.

Третий день стоит прелестная погода, а то было ужасно: дождь, ветер, холод. Вчера мы с Галей ездили в Канн по женским делам. Купаться не стали, после дождей песок мог быть

²⁰⁶ См. коммент. 32 к п. № 6 (инв. 3216/5 оф).

и сыроват, поэтому оделись в лучшие платья — ты был бы доволен: у Гали густо голубой фон с белым рисунком, очень славненькое платье, у меня белое с черными кружками — оба из искусственного шелка, шляпы у Гали с большими полями, а у меня с маленькими, башмаки белые (то есть туфли). Зашли в шикарное кафэ, и оказалось, что цены там очень низкие, и мы съели мороженого, необыкновенно вкусного, земляничного, порция стоит 3 фр.<анка>! Цены везде упали. Было очень приятно сидеть, смотреть на синеву моря, на очертания Эстереля — горы, замыкающие Каннский залив. Мы немного отвлеклись. Вспоминали Маню <Марию Сергеевну Брюан>. Она меня угощала частенько в таких кофейнях. Говорили и о тебе, ты подошел бы своим летним видом к нам... Но большинство было в полуголом состоянии. Чуть ли не до начала ног штанишки, голые спины, бока, подложечка!!!

Поблагодаря Киру за открытку — цирк отличный.

Любишь ли ты цирк? Я не очень.

Ян последние дни все потратил на уборку. Перевернул все вверх дном. Он что-то спит плохо. Он [предложение не закончено].

Кажется, мы решили взять квартиру на год в Париже, чтобы там проводить несколько месяцев. Наше уединение становится неспособно ни Яну, ни Гале. Да и правда, здесь хорошо работать, а без работы очень скучно. А у нас работает по-настоящему один Леня и на огороде, и за письменным столом. А Ян все не усядется. Не спокоен. Прибавилось много новых забот. Время неустойчивое.

Вернулся после десятидневного отсутствия Пэка. Последние три ночи спал в палатке у моря. Было страшно холодно. Как раз в одну из ночей в горах пал снег!

Меня очень радует, что ты на свои хорошие поступки смотришь, как на должное. Но все же скажу тебе: и порядочным человек<ом> порой остаться — большое геройство.

Галя просит тебя поцеловать.

Ян обнимает. Леня шлет привет и совет есть на ночь чеснока. Спроси врача. Все очень огорчены твоим нездоровьем. Целую тебя со всей нежностью, бесценный мой. Твоя.

Письмо 44²⁰⁷. В. Н. Бунина — Д. Н. Муромцеву

23 авг.

6 сентября 1934 г.

29 авг.

10 ч.<асов> 30 мин.<ут> утра

<Грасс, Франция>

Драгоценный Митюша, только что написала поздравительное письмо одной Наталье, и решила и тебе настукать, думаю, что лишнее письмо тебя немного развлечет, хотя, по правде сказать, ничего интересного сообщить не могу, так как последние два дня сидела дома.

Прочла изложение первого тома Горького²⁰⁸. Советую тебе достать и прочесть его. Там тоже говорится о «пестроте» людей, почти теми же словами, которыми я тебе писала, и с той же ссылкой на наших писателей. Я думаю, что Е.<катерина> П.<авловна> <Пешкова> может достать тебе эту книгу на прочтение.

Ян все собирается в Париж, но все откладывает. Хочет нанять квартиру, об этом я уже тебе писала в предыдущем письме. Писала и то, что мне это и хочется, и не хочется.

О тебе думаю неотступно. Почему ты ничего не написал мне, к какому доктору ты обращался? Советую еще раз поговорить с хирургом. Операцию лучше делать, когда нет припадков, когда нет воспаления, тогда можно сразу зашить, и меньше страданий после нее. У Мани²⁰⁹, Надиной сестры, тоже была эта болезнь, но у нее послеоперационный период не был таким легким, как у меня. Она перенесла операцию героически, без общего наркоза, боль была сильная. Кажется, ей, как хирургу, было интересно самой как бы присутствовать при своей операции. Я наркоз перенесла довольно хорошо. Сильные боли были только дня три, кроме того, они были двойные, так как мне одновременно делали две опера-

²⁰⁷ Печатается по автографу: ОГЛИМТ, РДФ, ф. 14, инв. 3216/43 оф. Место написания установлено по содержанию. На л. 1 пометы Д. Н. Муромцева.

²⁰⁸ Возможно, речь идет о Собрании сочинений М. Горького в 11 т. М.-Л., Гослитиздат, 1933.

²⁰⁹ См.: коммент. 87 к п. № 15 (инв. 3216/14 оф.) и коммент. 187 к п. № 37 (инв. 3216/35 оф.).

ции: желчный пузырь и аппендикс. На операцию я шла спокойно, хирург был очень доволен моим пульсом, я допускала всякий исход. Говорят, что когда пациент спокоен, то операция проходит много удачнее, чем когда волнуется.

Одна моя приятельница написала, что видела фотографию Елены Дмитриевны <Орешниковой> в гробу, и стало жутко, так похожа на мать Верочка, так она постарела, Им очень трудно материально. Муж зарабатывает пустяки. Верочка все делает сама, самую черную работу, да еще немного зарабатывает тем, что ухаживает за одним больным, которого разбил паралич. Она бывает ежедневно у него на несколько часов. А душой она еще очень молода, только сдерживает себя больше, чем раньше, а то все такая же веселая, также смешит, представляет всех в лицах.

Писала ли я тебе, что младшая дочь Вавки²¹⁰, Таня забыла свой язык, очень жаль, что бабушка им дает исключительно французское воспитание, если бы Маня <Мария Сергеевна Брюан> была жива, этого <бы> не случилось. Оля очень серьезная и отлично учится. Таня, кажется, талантливая, но с ленцой. Если будем жить в Париже, то я их обязательно поведу. Им очень хорошо, так как о них, кроме бабушки <Марии Николаевны Муромцевой-Климентовой>, заботятся какие-то бездетные французы. Ох, и ловкая же она женщина! Еще бодрa, дает уроки, везде бывает, а ведь ей под восемьдесят. Смерть Мани она пережила очень тяжело. Кажется, она ее любила, а к внукам особенно нежных чувств не питает, так мне и писала: «это долг».

Прости, что написала тебе опять неинтересное письмо, но я сама себе так неинтересна, что трудно выдавить что-нибудь особенно интересное, а все-таки хочется тебе послать что-нибудь. Странное чувство, когда я пошлю тебе письмо, я немного успокаиваюсь, точно с тобой поговорила.

Был ли доктор у А.<ндрея> Г.<еоргиевича> <Гусакова> и что сказал? Сейчас буду настукивать и ему письмо, благо

²¹⁰ Об участии М. Н. Муромцевой-Климентовой в судьбе внуков Ольги и Татьяны см.: коммент. 127 к п. № 24 (инв. 3216/23 оф.).

машинка на столе. Мне теперь легче писать на машинке, чем пером. Я могу писать, не смотря на клавиши, и всеми пальцами. Это достижение последнего времени. Вот, век живи, век учись и чему-то научишься. Нужно только не бояться долго повторять азы. Мне кажется, если бы Кира <Всеволодовна Муромцева> попала в мои руки, я что-нибудь из нее сделала бы. Самое плохое, что люди стыдятся того, что сразу не могут постичь азов и бросают, принимают за другое. А зачастую для некоторых натур азы — самое трудное. И, преодолев их, могут кое-чему научиться.

Все тебя целуют. Я обнимаю со всей нежностью. Твоя

45²¹¹. В. Н. Бунина — Д. Н. Муромцеву

29 августа

4 сентября

11 сентября

1934 года.

<Грасс, Франция>

Дорогой мой, милый Митюша, прежде всего спасибо, что не оставляешь меня без вестей. Тон последнего твоего письма благоприятен. Впрочем, после припадков всегда наступают облегчение.

На днях я прочла в газетах, что на врачебном съезде пришли к заключению, что мясо не вредит склерозу. Поговори с врачом, может быть, жареное без масла или вареное, постное мясо тебе было бы и полезно, ведь вегетарианская пища, если она не жирная, то она мало питательная, а ты ослабел. Мне разрешали. Нужно только очень хорошо прожаривать. Один врач мне говорил, что иногда даже не совсем полезная пища хорошо отзывается на выделении желчи, а ведь это главное в твоём случае, сделать все, чтобы желчь выделялась в нормальном количестве, тогда и камни не могут образовываться, не из чего. Мне кажется сметана вреднее, чем кусочек

²¹¹ Печатается по автографу: ОГЛИМТ, РДФ, ф. 14, инв. 3216/42 оф. Место написания установлено по содержанию. На л. 1 пометы Д. Н. Муромцева.

мяса. Впрочем, обо всем поговори с умным врачом, специалистом по печени. Теперь, если ты решишься на операцию, то советую приготовить кишки: последнюю неделю перед ней ешь больше молочной пищи, ибо молоко дает меньше всего калу, это мне посоветовал один ученый биолог и, может быть, мой легкий послеоперационный период и прошел от этого так удачно. Постарайся перед операцией не волноваться, а то я за это сильно расплатилась. Проведи, насколько возможно, последнюю неделю приятно, пусть не утомляют только тебя люди, но постарайся и не быть все время одному.

Я очень рада, что ты стал общаться с Юл.<ией> М.<ои-сеевой>. Я даже сразу успокоилась. Она человек энергичный, умный, и мне кажется, если захочет, то лучше всех может тебе помочь в серьезном. Передай ей от меня привет и скажи, что я очень надеюсь на нее. В таких случаях очень хорошо иметь человека с ясным умом и твердой волей. Она и с врачами сумеет поговорить, и придумает, чем тебя кормить, даст совет Анне Гавриловне. Конечно, я не знаю, есть ли у нее время на это, но раз она сетовала, что ты к ней не обратился, значит, она хочет помочь. Скажи ей, что я с приятным чувством вспоминаю наши последние встречи. Далеко ли от тебя она живет?

Что ты теперь читаешь?

Очень рада, что А.<ндрею> Г.<еоргиевичу> <Гусакову> лучше. Я получила письмо от М.Ф.²¹². Между прочим, она пишет, что О. Ал. ей сказал, чтобы она не бросала А.<ндрея> Г.<еоргиевича> то есть не брала места, пока он жив. Ей уже предлагали и под Москвой, и в Крыму, да и Саша сказал: «Я о тебе думал, хочу взять тебя в свой Институт»... Но он советует ей раньше поправиться. [Несколько строк вымарано].

До декабря она получает пенсию, а потому до декабря, во всяком случае, А.<ндрея> Г.<еоргиевича> она не оставит. Она пишет, что А.<ндрей> Г.<еоргиевич> стал после болезни относиться к ней лучше, что доктора ей советовали хоть на месяц уехать в деревню, но она пожалела А.<ндрея> Г.<еоргиевича> и только отлучалась дня на четыре. Меня это не-

²¹² См.: коммент 32 к п. № 6 (инв. 3216/5 оф.).

много успокоило. До декабря осталось два с половиной месяца. О будущем не загадываю, хоть это время можно о них меньше беспокоиться. Не беспокойся и ты. Помни о здоровом эгоизме. Это сейчас для тебя самое главное.

Жить тебе надо тихо, но с посильными развлечениями, пусть друзья твои об этом позаботятся, даже вернее не с развлечениями, а с отвлечениями: «не задумывайся, не залеживайся» говорит один мещанин в одном романе... Печень больше, чем какой орган, больше нерв подвержен влиянию хорошего или дурного настроения [так в тексте], от этого она и дает столько страданий. Мне кажется, что диета диетой, но настроение тоже очень важно.

Я чувствую себя еще лучше. Наконец, организм перестал саботировать, и я эти дни нездорова, потому и не пишу пером. [Несколько строк густо вымарано]. Надеюсь, что дня через два начну и работать. Ты не можешь представить, как меня огорчает невозможность интенсивно работать. Условия, по крайней мере, внешние — идеальные. Сиди, пиши, читай. И это оказывается невозможным. Главный мой недостаток — это падение воли или, вернее, невозможность ничего делать, невозможность сосредотачиваться, мне кажется, что тут дело во внутренних секрциях, то есть какие-то железы неправильно работают и не посылают гормонов куда следует. Надеюсь, что я преодолею это. Сейчас физическое состояние у меня такое, какого не было, кажется, никогда. Правда, в доме не очень покойно. Есть деловые неприятности. Неустройство жизни. Все недовольны, но никто не хочет, строго говоря, сделать что-нибудь для других. Все смотрят не вовнутрь себя, а ищут помощи извне, а редко ее там находят.

На днях Ян по делам едет в Париж. Был, как я тебе писала, проект снять квартиру, но, кажется, этого не будет. Дорого. Может, и к лучшему, ведь Париж тоже во многих отношениях очень не сладок, да и собьешься с работы. Боюсь одного: если Ян не будет работать, то ему в уменьшенной нашей семье будет скучно, а приглашать опять кого-нибудь к нам тоже не очень приятно, я очень утомилась от гостей, он всегда

<ищет?> нового человека, а они у нас не переводятся с апреля месяца. Но не живи, как хочется²¹³..., я давно это знаю.

Погода продолжает стоять хорошая. Сегодня с утра было хмуро, и я испугалась, что белье не высохнет, но разгулялось, и я уже немного полоскала и развешивала цветные платья, рубашки.

12 сентября 1934 г.

Кончаю письмо сегодня, вчера было некогда. Сначала белье, потом отдых после завтрака, а затем Ян позвал машину и мы поехали за десять километров к знакомым, Сосновцу²¹⁴, где пили собственную шипучку, ели из его виноградника виноград и с его гряд арбуз. Сидели на открытом балконе и вспоминали Крым, винные подвалы. Хозяин, человек бывалый, везде был. Я вспомнила наши пробы в гурзуфских подвалах, хозяин рассказал о Голицинских, у которого они были длинней на три версты, Пэка сообщил о рейнских, которые тоже имеют в длину три километра, словом, все оказались знатоками и пьяницами... Сегодня у всех нас тяжелая голова была с утра. Сейчас прошло.

Сегодня хочу съездить в Канн, немного проветриться, я больше недели никуда, если не считать вчерашней поездки, не выезжала, а дни на редкость хорошие. Хочется к морю, да и есть маленькие дела, хозяйственные покупки.

С Яном, вероятно, уезжает и Пэка, у которого нет денег на выезд, а Ян, как ты знаешь, не любит ездить один, я и уговариваю его взять. Кажется, клюнет. Пэка в восторге, что вышел из тяжелого положения. Он у нас на роли беспутного племянника. Типик, но предан нам. За девять лет семь раз приезжал, жилал и по пол году. Я частенько по-маминому его ругаю. Иногда довожу его до каления, а потом — ничего. Уж очень он любит всякие удовольствия, способен очень, но не серьезен, кроме того, заработок несправедливо мал. Да, тут очень тяжелые условия работы.

²¹³ Вольное переложение пословицы «Живи не так как хочется, а как Бог велит».

²¹⁴ Самойлов Федор Яковлевич.

Пока кончаю. Все тебя целуют. Обнимаю тебя со всей нежностью, золотой мой. Привет дамам твоим и друзьям. Кланяйся Анне Гавриловне.

Твоя

46²¹⁵. В. Н. Бунина — Д. Н. Муромцеву

4 сент.

7 сент.

20 сентября 1934 г.

<Грасс, Франция>

Не писала тебе давно, дорогой мой Митюша, потому что целую неделю уезжал в Париж Ян. Картину этих дней ты легко можешь представить, если вспомнишь, что бывало в комнатах некоторых жильцов в Столовом: раскрытые сундуки, корзины, чемоданы, растворенные дверки шкапов. Всегда нужно ему переворачивать весь дом вверх дном, даже когда он уезжает на короткий срок. Сундук с нашими с Галей теплыми вещами я отстояла — он и его хотел пересмотреть. Уехал он с Пэкой 16-го в воскресенье. Пэке повезло. Билеты были хотя и III-ьего класса, но спальные. А здешний спальный вагон III-ьего класса — это *si-devant* [бывший] интернациональный вагон, только вместо двух мест — три. Ян, поговоривши по душам с кондукторами, остался вдвоем с Пэкой. Ели курицу, яйца, колбасу, ветчину, груши, пили вино, кофе, словом, веселились...

В вагоне ресторане пили только чай и пиво. Пэка впервые ехал здесь с такими удобствами, и Ян написал, что «он трясся от счастья».

А у меня, как нарочно, началась светская жизнь. Одно свидание с Катериной Михайловной <Лопатиной> — в Каннах посидели, «погутарили». Мы с ней большие друзья. Ей уже семидесятый год! А ещё бодра и полна всяких надежд, жизнь трудная, но высокого строя. Ее любила тоже Маня <Мария Сергеевна Брюан>. Они очень подружились, ког-

²¹⁵ Печатается по автографу: ОГЛИМТ, РДФ, ф. 14, инв. 3216/44 оф. Место написания установлено по содержанию. На л. 1 пометы Д. Н. Муромцева.

да жили у нас десять лет тому назад. Вели они разговоры на любовно-психологические темы. С К.<атериной> М.<и-хайловой> говорить очень приятно — можно касаться всего, перемешивать серьезный разговор с пустяками, хорошо она отзывается на смешное, уверяет, что у меня очень много юмора. Действительно, с нею он у меня обнаруживается, и мы подчас с ней много хохочем. На следующий день опять в Канны на свидание с одной давнишней моей знакомой времен [1 слово нрзб], ты не знаешь ее, Зоя <Евгеньевна Шрейдер> знает, она по делам у них бывала, когда Жене²¹⁶ был год, очень была красива, смела. Пережила много. Имеет третьего мужа. Посидели, поболтали. Она теперь принимается за новое ремесло — будет красить волосы... Вот бы Зое этому научиться, говорят, это кистями теперь красят.

А вчера вечером гости — племянница дяди Миши с мужем и отцом²¹⁷, очень известным врачом-невропатологом. Я его спрашивала о твоих болезнях. Прежде всего, о трэме²¹⁸. Отчего он бывает? «Это — от заболевания какого-нибудь внутреннего органа, желудка, аппендикса или еще какого-другого». «У него печень не в порядке, — сказала я. — Так, вероятно, от этого». Меня это ободрило. Конечно, нужно обращаться только к лучшим врачам, особенно к хирургу, лучше подождать.

Я тоже читаю Роллана Микель-Анджело²¹⁹, Много интересного, но он все же каждого на свой салтык переделывает.

Фраза Гёте замечательная. Мне кажется, дядя Сережа <Сергей Андреевич Муромцев> был когда-то очень чувствительным, и он сильно страдал от своей брони.

Я тебя вовсе не так часто отсылаю к Е.<катерине> П.<авловне> <Пешковой>. Но в серьезных случаях нужно к ней обращаться. Она, я уверена, сделает все с удовольствием. На том стоит. Кроме того, пока не появилась у тебя Ю.<лия> М.<ои-

²¹⁶ Женя — сын З. Е. Шрейдер.

²¹⁷ Речь идет о Кугушевых Александре Александровиче и Анне Михайловне; о Лапинском Михаиле Никитиче.

²¹⁸ Трemor — этот медицинский термин, обозначающий дрожь в различных частях тела.

²¹⁹ Роллан Р. Жизнь Микеланджело. 1903 г.

сеева>, я не видела ни одного человека, способного серьезно заняться твоим здоровьем. Кроме того, помни, что мои слова, ведь, даже не советы, а лишь предположения. Одно скажу, насколько я знаю Е.<катерину> П.<авловну>, если дело серьезное, то о «тягости» не может быть и мысли. Еще обидится, что обошел ее. Она в горе, а в горе человек добрее.

Радует меня, что ты хочешь «уметь терпеть», — это уже много, большая победа над собой.

От Яна открытка. Пишет, что квартира дорога. Относительно зимы еще неизвестно. Пока известно, что Галя уезжает в начале октября до Нового года в Германию. Мне хотелось бы в октябре и ноябре прожить здесь, чтобы Ян мог работать начать, а то дело будет плохое.

«Звонок» был по телефону, говорила <Ирина Сергеевна Лидова> дочь Лидии Абрамовны <Каминской>. Выше я писала, что ждала ее в этот день к нам, из-за дождя она не приехала.

Писем Кирочки <Всеволодовны Муромцевой> ты не прислал.

Галя целует в височек. Леня шлет привет. Я обнимаю нежно. Твоя.

47²²⁰. В. Н. Бунина — Д. Н. Муромцеву

15 сентября
19

1934 г. 27 сен.
<Грасс, Франция>

Дорогой мой, милый Митюша, я рада, что ты попал к серьезному терапевту, только он должен не забывать о твоей [слово зачеркнуто] болезни проконсультировать со специалистом. Помнишь, я писала тебе о том, что говорил мой врач.

Что такое диатермия? И как происходит эта процедура?

Ю.<лию> М.<оисееву> я почти не знаю. Мнение о ней я составила по твоим словам. Может быть, в те времена ты знал ее не до конца, а, может быть, я что-нибудь спутала.

²²⁰ Печатается по автографу: ОГЛИМТ, РДФ, ф. 14, инв. 3216/45 оф. Место написания установлено по содержанию. На л. 1 пометы Д. Н. Муромцева.

Ведь это было давно, сколько лет и людей за эти годы промелькнули передо мной.

Относительно моей щедрости не беспокойся, прежде всего, потому что у меня самой очень мало того, чем можно быть щедрой. Дела идут очень плохо. А характеры ты знаешь — люди меняются в основных своих чертах очень редко.

А.<ндрею> Г.<еоргиевичу> <Гусакову> я урываю от себя, ты ему об этом не говори. Я считаю себя перед ним в долгу. Он в свое время много тратил на меня. Кроме того, я и ему ничего не обещала. Посылаю и реже, чем раз в месяц, раз в шесть недель, а с зимы, вероятно, и этого не будет. [Несколько строк густо вымарано].

Ян вернулся из Парижа, квартиры не снял по той же причине, как и виллу не может найти: что нравится, то дорого, а что по средствам, то не нравится.

У нас в доме суета: Ян ездит, смотрит виллы. Может быть, мы не останемся на нашей. Галя 3 октября уезжает к Марге. На днях мы с ней занимались чисткой ее платьев бензином. Сад был полон этими ароматами. Делается это так: в саду на стол ставятся рядом два таза, наливается в них бензину и быстро опускается платье или какая-нибудь другая часть одежды, где пятна нужно потереть, сначала в один таз, а затем в другой. Бензин в первом тазу быстро темнеет от грязи, а во втором остается более чистым. Вышло у нас пять литров, стоило это десять франков. Если бы отдали в чистку, пришлось <бы> заплатить около семидесяти пяти франков.

Последние дни читала «Обрыв»²²¹ — очень приятно, хотя и слишком длинно для современного темпа жизни. Я очень соскучилась по нашей природе, по нашему простору, надоела здешняя теснота. Ян же любит юг, где простор только на воде. Но ведь и вода за пятнадцать километров по прямой линии, а не рядом...

Я стала принимать калифлюид [так в тексте], когда-то он на меня хорошо действовал. Пока хорошо на желудок, вероятно, от соды, в растворе которой я его и принимаю.

²²¹ Гончаров И. А. Обрыв. 1869.

На днях один знакомый подарил бутылку бенедиктина. Я вспомнила нашу поездку к Боре Арк. на место его службы: снег, розвальни, этот ликер и коробка сардинок... без хлеба! Помнишь? Кто еще был? Надя, Настя, Бутон... Еще кто-то, помнится, что две пары было дровней.

Ян обнимает тебя, Галя целует в височек, Леня шлет сердечный привет. Мы с ним теперь дуемся в бб — карты без денег успокаивают нервы. Он много работает. Я начала тоже. Надеюсь, этот месяц пройдет в этом смысле удачно.

Нежно тебя целую.

Кланяйся Анастасии Ивановне. Часто ли Вы видитеесь?

48²²². В. Н. Бунина — Д. Н. Муромцеву

22 сент.

29 сентября 1934 года

19 сент.

<Грасс, Франция>

Дорогой мой, милый Митюша, благодарю тебя за поздравление²²³, которое я сегодня получила. О тебе думаю постоянно, потому буду думать и завтра, только едва ли мне будет весело. День проведу без всякого празднования. Утром поеду в Канн, где буду всех своих вспоминать. Вероятно, поедет и Лёня, он по воскресеньям меняет в библиотеке книги, которая бывает открыта в часы службы. Перекусим, вероятно, там. Может быть, съедут к морю и Ян с Галей, а может быть, Галя поедет с нами, еще не знаю. Вечером будем, как всегда в праздничные дни, есть холодный обед.

Я уже получила несколько поздравлений и подарков от Гали: очень изящный кошелечек для денег и шляпу. Я старалась, чтобы Галя как можно меньше истратила. Она едет на чужую сторонку и не представляет, как трудно будет, если не будет лишней копейки. Она вчера покупала и себе всякие мелкие вещи — в будущую среду назначен ее отъезд. Буду

²²² Печатается по автографу: ОГЛИМТ, РДФ, ф. 14, инв. 3216/46 оф. Место написания установлено по содержанию. На л. 1 пометы Д. Н. Муромцева.

²²³ Речь идет об именинах В. Н. Буниной — 30 сентября.

рада, когда она исполнит свое желание, слишком было много разговоров, кроме того, она чувствует себя не очень хорошо, нервна, слаба, так уж лучше, пока хорошая погода, пусть едет. Трудно мне, когда рядом человек не живет, а томится, нервничает, я начинаю чувствовать себя тоже очень беспокойно. В таких случаях самое лучшее переменить обстановку. Ян сейчас стал с Галей спокойнее, на него хорошо подействовал Париж. А сегодня он снял виллу, где мы живем, до первого мая, так что на семь месяцев кров у нас обеспечен, деньги заплачены. Я думаю, что в Париж, если и поедем, то после Нового Года, когда Галя вернется из Геттенгена. Неожиданно мы получили известие от наших друзей²²⁴, которые обычно проводили зиму в Грассе, что они в четверг приезжают. Прощлую зиму жена была серьезно больна, и они прожили несколько месяцев в Лейзене, в Швейцарии, среди снегов.

Это приятно, они люди с нашей полочки, так что возможны всякие интересные разговоры, споры. К ним всегда приезжают тоже разные люди нашего круга, так что Яну не будет тоскливо в короткие ноябрьские дни, чего я очень боялась. Мы с Зоей его слушали в особняке Влад. Влад. на Молчановке. Е.<катерина> П.<Павловна> <Пешкова> его тоже знает. Жена — Амалия.

30 сентября. Все вышло не так, как думала. Поехала вчера в Канн, а не сегодня, чтобы вместе завтракать. В Каннах был со мной и Лёня. Он купил мне очень дорогую тетрадь, чтобы она вся была мною исписана. Может быть, у него и легкая рука. Вечер был чудесный, здесь тоже, наконец, наступила прелестная погода. Море было тихое, пустынное с близким горизонтом, старый город, как всегда, здесь, на возвышенности, был легкий, весь освещен снизу, весь пронизан светом. Отстояв, пройдя набережную, мы зашли в магазин, купили колбаски, хлеба, зашли в кабачок, где можно приносить свою закуску, спросили белого вина и устриц (об устрицах Яну ничего не сказали, попало бы!)... Лёня был очень мил, ста-

²²⁴ Речь идет об И.И. и А. О. Фондаминских.

рался делать так, как мне нравится, показывал какое кольцо он мне бы купил, словом, именины уже начались, как часто это бывало и в далекие годы, где-нибудь праздновался этот день [так в тексте]. В этот же день я познакомилась с Сережей Конст., он был у тебя в комнате из передней, в Столовом, и, познакомившись со мной, сказал: «С приддверием!» Почему-то это слово я запомнила на всю жизнь... Отчего он умер?

Сегодня получила еще подарок от Гали — чайную чашку. Белую, с золотым ободком. От Яна небольшую сумму денег, обещал большую ко дню рождения. Он получит деньги после первого октября. За два дня пришло восемнадцать поздравлений. Телеграммы просили не доставлять, за каждую надо платить по пяти франков. Подождут и завтрашнего дня, если кто-нибудь сдуру пошлет, почтальон принесет. Я никого не приглашала. Надеюсь, что никто не приедет. Был звонок от сестер К.<атерины> М.<ихайловны> <Лопатиной> и О.<льги> Л.<ьвовны> <Еремеевой>, но Галя сказала, что еще неизвестно, будем ли мы дома — у нас был проект отправится погулять в один маленький городок²²⁵, совсем умирающий, где родился Мирабо, и откуда открывается чудесный вид на всю страну.

Позавтракали: фаршированные кабачки, лук, ветчина с горошком, груши, кофе с бенедиктином. За завтраком решили ехать в синема Канн, Ян всех везет. Я рада за Галю и Леню, они оба очень любят синема. Я не была в кинематографе с десятого марта 1933 года, в день, когда я узнала о смерти папы...

И вчера, и сегодня я снималась нашим аппаратом. Если выйдет недурно, пришлю тебе, я снималась в разных платьях и прошлогодних, и этого года, ты будешь в состоянии судить о моих туалетах. Пока я одета хорошо, со вкусом и по возрасту. Я ведь даже и не пудрюсь почти никогда, и ничего — еще порой произвожу впечатление.

Меня удивляет, что ни ты, ни А.<ндрей> Г.<еоргиевич> <Гусаков>, который тоже меня поздравил, не написали, что

²²⁵ Место рождения графа де Мирабо — Ле-Биньон-Мирабо.

получили от меня через Торгсин деньги, их Вам послали в один день, в начале сентября, и по моим расчетам, они уже должны были прийти к Вам. Я собираюсь уже тебе посылать октябрьский взнос и пятьдесят франков на Киру <Всеволодовну Муромцеву>, как это было и в сентябре. Сообщи немедленно, получил ли ты или нет? Если нет, то сделаем из Парижа запрос.

Относительно «поминок» скажу одно. Очень жалею, что ты в этот вечер был дома. Надо было уйти к кому-нибудь. Тонкость у людей встречается очень редко, а у З.<инады> Н.<иколаевны> <Муромцевой> она и не ночевала, от нее и требовать ее нельзя. Жаль, что ты из-за этого разволновался. Ей, понятно, хочется поддерживать отношения с нашими родственниками, она и спекулирует папой. Они мне прислали коллективный привет. Я было хотела ей написать отповедь, но раздумала, пока ты живешь с ней рядом, нужно, чтобы она не теряла надежды иногда что-либо получить от меня, иначе может зря отравлять тебе и без того тяжелую жизнь. Не забывай, что они — бабы! В поздравительном письме она спрашивает меня, не обидела ли она меня чем, что я с 15 мая ей не пишу. Я поблагодарю за поздравление и напишу, что очень беспокоюсь за твоё здоровье, а потому мне было не до переписки ни с кем, кроме тебя. Самое лучшее, если бы ты уехал из этого дома или же перешел в другую квартиру, хотя бы быть не рядом. Конечно, зря этого делать не следует, если бы можно было бы с кем-нибудь поменяться комнатами, чтобы и Ан. Анд. с Василием переехать с тобой, тогда бы это было самое лучшее. Но, чтобы ты ни делал, одно умоляю тебя, не волнуйся. Ну, можно ли еще чем-нибудь возмущаться. Ты все думаешь, что я не знаю людей, а я даже тридцать лет тому назад знала, что такое З.<инада> Н.<иколаевна>. А теперь меня никто не может обмануть ничем, поверь мне. А послать немного денег я могу человеку, которого я совсем не уважаю и даже не люблю, это по другим побуждениям. Если бы ты был моего толка, то ты понял бы. Не думай, что всегда раскаяние приносит прощение. Иуда раскаялся, а мир

ему не простил. И раскаяние раскаянию рознь. Вообще мне очень жаль, что ты совсем не интересуешься тем, чем я живу теперь. Я уверена, что если бы ты знал столько, сколько я по этому вопросу, то ты <бы> изменил на многое свой взгляд... Остались ли книги папины? Хотя иногда ты заглядывал бы в них. Сколько поэзии, настоящей поэзии в этих книгах.

Да, я забыла сказать, что я сама себе сделала несколько маленьких подарочков: «Шагреневую кожу»²²⁶ в подлиннике, перочинный ножик и подвязки на чулки. Да Галя и Леня еще по букету цветов: Галя большой, Леня маленький.

Аспирина лучше не принимай, есть Роферин [так в тексте; надо — роферон] — он на сердце не действует. Я прислала бы, но [1 слово вычеркнуто] ужасная пошлина на все лекарства. Если буду в Париже, то узнаю. Ты на всякий случай пришли мне список лекарств, тебе нужных, может быть, что-нибудь я и устрою. С уродоналом было так, большой пузырь стоит сорок франков, а если послать его тебе и заплатить пошлину, то нужно заплатить сто семьдесят франков... Это чудовищно. Значит, можно только посылать самое необходимое. В этом отношении жаль, что ты с Сашей не видишься.

Ну вот, накатала тебе, как говорила мама, много. Очень хочу, чтобы ты был как можно более спокоен. Не все ли равно, как себя развлекают все Петисаши, Танилены... Сониволди... Ян обнимает. Леня шлет привет, Галя целует. Нежно целую.

Твоя В.

[Приписка в верхн. части перевернутого л. 1]: Разорвала сама машинкой²²⁷.

²²⁶ Бальзак *Оноре де*. Шагреневая кожа. 1830.

²²⁷ Вверху листа разрыв около 3-х см.

49²²⁸. В. Н. Бунина — Д. Н. Муромцеву

22 сент.

28 сент.

4 октября 1934 г.

<Грасс, Франция>

Дорогой мой Митюша, только что прочла твое письмо и письмо Кириной тети, которая по твоему письму мне очень понравилась, видимо, она добрая и хорошая женщина. Все, что ты пишешь о Кире <Всеволодовне Муромцевой>, правильно. Я ей тоже напишу, хотя я не верю в уговоры, особенно в строгие. Боюсь, что Кира не только не хочет, а не может работать, может быть, не на здоровье ее физическом отозвалась наследственность, а на том, что Ян называет «параличом воли». Ее, вероятно, можно лечить, лечить ее волю. Ей, может, и хочется работать, а она не может, не умеет, главная ее беда — отсутствие внимания, неумение сосредоточиваться. Если бы были средства и возможности, может быть, это и можно было бы развить под руководством специалиста. В зачатках у меня есть все эти недостатки, но у меня они действительно в зачатке, кроме того, я была в другой среде [несколько слов густо вымараны]. Боюсь, что цветучность ее не очень хороший признак, какая была цветущая Надя, это у туберкулезных бывает. Уж очень у нее плохая наследственность с обеих сторон. Мне кажется, что нужно ее убедить, что если она начнет что-нибудь делать, не спеша, не задаваясь на макароны, то она может чему-нибудь научиться. Думаю, что она совсем не умеет работать, нет у нее методов, я двадцать лет не могла без ошибок писать на машинке, пока Галя, поступивши в школу Пижье, не принесла домой их методу, что вся память должна быть в пальцах, и я теперь пишу всеми, не глядя на клавиши. А ведь я была до тех пор уверена, что я не превзойду эту премудрость и не старалась, не знала, как приступить. Пусть поступает на кулинарные курсы, это для всякой женщины необходимо, как бы ее жизнь ни сло-

²²⁸ Печатается по автографу: ОГЛМТ, РДФ, ф. 14, инв. 3216/47 оф. Место написания установлено по содержанию. На л. 1 пометы Д. Н. Муромцева.

жила, хорошо, если бы она прошла и курс и домоводства. Я ей напишу. Во Франции почти всякая женщина умеет все сама делать и не только стряпать, но и шить и кроить. Пишу ей в серьезном любовном тоне. Против кулинарии у меня одно, если она будет этим зарабатывать себе хлеб, легко простудиться, вредна эта работа и для глаз, помнишь, как жаловался Ян, когда за тобой ухаживал на даче. Если быть настоящим поваром или поварихой, то это дело очень нелегкое. Но знания эти полезны, а потому я пока приветствую эту мысль. Когда будешь писать этой тетке, передай ей от меня привет.

9 ноября.

Видишь, мой драгоценный Митюша, на целых пять дней я прервала письмо. Уезжала Галя. Чуть было не опоздала на поезд, приехали за три минуты до отхода, хорошо, что билет был у нее в сумке...

Уже получили от нее длинное письмо. Видимо, очень довольна. Старается скрыть, но прорывается, что ей с Маргой очень хорошо, хотя она пишет, правда, всего на следующее утро. Все ей нравится. Ты очень верно понимаешь ее. Есть много общего с А.И.²²⁹, только А.И. тверже и сильнее, а у Гали без всяких преувеличений сила женской слабости, и эта сила очень большая. Кроме того, Галя гораздо эмоциональнее, она очень талантлива, но трезвого ума у А.И. больше, вообще ум у Гали играет второстепенную роль, больше проявляется в отвлеченных суждениях, чем в жизни. Тонкостью душевной тоже она не обладает. Многого не понимает. Не знаю, как сложится ее жизнь в будущем, будет ли она делить ее с нами. Уезжая, она твердо говорила, что хочет этого. Но я давно не верю словам, ибо знаю, что сам человек меньше всех о себе знает. Она очень привязана к дому, любит каждого из нас по-разному, чувствует, что трудно найти в жизни такое отношение к себе, но еще больше она любит себя, и ей хочется, чтобы жизнь была праздником, а ведь «жизнь только издали на-

²²⁹ См.: коммент. 56 к п. № 8, инв. 3216/7 оф.

рядна и красива»²³⁰... Многие женщины погибают от этого, не понимая, что нужно думать о буднях, а не о празднике. Ян все это как-то сразу понял, и, конечно, огорчен. Ему хотелось совсем другого. Но он тоже часто видит не то, что есть, как он в свое время переоценивал Колю <Николая Алексеевича Пушешникова>, ты и представить не можешь! А у Гали есть в характере кое-что и от Коли: кротость и эгоизм, упорство в своих желаниях при видимой слабости.

Конечно, после ее отъезда стало пусто, а Ян пустоты в доме не любит. К счастью, у него в настоящий момент много срочной работы, довольно механической, так что, может быть, и не очень будет замечать этой пустоты, хотя говорит, что в декабре поедет туда, где был в прошлом году²³¹, чтобы все посмотреть со стороны, а затем сделать путешествие по этой чудесной стране. Но я не очень в это верю, хотя, с одной стороны, я очень бы хотела этого. Он давно не доставлял себе удовольствия, в прошлом году он все почти время был болен (у него что-то серьезное было с носом), утомлен и задержан.

С другой стороны, боюсь, слишком там хорошо едят и много пьют, а ему и то и другое очень вредно.

В доме же после ее отъезда стало спокойнее. Все стали много работать. Об Яне я уже писала. Леня тоже погрузился в свой труд. Я понемногу стала втягиваться. Мешают письма. К именинам я получила около пятидесяти, нужно всех поблагодарить, кого кратко, кого длинно. Обижаются теперь люди из-за всякого пустяка на нас. Как мне порой хочется уйти куда-нибудь подальше от всех людских претензий!..

Относительно Парижа неизвестно. Квартиры пока не сняли. Дорого. Доходов стало очень мало. А Ян, сам знаешь, какой: то без толку тратит, то его охватывает ужас, что много истрачено. Живем, как всегда, без бюджета, без распреде-

²³⁰ Цитируется: *Надсон С. Я.* «Бедна, как нищая, и как рабыня лжива,/В лохмотья яркие пестро наряжена -/Жизнь только издали нарядна и красива,/И только издали влечет к себе она./Но чуть взглядишься ты, чуть встанет пред тобою/Она лицом к лицу — и ты поймешь обман/Ее величия, под ветхой мишурою,/И красоты ее — под маскою румян». 1882.

²³¹ Возможно, имеется в виду Норвегия.

ления денег. Наконец я добилась (года три), чтобы на стол давалась определенная сумма, а то раньше и этого не было. А здесь ему скучно. Особенно без его настоящей работы. А будет ли он работать ещё неизвестно, он ведь очень капризен в этом отношении, ты тоже знаешь.

Как сегодня было хорошо утром у нас в саду и рассказать тебе не могу. Сегодня у нас к обеду фаршированные перцы, красного цвета с нашего огорода, делаем их по-русски, то есть со сметаной. У французов сметана совершенно не идет в кушанье, они едят с ней землянику, клубнику. Как нет у них в обиходе сливок. Я ходила и сама срывала их с гряд, они очень красиво висели, обычно Леня не позволяет, он очень ревнив к своему огороду, но пошел за ними наш Жозеф, и я этим воспользовалась. Как всегда в это время у нас много фиг, сырых винных ягод, но никто из нас их не любит, и много пропадает зря. А ты, любишь фиги<?>. На Кавказе их тоже очень много.

Сегодня я плохо спала. Заснула часа через два, проснулась и не могла долго уснуть. И вставала, и ходила, и ела грушу, шоколад, но ничего не помогло, так часа три и колобродила.

Завтра ждем гостей. Приехали в Канн наши друзья. Проведут с месяц. Он страстный рыбовод. Придется несколько раз спуститься к морю. Я рада, без цели не едешь, засиживаешься дома, ходишь в домашних платьях, а это, в конце концов, вредно. Теперь раза два, три в неделю хожу навещать больную <Амалию Осиповну Фондаминскую>, которая, я тебе уже писала, приехала из Швейцарии. Она дама-шик, как здесь говорят, а потому к ней я тоже стараюсь принарядиться, она это ценит, тем более что есть во что. Ее замучили плевриты, больше года она болеет. Сейчас лежит в постели. Вчера не могла говорить — голос осел. У нее чудесный сиамский кот. Красоты редкой. Настоящий зверь. А ты знаешь, что я и кот в одной комнате не можем быть. Это очень жаль, так как больная его любит, кажется, больше всех, и он всегда с ней. Иногда лежит под простыней на ее животе. Тогда я еще могу оставаться в комнате, а если он ходит по комнате,

на меня нападает ужас²³². Это даже Фрейд не понимает, не может объяснить и вылечить. Но это ненормальность, ясно.

Ян обнимает. Леня шлет сердечный привет. Я нежно целую. Твоя

[Приписки на л. 1, 2 об.]:

— Посылаю свои снимки, снятые 16 с.<ентября> и 17 с.<ентября>. Над Леной мой портрет, над Галей — ее. 2 возьми себе, два пошли Кире, в следующем пришлю тебе недостающие, если ты хочешь.

— Халатик подарил Леня. Шляпу и кошелечек — Галя, он из кожи серой. У меня все, кроме тубель, серое. За завтраком Я в белом платье с черными кружевами. Обычно слева от меня место Гали, а Леня сидит напротив. В зеркале — буфет. Читаю от тебя письмо.

— Если ты найдешь мое письмо неудачным, не посылай, я могу написать другое. Но мне кажется, мне, во всяком случае, надо попробовать действовать добром.

50²³³. Инв. В. Н. Бунина — Д. Н. Муромцеву.

3 октября

10 октября 1934
<Грасс, Франция>

Дорогой мой Митюша, только что прочла твоё письмо от 3-ьего.

Боюсь, что железо плохо отзовется на желудке, я не могу принимать: поднимаются боли, уж если это необходимо, то лучше делать уколы, то же и мышьяк. Меня поправили, мое малокровие т.е., вытяжки из печени — Папкреноль²³⁴. Есть ли у вас это средство? Теперь относительно работы, умоляю подождать, я теперь потеряю всякий покой, опять буду дрожать, что тебе будет хуже. Ты очень много работал, что тебе

²³² В. Н. Бунина страдала айлуорофобией — навязчивой боязнью кошек.

²³³ Печатается по автографу: ОГЛИМТ, РДФ, ф. 14, инв. 3216/48 оф. Место написания установлено по содержанию. На л. 1 пометы Д. Н. Муромцева.

²³⁴ Возможно, имеется в виду «Панкренол».

нужен отдых, а ты ведь не отдыхал, ведь лечение не отдых, а утомление организма. «Сокращать» тебе твои расходы не нужно, как и «ломать свои привычки», на «стариковский режим» тоже переходить вредно и рано.

Почему ты не хочешь входить в мои финансовые операции? А сам пишешь, что я тебя интересую? Писала тебе о них потому, что думала, что тебе все интересно, что я делаю. А ты, видимо, принял на свой счет, хотя ты совершенно в особом положении, тобою ведает Ян, который, кроме всего, считает себя в долгу у тебя. Конечно, это у тебя от печени, я знаю это состояние, когда все задевает. Но я люблю простые отношения, мы с Маней <Марией Сергеевной Брюан> были близки, и я знала о всех ее очень сложных и порой тяжелых финансовых затруднениях, но это не мешало мне брать от нее положенную небольшую сумму, так как для нее это была незаметная сумма (в ее общем бюджете), а для меня очень существенная поддержка — я одевалась на эти деньги. Но если это на тебя действует плохо, то я не буду рассказывать.

О М.Ф.²³⁵ упомянула, чтобы тебе сообщить, что, по-видимому, она А<ндрея> Г<еоргиевича> <Гусакова> не бросит [несколько слов густо вымарано]. Конечно, очень жаль, что он не уехал в Дом Писателей и ученых, хотя я тогда бы по месяцам не знала бы, что с ним?

Помни одно, что я живу в хороших условиях, даже одета очень хорошо, что главная моя забота теперь — о тебе. Что если бы от меня зависело, то я сократила бы нашу жизнь и посылала бы тебе вдвое больше, так как для твоей болезни нужно и отвлечение, и сильные развлечения: покататься, пригласить лишнего раз милого человека, угостить его. Меня огорчает, что я не могу тебе этого дать. А ты пишешь о сокращении. Я думаю, если бы мы поменялись местами, ты поступал бы, как я. Это выкинь из головы, и ни о какой службе пока не думай.

В воскресенье слушаем Москву — урок танцев, и мы с Леной танцевали тустэп, краковяк, польку, венгерку, словом, я тряхнула стариной.

²³⁵ См.: коммент. 32 к п. № 6 (инв. 3216/5 оф).

Сейчас пришли гости, надо сходить вниз.

11 октября. Утро. Опять солнышко. Ветерок. Октябрь пока очень хорош.

Как всегда эту неделю отдаю отчет в своей жизни, и как всегда испытываю грусть. Кончается мой год. Этот был необыкновенен по своим событиям, самого противоположного характера. Хотелось бы, чтобы будущий был бы проще, дал бы мне возможность сохранить здоровье, а это, главным образом, зависит от состояния близких, дал бы тихую рабочую жизнь.

Больше ничего не надо. Год семь месяцев я этой тишины лишена.

Ян сейчас очень взволнован. Леня тоже.

В субботу вечером или в воскресенье утром надеюсь быть в Каннах.

«Совершенно и никак не могу понять, почему ты мне пишешь некоторые вещи». Как ни ломала голову, не поняла, что ты под этим подразумеваешь. И о чем я не должна писать? Я думала, что тебе все интересно. Ведь если я буду делать отбор, то ты будешь чувствовать меня односторонне. Впрочем, ты прав: нужно взвешивать всякое слово, но это можно, когда ничто не волнует, на досуге, а этого всегда не бывает. Одно прошу тебя, не ставь ты мне каждое лыко в строку. Важно ведь главное — твое здоровье, о чем нам и нужно только думать.

Ян тебя обнимает. Леня низко кланяется. Я нежно целую. Твоя

ВАЛЕНТИН АНДРЕЕВ В ПИСЬМАХ К РОДНЫМ

Публикация, вступительная заметка
и комментарии Л. Н. Кен

Валентин Андреев (1912–1988) — младший сын русского писателя Леонида Андреева. По воспоминаниям его сестры Веры, он «был скромный на вид мальчик — худенький и довольно болезненный. Впоследствии он окреп, но так и остался небольшого роста и худощавым. В то же время он был подвижным, шустрым и предприимчивым. <...> мы с Саввкой были смуглыми, черноглазыми и черноволосыми, похожими скорее на жителей островов Тихого океана, чем на детей чисто русских родителей, — Тин же был светлым шатеном с маленьким носиком пуговкой, с длинноватой верхней губой и тонкими, как нарисованными кисточкой, бровками, высоко поднимавшимися над зеленоватыми глазами. Очень у него были хороши ресницы — длинные, густые, с загнутыми концами. Тин был большим плутом, инициатором всех наших проказ и очень ловко умел замечать следы. Все же он чаще других стоял в углу, и папа даже дал ему прозвище — «угловой житель» <...>»¹.

Вскоре после кончины в 1919 году Леонида Андреева его вдова Анна Ильинична вместе с любимым сыном Саввой уехала в Германию. Позднее к ним присоединились другие ее дети — Вера и Валентин. После Германии были Италия, Чехия, Франция... Так начались скитания по Европе маленького Валентина, его взросление. Какое-то время рядом с ним были Савва и Вера — об этих нелегких годах и большой привязанности друг к другу много позже Вера Леонидовна расскажет в книге «Эхо прошедшего».

Обосновавшись во Франции, Валентин Андреев в 1935 году женился. Верным другом и опорой всей жизни стала Муся (Мария Павловна, 1910–1982), русская по происхождению. Родились сыновья Михаил и Евгений.

Меняя места работы, которую постоянно приходилось искать, он перепробовал множество профессий. Был портье

¹ Андреева В. Л. Эхо прошедшего. М., 1986. С. 19–20.

и балетным танцором, работал на лесопильне, окончил Школу декоративного искусства в Париже и рисовал на шелку, несколько лет возглавлял чертежный отдел...

Хотел стать художником, увлеченно рисовал. Но по собственному признанию, ничего своего не создал и остался на уровне копировальщика. Другая несбывшаяся мечта — стать писателем. Обладая, как он считал, легким пером, пробовал писать рассказы, посещал собрания «Литературного кружка», но довольно быстро понял, что никогда не сможет «написать что-либо приличное и ценное»².

Определенной материальной стабильности Валентину Андрееву удалось достигнуть, когда он, используя свое знание русского языка, получил место переводчика в фирме, имевшей отношение к строительству в СССР целлюлозно-бумажных комбинатов. Работа предполагала не только технические переводы в офисе, но и поездки по стране, возможность бывать на родине, встречаться с родными, многих из которых он видел впервые. Этим встречам он придавал особое значение, ибо они дополняли его скудные детские воспоминания о знаменитом отце, о других членах когда-то большой и дружной семьи Андреевых.

По словам Валентина Леонидовича, невидимое присутствие отца ощущалось им всегда. «Его личность была настолько громадна, — писал он в очерке «Что помню об отце», — и весь окружающий мир был настолько подчинен ему и от него зависел, что его существование казалось мне тогда таким же нормальным, как и присутствие солнца на небе»³.

Вместе с тем, оглядываясь на прожитые годы, Валентин Андреев признавался, что «в ношении на себе тяжести славы и личности отца» он оказался «чересчур придавлен ЕГО личностью и не посмел стать самим собой, не сумел»⁴.

В память об отце в 1961 году Валентин Андреев побывал на его родине, познакомился с Леонидом Николаевичем

² Андреев Леонид. Далекие. Близкие. М., 2011. С 441.

³ Андреев В. Что помню об отце // Андреевский сборник. Исследования и материалы. Курск, 1975. С. 233.

⁴ Андреев Леонид. Далекие. Близкие. М., 2011. С. 447.

Афониным, автором опубликованной в 1959 году биографии Леонида Андреева. В фонды Орловского литературного музея передал пишущую машинку отца, его метрическое свидетельство и диплом об окончании Московского университета.

В том же 1961 году началась его интенсивная переписка с семьей двоюродной сестры Ирины (Ирина Андреевна Андреева, 1912–1980)⁵, ее мужем Серафимом (Серафим Петрович Вагин, 1908–1991) и их сыном Сашей (Александр Серафимович Вагин, 1946–1995). Порой это были коротенькие сообщения на красивых открытках об отпускных путешествиях, они носили информативный характер и дразнили воображение ленинградских родных возможностями иной жизни. В обычные дни Валентин Андреев предпочитал обстоятельное описание своих будней с их радостями и горестями. Это могло быть несколько страниц, напечатанных на папиросной бумаге, или написанных мелким убористым почерком. В них неизменны доверительные интонации и почти детская потребность быть понятым и любимым близкими.

Письма или их фрагменты, представленные в настоящей публикации, позволяют понять своеобразие личности их автора, чье становление прошло вдали от родины, но не утратившего способности радоваться возможности общения с обретенными в конце жизни родными.

В последнем из публикуемых писем, написанном после смерти Марии Павловны, Валентин Леонидович делится с близкими своими переживаниями, ищет у них сочувствия. С этим ощущением потерянности он проживет еще несколько лет, тщетно пытаясь новым браком заслониться от отчаяния и опустошенности. «Мало читаю, ничего не пишу, ничего не рисую, — признавался он Александру Вагину 16 марта 1984, — тяжел, как бревно, ни на что не способен».

Публикуемые письма Валентина Андреева хранятся в домашнем архиве А. Вагина и Л. Кен.

⁵ Сохранилась фотография, на которой окруженная внуками мать Леонида Андреева Анастасия Николаевна на коленях держит самых маленьких: Валентина и Ирину.

При подготовке к публикации в текст внесены некоторые изменения: 1. Исправлены описки. 2. Раскрыты сокращенные слова без обычно ожидаемых редакторских квадратных скобок. 3. В случаях необходимости исправлена пунктуация.

1

14 января 1962 г. Франция, Париж (автограф)

Дорогая моя Ириночка, целую тебя и поздравляю с прошедшим 62-м годом. Очень надеюсь, что нам удастся снова встретиться в течение ... его и окончательно укрепить нашу близость и дружбу. Эгоистично желаю этого самому себе, в то же время учитывая, что ты разделяешь эту мечту. Должен признаться тебе в любви, пусть милый Серафим не обижается: ты такая хорошая, мягкая и добрая; точь-в-точь такая, какую я хотел бы любить, и теперь эта мечта осуществилась. Муся повторяет, что мы похожи... Чем, как?? Всем, во всем, и, кажется ей, что даже характером и даже замашками, мелочами, тем главным, что составляет двух очень, ОЧЕНЬ родных...

Я припоминаю наши кратковременные свидания с нежностью во всех деталях и, тебе понятно, моей мечтой является теперь возврат в Ленинград — ну, скажем, в течение отпуска, каких-то 20 дней. Но мы сумеем его использовать. Мы поедem на Черную речку⁶, снова и снова. Я хочу отдаться целиком милым, беспечным, дорогим воспоминаниям. Вера⁷ приедет тоже — постараемся. Жизнь на исходе, хочется погрузиться в светлое прошедшее, «зарю туманной юности» — еще раз пережить, перечувствовать ее, эту неповторимую

⁶ Черная речка — в 1907 г. около финской деревушки Ваммельсуу (Черная речка) Леонид Андреев купил участок земли, на котором по его рисункам был построен большой двухэтажный дом. Здесь семья Андреева жила постоянно с весны 1908 г. до конца лета 1918 г. Время и люди разрушили дом — о былом великолепии сегодня напоминают только фрагменты фундамента и уцелевшие деревья.

⁷ Вера — Вера Леонидовна Андреева (в браке Рыжкова, 1910-1986), дочь Леонида Николаевича и Анны Ильиничны Андреевых, сестра Валентина Андреева. В 1960 г. вернулась на родину после 40-летней эмиграции. Автор повести «Дом на Черной речке» (изд. 1974, 1980) и романа «Эхо прошедшего» (1986).

зарю. И я даже не помню, почему ты тогда вместе с нами и Люсей⁸ не поехала на Черную речку? Я чувствую в тебе то главное, что единит меня с Верой, — с тобой можно почти без слов, а со словами тоже так хорошо! Мы не успели обменяться впечатлениями и ... соображениями — все это было так мимолетно, чересчур коротко. Но я счастлив и этим.

Значит, я буду делать все зависящее от моих скромных сил, чтобы приехать с Мусей в этом году: у меня отпуск в августе. Главная задача получить возможность приехать в СССР не в качестве туриста (за 35 руб. в день) — что мне не по карману — а так, чтобы платить за гостиницу положенную цену и питаться как хочу и где хочу. Возможно было бы приехать на пароходе — чудное путешествие! — (кажется, 4 дня) — этот способ, как ни странно, самый дешевый. Наверно, парохода не будет к отплытию — ну, тогда обратно на поезде. Так вот я и думаю, как это реализовать. В принципе нужно что-то вроде официального приглашения, скажем, от лица Пушкинского Дома, например, по той причине, что мне «нужно разобраться в архивах Леонида Андреева, хранящихся там». Это приглашение позволило бы мне с Мусей приехать, а потом уж разворачиваться собственными средствами в течение 20 дней. Могла бы ты затронуть этот вопрос в Пушкинском Доме? Поговорив, например, с Д. С. Бабкиным или Л. М. Добровольским? Об этом нужно позаботиться заранее. — Главное, Пушкинскому Дому не пришлось бы нести никаких расходов, а мне была бы большая радость. Ты, Ириночка, подумай, и если что-нибудь надумаешь, дай мне знать. Пока что я не буду писать в Пушкинский Дом, а подожду твоего ответа.

Твое письмо такое милое! Карточки очень хорошие, хоть Муся смахивает на египетскую старушку 4-й династии. То, что у меня «вышло», я послал Люсе. Не думаю, что такие «рожи» (виноват!) тебя приятно поразят, но если да — скажи словечко, и я пришлю. Вообще с фотографиями у меня был полный конфуз.

⁸ Люся — Леонид Аркадьевич Андреев (1903-1974), сын Риммы Николаевны Андреевой и Аркадия Павловича Алексеевского, двоюродный брат Валентина Андреева. Автор воспоминаний «На даче у Леонида Андреева» (Андреевский сборник. Курск, 1975. С. 243-254).

У нас все благополучно: я переменял работу, которая осталась той же самой, но в другой фирме — по-прежнему катаюсь по Франции — приятно. Муся много работает — устает, сказывается возраст. Дети совсем состарились — старший, Мишка, во что бы то ни стало хочет жениться как можно скорее, что приводит нас, стариков, в замешательство.

Тут идет вот уже месяц с большим успехом «Мысль» Леонида Андреева — по-французски — *самые лестные отзывы, пьеса получила премию «самого лучшего спектакля в сезоне»*. Очень надеюсь, что это явление послужит благотворным толчком, и Леонид Андреев здесь скоро будет так же известен, как Мопассан в России. Я хожу и задираю нос, а со стен на меня смотрят афиши: «La Pensée» de Leonide Andreiev... и т.д. Приятно!

В связи с переменой работы у меня было много хлопот. Теперь уладилось, буду писать, но и ты, Ирочка, не откладывай в долгий ящик. Время быстро летит. Поцелуй от нас Сашу, Серафима, а про тебя уж и не говорю. Я очень люблю тебя, и это навсегда. Будьте благополучны и здоровы. До скорого. Твой всегда Валентин (и Муся).

2

11 января 1971 г. Франция, Париж

(машинопись, фрагмент)

Милый Саша, спасибо за милые строчки, авось увидимся не в таком уж далеком будущем, очень на это надеюсь, тогда сможем обо всем поговорить, здорово соскучился по всем вам и по Неве. Ты меня ехидно попрекаешь тем, что не пишу, — как ни странно, я совсем недавно, приблизительно к Новому Году послал вам всем, правда, довольно короткое, но насыщенное чувствами, письмецо. Если оно погубило в очередном сутробе, то не моя вина.

Все это время — много его прошло — я сам не свой, на меня очень повлияла смерть Саввы⁹, и я еще наполовину ожил,

⁹ Савва — Савва Леонидович Андреев (1909-1970), сын Леонида Николаевича и Анны Ильиничны Андреевых, брат Валентина Андреева. Художник, окончил Художественную академию в Париже. Танцор, танцевал в балете Фокина, в последние годы жизни — в труппе театра «Колон» в Буэнос-Айресе.

не то, чтобы все остальные исчезли для меня, временно, конечно, но просто мне ... не по себе, стараюсь примириться с этим фактом, отнявшим у меня столь многое, жизненное, необходимое. Не сердись, если действительно молчу, надеюсь, «это» пройдет.

У меня с работой некоторая закись, опять-таки, надеюсь, временная, но все говорит о том, что к весне — а она на носу — что дела оживятся и настанет время взмахнуть крыльями и лететь к вам, как те, легендарные журавли, безошибочно определяющие путь к насиженному, брошенному недавно (50 лет т.н.) гнезду. Но время настолько относительно, что сама эта... внушительная цифра перед лицом вечности — теряет свою человеческую сущность, значение. Обидно только то, что старость надвигается и выглядит не очень соблазнительно. Все мои упования — не превратиться в намек на живущее, воняющее под себя существо, лучше исчезнуть сразу, как это догадался сделать Савва, — сразу, без осознания случившегося, просто так, лопнуть, не подготавливаться и не страдать, как гнилое дерево, которое решили уничтожить за ненадобностью и пилят вместе с сердцевиной, оно никому не нужно, занимает лишнее место.

У нас в общем жизнь продолжает течь без особенных ни эксцессов, ни без специальных горестей и болезней, медленное снижение, с редкими попытками приподняться и заявить о себе хотя бы в искусстве или... мысли, если следы таковой еще существуют. Много писал это время, увы, не бессмертных произведений, а писем, было много неполадок с моей «свояченицей» — псевдо-женой Саввы¹⁰, много писал и Вадиму¹¹, и Вере¹², пользуясь относительно свободным вре-

¹⁰ псевдо-жена Саввы — вторая жена Саввы, брак с которой не был официально оформлен.

¹¹ Вадим — Вадим Леонидович Андреев (1903-1976), старший сын Леонида Николаевича и Александры Михайловны Андреевых, брат по отцу Валентина Андреева. После смерти отца в 17 лет стал эмигрантом. Учился в Берлине и Париже. Во вторую мировую войну участник французского движения Сопротивления. С 1959 г. был сотрудником русского издательского отдела ООН (Нью-Йорк), позднее работал в Европейском отделе ООН в Швейцарии. Автор стихотворных сборников «Свинцовый час», «Недуг Бытия», поэмы «Восстание ангелов» и повестей «Детство», «История одного путешествия», «Возвращение в жизнь». В 1946 г. принял советское гражданство. Неоднократно приезжал на родину.

¹² Вера — См. письмо 1.

менем на работе, — но надоело, хочется живого присутствия, белая бумага на меня навевает страх и некую тоску. Рисовать — не рисую, но очень стремлюсь. От путешествия по Испании мало чего осталось, Италия мне ближе, роднее что ли? Я засахарился. Почил на тех же любовях, нужно слишком многое, чтобы сдвинуть меня со старых позиций <...>

Наступил год, когда мне следовало бы быть с вами, столетие¹³ и прочее. Так или иначе, даже если с работой будет швах, приеду, Афонин¹⁴ писал, да и из других мест, кажется мне, что именно осенью или «под осень» кое-что будет предпринято, — приеду. Муся стремится в Иран, где Евгений¹⁵, но трудно предпринять поездку на полугнилом авто через твой город, Москва, Тбилиси — в Тегеран, и обратно через Турцию, Грецию и прочие страны домой, не выдержит, а я механик никудышный, свечи заменить не умею...

3

13 апреля 1971 г. Франция, Париж (машинопись, фрагмент)

Тут у нас некоторое оживление: моя не пра, а просто племянница Олечка¹⁶ устроила выставку рисунков и картин, напротив Лувра, представь себе. И, как стервятники на падаль, слетелись все родичи. Вадим с Олей¹⁷, их дети с же-

¹³ столетие — в 1971 г. в СССР широко отмечалось столетие со дня рождения Леонида Андреева. К этой дате Валентин Андреев подготовил воспоминания «Что помню об отце» и выступил с ними на Международной научной конференции в Ленинграде.

¹⁴ Афонин — Леонид Николаевич Афонин (1918-1975), орловский писатель, литературовед, театральный критик. Автор биографии Леонида Андреева (Орел, 1959). Руководил подготовкой к празднованию столетнего юбилея Леонида Андреева в Орле.

¹⁵ Евгений — Евгений Валентинович Андреев (1941-2007), младший сын Валентина Леонидовича и Марии Павловны Андреевых.

¹⁶ Олечка — Ольга Вадимовна Андреева-Карлайл (род. в 1930), дочь Вадима Леонидовича и Ольги Викторовны Андреевых. Художница, журналистка, переводчица, автор мемуаров. В 1971 году в Париже состоялась ее вторая персональная выставка рисунков и живописи.

¹⁷ Вадим с Олей — Вадим Леонидович Андреев (см. письмо 2). Ольга Викторовна Чернова-Андреева (1903-1979), жена Вадима Андреева.

нами и отпрысками, Наташа Резникова¹⁸ с детьми, внуками и прочими, плюс избранные, всего за столом нас вчера сидело и попивало 14 человек, не считая пяти бутылок. Перед тем я возил Вадима (с Мусей, ясно) за город в цветущие, факт, долины, и там мы возлежали на вереске, и Вадим читал мне недавние его опусы, отменно хорошие, признаться. В общем объединялись всячески, повторяю, было очень мило. Останется он тут еще неделю, еще увижу его, опять-таки трудно, и он бегаёт, и я работаю. Но время найдем. <...> Постарел он все же порядочно. Худ, как репей, но жилист и бодр. Лицо породистого пророка, не могу точно определить какого. Картинки же Оли недурны, хоть и не по моему личному вкусу: много в них жизнерадостности, это хорошо, но мое внутреннее совсем другое.

4

21 апреля 1972 г. Франция, клиника (70 или 80 км от Парижа)
(автограф)

Дорогой Саша, не ворчи. Войди в положение: я размяк, и вот уже начинаю... 4-ую неделю в клинике — все тоже сердце (которому хочется покоя).

Да, 4-го апреля, и это не шутка, меня скрючило, и подоспевший кардиолог отправил меня моментально в клинику, за 70 км от Парижа, рядом с городом Шартр (Chartres) с знаменитым собором, в котором меня можно было бы и отпевать.

Я лежал пластом 3 недели, и меня деятельно и весьма интенсивно лечили. Не хочется распространяться, надоело. Вкратце — уже гораздо лучше, и сегодня в первый раз мне официально позволено ходить по комнате и сидеть, что и делаю сейчас, пишу вдобавок.

Друзья и родные всполошились, видимо, еще не устали удивляться моим проделкам. Тут у меня под кроватью огром-

¹⁸ Наташа Резникова — Наталья Викторовна Чернова-Резникова (1903-1992), сестра Ольги Викторовны Черновой-Андреевой. Многолетний друг и литературная помощница Алексея Ремизова. Ее муж — Даниил Георгиевич Резников (1904-1970), свояк и друг с юношеских лет Вадима Леонидовича Андреева.

ный ящик писем от почитательниц и прочего люда. Телефон стрекочет с утра до ночи, не успеваю отмахиваться.

Насчет приезда — не знаю. Пока продолжается торговля о контракте, ничего положительного не могу сказать. Об одном тебя прошу: сообщи Люсе и Лене¹⁹, что, вишь, я, дескать, лечусь, скоро напишу. И обязательно позвони Людмиле Александровне²⁰ — передай ей от меня все самое сердечнейшее и тоже обещай письмо в недалеком будущем. Пока же меня воротит от бумаги: сибаритничаю, похрапываю, разлагаюсь на подушках! Но поверь, как приятно безболезненно дышать и смотреть на серые горизонты (клиника находится среди полей и лесов — стеклянная стена от пола до потолка, у меня впечатление, что лежу на траве (моя комната на 2-м этаже), покрытой одуванчиками в цвету. Летают и щебечут (?) сороки и прочая мелюзга, под кустом мне ландыш серебристый матерно кивает головой, а души моей тревога расходитя тем же темпом, что и морщины на спине.

Значит, через 3 недели возвращаюсь в пенаты и буду стремительно писать картинки. Это в течение 3-х недель. Потом 3 недели рукаваспущенной работы в бюро и... отлет в Афины — мне Евгений (тегеранский) щедро оплачивает дорогу. Оттуда я тебе заказной бандеролью пришлю кусок Парфенона, там еще осталось несколько штук. А ты дурака не валяй, высеки из него профиль Зевса и преподнеси Ирине Андреевне, моей обожаемой кузине, от имени Министервы, виноват — Ми-нервы.

Мусе я доставил много хлопот, но разве человек может без них жить? Особенно такой маститый кинезитерапевт как Мария Павловна?

Если хочешь быть достойным племянником твоего внучатого дяди, махни хоть открыточку, буду вящее рад.

¹⁹ Люся и Лена — Леонид Аркадьевич Андреев (см. письмо 1). Лена — Елена Гавриловна Андреева (1924-2006), жена Леонида Аркадьевича Андреева.

²⁰ Людмила Александровна — Людмила Александровна Иезуитова (1931-2008), ведущий преподаватель кафедры истории русской литературы Ленинградского-Петербургского университета, исследователь творчества Леонида Андреева и других писателей Серебряного века. Автор монографии «Творчество Леонида Андреева» (1976).

Словом — поправляюсь. В принципе через 6 недель буду на положении почти что здорового.

С Вадимом²¹ переписываюсь. Он-то важничает — только теперь, дескать, я его догнал!

Поцелуй Ирину, Серафима, Любу²² и 2-х неразлучных²³, и себя не забудь! Да и нас тоже за компанию!

Будьте благополучны! Наверно, лед на Неве тронулся? А на Сене еще нет. Погода гнуснейшая. Итак — до скорого!

Твой Валентин

5

19 мая 1972 г. Франция, Париж

(автограф, фрагмент)

Дорогой Саша и все родственники, а имя им легион! <...> Я уже дома, на вид я уже мало интересный больной. Я пробыл 40 дней в клинике — больнице — на отлете, в полях, за 80 км от Парижа <...> У меня в сущности не болит ничего, кроме икр (таких у вас не бывает!) и щиколоток. Сердце улеглось, но спецы не отчаиваются: пророчат операцию, рано или поздно <...> Хожу я, как парализованный пеликан, возраста почтенного, с клюкой. Работать собираюсь начать 5-го июня. До этого времени я «отдыхаю», т.е. отравляю жизнь Мусе, «ухаживающей» за мной, кормящей с ложечки и т.д. <...>

Саша, я собираюсь передать Пушкинскому Дому и часть тебе и Ирине определенное количество стеклянных стереоскопических снимков, которые на днях просматривал. На нескольких из них твой дед Андрей. Большая часть, увы, виды Венеции, несколько — Волги, немного — Черная речка.

Подчеркиваю, что эти снимки не имеют большой ценности (да, еще несколько с «Далеким»²⁴). Но настал мо-

²¹ Вадим — См. письмо 2.

²² Люба — Любовь Израилевна Полежай, жена Александра Вагина.

²³ 2 неразлучных — близнецы Гриша и Миша, сыновья Любви Израилевны Полежай от первого брака.

²⁴ «Далекий» — моторная яхта Леонида Андреева. Ее подробное описание сделал младший брат писателя Андрей Николаевич (Андреев А. О Леониде Андрееве // Леонид Андреев: Материалы и исследования. Вып. 2. М., 2012. С. 91).

мент, когда необходимо принять окончательное решение.
<...>

Помимо всего, там среди фотографий есть много негативов — тебе лично придется с ними возиться. Неприятно то, что вещь эта хрупкая — не приехало бы осколков! И так они уже не особенно как выглядят!

6

12 марта 1973 г. Франция, Париж (машинопись, фрагмент)

Милый Саша, спасибо за чувствительное и дельное письмо, мне и Мусе было очень приятно его получить, и это лишь слабое отражение нашего чувства. Ты хороший, сердечный малый, ты близок мне, я очень тебя люблю со всеми твоими достоинствами и недостатками. <...>

Через три дня у меня свидание с ... вдовой Жерара Филиппа (Анн) — это по случаю выхода в свет сборника Леонида Андреева — рассказы, под названием «Губернатор». Толстый том с предисловием, которое только что прочитал, — так сак, но бывало и хуже — издание Жюллиар, издание, в котором жена Филиппа не то что работает, но сотрудничает с которым. По телефону она мне сказала, что находится уже давно как под чарами Леонида Андреева, и поэтому постаралась натолкнуть издательство на издание этих рассказов, по прежним, очень старым переводам С. Перского (04–06 гг.) в одном томе. <...>

Саша, ты понимаешь мой шуточный стиль, без на то его анализа... Я знаю — иногда хочется чуть повалить дурака <...>

Стало быть, мы оба еще живем, на днях поедem (на моем еще чуть дышащем авто) на Юг, где в 16 км от Ниццы у нас в 4-х этажном доме над городом и морем (2 км) выстроен дом, пардон, квартира²⁵, и которую я еще никогда не видел;

²⁵ квартира — на юге Франции в 16 км от Ниццы Валентин Андреев стал владельцем квартиры, в которую после выхода на пенсию переехала из Парижа сначала Мария Павловна, а позднее Валентин Леонидович. Об этой квартире в Кань-сюр-Мер см. также письма 10, 13, 15, 16, 17, 18.

следует присмотреться к возможной будущей мебели (2 комнаты, кухня и ванна), ибо Муся, возможно, будет жить там — закончив работу — в течение нескольких месяцев в году. Наверно, поедем к 1 апреля, всего на два дня там и 2 дня путешествия, все же 1150 км — сам понимаешь, в один день это трудно... Но зато... как приятно! И мы заняты сложными проектами и соображениями: как обставлять, на какой ноге плясать в будущем, ведь уже скоро фактическая дата — наша пенсия... а Муся уже кончила свою активность — больше не «работает». Это, главным образом, из-за немоготы, просто невозможности продолжать эту трудную профессию²⁶: приходится ликвидировать «кабинет», т. е. нашу прежнюю квартиру, одновременно не севши в лужу, это сложно. Муся проходит регулярно курсы лечения дыхательных путей, помогает, но сложно, кропотливо... Живем вдвоем в Плесси Робинзоне, чудная квартира на 2-м этаже на солнце, в почти полной тишине и зелени, душа отдыхает. В ней когда-то Вадим²⁷ ютился целых 15 лет... <...>

П. с. В томе, который вышел только что на французском языке — содержание: У окна, Петька на даче, Молчание, Жили — были, Гостинец, Кусака, В подвале, Мысль, Бездна, Губернатор, В темную даль. Предисловие, как говорил, и лестное, и из века в век то же самое повторяющее, в сущности поверхностное.

7

1 апреля 1975 г. Франция, Париж

(автограф, фрагменты)

Мой милый Саша, я тебе очень благодарен за искреннее, теплое и глубокое по содержанию письмо. Мне было бы приятно ответить тебе подробно и по существу, и не сделал я это до сих пор потому, что забегался, один дома, по-

²⁶ трудная профессия — у Марии Павловны Андреевой был кабинет кинезитерапевта.

²⁷ Вадим — См письмо 2.

мимо работы дневной еще заботы домашние, письма Мусе, которая за 1000 км, и прочие предлоги, о которых не стоит и говорить.

Попробую — до того как снизойдет вдохновение — в чем сильно сомневаюсь — ответить тебе по пунктам. Так, ты говоришь о наших последних «пустых» встречах и разговорах за тарелкой закусок. Да, конечно, это так: как хочешь ты, чтобы «общий» разговор мог быть личным, с глазу на глаз и с открытым сердцем? Последнее время мы только так встречались и просто-напросто не было самой насущной возможности поговорить по-настоящему. Но ты частично прав, говоря, что я как-то изменился, покрылся коркой чего-то, усох и замкнулся в себе. Ты тоже прав, что смерть Саввы²⁸ очень на меня подействовала. Не только она, но и болезнь Муси, и мое собственное хилое состояние, большое количество забот, видимо, это все вместе как-то изменило мое бывшее, живое и бодрое отношение к жизни, ощущение ее и живущих ею моим близким. Заметь, это «изменение» не столь глубокое, возможно, оно лишь временное. Мне приятно, что ты возбудил этот разговор, и от этого ты становишься мне еще дороже.

Ты говоришь о твоём внутреннем кипении и даже о каждодневной тревоге за будущее. Поверь одному: в твоём возрасте моя жизнь была еще тревожнее и, пожалуй, в той же мере насыщенной. Тогда именно грянула война, и моя жена с новорожденным сыном в глухой провинции Франции почти что голодала. Мир рушился, и тьма различных проблем раздирала сознание и совесть. Я к этому испытанию совсем не был подготовлен. То, что происходит в тебе сейчас, знаю, вполне нормально и должно иметь место. Иначе — ты не был бы тобою, особым, чутким, живущим и не спящим, — словом, деятельным и талантливым человеком. Без борьбы, без сомнений, разочарования, подчас и отчаяния нет настоящей жизни. Кому интересен спящий, погрязший в самодовольстве индивид, цена которому

²⁸ Савва — См. письмо 2.

грош? Испытываемая боль за себя и за других, за собственную судьбу и смысл ее — это живая вода, необходимый стимул для достижения важного и стоящего, для чего и стоит жить.

С тех далеких и мятежных движений моей души прошло много, много лет. Душа устала, всему бывает конец, и она больше не просит бури, как этот милый парус — ей любо... любоваться миром, природой, внешней и внутренней красотой жизни — во вне и в себе, и в других. <...>

То, что ты обращаешься ко мне, мне просто радостно, т.к. несмотря на сугубую разницу возрастов, все же чувствуешь во мне если не сотоварища, то просто душу еще не окончательно скристаллизовавшуюся (ну и слово!) и не усохшую, как мумия Рамзеса. И если ты писал без насилия над собой — совсем хорошо. И, кроме того, довольно родную душу, так как есть одна огромная личность, во все время и длительность наших жизней, парящая над нами и проникающая в самые сокровенные недра нашего сознания и нежной благодарности к нему, сумевшему в такой степени обогатить наше естество. Мне, понятно, выпала особая доля, ты же собственным разумом и пониманием, просто проникновенной любовью к тому же писателю пришел к моему... состоянию, и взаимное наше понимание в этой плоскости еще больше облегчает и делает радостным наше общение. <...>

Возвращаясь к уже сказанному, добавлю, что для подлинной близости и взаимного понимания недостаточно встретиться в семье за рюмкой водки со шпротом или другой какой рыбешкой: это все очень мило, но не дает главного. Ты это прекрасно знаешь и не будешь бросать в меня булыжником, просто подождем будущих возможностей, а пока же ты не ошибся, обращаясь ко мне, — я очень тебя люблю, Сашка, и поверь, желаю тебе в жизни и счастья, и, главное, достижений в литературе, в поэзии, в которой ты силен. Работай. <...>

14 июня 1976 г. Франция, Париж

(машинопись, фрагменты)

Выходит так, что Ольга Викторовна²⁹ поедет с дочкой Ольгой и Генри³⁰, мужем последней, который приедет в Женеву 19 июня (на ветхом автомобиле Вадима³¹) в Сент Пантелеон³², где Генри с «Олечкой» — так я называю дочь Вадима — обладают древней, обставленной ими провансальской фермой, которую обожал Вадим, где я с Мусей был и восторгался дикой прелестью местности. Там они проведут время до августа в надежде, что душевное и физическое состояние Ольги Викторовны кое-как поправится, т.к. оно в данное время совсем плохо, она не может опомниться³³ <...>

Если выйдет, заеду в Прованс³⁴ к Ольге, Олечке и Генри. Мне необходимо их видеть, поговорить обо всем, всем, что нескончаемо. Да, ты понимаешь мое положение: было у меня три брата. Их НЕТ больше, я остался один. Последний. Теперь я на очереди. Я или Вера³⁵ <...>

12 ноября 1976 г. Франция, Париж

(машинопись, фрагмент)

<...> У нас весьма кисло из-за полного расстройства здоровья Муси. Ее положение более чем серьезно: не говоря о ревматических болях повсюду, главное несчастье состоит в отменно плохом дыхании: она дышит всего на одну треть,

²⁹ Ольга Викторовна — См. письмо 3.

³⁰ Генри — Генри Карлайл (1926-2011), американский писатель и переводчик, муж Ольги Вадимовны Андреевой-Карлайл.

³¹ Вадим — См. письмо 2.

³² Сент Пантелеон — на юге Франции, в Провансе, недалеко от деревни Святого Пантелеона у Андреевых был участок земли и летний двухэтажный дом, где почти каждое лето собиралась вся семья. Здесь Вадим Андреев с увлечением занимался обработкой земли, посадками деревьев.

³³ После смерти Вадима Андреева прошло меньше месяца.

³⁴ Встреча в Провансе не состоялась.

³⁵ Вера — См. письмо 1.

так что когда схватывает кашель, начинается удушье, когда кажется, что душа расстаётся с телом. И слабость отчаянная.

10

31 января 1977 г. Франция, Париж

(машинопись, фрагмент)

Дорогой Сашук, твое письмо получил и нежно тебя обнимаю, ты молодец. Но в этом кратком — ты не найдешь ответа на твои соображения, которые я очень оценил по существу. Знаешь ли, у меня гадкое настроение — не из-за себя, но из-за болезни Муси, которая совсем в плачевном состоянии. И мы не вместе, а в тысяче км друг от друга³⁶, я ничем ей не могу помочь, разве хныканьем в телефонную трубку. Сам понимаешь, что нам обоим нелегко, ей, конечно, совсем мерзко. Главное, нет надежды на полное выздоровление, ко всем ее задыханиям, ревматизмам, слабости, даже головным болям прибавился грипп... Жар, кровать, полное расстройство нервов, подчас отчаяние. И одной там лежать... Правда, симпатичная соседка часто услужает, покупки делает, вообще в доме к Мусе отношение очень хорошее. И, главное, дети недалеко. Евгений³⁷ заезжает, мил и обходителен, привозит внучков — для Муси это всегда радостно, здесь в этом плане было бы хуже. Поэтому на ее жалобы и желание... приехать в Париж — я отвечаю несогласием и поневоле, видимо, играю роль бессердечного эгоиста. Но я не хочу, чтобы она мучилась здесь СОВСЕМ одна, связанная с внешним миром только телефоном. Говорит мне: ты ничего не делаешь, чтобы нам жить вместе, — видимо, тебе это нравится. Объяснять что-либо, как-то оправдываться, что «кушать надо» и что там на Юге нет для меня возможности работать, что НЕОБХОДИМО (у меня ни гроша сбережений, да что... минус грош). <...>

³⁶ в тысяче км друг от друга — в это время Мария Павловна жила в Кань-сюр-Мер (см. письмо 6).

³⁷ Евгений — См. письмо 2. Описание его дома на Лазурном берегу в письме 18.

Выполнение нашего контракта по Усть Илимю заканчивается, на деле уже кончено. К счастью, подвернулся другой небольшой контракт по восстановлению... табака. И на этот контракт меня посадили. Не думаю, что предусмотрены поездки в СССР, но не исключена возможность, на что сугубо надеюсь. Пока что я вынужден сидеть на 26-м этаже, правда, с великолепным видом (весь Париж с Триумфальной Аркой, Нотр Дамом, Пантеоном, Эйфелевой Башней и даже далекими холмами Кламара, за которыми мой Плесси Робинзон как на ладони, а под ногами Сена и скользящие по ней баржи, а над ними чайки, прилетающие сюда на зиму). Кто угодно позавидует такому бюро, помещению, я ведь говорил, что моя «башня», как называют такие билдинги здесь, 43 этажа, примерно 150 метров, темно-зеленого цвета, в общем внушительная и самая элегантная из всего тутошнего ультрасовременного городка на границе Парижа. Так как вокруг и позади высится еще 20 или больше таких сооружений, абсолютно новый квартал. Так что мне жаловаться было бы некрасиво: на 2 с половиной года работа моя обеспечена <...> То, что нагрянет позже, положимся на судьбу. Только бы Муся выздоровела. <...>

11

14 апреля 1977 г. Франция, Париж

(машинопись, фрагмент)

<...> вчера получил письмо от Р. Дэвиса³⁸, который сообщает (ликуя), что получил с оказией, как он выражается, половину вещей Саввы³⁹. (В Аргентине остается один чемодан с приблизительно 15 кг бумаг, главным образом писем Саввы мне и наоборот, а главное — уже ПОЛУЧЕНО). Ричард со-

³⁸ Р. Дэвис — Ричард Дэвис — директор и создатель Русского Архива в Лидском университете (Великобритания). В апреле 1977 г. он был еще аспирантом Кембриджского университета. С помощью друзей-аргентинцев Ричард Дэвис установил контакты с людьми в Буэнос-Айресе, которые помнили Савву и устроили передачу и перевозку его бумаг партиями в Кембридж и Лидс.

³⁹ Вещи Саввы — это архив Леонида Андреева, принадлежавший Савве Леонидовичу, и тот, который он получил из Нью-Йорка после смерти в 1948 году матери Анны Ильиничны.

бирается приехать сюда как можно скорее и передать МНЕ полученные вещи. В ответном письме я просил, чтобы он оставил ВЕЩИ как они прибыли, чтобы я первым смог бы их разобрать. Заметь, возможно, что я делаю гору из песчинки, но я настолько свыкся с мыслью, что эти бумаги НИКОГДА до меня не дойдут, что эта новость для меня была и очень приятной и... неожиданной.

Если тебе не трудно, позвони Людмиле Александровне⁴⁰ и скажи ей об этом. Она всегда очень сочувствовала и тревожилась. Ее отношение к Леониду Андрееву и рикошетом ко всем нам замечательно трогательное, и еще раз напони ей, что я ее ОЧЕНЬ высоко ценю, уважаю и до конца дней моих буду благодарить за ценнейший вклад ее в оценку и окончательное признание Леонида Андреева нашими современниками.<...>

12

29 апреля 1977 г. Франция, Париж

(машинопись, фрагменты)

<...> Когда думаю, что Мойка, Фонтанка и все, что составляет невыразимую ценность Ленинграда — со всеми вами, — вылетает стремительно из-под носа, и что все наши свидания и трепетные разговоры плавно переходят в область забвения, наверно, ОКОНЧАТЕЛЬНОГО, хочется взвыть. Но как быть??? Теперь я нахожусь в ведении нового Общества, которому наплевать на мою особу. Гораздо дешевле нанять на месте переводчика, чем возить из Франции своего, платить за проезд, гостиницу и прочее, поэтому я пригвожден к постылому стулу перед пресной машинкой <...>

Для меня остро и несносно сознание того, что нам НЕ СКОРО — если не НИКОГДА — не увидаться. Дай Бог — выйдет иначе. Если Мусе будет лучше, предпримем путешествие. Но пока что это взгляд в НЕЧТО, без уточнений. <...>

⁴⁰ Людмила Александровна — Людмила Александровна Иезуитова — см. письмо 4.

6 мая 1977 г. Франция, Париж

(машинопись, фрагменты)

<...> Муся совсем швах — даже больно говорить, насколько ее положение... безнадежно, вернее, не имеет каких-то положительных выходов. Психически она на самой грани — крайности, никакие вмешательства очередных врачей — СПЕЦИАЛИСТОВ не помогают. Испробованы ВСЕ лекарства, ВСЕ способы лечения (неизлечимой) болезни. Остается думать и предполагать: что дальше, как действовать, куда ехать? <...> Сейчас мы предполагаем ехать на Юг (в Кань)⁴¹ 29 мая, Муся там останется, а я через неделю вернусь. (Кушать нужно?) <...>

Противно все: не могу писать, не могу думать, рисовать, осточертело почти что все — почти все время в болезнях и остервенелом усердии помочь, но как?? Неумело, кривобоко, порою рыча и стервенея, ясно — по незаслуженным причинам, поводам... <...>

Разные есть больные, разные братомилосердии: я — самый скверный и неисправимый. Поверь, мой дорогой, что я урод в этом смысле: я теряюсь перед болезнью и страданием моего самого близкого существа и могу МОИМ СТАРАНИЕМ — очень искренним — принести ему ТОЛЬКО ВРЕД и некую истеричность, но ВСЕГДА, во ВСЯКИХ случаях я остаюсь виноватым, о чем знаю заранее, и плюхаюсь в душевную мрачную лужу. <...>

8 июня 1977 г. Франция, Париж

(машинопись, фрагменты)

<...> 10 дней тому назад я съездил в Лондон, где Дэвис передал мне небольшую часть бумаг, оставшихся после смерти Саввы, которые были Дэвису подвезены некими друзья-

⁴¹ Кань-Кань-сюр-Мер — См. письмо 6.

ми, причем $\frac{3}{4}$ бумаг еще остаются на месте — у опять-таки «друга» Ричарда. Должен тебе сказать, что те документы, которые оказались в небольшой картонке, переданные мне Ричардом Дэвисом, никак не могут быть переправлены на родину. Жалею, что не могу тебе объяснить толком, в силу каких причин. Но прошу об одном: верь мне абсолютно, я не только выполняю волю Вадима, но и сам полностью к нему присоединяюсь. Своевременно — это именно так — эти бумаги попадут во владение ЦГАЛИ, но это произойдет, наверно, после моей смерти. Об этом будет точно сказано в моем завещании⁴². <...>

Вере я написал столь же сжато. Она меня горько упрекала в последнем письме, что ВСЕ ДОСТАЕТСЯ МНЕ, а она, как сирота, глотает желчь... Знаешь, между нами, я охотно бы НЕ ознакомливался с этими мрачайшими бумагами, на меня легла тяжелая обуза. Но я принимаю решение абсолютное, как сказано выше. И оно взято мною исключительно в пользу того, кого мы любим и его... будущего. Верь мне. Других объяснений я сейчас не могу дать — ни тебе и никому. С моим мнением, увы, следует считаться. Ибо я, как ни странно, — последний сын Леонида Андреева. <...>

15

19 октября 1977 г. Франция, Париж
(машинопись, фрагмент)

<...> за последнее время ничего выдающегося не произошло, не касаясь печального состояний здоровья Муси и того, что через пять месяцев я удаляюсь на... пенсию, иначе говоря — вечный (весьма относительный) покой. Предстоит исполинская возня, совмещенная с гигантскими расходами: прощание с квартирой тут, где все обросло мебелью, пауками, картинами, книгами <...> и просто привычками и реф-

⁴² Судьба архива оказалась иной: после смерти Валентина Андреева рукописи по решению его сыновей были переданы в Русский Архив (Лидский университет, Великобритания).

лексами, которые трудно вместить даже во вместительный грузовик, несущийся на Юг⁴³, расстояние 1050 км всего. Это все — связанное с хлопотами о получении прав на ... пенсию (следует представить... властям все мое жизненнотрудовое поприще с доказательствами). <...>

До конца февраля, стало быть, я еще как-то питаюсь и с дрожью езжу на машине (8 сил), съедающей 10 литров <...> на работу в небоскребе, в уныло плоской атмосфере общего непризнания и игнорирования личности. <...>

От Ричарда Дэвиса⁴⁴ у меня было здорово запоздалое (его ждал 2 месяца) извещение о том, что... в конце августа приехал друг доктора Фридмана, привезший тетради дневника Саввы⁴⁵ и 2 тетради дневника Леонида Николаевича (копия рукой Анны Ильиничны)⁴⁶ и еще другой «друг» ... бывший в Аргентине, привез... фотографии, «которые получу через неделю». Ричарду этот друг сообщил, что у него (Фридмана) остался чемодан 100х50х25 см, преимущественно с письмами (но не Леонида Андреева). Ричард надеется получить его в течение следующих месяцев. Вот это все. Я написал Дэвису строго, прося его прислать мне адрес знаменитого доктора Фридмана, чтобы выяснить окончательно наше положение и на что рассчитывать по существу. <...>

Саша, будь добр и сообщи маме, папе, Лене⁴⁷ и всем нашим близким о том, что говорю тебе. Признаюсь, что у меня не хватает ни бодрости, ни силы, ни времени писать всем поочередно. <...>

⁴³ на Юг — См. письмо 6.

⁴⁴ Ричард Дэвис — См. письмо 11. После 1 июля 1977 г. Ричард Дэвис начал работать на кафедре славянской филологии Лидского университета.

⁴⁵ тетради дневника Савва — См. письмо 2. Фрагменты из дневника Саввы Леонидовича Андреева опубликованы в книге «Леонид Андреев. Далекие. Близкие» (М., 2011. С. 387-397).

⁴⁶ копия рукой Анны Ильиничны — историю текста дневника Леонида Андреева, опубликованного в кн. «Леонид Андреев. S.O.S: Дневник (1914-1919); Письма (1917-1919); Статьи и интервью (1919); Воспоминания современников (1918-1919) / Вступ. статья, составление и примечания Р. Дэвиса и Б. Хеллмана. М.; СПб., 1994», см. в Примечаниях (Текстологическая заметка. С. 418-419).

⁴⁷ Лена — См. письмо 4.

4 ноября 1977 г. Франция, Париж

(машинопись, фрагменты)

<...> Наступает огромный, наверно, последний переворот в моей жизни: покидаю Париж, все же город, в котором провел 45 лет более или менее сознательной жизни. Не расковыривая наболевшую рану, добавлю, что с большим трепетом думаю, во что выльется эта жизнь нас обоих там, на Юге⁴⁸, в маленькой двухкомнатной квартирке, при наличии острой болезни Муси и всем с этим связанным, и, ясно, моей личной подчиненности домашним, увы, явлениям. <...>

Наша «фортуна» не позволит мне с Мусей жить лежа в гамаке. Отнюдь нет: нужно будет подрабатывать. Как? В этом и зарыта легендарная собака. Там, на Лазоревом Берегу люди НЕ работают, а веселятся или лежат в шезлонгах, поплывавая на досуге в синее небо и столь же синее море. Там нет промышленности, способной дать мне какую-нибудь работу, подсобную, кумекаю я. Моя пенсия будет настолько мизерной, что не смогу на досуге позволить себе лишнего стакана красного, без чего человек чувствует себя никчемным и не заслуживает рая со скрипками и тромбонами. <...>

6 февраля 1978 г. Франция, Париж

(машинопись, фрагменты)

<...> Саша, мне чудится, что если тебе не удастся приехать сюда (для чего я тебе по мере сил подсоблю), то мы вообще больше не увидимся и все, что уже накопилось и — естественно — еще накопится в дальнейшем, не будет высказано, и я — так как именно мне предстоит в недалеком будущем пуститься в дальний путь — так и улечусь безо всякой пользы ни для тебя, ни для кого-либо. Так что, мой милый, принимайся безотлагательно за хлопоты — я тебе

⁴⁸ на Юге — См. письмо 6.

пришло приглашение по всем правилам. Единственное, чего не смогу сделать, — это прислать тебе необходимую сумму на билет. Я смогу вполне обеспечить тебе существование тут, в Галлии, тебе нужно будет только оплатить проезд. Помимо всего, нужно будет приехать тебе в Кань-сюр-Мер⁴⁹, на Лазоревый Берег, как говорится. С конца апреля с.г. мое жилье в Плесси Робинзоне⁵⁰ перестанет существовать. После грандиозного трагического переезда со всем хламом и паучьими тенетами, скорпионами и мебелью у нас с Мусей останется лишь утлая квартирка в Кань, но в которой есть привольное место для одного родственника, увы, не двух. Рядом море, сзади горы со снегом и прочее, о чем ты прозорливо догадываешься. Я больше работать не буду: все мое сущее я посвящу тебе <...>⁵¹

Ты являешься единственной крепкой и надежной связью меня с... ускользающей Родиной, моя благодарность тебе огромна. Не хочу пускаться в приторный и ненужный лиризм, но повторю: без всего того, о чем ты мне так мило и ласково говоришь, о всем происходящем сообщаемь, мне стало бы ОЧЕНЬ одиноко и, пожалуй, непоправимо грустно. Сашук, не забывай, что я ПОСЛЕДНИЙ сын Леонида Андреева, еще коптящий небо, и не сердись на меня за огромные грехи, которым я подвластен. <...>

18

30 июня 1978 г. Франция. Кань-сюр-Мер

(автограф, фрагменты)

Дорогие Ириночка, Сима, Саша, гробовое молчание прерву... первый. Должен признаться, что с того рокового момента, когда комфортабельно «сел на пенсию», даже самый вид бумаги мне стал несносен. Мне бы пальмы, дельфины, чайки, водоросли и альбатросы — остальное все чепуха. Но

⁴⁹ Кань-сюр-Мер — См. письмо 6.

⁵⁰ Плесси Робинзон — См. описание этого жилья в письме 6.

⁵¹ Поездка Александра Вагина к Валентину Андрееву в Кань-сюр-Мер не состоялась.

этих перечисленных я редко вижу. Больше вижу полы, тарелки, компрессы, лавчонки с зеленью. Вам сразу понятно, что здоровье Муси швах, и когда кончается одно, начинается другое. <...>

Садик — очарование, я выходил его на мощных когда-то грудях моих — в нем тянутся к небу: мимоза, лавр, олеандры, лимонное дерево, сирень, та пальма, которую я 15 лет тому назад привез из Флоренции (она была ростом в 8 см, а теперь на 2 головы выше меня...), душистый горошек и различные деревья и цветы, в качестве переводчика незнакомые мне на русском диалекте. Мне, да и Мусе иногда, когда ей легче, доставляет определенное удовольствие копать в нем. Вырос Ленинградский укроп, пролежавший 3 года в кармане моих брюк, петрушка. Не говорю о провансальских спецтравах, без которых жизнь здесь бессмысленна. <...>

Часто видимся с Евгением, Микаэлой и детьми (внуками)⁵². До них каких-то 8 км. Говорил ли, что Женя купил большой дом в 2 этажа над Ниццей (100 м) с чудным видом на дикую, незастроенную долину — а вдали горы — «Приморские Альпы»? Для детей там рай. Работ над домом много. Уже многое сделано, но предстоит огромное: купить склон горы, выровнять его, устроить купальный бассейн... Проектов много, главным образом трудноосуществимых. Женя работает бешено: по 2 раза в месяц летает в Иран, где под его руководством и ответственностью строятся дворцы для семейства шаха. И здесь ему покоя нет, в общем разворачивается человек.

С Мишей и Франсин⁵³ (с которыми были нелады) отношения выправились, возможно, от... расстояния, нас разделяющего (каких-то 1200 км!), писали нам, прислали фото Симона и Антонина⁵⁴ (пересниму и пришлю Саше для коллекции) — наверно, увидимся этим летом. <...>

⁵² Евгений, Микаэла, внуки — младший сын Валентина Андреева, его жена, внуки Алексей и Мелина.

⁵³ Миша, Франсин — старший сын Валентина Андреева, его жена.

⁵⁴ Симон, Антонин — дети старшего сына.

У нас в силу обстоятельств завелась новая машина, RSTL (Renault) — маленькая, с двумя дверцами, но с 4 сиденьями, элегантная и шустрая, бледно зелено-голубого цвета (водорослей), пока в ней 4000 км, и посему выглядит прилично, даже привлекательно.

Много возни со всякими официальными документами, бумагами в связи с уходом на пенсию — здесь бюрократия неизменно тяжеловесная, придирчивая и тупая.

19

4 января 1979 г. Франция. Кань-сюр-Мер

(автограф, фрагмент)

<...> через неделю уезжаю на 2 месяца сопровождать советских стажеров, их 7 человек, инженеры. Сначала месяц на заводе в сосновом лесу (самом большом во Франции) около Бордо, потом 15 дней в Страсбурге, а последние 15 дней катание по всей стране по заводам (целлюлозным). Конечно, сложный вопрос с Мусей, которой оставаться одной невозможно. В принципе, приедет девушка-швейцарка, которая будет помогать во всем. Мне же лично будет приятно и полезно слегка размять члены, да и кошельку тоже будет отрадно, ибо на нашу пенсию особенно не раскachaешься. <...>

20

23 марта 1979 г. Франция, Кань-сюр-Мер

(автограф, фрагмент)

Дорогой Сашук и вся семья! Даже не прошу прощения за свинское молчание. Остается надеяться, что у вас прилично, и вы храбро сражаетесь с судьбой. Тут у нас печально: вчера позвонил мне из Парижа Саша Андреев⁵⁵ и сказал, что только что умерла Оля (Ольга Викторовна)⁵⁶, его мать и вдова Ва-

⁵⁵ Саша Андреев — Александр Вадимович Андреев (1937-2016), сын Вадима Андреева, племянник Валентина Андреева. Переводчик-синхронист. В 1968 году вывез из Советского Союза микрофильм книги А. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ».

⁵⁶ Ольга Викторовна — См. письмо 3.

дима. Приближаемся мы к развязке — все меньше и меньше нас незадачливых. Особенно я жалею Наташу⁵⁷, сестру Оли, для нее Оля была центром жизни, благодаря ей, ее доброте и заботе, Оля могла все это последнее время относительно спокойно жить. А умерла она вчера утром, внезапно. <...>

От 8 января до 8 марта я отсутствовал, вернее, ездил с советскими инженерами по Франции: Бордо, Страсбург, Руан и прочие города, лишь раз умудрился слетать к Мусе, которая совсем приуныла. Это меня, естественно, несколько развлекло и добавило горсточку масла в шпинат (как говорят французы), но и утомило. Вот уже две недели, как я вернулся к обычной деятельности, т.е. уборке, стирке, мытью посуды и, главное, уходу за Мусей, которая всегда не на высоте положения. <...>

21

15 декабря 1979 г. Франция. Кань-сюр- Мер (автограф)

Дорогие все — даже не перечисляю, имя вам — легион!! И сразу же целую всех сразу и по очереди.

Затем, не спрашивая, «как у вас», — скажу, как у нас. В общих чертах дело продвигается как может и вроде бы как положено. Мусю оперировали 16-го ноября и продержали в здешней клинике до 13-го.

Вчера ее перевезли в Cannes (30 км от дома) в некое заведение современного типа для переобучения и, так сказать, восстановления со всякими упражнениями, гимнастической ходьбой и проч.

Улучшение бедра — вне сомнений. Муся говорит, что если бы ей позволили ходить на обеих ногах, она помчалась бы стрекозой. Увы, не только в костях дело — дыхания никакого, слабость дикая. Так что еще рано судить. Многие в новой «Поликлинике» ей не нравятся. Не без трепета думаю о недалеком будущем.

⁵⁷ Наташа — См. письмо 3.

В принципе, она останется в Cannes месяц. А затем дома, и я санитаром. Не стоит усугублять, положение говенное.

Я езжу к Мусе каждый день. Сам болел дважды (некое пищевое отравление). Сейчас кое-как ожил.

К счастью, дети наши (Евгений с женой) очень трогательно нам обоим помогают всячески. Без них был бы каюк.

Зима тут довольно терпимая. Солнце, иногда ветер. Температура от 12° до 18°, море, как всегда, синеватое.

Необходима гигантская доза терпения и оптимизма, чтобы не увязнуть окончательно в этой печальной и мутной бузе. Стараюсь по мере сил.

С Мусей трудно со всех точек зрения. Комок именно нервов. Очень, очень трудно. А я весьма неуклюжая сестра милосердия!

Никому не пишу, сижу в своей мало комфортабельной скорлупе, терплю и соплю — авось проблеск и будет?? Дай Бог.

Простите, дорогие, краткость и невразумительность. Ком в горле и на душе. Может быть, следующее будет более оптимистично? Целую еще раз всех: Ирину, Симу, Сашу, Лену⁵⁸, Галю⁵⁹ — не говоря о всех близких и дорогих друзьях. И целую особенно нежно лед на Неве. Мой привет ангелу на Петропавловском Соборе.

Храни вас всех судьба.

Всегда с вами

Валентин

22

3 мая 1980 г. Франция. Кань-сюр-Мер

(автограф, фрагмент)

<...> Весна какая-то странная: холод — сырость — тепло — солнце — дождь. Проектов у нас немного: на лечение,

⁵⁸ Лена — См. письмо 4.

⁵⁹ Галя — Галина Андреевна Оль (1910-1993), дочь Риммы Николаевны Андреевой-Оль и Андрея Андреевича Оль, двоюродная сестра Валентина Андреева.

как в каждом году, в Овернь мы не поедem. Ни к чему. Одна слабая надежда на наемный дом в 40 км отсюда на высоте 450 м — для дыхания Муси это пребывание там лучше. Я нанял этот дом на весь год, а пробыли мы там с июня по август 79. Ну что же, авось и поможет?

Естественно, без автомобиля ни туда, ни там на месте не справиться. Поэтому наша машина необходима. Пока она еще действует. Там рядом с деревушкой леса, виды, сосны, запахи. Для Муси летом это отрадно, и она может дышать и отдыхать, лежа на шезлонге в лесу, читая или прядя для меня халаты.

Но зимой не может быть и речи. Ждем — поджидаем лучших дней. Наверно, дней через 15 возможно будет туда поехать. Ясно, буду заезжать домой хоть раз в неделю (40 км).

Дома Муся скрипит и лечится, я же кое-что по дому делаю, сам я за это время ничего не писал, не рисовал, жил растительно и бестолково. Муся полна энергии, но которая, увы, не находит выхода, т. к. такового нет, т.е. она на него не способна.

Видимся с детьми — внуки, внучки очаровательны. Вчера были у нас, возились с ними, у меня особенная дружба с Мелиной⁶⁰, ей 7 лет, — милейшая девчонка, хорошенькая, пухлая, в общем все качества (не как у нас стариков!).

Сегодня 4 мая — 45 лет со дня нашей с Мусей свадьбы и 39 лет того же числа с даты рождения Евгения, с которым, кстати, завтра мы отпразднуем это событие у них в Ницце (8 км). <...>

23

23 февраля 1982 г. Франция, Париж (автограф)

Дорогие мои Сима и Саша, спасибо от всего сердца за ваше сочувствие, которое растрогало мое окончательно разбитое сердце. Трудно, несносно говорить об этом жутком воспоминании последних дней Муси. Может быть, к счастью

⁶⁰ Мелина — дочь младшего сына Евгения.

для нее последние часы она была без сознания и наверно не почувствовала этот переход в вечность.

Ее перевезли в другой госпиталь для *réanimation*, т.е. возвращения в жизнь, — она уже 4 часа была без сознания, врачи говорили, что они обязаны сделать все, что зависит от них для ее спасения. Этот переезд оказался излишним. Я с моей верной Микаэлой (женой Жени)⁶¹, оказывавшей мне огромную поддержку, подъехал к этому второму госпиталю, где врачи сказали, что Муся была в состоянии безнадежном, и помимо всего случился сердечный удар, чего она не смогла перенести. «Она умерла, — сказали мне. — Хотите ее видеть?» Да, страшно вспомнить, она была еще теплая, когда я поцеловал ее в лоб. Ночью в одиночестве мне представилось, что меня обманули, и что она жива. Как сумасшедший я помчался утром в этот госпиталь и вновь увидел ее. Но лоб ее был ледяной. Только в эту тяжкую минуту я уверился в том, что это отчаянная правда, и она ушла навеки. Вот прошло 40 дней, но этот жуткий, не оставляющий меня в сердце и сознании лежащий ком, мучит меня беспощадно. Я снова на несколько дней в Париже — в прошлое воскресение служили панихиду по Мусе — ее так все прихожане любили... Все плакали, а о себе и не говорю. Бедная моя, как она настрадалась! И говорила: скорее бы конец.

Ее желанием было, чтобы ее похоронили в могиле ее родителей, что я и сделал. Это было сложно и хлопотливо, т.к. от Ниццы, где она умерла, до русского кладбища в Ste Geneviève (30 км от Парижа) около 1000 км. И различная беготня по всяким учреждениям, что и говорить.

Теперь она там, под землей, — вечный ей покой, а мне вечное мучение.

Через час мы (Виктор, ее брат с женой и я) едем на кладбище (в моем автомобиле) осмотреть могилу и заказать мраморную плиту на кресте...

Наверно, мне самому не удастся покоемся рядом с моей любимой женой. Там есть еще одно место, но оно по праву

⁶¹ Женя — младший сын Валентина Андреева.

принадлежит брату Муси. Я же останусь один, как теперь, — где? Не знаю. Но это второстепенное. Она живет во мне и будет жить до последнего дыхания.

Стараюсь перебороть в себе эту дикую горечь. Меня окружают хорошие люди. Буду ездить в Париж, встречать друзей. После пяти лет, когда я сам себе не принадлежал, а верно служил Мусе, которая ничего не могла делать, — я стал более «свободным» (какое жалкое слово!) и попробую заниматься живописью, писанием, прогулками в природе, кажется, весной поеду в Швейцарию, где моя двоюродная сестра в Женеве и друзья в Лозанне.

Во время моего отсутствия (в прошлый раз) мою квартиру обокрали, унесли ряд ценных вещей, все разрушили, украли много денег.

Автомобиль после этого тоже уkraли, но, к счастью, через 48 часов его нашли, частично разломанным.

Но по сравнению с потерей Муси все это пустяки, и мне оно стало почти безразлично.

Не знаю еще во что превратится моя жизнь, но буду писать вам по мере сил.

Обнимаю и целую вас, мои дорогие, храни вас Бог.

Нет у меня сил писать еще Лене⁶² — я ее очень люблю — передайте ей мой нежнейший поцелуй.

Может быть, произойдет чудо и я как-нибудь умудрюсь приехать к вам — мечтаю о том.

До скорого, дорогие.

Всегда ваш любящий Валентин

⁶² Лена — См. письмо 4.

*Иллюстрация художника П. Соколова
к рассказу И.С. Тургенева «Хорь и Калиныч».*

*Иллюстрация художника П. Соколова
к рассказу И.С. Тургенева «Льгов».*

Карл Цумпт Август Бёкх
Профессора Берлинского университета.

Фрагмент Пергамского алтаря. Берлин.

*В.В. Апраксин, орловский губернский предводитель дворянства. Неизв. художник, 1-ая половина XIX века.
(Музей-заповедник «Дмитровский Кремль»).*

Дом Талызина в Орле, в котором В.В. Апраксин останавливался в 1870-е гг. Современная фотография.

Сцена из спектакля
Орловского драматического
театра им. И.С. Тургенева
«Дым». Литвинов – арт.
А.А. Горохов, Ирина- арт.
Н.Ю. Золотарева.

Сцена из спектакля Орловского
драматического театра им.
И.С. Тургенева «Последний
колдун». Перлимпинпин – засл.
арт. РФ А.А. Магдалинин,
Кракамиш – нар.арт. РФ
П.С. Воробьев.

Сцена из спектакля Орловского драматического театра им.
И.С. Тургенева «Отцы и дети». Базаров – нар. арт. РФ
П.С. Воробьев, Одинцова – арт. Л. Борисова.

ОРЛОВСКИЙ
ДРАМАТИЧЕСКИЙ
ТЕАТР ИМЕНИ И.С.ТУРГЕНЕВА
ОСНОВАН В 1815 ГОДУ

180-летию Орловской сцены посвящается

И.С. Тургенев

НЕОСТОРОЖНОСТЬ

Трагикомедия

Постановка Б.Н. Голубицкого
Художник по костюмам В.Б. Козлова
Музыкальное оформление Н.Д. Михайлиной

Художественный руководитель театра —
Б.Н. Голубицкий

Д.Н. Муромцев. Москва. 1930-е гг.

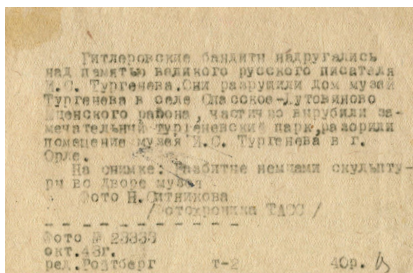
*Л.Ф. Муромцева с детьми. Сидят (слева направо):
Вера, Всеволод, Павел, Дмитрий. Москва 1890-е гг.*

*Валентин Леонидович Андреев в гостях у семьи Вагиных;
слева направо: Л.А. Андреев, В.Л. Андреев,
его жена М.П. Андреева, Е.Г. Андреева,
И.А. Андреева (Вагина) и ее сын Саша Вагин. Ленинград.*

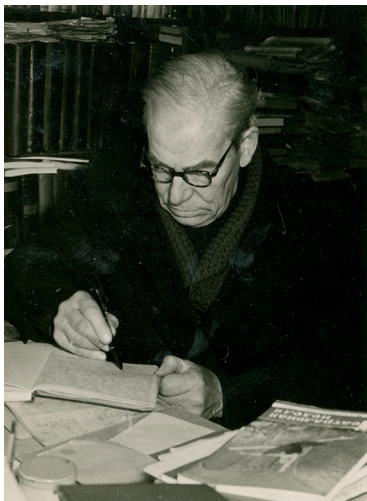
Мария Самойловна Давыдова. Фото 1910-х гг.

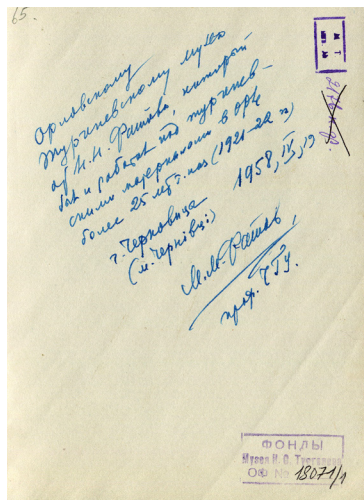
*Разбитые немцами скульптуры во дворе музея
И.С. Тургенева. 1943 г. Фото Н. Ситникова.*

*Здание краеведческого музея (Торговые ряды)
во время оккупации. 1941-1943 гг.*

Н.Н. Фатов. 19 апреля 1958.
Черновицы.

Дарственный автограф
Н.Н. Фатова.

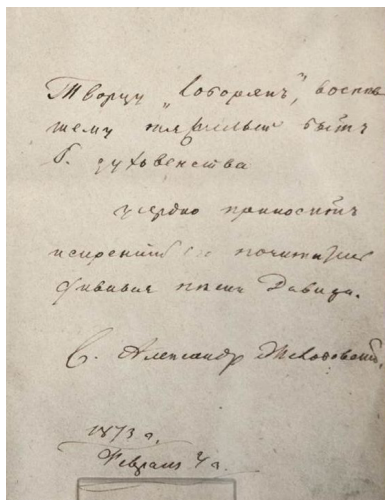
Рецензия Н.Н. Кнорринга на
книгу М. Пришвина «Корень
жизни». Газета «Последние
новости». Париж, 1934.

Н. Н. Кнорринг (1880-1967).

А.А. Желобовский,
протопресвитер военного и
морского духовенства. Фото
1890-х гг.

Дарственная надпись
А.А. Желобовского на книгу
«Псалтырь» из библиотеки
Н.С. Лескова.

Церковь Захарии и Елисаветы. Фото XIX века.

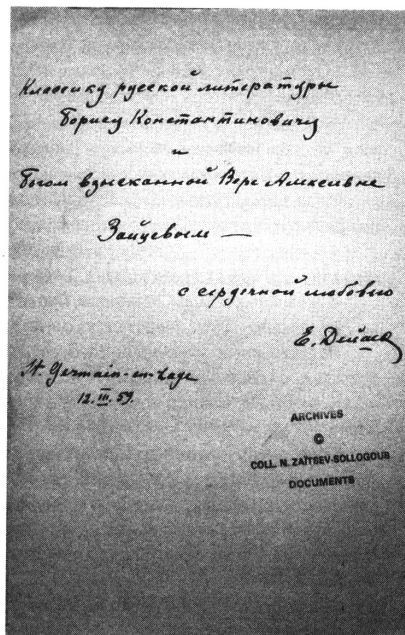
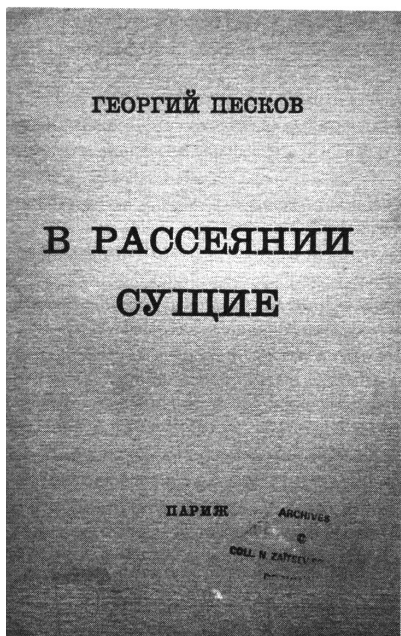
В этой церкви служил в 1860-е гг. А.А. Желобовский.

«Я советуюсь с Пушкиным, когда пишу...». И.А. Новиков.

*Скульптор А.Н. Златовратский. Бюст А.С. Пушкина.
Мрамор. Из кабинета И.А. Новикова.*

Дарственная надпись Е. Дейши (Георгия Пескова) Зайцевым на авантитутле книги «В рассеянии суще» (12.03.1959)

Из книги «Вера жена Бориса». Дневники В.А. Зайцевой 1937–1964. М. Дом-музей Марины Цветаевой, 2016.

Б.К. Зайцев в рабочем кабинете. Фото до 1973 года.

ПИСЬМА ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА К В. В. ВЕРЕСАЕВУ (1901–1916 ГГ.)

Публикация и вступительная статья А. П. Руднева

Леонид Андреев и В. В. Вересаев — писатели, принадлежащие к одному поколению (Л. Андреев был на четыре года моложе). Кроме того, они являются уроженцами соседних городов — Орла и Тулы, из которых, как известно, вышли почти все крупнейшие русские писатели. В начале XX века они оба входили в круг авторов, близких к горьковскому издательству «Знание» и общедемократическому крылу русской литературы в целом. Оба были активными участниками литературного кружка «Среда», собиравшегося в московском доме Н. Д. Телешова.

Отношения и переписка Л. Андреева с В. В. Вересаевым, несомненно, значительный и интересный историко-литературный факт вообще, в то же время это значительная страница биографии, как Андреева, так и Вересаева.

Ещё до личного знакомства Андреев и Вересаев хорошо знали друг о друге. Л. Андреев в одном из своих обозрений в газете «Курьер» очень высоко оценил книгу Вересаева «Записки врача», которая, как известно, явилась громким литературно-общественным событием и наделала много шума.

«... Когда на свет Божий появились "Записки врача" г. Вересаева,— писал Л. Андреев,— они были лишь ответом на потребности времени, и потому с такой исключительной горячностью отнеслось к ним довольно инертное общество. Беспощадно откровенный, правдивый до той высокой степени, когда правда является нагишом, искренне сомневающийся и не пытающийся скрыть своих сомнений, — г. Вересаев жестко схватил быка за рога, а вместе с ним и тысяча рук уцепилась за них <...>. <...> Во всяком случае, если книжка г. Вересаева и не была совершенно неожиданным подарком (из ящика Пандоры), свалившимся безотносительно

к потребностям читателя, как иногда кирпич валится на голову, если даже она оставила холодными и спокойными товарищей г. Вересаева, менее искренних и совестливых — то в головах другой заинтересованной стороны, пациентах, она произвела решительный переполох. Именно переполох. Сомнениями заразить легче, чем верой, и какие бы способы примирения с медициной лично для себя не придумывал г. Вересаев — читатель его весьма и весьма затруднится протянуть руку этой госпоже, столь двусмысленно ему представленной. Пришлось мне слышать о некоторых людях, которые после книжки г. Вересаева стали докторов бояться. Конечно, это крайность, но по ней можно судить о настроении публики, побывавшей за кулисами»¹.

В другой же статье Л. Андреев дал следующую, также чрезвычайно высокую оценку «Запискам врача»: «По редкому бесстрашию, по удивительной искренности и простоте, книга г. Вересаева "Записки врача" принадлежит к числу замечательных явлений не только в русской, но и в европейской литературе. Не как заматерелый специалист, ушибленный своей специальностью до затмения рассудка, а как человек с широким общественным кругозором и чуткой совестью, приступает г. Вересаев к переоценке установившихся ценностей — и нарисованная им картина сияет красками правды и истинной глубокой человечности. <...> нельзя не уважать г. Вересаева как смелого борца за правду и человечность. И если после книжки г. Вересаева вы полюбите его и поставите в ряды тех, перед которыми всегда следует снимать шляпу, — вы отдадите ему только должное»².

А в 1902 году в заметке «Рассказы Вересаева», подвергая критическому разбору такие получившие известность произведения Вересаева, как «В сухом тумане», «В одиночку», «В степи», «К спеху», Л. Андреев определил Вересаева-писателя как вечного и тревожного искателя правды,

¹ Впечатления // Курьер. 1901. № 236. 25 ноября. С. 2.

² *Джеймс Линч* [Л. Андреев]. Москва. Мелочи жизни // Курьер. 1901. № 337. 6 декабря.

вдумчиво относящегося к окружающей действительности, страдающего за человека, который покори́л весь мир и не может устроить своей собственной жизни. Это страдание и жалость, связанная с ним, дают ему (Вересаеву. — А.Р.) особенно острое зрение, которое показывает нам то, мимо чего мы часто равнодушно проходим. И симпатичный талант автора, согретый, как лучами солнца, выстраданной любовью к людям, становится близким и дорогим для благодарного читателя...»³.

В конце того же 1901 года, когда вышли «Записки врача», Андреев пригласил Вересаева сотрудничать в газете «Курьер», где вскоре, в январе 1902 года, в рождественском номере, был опубликован рассказ «За права. Из летних встреч». К этому времени, несколько раньше, относится и начало их переписки, продолжавшейся с перерывами до марта 1916 года. Частично письма Андреева были опубликованы самим Вересаевым уже много времени спустя в тексте воспоминаний о Л. Н. Андрееве.

В своё время, во второй половине 1980-х годов все 16 сохранившихся писем Л. Андреева к В. В. Вересаеву были подготовлены к публикации в полном объёме и частично прокомментированы Евгением Андреевичем Зайончковским (1919–2001), родственником и наследником писателя, бесконечно преданным его памяти, бывшим страстным пропагандистом творчества Вересаева, публикатором ранее неизвестных текстов. Также им были переизданы некоторые забытые и редко печатавшиеся произведения Вересаева. Е. А. Зайончковский при своей жизни являлся хранителем дачи Вересаева на Николиной Горе, где организовал частный музей писателя, к сожалению, уже не существующий. В подготовке к печати и комментировании писем Андреева к Вересаеву принимал участие и автор этой статьи, работавший вместе с Е. А. Зайончковским, однако по не зависящим от нас, так сказать, «внетекстовым» причинам, эта публикация не увидела тогда света. В связи с этим также невозможно

³ Курьер. 1902. № 305. 4 ноября. С. 3.

не вспомнить с благодарностью крупнейшего исследователя творчества Л. Андреева, сотрудника ИМЛИ Вадима Никитича Чувакова (1931–2004), принимавшего живое участие в расшифровке и комментировании писем. Теперь же мне пришлось это делать во многом заново одному.

Личное знакомство писателей, которое вскоре перешло в дружеские отношения, произошло в мае 1903 года в Ялте, хотя, как писал впоследствии Вересаев, «люди мы были во всём чудовищно разные»⁴. Андреев и Вересаев много тогда общались, а под влиянием Андреева Вересаев увлёкся фотографированием и сделал много фотографических снимков в Ялте.

На протяжении 1903 — первой половины 1904 годов писатели часто виделись в Москве. Тогда же они вместе сфотографировались. В письме к М. Горькому от 6 или 7 февраля в ответ на просьбу Горького передать Вересаеву поклон, Андреев писал: «Викентьичу с удовольствием поклонюсь — милый он человек, серьёзный и даже несколько торжественный»⁵.

Именно Л. Андреев привлёк Вересаева к участию в литературном кружке «Среда». На телешовских «Средах» писателям и деятелям искусства (среди них были Ф. И. Шаляпин и С. В. Рахманинов) давались шуточные прозвища, связанные с различными московскими наименованиями. Так, Вересаев за твёрдость и нерушимость взглядов получил звание «Каменный мост», в то время как Андреева первоначально прозвали «Ваганьково», но он так протестовал, что его «переименовали» в «Большой Новопроектированный переулок»⁶.

Как видно из писем этого времени, Андреев очень высоко ставил литературные мнения и суждения Вересаева, внимательно прислушивался к ним, прежде всего, естественно, по поводу собственных произведений, в частности, повести «Жизнь Василия Фивейского», которую читал Вересаеву и Ф. И. Шаляпину у себя на квартире в Грузинах в начале 1904 года.

⁴ Вересаев В. В. Собр. соч.: В 4 т. М.: «Правда». Т. 3. С. 384.

⁵ Литературное наследство, т. 72. Максим Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка. М.: «Наука», 1965. С. 194.

⁶ См. об этом в кн.: Телешов Н. Д. Записки писателя. М., 1958. С. 50.

Когда во время начавшейся русско-японской войны Вересаев уехал на фронт в Манчжурию в качестве военного врача, то перед отъездом, не имея тогда квартиры в Москве, оставил свои вещи у Андреева в его квартире в Среднем Тишинском переулке.

9 февраля 1905 года Андреев был арестован и заключен в Таганскую тюрьму за предоставление своей квартиры нелегальному собранию ЦК РСДРП. Во время обыска были обнаружены вещи, принадлежавшие Вересаеву, что фигурировало в полицейском протоколе⁷.

А ещё задолго до этого, в апреле 1904 года Андреев писал Вересаеву: «Эх, Викентий Викентьевич! На свете существует Крым, а Вы сидите в Туле», и всячески соблазнял своего корреспондента крымскими красотами, солнцем, морем и в присущей ему шутливой манере писал: «Вчера ноги мои два раза лазали на мыс Мартьян, и я вполне явственно слышал, как смеялись пальцы: большой — благодушным басом, а мизинец тонким несколько истерическим хохотком: именно на нём-то существует мозоль. И большой сказал: «а каково-то сейчас пальцам Вересаева?» Маленький ехидно ответил: «они в калошах!»». — И далее добавил: «Я вас очень люблю, Викентий Викентьевич, и мне очень вас не хватает»⁸.

В другом письме, посланном после 15 июля 1904 года также из Ялты, Андреев делился с Вересаевым своими впечатлениями и размышлениями по поводу кончины А. П. Чехова: «То, что творилось вокруг мертвого Чехова, похоже на извержение исландского гейзера, выбрасывающего грязь. Столько пошлости, подлости, наглости, лицемерия — будто сбесилось стадо свиней. Поверить всем этим скотам — так не было у них лучшего друга, как Чехов, а Чехов — был другом только скотам. Даже Маркс (А. Ф. Маркс, издатель. — *А.Р.*), про которого Чехов перед смертью писал: «обманут им глупо и мелко», возложил венок: «Лучшему другу»⁹.

⁷ См. об этом: ЛН, т. 72. С. 260.

⁸ РГАЛИ, ф. 1041 (В. В. Вересаев), оп. 4, ед. хр. 182, л. 14.

⁹ Там же. Л. 11.

В письмах Андреева к Вересаеву периода 1905–1906 годов содержатся многочисленные суждения о Русско-японской войне, о падении Порт-Артура, о современном политическом положении России и назревавших революционных событиях, которые Андреев поначалу приветствовал, подобно большинству демократически настроенной интеллигенции того времени, но затем наступило горькое разочарование. Позиция же Вересаева была более уравновешенной и последовательной. Хотя подобное разочарование также проявилось в его повести «К жизни» (1909).

«В России будет республика,— писал Андреев,— голос многих, отдающих себе отчет в положении дел»¹⁰. А в письме Вересаеву из Глиона (Швейцария) от 7 апреля 1906 года Андреев привёл строчку из стихотворения Н. В. Берга: ««На святой Руси петухи поют, скоро будет день на святой Руси». Революция! Да такое же привычное, узаконенное, почти официальное слово, как некогда полиция — а как *она* кажется свежему человеку?»¹¹

Находившемуся тогда в действующей армии на Дальнем Востоке Вересаеву Андреев сообщает многие политические, литературные и прочие новости — о демонстрации в Москве, о готовившейся конституции, о делегации представителей земства к Николаю II, о Горьком, Московском художественном театре, рассказах С. Г. Скитальца, о смерти 5-летнего сына И. А. Бунина Коли, о своём рассказе «Красный смех», который он определил как «дерзкую попытку, сидя в Грузинах, дать психологию настоящей войны»¹². В уже приводившемся письме от 7 апреля 1906 года Андреев писал: «Дорогой и милый Викентий Викентьевич! Не писать надо, а увидеться и, прежде всего, расцеловать Вас в радости, что вы вернулись здоровым и невредимым. По правде говоря, я очень боялся за вас — как-то вы всю эту чертовщину выдержите. Однако выдержали — я читал Ваши рассказы в "Мире Божьем"»¹³. (Име-

¹⁰ Письмо от 25 марта 1905 года. Там же. .

¹¹ Там же. Л. 16.

¹² Там же. Л. 17.

¹³ Там же. Л. 13.

ются в виду рассказы Вересаева о японской войне «Исполнение земли» и «На отдыхе» // Мир Божий, 1906. № 2, 5, 7).

В письмах Андреева этих лет громко звучало суровое осуждение военно-полевых судов и смертной казни, что затем с такой силой было изображено в знаменитом «Рассказе о семи повешенных» (1908).

«Военно-полевые суды <...> только сумасшедшие могут их принимать — рассуждать о них! Рассуждать! Как можно "рассуждать" о военно-полевых судах, не будучи свихнутыми?»¹⁴ В этом же письме, посланном из Берлина, Андреев сделал следующее замечание по поводу немцев: «Очень не люблю немцев, душе моей они противны. Вам смешно покажется: в зоологическом саду я чувствую себя больше в компании, в содружестве со всеми этими гориллами, слонами и вороньём, чем в любом кружке немцев»¹⁵.

27 ноября в предместье Берлина, Грюнвальде, от последродовой горячки умерла жена Андреева Александра Михайловна, оставив Андрееву новорожденного сына Даниила. В своих воспоминаниях Вересаев писал об этом так: «Смерть Александры Михайловны как будто вынула из его души какой-то винтик, без которого всё в его душе пришло в расстройство»¹⁶.

Андреев крайне тяжело переживал утрату горячо любимой жены, потерял всякое душевное равновесие и был на грани душевного заболевания. Письмо, посланное Вересаеву с Капри, показывает это его тяжелейшее душевное состояние.

«О себе писать не стану много,— писал Андреев.— Для меня и до сих пор вопрос, переживу ли я смерть Шуры или нет — конечно, не в смысле самоубийства, а глубже. Есть связи, которые нельзя уничтожить без непоправимого ущерба для души. И для меня отнюдь не праздный вопрос, не пустячное сомнение — не похоронен ли вместе с нею и Леонид Андреев»¹⁷. И далее в этом же письме — о своих детях: «Ди-

¹⁴ Там же. Л. 18.

¹⁵ Письмо от 29 октября 1906 года из Берлина. Там же. Л. 25.

¹⁶ Вересаев В. В. Цит. изд. Т. 3. С. 400.

¹⁷ РГАЛИ, ф. 1041. Л. 26.

дишка (старший сын Андреева Вадим.— А.Р.) очень милый и смешной малый. Говорят, и Данилка тоже ничего, но того я не знаю и как-то — стыдно сознаться — совсем не люблю»¹⁸.

В конце марта 1907 года Вересаев поехал на Капри специально для того, чтобы поддержать Андреева и как врач, и как человек. Однако врачебное участие Вересаева не вполне состоялось, так как Андреева начал обижать такого рода подход к нему как к душевнобольному. И вскоре между писателями начало происходить явное охлаждение, о чём Вересаев подробно вспоминал впоследствии в своих мемуарах. Вересаев открыто осуждал тот богемный образ жизни, который вёл Андреев, его пристрастие к алкоголю и разного рода эксцессы (особенно в публичных местах), с этим связанные. Андреева же, в свою очередь, раздражала известная прямолинейность и ортодоксальность Вересаева. Поэтому отношения между ними, в особенности начиная со времени окончательного переезда Андреева из Москвы в Петербург, почти прерываются.

Только в марте 1916 года Андреев обратился к Вересаеву с письмом, написанном на бланке Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам с просьбой принять участие в благотворительной лотерее. Это было его последнее письмо к Вересаеву. Неофициальная его часть исполнена жалоб на нездоровье: «... и печень, и пищеварение, и мочекишный диатез, и полное расстройство нервной, сосудодвигательной и других систем. И постоянная, почти непрерывная головная боль»¹⁹. (Андреев в это время находился на лечении в клинике Ф. Ф. Штейна в Петрограде).

Можно предположить, что, скорее всего, Вересаев ему ничего не ответил, а на просьбу не откликнулся.

А двумя месяцами раньше, в январе 1916 года произошёл инцидент в московском «Книгоиздательстве писателей», когда при выборах состава редколлегии Вересаев как один из редакторов голосовал против избрания Андреева как пред-

¹⁸ Там же. Л. 38.

¹⁹ Андреев Л. Н. «Спасите наши души!». Статья и письма / Публ. В. Н. Чувакова, М. В. Козьменко, А. П. Руднева // Вопросы литературы, 1991, июль. С. 192.

ставителя чуждого ему нереалистического направления. Но вместе с тем это не помешало «Книгоиздательству» в 1915–17 годах выпустить 3 тома собрания сочинений Андреева.

В последние годы жизни Андреева, совпавшие с революционными событиями, а затем эмиграцией, пути писателей разошлись окончательно. Андрееву последних лет принадлежат почти сплошь пренебрежительно-негативные отзывы о Вересаеве, который принял революционные перемены в России. Так, в письме к И. А. Белоусову от 19 ноября 1917 года Андреев спрашивал: «... Сообщите мне, кстати, кто тот большевистский атаман Смидович — неужели наш Вересаев?». Это был, однако, не Вересаев, а его троюродный брат Пётр Гермогенович Смидович (1874–1935), известный большевистский деятель, в первые годы после революции бывший «мэром» если говорить современным языком, Москвы.

А в другом письме к тому же старому московскому приятелю И. А. Белоусову от 15 марта 1918 года из Финляндии Андреев называет Вересаева «античным Вресашей», тем самым делая иронический намёк на переводческую деятельность Вересаева²⁰.

12 сентября 48-летний Андреев скоропостижно скончался от разрыва сердца в финской деревне Нейвола на даче своего приятеля, драматурга Ф. Н. Фальковского. Вересаеву же предстояла ещё долгая жизнь, он, как известно, пережил своего современника и знакомого — умер в 1945 году известным писателем советской литературы. В 1922 году в петроградском альманахе «Утренники» впервые были опубликованы воспоминания Вересаева об Андрееве, которые впоследствии автор многократно переиздавал и перерабатывал.

Такова, в основном, история личных и литературных отношений двух писателей-сверстников, шедших «чудовищно» разными жизненными и литературными путями, которые, как видим, иногда пересекались.

Письма Леонида Андреева печатаются по автографам, хранящимся в РГАЛИ в фонде В. В. Вересаева (ф. 1041). Ксе-

²⁰ Цит. изд. С. 196.

рокопии были мне в своё время любезно предоставлены В. А. Зайончковским.

Местонахождение писем Вересаева к Андрееву не установлено — возможно, они могли оказаться за рубежом у кого-либо из детей или наследников Андреева.

Письма печатаются по современным нормам русского языка. Некоторые особенности правописания Андреева сохраняются, например, географических названий (Манджурия вместо Манчжурия) и т.д. Не имея возможности еще раз ознакомиться с сохранившимися конвертами, автор устанавливает датировки писем, в основном, на основании помет о датах их получения, сделанных Вересаевым, а также, в некоторых случаях, по содержанию.

Редакция сборника приносит глубокую благодарность ведущему научному сотруднику Института русской литературы (Пушкинский дом) Н. П. Генераловой за помощь в подготовке к публикации писем Л. Н. Андреева к В. В. Вересаеву.

№ 1

6 декабря 1901 г. Москва

Многоуважаемый
Викентий Викентьевич!

Заведуя беллетристикой в «Курьере», обращаюсь к Вам с просьбой не отказать в Вашем сотрудничестве. Газета порядочная, а цензура ее душит, и только при поддержке со стороны сильной литературной братии она может ожить. В настоящее время уже подобралась хорошая компания, и если Вы войдете в нее, это будет радостью для всех нас.

Если найдется что-нибудь подходящее (по размерам, а тема всякая годится), то дайте для рождественского номера²¹. Плата у нас — 10 копеек.

²¹ В газете «Курьер» был напечатан рассказ В. В. Вересаева «За права (Из летних встреч)» (1902. № 9. 9 января. С. 3).

Вероятно, Вы не получаете «Курьера». Посылаю поэтому вырезки из сегодняшнего номера²². Одна из них, «Впечатления», даст Вам представление (хоть и не полное, благодаря цензору) о моем искреннем к Вам отношении.

Глубоко уважающий Вас
Леонид Андреев.

Письмо на бланке газеты «Курьер». В левом верхнем углу штамп: Ежедневная газета / КУРЬЕР / 6 декабря 1901 г. (дата вписана рукой Андреева) / Москва. / Редакция — Трехпрудный пер., дом № 9-й / Контора — Петровские линии, подъезд № 2-й.

На конверте адрес рукой Андреева: Заказное. Тула. Викентию Викентьевичу Смидовичу-Вересаеву. Рукой Вересаева проставлен номер и дата получения письма: № 1. 11 дек<абря> 1901 г.

№ 2

Около 28 ноября 1902 г. Москва

Многоуважаемый
Викентий Викентьевич!

Горячее спасибо за присланные Ваши книги^{23,*}; получение их было для меня большою радостью. Жалко, что я не скоро могу отблагодарить Вас своим вторым томом:^{24**} думал выпустить его к Рождеству, а вышло так, что дай Бог к будущей осени. Здоровье плохо — вот беда. Нервы как у собаки, возле которой играют на скрипке, и как ни лечусь, а починить их все не могу. После семнадцати лет бросил курить — второй месяц не курю — разве при этих условиях что-нибудь путное сделаешь? У меня единственное желание — причинять людям неприятности.

И большая к Вам просьба (неприятность?): дайте рассказик для «Курьера». Беллетристический отдел начал не-

²² Андреев послал Вересаеву один из своих фельетонов цикла «Впечатления» (Курьер. 1901. № 337. 6 декабря. С. 4), в котором содержалась очень высокая оценка книги Вересаева «Записки врача» (1901). См. вступит. статью.

²³ По-видимому, речь идет о присылке Вересаевым Андрееву книги «Записки врача» (первое отдельное издание: СПб., 1901) и каких-то других произведений, опубликованных в это время.

²⁴ Андреев имеет в виду второй том Собрания своих сочинений, которое вышло в издательстве «Знание» с 1901 по 1907 год.

много налаживаться, с охотой идет к нам молодая, совсем еще зеленая, но талантливая молодежь — нужно, чтобы не забывали нас Вы, иначе уйдет и молодежь, и читатель. (Вы — люди с крупным именем и определенной художеств<енной> и нравственной физиономией).

Буду ждать. Еще раз благодарю и крепко жму руку

Ваш Леонид Андреев.

‘На листе бумаги с монограммой: Леонид Николаевич / АНДРЕЕВ / Москва, Средняя Пресня, д. Гвоздевой.

“На конверте рукой Андреева: Заказное. Тула. Доктору Викентию Викентьевичу Смидовичу (Вересаеву). Внизу письма рукой Версаева дата получения письма: 4 дек<абря> 1902 г.

Датируется на основании пометы В. В. Версаева.

№ 3

14 августа 1903 г. Москва

14 августа 1903 г.

Дорогой Викентий Викентьевич!

Подходит зима — не передумали Вы начесть Москвы? Это вопрос не праздного любопытства: для меня и Шуры очень важно, будете ли Вы жить в Москве или нет. Штука в том, что наша короткая встреча оставила такое впечатление, какого давно не давали люди. И кажется мне, что мы можем сойтись — близко сойтись, хорошо сойтись. Я уже вижу, как будем с Вами говорить, и самое приятное, еще не знаю о чем. О чем-то особенном, совсем особенном и интересном, о чем уже давно хочется поговорить.

Итак: приедете или нет? Квартир сейчас в Москве много и дешевы они. Я нанял особняк в десять комнат (одна для Вас на случай Вашего приезда) за 1200 р. Если приедете в начале сентября, совершенно успеете подыскать квартиру и прочее — вместе оборудуем дело. И когда переселитесь, вместе будем, если это будет для Вас удобно, исследовать старую и новую Москву. Сейчас сын схватил письмо и измял, но не хочется

переписывать. (У бедного мальчишки насморк, жарок, задыхается и плачет, и мы с женой чуть не плачем вместе с ним).

Лето, до половины июля, держал себя дальше от работы и баловался стереоскопом. Великолепная штука! Такие снимки есть — восторг один. Когда будете в Москве, я отпечатаю для себя Ваши негативы, а Вы мои, какие стоящие. Как все складывается!

Последний же месяц писал и написал большой рассказ под заглавием: «Жизнь Василия Фивейского»²⁵. Замысел рассказа важный, но выполнение мизерное — придется поработать еще. Жаль, что не могу прочесть Вам.

Приезжайте, очень и очень ждем. Числа, вероятно, до 25-го проживем на даче (ст. Бутово, моск<овско>-кур<-ской ж.д.>, дача Москвина), а там в Москве: Замоскворечье, Б<ольшая> Якиманка, Сорокоумовский пер., д. бывший Кудрявцева. Останавливайтесь обязательно у нас.

Шура кланяется.

Ваш Леонид Андреев.

На конверте адрес рукой Андреева: Заказное. Тула. Викентию Викентьевичу Смидовичу. Помета рукой Вересаева: № 3.

№ 4

18 сентября 1903 г. Москва

Дорогой Викентий Викентьевич!

Верно — москвич проклятый! Ведь каждый день собирался писать Вам — дважды *писал* — и не посылал, ибо обстоятельства менялись и содержание писем отставало. С первой квартирой вышел дебош — начали искать новую; сбились с ног искавши, нашли, дали опять задаток; нехороша — нашли новую, дали задаток, и уже окончательно. Но адреса не скажу, пока сам не побуду и не переселюсь на квартиру:

²⁵ Повесть Андреева «Жизнь Василия Фивейского» была впервые опубликована в сборнике товарищества «Знание» за 1903 год (Кн. 1. СПб., 1904), с посвящением Ф. И. Шаляпину.

ибо — сейчас, 17-го, все еще сижу на даче. Перееду, кажется, послезавтра. Хотя кто ж его знает.

Все уже уложено. Пишу остатками чернил и остатками разума, растраченного в поисках квартиры. Остатками же души радуюсь предстоящей встрече. Много говорить! О болезни и о здоровье, о людях, а главное, о себе.

Извинитесь за меня особенно перед Вашей женой. Такое свинство! Настоящий москвич! Еще не знакомы, а уже извиняться нужно. Москвич!

Ваш Леонид Андреев.

На конверте адрес рукой Андреева: Москва. Пречистенка, д. Полянских. Викентию Викентьевичу Смидовичу. Помета рукой Вересаева: № 4. Датируется на основании почтового штемпеля (?).

№ 5

13 декабря 1903 г. Москва

Дорогой Викентий Викентьевич! В СПб я передал Короленко о желании «Среды» повидать его²⁶. Теперь он приехал, но до среды остаться не может — посему приходите в понедельник вечером с М<арией> Г<ермогеновной>²⁷ ко мне.

Крепко жму руку.

Ваш Леонид Андреев.

Р. S. Я человек мнительный, и показалось мне, что Вы относитесь ко мне иначе, чем раньше. Правда это? Сейчас я не хотел писать об этом, но не выдержал.

На конверте адрес рукой Андреева: Пречистенка, д. Полянских. Викентию Викентьевичу Смидовичу. Помета рукой Вересаева: № 5, 13 дек<абря> 1903.

²⁶ Н. Д. Телешов писал в своих воспоминаниях, что «Среда», «хотя и в понедельник, провела с Короленко очень интересный вечер» (Телешов Н. Д. Записки писателя. М.: «Московский рабочий», 1958. С. 119).

²⁷ Мария Гермогеновна Смидович (1874–1963), жена Вересаева, приходилась ему троюродной сестрой.

Датируется на основании пометы Вересаева. Очевидно, письмо было получено им в день отправления.

№ 6

Начало января 1904 г. Москва

Дорогой

Викентий Викентьевич!

Рассказ будет переписан только сегодня, к вечеру — потому вчера и не прислал. Приходите же нынче с М<арией> Г<ермогеновной> — хочется прочесть и услышать, к добру ли все сие или к худу.

Ваш Леонид Андреев.

В нижней части письма рукой Вересаева: «Жизнь Василия Фивейского», — этот рассказ Л. Н. читал у себя на квартире Шаляпину и мне, — помнится, в январе–февр<але> 1904 г. В. Вересаев.

На конверте без почтовых штемпелей адрес рукой Андреева: Викентию Викентьевичу Смидовичу. Пречистенка, д. Полянских.

Датируется по записи Вересаева и по «Летописи жизни и творчества Ф. И. Шаляпина»²⁸ (М., 1988. Кн. 1. С. 263), согласно которой Шаляпин уехал из Москвы в Петербург 21 января 1904 г.

№ 7

9 января 1904 г. Москва.

Дорогой

Викентий Викентьевич!

Забыв божественные слова Спасителя: «не судите да не судимы будете» (Иоанн. 2. 36), а равным образом «поднявший меч, от меча и погибнет» (Ев. от Л. 12.4), а также «пусть бросят в нее камень тот, кто сам не грешил» (Ев. от Мат. 8.14),²⁹ совершенно не считаясь с тем, что говорит свящ<енник> Пе-

²⁸ Повесть Андреева «Жизнь Василия Фивейского».

²⁹ Андреев неточно цитирует Евангелие и дает ошибочные ссылки. Следует читать: «Не судите, да не судимы будете» (Матф. 7,1); «Все, взявшие меч, мечом погибнут» (Матф. 26,52); «Кто из вас без греха, первым брось в нее камень» (Иоанн. 8,7).

тров³⁰ на столбцах «Русского Слова», а равно и в других contemporанных изданиях — Московская судебная палата завтра, 10 янв<аря>, в субботу, в самый день предполагаемой прогулки нашей, твердо вознамерилась судить меня по ст. 1492 Ул<ожения> о нак<азаниях>³¹. Каковое обстоятельство, не имеющее себе равных в истории цивилизации (см. Гиббона, История Римской империи, в 6 томах)³², приводит меня к мысли, что с одной стороны, божественные слова Спасителя сказаны им зря, а с другой — что прогулка наша должна быть перенесена на другое число, каковое, т.е. число, представляю на Ваше усмотрение. Не умолчу о том, что, если бы Вы, сочувствуя, пришли в суд и тем дали мне возможность выплакать на груди Вашей (боясь заглядывать в сущность вещей, дабы не быть заподозренным в метафизической ереси, выражусь яснее: на жилетке Вашей) всю горечь обманутых надежд — то было бы это хорошо. Ибо, по окончании позорного судилища мы могли бы, надев калоши и прочую видимость, совершить ту самую прогулку. Которая, как уже сказано, предполагалась к совершению в предположении, что еще существуют законы божеские. О времена, о нравы!

³⁰ Григорий Спиридонович Петров (псевд. Русский; 1866–1925), священник, член Второй Государственной думы, кадет, сотрудник газеты «Русское слово». Подробнее о нем см. в комментариях В. Н. Чувакова (Литературное наследство. Т. 72. Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка. М., 1965, по указ.).

³¹ Андреев был привлечен к судебной ответственности по статье 1048 «Уложения о наказаниях» как устроитель литературного вечера в пользу Общества учащихся женщин, состоявшемся 24 декабря 1902 года в Московском Благородном собрании. На этом вечере С. Г. Скиталец прочитал недозволенное цензурой стихотворение «Гусляр», в котором содержались революционные призывы. Дело слушалось в Московском окружном суде 9 сентября 1903 года. Защищал Андреева адвокат П. Н. Малянтович. Н. Д. Телешов впоследствии вспоминал: «Газету "Курьер" за то, что она на другой день поместила сочувственный отзыв о вечере и напечатала стихотворение Скитальца "Гусляр", им прочитанное, запретили на несколько месяцев. В дальнейшем нас всех вызывали к следователю для допроса, а затем свидетелями в суд, где Андреев сидел на скамье подсудимых и чуть-чуть не пострадал неизвестно за что. — Писал Скиталец, читал Скиталец и прославился Скиталец, а меня хотят посадить, либо выслать, — смеялся Леонид Николаевич уже в зале суда перед началом процесса. Однако суд его оправдал» (Телешов Н. Д. Записки писателя. Цит. изд. С. 48). Но в связи с протестом прокурора это дело слушалось вновь 10 января 1904 года и Андреев был приговорен к 25 рублям штрафа.

³² Андреев имеет в виду труд английского историка Эдуарда Гиббона (1734–1794) под названием «История упадка и гибели Римской империи» (1787). Русский перевод 1878 года.

Сам многозубый, точнее, зубообильный крокодил сжалился бы над несчастным — а между тем мы видим, что прокурор, еще не износив тех штиблет, в которых обвинял меня перед Ок<ружным> судом, уже снова точит меч кривосудия. Того ли мы могли ожидать, призвавши варягов?

Ваш Леонид Андреев.

На конверте адрес рукой Андреева: Викентию Викентьевичу Смидовичу. Пречистенка, д. Полянских.

В верхней части письма пометы рукой Вересаева: № 7, 1903—<190>4. Датируется по содержанию и помете Вересаева.

№ 8

Апрель 1904 г. Ялта

Эх, Викентий Викентьевич! На свете существует Крым, а Вы сидите в Туле. Как тут не поверить в Бога, карающего маловеров, неверов и позитивистов! Звать вас не зову, чувствую, что не приедете, но от критики Ваших действий, а равно от соблазна удержаться не могу. Ваши действия — разве это действия? Это преступное бездействие и превышение власти, которую Господь Бог дал вашему духу над вашим телом, никак, видимо, не ожидая, что вы это тело запрячете в дыру к вящему его ущербу и поношению. Голова у вас жива, особенно на средах, достаточно; надо же дать пожить и ногам, и груди, и носу, и глазам. Вы послушайте, как живет мой нос: вначале, от массы впечатлений, он схватил насморк и два дня вертелся у меня на лице как оглашенный. Потом успокоился, нюхнул там, нюхнул здесь и сказал: ах, хорошая жизнь! На всем полуострове, где я ни бывал, основной запаховый тон — горьковато-душистый запах можжевельника, которым здесь топят печи. Потом — соленый, глубокий, влажный, широкий запах моря, а за ним тьма тьмущая приватных запахов, как-то: сосны, пыли, всевозможных цветов. Иногда носу моему кажется, что здесь и камни пахнут. С утра нос начинает свою работу. Поспешно отделавшись от старых запахов колбасы, масла и чая, он выходит наружу и целиком

погружается в крымские ароматы. И под конец сам он становится, как флакон с духами, и стоит мне чхнуть, чтобы наполнить комнату дивным благоуханием.

А глаза! А уши! А ноги! Таких мозолей, как у меня сейчас, в Москве за деньги не купишь, даже у Мюр-Мерелиза. Вчера ноги мои два раза лазали на мыс Мартьян, и я вполне явственно слышал, как смеялись пальцы: большой — благодушным басом, а мизинец тонким, несколько истеричным хохотком: именно на нем-то существует мозоль. И большой сказал: а каково-то сейчас пальцам Вересаева? Маленький ехидно ответил: они в калошах.

Я вас очень люблю, Викентий Викентьевич, и мне очень вас не хватает. Если станет там скучно, приезжайте сюда. Одного дядю Елпатия³³ поглядеть — удовольствие большое и чисто крымское. В Москве он другой.

Крепко любящий
Леонид.

В верхней части первой страницы письма пометы рукой Вересаева: Апрель 1904 г., № 8.

Конверт не сохранился.

Датируется по помете Вересаева.

№ 9

Июль (после 15) 1904 г. Ялта

Дорогой и милый Викентий Викентьевич!

Так же трудно сейчас писать письма, как в то, вероятно, время, когда каждый час ожидали люди либо пришествия антихриста, либо Христа. События бегут с силой и какой-то внутренней железной необходимостью, и старая мысль русская, многократно обманутая и обманувшаяся, путается и теряется в догадках. Когда и чем кончится война? Кто будет министром? К чему всё сие? Только сумасшедший может

³³ Сергей Яковлевич Елпатьевский (1854–1933), писатель-народник, единомышленник Н. К. Михайловского, ближайший сотрудник журнала «Русское богатство», земский врач, участник кружка «Среда», близко знакомый с Андреевым и Вересаевым.

верно ответить на эти вопросы. Но за углом сидит кто-то — сидит — это мы все знаем.

Так жаль, что Вы уезжаете, уехали. Мысли ваши интересны, а сами вы такой, что не любить нельзя — в голове моей и в сердце остается пустая комната, всегда пустая, всегда готовая к вашему приезду. И вы приедете, я это знаю, и вы напишете что-нибудь большое о русских людях на войне³⁴. Это страшно интересно. Если бы я был здоров, я поехал бы на войну обязательно.

Для меня лето пропало. Животный восторг первых дней прошел, и начался длительный кошмар жары, солнца, убийственного безделья. Два месяца не было дождя и два месяца один день был похож на другой. Первая осень, когда я ничего не пишу и хуже того — ничего в мыслях не приготовил для работы, ибо не мог думать. Боюсь, как бы не пропала зима от этого. Нейрастения — только усилилась.

На днях едем в Москву. Пишите туда. Нужно сборник памяти Чехова. Вероятно, примет участие вся «среда» — я еще не толковал об этом. Будут воспоминания и рассказы, едва ли — статьи. Как вы — в состоянии ли будете и захотите ли что-нибудь дать?

То, что творилось вокруг мертвого Чехова, похоже было на извержение исландского гейзера, выбрасывающего грязь. Столько пошлости, подлости, наглости и лицемерия — будто сбесилось стадо свиней. Поверить всем этим скотам — так не было у них лучшего друга, как Чехов, а Чехов — был другом только скотам. Даже Маркс,³⁵ про которого Чехов перед смертью писал: «обманут им глупо и мелко», возложил венок «лучшему другу».

Неделю перепадают дожди, похолодало — и я немного очухался. В голове копошится что-то — съезжаются мысли,

³⁴ Очерки Вересаева «На японской войне» были впервые опубликованы в сборниках товарищества «Знание» в 1907–1908 гг. (Кн. XVII–XX). «Рассказы о японской войне» Вересаева были объединены автором в отдельный цикл и включены в 4-й том Полного собрания сочинений (СПб.: Издательство А. Ф. Маркса, 1913).

³⁵ А. П. Чехов на невыгодных для себя условиях продал 26 января 1899 года петербургскому книгоиздателю А. Ф. Марксу право собственности на издание своих сочинений.

как дачники осенью в город. Много думаю о себе, о своей жизни — под влиянием отчасти статей о В. Фивейском. Кто я? До каких неведомых и страшных границ дойдет мое отрицание? Вечное «нет» сменится ли оно хоть каким-нибудь «да»? И правда ли, что «бунтом жить нельзя»?

Не знаю. Не знаю. Но бывает скверно.

Смысл, смысл жизни — где он? Бога я не приму, пока не одурею, да и скучно — вертеться, чтобы снова вернуться на то же место. Человек? Конечно, и красиво, и гордо, и внушительно — но конец где? Стремление ради стремления — так ведь это верхом можно поездить для верховой езды, а искать, страдать для искания и страдания, без надежды на ответ, на завершение, нелепо. А ответа нет, всякий ответ — ложь. Остается — бунтовать, пока бунтуется, да пить чай с абрикосовым вареньем.

А красив человек, — когда он смел и безумен и смертью попирает смерть. Вы читали «Марсельцев»?³⁶ Оборванные, они шли в Париж спасать свободу и пели «Марсельезу». Пели и шли, пели и шли. В Париже их обкорнали, и теперь, сто лет спустя, французская свобода возложила пышный венок на гроб русского министра Плеве. На это всё наплевать. Главное — пели и шли, пели и шли. В этом есть что-то очень убедительное, очень большое, и мне всегда легче становится при воспоминании о марсельцах. Как будто здесь кроется ответ.

Вероятно, я еще жив. Меня, помимо абрикосового варенья, очень трогает, очень волнует, очень радует героическая, великолепная борьба за русскую свободу. Быть может, все дело не в мысли, а в чувстве? В последнее время я как-то особенно горячо люблю Россию — именно Россию. Все землю не люблю, а Россию люблю, и странно — точно ответ какой-то есть в этой любви. А начнешь думать — снова пустота.

Ну, буде городить. Напишите мне. Крепко жму руку и целую Вас.

Ваш Леонид Андреев.

³⁶ Андреев имеет в виду роман французского писателя Феликса Гра «Марсельцы» (1897), который, очевидно, определенным образом отозвался в заглавии его рассказа «Марсельеза» (впервые опубликован в 1905 г. в «Нижегородском сборнике»).

<Рукой А. М. Андреевой>:

Дорогой Викентий Викентьевич!

Посылаю Вам пока несколько снимков. Некоторые из них приняли зеленоватый оттенок, но это оттого, что я перестаралась и передержала их в фиксаж-веропсе.

Крепко жму руку Вашу.

Ваша А. Андреева.

В верхней части первой страницы письма помета рукой Вересаева: № 10, июль 1904 г. Здесь либо ошибка получателя в счете, либо письмо № 9 не сохранилось.

Конверт не сохранился.

Датируется на основании пометы Вересаева и по содержанию.

№ 10

Конец декабря 1904 г. — 6 февраля 1905 г. Москва

Милый и дорогой Викентий Викентьевич! Пропущу: объяснение в любви, искренней и горячей; сожаление, что Вас с нами нету и что Вы *там*; — и прямо перейду к тому, что Вам всего интереснее, к положению российских дел. Была «весна» — Вы это знаете. Заговорило все и вся, заговорило горячо, сердито, откровенно — и прямо о конституции. Смысл такой: никакие частичные реформы не помогут, пока не будет конституции. Правительство слушало и молчало, Святополк³⁷ принимал благодарность и мировил — но гласный съезд председателей зем<ских> управ разрешен однако не был. Разговоры продолжаются. Демонстрация в СПб — с избиением. Демонстрация в Москве — с тем же. И тут Высочайшее³⁸ — «нахожу заявление дерзким и нетактичным» черниговскому предводителю и «прочел с удовольствием» — тамбовским холопам, устроившим патриотический банкет

³⁷ Петр Дмитриевич Святополк-Мирский (1857–1914) был назначен министром внутренних дел в 1904 году после убийства В. К. фон Плеве и ознаменовал свое назначение так называемой эрой «весны», выразившейся в незначительном ослаблении цензуры, допущении в ноябре 1904 года съезда земских деятелей в Петербурге. После 9 января 1905 года был уволен в отставку.

³⁸ *Далее зачеркнуто 1 слово, не поддающееся прочтению.*

с полицмейстером во главе. И тотчас же бледный и ничтожный «указ» и наглое «правительств<енное> сообщение»³⁹.

Настроение определилось сразу, газеты выцвели, реакция закопошилась, везде заговорили о «зиме». Но ненадолго. Опять в какие-то щели пополз либерализм, и опять началась всесторонняя разделка правительства — падение П<орт>-Артура было триумфом «дерзости»: огромное большинство газет резко и грубо, с необычайной прямоотой наплевало в физиономию правительству; многие требовали мира. Несколько «предостережений» и запрещений розницы явились только доказательством слабости.

6 февраля 1905 г.

Продолжаю письмо почти через 1 1/2 месяца. События идут так быстро, что нет возможности ориентироваться и подвести итоги. Они в будущем, эти итоги, а сейчас ясно одно: Россия вступила на революционный путь. Не знаю, в каком виде доходят до Вас события, вероятно, значительно смягченные, и знаете ли Вы, что в России действительно революция. Несколько баррикад, бывших в СПб. 9 января, к весне или к лету превратятся в тысячу баррикад. В России будет республика — это голос многих, отдающих себе отчет в положении дел.

Не стану приводить фактов, их слишком много, и разнообразны они: нужна целая книга, чтобы передать их. Последние факты: убийство Сергея Александр<овича> и совещание в СПб. о созыве земского собора. Поводом к убийству Вел. князя послужило избиение на улицах Москвы демонстрантов 5 и 6 декабря — тогда же социал-революционеры «приговорили» его и Трепова к смерти, о чем оповестили всех прокламациями. И все, и сам С. А. ждали, и казнь совершилась.

³⁹ Речь идет об адресе, направленном Николаю II черниговским дворянством в начале декабря 1904 года, в котором были изложены требования конституции. 12 декабря 1904 года были изданы два противоречащих друг другу правительственных акта. В первом — Указе Правительствующему Сенату — была выражена забота о благосостоянии народа и говорилось о возможности допущения конституционных реформ. Во втором — Правительственном сообщении — содержалось требование «ограждать государственный порядок и спокойствие от всяких попыток прервать правильный ход внутренней жизни» (см. об этом: Белокопский И. П. Земское движение. М.: «Задруга», 1914. С. 257–260).

Собор, в том виде, как предполагает его правительство — ерунда, обман, новая глупость. Никто не надеется на то, что можно устроить все мирным путем — даже с<оциал>-д<емо-краты>, как видно из их манифестов, все усилия обращают на приобретение оружия.

Горький и Пешехонов⁴⁰ еще сидят в Петропавловке; за границей и в России ведется сильная агитация в пользу Горького, но результатов еще никаких. Когда Г<орького> арестовали, Мария Федоровна⁴¹ была опасно больна, почти при смерти, но теперь поправляется. Навещает Горького Екатерина Пав<ловна> (жена).

Вы говорите: ни одной мысли в голове не осталось, кроме революции, революции, революции. Вся жизнь сводится к ней — даже бабы рожать, кажется, перестали, вот до чего. Литература в загоне — на «Среде» вместо рассказов читают «протесты», заявления и т.п.

«Дачники» Горького оказались неудачной, слабой вещью мелко обличительного характера. Они помещены в III сборнике «Знания», который посылаю Вам без надежды, однако, что дойдет. Там же Вы найдете мой «Красный смех» — дерзостную попытку, сидя в Грузинах, дать психологию настоящей войны. Как его пропустила цензура, тайна Пятницкого;⁴² в подцензур<ных> газетах даже о рассказе писать не позволяют. Отношение публики к рассказу очень хорошее; критики в большинстве тоже; Буренин разнес бешено: называет «зеленой белибердой»⁴³. Писал я рассказ 9 дней (5 печ<ат-

⁴⁰ Алексей Васильевич Пешехонов (псевд. Новобранцев; 1867–1934), публицист народнического направления, сотрудник и член редакции журнала «Русское богатство», один из организаторов народно-социалистической партии. В 1905 году был арестован по обвинению в составлении обращения к министру внутренних дел П. Д. Святополк-Мирскому по поводу расстрела демонстрации 9 января в Петербурге и одновременно с А. М. Горьким находился в Трубецком бастионе Петропавловской крепости.

⁴¹ Имеется в виду Мария Федоровна Андреева (1868–1953), бывшая в то время женой А. М. Горького.

⁴² Константин Петрович Пятницкий (1864–1938), директор-распорядитель издательства «Знание» в Петербурге.

⁴³ Статья В. П. Буренина «Критические очерки», посвященная, в частности, рассказу Андреева «Красный смех», была опубликована в «Новом времени» (1905. № 10387. 4 февраля).

ных> листов) и совсем развинтился — уж очень мучительная тема. И с тех пор ничего не делаю.

Елпатьевские и Кулаков⁴⁴ в СПб. Скиталец и Чириков живут в Москве. Скиталец написал 2 хорошеньких рассказа,⁴⁵ Чириков с успехом поставил в «Художеств<венном> театре» пиесу — «Ивана Мироныча». Богданов и компания почему-то ушли из «Правды»⁴⁶ — мне они ничего не сказали и не предупредили; Б<огданов> сейчас в рублевом журнале «Р<усская> жизнь», конкурирующего с «Жур<налом> для всех». Миролубов⁴⁷ со всеми ними, кроме Горького, поссорился и Волжского⁴⁸ — Бога, убрал. Горький, между прочим, совершенно порвал с Художеств<енным> театром и перешел к Коммиссаржевской. У Ивана Бунина умер единственный пятилетний сынишка.

Ужасно жаль, что Вас нету с нами. Я постоянно вспоминаю о Вас и скучаю. Судя по газетным разговорам, к весне будет мир — хоть бы!

Целую крепко и жду. Крепко-крепко.

Ваш Леонид Андреев.

⁴⁴ Петр Ефимович Кулаков (1867–?), директор-распорядитель издательства «Общественная польза», зять С. Я. Елпатьевского.

⁴⁵ По всей вероятности, Андреев имеет в виду рассказы С. Г. Скитальца «Полевой суд» (впервые опубликован в сборнике товарищества «Знание», СПб., 1905) и «Лес разгорался» (сборник 8 товарищества «Знание», 1905).

⁴⁶ Александр Александрович Богданов (настоящая фамилия Малиновский; 1873–1928), философ, экономист, по образованию врач, с 1890-х годов участник революционного движения. Андреев, очевидно, имеет также в виду А. В. Луначарского, В. В. Базарова (Руднева), В. М. Фриче и др., которые отказались от сотрудничества в социал-демократическом журнале «Правда» по идейным расхождениям с меньшевиками, игравшими значительную роль в этом издании.

⁴⁷ Виктор Сергеевич Миролубов (1860–1939), журналист, издатель и редактор «Журнала для всех», в котором печатались и Андреев, и Вересаев. Письма Андреева к В. С. Миролубову опубликованы: Литературный архив. Вып. 5. М.; Л., 1960. С. 65–117 (Публ. К. Д. Муратовой).

⁴⁸ Александр Сергеевич Глинка (псевд. Волжский; 1878–1940), литературный критик, близкий к символистским кругам. В 1903–1904 гг. сотрудничал в «Журнале для всех». Автор статьи «Литературные отголоски. По поводу рассказа Л. Андреева «Жизнь Василия Фивейского»» (Журнал для всех. 1904. № 7. С. 423–430) и некоторых других статей о творчестве Андреева. В письме идет речь о конфликте, происшедшем у Глинки-Волжского с «Журналом для всех» (группой писателей-реалистов), в результате которого он покинул журнал. См. об этом: Литературный архив. Вып. 5. С. 68–70.

На конверте адрес рукой Андреева: Заказное. Дальний Восток. 6-й Сибирский корпус, 72 пехотная дивизия, 286 полковой госпиталь. Врачу Викентию Викентьевичу Смидовичу.

На письме и конверте пометы Вересаева: № 11.

Датируется по содержанию: продолжая и заканчивая письмо 6 февраля 1905 г., Андреев указывает, что начал его почти полтора месяца назад.

№ 11

Конец марта 1906 г. Глион

Дорогой и милый Викентий Викентьевич!

Не писать надо — а увидаться и прежде всего расцеловать Вас, в радости, что Вы вернулись здоровым и невредимым. По правде говоря, я очень боялся за Вас — как-то Вы всю эту чертовщину выдержите. Однако, выдержали и работаете — я читал Ваши рассказы в «Мире Божьем»⁴⁹ — и стало быть все хорошо. А писать все-таки трудно, прямо невозможно — так невероятно много накопилось нового.

Мои родственнички сделали глупость: до сих пор не доставили мне Вашего письма. Так и не знаю, что в нем, и пишу так, как будто ничего не получено.

Помните: зима, наш сад в Москве, снежки — и голос из-за забора, голос грядущей черной сотни: Алексеева браните?⁵⁰

С этим как будто моментом, именно с этим, кончается для меня старое, то старое, что было *до* — все, что дальше, это уже новое. Смерть Чехова, тяжелая, бессмысленная, точно увенчивающая и кончающая собою старую Россию, растущая духота, в которой дышать нечем, почти отчаяние — и трижды блаженный громовой удар Сазонова⁵¹. И благодатный, шум-

⁴⁹ Рассказы Вересаева, объединенные заглавием «Рассказы о войне» — «Исполнение земли», «На отдыхе» — впервые были опубликованы в журнале «Мир Божий» (1906. № 2, 5, 7).

⁵⁰ Имеется в виду генерал-лейтенант Евгений Иванович Алексеев (1843–1909), бывший с 1903 года наместником царя на Дальнем Востоке, а с 28 января по 12 октября 1904 г. главнокомандующим русскими вооруженными силами. Наряду с военным министром А. П. Куропаткиным Е. И. Алексеев сыграл значительную роль в поражении русской армии и флота в русско-японской войне.

⁵¹ Егор Сергеевич Сазонов (1879–1910), член боевой организации социалистов-революционеров, убивший 15 июля 1904 г. в Петербурге министра внутренних дел и шефа жандармов В. К. фон Плеве.

ный дождь революции. С тех пор ты дышишь, с тех пор все новое, еще не осознанное, радостно-страшное, героическое. Новая Россия. Все пришло в движение. Падает и поднимается, разрушается и формируется вновь, меняет контуры и линии, меняет образы. Маленькое становится большим, большое — маленьким; со знакомыми надо знакомиться вновь, с друзьями — дружить. Вот и мы с Вами: разошлись как будто друзьями (или приятелями?), а что мы теперь — не знаю.

Как Вы? Как Вы увидели и почувствовали это новое? Что оно дало Вам? Это ужасно интересно для меня. Помните: на святой Руси петухи поют — скоро будет день на святой Руси⁵². Революция!.. Да такое же привычное, узаконенное, почти официальное слово, как некогда полиция — а как *оно* кажется свежему человеку?

Познакомимся. Я — как был, так и остался, вне партий. Люблю, однако, социал-демократов как самую серьезную и крупную революционную силу. С большой симпатией отношусь к социал-революционерам. Побаиваюсь кадетов, ибо уже зрю в них грядущее начальство, не столько строителей жизни, сколько строителей усовершенствованных тюрем. Об остальных можно не говорить.

Как человек благоразумный гадаю надвое: либо победит революция и социалы, либо квашеная конституционная капуста. Если революция, то это будет нечто умопомрачительно-радостное, великое, небывалое, не только новая Россия, но новая земля. Если кадеты — то в Европе прибавится одной дрянной конституцией больше, новым рассадником мещан. Наступит история длинная и скучная. Власть укрепитя, из накожной болезни станет болезнью органов, крови — и мой ближайший идеал — анархиста-коммунара — уйдет далеко. Здесь, в Европе, я понял, что значит уважение к закону — болезнь ужасная, почти такая же, как уважение к собственности.

⁵² Андреев цитирует строки из стихотворения Н. В. Берга. Это двустилие стало известным благодаря очерку В. Г. Короленко «На затмении» (1887). Эти стихи были прочитаны на одном из заседаний «Среды» в 1903 году, когда чествовали В. Г. Короленко по случаю его 50-летия (См. об этом в воспоминаниях Вересаева «Леонид Андреев» // Вересаев В. В. Собр. соч. в 4 т. С. 384).

Будучи пессимистом, склоняюсь на сторону второго предположения: победят кадеты. Их опора — все мещанство мира, т.е. ...

В общем, все что я видел — не поколебало устоев моей души, моей мысли; быть может, еще не знаю — сдвинуло их в сторону пессимистическую. Вернее, так: человека, отдельного человека, я стал и больше ценить и больше любить (не личность, а именно отдельного человека: Ивана, Петра...), но зато к остальным, к большинству, к громаде испытываю чувство величайшей ненависти, иногда отвращения, от которого — жить трудно. Революция тем хороша, что она срывает маски — и те рожи, что выступили теперь на свет, внушают омерзение. И если много героев — то какое количество холодных и тупых скотов, сколько равнодушного предательства, сколько низости и идиотства. Прекрасная Франция, заряжающая на свой счет ружья наших карательных отрядов! Да и все они. Можно подумать, что не от Адама, а от Иуды произошли люди — с таким изяществом, с такою грацией совершают они дело массового, оптового хриstopродавчества.

Моя литература? В общем Вы ее знаете. Из нового — недавно закончил драму «Савва»⁵³ — печальную повесть о некоем юноше, который вздумал лечить землю огнем, а его ударили палкой по голове, и от этого он умер. Не знаю, что за вещь. Читал ее одному только Горькому — ему нравится. Верно одно: нецензурна свыше всякой меры.

Горький, кстати, третьего дня уехал с М<арией> Ф<едоровной> в Америку. Пробыл здесь, в нашем пансионе, две недели, и был мил — как только может быть мил, когда захочет.

Господи, как хочется не писать, а говорить, говорить! И как хочется в Россию — а не советуют, говорят, что меня обязательно посадят. Как глупо!

Пишите! Кто Вы и все такое. Я Вас очень люблю, Викентий Викентьевич, как «отдельного человека», и так мне хо-

⁵³ Драма Андреева «Савва» была впервые опубликована в сборнике товарищества «Знание» (Кн. XI. СПб., 1906), одновременно — в Штутгарте (издательство И. Дитца).

чется своей головой прикоснуться к Вашей! И Шура Вас любит. Пишите!

Адрес: Suisse. Glion. Hôtel Champ-Femri, Leonid Andreeff.

Ваш Леонид Андреев.

На конверте адрес рукой Андреева: Recommandé. Russie. Tula, à m-r Smidowitsch. Россия. Тула. Викентию Викентьевичу Смидовичу-Вересаеву. Улица Гоголя.

В правой верхней части первой страницы письма пометы Вересаева: № 12, 7/IV 906 г. Глион.

Датируется по помете Вересаева, дате получения письма.

№ 12

Октябрь — 7 ноября 1906 г. Берлин — Грюневальд

Дорогой и милый Викентий Викентьевич!

Не пишу Вам по довольно-таки странной причине: очень хочется говорить с Вами. Так хочется, что письмами этого желания не исчерпашь — как наперстком Москва-реки. Пробовал я уже не раз и начинал письма, да так и бросал. Ведь обо всем надо переговорить — обо всем! И с кротким отчаянием я жду — сам не знаю чего. Что вот встретимся, будем много говорить — и будет хорошо. А когда это будет? Не знаю. Долго еще сидеть здесь. Одному можно бы и в Россию приехать, а с семьей не выходит. Теперь у меня два сына — знаете? Уже 10 дней, как живет второй⁵⁴.

И еще потому я не писал, что скучно мне. Жить скучно — вдали от России и близких. Природы русской жаль, особенно зимы. Кажется, покататься бы на снегу, и выздоровел бы я. А то малокровие, какое-то скверное малокровие, особенно задевшее голову. И поговорить бы, душою поговорить, вот как с Вами говорили. Тут не с кем. Русские, какие есть, неинтересны; по-немецки не говорю, да если бы и говорил, то все равно — молчал бы. Очень не люблю немцев, душе моей они противны — Вам смешно покажется: в Зоологическом саду

⁵⁴ Второй сын Андреева, Даниил, родился в Берлине 2 ноября (19 октября ст. ст.) 1906 г., а 27 ноября его мать А. М. Андреева умерла от послеродовой горячки.

я чувствую себя больше в компании, в содружестве со всеми этими гориллами, слонами и вороньем, чем в любом кружке немцев.

Вас я очень люблю. Вам напрасно показалось, что я заранее строю какие-то загородочки. Просто не виделись долго, а время — вы знаете, какое время; вот и побоялся я естественности, т.е. что порядочно разошлись мы в настроениях и мыслях наших. Очень рад, если нет. А если и да — то разве может это повредить содружеству нашему? Ведь и раньше мы были не так уж близки, и в самой отдаленности нашей было что-то связующее. Есть какая-то точка в душе, какой-то пунктик, какая-то скрытая невысказанная мысль — что делает нас друзьями (не в обывательском смысле). А оно осталось, это я из вашего письма почувствовал. И очень обрадовался.

Хочу много работать, только и живешь, пока работаешь. Много интересных тем, новых. Вопрос об отдельных индивидуальностях как-то исчерпан, отошел; хочется все эти разношерстные индивидуальности так или иначе, войною или миром, связать с общим, с человечеством.

Что вы пишете о войне — это очень хорошо. И хорошо именно в форме записок врача. Я много жду от этой книги, ждать начал, когда вы еще только поехали в Манджурию. Конечно, будет несвоевременно, но это не беда, для будущего пригодится.

«Красный смех» мне нравится, б<ыть> м<ожет>, потому, что действительно кровью сердца он написан. И действием его я доволен, судя по тому, что читал о нем с России и за границей. Он многих заставил пережить мучительный кошмар войны. И разве я был неправ? Разве не гуляет сейчас этот «смех» по самой России? Военно-полевые суды... только сумасшедшие могут додуматься до них, только сумасшедшие могут их принимать — рассуждать о них. Рассуждать! Как можно «рассуждать» о военно-полевых судах, не будучи свихнутыми?

Крепко жму руку.

7 н<оября>. Дорогой друг! Это письмо написано давно, еще до получения Вашего. Сейчас не могу писать, очень больна Шура. Подробности у Добровых⁵⁵. Конечно, «Елеазара»⁵⁶ читайте, где хотите.

Ваш Леонид.

На конверте адрес рукой Андреева: Russland. Moscau. Москва, Девичье Поле, Боженинский пер., д. Давыдовой, кв. 4. Викентию Викентьевичу Смидовичу.

Помета рукой Вересаева: № 13, 21. XI. 06.

№ 13

Конец февраля — начало марта 1907 г. Капри

Милый Викентий Викентьевич! Я очень хорошо понимаю ваше состояние — «надорвался». Как раз такая же вещь была со мною после «Красного смеха», к<отор>ый стоил мне большого душевного напряжения. Восемь месяцев голова моя была разбита, я не мог работать, думал, что и никогда в состоянии буду. А были дни, когда прямо — вот-вот с ума сойду. Вылечил себя я сам — бросил работу, читал Дюма и Ж. Верна, лодка, велосипед, купанье, за лето поглупел, как министр — а осенью свободно мог приняться за работу.

В санаторию в Берлин я очень вам не советую. В этом году мне много пришлось сталкиваться с немецкими врачами (осенью я сам собрался было лечиться) и скажу вам: не видал народа хуже. Поскольку медицина — искусство, и поскольку во враче важен человек — постольку эти господа способны внушить одно только омерзение. Тупые, неискусные, явные сребролюбцы, невежды во всем, исключая б<ыть> м<ожет> медицины, к<отор>ую они знают, к<а>к ремесленники —

⁵⁵ Андреев считал Даниила как бы невольным виновником смерти горячей любимой жены, не испытывал к нему настоящих отцовских чувств, и сын почти совсем не жил в его семье, а воспитывался у сестры А. М. Андреевой Елизаветы Михайловны Добровой, жены врача Филиппа Александровича Доброва.

⁵⁶ Имеется в виду рассказ Андреева «Елеазар» (1906), впервые опубликованный в журнале «Золотое руно» (1906. № 11–12).

они могут только калечить людей. Если вам положительно необходима санатория, то или ложитесь в русскую клинику, или выберите где-нибудь во Франции, в Италии, только не в Германии.

А если без санатории можно обойтись, и нужен только отдых и свежие впечатления, то приезжайте сюда, на Капри. Отдохнуть тут можно всячески — и лежа на камушке у моря, и шатаясь по Риму. Флоренция и пр. — все близко. Вам бы я рад был бесконечно, и тут вы увидели бы, что по-прежнему, крепко и хорошо, люблю я вас. Моей мрачности не бойтесь. Я хороню ее в душе глубоко, а в жизни — все такой же, пожалуй, как и был. Разве немного, немного хуже. И с вами мы предприняли бы ряд всевозможных экскурсий — по морю и по суше. Устроиться здесь можно недорого. Конечно, присутствие здесь Горького для Вас особенной цены не имеет, но изредка хорошо повидаться и с Горьким. Я вижу его часто, и с большим удовольствием. Видел бы еще чаще, если бы... но об этом нужно говорить, а не писать.

О себе говорить не стану много. Для меня и до сих пор вопрос, переживу ли я смерть Шуры или нет — конечно, не в смысле самоубийства, а глубже. Есть связи, к<отор>ых нельзя уничтожить без непоправимого ущерба для души. И для меня отнюдь не праздный вопрос, не пустячное сомнение — не похоронен ли вместе с нею и Леонид Андреев⁵⁷.

Работаю я тут. Трудно было вначале невыносимо — как для маниака, одержимого определенной идеей, видениями, снами — писать о чем-то совершенно постороннем. Но преодолел, частью из упрямства, частью, чтобы оправдать собственное существование; однако, добился, кстати, и жестокой бессонницы, головных болей и пр. Сейчас, кажется, проходит, по крайней мере, вот уже две ночи сплю.

И рассказ кончил. «Иуда Искарот и другие»⁵⁸ — нечто о психологии, этике и практике предательства. Горький одо-

⁵⁷ Андреев очень тяжело и болезненно переживал смерть жены и подумывал о самоубийстве, что и явилось одной из причин приезда к нему на Капри Вересаева.

⁵⁸ Рассказ Андреева «Иуда Искарот и другие» (1907) был впервые напечатан в сборнике товарищества «Знание» (Кн. XVI. СПб., 1907).

брюет, но я сам недоволен. Продолжал бы работать и дальше, ибо делать больше нечего — но голова не выдерживает. Буду отдыхать, фотографировать, гулять и т.д. А к лету, если не будет военной диктатуры — в Россию, а то — в Норвегию, на фьорды. Прекрасная страна, и если уж где жить в Европе, так там.

Вы ведь в Италии уже бывали и несколько знакомы с нею? Мне нравится, дышать свободно. Я даже итальянскому учусь, учитель ходит, но память точно отшибло, ничего не выходит. Все же стараюсь.

Дидишка очень милый и смешной малый. Говорят, и Данилка ничего, но того я не знаю и как-то — стыдно сознаться — совсем не люблю⁵⁹.

Пятницкому я сказал, что Вы не получаете ответов на письма, и он был очень обеспокоен. Вот — как ни странно вам это покажется — единственный человек на Капри, с к<отор>ым можно говорить по душам. Горький — тот, к<а>к хорошая книга с заранее определенным содержанием или как картинная галерея. За сверх или поверх-человеческим просто человеческое от него ускользает, он его не видит, не чувствует, не знает. От этого при всем своем уме, благородстве, чистоте душевной он иногда бывает ниже человека — и к<а>к раз в те минуты, когда думает, что выше.

Да, вот был бы я рад, если бы Вы приехали! Душа бы немного погрелась. Настаивать боюсь, но думаю, что Капри для Вас оказалось бы хорошим местом. Красиво тут, ясно как-то, и нет того раздражающего, чем противен для меня Крым. Есть тут и русс<кая> газета, и книги, без к<отор>ых опять в санатории вам будет трудно. Думаю, что и М<арии> Г<ермогеновне> понравится.

Во всяком случае известите, что надумали. Крепко жму руку вашу и целую.

Леонид.

⁵⁹ Сыновья Андреева — Вадим Леонидович (1903–1976) и Даниил Леонидович (1906–1959).

Посылаю вам карточку Шуры. Снято на 5–6-й день после родов, до болезни еще. Было тогда очень весело и ничего не ожидалось дурного.

Дидишка снят на днях. Нужно поддержать немного в фиксаже, он очень плох.

Пришлю еще одну карточку Шуры, снятую незадолго перед родами. Знаю, что вам это дорого.

А «Жизнь человека»-то — умела успех!⁶⁰ Получил сегодня театральные рецензии — хвалят. Я помню ваш отзыв и думаю, что вы не правы. Доказать трудно, но при свидании постараюсь⁶¹.

Для меня «Ж<изнь> челов<ека>» (помимо ее чисто интимного характера) имеет огромное значение. Как опыт новой формы. Дело в том, что имела успех пьеса или провалилась бы — я задумал написать и напишу — если не сдохну, целый цикл пьес в таком же духе, стилизованно-лубочном.

1). Голод.

2). Война.

3). Революция.

4). Бог, дьявол и человек.

Тема, к<а>к видите, старая, и вся суть в новой форме, к<отор>ая должна воскресить, обновить и существо этих старых вопросов. Задумано мною хорошо, но к<а>к выполню — зависит от многого.

На конверте адрес рукой Андреева: Recomandate. A Signor Smidovitch. Russia. Moscau. Москва. Боженинский пер., д. Давыдовой. Викентию Викентьевичу Смидовичу.

На первой странице письма и конверте пометы рукой Вересаева: № 14, 15, II — 07; Капри, 15/III — 907 г.

Датируется по пометам Вересаева.

⁶⁰ Пьеса Андреева «Жизнь человека», законченная в Берлине в сентябре 1906 г., впервые была опубликована в Литературно-художественном альманахе издательства «Шиповник» (Кн. 1. СПб., 1907), тогда же — отдельным изданием в Берлине (издательство И. П. Ладыжникова), 12 декабря 1907 г. состоялась ее премьера на сцене Московского художественного театра (постановка К. С. Станиславского и Л. А. Сулержицкого, музыка И. А. Саца) и имела огромный успех.

⁶¹ О каком отзыве Вересаева по поводу драмы «Жизнь человека» идет речь, установить не удалось. Можно предположить, что имеется в виду отзыв, сделанный в неизвестном письме Вересаева к Андрееву.

№ 14

17 апреля 1907 г. Капри

В. В. Смидовичу.

Я вас очень люблю, Викентий Викентьевич, и думаю, что время и жизнь еще больше скрепят нашу начинающуюся дружбу. И тогда будет у нас совсем хорошо. Расписал бы больше, но мешает — стыдливость.

Жму руку крепко.

Леонид Андреев.

Капри, 17/IV <19>07.

Написано на титульном листе первой книги альманаха «Шиповник». В правом верхнем углу печатный текст посвящения: «Светлой памяти моего друга, моей жены отдаю эту вещь, последнюю, над которой мы работали вместе. Леонид Андреев».

В правом верхнем углу помета рукой Вересаева: «Жизнь человека», «Шиповник», кн. I.

№ 15

10 октября 1907 г. Санкт-Петербург

Милый и дорогой Викентий Викентьевич! Я кажусь только скотиной, но на деле много и с любовью думаю о вас. На следующей неделе буду в Москве (на три недели!), а стало быть — у вас. Приятно подумать! Крепко-крепко жму руку.

Ваш Леонид.

Каменноостровский, 13.

На почтовой открытке. Адрес рукой Андреева: Москва. Девичье Поле. Боженинский пер., д. Давыдовой. Викентию Викентьевичу Смидовичу. Датируется по почтовому штемпелю.

№ 16

14 марта 1916 г. Санкт-Петербург

Дорогой Викентий Викентьевич! Не откажите посодествовать доброму делу. Заранее крепко благодарю.

Рассчитывал весной повидаться в Москве, а вот вместо того уже пять недель нахожусь в лечебнице (Тверская, 10), где со слабым успехом врачую многочисленные свои недуги. Как много их! И печень, и пищеварение, и мочекишный диатез, и полное расстройство нервной, сосудодвигательной — и других систем. И постоянная, почти непрерывная головная боль! Сейчас немного легче, а то и двух строк написать не мог.

Крепко жму Вашу руку и жажду продолжительного разговора.

Ваш Леонид Андреев.

На конверте адрес рукой Андреева: Москва. Скатерный пер., 8. Издательство писателей. Викентию Викентьевичу Смидовичу.

На конверте помета рукой Вересаева: № 16.

Датируется по почтовому штемпелю.

Письмо написано на бланке с типографским штампом: Всероссийский союз городов помощи больным и раненым воинам. Петроградский областной комитет. Комиссия по организации отправки вещей в действующую армию. ...дня 191_ г. № _ . Невский пр. 21. Телеф. 50—63. По левому полю горизонтально: Адрес для телеграмм: Петроград, Соград.

Текст письма записан после машинописного текста. Типографский штамп обведен и указывает стрелкой на вписанное рукой Андреева перед машинописным текстом имя адресата: Викентию Викентьевичу Вересаеву.

Машинописный текст представляет собой обращение Союза городов к русским писателям: «Озабочиваясь о подарке русскому солдату к Пасхе, «Союз городов» устраивает грандиозную лотерею, один из отделов которой, литературный, всецело рассчитан на содействие этому делу русских писателей. Во имя высокой цели укрепления общения между обществом и армией, позвольте убедительно просить Вас не отказать в Вашем, ценном для дела участия, — пожертвованием книг Вашего сочинения с автографами, портретов с Вашим факсимиле и всего того, что Вы сочли бы удобным для общественного розыгрыша. Вы глубоко обязали бы этим тех, кто взял на себя заботу об организации подарка братьям, отстаивающим родину своей грудью, и дали бы им радость сознания непрерывающейся общности с народом».

Обращение заключалось просьбой откликнуться на призыв как можно скорее ввиду близких сроков розыгрыша лотереи.

**МАРИЯ САМОЙЛОВНА ДАВИДОВА:
ВСПОМИНАЯ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА**

Публикация и вступительная заметка Т. В. Полушиной

В 2015 году правнук Л. Н. Андреева — Леонид Михайлович Андреев — передал в дар музею архив своей матери: большое количество писем (переписка детей писателя друг с другом и матерью), рукописи Веры Андреевой, живописные работы Ирины Андреевой.

Этот архив позволил существенно пополнить фонды Орловского объединённого государственного литературного музея И. С. Тургенева, дал материал для научных исследований.

В одном из писем младшего сына писателя — Валентина содержится ценная информация, а именно: воспоминания оперной певицы Марии Самойловны Давыдовой о встречах с Леонидом Андреевым. Валентин Леонидович вложил текст этих воспоминаний в конверт и переслал своей сестре Вере. Письмо датируется 12 февраля 1971 года (Париж — Москва).

Позже Давыдова опубликовала свои воспоминания в газете «Русская мысль» (Встречи с Леонидом Андреевым // Русская мысль. 1976 № 3084. 1 янв., с. 10). Газета эта выходила в Париже, поэтому текст воспоминаний в России был труднодоступен. И вот сейчас в фондах музея И. С. Тургенева появился этот текст.

О знакомстве Леонида Андреева с Марией Самойловной Давыдовой было известно очень мало. Приведу небольшую цитату из дневника писателя.

25 мая 1918 год.

«Мне скоро 47, но на вид я моложе и еще красив. По-видимому, я еще могу вызывать любовь. Д., А. искали моей любви. Д. я не верю, несмотря на самые сильные доказательства...»¹.

¹ Д. — Давыдова М. С.; А. — скорее всего, Антонова Н. А.

Л. Н. Андреев также посвятил постановке «Кармен» (в которой пела Давыдова) статью «К сотому представлению "Кармен" // Биржевые ведомости. 1916, 14 марта.

Мария Самойловна Давыдова (1889–1987) — оперная и концертная певица (меццо-сопрано), артистка оперетты, режиссер и вокальный педагог. На оперной сцене дебютировала в конце 1912 года в петербургском Театре музыкальной драмы. До самой революции 1917 года успешно работала в операх и опереттах в Петербурге, провела несколько оперных спектаклей в московском Большом театре, гастролировала за рубежом.

Есть еще одна область работы М. С. Давыдовой: она написала воспоминания «Мои артистические годы за границей». Издать воспоминания не удалось — не было денег. Эта рукопись, датированная 1966 годом, дает огромный материал о жизни русской диаспоры в Париже. Ныне рукопись хранится в Национальном музее музыки им. М. И. Глинки.

В письме Валентина Леонидовича Андреева, которое было написано очень интересным способом — с одной стороны листа перепечатанный текст воспоминаний Давыдовой, а с другой собственно письмо Вере Леонидовне, сказано: «Пишу на обороте небольшого опуса некоей певицы, Марии Самойловны Давыдовой, которую знаю несколько десятков лет... Она когда-то весьма была пронзена шармом нашего прародителя, ...рассказывала мне об этом весьма оживленно, ведь она из последних могижанш, от которой можно еще услышать непосредственное что-то... Поэтому я попросил ее записать то, что она мне рассказывала... Не могу сказать, что это шедевр, до такого этим страничкам далеко, но все же курьезно».

Теперь переходим к тексту воспоминаний М. С. Давыдовой, сохраняя орфографию подлинника.

«Память о Леониде Николаевиче я храню всегда как о чем-то радостном, светлом, юношески волнующем.

Мои воспоминания начинаются со знакомства не совсем обычного и охватывают последующие с ним встречи в тече-

ние двух лет, от 1915 до 1917. Еще в гимназии, в последних классах, я зачитывалась Андреевым, и многие мои подруги, в том числе и я, были в него влюблены. Со страниц книги на нас смотрел молодой красавец, и каждая мечтала не только его увидеть, но чтоб он также кинул взгляд в сторону счастливицы.

Со мной произошла эта встреча значительно позже; я была молодой артисткой в Петербургском Театре Музыкальной драмы. Существовал он всего третий год, был авангардным, экспериментальным, и труппа состояла из молодёжи, еще не пробовавшей сцены, за исключением двух-трёх артистов. Накануне 14-го года он открыл свои двери «Евгением Онегиным». Подвергся он строгой критике, как артистов, так и постановки. Но была другая часть публики, которая восторженно приветствовала создание И. М. Лапицкого в содружестве с М. А. Бихтером. Первый был директором, постановщиком и вообще создателем всего «нашего храма», второй — гениальным музыкальным руководителем и дирижером. Театр свой мы обожали, были влюблены в режиссера-директора, в дирижеров, в постановки, декорации и т.д. Всякая критика извне вызывала негодование. Правила у нас были строгие, монастырские, за кулисы никого не впускали. Ни аплодисментов, ни бис-ов, ни подношений от поднятия занавеса даже после конца оперы. Единственным непосредственным контактом с публикой были ... флюиды артистов. Атмосфера за кулисами была замечательная. Описываю всю нашу внутреннюю жизнь, чтобы было понятно наше переживание, когда на спектакль пришел Леонид Николаевич. Об этом мы, правда, узнали только тогда, когда появилась его громовая статья о постановке оперы «Фауст». Можно себе представить, какое возмущение и протест вызвала в наших юных сердцах его критика! Как!? Как мог Андреев разругать наш театр исканий, он, который должен был бы приветствовать наше новое начинание, лишённое всякой рутины?

Прошло некоторое время, страсти улеглись, а театр процветал и завоевывал все большие симпатии. В один прекрас-

ный вечер, когда я пришла в театр, мой товарищ Левитан [Левитан Яков Семенович (1894–1976) — оперный артист, бас. Партнер М. С. Давыдовой в «Кармен» в Театре музыкальной драмы. Эмигрировал в Германию, затем в Париж, затем в Нью-Йорк, где работал в ООН.— Т.П.] говорит мне: «Маруся, постарайтесь, сегодня в публице Андреев». Я выступала в «Кармен».

С первых своих шагов на сцене я репетировала всегда полным тоном и помню как наш композитор, О. А. Давидов, говорил мне: «Дорогая моя, вы поете капиталом, а надо репетировать процентами». Уже здесь, в эмиграции, когда наша труппа выступала с Шаляпиным, мне всегда казалось до его появления, что я исчерпала все свои сценические способности до конца. Но как только я находилась с ним в контакте, с ним рядом, то мне казалось, что из недр моего существа подступают новые силы, новые краски исполнения, наполняющие меня радостью, граничащей с экстазом. В тот вечер, наверное, я почувствовала этот экстаз еще готовясь к выходу, но не радостный, а полный ненависти. Во мне все клокотало уже от самой роли моей любимой Кармен, и от мысли — «ну подождите, Леонид Николаевич, я заставлю Вас изменить свое мнение о нашем театре!»

Прошел первый акт, как у нас полагалось, в тишине. После второго пришел кто-то из администрации и передал, что Леонид Андреев хочет непременно со мной познакомиться, но не здесь, в театре, а чтобы мой партнер Левитан и я приехали к нему на Черную речку с ночевкой.

Я стала готовиться к этой встрече, лихорадочно перечитывая его произведения, но чтобы, не дай Бог, не осрамиться перед Леонидом Николаевичем незнанием чего-то, решила приобщить к нашей группе моего милого товарища Ольховского, начитанного, умного молодого человека.

Кажется, это было между Рождеством и Новым годом, когда мы известили Л. Н-ча о приезде. Отправились вчетвером: Хозе — Райчев, Цунига — Левитан, я и Ольховский, моя литературная подмога. Не помню, до какой станции мы до-

ехали, до Териок или Райволы, а оттуда надо было еще семь верст ехать на лошадях. Сели мы по паре на саночки, дорога шла лесом. Поездка эта мне помнится, точно это было вчера. Какая-то зимняя сказка, напоминающая декорации первого акта «Снегурочки». Темное небо, усыпанное звездами; луна яркая, далекая, поэтичная, в то время еще не доступная; ели, покрытые толстым слоем снега, точно усыпанные бриллиантами, а когда задевали ветки, нас обдавало блестящими пушинками. Мороз, тишина, только нарушаемая скрипом полозьев по упругому снегу, а на душе тепло и радостно. И томящее чувство, когда знаешь, что вот еще несколько поворотов дороги, пройдет несколько мгновений, и исполнится долгожданное желание.

Вдруг, при лунном свете, обрисовался темный силуэт Андреевского дома; он мне показался мрачным замком, но изнутри светились окна.

Приехали мы в семь часов вечера. Нас встретила Анна Ильинична и сказала, что Л.Н-ч имеет обыкновение работать ночью, что сейчас он спит и придет к ужину в 10 часов. Нас отвели во флигель, чтоб мы там расположились, так как приехали на три дня. Ровно в 10 мы были в столовой, и через 10 минут Андреев спустился к нам. Поздоровались, познакомились, пошли к пышному столу. Андреев сел на председательское кресло, а меня посадил направо от себя. Я беспомощно поглядывала на Ольховского, предупреждая его взглядом, чтобы в случае замешательства был готов меня выручить. Но Леонид Николаевич оказался совсем не тем мрачным человеком, каким он часто бывал на фотографиях, и у которого была такая репутация. Красивый, обаятельный, с прекрасными ласковыми глазами и милой улыбкой, он нас всех пленил. Разговаривать с ним было легко. В нем было много юмора, когда он рассказывал про свои юные годы, про приключения после пьяной пирушки. В тот вечер он был очень оживлен, всем было хорошо, и я к концу ужина откровенно ему призналась, как готовилась к экзамену из его произведений. Проговорили мы до двух часов ночи, а когда вышли,

Андреев посадил меня на детские саночки и повез к флигелю на ночлег.

На следующий день пока спал Леонид Николаевич, я пошла в детскую и возилась с детьми — Верой, Саввой и маленьким Валентином. В это время гостил у Андреева его старший сын от первой жены Вадим. После завтрака, когда мы опять все встретились, Анна Ильинична сняла нас, и эта карточка, т.е. вернее репродукция с фотографии из журнала «Солнце России», хранится у меня до сих пор. А потом Леонид Николаевич повел меня по своему владению, показывая деревья, которые сам сажал, любовался природой и все говорил: «Послушайте, как звенит тишина», и я действительно это почувствовала. Попросил, чтобы вечером я и Хозе пропели бы ему все сцены из Кармен. Акомпаниатора не было, и мне пришлось сесть самой за рояль. В комнате было темно, только два подсвечника горели на рояле. Леонид Николаевич сел сзади, прислонившись к стене; когда я заметила, что он не будет видеть наших лиц, он ответил, что будет слушать с закрытыми глазами, следя за каждым выражением и движением, так как он сохранил в памяти всю нашу игру. С того момента, когда Леонид Николаевич увидел меня на сцене, мой образ в Кармен настолько у него слился с Кармен, что он никогда больше не называл меня моим именем, а всегда Карменситочкой.

Ездила я к Андреевым на дачу несколько раз, но чаще встречалась с ним в Петербурге, когда он приезжал и останавливался у своего тестя, Ильи Денисевича, куда приходили друзья Леонида Николаевича. Больше всех помню Сергея Глаголя, а когда собирались у Федора Сологуба, то там бывали М. Кузьмин, Н. Тэффи, Н. Евреинов. За чайным столом восседал Сологуб с неподвижным, точно из камня выточенным лицом, читал стихи, Кузьмин садился за рояль и напевал песенки на слова собственных стихов, а Тэффи, когда начинала читать свои рассказы, полные тонкого юмора, сразу становилось весело. Потом Андреев переехал в свою квартиру на Мойке.

Одно время он лечился в клинике Герзони от невралгии. В этот период я часто ходила с ним гулять в Таврический сад, до своих репетиций. О чем мы говорили? Не помню; знаю только одно, что своей молодостью, жизнерадостностью, я выводила его из мрака и, прощаясь, он меня всегда благодарил, а я не понимала за что, когда для меня было таким громадным удовольствием общение с ним.

Однажды собрались у Андреева к чаю, и когда он вышел один в кабинет, я последовала за ним и попросила дать мне его фотографию с автографом. Он долго смотрел на меня, как всегда очень ласково, потом взял перо и надписал следующее: «Этот мрачный человек очень любит Карменситу, желает ей в жизни успеха, любви и страданий». Как-то я переживала тяжелые дни, и, вспомнив про пожелание Андреева «страдать», и из суеверия, взяла и разорвала эту карточку. Когда я его увидела, то во всем призналась, умоляя дать вторую, но он наотрез отказался.

Была я с ним на премьере пьесы «Дни нашей жизни» в Народном зале, и когда вышли из ложи, студенты подхватили Андреева и стали качать. Другой спектакль, на который меня пригласил Леонид Николаевич, был «Тот, кто получает пощечины», и даже подарил книжку с надписью: «Вы здесь найдете много слов, которые я мог бы Вам сказать». Может быть, этот текст не совсем точен, но смысл слов верный.

Бывала я с ним также на музыкальных вечерах в Обществе Куинджи, где выступала, а художник нашел сходство моих глаз с глазами Андреева.

В дни революции я ходила к Леониду Николаевичу чуть не каждый день пешком со Стар. Невского на Мойку и обратно. Он был взволнован, нервничал, что зачем тот или другой достойный человек не выбран, вообще в эти первые дни болезненно переживал события. Затем я встретила с ним в марте месяце. Он вызвал меня по телефону. Когда я пришла на квартиру, было часов пять вечера. Он полулежал у себя в кабинете, в темноте. В соседней столовой сидела его мать.

Я подседа к нему, но как ни старалась вывести его из мрачного состояния, мне это не удалось.

Это было наше последнее свидание. Увидела я его еще раз, но издали, во время заседания предпарламента, где он состоял членом. Я передала ему записку, прося быть моим крестным, так как выходила замуж за Скобелева и, будучи караимкой², должна была креститься. Он записку прочел, но не ответил. [В скобках заметим, что в одном из писем родственникам, отвечая на просьбу быть крестным отцом сына сестры Риммы, Л. Н. Андреев об этом в шутку написал так: «Я недавно чуть артистку Давыдову не крестил, а это что — какой-то Кирилл! Ничтожество в 8 фунтов. Вот Давыдову потаскай вокруг купели. Это работа. У нее в одной ноге 10 ваших Кириллов, да и то не ропщу». — Т.П.].

Пришлось мне получить все-таки его карточку, но уже в гробу. Один мой приятель снял его на смертном одре и, зная нашу «нежную дружбу», прислал мне эту фотографию в 20-м году. И снова я видела это прекрасное, на этот раз спокойное лицо, с пышной гривой темных волос.

Я эту фотографию свято хранила и всегда брала на спектакль, ставив ее на гримировальный столик, как иконку. В 1943-м году она погибла во время бомбардировки дома, где я жила.

Февраль 1971
Париж».

² Караимы — тюркоязычная этническая группа, исповедующая караизм — религию, близкую к иудаизму.

IV
Из собрания
ОГЛМТ

ЭКСПОНАТЫ РАССКАЗЫВАЮТ. ВОКРУГ БЮСТА ПУШКИНА

В музее писателей-орловцев находится великолепный экспонат — это выполненный из белого мрамора бюст А. С. Пушкина, который притягивает внимание, завораживает. Увидеть его можно в зале, посвящённом писателю-пушкинисту И. А. Новикову. Пушкин предстаёт перед посетителем внушительным, красивым, поэтичным: невольно скажешь: «олицетворение поэта в жизни».

Внизу в правом углу бюста с трудом можно прочитать, а скорее угадать, надпись, позволяющую установить автора этого великолепия: А. Злат... — А. Н. Златовратский.

Пушкин Златовратского очень похож на портреты кисти В. А. Тропинина (1827) и О. А. Кипренского (1827). Портрет Кипренского был признан одним из лучших, созданных при жизни поэта. Правда, сам Пушкин считал, что художник приукрасил его внешность, о чём пишет: *«Себя как в зеркале я вижу, но это зеркало мне льстит»*¹.

В. А. Нащокина, жена близкого друга Пушкина, создала словесный образ одухотворённого поэта. По её мнению, он был даже лучше, чем на своих портретах. Она вспоминала: «Пушкин был невысок ростом, шатен, с сильно вьющимися волосами, с голубыми глазами необыкновенной привлекательности. Я видела много его портретов, но должна сознаться, что ни один из них не передал и сотой доли духовной красоты его облика — особенно его удивительных глаз. Это были особые поэтические задушевные глаза, в которых отражалась вся бездна дум и ощущений, переживаемых его душой. Других таких глаз я за всю мою долгую жизнь ни у кого не

¹ Стихотворение А. С. Пушкина «Кипренскому» (1827).

видала. Говорил он скоро, острил всегда удачно, был необыкновенно подвижен, весел, смеялся заразительно и громко, показывая два ряда ровных зубов, с которыми белизной могли равняться только перлы. На пальцах он отращивал предлинные ногти»².

Совсем другим запомнил Пушкина И. С. Тургенев. Он видел поэта только раз, незадолго до дуэли, и запомнил «смуглое небольшое лицо, его африканские губы, оскал белых крупных зубов, висячие бакенбарды, тёмные желчные глаза под высоким лбом почти без бровей — и кудрявые волосы...»³.

Создавая скульптуру Пушкина, А. Н. Златовратский остановился на образе молодого, духовно наполненного поэта, таким он запечатлел его в мраморе. Музейным экспонатом бюст Пушкина стал в 1980 году. Из акта поступлений узнаём:

«Акт 32 от 6 августа 1980 г.

Скульптура художника Златовратского Александра Николаевича. Портрет А. С. Пушкина. Мрамор. Размер 40х80х50.

От Новиковой-Принц М.Н.

Слушали: т. Сафронова В. В. предложила обсудить и оценить необходимые для музея писателей-орловцев вещи, привезённые от Новиковой-Принц Марины Николаевны, проживающей в Москве, по ул. Островитянина, 39, кв. 260, а именно: скульптурный портрет А. С. Пушкина работы скульптора Златовратского Александра Николаевича. Даная работа из мрамора всегда находилась в кабинете писателя-орловца И. А. Новикова в его московской квартире в Лаврушинском переулке...

Постановили: приобрести у Новиковой-Принц М.Н. скульптуру А. С. Пушкина, оценив её в 3000 рублей /три тысячи рублей/...».

² Нащокина В. А. Воспоминания // Новое Время, 1898. – № 8115, иллюстр. приложение.

³ Тургенев И. С. Литературные и житейские воспоминания. Литературный вечер у П. А. Плетнёва // Собр. соч. в 30 тт. Т. 11. Москва, 1983.

Кроме того, что было отражено в акте, никаких дополнительных сведений об истории этого экспоната при поступлении в музей не сообщалось. Тем не менее, история экспоната всегда представляет интерес и необходима в музейном деле, особенно если осталось место для вопросов. В истории с бюстом Пушкина таким вопросом является предыстория появления великолепной работы музейного или даже дворцового характера у писателя И. А. Новикова.

По легенде, скульптура была подарена И. А. Новикову почитателями и сотрудниками библиотеки им. А. С. Пушкина в Москве. Однако документального подтверждения этому нет. К сожалению, Марина Николаевна Новикова-Принц, дочь писателя и одновременно его литературный секретарь, обошла молчанием историю дарения в своих воспоминаниях и письмах, хранящихся в фондах тургеневского музея. Кажется странным, что она нигде не упомянула о дарителях этого подарка, хотя о других поступивших от неё предметах сообщала хоть маленькую, но историю, как, например, историю с засушенными лепестками роз в зелёной коробочке, которая выглядит очень поэтично. Так, во время работы в Гурзуфе над романом «Из жизни духа» (1903–1904), Новиков каждый раз ставил перед собой розу, а потом засохшие лепестки складывал в зелёную коробочку. Доступная нам история бюста Пушкина начинается с писательского дома в Лаврушинском переулке. И. А. Новиков поселился в этом доме в 1950 году, хотя мог бы улучшить свои жилищные условия гораздо раньше, т.к. являлся председателем Литфонда Союза писателей СССР и занимался благоустройством десятков семей писателей, но скромность и человечность не позволяли ему это сделать. Иван Алексеевич на протяжении многих лет жил с семьёй в двух маленьких комнатах в Кропоткинском переулке, пока в 1949 году Союз писателей не выделил ему благоустроенную квартиру как старейшему писателю Союза.

Марина Николаевна Новикова-Принц в неизданных воспоминаниях рассказала о новой квартире, кабинете писателя и появлении бюста Пушкина в Лаврушинском доме:

«В 1950 году, в начале лета, мы покинули старую Кропоткинскую квартиру, где прожили 33 года в ветхом деревянном флигеле, и переехали в новый писательский дом... Там мы поселились в высоком первом этаже. Квартира состояла из трёх комнат со всеми удобствами.

Иван Алексеевич расположился в самой первой, налево от входа. В кабинете у окна стоял большой письменный стол, затянутый красным сукном. Из окна был виден кусок неба, на фоне него — кремлёвская башня с алой звездой, часть переулочка с Третьяковской галереей. Перед письменным столом косяное кресло с подлокотниками и плетёным сиденьем... Вся мебель в комнате была старая, еропкинская. Именно за этим письменным столом были написаны романы о Пушкине.

Вскоре налево в углу у окна появился мраморный бюст Пушкина работы скульптора А. Н. Златовратского: поэт периода Михайловской ссылки — прекрасное вдохновенное лицо. Каким-то особенным светом наполнилась комната, когда в ней «зажил» Пушкин. День появления у нас мраморного Пушкина был озарён радостным оживлением, и мы выпили шампанского.

Направо на стене были повешены приобретённые у вдовы художника Ульянова две картины, исполненные карандашом. Первая Пушкин в Тригорском на скамье с Анной Керн и Аннет Вульф и Зизи Осиповой. Вторая «Сплетни» — Пушкин одиноко стоит у колонны, на заднем плане светская чернь сплетничает о нём... Слева от мраморного Пушкина висел большой портрет Ивана Алексеевича, тот самый, что был написан художницей Зелинской в 1946 году. Под портретом — своеобразные пейзажи Елены Ивановны Пржецлавской...». Марина Николаевна во всех подробностях описывает обстановку, все картины и репродукции, что висели на стенах в кабинете писателя, и заканчивает словами: «Иван Алексеевич любил показывать приходящим свою маленькую "Третьяковку", в центре которой возвышался мраморный Пушкин».

В кабинете Новикова всё дышало Пушкиным, и это помогало ему писать о любимом поэте.

По воспоминаниям художницы Р. Н. Зеленской, друга семьи Новиковых, в скромной квартире Ивана Алексеевича всегда царила какая-то особая теплая атмосфера, а обстановка удивительно гармонично отражала внутренний мир и круг интересов его личности.

«Иван Алексеевич умел уютно сидеть в своем кабинете, — пишет она, — и почему-то присутствие мраморного бюста Пушкина работы Златовратского не делало его кабинет официальным, как бывает иногда со скульптурой в квартире. Иногда даже казалось, что они просто беседуют друг с другом — так органично вписался пушкинский мир с рисунками Ульянова на стенах во внутренний мир Ивана Алексеевича».

Здесь можно вспомнить шутку Ивана Алексеевича (а он был человеком с большим чувством юмора), которая тоже бытует как легенда. Иногда гости Новикова, обращая внимание на Пушкина, занимавшего целый угол, спрашивали: «Не тесно ли Вам рядом с Пушкиным?» Он отвечал: «Наоборот, я советуюсь с ним, когда пишу».

Другую шутку И. А. Новикова, связанную с бюстом Пушкина, передаёт Марина Николаевна. Однажды перед выборами в Советы к Новиковым пришли с избирательного участка совсем молодые доверенные лица и, проверив списки избирателей, поинтересовались, проживает ли ещё кто-нибудь в квартире. Иван Алексеевич решил пошутить, сказав, что проживает, и пригласил гостей пройти в свой кабинет, когда они вошли, он указал им «на своего любимца Пушкина».

После смерти И. А. Новикова (умер он в 1959 году) Марина Николаевна не сразу рассталась с бюстом Пушкина. Сначала была надежда сохранить кабинет писателя в неприкосновенности в квартире в Лаврушинском переулке, но семейные обстоятельства не позволили это сделать. Марина Николаевна и её брат Ростислав Николаевич постепенно стали передавать в музей архив, личные вещи и предметы обстановки писателя. Это происходило на протяжении двадцатилетия. За это время Марина Николаевна и её брат трижды вынуждены были менять местожительство. Бюст Пушкина

путешествовал вместе с ними с квартиры на квартиру. И вот, когда в 1980 году в галаховском доме готовилась к открытию новая экспозиция музея писателей-орловцев, где один из залов был отведён И. А. Новикову, Марина Николаевна решилась расстаться с бюстом Пушкина, и сотрудники музея доставили его в Орёл.

В письме к сотруднице музея Л. Ф. Подсвировой, которая занималась созданием экспозиции новиковского зала, Марина Николаевна написала: «Я очень довольна, что, наконец, Пушкин и шкафы на своём законном месте...»⁴.

Среди перечня работ А. Н. Златовратского в разных источниках упоминание о бюсте Пушкина нашлось только в биобиблиографическом словаре, в котором дана краткая справка о скульпторе и его творчестве: «Златовратский Александр Николаевич. Скульптор, р.15.9.1878 в Петербурге <по другим источникам Владими́ре>, ум. 19.1.1960 в Москве. Занимался в Москве у С. Т. Конёнкова (1895–1900), затем учился у В. А. Беклемишева, Г. З. Залемана. Один из активных участников студенческого революционного движения в А.Х. в период русской революции 1905–1907 гг. В 1908–09 и 1911–13 посетил Рим, Флоренцию, Берлин, Дрезден. Париж, работал в мастерских Э.—А. Бурделя, А. Майоля и др.»⁵.

Среди работ, созданных до 1917 года, в словаре указаны такие, как «Портрет А. М. Горького» (1902), «Писатель-народник Н. Н. Златовратский» (отец скульптора), «Мальчик» (1914), «Женский портрет» (1915).

После Октябрьской революции, как отмечается в словаре, Златовратский принимал активное участие в работе секции по охране памятников искусства и старины: отвечал за сохранность фондов Третьяковской галереи; был составителем описи дворцовых ценностей в Архангельском; участвовал в осуществлении ленинского плана монументальной пропаганды, создав в это время: памятник-бюст М. Е. Салтыкова-

⁴ ОГЛИМТ. РДФ. Ф. 16, инв. 32384 оф.

⁵ Художники народов СССР. Биобиблиографический словарь в 6 томах. Т. 4, кн. 1; М.: Искусство, 1983.

Щедрина (1918), К. Маркса (1922), А. М. Горького (1926), герб Советского Союза (.1923), памятные доски (1920-е гг.); композиции «Девушка» (1925), «Давид» (1926), «Победа» (1927).

Позднее появились памятник-бюст С. М. Кирову (бр. 1932), скульптуры: «Советская семья» (1935), «Комсомолка» (1936), лётчица П. Д. Осипенко (1939); проекты памятников Н. В. Гоголю (1948) и Л. Н. Толстому (1950), артистам В. И. Качалову (1940) и А. А. Яблочкиной (1944), пианисту В. В. Софроницкому (1945).

До войны произведения Златовратского экспонировались на зарубежных выставках (Международные биеннале в Венеции — 1924, 1928 и 1932 гг.; в Нью-Йорке — 1929 г.; в Вене, Берлине и Стокгольме — 1930 г.; в Варшаве — 1933 г.). Характер работ мастера свидетельствует о том, что он пользовался вниманием власти.

Скульптурный портрет Пушкина занимает своё место в ряду других работ Златовратского, посвящённых поэтам. В справочнике кратко сказано: «Исполнил портреты поэтов С. Д. Дрожжина (дер.1923, Куйбышевский ГХМ), А. С. Пушкина (гипс, 1925; мр., 1949), И. З. Сурикова (дер., 1934, ГЯР-МЗ) и М. Ю. Лермонтова (глина, 1934; гипс 1938)». Место хранения бюста Пушкина в словаре не указано.

Создание бюста Пушкина в 1949 году было приурочено к 150-летию со дня рождения поэта.

Златовратский на протяжении жизни работал с разным материалом: мрамором, гипсом, глиной, деревом, бронзой, фарфором в скульптуре малых форм. В юбилейный пушкинский год он выбрал для бюста поэта мрамор. Надо полагать, что это как раз тот самый Пушкин из мрамора, который теперь находится в новиковском зале музея.

К сожалению, пока так и осталось загадкой, кто заказал бюст Пушкина Златовратскому и был ли этот драгоценный подарок сделан писателю-пушкинисту Новикову его почитателями и сотрудниками Пушкинской библиотеки, как говорит легенда.

В РГАЛИ среди рисунков Златовратского хранится проект памятника А. С. Пушкину и фото памятника, выполнен-

ного по его проекту, но какое отношение имеет к этому бюст Пушкина в новиковском зале, ещё предстоит узнать.

Работы Александра Златовратского хранятся в собраниях музеев России: Третьяковской галерее, Владимиро-Суздальском музее-заповеднике, Тверском объединённом музее и других.

В заключение можно добавить, что пушкинская тема оказалась близкой не только Златовратскому, но и его жене, тоже скульптору, Марине Давыдовне Рындзюнской (1877–1946). В 1937 году в Москве, в залах Государственного Исторического музея была открыта Всесоюзная Пушкинская выставка, приуроченная к 100-летию со дня смерти поэта, на которой была представлена работа Рындзюнской — гипсовый бюст «Пушкин-лицеист», получившая признание критиков.

С. И. Труфанова

**ПРОТОПРЕСВИТЕР ВОЕННОГО
И МОРСКОГО ДУХОВЕНСТВА
А. А. ЖЕЛОБОВСКИЙ ИЗ БЛИЗКОГО КРУГА
Н. С. ЛЕСКОВА**

Личные отношения, иногда очень близкие, связывали Н. С. Лескова не только с крупными писателями (Достоевским, Л. и А. Толстыми, Гончаровым, Писемским, Мельниковым-Печерским, Чеховым), но и с лицами духовными. Критик и мемуарист Анатолий Иванович Фаресов в своей книге "Против течений" отмечал: «Внутренний мир Лескова принял с раннего детства благочестивое... направление. Он делил людей на порядочных и неисправимо гнусных. Высокие помыслы «о праведниках» находили у Лескова удовлетворение долгое время в православии, во всём благолепии его храмов, церковности и обязанностях священнослужителей. Он украшал собственную квартиру образами, картинами с сюжетами из Священного писания, просфорами, лампадками... Он изучал основательно церковную историю, иконописание и раскол...»¹

Лесков вёл дружбу и переписку с такими духовными лицами, как архимандрит Александро-Невской лавры Арсений, епископ рижский Филарет, светские мистики: Журавский, Корф, Засецкая, Пейкер, а также протопресвитер военного и морского ведомства Александр Алексеевич Желобовский (1834–1910).

Должность протопресвитера военного и морского духовенства приравнивается к генерал-лейтенанту, что в гражданском ведомстве соответствовало чину тайного советника.

¹ Фаресов А. И. Против течений: Н. С. Лесков. Его жизнь, сочинения, политика и воспоминания о нем // Н. С. Лесков в воспоминаниях современников. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 63.

Выше его по табели о рангах шёл только «полный генерал» (действительный тайный советник). Отец Григорий Шавельский писал в своих воспоминаниях, что сан протопресвитера военного и морского духовенства «по рангу российских чинов»... приравняется к архиепископам.

О дружбе Н. С. Лескова с таким выдающимся человеком напоминает книга из библиотеки писателя, которая экспонируется в экспозиции музея Н.С Лескова рядом с романом «Соборяне». Это «Псалтырь» 1871 года издания, выпущенный в Петербурге, подарок Николаю Семёновичу от священника А. Желобовского. Дарственная надпись на переднем форзаце, выполненная чёрными чернилами, гласит: «Творцу "Соборян", воспевшему тяжёлый быт б. духовенства усердно приносит искренний его почитатель дивные песни Давида». Священник Александр Желобовский, 1873 г. Февраль, 4-е».

Данный автограф свидетельствует о том, что Желобовский являлся одним из почитателей творчества Н. С. Лескова. Он был в восторге от романа «Соборяне», в котором писатель изобразил лучших представителей нашего духовенства. Николай Семёнович сам был доволен своим романом, когда говорил: «Написаны "Соборяне" превосходно. Это красота одна. Чистое искусство. Но разве можно развиваться на идеализированной Византии?»².

Действительно, в романе «Соборяне» Лесков отнёсся к духовному сословию уважительно, без глумления, нарисовав привлекательными красками личность отца Туберозова.

А. И. Фаресов, который был лично знаком с Лесковым, подтверждает факт дружбы и переписки писателя с Желобовским. Можно предположить, что это происходило в 70-е — 80-е годы.

В Государственном литературном музее истории российской литературы им. Даля в Москве хранится одно из писем А. А. Желобовского к Н. С. Лескову от 8 июля 1874 года (на 1 листе).

А в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук в Петербурге, где хранится карто-

² Там же. С. 68.

тека сына писателя А. Н. Лескова, в карточке 734-к-1 зафиксирована следующая запись Андрея Николаевича:

«Л. говееет со всей семьёй и Василием Сем. Утром был в церкви (Захарии и Елисаветы) Кавалергардского полка, где священником был Александр Желобовский, очень красиво служивший и бывший в хорошем отношении тогда с Н. С. Затем, д.б. после раннего обеда, с В.С. ездил в Александро-Невскую Лавру и долго ходил с ним по кладбищу, осматривая памятники Крылова, Гнедича, Даргомыжского и свежую, ещё не отделанную могилу Александра Серова (отца художника). Далее они слушали всенощную в домовой митрополичьей церкви и пили потом чай у вновь назначенного арх. Тобольского и Березовского Ефрема, который был здесь архимандритом, вёл дружбу с Н.С. и товарищество по своей литературной деятельности».

Из этой записи видно, что Лесков вместе с братом Василием Семёновичем посещал разные храмы Петербурга, но отдавал предпочтение церкви в честь святых Захарии и Елисаветы лейб-гвардии Кавалергардского полка, где с 27 марта 1869 года и служил Александр Желобовский.

Святая Елисавета была небесной покровительницей императрицы Елизаветы Петровны, чем объясняется посвящение храма. Церковь была заложена в 1752 году по Высочайшему повелению и освящена 3 сентября 1756 года, в присутствии Императрицы Елизаветы Петровны. В распоряжение Кавалергардского полка её передали в 1805 году. По размеру храм небольшой с деревянным куполом и колокольней, что доставляло немало неудобств для верующих и священнослужителей. Но, несмотря на это, отец Александр горячо любил этот храм, сохранив трепетное чувство к нему до последних дней своей жизни. Он был назначен на место умершего тестя Иоанна Николаевича Скробова. Позднее, уже будучи протопресвитером, он стал инициатором расширения церкви, обошедшейся благотворителям в огромную по тем временам сумму 180 тысяч рублей.

По инициативе А. Желобовского были заложены и освещены храмы, которые строились по проектам луч-

ших архитекторов и являлись замечательными памятниками архитектуры. Например, Николаевский морской собор в Кронштадте — один из множества храмов инициатором строительства которых выступил А. Желобовский.

Сам он родом из села Желоби Белозёрского уезда Новгородской губернии (ныне деревня Петропочинок Череповецкого района Вологодской области), родился 28 августа 1834 года в семье дьячка Николаевской церкви этого села.

Окончил Белозёрское духовное училище и Новгородскую духовную семинарию, а затем, как лучший ученик, за казённый счёт был направлен в Санкт-Петербургскую духовную академию, окончил её с учёной степенью магистра богословия, получил предложение стать профессором семинарии, но отказался от него.

Годы службы в Кавалергардском полку следует отнести к важнейшим периодам жизни Александра Алексеевича, обеспечившим его дальнейший стремительный взлёт. Он пользовался всеобщим уважением и любовью как офицеров, так и нижних чинов, он сделался в полном смысле их духовным отцом. О. Александр заботился о полковой церкви в честь святых Захарии и Елисаветы, о полковой школе и о полковом детском приюте, везде сея Слово Божие, толково и понятно разъясняя его малоразвитым слушателям. В церкви он произносил проповеди вполне понятные для солдат. С 1869 по 1881 год Желобовский прослужил в этом храме.

Велико было сожаление, охватившее семью кавалергардов, когда о. Александр был назначен в 1882 году настоятелем «всей артиллерии» собора во имя преподобного Сергия Радонежского (Сергиевский собор). На прощание от Кавалергардского полка он получил золотой наперсный крест с украшениями.

С речью, вылившейся из глубины любящего сердца, обратился о. Александр к своим духовным детям. Можно предположить, что Н. С. Лесков был в этом храме в тот день прощания Желобовского с полком и другими посетителями церкви (к таким можно было отнести писателя и его родных).

«Прощай святой храм Божий! Я прослужил в тебе более 12 лет, я любил тебя, насколько могла любить моя грешная душа, я изливал в тебя пред очами Всевидящего и скорбные, и радостные чувства, а в тяжёлые минуты жизни в тебе искал утешения, вразумления, благодатного подкрепления, искал — и всегда находил. Прощай святой дом Божий, прощай и прости меня»³.

Почти час длилось прощание, многие плакали. Прощание это было лучшим доказательством того, что не угасло рвение в высшем обществе к религии, уважение к её представителям и что достойный пастырь сумеет заслужить его любовь и уважение.

Александр Алексеевич Желобовский известен не только как выдающийся церковный администратор и храмостроитель, но и как духовный писатель. Большую известность ему принесли замечательные поучения, составленные для солдат; бытовые зарисовки, описания поездок на освящения храмов, а также содержательные научные описания храма святых и праведных Захарии и Елисаветы, который посещал Лесков. По инициативе Желобовского с 1890 года издавался журнал «Вестник военного духовенства», с которым он активно сотрудничал.

С 1883 года о. Александр являлся председателем Комиссии по составлению «Сборника внебогослужебных бесед для сельских пасторов»

26 марта 1888 года после кончины протоирея П. Е. Покровского о. Александр был утверждён в должности главного священника гвардии, гренадер, армии и флота как «достойнейшего из представителей военного духовенства». В его ведении оказались причты всех военных церквей за исключением Кавказской армии. 8 июля 1890 года изменился статус главного священника, и было учреждено звание «протопресвитера военного и морского духовенства». С этого времени

³ Мальцев М. Протопресвитер военного и морского духовенства Александр Желобовский. СПб.: ООО Издательско-полиграфическая компания «Коста», 2011. С. 62.

в ведении протопресвитера оказались священнослужители всех военных церквей, включая Кавказскую армию.

Свыше 20 лет Желобовский являлся главой российских армейских церковнослужителей. Современники оценивали его деятельность как «наступление новой эры в жизни армейского духовенства»⁴. Очень высоко отзывался о нём последний русский император Николай II.

Александр Желобовский — человек удивительной судьбы, сумевший благодаря своему таланту, уму и крепкой вере в Бога, из самых низов общества подняться до огромных высот.

Он скончался 29 апреля 1910 года в Санкт-Петербурге, погребён согласно завещанию в селе Желоби, возле приходского храма.

7 сентября 2010 года клирик храма Державной иконы Божией матери г. Петербурга священник Леонид Марков рядом с разрушенной Желобовской церковью установил памятный крест, где впервые за долгие годы была отслужена панихида по о. Александру Желобовскому.

В последние годы интерес к деятельности А. Желобовского неизменно растёт, что во многом связано с восстановлением института армейских священников. О жизни и деятельности этого замечательного человека рассказал Михаил Мальцев в своей книге, посвященной Александру Желобовскому.

Мы думаем, что материалы о А. Желобовском (его фото и фото храма Захарии и Елисаветы) могут пополнить экспозицию музея Н. С. Лескова. Их можно бы представить рядом с книгой, которую он подарил писателю.

⁴ Там же.

И. В. Самарина

**МЯТЕЖНИКИ ЗА ПАРТАМИ.
ЗАБАСТОВКА В ОРЛОВСКОЙ МУЖСКОЙ
ГИМНАЗИИ 1905 ГОДА**

**(по материалам Государственного архива Орловской
области и повести Федора Крюкова «Новые дни»)**

Повесть «Новые дни» (Из школьной хроники) Федора Дмитриевича Крюкова посвящена событиям забастовки в орловской мужской гимназии весной 1905 года. Она была опубликована под псевдонимом А. Березинцев в журнале «Русское богатство» за 1907 год.

Революционные события вызвали забастовку всех средних учебных заведений губернского города. Волнения были нешуточными: учащиеся вышли из повиновения, прекратили посещать занятия, устраивали беспорядки, били стекла, оскорбляли преподавателей, выдвигали требования о реформировании классического образования, о дополнительных правах и свободах. События, отраженные в повести, были настолько значительны, что логично было предположить найти их документальные свидетельства.

В Орловском областном архиве, в фонде № 64 хранится дело № 617 «О волнениях среди учащихся 1-й гимназии в связи с революционными событиями в России: составлении петиции с требованием к дирекции, публикации в газете «Орловский вестник» «письма учащихся к обществу», «поездке группы учащихся в Москву на политический съезд и прочее». Документы, сшитые в одно дело, охватывают значительный промежуток времени: 1905–1908 годы. Повесть и документы дают достаточно полную и красочную картину происходившего в гимназии.

Федор Крюков был в самой гуще событий, являлся не сторонним наблюдателем, а активным участником всего про-

исходящего. В это время он был молодым, но уже достаточно опытным преподавателем. В 1905 году минуло двенадцать лет, как выпускник Императорского Санкт-Петербургского историко-филологического института двадцатитрехлетний донской казак приехал в Орел с младшим братом Александром и стал преподавать гуманитарные дисциплины сразу в нескольких учебных заведениях города: в Орловской мужской гимназии, в Николаевской женской, в Орловском Бахтина кадетском корпусе. Кроме того он был воспитателем пансиона губернской мужской гимназии. На педагогическом поприще Федор Дмитриевич дослужился до чина статского советника, был награжден орденом святого Станислава и снискал любовь и уважение учеников.

В начале XX века в орловской мужской гимназии учились более 500 юношей, об этом Крюков пишет в повести «Картинки школьной жизни».

Повесть «Новые дни» начинается с того, что 2 октября после пятого урока гимназисты находят в карманах пальто прокламации, отпечатанные на гектографе. Тексты листовок начинались с критики школьной системы, «убивающей лучшие наши стремления и порывы, притупляющей наши умы...», а вот завершались вполне определенным политическим призывом: встать в ряды молодой русской революционной армии под красным знаменем социал-демократии с боевым кличем «Долой самодержавие!»

Предположительно прототипом героя повести «Новые дни» Богоявленского является сын болховского священника, гимназист Евгений Алексеевич Преображенский, в будущем выдающийся марксистский экономист, лидер левой оппозиции.

Евгений Преображенский (1886–1937) оставил воспоминания, в которых писал: «В определенный момент передо мной встал во всем объеме чисто практический вопрос: что же делать. Согласен ли я стать в ряды революционеров, со всеми вытекающими отсюда последствиями, как исключение из гимназии, разрыв с семьей, тюрьма, ссылка и т.д. И вот

здесь-то я принял решение и твердо сказал себе: да, я перехожу в ряды революционеров, что бы ни случилось... Вернувшись после каникул в гимназию, я решил употреблять на гимназические предметы минимум времени, чтобы не спускаться только ниже тройки, а центр тяжести своей деятельности перенес на жадное чтение по ночам заграничных произведений на папиросной бумаге, посвящая все время днем чтению книг по истории культуры, по общей истории, особенно по истории революции, а также первым начаткам политической экономии. Кроме того, мы с Иваном Анисимовым начали расширять свою пропаганду среди учащихся, завели пару кружков, вступили в сношения с поднадзорными города Орла. В этот период у меня появляется мистическая страсть к размножению нелегальной литературы. Рукописный журнал "Школьные досуги", журнал, который я основал и вел вместе со свихнувшимся потом поэтом Александром Тиняковым, я к этому времени забросил в виду его политической бесполезности».

Восемь номеров «Школьных досугов» за 1902–1903 годы, о которых вспоминает Преображенский, представлены в экспозиции музея писателей-орловцев. Практически все авторы журнала скрывались под псевдонимами. В оглавлении одного из номеров напротив автора «Пий» карандашом вписано: «Преображенский», что подтверждает участие в издании Евгения Преображенского. В воспоминаниях Преображенский подробно рассказывает о становлении собственных политических взглядов: «Решающее влияние на выработку моего мировоззрения имели в это время два произведения: "Коммунистический манифест" и "Развитие научного социализма" Энгельса. Долго размышляя над этими произведениями, я решил, что народническое мировоззрение является несостоятельным и ненаучным, и что только марксизм может указать мне правильную дорогу.

Этот перелом в моем мировоззрении имел также и известные практические последствия. До этого момента я распространял среди учащейся молодежи не только социал-

демократическую литературу, которая к нам шла от членов орловского комитета с.-д. партии — Валерьяна Шмидта, Петра Семеновича Бобровского (впоследствии ставших меньшевиками), но и с.-р. литературу, которой нас снабжала поднадзорная э-рка Никкелева.

Вспоминаю, как я с мрачной решимостью заявил однажды Никкелевой, что я уже не могу помогать ей в распространении эсеровской литературы, потому что я теперь стал социал-демократом...»¹

Воспоминания Преображенского дают нам полное представление о природе появления прокламаций в карманах пальто гимназистов 2 октября 1905 года. Администрацией учебного заведения были приняты энергичные меры: у гимназистов конфисковывали экземпляры агиток, но многие юноши не пожелали расстаться с воззванием: ввали, что их и вовсе не было или что они их уничтожили. Были подвергнуты допросу сторожа, в обязанности которых входило наблюдение за раздевалкой. На двух подозрительных ученических квартирах инспекцией был произведен обыск.

Из повести Крюкова мы узнаем о том, что на следующий день директор вызвал предполагаемых виновников беспорядков, среди которых были Богоявленский (Преображенский), Карих (под этим именем в повести выведен Александр Тиняков).

«Директор, ничего не добившись и теряя хладнокровие, объявил им, что заставит их уйти из гимназии. Они молча поклонились и вышли. Но даже спины их, как будто, иронизировали над его угрозой»².

Директором орловской мужской гимназии в 1905 году был Осип Антонович Петрученко. В фонде № 64 хранится «Список лиц, служащих в Орловской гимназии, с коих на основании статьи 40-й положения о государственном квартирном налоге, налог сей удерживается при выдаче им содержания». Этот документ позволил узнать адреса, по которым

¹ Там же.

² Крюков Ф. Д. Картинки школьной жизни старой России. М., 2012. С. 89.

жили некоторые из гимназических преподавателей, а также инспектор гимназии и директор. Так, последний проживал в 1-й части Орла, на улице Карачевской в доме мужской гимназии, а инспектор — в здании гимназического пансиона. Федор Дмитриевич Крюков проживал в доме Сорокина на берегу реки Орлик.

Крюков дает читателю психологические портреты руководителей мужской гимназии.

Вот что он пишет о директоре:

«Больше всего боялся он, как бы о происшедшем в гимназии не разнеслись преувеличенные слухи в городе и не дошли до губернатора, а затем — чего доброго — раньше его доклада, до попечителя округа... И хотя он выступал с обычным величественным видом по актовой зале, но на душе было беспокойно. Короткая фигурка его, смахивающая на деревянного петуха, священнодейственно выносила одну ногу за другой и озаряла величественным взглядом через пенсне встречные усталые, полуразбитые, умеренно-подобострастные фигуры учителей и разнокалиберные — то растерзанные, то чистенькие, то угнетенные, то жизнерадостные фигуры гимназистов»³.

Нет ничего почтительного и даже уважительного в словах Крюкова об инспекторе гимназии, выведенном в книге под именем Антона Антоновича:

«Инспектор от природы был человек «скорбный главой», думал обо всем тяжело, долго и туго и никогда ничего не придумывал, не мог ориентироваться в простейших вещах, терялся перед натиском даже крохотного грубияна, а в затруднительных случаях трусливо и откровенно прятался у себя в кабинете. Странно устроенная голова его, — «голова ди-ко-каменного барана», как острили гимназисты, — была феноменально несообразительна и забывчива»⁴.

Вот такому недалекому, отчасти жалкому и ничтожному руководителю полутысячной армии мальчишек, среди ко-

³ Там же. С. 90.

⁴ Там же. С. 92.

торых было немало умных, энергичных, сообразительных юношей, в ближайшее время предстояло столкнуться с настоящим бунтом. Недооценили всей серьезности положения и более просвещенные педагоги, среди которых был и сам Федор Дмитриевич Крюков, хорошо узнаваемый в повести в персонаже по имени Александр Петрович Краев. Зачинщики гимназических беспорядков вхожи к нему в дом, более того, в тяжелую для них минуту они являются к любимому педагогу и просят ни много ни мало на время спрятать у него нелегальную литературу. Краев сначала отказывается взять на хранение опасную литературу, ссылаясь на то, что находится под надзором и рискует карьерой, но очень быстро соглашается, добавляя, что с удовольствием почитает кое-что из заграничного. Из диалога между учителем и учениками становится ясно, что педагог имеет самое приблизительное представление о политических взглядах юношей и относится к ним снисходительно, как к детской забаве.

«– Вы из каких же будете? Марксисты? Или, может, и того ужаснее?

— Я — эс-дек, — сказал Богоявленский»⁵.

Внутренний монолог Краева открывает нам героя, как симпатизирующего молодежи педагога, но не видящего перед собой серьезной силы, преобразователей жизни уже почти наступившего времени трагических событий в России.

«Лишь у него одного не хватает характера послать их к черту со всеми их мальчишескими конспирациями, подписками, сборами, читальнями и проч. Жалко как-то: зеленый народ...»⁶, — думает Краев.

И говорит-то Краев с этими почти уже взрослыми молодыми людьми, как с малыми детьми, с легкой иронией превосходства сильнейшего над заведомо слабым.

«– Когда же вы нас, господа, думаете свергнуть?

Богоявленский поутюжил щеку снизу вверх, от подбородка к уху, и сказал серьезно:

⁵ Там же. С. 96.

⁶ Там же. С. 94.

— Это трудно определить, до святок, вернее всего, не будет движения. В средних учебных заведениях оно только еще намечается. Необходимо согласовать действия с ходом общерусского движения. У нас, в частности, предстоит подготовить реальное училище, вторую гимназию, семинаристов, женские гимназии. Семинария — ничего, а в реальном и во второй гимназии сознательности еще маловато. Работаем над организацией и поднятием сознания...»⁷

Слова о том, что «семинария — еще ничего» заставляют задуматься о кризисе веры, который переживает молодежь начала XX века. Воспитание в лоне православной церкви не стало для них надежной прививкой от распространившихся идей безбожия. А для многих, как например, для сына болховского священника Евгения Преображенского, потеря веры была напрямую связана со знанием изнанки жизни православной церкви. Тоже самое разочарование пережил и Иосиф Каллиников, внук орловского дьякона, автор скандально-знаменитого антицерковного романа «Мощи». Кстати, Каллиников, будучи учеником второй мужской гимназии, также примет активное участие в предстоящей забастовке и будет исключен из учебного заведения.

Вот что писал в воспоминаниях Евгений Преображенский: «На четырнадцатому году самостоятельно пришел к убеждению, что бога не существует, и с этого момента началась у меня упорная борьба внутри семьи против посещения церкви и прочих религиозных обрядов. Это отвращение к религии еще более укреплялось благодаря тому, что я наблюдал всю религиозную кухню с ее закулисной стороны собственными глазами»⁸.

И вот гимназисты оставляют любимому учителю (они сами открыто признаются в этом чувстве) экземпляры Манифеста коммунистической партии, номера газет «Искра» и «Пролетарий» и «Эрфутская программа».

⁷ Там же. С. 99.

⁸ История социалистической мысли/ Электронный ресурс/ Режим доступа: https://vk.com/wall-174062239_389

В гимназии на некоторое время установились привычные серые, однообразные будни, нарушенные лишь однажды посещением гимназии попечителем округа.

«А потом произошли события исключительной важности,— пишет Крюков и с определенной долей осторожности перечисляет,— эпоху банкетов сменила эпоха избиения гимназистов, пал Порт-Артур, рабочие ходили к царскому дворцу... Стали носиться глухие, но упорные слухи о готовящейся забастовке. Виновных наказывали, исключали, но это не устрашало никого. Возбуждение росло»⁹.

И вот в начале марта 1905 года оно прорвалось и вылилось в настоящий бунт. Поводом для начала послужил конфликт между учеником четвертого класса Лавровым и надзирателем Дементием Степановичем. Гимназист был уличен в курении.

Обычно этот ученик смиренно принимал наказание в виде заключения в карцере на несколько часов, но не на этот раз.

«— Да что вы ко мне пристали! — крикнул вдруг Лавров <...> Дементий Степанович изумился. Забитый, шершавый, покорный Лавров, всегда такой удобный для применения к нему всяких педагогических экспериментов,— и этот тон... Вот так время!»¹⁰ И вот уже вчерашние мальчишки-шалопай превращаются в грозную силу, перед которой испытывают страх педагоги, воспитатели, директор, инспектор.

То, чего больше всего боялся директор мужской гимназии, произошло: попечитель Московского Учебного округа узнал о беспорядках раньше его официального доклада.

В Государственном архиве Орловской области хранится документ с пометкой «Конфиденциально». Это служебная записка «О нарушении спокойствия в гимназии» его превосходительству, господину Попечителю Московского Учебного округа от директора гимназии». Датирован документ 17 марта 1905 года. В нем со всей протокольной сухостью и кан-

⁹ Крюков Ф. Д. Картинки школьной жизни старой России. М., 2012. С. 149.

¹⁰ Там же. С. 175.

целярской педантичностью директор гимназии описывает события, легшие в основу повести Крюкова «Новые дни». Представляется интересным процитировать докладную записку:

«Милостивый государь, Павел Алексеевич. Под влиянием побуждений извне, среди учащихся в гимназии обнаружилось перед масляницей сильное брожение. Уже 17 февраля замечался во время перемен шум и гам; на следующий день настроение учащихся было еще более возбужденное. Ни 17 ни 18 числа ничего особенного, однако, не случилось. Ожидалось волнение 19 февраля, но день этот прошел спокойно. На той же неделе я, обходя все классы, вразумлял учеников старших классов и давал наставления ученикам низших классов. Увещания делали также и другие члены учительской корпорации. Дни масленицы и первая неделя поста прошли без нарушения школьной дисциплины, если не считать того, что учащиеся разных учебных заведений, как то сообщила мне частным образом полиция, устраивали сходки.

10 марта под конец большой перемены поднялся в коридорах шум и свист, но после звонка ученики успокоились, и ученье продолжилось обычным порядком.

11 марта тоже в большую перемену поднялся в коридорах шум и свист; а затем, когда классы были открыты, в 6-м классе кто-то разбил стекло в окне. Вскоре за этим стали бить стекла и ученики других классов. Разбиты были стекла в шести классных комнатах, и разбито было 33 стекла. Беспорядок продолжался несколько минут. Четвертый и пятый уроки прошли обычным порядком.

Так как зачинщиками беспорядка 11 марта были ученики 6 и 7 классов, то 12 марта во время второго урока, после увещания 6-го класса, получил от каждого из учеников заверение, что они не будут вновь нарушать порядок. В этот же час ученики 7-го класса заявили мне, что они считают поступок минувшего дня «диким» и повторять его не будут. В то же время откровенно было заявлено мне значительным числом

учеников, что они не ручаются за себя и допускают возможность нарушения порядка иным способом. Дикий поступок произошел совершенно неожиданно для них самих, но основания для беспорядков есть, и эти последние могут повториться, но в иной форме. <...> Тогда я предложил двум ученикам класса Ледовскому и Кореневу сообщить, не опасаясь за свободу слова, после уроков причины беспорядков. Урок этот и третий прошли спокойно.

В конце большой перемены ученики 6-го класса собрались в актовом зале для того, чтобы идти на урок физики в соседний с залом класс. К ним примкнула толпа учеников других классов. Когда я вошел в класс, упомянутый ученик Ледовский скромно заявил мне, что для того, чтобы представить причины беспорядков, им необходимо посоветоваться, и они просят разрешения. Посоветовавшись с преподавателями, я, в виду обстановки места и возбужденного настроения учащихся, признал необходимым разрешить им переговаривать по данному вопросу, удалив предварительно всех учеников низших классов. В это время кто-то из задних рядов произнес: «петиция, петиция на кафедре». Я взял гектографированный лист с кафедры, и он оказался не чем иным, как воззванием к учащимся в средних учебных заведениях, которое распространено в городе в большом числе экземпляров.

После пятого урока три ученика явились ко мне и словесно сообщили мне пункты петиции, от удовлетворения которых, по их словам, могло бы зависеть успокоение учащихся. Пункты их словесной петиции целиком совпадали с пунктами гектографированной петиции.

В тот же день вечером состоялось заседание педагогического совета, журнал которого будет по изготовлению, представлен Вашему Превосходительству.

13 марта вечером собралось совещание членов учительского персонала с родителями 7-го и 6-го классов в видах привлечения последних к делу умиротворения учащихся <...> Доношу об изложенном Вашему Превосходительству для сведения и дальнейших указаний.

Прошу принять уверение в совершенном почтении и преданности, с какими имею быть Вашего Превосходительства покорнейший слуга»¹¹.

Все то, что так благообразно описано в служебной записке директора гимназии, наполнено самыми разнообразными эмоциями, переживаниями и даже тревожными предчувствиями всего взрослого состава гимназии в художественном тексте Федора Крюкова.

Что же испытывали педагоги классической гимназии, вчерашние вершители судеб дворянского юношества, от которых во многом зависела будущность учеников? Вспомним, что не окончили гимназию Лесков, Пришвин, Бунин. Крюков открывает читателям переживания учителя Кузнецова, одного из героев повести:

«В самом деле, обидно было, что мальчуганы, выросшие на его глазах, столько раз заливавшиеся слезами из-за единиц, униженно упрашивавшие «простить» или «зачеркнуть», или поправить, трепетавшие перед решительным взмахом пера, почтительно отвешивавшие поклоны, смиренно стоявшие в углу, безропотно выслушивавшие далеко не аттическую соль учительских насмешек,— теперь устраивают забастовку, причиняют тревогу, обиды, нарушают обычный порядок жизни»¹². Трудно даже вообразить, что творилось в голове Кузнецова, когда те самые мальчуганы в два часа ночи стучали в окна его дома.

«Известие было неожиданное и чрезвычайное. И директор и учителя не знали, что сказать. В воображении вдруг вырос таинственный, грозный неприятель, которого до последнего времени трактовали довольно пренебрежительно, почти не замечая его силы, прижимали и озлобляли. Неужели всем будет предъявлен счет?»¹³

Похожие невеселые мысли посещают учителя Эзельмана, впервые столкнувшегося с открытым неповиновением

¹¹ БУОО «Государственный архив Орловской области». Фонд 64. ОП 1, ед. хр. 996.

¹² Крюков Ф. Д. Картинки школьной жизни старой России. М., 2012. С. 180.

¹³ Там же. С. 187.

учеников: «Почему вдруг детская толпа приобрела новый облик, стала незнакома и непонятна? Откуда неожиданно выросла в ней эта неясно реющая, едва ощутимая сила, которая подняла ее над ними, усталыми и робкими людьми, отодвинула и сделала чужой? Чужой... Стало грустно. Не досадно, а грустно... Может быть, и прежде эта детская толпа не была им в полной мере близкой и родной. Любили они ее так, как сапожник любит сапоги, которые тачает для своих заказчиков: всю жизнь, согнувшись, сидит на стуле, ковыряет шилом, свистит дратвой, стучит молотком, наводит лоск щеткой,— изо дня в день одна и та же отупляющая работа из-за куска хлеба, пока не износятся глаза и не покроются ревматическими узлами пальцы, пока весь не придет в негодность. Какая уж тут любовь! Но есть невидимые нити, которые связывают его сердце с зеркально-блестящей обувью равнодушного заказчика, ибо она унесла часть его творчества, его труда, заботы, его жизни... Так и они, угрюмые ремесленники, ненавидя свое ремесло, любят все-таки его изделия...»¹⁴

В повести Крюкова вся власть, сила — целиком и полностью на стороне взбунтовавшейся молодежи. Страх, беспомощность, растерянность,— вот те чувства, которые овладели учителями. Очень показателен в этой связи эпизод с петицией.

«Оглушенный и обескураженный криками, директор подошел к кафедре. Не совсем опрятный полулист с фиолетовыми строками, неровных, крупных букв взглянул на него как будто издевательски. Таилось что-то страшное, противозаконное, не разрешенное никакими циркулярами, ни конфиденциальными письмами, в этих фиолетовых чернилах и в этих заключительных восклицательных знаках. В душе директора началась тяжелая борьба: прикоснуться ли к этой преступной бумажке во имя успокоения умов и прекращения скандальной истории, или отвергнуть ее во имя буквального исполнения последнего предписания его п-ства? Он посмотрел в нее, спрятав руки в карманы. "Тяжелый гнет нашей школьной системы, который испытал и испытывает каждый

¹⁴ Там же. С. 192.

из учащихся, заставляет нас смело и открыто сказать опекающему нас сердечным попечением начальству..." Дальше запрыгали в глазах буквы и слова»¹⁵.

Теперь правила поведения в гимназии диктовали гимназисты. Они устроили сходку в актовой зале, куда строго не допускали никого из администрации и преподавательского состава. Не было сделано исключения и для директора.

«Директор молча повернулся и медленно пошел. Никогда и во сне ему не снилось подобного афронта. И как все это вышло? Почему? Где тайные пружины? Куда делось обаяние его начальственной власти, недавно казавшееся ему самому несокрушимым и не подлежащим колебанию? <...> Побледневший Нимфодоров, когда-то гроза гимназии, колеблющимися шагами унес себя из залы и, залившись слезами бессильного негодования, повалился на диван в учительской... Попробовал было инспектор открыть дверь в залу с противоположной стороны, — пришла в голову счастливая мысль освежить помещение, — но опять дружные крики, гиканье, смех встретили его, и он трусливо исчез... До пяти часов вечера зала оставалась во владении бунтовщиков»¹⁶.

Забастовка охватила все средние учебные заведения города. Бунтовщики требовали частичного или полного выполнения пунктов петиции, в противном случае грозили не приступать к занятиям.

«Начальство, по-видимому, окончательно растерялось и не знало, что делать. Ждали указаний свыше, но там дипломатически молчали. Понимали, как будто, что эпидемию забастовок, охватившую всю учащуюся Россию, мудрено остановить циркуляром»¹⁷.

В гимназии начался полнейший хаос. Трудно представить, что безобразия, которые стали происходить ежедневно в орловской гимназии, творили юные представители самого образованного и культурного класса России.

¹⁵ Там же. С. 194.

¹⁶ Там же. С. 196.

¹⁷ Там же. С. 197.

«Дня три гимназисты походили на уроки, но держали себя слишком свободно и непринужденно: в классах курили, грызли подсолнухи, вели громогласные беседы, приходили и уходили, когда вздумается, свысока третировали учителей... Пробовали сосредоточить внимание лишь на младших классах, махнув рукой на старшие. Полагали, что это легче. Но когда малыши увидели, что их одних только заставляют работать, а старшие гуляют, то подняли настоящий бунт: перебили чернильницы, выбили 83 стекла, разорвали семь карт и более тридцати гравюр. На уроках держали себя совсем как маленькие хулиганы: исписывали мелом и оплевывали спины нелюбимым учителям, швыряли в них жеваной бумагой, кричали, барабанили...»¹⁸

Было потеряно много времени пока из Московского учебного округа пришло сразу три циркуляра. В первом (гласном) предписывалось провести родительское совещание и совместно с педагогами выработать решения по прекращению беспорядков. Второй (секретный) — требовал от руководителей учебного заведения проявления твердости при подавлении беспорядков. «Третий (секретный) запрещал учителям посещать общественные собрания, где оскорбляют ведомство народного просвещения»¹⁹.

О том, что в повестку родительских собраний были внесены пункты петиции, мы узнаем из протоколов собраний, сохранившихся в Государственном архиве Орловской области.

Так что же «страшное и противозаконное» таилось в петиции?

Обратимся к «Протоколу совместного в здании 1-й гимназии совещания родителей и учеников 6-го и 7-го классов и членов педагогического Совета о мерах к успокоению учеников и к восстановлению нарушенного порядка в 1-й гимназии» (13 марта 1905 года).

Листы протокола поделены на две колонки: в одной — желания учащихся (они же пункты петиции), в другой — определения собрания. Первый пункт «Отмена полицейско-

¹⁸ Там же. С. 197.

¹⁹ Там же. С. 198.

го надзора за учащимися». За отмену обысков проголосовали 20 родителей, против подано 29 голосов. Единогласно высказались родители за неприкосновенность личной переписки с оговоркой, что вскрытию корреспонденция подлежит только в том случае, когда адресатом является вся гимназия или отдельный класс.

Единодушно родители были в запрете предоставить гимназистам право появляться на улице «во всякое время». Сроки для появления на улице, по мнению родителей, должны быть установлены «в видах воспитательных и гигиенических».

Большинством (41 голос против 8) постановлено не давать гимназистам права посещать без разрешения общественных собраний, учреждений, публичных лекций. «Что же касается посещения общественных библиотек и пользования книгами из них, то желательно предоставить учащимся это право»²⁰. Однако единогласно было отклонено право устраивать без разрешения кружки для саморазвития. Как были бы удивлены современные родители, если бы современные дети добивались права создавать подобные кружки. Но не будем забывать, что события в орловской гимназии происходят уже после кровавого воскресенья 9 января 1905 года, поэтому требования петиции родителями и педагогами прочитывались через призму революционных событий. Думается, по этой же причине единогласно было отклонено требование о передаче библиотечного дела в руки самих учащихся. Вместе с тем родители единогласно высказались за устройство в гимназии под руководством преподавателей бесед по различным отраслям знаний, при условии свободного высказывания мыслей по той или другой специальности.

Гимназистам было «даровано» право свободно объясняться с начальством.

Очень интересно требование гимназистов вежливого обращения с учениками. Здесь родители сформулировали

²⁰ БУОО «Государственный архив Орловской области». Фонд 64. ОП 1, ед. хр. 996.

решение мудро: «Необходимо, но при соблюдении этих условий также со стороны учащихся»²¹. В свете недавних случаев оплевывания нелюбимых педагогов гимназистами младших классов встречное требование родителей об уважении вполне закономерно.

Очень волновал гимназистов вопрос «отмены мелких придинок к костюму и внешности учащихся»²². Вердикт родителей таков: «Раз форма существует, то должны быть соблюдены и правила для ее ношения».

Тверды, решительны и почти единодушны родители в вопросе обязательного посещения гимназистами богослужений и утренней молитвы. Здесь в графе «Определения собрания» посчитали высказаться подробно: «Обязательно должно быть и посещение богослужений (большинством — 45 против 4), и утренней молитвы (большинством — 48 против 1), но желательно не подвергать учащихся, уклоняющихся от этого, дисциплинарным наказаниям, а поощрять к посещению богослужений и утренней молитвы внушением, примером и нравственным воздействием»²³.

Отклонили родители «в виду могущих возникнуть отсюда нежелательных последствий для самих учащихся»²⁴ требование юношей об установлении товарищеского суда над проступками учеников. Поддержали взрослые предложение гимназистов предоставить родителям право участвовать в заседаниях педагогического Совета.

Особого внимания заслуживает последний пункт петиции — это уже не требование, а просьба учащихся «об освобождении от наказания учеников, виноватых в разбитии стекол в здании гимназии 11 марта, или о наложении на них возможно мягкого взыскания»²⁵. Родители проявили гуманность и постановили: «На виновных в разбитии стекол должно быть возложено возмещение материальных убытков,

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

причиненных ими гимназии, что же касается дисциплинарного взыскания, то отношение к этому проступку возможно снисходительное (единогласно)»²⁶.

Протокол завершается словами: «Г. директор поблагодарил родителей за их готовность участвовать в делах успокоения взволнованной молодежи, выразил желание, чтобы в будущем утраивались совместные совещания с родителями учащихся»²⁷.

Собрание с аналогичной повесткой прошло 16 марта с родителями учеников 5-го и 8-го классов. В основном, родители этих классов голосовали так же, как и родители учеников 6-го и 7-го классов. Но были и отличия.

По пункту петиции, поставленному гимназистами на первое место в списке, а именно — требование отмены полицейского надзора, родители и члены педагогического Совета единогласно проголосовали за отмену обысков гимназистов. Рассмотрели участники совещания еще один дополнительный пункт — «право взаимопомощи». Решение по этому вопросу сформулировали так: «Денежных сборов без ведома начальства не разрешать, а в случае выявления у учащихся желания помочь недостаточному товарищу — не отказывать»²⁸.

Живые, непосредственные картины того, как проходили совместные собрания родителей и членов педагогического Совета, рисует в повести «Новые дни» Крюков:

«Приступили к родительским совещаниям. Зрелище было пестрое и оригинальное. В первом заседании произошло то, что предсказывал Кузнецов: бранили учителей. Критика была резкая и не всегда доказательная. Одна из родительниц в нервной, возбужденной речи, произнесенной дрожащим голосом, обвиняла директора в том, что через него она нажила порок сердца, расстроила нервы и страдает непрерывными мигренями. Директор обиделся и отказался

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

от председательствования в совещании. Оппозиционно настроенные родители выбрали председателем адвоката Гладиллина. При новом председателе в качестве родителей стали выступать совсем зеленые юноши, и тон дебатов сразу поднялся до непредвиденной высоты. Юные критики школьных порядков, в конце концов, резко обрушивались на весь государственный строй. Новый председатель попробовал было останавливать не в меру пылких ораторов, но был освистан. Разумеется, он сейчас же почувствовал себя нездоровым и отказался от председательствования»²⁹.

О необходимости реформы классической системы образования Александр Тиняков писал еще в 1902 году в октябрьском номере гимназического журнала «Школьные досуги»: «Приступая к учебным занятиям в нынешнем году, большинство учащихся в средних школах думало, что занятия эти будут проводиться по новой программе, по усовершенствованному методу, и что школа будет для них не печальной и скучной необходимостью, а опытной и сердечной руководительницей; они думали, что школа будет наконец стараться учить своих питомцев не зубрению гексаметров и пентаметров, а будет готовить их к университету и жизни, и из этих розовых мечтаний ни одного не сбылось. Школа встретила нас такая же затхлая, скучная и бессердечная, как и прежде. Не считая отмены ношения рюкзаков, в ней не произошло никаких перемен. Также чѣрствые, усталые, потерявшие веру и охоту к жизни, педагоги задают нам «от слова до слова», также инспектор оставляет нас без обеда за длинные волосы, за вольный прыжок, сделанный на перемене, за посещение театра без разрешения начальства и даже за появление на улице в 5м. восьмого вместо положенных семи... Так где же реформа, о которой так много писали и пишут? Нет её! Это говорю я, а я стою к средней школе ближе писак, восторженно приветствовавших эту реформу, которая была только в воображении сотрудников некоторых газет, да в проектах различных комиссий. И классическая школа,

²⁹ Крюков Ф. Д. Картинки школьной жизни старой России. М., 2012. С. 199.

которую так пышно и долго хоронила русская пресса, опять живёт и торжествует, несмотря на очевидную свою нелепость, непригодность и приносимый ею вред...»³⁰

У юных мятежников были серьезные кураторы.

В конфиденциальном докладе Попечителю Московского учебного округа директор гимназии Осип Антонович Петрученко писал:

«14 марта утром явились ко мне исполняющий обязанности городского головы и председатель уездной управы с просьбой разрешить учащимся сходку, говоря при этом, что сходка эта успокоит учащихся. Я заявил, что сходки не разрешу, так как с одной стороны не вижу в ней необходимости, с другой — не имею на это права. В большую перемену ученики обратились с просьбой разрешить им сходку. Я не разрешил сходку, но ученики, далеко не все, старших классов в гимназическом зале устроили сходку. Оказалось, что на сходке они толковали об известных уже пунктах петиции <...> и обсуждении этих же пунктов петиции в заседании Думы, которое должно собраться 16 числа <...> Из этих подробностей и дальнейшего видно, что ученики находятся под руководством каких-то думских деятелей. Того же 14 числа указанные выше общественные деятели сообщили мне, что 16 числа будут обсуждаться в заседании городской Думы пункты петиции учащихся, и что постановление Думы будет препровождено ко мне на заключение педагогического Совета. По этому последнему вопросу я сказал этим общественным деятелям, что, по моему мнению, решение Думы должно быть направлено по начальству, а Орловская гимназия не вправе рассматривать и давать отзыв по заключениям городской Думы»³¹.

Гимназическая петиция действительно рассматривалась на заседании городской Думы.

³⁰ Рукописный журнал «Школьные досуги», фонды ОГЛИМТ, ОФ 10677/490. РК. Ф 19. Оп. 1.6.

³¹ БУОО «Государственный архив Орловской области». Фонд 64. ОП 1, ед. хр. 996.

В «Деле о волнениях среди учащихся» хранится приглашение исполняющего обязанности городского головы, адресованное гласным городской Думы, с повесткой заседания 16 марта 1905 года. Вопрос, связанный с орловской мужской гимназией, поставлен в документе гораздо шире: «Заявление Председателя Орловской уездной земской управы Ф. В. Татаринова об избрании Думою Комиссии для рассмотрения общего вопроса об усовершенствовании государственного благоустройства, согласно указа Сената 18 февраля 1905 года, и частного вопроса по тому же указу о желательных изменениях строя средних учебных заведений; доклад городской управы, возбужденному соединенным собранием, бывшим 4 сего марта, педагогического общества, родителей учащихся и других лиц, о принятии мер к успокоению учащихся в Орле»³².

И вот в гимназии проведены собрания, в городской Думе рассмотрены пункты петиции, определенные права и свободы отвоены, что же происходило дальше? Об этом мы снова узнаем из повести Крюкова «Новые дни» и «Дела о волнениях среди учащихся».

«Так тянулось дело больше месяца. Наконец, из округа пришло предписание: немедленно приступить к занятиям; учеников, не желающих подчиниться установленным требованиям порядка, уволить; обратно принимать лишь по экзамену. Тогда к занятиям явились все. Но что это были за занятия! По-прежнему, на уроках курили, играли в карты, лущили подсолнухи. Приходили и уходили, когда вздумается. Через день устраивались сходки, выносившие совсем невыполнимые резолюции. Учиться никто не хотел. Отвечать на уроках отказывались. Безделье и праздное словоизвержение возведено было в культ. Учителя по-прежнему щеголяли в исписанных мелом и оплеванных сзади сюртуках. Все ползло врозь...»³³

Федор Дмитриевич Крюков покидает гимназию летом 1905 года после скандала с публикацией в «Русском богат-

³² Там же.

³³ Крюков Ф. Д. Картины школьной жизни старой России. М., 2012. С. 203.

стве» повести «Картинки школьной жизни», в которой преподаватели и администрация гимназии узнали себя, и это их не обрадовало, так как автор повести не пощадил никого, показав всю неприглядную сторону жизни гимназии.

В конце повести «Новые дни» учитель Краев так прощается с гимназистами:

«— Гимназия дает вам, может быть, очень немного. Надо, все-таки, уметь взять. Мы, ваши учителя, конечно, плохи, но не судите нас судом немилостивым! Смирренная учительская фигура несет такой тяжкий груз, давит ее к матушке сырой земле такой гнет и независящих обстоятельств, и безжалостной нужды, и беззащитности, что прибавлять к этому великому грузу еще тяжелую гирию огульной брани сплошного осуждения — не рыцарское дело. Не браните ваших учителей, господа! Постарайтесь понять их положение, мысленно станьте в него сами или ваших родителей поставьте, а затем почаще оглядывайтесь на себя, себя построже проверяйте, не давайте себе поблажки... И я твердо верю, что выйдут из вас настоящие граждане, бойцы, честные смелые, без страха и упрека... О, как бы мне хотелось встретиться с вами в те лучшие времена, взглянуть на вас хоть одним глазком и изведать редкое удовольствие воскликнуть — не стыдись, а с гордостью: «Это мои ученики!»³⁴

Гордился ли бы своими учениками Федор Дмитриевич Крюков, если бы имел возможность ознакомиться с документами, хранящимися в «Деле о волнениях...», кто знает? Как мы уже указывали «Дело» было открыто 13 марта 1905 года, а завершено 3 июня 1908 года. Из материалов дела следует, что однажды, глотнув воздуха свободы, испытав восторг своей волеи и бунтарства, орловские гимназисты уже никогда не стали прежними: покорными, вечно боящимися наказания.

14 ноября 1906 года они опубликовали в газете «Орловский вестник» «Письмо учащихся к обществу», которое подписал 121 гимназист.

³⁴ Там же. С. 208.

«Узнав, что в Москву с ведома и разрешения директора г. Петрученко отправилась к Дубровину группа учащихся в лице семи наших гимназистов, мы, ученики четырех старших классов Орловской 1-й гимназии заявляем, что ничего общего с этой депутацией и черносотенным, погромным "Союзом Законности и Порядка" не имеем. Вместе с тем мы заявляем, что поведение директора, явно поощряющего в стенах гимназии черносотенное движение, восстанавливающее одну часть учащихся против другой, вызывает неизбежные волнения и нарушает правильное течение академической жизни»³⁵. В письме гимназисты подробно описали, как в учебном заведении некоторые ученики с молчаливого согласия администрации проводят черносотенную агитацию. Поводом для публикации послужила поездка нескольких учеников в Москву на съезд черносотенцев.

«Дальше идти уже некуда! — завершали статью орловские гимназисты. — Директор явно берет под свое высокое покровительство деятельность учеников-черносотенцев, явно поощряет, содействует всей их агитации и тем создает в гимназии неизбежные волнения и беспорядки. Всю ответственность за них несет он, директор, и это мы спешим заявить перед лицом всего общества, которому не могут не быть дороги дело просвещения и судьбы молодежи»³⁶.

И снова в гимназии экстренно собирается родительский комитет, который пытается повлиять на детей своим авторитетом.

Заключения о происшествии родительский комитет направляет педагогическому совету. Всего четыре пункта:

«1. Занятие политикою не должно иметь места и не должно быть допускаемо в стенах гимназии.

2. Родительский комитет выражает порицание группе учеников, ездивших в Москву на политический съезд.

3. Усматривая в организации упомянутой поездки явное участие лиц, посторонних гимназии, а также предпола-

³⁵ «Орловский вестник», № 306, 14 ноября 1906 г.

³⁶ Там же.

гая возможность такового же участия в слишком страстном отношении учащихся к факту поездки, выразившейся в их заявлении на страницах местной газеты, родительский комитет высказывает свое глубокое негодование и презрение к деятельности таких лиц.

4. Ученики гимназии, поместившие заявление в «Орловском вестнике», не предоставив дело на обсуждение Родительского комитета, поступили некорректно»³⁷.

В заключении родительского комитета звучат намеки на взрослых и серьезных кураторов гимназического выступления в прессе и организаторов поездки в Москву. А мы знаем, что эти кураторы, безусловно, были. О них в воспоминаниях рассказывал Евгений Преображенский.

Со временем гимназисты становились все более трудно контролируемой силой. В «Деле» хранится обращение начальника 36-й пехотной дивизии, направленное в октябре 1906 года директору 1-й Орловской мужской гимназии.

«До сведения моего дошло, что 30 минувшего сентября, когда 3-й батальон 141 пехотного Можайского полка, возвращаясь с прогулки, проходил около подведомственной Вашему Превосходительству гимназии, из растворенных окон верхнего этажа послышался по адресу проходивших свист, крик и ругань: черносотенцы, дармоеды, хулиганы, серые черти и разные площадные слова. Находя, что подобное оскорбление войсковой части не может пройти безнаказанно для зазнавшейся и распустившейся молодежи, я обращаюсь к вам с просьбой уведомить меня, какому взысканию Вы предполагаете подвергнуть воспитанников тех классов, которые очевидно принимали участие в этом проявлении дерзкой непочтительности. Если нельзя подвергнуть взысканию отдельных учеников, то должны понести должное возмездие классы, в смысле ли общего снижения баллов за поведение, или арестов с подобающим формальным извинением перед представителями полка». В «Деле» нет сведений, как

³⁷ БУОО «Государственный архив Орловской области». Фонд 64. ОП 1, ед. хр. 996.

были наказаны гимназисты. Что же творилось в их душах в годы после первой русской революции? Представление об этом можно получить из статьи гимназистов, опубликованной 17 марта 1907 года в «Орловском вестнике» в ответ на публикации орловской гимназистки, обличившей юношей в материале «Наши огарки» в безнравственном поведении, пьянстве: «Кто осмелится сказать, что лучшая часть наших учащихся пила в то время, когда высоко поднимавшаяся освободительная война захлестнула и их, когда цепи бессмысленного существования распались на минуту и показался свет свободы? Не пили тогда и не пили бы теперь, если бы не было декабря 1905 года, не было других ужасов. Дайте возможность работать, дайте свободную школу, а не полицейское начальство, поощряющее их к пьянству устройством по циркуляру бесчисленного множества вечеров — дайте все это и вы увидите, будет ли пить молодежь... "Мирная работа, занятия для самообразования" скажете вы. Но это мучительно невозможно в такие горячие волнующиеся периоды, надо быть <...> маньяком, чтобы забыть все и углубиться в толстые книги. Но идти в центр жизни, борьбы не всегда под силу еще полудетям. Ведь это значит бросить надежду на все: на жизнь, на счастье, на свободу; много силы нужно для этого... остаются два выхода: тупо-сытое самодовольство, серая жизнь без протеста и желаний или смерть. Но тупо-серая жизнь невозможна, да и лучше уж алкоголь, морфий, самоубийство, чем стать обыкновенным серым животным, углубиться в свою работу и жить только для нее... А смерть? Она страшна... И молодость невольно идет на сделку с собою и, бессильная покончить разом, она отравляет себя постепенно, ужасно, сознательно»³⁸.

Прошло три года с описанных в повести «Новые дни» событий в Орловской мужской гимназии. Какие же плоды принесли завоеванные гимназистами права? Как изме-

³⁸ «Орловский вестник», № 72, 17 марта 1907 г.

нились они сами? Обратимся к одному из последних документов, хранящихся в «Деле о волнениях». Это «Журнал совещания начальников и начальниц Орловских учебных заведений Министерства народного просвещения, состоявшегося 11 мая 1908 года». На совещании присутствовали директора Александровского реального училища, Алексеевской и 1-й гимназий, начальник реального училища г-жи Томашевской, начальницы Николаевской гимназии, частных гимназий госпожи Гиттерман, Аблецово́й и Байковской, а также без права голоса содержатель реального училища Томашевской — А. Томашевский.

«Директор 1-й гимназии открывает заседание и читает предложение г. Попечителя Учебного Округа от 5 мая за № 11705, о созыве совещания для выработки мер борьбы с нескромным и неблагопристойным поведением учащейся молодежи на улицах и в публичных местах. Председательское кресло занимает старший по службе директор А. О. Бердников.

Совещание нашло нужным определить, в чем выражается нескромность и неблагопристойность поведения учащихся в орловских учебных заведениях, выяснить причины этого явления, выработать меры борьбы с ним и указать способы применения этих мер.

Совещанием установлено, что поведение учащихся в последнее время стало значительно лучше, чем было в предшествовавшие три года; тем не менее, и теперь приходится нередко наблюдать резкие отклонения от школьной дисциплины и вообще правил благопристойности. Некоторые учащиеся курят папиросы на улицах, носят палки, ходят гурьбою по Болховской улице, позволяют себе произносить оскорбительные остроты по адресу гуляющих, сидя на лавках в городском саду в непринужденных позах.

В указанных отклонениях от дисциплины учащиеся видят проявление той свободы, которой они добивались в освободительное время. Ослабления так называемого полицейского надзора школьной администрации помогали в то время

также родители учеников в общих собраниях и родительские комитеты. Как те, так и другие выражали определенное желание ограничить надзор инспекции стенами учебных заведений, взять на себя обязанность наблюдать за поведением учащихся вне стен учебных заведений»³⁹.

Итак, можно сделать вывод, что революционные события 1905 года коренным образом изменили жизнь орловской мужской гимназии, взаимоотношения между преподавателями и учениками; образ мыслей, мечты и надежды учащейся молодежи. Федор Дмитриевич Крюков продолжил художественную летопись Орловской мужской гимназии, начатую Николаем Семеновичем Лесковым, подхваченную Леонидом Андреевым. Особенно тесна связь прозы Крюкова (повестей «Картинки школьной жизни» и «Новые дни») с произведениями Леонида Андреева. Одни и те же преподаватели выведены Андреевым и Крюковым на сцену в ряде произведений. Так учитель латинского языка Иосиф Францевич Шадек увековечен в рассказе Андреева «Молодежь» («горячий и вспыльчивый чех») и в повести Крюкова «Картинки школьной жизни» (Марек). Помощник классных наставников надворный советник Дмитрий Сергеевич Глаголев выступает у Андреева в рассказе «Праздник» под прозвищем Глист, а у Крюкова в «Картинках школьной жизни» — под фамилией Благоглаголева. О реальных прототипах произведений Андреева и Крюкова писал литературовед Леонид Николаевич Афонин.

По своим художественным достоинствам, богатству фактического материала, психологизму повесть «Новые дни» Крюкова стоит в одном ряду с известными произведениями русской классики, посвященным Орловской мужской гимназии.

³⁹ БУОО «Государственный архив Орловской области». Фонд 64. ОП 1, ед. хр. 996.

V

Из истории музея:
годы, люди, судьбы

В. Г. Ветрова

**ПРОФЕССОР Н. Н. ФАТОВ ОБ ОРЛЕ
И ОРЛОВЦАХ**
(по фондовым материалам ОГЛИМТ)

Николай Николаевич Фатов (1887–1961) — известный литературовед первой половины XX века, профессор, пушкинист. Родился в семье помещика в деревне Семенчуково Касимовского уезда Рязанской губернии. В 1898–1906 годах учился в Елатомской классической мужской гимназии, которая была открыта в 1873 году по ходатайству камергера А. И. Граве и «была широко известна в Российской империи. Среди всех малых городов России <...> занимала первое место по количеству выпускников гимназий, окончивших Московский университет в середине XIX — начале XX века»¹. Окончив историко-филологический факультет Московского университета в 1910 году, Фатов занялся активной просветительско-педагогической деятельностью: с 1910 по 1918 годы преподавал «в разных частных средних учебных заведениях в Москве»², работал лектором Общества народных университетов (с 1912 года «читал много лекций в рабочих районах Москвы и в провинции — Тула, Иваново-Вознесенск, Серпухов, Мытищи, Рублевский, Касимов, Ставрополь, Камышин и пр.»³). Позже выступал на литературные и общественные темы на фабриках, заводах, шахтах и в военных госпиталях.

В 1918 году, получив звание приват-доцента, преподавал в вузах: на историко-филологическом факультете в I-ом Московском университете (1918–1921), на педагогическом фа-

¹ Елатьма. Прогулка по городку. URL: <http://www.gorodok-elatma.narod.ru/E21.htm> (дата обращения: 17.06.2021)

² Автобиография и автобиблиография Н. Н. Фатова. [1930-е]. РГАЛИ. Ф. 279. Оп. 4. Ед. хр. 70. Л. 5.

³ Там же.

культете во II-ом МГУ (1922–1928), в Орловском (1921–1922) и Тверском (1922–1926) педагогических институтах. Параллельно преподавал на Высших литературных курсах, на рабфаках, в фармацевтической школе. В 1928 году по предложению Наркомпроса возглавил кафедру в открывшемся в Алма-Ате Казахском государственном педагогическом институте. Позже заведовал кафедрами в Ставропольском (1931–1936) и Марийском (1936–1945) педагогических институтах. После войны Н. Н. Фатов был направлен в Черновицкий университет (Украина), где работал до последних дней жизни.

Первым этапом научной деятельности Н. Н. Фатова стало литографирование лекционных курсов в студенческие годы, о чем свидетельствуют хранящиеся в РГАЛИ «Воспоминания о Московском университете (1905–1940)»⁴. Согласно мемуарам, он выступал сначала как частный издатель, позже стал членом и председателем издательского «Общества взаимопомощи студентов-филологов» при университете. Эта трудоёмкая работа позволяла не только помочь сокурсникам и одновременно заработать, но и проявить свои способности перед преподавателем. Значимым стала подготовка к публикации лекций по истории новой русской литературы профессора П. Н. Сакулина, который отметил добросовестность издателя, поставив на экзамене высший балл не спрашивая. Кроме того, спустя десять лет П. Н. Сакулин подарил Н. Н. Фатову том лекций, изданный слушательницами Московских высших женских курсов, с дарственной надписью: «Николаю Николаевичу Фатову, первому издателю своих (очевидно, вм. «моих»). — Н.Ф.) лекций, с дружеским приветом. П.»⁵.

Примечательно, что в конце 50-х годов, став профессором Черновицкого университета, Н. Н. Фатов учёл издательский

⁴ *Фатов Н. Н.* Воспоминания о Московском университете (1905–1940). РГА-ЛИ. Ф. 1337. Оп. 3. Ед. хр. 70.

⁵ Цит. по: *Зайцева А. В.* Книгоиздание как эпизод биографии (Николай Николаевич Фатов в 1906–1910 гг.) // Берковские чтения — 2015: книжная культура в контексте международных контактов: материалы III Междунар. науч. конф., Минск, 26–27 мая 2015 г. Минск; М., 2015. С. 173.

опыт юности, начав издание «Спецкурса о Пушкине», в основу которого были положены лекции о писателе-классике, прочитанные им на филологическом факультете. В Орловском объединенном государственном литературном музее И. С. Тургенева (ОГЛИМТ) хранятся: проспект на бланке Черновицкого государственного университета об издании спецкурса о Пушкине⁶ (планировалось выпустить 35 лекций отдельными брошюрами) и издание первой лекции Н. Н. Фатова с дарственным автографом⁷. В письме директору музея Л. Н. Афониному от 14 февраля 1960 года пушкиновед любезно предлагал: «Если Вас в к[акой]-то степени интересуют мои лекции о Пушкине, с удовольствием могу их Вам выслать из тех, которые уже вышли в свет, и еще не полностью разошлись»⁸. К сожалению, пополнить фондовую коллекцию музея новыми материалами о Пушкине Н. Н. Фатов не успел...

В студенческие годы Н. Н. Фатов активно печатался в периодических изданиях. В фондах орловского музея сохранились три рукописных письма молодого учёного в редакцию педагогического научно-популярного журнала «Вестник воспитания». Это издание содействовало распространению прогрессивных для своего времени взглядов на воспитание и образование, следило за развитием педагогических идей, публикуя отзывы о новых книгах. Следует отметить, что отзывы Н. Фатова на различные издания систематически публиковались в отделе «Критика и библиография» этого журнала. Так, в 1914 году вышла одна его рецензия, в 1915 году — три обзора книжных новинок, в 1916 году «Вестник воспитания» поместил восемь рецензий (с августа месяца преподаватель университета публиковался ежемесячно, некоторые номера журнала выходили с тремя рецензиями автора), в 1917 году периодическое издание напечатало четыре его отзыва.

⁶ Проспект об издании спецкурса о Пушкине, читаемого профессором Н. Н. Фатовым. Черновцы. Приложение к письму. ОГЛИМТ. Ф. 49. Оп. 1. ОФ 15687.

⁷ Фатов Н. Н. Пушкин и его изучение. Специальный курс о Пушкине. Лекция 1-я. Черновцы, 1958. ОГЛИМТ.

⁸ Письмо Н. Н. Фатова Л. Н. Афониному. 14 февраля 1960. Черновцы. ОГЛИМТ. Ф. 49. Оп. 1. ОФ 15688. Л. 1 об.

Письма Н. Н. Фатова, датированные 1916 и 1917 годами, представляют собой небольшие записки-пояснения к высылаемым редактору журнала Н. Ф. Михайлову рецензиям. Так, с первым его письмом от 30 октября 1916 года были отправлены две рецензии: «на книгу Боголюбова о Новикове и на 23–24 вып.[уски] «Пушкина и его современников»»⁹, со вторым письмом (02.02.1917) — «на книгу М. Н. Сперанского»¹⁰ и в октябре того же года — «на Грамматику П. Н. Сакулина»¹¹. Примечательно, что сохранившиеся письма, несмотря на краткость, помогают раскрыть некоторые детали биографии и творчества начинающего критика. Так, благодаря записке 1917 года, приложенной к рецензии на книгу М. Н. Сперанского «Русская устная словесность», выясняется, что эта рецензия готовилась к публикации в первом номере журнала, но Н. Фатов, занятый «своими работами по подготовке к магистерскому экзамену, не успел доставить эту рецензию своевременно»¹². Три рецензии, вошедшие в последний номер «Вестника воспитания» за 1917 год, видимо, были высланы Фатовым редактору в разное время.

Отзыв, посвященный небольшой брошюре в 16-ть страниц «незабвенного учителя» П. Н. Сакулина «Новое русское правописание», молодой критик сопровождал комментарием: «Самую рецензию я написал по новому правописанию. Думаю, что ничего не будете иметь против того. Если же почему-либо все-таки окажется желательным печатать ее по старому правописанию, то я не буду ничего иметь против, хотя мне было бы желательно, чтобы рецензия была напечатана именно в новой орфографии»¹³. Думается, просьба использовать новые нормы правописания объясняется же-

⁹ Фатов Н. Н. Письмо главному редактору журнала «Вестник воспитания». Б. м. ОГЛИМТ. Ф. 14. Оп. 5. ОФ 3394/2.

¹⁰ Фатов Н. Н. Письмо главному редактору журнала «Вестник воспитания». Б. м. ОГЛИМТ. Ф. 14. Оп. 5. ОФ 3394/1.

¹¹ Фатов Н. Н. Письмо главному редактору журнала «Вестник воспитания». Б. м. ОГЛИМТ. Ф. 14. Оп. 1а. ОФ 3394/3.

¹² Фатов Н. Н. Письмо главному редактору журнала «Вестник воспитания». Б. м. ОГЛИМТ. Ф. 14. Оп. 5. ОФ 3394/1.

¹³ Фатов Н. Н. Письмо главному редактору журнала «Вестник воспитания». Б. м. ОГЛИМТ. Ф. 14. Оп. 1а. ОФ 3394/3.

ланием Н. Фатова продемонстрировать поддержку московскому академику, который «в ясном, сжатом и совершенно общедоступном изложении <...> знакомит читателя с историей реформы, с ее значением и научным обоснованием, приводит самые принципы реформы, сопровождая их необходимыми пояснениями, наконец, указывает важнейшую литературу предмета»¹⁴.

Примечателен во всех рассматриваемых письмах почтительный тон обращения к корреспонденту, характерный для эпистолярного стиля XIX-го века: «Глубокоуважаемый Господин Редактор!» или «Милостивый Государь Господин Редактор!» — и неизменная подпись: «С совершенным почтением Н. Фатов».

В начале 20-х годов XX века научная и педагогическая деятельность Н. Н. Фатова была связана с Орлом: он приезжал для чтения лекций в Орловском педагогическом институте и для выявления архивного материала. В Государственном архиве Орловской области хранятся удостоверения, подтверждающие включение московского профессора в педагогический состав орловского учебного учреждения в 1921–1922 годах: Н. Н. Фатов, как «преподаватель по кафедре новой русской литературы Орловского Высшего Педагогического Института» получал командировочные документы «в г. Москву в библиотеку Румянцевского музея для научных занятий»¹⁵.

В фондах ОГЛМТ сохранились многочисленные документы, раскрывающие подробности приездов московского лектора в Орёл: книги, письма, мемуары, фотографии с дарственными надписями, отдельные записи. Так, в «Воспоминаниях о М. Горьком» Фатов указывал: «В 1921–22 гг. я ездил читать лекции в Орловском Педагогическом Институте. Орёл — родина Л. Андреева. Естественно, я не упустил случая, чтобы разузнать, что можно, о знаменитом писателе

¹⁴ Фатов Н. Н. Проф. П. Н. Сакулин. Новое русское правописание // Вестник воспитания. 1917. № 8–9 (ноябрь–декабрь). ОГЛМТ. Ф. 150. ОФ 54705. Л. 20–21.

¹⁵ Командировочные удостоверения представителей пединститута. ГАОО. Ф. Р-83. Оп. 1. Л. 29, л. 42, л. 53, л. 59, л. 63.

в городе, в котором он провёл свою молодость и где жили его многие родственники и товарищи. <...> особо плодотворным оказалось моё знакомство с С. Д. Пановой и сёстрами Пацковскими, близкими родственницами писателя и подругами его юных лет. Они показали мне дом, где жил Андреев, проводили по андреевским местам и рассказали много любопытного из своих воспоминаний <...>. Но самое для меня ценное было то, что от С. Д. Пановой я получил большую пачку писем Л. Н. Андреева, относящихся к его студенческим годам»¹⁶. Памятными для литературоведа были орловские встречи с товарищем Л. Андреева С. С. Блохиным, «который рассказывал мне много интересного. Я даже видел одного из учителей Л. Андреева по гимназии»¹⁷. Полученные в Орле материалы, дополненные сведениями из архива Московского университета и находками при штудировании периодики (в том числе «Орловского вестника»), позволили в 1924 году Н. Н. Фатову выпустить книгу «Молодые годы Л. Андреева»¹⁸. В фонде «Редкая книга» музейного объединения хранятся три экземпляра этой книги, два из которых имеют уникальные пометы: на форзаце одной книги вклеен листок со штампом «РСФСР. Наркомпресс. Музей-библиотека им. Тургенева. 13.IX.1925. № 130. Орёл, Садовая, 10»¹⁹; второе издание с автографом родственницы писателя — Елены Гавриловны Андреевой-Федченко (урожд. Кушникова, жена племянника Леонида Андреева — Леонида Аркадьевича Андреева-Алексеевского): «Леониду Андрееву, тезке и племяннику в день его семидесятилетия. Танкир. 10.10.1973»²⁰.

Замечательно описание города Орла 1920-х годов, представленное на страницах книги Н. Н. Фатова: «Орел широко

¹⁶ *Фатов Н. Н.* Воспоминания о М. Горьком и переписке с ним (краткий вариант). Черновцы. 1946–1958. ОГЛМТ. Ф. 84. Оп. 1. ОФ 18070.

¹⁷ Письмо Н. Н. Фатова Л. Н. Афонину. 14 февраля 1960. Черновцы. ОГЛМТ. Ф. 49. Оп.1. ОФ 15687. Л. 1.

¹⁸ *Фатов Н. Н.* Молодые годы Л. Андреева: по неизданным письмам, воспоминаниям и документам. М.: Земля и фабрика, 1924.

¹⁹ *Фатов Н. Н.* Молодые годы Л. Андреева: по неизданным письмам, воспоминаниям и документам. М.: Земля и фабрика, 1924. ОГЛМТ. Ф. 12. ОФ 42539.

²⁰ *Фатов Н. Н.* Молодые годы Л. Андреева: по неизданным письмам, воспоминаниям и документам. М.: Земля и фабрика, 1924. ОГЛМТ. Ф. 12. ОФ 15789/1.

раскинулся по берегам Орлика и Оки (убогой тут, для знающих ее под Касимовым и Нижним) и весь утопает в садах. Город разбит правильно, улицы пересекаются под прямыми углами. Окраинные кварталы тянутся маленькими одноэтажными домиками и избушками да заборами; внутри же кварталов — сады. Дойдёшь до конца сада, а за забором — другой. Хозяин его живёт по ту сторону квартала, и где кончаются сады — не видно. Весною все в саду цветов — вишен, яблонь, груш. Не мало живёт в этих садах соловьёв»²¹. Спустя столетие историко-культурное значение приобретает описание Пушкарной слободы, воссоздающее картину окраин провинциального городка, где прошло детство Л. Н. Андреева; многие реалии оказались утраченными в XXI веке: «Родился и рос Л. Андреев в приходе Михаила Архангела, на 2-й Пушкарной улице — той самой, о которой говорится в рассказах «Баргамот и Гараська» и «Весенние обещания». Улица эта — на самом конце города, и ничего городского в ней нет. Одним концом она упирается в речку Орлик, довольно полноводную, благодаря мельнице, которая стоит ниже по течению, уже в самом городе. Прямо против Пушкарной за Орликом, — крутой глинистый обрыв; на нем сады, и среди них знаменитый тургеневский сад «Дворянского гнезда». Там, в старом доме, по преданию, в тургеневские годы жила девушка, послужившая прототипом для Лизы Калитиной. Орлик огибает Пушкарную слободу, а выше течет параллельно ей, омывая ее сады. Сейчас же за речкой — поля, без конца поля...»²².

В 1950–1960-х годах в письмах в орловский музей Н. Н. Фатов подчёркивал значение полученных в Орле архивных документов о Л. Н. Андрееве и важность их публикации. Констатируя неоднозначность критиков в оценке его книги, исследователь признавал ее ученический характер: «Орёл мне дал андреевские материалы. И дал мне возможность

²¹ Фатов Н. Н. Молодые годы Л. Андреева: по неизданным письмам, воспоминаниям и документам. М.: Земля и фабрика, 1924. С. 31.

²² Там же.

выпустить первую книгу об Андрееве. Книга эта во многом наивная, конечно, имела значение, т.к. в ней публиковались замечательные письма Андреева и др. документы. Книга, как Вы, вероятно, знаете, вызвала очень разноречивые отзывы. Литературоведы (Сакулин, Пиксанов и др.) ее похвалили, а знавшие Л. Андреева — прежде всего Горький, — ею возмущались, так как я там писал о некоторых интимных вещах... Но... дело прошлое...»²³. И далее: «Конечно, моя книга «Молодые годы Л. Андреева», написанная более 35-и лет т.[о-му] наз.[ад], сейчас является предельно наивной и даже ошибочной в ее, так сказать, методологической части, но опубликованные там письма Андреева к Пацковским — блестящий образец эпистолярного стиля Л. Андреева, что тогда многих просто поразило»²⁴. Важно, что это издание послужило основой для литературной переписки с М. Горьким: «Жил он тогда за границей, в Чехословакии. В письме от 21.03.1924 г. я сообщил ему о только что вышедшей в издательстве «Земля и Фабрика» моей книге «Молодые годы Л. Андреева» и попросил дать мне возможность познакомиться с имеющимися у него письмами Л. Андреева, над изучением жизни и творчества которого я предполагал продолжать работу»²⁵. «<...> главная тема переписки — Л. Андреев и материалы о нем»²⁶.

В 1926 году Н. Н. Фатов опубликовал еще две работы, посвященные наследию Л. Н. Андреева и внесенные им в «Список главнейших напечатанных работ»: «Письма Л. Андреева к А. С. Серафимовичу» (Московский альманах, 1926. Вып. 1. С. 271–328) и «Л. Андреев. Избранные рассказы» (ГИЗ. 1926. Под ред. В. А. Луначарского и Н. Н. Фатова. Вводная статья, редакция текста и комментарии Н. Н. Фатова)²⁷. Примеча-

²³ Письмо Н. Н. Фатова Кожуховой. 18 апреля 1958. Черновицы. Архив ОГЛМТ. Оп. 1. Д. 217. Л. 97.

²⁴ Письмо Н. Н. Фатова Л. Н. Афонину. 14 февраля 1960. Черновцы. ОГЛМТ. Ф. 49. Оп.1. ОФ 15687. Л. 1.

²⁵ Фатов Н. Н. Воспоминания о Горьком и переписке с ним (краткий вариант). Черновцы. 1946–1958. ОГЛМТ. Ф. 84. Оп. 1. ОФ 18070.

²⁶ Письмо Н. Н. Фатова Кожуховой. 18 апреля 1958. Черновицы. Архив ОГЛМТ. Оп. 1. Д. 217. Л. 97 а.

²⁷ Автобиография и автобиблиография Н. Н. Фатова. [1930-е]. РГАЛИ. Ф. 279 Оп. 4 Ед. хр. 70. Л. 14.

тельно, что в 1960 году, в последнем сообщении в орловский музей, отразилось эмоционально-восторженное восприятие исследователем посланий Л. Андреева к А. Серафимовичу, которые ему удалось опубликовать: «<...> письма поразительные по блеску остроумия и шутки! Какая противоречивая натура была у Л. Андреева!»²⁸. Корреспонденции в орловский музей свидетельствуют о том, что и в последние годы жизни Н. Н. Фатов внимательно следил за изучением творчества Л. Андреева. После выхода в свет книги Л. Н. Афонина он писал: «Я с большим интересом прочитал Вашу книжечку о Л. Андрееве и много нашел там интересного. М.[жду] пр.[очим], мне очень понравилось обстоятельное рассмотрение газетных статей раннего Л. Андреева. Кое-что я даже нашел неизвестного мне <...>»²⁹. Он осведомлялся у музейщиков: «Думаю, что вы знаете Чувакова Вадима Никитича <...>? Он писал мне, что готовит 3-х-томник Л. Андреева. Писал об андреевской конференции, бывшей в Москве, были Вы на ней? Прислал программу. М.[жду] пр.[очим], рассказ "Мать и дочь" называется "Жертва"»³⁰. Следует отметить живую и непринуждённую манеру обращения профессора к сотрудникам музея, в которой проявлялась его активная жизненная позиция: «Ну как же Вы не могли достать письма Серафимовичу? Ведь от Вас Москва в двух шагах — если не могут прислать, то к.[ак]-н.[ибудь] соберитесь в Лен.[инскую] Библ.[иотеку] — посмотрите "Московский альманах"»³¹.

В 2010 году книга Н. Н. Фатова «Молодые годы Леонида Андреева» была переиздана в Орле. В предисловии заведующая Домом-музеем Леонида Андреева О. В. Вологина выступила с объективной оценкой труда московского исследователя: «По жанру книга Н. Н. Фатова «Молодые годы Леонида Андреева» принадлежит к довольно сложному виду

²⁸ Фатов Н. Н. Письмо Л. Н. Афонину. 4 апреля 1960. Черновцы. ОГЛМТ. Ф. 49. Оп. 1. ОФ 15687. Л. 1.

²⁹ Письмо Н. Н. Фатова Л. Н. Афонину. 14 февраля 1960. Черновцы. ОГЛМТ. Ф. 49. Оп. 1. ОФ 15688. Л. 1.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

литературоведения с элементами источниковедения: биография ранних лет жизни писателя по архивным материалам и воспоминаниям. Излагая биографическую канву, Фатов привлекает воспоминания, письма, документы, самым тщательным образом их комментируя. Научно-справочный аппарат включает в себя сведения об истории текста, идейно-художественную интерпретацию и критическую оценку, сведения об упоминаемых событиях и лицах, лингвистические пояснения»³².

Ретроспективные машинописные письма Н. Н. Фатова 1950-х годов, хранящиеся в орловском музее, дополняют историю его поездок в Орел в 1920-е годы. В письме от 19 сентября 1948 года литературовед, обращаясь с просьбой уточнить топонимику в повести И. С. Тургенева «Затишье»³³, в постскриптуме в нескольких строках вспоминал основные события поездок в Орловский край. Повторяя уже известные факты о чтении лекций в пединституте и сборе материалов об Андрееве, он упоминал о посещении Музея И. С. Тургенева: «М.[ожет] б.[ыть], Вам любопытно будет узнать, что я в 1921–22 гг. бывал в Орле, в Орловском П[едагогическом] И[нституте] читал лекции, бывал в Тургеневском музее (тогда в нем работал покойный т. Португалов), и даже опубликовал в "Культуре театра" кое-что из материалов музея — о "Студенте" и пр. М.[ожет] б.[ыть], в Орле кто-нибудь еще меня и помнит? Тогда я там собирал материалы о Л. Андрееве у Пацковских — жив ли кто-нибудь из них?»³⁴.

В Орловском литературном музее помнят о приездах Н. Н. Фатова. Так, в архиве музея сохранилась «Книга для записи посещающих Тургеневский Музей», охватывающая почти десятилетие (с 7 сентября 1920 года по 31 декабря 1930 года). Московский ученый дважды оставил в ней

³² Фатов Н. Н. Молодые годы Леонида Андреева/ Предисловие и подгот. текста О. В. Вологиной. Орел: Издатель Ал-р Воробьев, 2010. С. 19.

³³ Письмо Н. Н. Фатова в Тургеневский музей. 19 сентября 1948. Черновцы. Архив ОГЛМТ. Оп.1. Д. 218. Л. 8.

³⁴ Письмо Н. Н. Фатова в Тургеневский музей. 19 сентября 1948. Черновцы. Архив ОГЛМТ. Оп.1. Д. 218. Л. 8.

свой автограф: утром 11 октября 1921 года (№ 4120) «Н. Фатов, проф. рус. литературы, приезжий» и вечером 14 июля 1922 года (№ 4472) «Н. Фатов, историк литературы»³⁵.

Благодаря «Книге регистрации посещений музея»³⁶, в которой велась запись посетителей Тургеневской читальни и музея-библиотеки (ноябрь 1918 года — апрель 1929 года), более полно предстает сфера научных интересов московского лектора. Так, 12 октября 1921 года Н. Н. Фатову, профессору университета, были выданы для работы «Письма Тургенева, Лескова, Фета», 6 декабря 1921 — «Символы и эмблемы Максимовича-Амбодика»; а в 1922 году он трижды заказывал для чтения «Письма» Тургенева и «Студента». В «Отчете о работе музея» за 1923–1925 годы указано: «Научная работа в музее им. Тургенева велась в 1921–1922 году проф. Московского университета Н. Н. Фатовым, начавшим изучать черновую рукопись комедии «Студент» («Месяц в деревне»); результаты изучения были опубликованы им в журнале «Культура» № 1–2, М., 1922»³⁷. Творческим итогом изучения тургеневских материалов в орловском музее стала публикация статей «Рукопись "Студента" Тургенева» и «Три письма И. С. Тургенева», которые с пометой «публикация новых материалов из Тургеневского музея в Орле» были автором включены в «Список главнейших напечатанных работ Н. Н. Фатова»³⁸. Возможно, эти материалы московский профессор планировал дать для публикации в музейном издании «Тургениана № 2». Сохранившееся в архиве ОГЛИМТ письмо заведующего Тургеневским музеем М. В. Португалова в Областной музей г. Орла уведомляло, что «в 1924 году был подготовлен к печати сборник статей под заглавием "Тургениана" № 2 под редакцией хранителя Тургеневского музея М. В. Португалова

³⁵ Книга для записи посещающих Тургеневский Музей. 07.09.1920–31.12.1930. Орёл. Архив ОГЛИМТ. Оп. 1. Д. 6а.

³⁶ Книга регистрации посетителей Библиотеки-читальни им. И. С. Тургенева за 1918–1929 гг. Орёл. ОГЛИМТ. Ф. 1. Оп. 1. ОФ 47222.

³⁷ Отчет по состоянию Тургеневского музея с 1 октября 1922 по 1 октября 1923. Архив ОГЛИМТ. Оп. 1. Д. 14. Л. 9а.

³⁸ Автобиография и автобиблиография Н. Н. Фатова. [1930-е]. РГАЛИ. Ф. 279 Оп. 4 Ед. хр. 70. Л. 5.

в количестве 7 ½ печатных листов»³⁹. В рукописной программе три автора: М. В. Португалов, Н. Н. Фатов и П. Н. Щепкин-Кротов. К сожалению, местное издательство «Красная книга» отказалось от печати; сохранилось лишь название статьи московского профессора Н. Н. Фатова «Из рукописных сокровищ Тургеневского музея» и объем — ½ листа.

В начале 20-х годов XX века при музее И. С. Тургенева было создано Тургеневское литературное общество, объединившее орловских литераторов, преподавателей, журналистов и библиотекарей в размышлениях над вопросами культуры и литературы. Первое организационное собрание состоялось 14 мая 1922 года. Известный тургеновед Л. А. Балыкова так охарактеризовала первых членов общества: «Михаил Вениаминович Португалов — создатель и хранитель музея Тургенева, его председатель, умница, эрудит, очень обаятельный человек, пользовавшийся неизменным успехом у прекрасного пола; Евгений Григорьевич Сокол — поэт и журналист, работавший вместе с Португаловым над первым описанием мемориальной библиотеки Тургенева; Петр Григорьевич Ткачевский — директор губмузея, вскоре репрессированный; Вера Михайловна Викторова (урожденная княжна Оболенская) — библиотекарь, заменившая Португалова на посту директора музея после его смерти, также репрессирована; Виктор Сергеевич Ростопчин — секретарь Общества, литератор; Николай Иосифович Конрад — известный ученый-востоковед, директор Высшего педагогического института (на его лекции сбегалась тогда вся орловская молодежь, он блистал эрудицией и поражал своим видом — редким по тем временам костюмом-тройкой); Сергей Иванович Горовой — учитель словесности, проводивший увлекательные экскурсии по музею...»⁴⁰. В фондовой коллекции ОГЛМТ сохранилась

³⁹ Письмо-уведомление № 26 в Областной Музей г. Орла от 24 февраля 1925 года заведующего Тургеневским музеем М. Португалова. Архив ОГЛМТ. Оп. 1. Д. 22. Л. 14.

⁴⁰ Балыкова Л. А. Тургеневское общество в Орле. Электронный ресурс. Режим доступа: URL: <http://www.orel-story.ru/turgenev.php>. Дата обращения: 21.10.2021.

рукописная тетрадь, в которой зафиксированы краткие отчёты литературных собраний Тургеневского общества. 8 июля 1922 года в «Журнале 4-го собрания Вр.[еменного] Правления Тургеневского Литературного общества» пятым пунктом («текущие дела») запланирован доклад Н. Фатова «О судьбах русской литературы»⁴¹. Выступление московского профессора состоялось 13 июля 1922 года, на пятом, экстренном заседании Тургеневского литературно-научного общества и вызвало бурную полемику. Московский профессор выступил с докладом «О грядущих судьбах русской литературы». Информативна стенограмма собрания, зафиксированная секретарём общества Виктором Сергеевичем Ростопчиным: «В виду того, что настоящее собрание явилось экстренным, то деловых вопросов не обсуждалось. Доклад «О грядущих судьбах русской литературы» сделал проф. Н. Н. Фатов, с девизом «Верить или знать?». Автор доклада, используя эстетическую преэминентность в литературе и схематизируя литературные явления как изображение настроений правящих общественных групп, перешёл к вопросу о русской интеллигенции, каковая, по мнению Н. Н. Фатова, умерла безвозвратно, уступив место новой нарождающейся марксистской пролетарской интеллигенции. Доклад закончился несомненной верой Н. Н. Фатова в величие Демьяна Бедного, Казина и др. пролетарских поэтов.

С. И. Горовой, выступив в дискуссии о судьбах русской литературы, заявил о своей солидарности во взглядах с Н. Н. Фатовым и особенно уточнил мысль о том, что преобладание физического труда над умственным сможет только возродить высококультурную литературу, вообще же необходимо равновесие между двумя видами труда.

М. В. Португалов высказал своё полное убеждение в том, что надуманная докладчиком схема, имея в своей основе экономический подход, неприемлема при преподавании эстетических дисциплин»⁴².

⁴¹ Журнал общих заседаний Тургеневского научно-литературного общества и заседаний правления общества. Орёл. 1922–1923. ОГЛИМТ. Ф. 1. Оп. 1. ОФ 4410.

⁴² Там же.

Следует отметить, что статья Н. Н. Фатова «Верить или знать. Несколько научных мыслей о грядущих судьбах нашей литературы», датированная 31 марта 1922 года, хранится в Российском государственном архиве литературы и искусства (Москва)⁴³. Думается, доклад, прочитанный на заседании Тургеневского общества, представлял собой краткое ее изложение.

Сложность творческого пути Н. Н. Фатова раскрывает хранящийся в архиве ОГЛИМТ экземпляр документа для служебного пользования от 30 марта 1946 года. Согласно «Акту № 34» «уполномоченным Орловского Обллита Глейзер Д. Б. при участии зав. библиотекой музея И. С. Тургенева тов. Лебедева» из библиотеки музея И. С. Тургенева по приказам «уполномоченного СНК СССР по охране военных тайн в печати» были изъяты книги и «произведено уничтожение 30.04 месяца 1946 года путём сожжения». В числе подлежащих изъятию и уничтожению оказалось издание «Фатов. О Демьяне Бедном. Издат. Казах. гос. универ. М., 1929. (стоимость 70 к.)». Примечательно, что в «Списке главнейших напечатанных работ Н. Н. Фатова» есть авторский комментарий к «нежелательному» изданию: «обзор литературы и темы для самостоятельных работ.<...> Написано в 1926 году».

Следует отметить, что в письмах, отправленных в музей в 1950-х годах, литературный критик обращался к ностальгическому воспоминанию об Орле. Так, на почтовой карточке с десятком машинописных строк он писал: «В Орловском П[едагогическом]И[нституте] я когда-то, в давно прошедшие годы (1921–22) читал лекции. Едва ли кто помнит сейчас об этом!»⁴⁴. В памяти профессора, тоскующего по молодости, ожили и новые подробности: «Директором тогда был Н. О. Конрад — теперь крупный учёный, востоковед. Помню, он и тогда рассказывал много интересного о Японии». Далее Н. Н. Фатов одним предложением-словосочетанием оха-

⁴³ Фатов Н. Н. Верить или знать. Несколько научных мыслей о грядущих судьбах нашей литературы. 31 марта 1922. РГАЛИ. Ф. 602. Оп. 1. ед. хр. 1331, 23 л.

⁴⁴ Письмо Н. Н. Фатова сотрудникам Тургеневского музея. 16 марта 1958. Черновцы. ОГЛИМТ. Ф. 84. Оп. 1. ОФ 18072.

рактизовал музей И. С. Тургенева в Орле: «Тургеневский домик». Лаконичность свидетельствует о сокровенном, что подтверждается предваряющем это предложение утверждением: «Об Орле я сохранил в памяти многое»⁴⁵.

Следует подчеркнуть, что в письмах Н. Н. Фатова в музей И. С. Тургенева в Орле прослеживается сложность восприятия прошлого. От искры надежды в письме 1948 года («М.б., в Орле кто-нибудь еще меня и помнит?») к горькому восклицанию, констатирующему забвение спустя десятилетия: «Едва ли кто помнит сейчас об этом!». Однако ответное письмо из Орловского тургеневского музея вселяет радостное чувство разделенности воспоминаний: «Очень был тронут <...> тем, что в Орле меня еще не забыли...», «Еще раз — большое спасибо, что вспомнили меня»⁴⁶.

Немаловажно, что с письмом от 18 апреля 1958 года профессор Черновицкого университета присылает музею две свои фотографии с дарственной надписью: «Орловскому Тургеневскому музею от Н. Н. Фатова, который был и работал над тургеневскими материалами в Орле более 25 лет т.[ому] назад (1921–22 гг.)»⁴⁷. В этом письме раскрывается роль музея И. С. Тургенева в творческой биографии профессора-литературоведа. «Тургеневский домик» являлся связующей нитью с далёким прошлым, с молодостью: «Когда я сам еще был зеленым юнцом, а не 70-летним старцем, с трудом передвигающимся, каким я стал сейчас»⁴⁸. Воспоминания заставляют Н. Н. Фатова вновь ощутить прилив жизненных сил, и он с задором восклицает: «Что мне еще пришло в голову: пошлю-ка я Вам свои теперешние фотографии — хотя едва ли у Вас есть кто, кто помнит меня, каким я был в 1921 г. — так вот теперь я — такой!»⁴⁹.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Письмо Н. Н. Фатова сотрудникам Тургеневского музея. 18 апреля 1958. Черновцы. Архив ОГЛМТ. Оп. 1. Д. 217. Л. 97.

⁴⁷ Фатов Н. Н. 19 апреля 1958. Черновицы. ОГЛМТ. ОФ 18071/1.

⁴⁸ Письмо Н. Н. Фатова сотрудникам Тургеневского музея. 18 апреля 1958. Черновицы. Архив ОГЛМТ. Оп. 1. Д. 217. Л. 97.

⁴⁹ Письмо Н. Н. Фатова сотрудникам Тургеневского музея. 18 апреля 1958. Черновицы. Архив ОГЛМТ. Оп. 1. Д. 217. Л. 97 а.

Позже, в 1970-х годах, музей поддерживал связь с Зоей Васильевной Николаевой-Фатовой, женой Н. Н. Фатова, писавшей: «Очень бы хотелось опять побывать на Родине, в Вашем чудесном городе. А из Черновиц нам уже уехать нельзя... К сожалению, никаких материалов об Андрееве у нас нет. Вот летом буду заниматься разборкой архива, тогда, может быть, что-либо и найду»⁵⁰.

Таким образом, в письмах сотрудникам тургеневского музея профессор Черновицкого университета Н. Н. Фатов подчеркивал ценность работы, проделанной на орловских архивных материалах. Констатируя, что основным делом его жизни была работа по изучению биографии и творчества А. С. Пушкина («за все эти годы меня целиком съел Пушкин»), литературовед вновь и вновь обращался к теме, связанной с Леонидом Андреевым. Выявленные материалы позволяют внести некоторые уточнения в творческую биографию Н. Н. Фатова, раскрывая его отношение к городу на Оке, к музею и нашим землякам. Почти через столетие автор книги «Молодые годы Л. Андреева», бережно хранивший память об Орле, вновь возвращается в Орловский край: в музее создан личный фонд Н. Н. Фатова.

⁵⁰ Письмо З. В. Николаевой-Фатовой Л. Н. Афонину. Черновцы. Б. д. ОГЛМТ. Ф. 49. Оп. 1. ОФ 15658.

ТУРГЕНЕВСКАЯ КОМНАТА В ОККУПИРОВАННОМ ОРЛЕ

Краеведческий музей и музей И. С. Тургенева в Орле всегда работали в тесном взаимодействии. После основания музея И. С. Тургенева в 1918 году между ним и краеведческим музеем постоянно осуществлялось движение экспонатов, причём в двух направлениях. В музей И. С. Тургенева передавались редкие подлинные экспонаты, связанные с жизнью и творчеством И. С. Тургенева, предметы искусства, мемориальные вещи, принадлежавшие писателям-орловцам. В свою очередь, музей И. С. Тургенева «делился» с краеведческим музеем историческими документами, оружием, фотографиями и т.д. Но был период в истории двух музеев, когда их судьбы тесно переплелись. Это период Великой Отечественной войны и связанная с ним эвакуация и реэвакуация музеев. Работавший в оккупированном немцами Орле краеведческий музей стал на время выполнять функции литературного музея, открыв в своих стенах Тургеневскую комнату и взяв под своё крыло оставшиеся после эвакуации музея И. С. Тургенева экспонаты, а музей И. С. Тургенева возвратил из эвакуации сохранившиеся ценности краеведческого музея.

Научными сотрудниками двух музеев были написаны и опубликованы работы, рассказывающие о том, что происходило в те годы¹. Фондовые коллекции музея И. С. Тургенева были вывезены в Пензу в 1941 году и без потерь возвращены в Орёл в январе 1944 года. Известно, что примерно половину фондовых коллекций Орловского краеведческого музея от-

¹ Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны. Т. 9. Орловский краеведческий музей. Москва, 2002. Дмитрихина Л. В. Музей И. С. Тургенева годы Великой Отечественной войны. 2020. [Режим доступа: URL: <http://turgenevmus.ru/muzej-i-s-turgeneva-v-gody-velikoj-otechestvennoj-vojny/>]

правили в эвакуацию. Часть их была утрачена, а сохранившуюся часть принял в Пензе директор музея И. С. Тургенева Борис Александрович Ермак. Он же 19 января 1944 года вернулся из Пензы в Орёл экспонаты краеведческого музея.

В оккупированном Орле оставались в небольшом количестве экспонаты музея И. С. Тургенева, которые не смогли вывезти по тем или иным причинам, и примерно половина фондовых коллекций краеведческого музея.

В феврале 1942 года Орловский краеведческий музей начал работать в оккупированном Орле. Первоначально в нём было 3 отдела: живой природы, геологии и археологии, истории. Осенью 1942 года открылась Тургеневская комната. На её истории остановимся более подробно.

Одним из первых о судьбе Тургеневской комнаты в период оккупации поведал М. М. Мартынов в своей книге «Фронт в тылу», вышедшей в свет в 1975 году². На страницах этой книги — интересный, но беллетризованный рассказ о работе краеведческого музея и его сотрудников в оккупированном Орле.

На документальную основу история Орловского краеведческого музея и Тургеневской комнаты в период оккупации была поставлена в предисловии к «Сводному каталогу культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны» (авторы — И. Е. Барсукова и Н. Я. Рассохина) и публикациях И. Е. Барсуковой, использовавшей в своих работах целый пласт архивных документов и материалов. Это позволило создать реальную картину происходивших тогда событий и рассказать о сотрудниках музея и их работе в оккупированном Орле³. Вместе с тем до настоящего времени не было попыток «наполнить» Тургеневскую комнату экспонатами музея И. С. Тургенева, которые не были эвакуированы, а были перевезены во время оккупации

² Мартынов М. М. Фронт в тылу. Тула, 1975. С. 105–108.

³ Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны. Т. 9. Москва, 2002. Барсукова И. Е. Музей в оккупированном Орле // Орловский вестник. 20 июня 2002. Барсукова И. Е. Тургеневская комната: легенда и быль. (Орловский областной краеведческий музей в годы оккупации) // Орловский библиофил. Альманах. Вып. 7. С. 70–73.

в краеведческий музей и помещены в Тургеневскую комнату. Основанием для такой работы может быть только изучение широкого круга документов — материалов фондов и научных архивов краеведческого музея и музея И. С. Тургенева.

Не вызывает сомнений, что идея перевоза предметов из музея И. С. Тургенева и создания Тургеневской комнаты принадлежала работавшим тогда в Орле сотрудникам краеведческого музея. Ещё до перевоза экспонатов Мария Ивановна Шишова, на долю которой выпало начать работу по созданию Тургеневской комнаты, составила список экспонатов музея И. С. Тургенева, оставшихся в Орле⁴. Этот интересный документ приводим полностью, поскольку он важен не только для данной работы, но может послужить и для дальнейших исследований.

«Список имущества музея имени И. С. Тургенева, оставшегося в здании музея на 10-е июня 1942 г.

№№ п/п	Наименование предметов	Ко- лич.	Примеч.
1	Бюст Тургенева (гранит)	1	
2	Гипсовая фигура юноши	1	во дворе
3	девушки	1	музея
4	Бюст Пушкина	1	
5	Гоголя	1	
6	Вольтера	1	
7	Толстого	1	
8	Достоевского	1	
9	Шевченко	1	
10	Грановского	1	
11	Белинского	1	
12	Зеркало трюмо в раме кр. дер.	1	из обстановки Тургенева
13	Зеркало трюмо в золоч. раме	1	стиль эпохи
14	Фотопортреты Тургенева	1	
	Апухтина	1	больш.
	Фета	1	формат

⁴ ОКМ. Архив. Д. № 49. Л. 11–11 об.

	Лескова	1	
	Тютчева	1	
	Киреевского	1	
15	Портреты Тургенева на стен.	1	масло
16	юнош.	1	
17	40 год	1	масло
18	Вазы эпохи 19 века	3	
19	Часы каминные бронз.	1	
20	Стол круглый	1	
21	Стол дубовый раскладн.	1	
22	Шкафы дубовые	6	
23	Шкаф стеклянный трехстворчатый	1	
24	Шкаф зеркальный полки покр. сукн. работы крепост.	1	стиль эпохи
25	Картины. Виды парка в Спасском	6	
26	Вид г. Орла. 70 годы. Фото	1	
27	Художественная и критич. литература	5 шк.	
28	Книжный архив	6 пол.	
29	Периодическ. литер.	2 шк.	
30	Иллюстрации к биогр. Тургенева (под стеклом)	1 ящ.	
31	Иллюстрации к произв. Тургенева	1 ящ.	
32	Цитаты из худож. произв. и критики	1 ящ.	
33	Полукресла красного дерева	4	из обстановки Фета
34	Полудиваны резные	2	из обстановки Киреевского
35	Портреты Писарева	1	
	Толстого	1	
	Жемчужникова	1	

Кроме этого много рамок, витрин, стенных и настенных витрин, стекла и других оформительских материалов.

С подлин. верно. М. Шишова».

Список Шишовой — единственный документ, конкретизирующий состав экспонатов, которые со временем могли занять место в Тургеневской комнате. Во всех остальных случаях обозначаются только виды экспонатов и их общее коли-

чество. Несмотря на то, что список Шишовой, скорее всего, был неполным и содержал иногда неверные примечания (что вполне объяснимо: она не была сотрудницей музея И. С. Тургенева и что-то записывала с чужих слов), он чрезвычайно важен для изучения Тургеневской комнаты.

К созданию Тургеневской комнаты в стенах краеведческого музея приступили летом 1942 года. Она была наполнена предметами, которые перевозили из музея И. С. Тургенева. Директор музея Наталья Венедиктовна Орлова обращалась в Городскую управу с просьбой выделить деньги на оплату подводы для перевозки экспонатов, и уже 3 июля 1942 года краеведческий музей получил партию предметов, о чём свидетельствует сохранившийся акт выдачи на русском языке (от руки) и немецком (машинопись с печатью и подписью)⁵:

«Для Орловского городского музея выдано из склада воинской части под № полевой почты 00088 (Тургеневская ул., 13)

34 картины в рамах и без рам

2 венка

1 посмертная маска

1 ящик для картотеки

15 бюстов

2402 книги

4 фигуры

1 канделябр

3 стеклянных витрины

1 железный ящик (несгораемый сундук)

3 связки цитат и прочих выставочных материалов

1 связка папок и актовых материалов

Орел 3. 7. 1942. Подпись: <...> оберлейтенант и адъютант».

Чтобы перевезти на телеге такой внушительный объём выданных предметов, нужно было совершить не один рейс от здания музея И. С. Тургенева до краеведческого музея.

Следующий документ, дающий представление о категориях экспонатов из Тургеневской комнаты и их количестве, — докладная записка Клавдии Дмитриевны Шкопинской от

⁵ Там же. Л. 39–39 об.

10 января 1943 года. Именно К. Д. Шкопинская с октября 1942 года занималась Тургеневской комнатой после увольнения М. И. Шишовой. В докладной записке читаем: «На 1-е января 1943 имеется по Тургеневской комнате по инвентарным книгам. Предметов (бюсты, картины, мебель) с № 1 по № 45 в инвентарной книге № 1». Кроме этого, К. Д. Шкопинская указала, что в библиотеке при Тургеневской комнате было 4087 книг (сюда вошли книги музея И. С. Тургенева и краеведческого музея)⁶.

К сожалению, инвентарная книга с записанными в неё экспонатами Тургеневской комнаты в краеведческом музее не сохранилась, хотя такие же книги по отделам истории и живой природы находятся ныне в научном архиве. Поэтому любые сведения о наполнении Тургеневской комнаты приходится извлекать из разных источников. Так, из «Книги поступлений экспонатов по Орловскому краеведческому музею» узнаём, что во время оккупации фонды музея пополнялись экспонатами, предназначенными для Тургеневской комнаты. В конце 1942 года от В. В. Лясковской музей принял сочинения И. С. Тургенева издания братьев Салаевых (Москва, 1869), причём рядом с учётной записью была сделана помета: «В библиотеку при комнате Тургенева»⁷. А. А. Кочеров, музейный художник и участник подпольного движения, также передал в музей сочинения И. С. Тургенева издания братьев Салаевых (Москва, 1874). Рядом с записью в книге поступлений читаем: «В комнату имени Тургенева»⁸.

Ценные сведения о наполнении Тургеневской комнаты содержат акты поступлений экспонатов и инвентарные книги музея И. С. Тургенева. Сразу же после возвращения из эвакуации сотрудники музея И. С. Тургенева начинают собирать экспонаты, оставленные в Орле. Их принимает комиссия в составе научных сотрудников Екатерины Августовны Ермак, Анатолия Васильевича Василевского и заместителя

⁶ Там же. Л. 74.

⁷ Там же. Д. № 51. Л. 22.

⁸ Там же. Л. 25.

директора по хозяйственной части Анастасии Ивановны Сафроновой.

Согласно акту от 26 января 1944 года из «Дела № 1 актов и протоколов на экспонаты музея за 1940–1953 гг.», «от областного краеведческого музея получены следующие предметы Госмузея И. С. Тургенева»⁹:

1. Портрет отца И. С. Тургенева С. Н. Тургенева (масло).
2. План Спасского-Лутовинова. (Получен при организации музея в 1918 году от Орловской учёной архивной комиссии).

3. Дверная табличка Н. С. Тургенева, брата писателя. (Национализирована в 1918 году у Галаховых. Записана в инвентарную книгу «Тургеневские мемориальные вещи» под № 1 с пометой: «Найдена в 1944 г.»¹⁰).

4. 2 стула из мебели Фета. (Национализированы в 1918 году у Галаховых. Записаны в инвентарную книгу «Фетовские мемориальные вещи» под № 172 и № 173. Рядом с каждым из стульев — одинаковая помета: «Найдено в 1944 г. в г. Орле»¹¹).

5. 2 венка. (Погребальные венки И. С. Тургенева. Записаны в инвентарную книгу «Тургеневские мемориальные вещи» под № 79 и № 80, каждый с пометой: «Найден в 1944 г. в г. Орле»¹²).

Из перечисленного выше в списке Шишовой можно обнаружить 2 стула из мебели Фета, где они обозначены как «полукресла» красного дерева». 2 венка упомянуты в акте выдачи со склада воинской части. Тогда же в числе «34 картин в рамах и без» мог быть перевезён в краеведческий музей портрет С. Н. Тургенева. Как этот портрет остался в Орле — теперь уже навсегда останется загадкой, поскольку ушли из жизни участники тех событий. Можно только отметить, что на фоне колоссальной работы, проделанной сотрудниками музея И. С. Тургенева по эвакуации музейных ценностей,

⁹ ОГЛИМТ. Фонды. Ед. хр. № 123. Л. 27.

¹⁰ Там же. Арх. № 22. Л. 1.

¹¹ Там же. Арх. № 23. Л. 2 об.—3.

¹² Там же. Арх. № 22. Л. 24 об.—25.

оставленные экспонаты были «каплей в море». К счастью, они сохранились. Неизвестно, все ли они экспонировались в Тургеневской комнате. Представляя ценность портрета С. Н. Тургенева и возможный интерес к изображённому на нём русскому военному со стороны посетителей — немецких солдат и офицеров — его могли спрятать. Но в любом случае всё, что вывезли из музея И. С. Тургенева, находилось в краеведческом музее в литературном отделе или, как его называли, Тургеневской комнате/комнате им. И. С. Тургенева — в экспозиции или подсобном помещении.

Значительную часть возвращённого в музей И. С. Тургенева после реэвакуации имущества составляли предметы мебели.

26 января 1944 года в акте № 2 с формулировкой «из мемориальных вещей И. С. Тургенева, не вывезенных из г. Орла, но найденных по возвращении из г. Пензы в г. Орёл у разных лиц и учреждений» были записаны¹³:

1. Шкафный донник. (Записан в инвентарную книгу «Тургеневские мемориальные вещи» под № 59 с пометой: «Найден в 1944 г. в г. Орле». Рядом — ещё одна помета чёрным карандашом: «Подставку под шкаф И. С. Тургенева списать в архив в силу крайней ветхости. Директор Ермак»¹⁴).

2. Шкаф книжный. (Национализирован в 1918 году у Галаховых. Вывезен из имения Спасское-Лутовиново. Записан в инвентарную книгу «Тургеневские мемориальные вещи» под № 440 с пометой: «Найден в 1944 г. в г. Орле». Рядом — ещё одна помета чёрным карандашом, сделанная Б. А. Ермаком: «Оставлен как очень ветхий и громоздкий»¹⁵).

Понять, о каком шкафе идёт речь, помогает его описание в той же инвентарной книге: «Шкаф книжный с 2-мя двухстворчатыми дверками, стеклянными. Сосновый, фанерован под красное дерево, полирован. <Под> двумя шкафами два ящика с откладными деревянными крышками»¹⁶. В мемори-

¹³ Там же. Ед. хр. № 123. Л. 25.

¹⁴ Там же. Арх. № 22. Л. 11 об.-12.

¹⁵ Там же. Л. 30.

¹⁶ Там же.

альном доме И. С. Тургенева в Спасском-Лутовинове только один шкаф соответствует этому описанию — это шкаф из «Библиотеки» с двумя двухстворчатыми дверками. Его фотографию и описание можно найти в книге «Моё гнездо, где вырос я...» (Каталог мемориальных предметов И. С. Тургенева из собрания Государственного мемориального и природного музея-заповедника И. С. Тургенева «Спасское-Лутовиново». 2018. С. 208).

В акте № 3 от 26 января 1944 года значится, что «из мемориаль<ных> вещей Фета А. А., не вывезенных из г. Орла в 1941 г., но найденных по возвращении из г. Пензы в г. Орел, оказались следующие, которые были найдены у разных лиц и учреждениях»¹⁷:

1. 2 стула с тростниковыми спинками.

2. Диван раздвижной. (Записан в инвентарную книгу «Фетовские мемориальные вещи» под № 183 с пометой: «Найден в 1944 г. в г. Орле»¹⁸).

3. Зеркало. (В описании читаем: «Зеркало из мебели Фета. Форма прямоугольная. В позлащённой раме. Боковина и верхняя планка рамы имеют по краю узкую полоску лавровых листьев». Записано в инвентарную книгу «Фетовские мемориальные вещи» под № 248 с пометой: «Найдено в 1944 г. в г. Орле»¹⁹).

4. Трюмо. (В описании читаем: «Трюмо Фетовское в раме, в стиле «Рококо». Форма прямоугольника. Стекло, состоящее из двух частей (в раме красного дерева) с сосновым грубо сделанным подзеркальником». Записано в инвентарную книгу «Фетовские мемориальные вещи» под № 228 с пометой: «Найдено в 1944 г. в г. Орле»²⁰).

Из всего перечисленного выше в списке Шишовой присутствуют зеркало и трюмо, рядом с трюмо — ошибочная помета: «Из обстановки Тургенева», 2 стула с тростниковыми

¹⁷ Там же. Ед. хр. № 123. Л. 26.

¹⁸ Там же. Арх. № 23. Л. 3 об.-4.

¹⁹ Там же. Л. 8 об.-9.

²⁰ Там же. Л. 4 об.-5.

спинками из акта № 3 в списке Шишовой названы «полукреслами красного дерева».

Формулировки в актах № 2 и № 3, согласно которым предметы были найдены «у разных лиц и учреждений», не позволяют точно судить о том, откуда они поступили. Можно предположить, что большая их часть оставалась в здании на Тургеневской улице, 13, до возвращения музея из эвакуации. Предметы мебели были довольно громоздкими, поэтому перевозить их на телеге в краеведческий музей было затруднительно. Возможно, перевезены были более мелкие вещи — стулья и т.д. Вместе с тем нельзя исключать того, что оккупационные власти забирали предметы мебели и передавали их в различные учреждения. Именно так они действовали в краеведческом музее, постоянно требуя выдачи стульев, кресел, столов. Так что, возможно, музей И. С. Тургенева по возвращении в Орёл искал и забирал свои вещи в «разных учреждениях».

Безусловно, эвакуация музейных ценностей — это очень сложная работа, в которой трудно избежать каких-то случайностей. И всё-таки в отборе предметов мебели, оставленных в Орле, прослеживаются некоторые закономерности. В основном это были ветхие, громоздкие или хрупкие вещи, эвакуировать которые было затруднительно.

В 1945 году между музеем И. С. Тургенева и краеведческим музеем продолжалось активное движение экспонатов.

13 февраля 1945 года по акту № 1 «от Орловского краеведческого музея поступили в Госмузей И. С. Тургенева» негативы, на которых запечатлены²¹:

1. Река Вытебеть у д. Телегино. Лодка «дощатик с шестом», описанная И. С. Тургеневым.

2. Дом, где происходило действие рассказа Лескова «Грабёж».

3. Спасское-Лутовиново. Часовня в память Александра Невского.

4. Портрет Н. С. Лескова.

5. Портрет И. С. Тургенева в юношеском возрасте.

²¹ Там же. Ед. хр. № 123. Л. 36.

Принадлежность негативов музею И. С. Тургенева не вызывает ни малейших сомнений. В краеведческом музее литературная тематика не разрабатывалась, поэтому атрибутировать подобным образом негативы, если бы они попали в музей «со стороны», было просто некому. Следовательно, негативы были взяты из музея И. С. Тургенева.

23 февраля 1945 года, согласно ордеру Управления музеев Наркомпроса от 14 февраля, заведующий отделом истории Орловского краеведческого музея В. В. Новодворский передал заведующему фондами музея И. С. Тургенева А. В. Василевскому следующие экспонаты: шкаф красного дерева; гарнитур, состоящий из стола, дивана и шести кресел орехового дерева с инкрустацией из слоновой кости и бронзы; деревянную подставку под бюст с золочёной деревянной резьбой в виде виноградной грозди; два церковных подсвечника из красного дерева с металлическими украшениями и статуэтку «Дон Кихот»²². На этот раз краеведческий музей передавал музею И. С. Тургенева свои собственные экспонаты. Ещё в 1919 году из имения Брасово, принадлежавшего младшему брату императора Николая II Великому князю Михаилу Александровичу, в краеведческий музей поступили стол, диван и кресла, украшенные инкрустацией из бронзы и кости. Это зафиксировано в первых книгах поступления экспонатов²³. К сожалению, при передаче музею И. С. Тургенева историю экспонатов никто не сверял с первыми инвентарными книгами, поэтому ссылка на Брасово не была сделана. В результате этого источник поступления оказался «стёртым», а мемориальность предметов до настоящего времени остаётся «утраченной», поскольку никто не знает об их происхождении. В инвентарной книге музея И. С. Тургенева рядом с каждым из предметов была сделана помета: «Из Орловского краеведческого музея согласно ордера Управ-

²² ОКМ. Архив. Д. № 53. Л. 55–55 об. ОГЛИМТ. Фонды. Ед. хр. № 123. Л. 37–39.

²³ Там же. Д. № 1. Л. 138. Д. № 1-а. Л. 4 об.

ления музеев Наркомпроса от 14/II — 1945»²⁴. На протяжении многих десятилетий мебель находилась и продолжает находиться в Спасском-Лутовиново (в разные годы в экспозиции «флигеля изгнанника»), и при этом никогда не упоминалось, что она из Брасова и принадлежала Великому князю Михаилу Александровичу.

Никаких других источников, свидетельствующих о возвращении музею И. С. Тургенева принадлежавших ему экспонатов, кроме приведённых выше актов, обнаружить не удалось. Но ведь со склада воинской части краеведческому музею был выдан значительный объём материалов — 34 картины, 15 бюстов, 2402 книги и т.д. Что это были за экспонаты и какова их судьба? На этот счёт можно сделать лишь некоторые предположения.

Б. А. Ермак, безусловно, знал, какие особо ценные экспонаты не были эвакуированы, их судьба его волновала, поэтому по приезду в Орёл он спешно собирает именно их. Для него было важно зафиксировать в актах возвращение этих мемориальных предметов основного фонда. Акты передачи из краеведческого музея остальных экспонатов, в основном копий, а также книг, видимо, вообще не составлялись. Похоже, что забирал Б. А. Ермак свои вещи быстро, руководствуясь исключительно их принадлежностью музею И. С. Тургенева. Никаких препятствий на этом пути у него не могло возникнуть, поскольку в Орле он был самым опытным, авторитетным и уважаемым музейщиком. На большинстве экспонатов стояли инвентарные номера музея И. С. Тургенева, а там, где их не было, сотрудники музея И. С. Тургенева могли легко узнать свои вещи. В краеведческий же музей после освобождения Орла пришли новые, не имевшие опыта работы сотрудники, поэтому в деле возвращения экспонатов музея И. С. Тургенева они играли подчинённую роль. Были изучены документы о работе краеведческого музея в 1944–1945 годах: акты передачи экспонатов, планы и отчёты отделов и сотрудников, в которых отражалась даже самая мелкая

²⁴ ОГЛМТ. Фонды. Ед. хр. № 29. Л. 109–110.

работа, но нигде не встречается ни малейшего упоминания о передаче экспонатов из Тургеневской комнаты²⁵. В то же время в планах и отчётах сотрудников детально расписано, сколько рабочего времени было потрачено на приём экспонатов, привезённых музеем И. С. Тургенева из эвакуации или переданных музеем И. С. Тургенева краеведческому музею из собственных фондов. Такая же картина в музее И. С. Тургенева: в документах нет следов вывоза принадлежавших ему предметов из краеведческого музея²⁶.

Заведующая комнатой Тургенева К. Д. Шкопинская уволилась из краеведческого музея в конце октября 1943 года²⁷. Значит, до этого времени Тургеневская комната в том или ином виде (даже в виде склада с экспонатами) продолжала существовать, и до передачи тургеневских материалов оставалось 3 месяца.

Что же ещё могло быть в Тургеневской комнате? Это те предметы, которые перечислила в своём списке М. И. Шишова. В нём стоят рядом бюст Тургенева (гранит) и гипсовые фигуры юноши и девушки во дворе музея. В 1939 году Б. А. Ермак заказал в Москве в Скульптурно-производственном комбинате при Всесоюзном Кооперативном Союзе работников изобразительных искусств «Всекохудожник» целый ряд бюстов. В 1940 году они были получены музеем И. С. Тургенева²⁸. Среди них — 3 бюста И. С. Тургенева скульптора В. Н. Домогацкого: один — в мраморе, два — в железобетоне (вероятно, для улицы). Поскольку бюстов И. С. Тургенева в граните в музее И. С. Тургенева не было, именно железобетонный бюст М. И. Шишова могла назвать выполненным из гранита. Этот бюст в числе прочих был перевезён в краеведческий музей. Где в войну находились два других бюста Тургенева — неизвестно: их могли взять в эвакуацию, а могли оставить в Орле из-за тяжести и крупных габаритов. В послевоенные годы мраморный бюст на протяжении многих десятилетий экспонировался в музее-заповеднике И. С. Тургенева — в парке,

²⁵ ОКМ. Архив. Д. № 53, № 66, № 87, № 95.

²⁶ ОГЛМТ. Архив. Д. № 100, № 101, № 102, № 141.

²⁷ ОКМ. Архив. Д. № 65.

²⁸ ОГЛМТ. Фонды. Ед. хр. № 123. Л. 4.

а затем в каменной галерее усадебного дома. Во второй половине 1990-х годов ему нашли очень неподходящее и опасное для подобного экспоната место — на повороте с центральной трассы в Спасское-Лутовиново, где он был повреждён вандалами. Фигуры юноши и девушки в заказе Б. А. Ермака значатся как студент (работа Филимонова) и студентка (работа Белобородова). Бюсты студента и студентки, установленные во дворе музея как декоративная скульптура перед войной, к сожалению, были уничтожены во время военных событий. Фотографии разбитой скульптуры хранятся ныне и в музее И. С. Тургенева, и в краеведческом музее²⁹.

М. И. Шишова в своём списке отметила, что среди оставшегося в Орле имущества музея И. С. Тургенева, которое позднее использовалось при создании Тургеневской комнаты, кроме бюста Тургенева, были бюсты Пушкина, Гоголя, Вольтера, Толстого, Достоевского, Шевченко, Грановского и Белинского. В то же время в акте выдачи со склада воинской части значатся 15 бюстов. Следовательно, не все бюсты попали в список Шишовой. Что-то могло находиться в других помещениях или быть упаковано и остаться незамеченным. И здесь стоит снова вспомнить заказы музея И. С. Тургенева на изготовление бюстов в Скульптурно-производственном комбинате при Союзе «Всекохудожник». В 1940-м году вместе с тремя упомянутыми выше бюстами Тургенева музей получил четыре бюста Лермонтова (Родзюнская), бюст Крылова (Блажков), бюст Гоголя (Гаврилов), бюст Маяковского (Диденко)³⁰. В 1930-е годы по заказам Б. А. Ермака в Москве изготавливались бюсты и других писателей, которые во время оккупации могли перевезти в краеведческий музей. К сожалению, большинство бюстов были гипсовыми, поэтому из-за хрупкости постепенно приходили в негодность и в дальнейшем были списаны музеем И. С. Тургенева.

Предположить, что входило в число 34 картин, переданных краеведческому музею со склада воинской части, также

²⁹ Там же. Л. 44–44 об. ОКМ. Фонды. № 4502/12.

³⁰ ОГЛМТ. Фонды. Ед. хр. № 123. Л. 4.

помогает список Шишовой. Сразу нужно сделать оговорку, что под «картинами» могли подразумеваться самые разные экспонаты, ведь выдавали предметы не музейщики, а немецкие военнослужащие. Прежде всего, это 3 портрета Тургенева, портреты Писарева, Толстого и Жемчужникова, 6 картин с видами Спасского, иллюстрации к произведениям Тургенева и каким-то биографическим моментам и фотопортреты Тургенева, Апухтина, Фета, Лескова, Тютчева, Киреевского, рядом с которыми Шишова сделала помету «больш. формат».

Начнём с портретов Тургенева в списке Шишовой. Рядом с первым стоит помета «настен.». Вероятно, он был большого размера и в раме. Это мог быть как портрет самого писателя, так и портрет его отца Сергея Николаевича. Рядом с двумя другими портретами имеются незначительные на первый взгляд примечания, которые, однако, очень важны для нас. Рядом с одним из портретов написано «юнош.» (юношеский. — Л.М.), а рядом с другим — «40 год». В связи с этим можно предположить, что эти портреты находились в одной посылке, отправленной в музей И. С. Тургенева в 1940 году из Москвы художником Афанасьевым³¹. Музей получил тогда выполненные Афанасьевым копии с портрета И. С. Тургенева 1830 года работы И. Пиркса и с портрета 1858 года работы художника А. П. Никитина³². Атрибутировать портреты, не будучи музейным работником, М. И. Шишова, безусловно, не могла, поэтому опиралась только на надписи и своё восприятие. На копии с портрета работы А. П. Никитина М. И. Шишова могла увидеть дату её создания — 1940 год — и обозначить её в списке. Сделанное предположение усиливается тем, что не известен ни один живописный портрет И. С. Тургенева, датированный 1840-м годом. Портрет И. С. Тургенева 1830 года (копию) она вполне могла посчитать юношеским.

В число 34 картин наверняка входили иллюстрации. В списке Шишовой упоминается ящик с иллюстрациями к произведениям И. С. Тургенева. В предвоенном 1940 году

³¹ Там же. Л. 1.

³² ОГЛМТ. Фонды. Н/в 22337, н/в 23174.

директор музея Б. А. Ермак заключил договоры с московскими художниками В. А. Милашевским и П. Я. Павлиновым на изготовление иллюстраций к романам «Рудин», «Дворянское гнездо», «Новь»³³. Они поступили в музей в 1941 году, накануне войны, и могли остаться в Орле. Вполне вероятно, что со склада воинской части их выдали как «картины», поскольку они имели немаленькие размеры и были написаны профессиональными художниками. Во время пребывания музея И. С. Тургенева в Пензе художник П. Я. Павлинов жаловался в Наркомпрос, что ему не выплатили деньги за часть иллюстраций. В ответ на это Б. А. Ермак сообщал начальнику музейного отдела Наркомпроса Маневскому следующее: «События, развернувшиеся в июле, свёртывание фондов и переброска их потом в Пензу заслонили всё остальное, да как Вы знаете, и денег нам с июня не присылалось, не были присланы деньги даже за переброску музея. Однако я, уезжая с ценными фондами, предложил своему заместителю т. Сафроновой, ввиду надвигавшихся событий, отослать всё-таки деньги Павлинову, если Наркомпрос перечислил бы их нам...»³⁴. Интересно, что Б. А. Ермак делает акцент на эвакуации «ценных фондов». Это позволяет предположить, что менее ценные экспонаты остались в Орле. И, как следует из всего сказанного выше, это были в основном экспонаты, полученные музеем в предвоенные годы, — портреты, бюсты, иллюстрации, изготовленные по заказам музея художниками и скульпторами.

В фондах музея И. С. Тургенева сохранилось совсем немного живописных работ с видами Спасского-Лутовинова довоенного времени. Среди них — два пейзажа художника А. К. Ченцова 1940 года: «Пруд в Спасском-Лутовинове» и «Уголок Спасского-Лутовинова»³⁵. Возможно, они оставались в Орле.

Пока нет ответа на вопрос, связанный с выдачей со склада воинской части краеведческому музею посмертной ма-

³³ Там же. Ед. хр. № 123. Л. 2–3. Ед. хр. № 29. Л. 112–113.

³⁴ ОГЛМТ. Архив. Д. № 91. Л. 22.

³⁵ ОГЛМТ. Фонды. Н/в 7740, н/в 7741.

ски. Если это была подлинная посмертная маска И. С. Тургенева, то непонятно, почему её не включили в акт передачи особо ценных экспонатов из краеведческого музея в музей И. С. Тургенева. Или же это была гипсовая копия с посмертной маски кого-то из писателей.

Безусловно, остаётся ещё очень много вопросов, связанных с деятельностью музеев в годы войны. Несомненно одно: люди, попавшие в водоворот военных событий, до конца оставались музейщиками и сделали всё возможное, чтобы сохранить музейные ценности. Сотрудники Орловского краеведческого музея могли покинуть город и оставить на разграбление половину музейных фондов, но не сделали этого, подвергая себя в будущем репрессиям. Они перевезли оставшиеся ценности музея И. С. Тургенева и открыли Тургеневскую комнату, чтобы бессмертное слово великого писателя поддерживало его земляков в тяжёлые и мрачные дни оккупации.

Коллектив музея И. С. Тургенева совершил настоящий подвиг, эвакуировав огромный массив экспонатов сначала в Спасское-Лутовиново, затем в Пензу и благополучно возвратив их обратно. Велика заслуга в этом директора музея Б. А. Ермака. Только благодаря его настойчивости, организаторским способностям и, главное, равнодушию, доходящему порой до самопожертвования отношению к музею, удалось сохранить ценнейшие экспонаты. Если бы эвакуация музея И. С. Тургенева затянулась, не была осуществлена столь своевременно, он мог попасть в такие же тяжёлые обстоятельства, как краеведческий музей, и в теперешнем виде уже не существовать. Без преувеличения можно сказать, что военное поколение подарило музею вторую жизнь.

VI
Творчество
друзей музея

И.С. ТУРГЕНЕВ. ОДА ПОЛИНЕ ВИАРДО

(Вольный перевод с французского Натальи Смоголь)

В чертогах, что раскинулись в долине,
Хозяйка-фея по веленью муз
Решила, что в местах этих отныне
Труд с Творчеством навек скрепят союз.

К волшебнице приходят сестры в гости,
И вдохновенье наполняет дом.
Здесь места нет унынию и злости,
Здесь дышит все и движется добром.

Она избраница судьбы, с которой рядом
Поэзия и Музыка живут.
И, материнских глаз ее отрада,
С любовью дети ласковые льнут.

Им гениальность выпала в наследство,
Их домом стал искусства светлый храм,
Где освященный благостным соседством
Возносится таланта фимиам.

Под этой кровлей молодость теснится,
Здесь праздником все дышит и живет.
От сладких слез до полночи не спится,
От тихой радости душа с душой поет.

И пусть года проходят вереницей,
Мы благодарность в сердце сохраним.
Любовь укроет нас, как крылья птицы,
И вознесется к небу этот гимн.

А. Бушунов

НА ПРИХОД ВЕСНЫ
(По мотивам рондо Шарля Орлеанского)

Пробился сквозь тучи отчаянный луч,
Как весточка тем, кто страдает от стужи.
И время пальто из разорванных туч
Сменило на платье из солнечных кружев.

Оживший ручей и оттаявший ключ
Несли эту весть всем, кто слаб и простужен, —
Что время пальто из разорванных туч
Сменило на платье из солнечных кружев!

И лес, что зимой был суров и дремуч,
Теперь просветлённый стоял, обнаружив,
Что время пальто из разорванных туч
Сменило на платье из солнечных кружев!

С. А. Тишина,
член Союза литераторов России
Москва

ИЗ СЦЕНАРИЯ ЮБИЛЕЙНОГО ВЕЧЕРА «МОЯ ТУРГЕНЕВСКАЯ РУСЬ»

... Во мне Россия начинается
С моей тургеневской земли,
По ней вдали и сердце мается
По ней грустит оно вдали...

Мы с именем Тургенева выросли
Тургеневцами были вдалеке,
Хранили гордо вековые ели
Живую песнь о нашем земляке.

Я представляю: сильный и красивый
Шагает он с охотничьим ружьём,
Чтобы узнать тебя, моя Россия,
Чтоб написать о том, как мы живём.

Вот слушает он, как поёт с надрывом
Фабричный Яков Турок в кабаке,
Вот он стоит над бежинским обрывом
Сейчас пойдёт на огонёк к реке.

Там у костра в объятьях тьмы крошечной
Пасёт коней хозяйских детвора,
И он — свидетель их бесед неспешных
У долгого и тихого костра...

НА БЕЖИНОМ ЛУГУ

Я на краю обрыва,
Вдали подо мной — Бежин луг:
Зелёным амфитеатром
Раскинулся он вокруг.
Игривая Снежедь ластится
К послушным его берегам,
Вплетают свой щебет ласточки
В ликующий птичий гам.
А свежесть! Какая свежесть!
И горизонты ясны...
Стою, замороженно нежась,
В объятьях пьянящей весны...

НА БЕЖИНЕ ВЕЧЕРОМ

Солнце глядит сиротливо,
Туманится Бежин луг,
И тучи лохматая грива
Грозится затмением вокруг...
А, может быть, в сумерках проще
Представить ночной огонёк?..
Пусть дождь мою спину полощет,
Ракиты над Снежедью гнёт.
Пусть ночь с головою окатит!..
И где-то на спуске речном
Почудится лай собаки,
И ржанье коней в ночном.
В мерцанье огня представится
Тургеневский силуэт -
И неохотно расстанется
С виденьями утренний свет...

НА СМЕРТЬ ТУРГЕНЕВА

За окном неродной Буживаль...
С каждым часом слабеют силы,
И ему нестерпимо жаль,
Что далёк он от милой России.
Дней унылых идёт череда,
Льнёт заботливо плед к коленям,
Но... В уюте чужого гнезда,
Он всего лишь невольный пленник...
Он не видит участливых лиц,
Боль в спине досаждаёт грубо.
Лишь навстречу «царице цариц»
Улыбнуться силятся губы.
Умирает большой Человек,
Наш Колосс, поражённый болью,
Под печатью тяжёлых век,
Скрылась боль о родном раздолье,
О нетленных своих корнях
(На чужбине они дороже),
О нечастых российских днях -
И сжимаются губы строже...
Присмирел, потускнел Буживаль:
Цепеняще пред смертью бессилье...
Здесь он только в гостях проживал -
Свою душу пошлёт он в Россию.

Миша Анохин. 12 лет

ЛЮБОВЬ ХВОСТАТЫХ (Отрывок из повести)

В небольшом городке Стругино, в одной из трех пятиэтажек почти в самом центре города, живет небольшая семья из трех человек. И в том же доме, в той же квартире живет собака по имени Бублик. Он средних размеров, с белоснежной шерстью, рыжими ушами и коричневым носом. В свои 4 года он знает много команд, но иногда может не послушаться и сделать по-своему.

Это был далекий 2016 год, когда я был ещё совсем щенком и беспомощно пищал в приюте. Каждый день приходило много людей, и забирали моих братьев и сестер. Вот я остался один.

В один из самых обычных дней пришел мальчик со своей мамой, они долго смотрели на других щенков, и вот взгляд мальчика упал на меня. Я увидел в его глазах что-то необычное, что я никогда не видел у других людей. Дальше я уже не помню что произошло, но точно помню, что сказала мама мальчика: «Вот песик, это твой ХОЗЯИН», и показала на него. Дальше опять провал памяти. Помню, что мы ехали в машине, и я от радости и счастья, что меня забрали в семью, описался прямо на сидение машины. Мама хозяина захотела отвезти меня обратно в приют, но мальчик защитил меня и спрятал под свою куртку. На улице была зима, машина ещё не прогрелась, поэтому под курткой было очень тепло. Я уснул.

2020 год

— ...Бубл., Бублик., Бублик,— я резко открыл глаза.— Что опять сон снился? — спросил Хозяин, а я не понимал, что происходит.

— Пошли гулять.

Когда я слышу это слово «гулять», я не могу управлять собой. Через две секунды я уже сижу и нетерпеливо жду, когда мой Хозяин наденет на меня ошейник, и мы с ним пойдем гулять.

Когда мы гуляем, я хожу «по делам», мы бегаем вместе с Хозяином. Моя прогулка длится недолго, но один раз в семь дней, когда Хозяин рано утром не собирает рюкзак и не уходит куда-то на несколько часов, мы гуляем очень долго.

Сейчас зима. Я люблю это время года, ведь можно порезвиться в разбросанном повсюду холодном белом порошке. Но есть и минусы. Хозяин бегают не так быстро, как обычно, из-за того, что он проваливается в белый и холодный порошок. Когда мы приходим домой, я ложусь на свой коврик возле входной двери.

Хозяин завтракает и уходит, а я засыпаю.

Я проснулся от того, что входная дверь открывается. Мы с Хозяином всегда радостного встречаем друг друга. Я с ним обнимаюсь, он чешет мне за ушком, и мне это очень нравится. После того, как мой Хозяин переодевается, он идет обедать. Пока он обедает, я пристально смотрю на все движения Хозяина и жду пока какой-нибудь кусочек мяса или булки упадет, чтобы я его подхватил и скушал. Мне обычно не перепадает, но бывают и везучие деньки. В один из таких деньков, когда мама Хозяина размораживала кусочек мяса, я, забравшись на стол, съел его. Мама в недоумении бегала по кухне и, не понимая, куда делось мясо, судорожно пыталась

его найти, но все тщетно. А я лежал около входной двери на своей лежанке и слушал, как мама тихонько ругается себе под нос. После всего этого, по словам мамы, «безумия», даже никто не догадался, что это был я.

После обеда мой Хозяин отдыхает, после чего садится делать домашнее задание, а я все это время дремлю на своем спортивном мате, который плавно превратился в мою лежанку, после чего я засыпаю. Проснулся я от слов «гулять». Моя вечерняя прогулка проходит так же, как и утренняя. Иногда люди, у которых праздник, могут запустить салюты, а я побаиваюсь шума и грохота, который они создают. После вечерней прогулки Хозяин идет ужинать, а я ложусь возле входной двери в ожидании высыхания моих лап.

Во время ужина меня не пускают на кухню (из-за моих лап). Я очень расстраиваюсь, так как во время ужина шанс, что что-нибудь «упадет», вырастает в 3 раза, из-за того, что с работы приходят мама и папа. Хозяин ложится спать в 10 часов. Я хоть и не умею считать время, но, по словам мамы: «Сын, время 10, пора спать», — я понимаю, что Хозяину пора спать. После этих слов, я иду к своей лежанке и тоже ложусь спать.

Вот так проходили мои дни, до одного момента.

Июль, 2020 год

Летом мой Хозяин просыпается очень поздно, когда солнце уже высоко в небе. Когда он просыпается, мы уходим гулять. Мы очень долго гуляем, доходим до небольшого пруда, который находится недалеко от нашего дома. Хозяин иногда разрешает мне зайти в воду поплавать, я это очень люблю. К обеду мы приходим домой. Хозяин обедает и играет со мной.

Зиму я люблю из-за холода и красивого белого порошка, разбросанного повсюду, а лето, за то, что мой Хозяин уделяет мне много времени. В один из таких прекрасных дней вся семья собралась в большой комнате нашей квартиры.

— Ну что?- спросила мама,— куда поедем?

— Я предлагаю в Крым,— предложил Хозяин.

Я, лежа на лежанке, понимаю, что они собираются на море.

— Хорошая идея! — подтвердил отец.

— ОК. Тогда, Ваня, иди, гуляй с Бубликом, а я пока возьму билеты.

Мы шли небыстро. Я не хотел бегать, ведь знаю, что когда они будут уезжать, меня отправят в приют, а там к собакам относятся не очень хорошо: могут забыть покормить и т.д.

— Бублик, что такой грустный? — спросил Хозяин.

А что мне делать? Веселиться? Ведь через неделю я буду сидеть в этом приюте, смотреть на пустую миску, думать о том, как вам будет весело и хорошо?

Мы пришли домой. Я пошел на свою лежанку и с грустными мыслями заснул.

Поздно вечером, когда за окном уже темно, я краем уха услышал разговор мамы с папой Хозяина:

— Завтра нужно съездить Бублику за переноской, я уже взяла билеты на 20 июля,— сказала мама.

— А какое сегодня? — спросил папа?

— Семнадцатое

— А Бублик с нами?

И тут моё сердце заколотилось как бешеное. Я ожидал, что скажет мама. Такое ощущение, что эти 10 секунд растянулись на 10 минут. Я ждал... Я поднял уши и как радиолотором ловил все колебания в воздухе. Вот кто-то на втором этаже пылесосит. В соседней квартире что-то жарится, и тут голос мамы.

— Да,— без эмоций сказала мама.

* * *

На следующий день все собирали чемоданы, кроме папы. Он уехал мне за переноской. Вообще я их не люблю. Ты сидишь в ней, как будто в клетке. Такое ощущение, что четыре стенки в ней становятся всё уже и уже.

Хозяин собирал свои и мои вещи. Я помогал ему. Приносил свои игрушки, а он складывал их в свой чемодан. У нас вещей было немного, поэтому собрали мы их быстро. А вот мама долго. Она каждые пять минут приходила к нам в комнату и спрашивала: «Какое платье лучше?» или: «Какие шорты взять?». Но мне было все равно, ведь я ещё не отошел от вчерашнего вечера. Я не могу поверить, ведь я никогда не был на море. С одной стороны, это хорошо тем, что я не буду сидеть в приюте, а с другой, я ведь никогда не был на море. Все большие водоемы, которые я видел, это наша ванна и тот самый небольшой пруд, на который мы с Хозяином ходим каждое утро. А тут море...

И тут открывается входная дверь. Я по привычке побежал смотреть, кто там. Это был папа с переноской. Переноска была самая простая, средних размеров, синего цвета с белой дверкой. Я начал её изучать. Пахла она пластиком и какими-то другими собаками. Видимо в магазин приходили с собаками, чтобы «примерить» переноску «на себе».

Я потихоньку зашел и лег в переноску. Ну что про неё сказать? Самая обычная. Как по мне, так здесь очень тесно.

После 10 минут в переноске у меня затекла спина. Надеюсь, что когда мы поедem, я лягу как-то более удобно. Стоп! А как мы поедem? Ведь наверняка мы полетим на самолете. Я никогда не летал на этой огромной, ревущей птице. Как я переживу этот полет? Ладно, думаю, найду, чем себя занять.

Наступил следующий день. О да! Это тот самый день. Я проснулся глубокой ночью и побежал всех будить, но

каково было моё удивление, что все сидели за столом и дружно завтракали.

— О, Бублик! — удивленно сказал Хозяин, — иди, кушай. Скоро выезжаем.

Странно... Обычно мы просыпаемся поздно, когда солнце уже высоко в небе, но это не страшно. Страшно то, что будет происходить дальше!

Перед самым выходом Хозяин постелил в переноску старое, но очень мягкое одеяло. Что же? Плюс 10 к комфорту.

Я зашел в переноску и терпеливо ждал, когда мы поедем.

Мама стояла на кухне и доделывала бутерброды «в дорогу». Папа брился в ванной. Хозяин набирал в бутылку питьевой воды, а я ждал...

— Ну что? Все в сборе? Тогда поехали! — командирским голосом сказал папа.

Мы вышли на улицу. Первые солнечные лучи только-только выглянули из-за горизонта. Стояла утренняя прохлада. Через пару минут родители упаковали все вещи в багажник нашего автомобиля. Меня, точнее переноску со мной, поставили на задние сидение рядом с Хозяином.

— Как говорил Гагарин: «Поехали!» — сказала мама, и машина тронулась с места.

В моей голове перемешалось очень много мыслей. А конкретно меня интересовало несколько вопросов:

1. Как я доеду?
2. Сколько часов я не буду видеть Хозяина?
3. Что такое море?

НАШИ АВТОРЫ

Алёхина Елена Васильевна — краевед, библиограф Мценской межпоселенческой районной библиотеки им. И. С. Тургенева, председатель Мценского отделения Тургеневского общества в Орле.

Анохин Михаил — ученик 7-го класса школы № 3 г. Орла.

Аркатова Елена Григорьевна — старший научный сотрудник Музея И. А. Бунина, филиала ОГЛМТ.

Ашихмина Елена Николаевна — кандидат филологических наук, преподаватель Орловского колледжа культуры, краевед, автор книг: «Из прошлого мы слышим голоса», «Орёл — Орловское полесье», «В этом странном городе» и др., член Тургеневского общества в Орле.

Бушунов Антон Юрьевич — старший научный сотрудник ОГЛМТ, поэт, член Тургеневского общества в Орле.

Ветрова Вера Геннадьевна — учёный секретарь БУКОО ОГЛМТ.

Волков Иван Олегович — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. Томск.

Головко Вячеслав Михайлович — доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной и мировой литературы, Заслуженный профессор Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь), член Schopenhauer — Gesell-Schaft (Deutsch land), член Союза российских писателей, лауреат общероссийских литературных премий. Ставрополь.

Голубицкий Борис Наумович — театральный режиссер, Заслуженный деятель искусств РФ, лауреат театральных премий, преподаватель Петербургской театральной академии, в 1987–2013 гг. художественный руководитель Орловского академического театра драмы им. И. С. Тургенева. Санкт-Петербург.

Горчанина Ольга Валерьевна — кандидат филологических наук, доцент университета г. Монс (Бельгия), член Ас-

социации друзей Ивана Тургенева, Полины Виардо и Марии Малибран (Франция).

Деулина Надежда Константиновна — научный сотрудник Дома Леонида Андреева, филиала ОГЛМТ, член Тургеневского общества в Орле.

Дмитрюхина Лариса Викторовна — заместитель директора БУКОО ОГЛМТ по научной работе, Заслуженный работник культуры РФ, председатель музейной секции Орловского отделения Российского творческого Союза работников культуры, член Тургеневского общества в Орле.

Жекулин Николай Глебович — доктор филологических наук, заслуженный профессор. Университет Калгари. Канада.

Ипатова Светлана Алексеевна — научный сотрудник Отдела новой русской литературы ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Санкт-Петербург.

Кен Людмила Николаевна — кандидат филологических наук, автор книги «Жизнь Леонида Андреева, рассказанная им самим и его современниками» и многочисленных публикаций о Леониде Андрееве. Санкт-Петербург.

Коробкина Татьяна Евгеньевна — Председатель общественной организации «Тургеневское общество в Москве» (ТОМ)

Коханова Елена Николаевна — старший научный сотрудник Дома Леонида Андреева, филиала ОГЛМТ.

Кривина Тереза Михайловна — кандидат филологических наук, доцент ОГУ им. И. С. Тургенева, член Правления Тургеневского общества в Орле.

Лукина Валентина Александровна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела новой русской литературы ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Санкт-Петербург.

Макурина Надежда Андреевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории, истории литературы и методики преподавания литературы Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Пермь.

Маричева Лариса Михайловна, заведующая Музеем писателей-орловцев, филиалом ОГЛМТ, член Тургеневского общества в Орле.

Мельник Елена Григорьевна — заведующая Музеем И. С. Тургенева, филиалом ОГЛМТ, член Правления Тургеневского общества в Орле.

Миндыбаева Людмила Викторовна — старший научный сотрудник БУКОО «Орловский краеведческий музей».

Павлова Галина Николаевна — старший научный сотрудник экспозиционно-выставочного отдела ОГЛМТ, член Правления Тургеневского общества в Орле, член Правления Орловского отделения Российского творческого Союза работников культуры.

Петраш Елена Григорьевна — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Отдела мемориальной работы и Редкой книги Библиотеки-читальни им. И. С. Тургенева. Москва.

Полушина Татьяна Викторовна — заведующая Домом Леонида Андреева, филиалом ОГЛМТ.

Полынкин Александр Михайлович — краевед, писатель, с. Покровское Орловской обл.

Руднев Александр Петрович — кандидат филологических наук, независимый исследователь. Коломна.

Самарина Ирина Владимировна — научный сотрудник Музея писателей-орловцев, филиала ОГЛМТ, член Тургеневского общества в Орле.

Симеонова Светлана Дмитриевна — научный сотрудник отдела фондов БУКОО ОГЛМТ, заведующая читальным залом.

Смоголь Наталья Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX–XXI веков и истории зарубежной литературы ОГУ им. И. С. Тургенева, член Тургеневского общества в Орле.

Тишина Светлана Анатольевна — поэт, член Союза литераторов России, член Правления Тургеневского общества в родовой усадьбе Тургенево. Москва.

Томан Инга Бруновна — кандидат исторических наук, преподаватель Музыкального училища при Московской консерватории им. П. И. Чайковского. Москва.

Труфанова Светлана Ивановна, старший научный сотрудник Дома-музея Н. С. Лескова, филиала ОГЛМТ.

Шинкова Елена Михайловна, научный сотрудник фондов ОГЛМТ, с 1984 по 2010 год — главный хранитель фондов музея, член Орловского отделения российского творческого Союза работников культуры, член Тургеневского общества в Орле.

Научное издание

12+

ОРЛОВСКИЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ И.С. ТУРГЕНЕВА

ТУРГЕНЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО В ОРЛЕ

ТУРГЕНЕВСКИЙ ЕЖЕГОДНИК 2021

Составители и редакторы
Л.В. Дмитриухина, Л.А. Балыкова.
Компьютерный набор
Е.М. Шинкова

Подписано в печать 29.06.2022 г. Формат 60х84 1/16.
Гарнитура ХО Thames. Печать офсетная. Бумага офсетная.
39 усл. печ. л. Тираж 50 экз. Заказ № 46

Лицензия ПД № 8-0023 от 25.09.2000 г.
Отпечатано в авторской редакции
в ООО Полиграфическая фирма «Картуш»
г. Орел, ул. 2-я Посадская, 26. Тел. (4862) 44-51-46.
E-mail: kartush-orel@yandex.ru www.издатькнигу.рф

Орел 2022 г.